

Е. А. ГАЛИНСКАЯ

Историческая
фонетика
русских
диалектов **в лингвогеографическом аспекте**

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2002

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Е. А. ГАЛИНСКАЯ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА
РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ**

В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2002

УДК 801.4+800.879

ББК 81.2 Р

Г 15

К 250-летию Московского университета

*К 60-летию восстановления филологического факультета
в структуре Московского университета*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Рецензенты:

д. ф. н. Ж. Ж. Варбот,

д. ф. н. О. В. Кукушкина

*Издание осуществлено за счет средств
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Галинская Е. А.

Г 15 Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 272 с.

ISBN 5-211-04547-5

На основании орфографического анализа памятников деловой письменности в монографии реконструируются фонетические особенности говоров конца XVI – первой половины XVII в., входящих в западную диалектную зону. Показывается, как можно строить карты, отражающие распространение основных фонетических явлений в первой половине XVII в. на всей территории исконного распространения русского языка. Восстановленная для XVII в. лингвогеографическая картина сравнивается с материалами современной лингвистической географии, в результате чего определяется, какие фонетические изоглоссы остались стабильными, а какие пережили за последние три с половиной – четыре столетия изменения.

Для специалистов в области исторической русистики, преподавателей, аспирантов, студентов.

УДК 801.4+800.879

ББК 81.2 Р

ISBN 5-211-04547-5

© Галинская Е. А., 2002

© Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. Новгородский диалект конца XVI – первой половины XVII века	
1.1. Вводная часть	12
1.2. Ударный вокализм	15
1.2.1. Судьба фонемы <ѣ>	15
1.2.2. Результаты изменения [e] в [o]	18
1.2.3. Вопрос об изменении [ʼa] в [e]	19
1.3. Вокализм безударных слогов	19
1.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова	19
1.3.1.1. Первый предударный слог	19
1.3.1.2. Второй и другие предударные слоги	21
1.3.1.3. Заударные слоги	22
1.3.1.4. Вопрос о гласном [y] на месте безударного [o] и нелабиализованном гласном на месте [y]	22
1.3.2. Позиция после мягких согласных	23
1.3.2.1. Первый предударный слог	23
1.3.2.2. Заударные слоги	26
1.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]	27
1.3.4. Вставные гласные	28
1.4. Консонантизм	28
1.4.1. Губные спиратны	28
1.4.1.1. Фонема <в> и ее позиционные варианты	28
1.4.1.2. Эпентетическое и протетическое [в]; предлог <i>ув</i>	30
1.4.1.3. Фонема <ф>	31
1.4.2. Заднеязычные согласные	31
1.4.2.1. Качество звонкого заднеязычного согласного	31
1.4.2.2. Вопрос о прогрессивном ассимилятивном и переходном смягчении заднеязычных согласных	32
1.4.2.3. Вопрос о сочетаниях [кы], [гы], [хы]	33
1.4.3. Качество <ш> и <ж>	33
1.4.4. Долгие шипящие согласные	34
1.4.5. Аффрикаты	35
1.4.6. Непозиционная твердость-мягкость и глухость-звонкость согласных	36
1.4.7. Опущение обозначения йота как возможное свидетельство его отсутствия	37
1.4.8. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>	38
1.4.9. Позиционное оглушение согласных	38
1.4.10. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных	39
1.5. Выводы	41
Глава 2. Говоры северо-восточной новгородской периферии конца XVI – первой половины XVII века	
2.1. Вводная часть	43
2.2. Ударный вокализм	48
2.2.1. Судьба фонемы <ѣ>	48
2.2.2. Результаты изменения [e] в [o]	52
2.2.3. Вопрос об изменении [ʼa] в [e]	54
2.3. Вокализм безударных слогов	54
2.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова	54
2.3.1.1. Первый предударный слог	54
2.3.1.2. Второй предударный слог	56
2.3.2. Позиция после мягких согласных	57
2.3.2.1. Первый предударный слог	57
2.3.2.2. Второй предударный слог	60
2.3.2.3. Заударные слоги	60
2.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]	62
2.3.3.1. Первый предударный слог	62
2.3.3.2. Второй предударный слог	62
2.3.3.3. Заударные слоги	63
2.4. Консонантизм	63

2.4.1. Губные спиратны	63
2.4.1.1. Фонема <ф>	63
2.4.1.2. Фонема <в> и ее позиционные варианты	64
2.4.1.3. Эпентетическое и протетическое [в]; предлог <i>уѡ</i>	66
2.4.2. Заднеязычные согласные	67
2.4.2.1. Качество звонкого заднеязычного согласного	67
2.4.2.2. Переходное смягчение заднеязычных согласных	68
2.4.3. Качество <ѵ>	68
2.4.4. Качество <ш> и <ж>	70
2.4.5. Долгие шипящие согласные	71
2.4.6. Аффрикаты	72
2.4.7. Вопрос о шепелявых свистящих	73
2.4.8. Конечные губные согласные	75
2.4.9. Непозиционная твердость-мягкость согласных	75
2.4.10. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>	76
2.4.11. Позиционное оглушение согласных	76
2.4.12. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных	77
2.5. Выводы	80

Глава 3. Псковский диалект первой половины XVII века

3.1. Вводная часть	82
3.2. Ударный вокализм	84
3.2.1. Судьба фонемы <ѣ>	84
3.2.2. Результаты изменения [е] в [о]	88
3.2.3. Вопрос об изменении [ʼа] в [е] в ударном слого	89
3.3. Вокализм безударных слогов	90
3.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова	90
3.3.1.1. Данные рукописей XIV–XV вв.	90
3.3.1.2. Данные рукописей первой половины XVII в.	91
3.3.1.2.1. Первый предударный слог	91
3.3.1.2.2. Второй предударный слог	93
3.3.1.2.3. Заударные слоги	94
3.3.2. Позиция после мягких согласных	95
3.3.2.1. Данные рукописей XIV–XV вв.	95
3.3.2.2. Данные рукописей первой половины XVII в.	96
3.3.2.2.1. Первый предударный слог	96
3.3.2.2.2. Заударные слоги	96
3.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]	97
3.4. Консонантизм	98
3.4.1. Губные спиратны	98
3.4.1.1. Фонема <в>	98
3.4.1.2. Протетическое и эпентетическое [в]; предлог <i>уѡ</i>	99
3.4.1.3. Фонема <ф> и ее замены	99
3.4.2. Заднеязычные согласные	100
3.4.2.1. Вопрос о качестве звонкой заднеязычной фонемы	100
3.4.2.2. Вопрос о переходном смягчении [кʼ]	100
3.4.3. Качество <ш> и <ж>	101
3.4.4. Долгие шипящие согласные	102
3.4.5. Аффрикаты	103
3.4.6. Вопрос о шепелявых свистящих	105
3.4.7. Рефлексы *tl, *dl	106
3.4.8. Вопрос о конечных губных согласных	107
3.4.9. Непозиционная твердость-мягкость согласных	107
3.4.10. Непозиционная мена глухих и звонких согласных	109
3.4.11. Опущение обозначения йота как возможное отражение его отсутствия	109
3.4.12. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>	110
3.4.13. Позиционное оглушение согласных	110
3.4.14. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных	111
3.5. Выводы	112

Глава 4. Великолукский диалект первой половины XVII века

4.1. Вводная часть	115
4.2. Ударный вокализм	115

63	4.2.1. Судьба фонемы <ѣ>	115
63	4.2.2. Результаты изменения [e] в [o]	116
64	4.2.3. Вопрос об изменении [’a] в [e]	118
66	4.3. Вокализм безударных слогов	118
67	4.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова	118
67	4.3.2. Позиция после мягких согласных	121
68	4.3.2.1. Предударные слоги	121
68	4.3.2.2. Заударные слоги	122
70	4.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]	123
71	4.3.4. Вставные гласные	124
72	4.4. Консонантизм	125
73	4.4.1. Губные спиратны	125
75	4.4.1.1. Фонема <в> и ее реализация	125
75	4.4.1.2. Эпентетическое и протетическое [в]; предлог <i>ув</i>	126
76	4.4.1.3. Фонема <ф>	126
76	4.4.2. Заднеязычные согласные	127
77	4.4.2.1. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных	127
80	4.4.2.2. Переходное смягчение заднеязычных согласных	127
	4.4.3. Качество <ш> и <ж>	128
	4.4.4. Долгие и сложные шипящие согласные	128
	4.4.5. Аффрикаты	129
	4.4.6. Отверждение конечных губных согласных	130
	4.4.7. Непозиционная твердость-мягкость и глухость-звонкость согласных	131
	4.4.8. Опущение обозначения йота как возможное отражение его отсутствия	131
	4.4.9. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>	131
	4.4.10. Позиционное оглушение согласных	132
	4.4.11. Позиционное смягчение согласных	132
	4.4.12. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных	132
	4.5. Выводы	133

Глава 5. Селигеро-торжковские говоры первой половины XVII века

82	5.1. Вводная часть	136
84	5.2. Ударный вокализм	138
84	5.2.1. Судьба фонемы <ѣ>	138
88	5.2.2. Результаты изменения [e] в [o]	141
89	5.2.3. Вопрос об изменении [’a] в [e]	142
90	5.3. Вокализм безударных слогов	142
90	5.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова	142
91	5.3.2. Позиция после мягких согласных	147
91	5.3.2.1. Предударные слоги	147
93	5.3.2.2. Заударные слоги	149
94	5.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]	151
95	5.3.4. Вставные гласные	152
95	5.4. Консонантизм	156
96	5.4.1. Губные спиратны	156
96	5.4.1.1. Фонема <в> и ее реализация	156
97	5.4.1.2. Эпентетическое и протетическое [в]	156
97	5.4.1.3. Фонема <ф>	157
98	5.4.2. Заднеязычные согласные	157
98	5.4.2.1. Вопрос о качестве звонкой заднеязычной фонемы	157
99	5.4.2.2. Позиционные изменения заднеязычных	158
99	5.4.3. Качество <ш> и <ж>	159
99	5.4.4. Долгие (сложные) шипящие согласные	160
00	5.4.5. Аффрикаты	161
00	5.4.6. Вопрос об отверждении конечных губных согласных	162
01	5.4.7. Непозиционная твердость-мягкость и глухость-звонкость согласных	163
02	5.4.8. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>	163
02	5.4.9. Позиционное оглушение согласных	164
03	5.4.10. Позиционное смягчение согласных	165
03	5.4.11. Диссимилятивные и ассимилятивные изменения; упрощения групп согласных	166
04	5.5. Выводы	167

Глава 6. Смоленский диалект начала XVII века

6.1. Вводная часть	170
6.2. Ударный вокализм	172
6.2.1. Судьба фонемы <ѣ>	172
6.2.2. Результаты изменения [е] в [о]	175
6.2.3. Вопрос об изменении [ʼа] в [е]	175
6.3. Вокализм безударных слогов	177
6.3.1. Позиция после твердых согласных	177
6.3.1.1. Отражение аканья	177
6.3.1.2. Лабиализация безударного [о]	178
6.3.2. Позиция после мягких согласных	179
6.3.2.1. Первый предударный слог	179
6.3.2.2. Второй предударный слог	180
6.3.2.3. Заударные слоги	180
6.3.3. Позиция после шипящих согласных	181
6.3.4. Вставные гласные	182
6.4. Консонантизм	182
6.4.1. Губные спиратны	182
6.4.1.1. Фонема <в> и ее позиционные варианты	182
6.4.1.2. Фонема <ф> и ее замены	183
6.4.1.3. Предлоги <i>ув, уво</i> ; протетическое и эпентетическое [в]	184
6.4.2. Заднеязычные согласные	184
6.4.2.1. Качество звонкого заднеязычного согласного	184
6.4.2.2. Сочетания заднеязычных с [ы]	185
6.4.2.3. Вопрос о прогрессивном ассимилятивном смягчении [к]	185
6.4.3. Качество <ш> и <ж>	186
6.4.4. Долгие (сложные) шипящие согласные	187
6.4.5. Аффрикаты	188
6.4.6. Непозиционная твердость-мягкость согласных	189
6.4.7. Непозиционная мена глухих и звонких согласных	190
6.4.8. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>	191
6.4.9. Позиционное оглушение согласных	191
6.4.10. Ассимилятивные и диссимилятивные изменения; упрощения групп согласных	192
6.5. Выводы	193

Глава 7. Распространение основных фонетических особенностей в русских диалектах конца XVI – первой половины XVII века

7.1. Вводная часть	195
7.2. Реализация *ѣ в ударном слоге	198
7.3. Результаты изменения [е] в [о] перед твердыми согласными в ударном слоге	201
7.4. Изменение [ʼа] в [е] в ударном слоге	203
7.5. Гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных	204
7.6. Гласные неверхнего подъема во втором предударном слоге после твердых согласных	205
7.7. Гласные неверхнего подъема в заударных слогах после твердых согласных	206
7.8. Реализация гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных	207
7.9. Реализация гласных неверхнего подъема в заударных слогах после мягких согласных	211
7.10. Вставные гласные в начале слова	215
7.11. Реализация фонемы <в>	216
7.12. Предлог <i>ув</i>	218
7.13. Эпентетическое и протетическое [в]	219
7.14. Фонема <ф> и ее замены	219
7.15. Отражение в рукописных источниках качества звонкой заднеязычной фонемы	221
7.16. Качество шипящих <ш> и <ж>	222
7.17. Качество долгих (сложных) шипящих согласных	224
7.18. Качество аффрикат	226
7.19. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных	226
7.20. Карты	228
Заключение	255
Литература	262

ВВЕДЕНИЕ

Развитие современной лингвистической географии позволило систематизировать обширные материалы, накопленные за многие годы русской описательной диалектологией, так что в итоге в Диалектологическом атласе русского языка (далее — ДАРЯ) была лингвистически картографирована территория исконного распространения русского языка применительно к тому состоянию, в котором его диалекты находились в середине XX века. Однако русская лингвогеография может иметь и исторический аспект, связанный с картографированием данных письменных памятников, отражающих определенные этапы развития языка. До сих пор, однако, этот аспект в исторической русистике разработан еще не был.

Подобная задача — составление исторических диалектных атласов — ставится и перед исследователями языков других групп и семей. Например, уже существует «прекартографическое» описание диалектных изоглосс древнегреческого языка и постулируется необходимость создания исторического атласа, который отражал бы в каждом отдельном случае диахронический аспект изоглоссы [см. Елоева 1984]. Встает вопрос о лингвистическом картографировании тюркских языков и диалектов на разных этапах их существования, начиная с древнейшей эпохи их письменной фиксации, т. е. с VI в. н. э., но в особенности применительно к периодам XI–XII и XVI–XIX вв. [см. Баскаков 1984: 9–10]. На материале же немецкого и французского языков уже подготовлены исторические атласы. Так, составителями историко-лингвистического атласа югозападнонемецкой области (W. Kleiber, K. Kunze, H. Löffler. *Historischer Südwestdeutscher Sprachatlas*. Bd. 1-2. Bern; München, 1979) был исследован 351 памятник 1280–1430 гг., причем памятники локализуются в 114 географических точках и данные письменных источников по каждой из этих точек представлены на 237 картах. Атлас форм и конструкций хартий XIII в. (A. Dees. *Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle*. Tübingen, 1980) был составлен на основе 3300 памятников, которые отражают говоры 28 диалектных зон в пределах Северной Франции и Бельгии [см. Михайлов, Сухачев 1984: 73].

Задачей русской исторической диалектологии и лингвистической географии является создание диахронных лингвистических карт, демонстрирующих распространение тех или иных изоглосс в определенные периоды прошлого, и сравнение конфигурации этих изоглосс с нынешней проекцией соответствующих языковых явлений на географической карте. Об этом писал в свое время Р. И. Аванесов, полагавший, что топоизоглоссы, которые выстраивает современная лингвистическая география, могут быть соединены с хроноизоглоссами, восстанавливаемыми исторической грамматикой, так что в итоге должны получиться двумерные хронотопоизоглоссы [Аванесов 1963: 312]. Мысль, высказанную Р. И. Аванесовым, развил Л. Л. Касаткин, по мнению которого, историко-диалектологическим картам следует быть не плоскостными, а рельефными, так что высота соответствовала бы времени [Касаткин 1999: 28]. «Одни из карт должны быть похожи на земной ландшафт, где «горы», широкие в основаниях и сужающиеся к вершинам, переходящим в пики, отражают уменьшающуюся со временем территорию языкового явления, уходящего в конце концов из языка.

Другие карты должны отражать зарождение на какой-то территории нового языкового явления и его постепенное распространение на соседние территории. Такие карты соответствуют перевернутым горам, поставленным на их вершины» [там же: 28]. В итоге мог бы быть построен историко-диалектологический атлас, «состоящий из набора объемных, включающих и пространство и время, лингвистических карт. <...> Таким образом, динамика языкового явления на таких картах была бы представлена в виде изменяющихся ареалов, соответствующих разным временным срезам» [там же: 29]. Л. Л. Касаткин признает, что построение в с е г о историко-диалектологического ландшафта русского языка — дело будущего, однако, ссылаясь на такие работы, как [Горшкова 1968, Горшкова 1972, Образование... 1970, Хабургаев 1979, Хабургаев 1980, Зализняк 1986, Зализняк 1988, Зализняк 1988а, Зализняк 1993а, Зализняк 1995, Николаев 1988, Николаев 1989, Николаев 1994], указывает, что некоторые важные черты этого ландшафта уже видны, а задача диалектологов и историков русского языка состоит в том, чтобы продолжать его создание [Касаткин 1999: 30].

Для решения этой задачи необходимо привлечение обширнейших материалов датированных и локализованных памятников письменности, отражающих особенности местной речи.

В идеале, конечно же, желательно было бы выстроить диахронную лингвистическую географию применительно ко всем историческим срезам, начиная с древнейшей эпохи письменной фиксации русского языка. Однако такая цель, видимо, все же полностью недостижима ввиду отсутствия памятников раннедревнерусской письменности, которые представляли бы в с е территории исконного распространения русских диалектов. Самый ранний синхронный срез, для которого достаточно полноценная лингвистическая реконструкция представляется осуществимой, — это конец XVI – первая половина XVII века. Нижняя граница данного периода обусловлена тем, что именно начиная с конца XVI века практически все территории исконного распространения русского языка оказываются представленными памятниками письменности, пригодными для лингвистических реконструкций (в основном это относится к фонетике, уровню языка, особенности которого наиболее достоверно отражаются письменными источниками). Верхняя же граница — середина XVII века — выбрана потому, что 50 лет — это период, в течение которого с у щ е с т в е н н ы х языковых изменений не происходит¹. Что же касается языковых процессов, осуществлявшихся в последующие три с половиной — четыре столетия, то они, как будет показано ниже, привели в некоторых случаях к значительным передвижениям изоглосс на лингвистической карте.

В плане реконструкции живого диалектного языка наиболее пригодными для исследования безусловно являются написанные скорописью тексты бытового и делового содержания, которые находятся вне церковнославянской языковой сферы. По наблюдениям Б. А. Успенского, противопоставление скорописного и книжного письма воспринималось в свое время «в самой непосредственной связи с противопоставлением книжного и некнижного языка» [Успенский 1975: 42]. Изучение именно скорописных источников XVI–XVIII вв. по праву считается наиболее перспективным для разработки исторической диалектологии, поскольку «география русских народных говоров означенного периода не может быть установлена с достаточной степенью вероятности без привлечения источников подобного рода, писанных местными людьми. Только эти материалы XVI–XVIII вв. могут раскрыть полную кар-

¹ Подобную мысль высказал уже А.А. Зализняк, который, рассуждая о датировке новгородских берестяных грамот, заметил: «Для лингвистических целей датирование с точностью до 20–50 лет как правило вполне достаточно, поскольку этот интервал меньше, чем срок протекания любого, даже относительно быстрого, диахронического процесса в языке» [Зализняк 1995: 17]. Сошлемся также на И. А. Дзендзелевского, который, говоря о том, что историческое картографирование должно осуществляться на основании сравнительно большого количества точно датированных и локализованных памятников письменности, подчеркнул, что интервалы хронологических срезов до XVI в. могли бы равняться столетию, а для XVI–XVII вв. — пятидесяти годам или меньше (Дзендзелевский Й. О. Лінгвогеографічний аспект у дослідженнях із історії мови // Праці XIII Республіканської діалектологічної наради. К., 1970) [цит. по: Нимчук 1984: 85].

тину диалектов русского языка по всей территории его распространения...» [см. Котков 1973: 7]. Влияние местной речевой стихии на локальную деловую письменность было в XVII в. чрезвычайно сильным [см. Коткова 1964: 192], так что в 1675 г. был даже выпущен указ, предписывающий не винить тех, «кто в челобитье своем напишет вместо она аз... или вместо еря ер, или вместо ятя есть... и иные в письмах наречия, подобно тем, по природе тех городов, где кто родился и по особенностям своим говорить и писать извык» [Устюгов 1955: 560]. Таким образом, именно фонетический аспект местной диалектной речи мог достаточно свободно находить отражение на письме.

Для того чтобы получить представление о том, как складывалась лингвогеографическая картина в интересующий нас период, следует располагать реконструкциями максимально большого числа диалектов XVI–XVII вв., сделанными на основании изучения памятников локальной деловой письменности, — ведь «чем большее количество их будет детально исследовано, тем полнее и безупречнее будет достроена история русского языка» [Соколова 1961: 131]. До настоящего времени было осуществлено немалое количество таких реконструкций, однако восстановлены фонетические особенности далеко не всех русских говоров, бытовавших три с половиной — четыре столетия назад.

Наиболее полно по памятникам местной деловой письменности XVI–XVII вв. исследованы в фонетическом плане диалекты южного наречия русского языка. Так, в работах С. И. Коткова [Котков 1963] и Г. А. Хабургаева [Хабургаев 1966, 1967] подвергся детальному изучению и анализу язык памятников делового письма, созданных в XVI–XVII вв. на территории современных курско-орловских, елецких, оскольских, верхне-деснинских и межзональных говоров типа «А» южнорусского наречия. По рукописям XVII века изучены новосильские говоры, входящие в Курско-Орловскую группу [см. Новицкая 1958, Новицкая 1959], рязанские [см. Новопокровская 1956, Галкина 1961], калужские [см. Савченко 1965], тульские [см. Рыбочкина 1970] и воронежские [см. Жарких 1953] говоры. Еще в прошлом столетии описаны особенности актов Оскольского края XVII – начала XVIII в. (современные оскольские говоры) [см. Халанский 1881].

Существует ряд работ, посвященных истории диалектных образований, входящих ныне в состав среднерусских говоров, причем преимущественное внимание ученых было привлечено к говорам восточносреднерусским. Так, переславль-залесские говоры были исследованы по рукописям делового содержания Н. А. Ростовцевой [Ростовцева 1969], шуйские — Т. С. Ворошиловой [Ворошилова 1955], волоколамские — В. В. Ивановым [Иванов 1953], нижегородские — в конце XIX в. А. И. Соколовым [Соколов 1891] и в наше время А. П. Семеновой [Семенова 1973].

Своеобразие московского говора, который постепенно приобретал функции общерусского койне, было выявлено по памятникам деловой письменности XVI в. Е. Ф. Васеко [Васеко 1973] и по рукописям рубежа XVII–XVIII веков — К. В. Горшковой [Горшкова 1947].

Значительно менее полно, чем фонетика южнорусских говоров, исследованы по памятникам деловой письменности XVI–XVII вв. фонетические системы говоров севернорусских. При этом в качестве объекта изучения выступает исключительно диалект восточной части севернорусского наречия. В частности, были исследованы вологодские [Копосов 1971], великоустюжские [Сущева 1974] и галичские [Грехова 1966; Грехова 1966 а] говоры.

Определенной разработке подверглись вопросы образования и функционирования вторичных диалектов, бытующих и на европейской части России, и за Уралом. Так, по данным актов XVI–XVII вв. были восстановлены беломорские говоры [Елизаровский 1958, Дерягин 1964, Копосов 1977], дан очерк черкасского говора [Магин 1961], изучались по материалам местной письменности говоры позднего русского заселения в районе Урала [Войлова 1976, Горбунова 1952, Полякова 1968]. Достаточно хорошо исследован язык деловых документов, созданных в XVII–XVIII вв. в Сибири и отражающих особенности вторичных переселенческих говоров. Этим вопросам посвящены диссертации Н. А. Цомакион [Цомакион 1966] (ту-

руханские говоры), В. В. Палагиной [Палагина 1973] и С. Э. Мазо [Мазо 1970] (томский говор), Г. А. Христосенко [Христосенко 1975] (нерчинский говор), Л. М. Радич [Радич 1980] (язык памятников Енисейского острога), Н. Е. Поповой [Попова 1961] (язык деловых документов Красноярского острога), Л. А. Захаровой [Захарова 1969] (прикетские говоры).

Таким образом, хотя в современной науке дано фонетическое описание значительного количества русских диалектов XVI–XVII вв., основывающееся на материале памятников локальной деловой письменности, тем не менее исследованными в историческом плане оказались далеко не все говоры, расположенные даже в пределах европейской части России — на территории исконного распространения русского языка. Совершенно не изученной применительно к периоду XVI–XVII вв. осталась большая часть западной диалектной зоны: те говоры, которые по нынешнему диалектному членению входят в состав Ладого-Тихвинской, Онежской, Новгородской, Псковской, Гдовской, Селигеро-Торжковской и Смоленской групп. Исследование этих диалектов в диахронном плане позволило бы приблизиться к решению важнейшей задачи, стоящей перед исторической диалектологией и лингвистической географией, задачи, заключающейся в раскрытии полной картины диалектов русского языка XVI–XVII вв. по всей территории их распространения.

В связи с этим целью настоящей работы является, во-первых, реконструкция по материалам местной деловой письменности фонетических особенностей, которые были присущи в конце XVI – первой половине XVII в. говорам западной диалектной зоны, и, во-вторых, построение лингвогеографических карт, демонстрирующих распространение основных фонетических особенностей в конце XVI – первой половине XVII в. (на основании результатов проведенного исследования и привлечения тех данных, которые были получены другими лингвистами при анализе памятников деловой письменности, представляющих иные региональные диалекты).

Материалом исследования послужили ранее никем не описывавшиеся скорописные памятники делового содержания конца XVI – первой половины XVII в., происходящие из Новгорода, Тихвина, Пскова и его окрестностей, Великих Лук, Торжка, Ржева, Старицы, Твери, общим объемом более 6000 листов (рукописи хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и в Санкт-Петербургском филиале Института Российской истории РАН). Изучены также по изданию «Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.» (Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912, 282 с.) тексты смоленского происхождения, оригиналы которых хранятся в Швеции. Печатным источником пришлось пользоваться потому, что в столичных архивах текстов делового содержания конца XVI – первой половины XVII в., происходящих из Смоленска, не сохранилось, так как всю первую половину XVII в. Смоленская земля находилась в составе Польского государства и документы местного делопроизводства в московские канцелярии не поступали, а вывозились, по всей видимости, в Польшу (см. ниже, 6.1.).

С жанровой точки зрения исследованные тексты представляют собой документы делопроизводства, челобитные грамоты, поручные записи, приходно-расходные книги, таможенные книги, книги сбора кабацкой прибыли, отказные, отдельные, раздельные, сыскные, межевые и мерные книги, переписные книги монастырского имущества, оброчные, сметные книги и под. Подробно материал исследования описывается в начале каждой из последующих глав, посвященных реконструкции указанных выше диалектов; там же обсуждаются вопросы лингвистической информативности текстов тех или иных жанров.

И, наконец, осталось сказать о методике интерпретации написаний, извлекаемых из памятников деловой письменности XVI–XVII вв. В настоящей работе, одной из задач которой является реконструкция фонетических систем говорам западной диалектной зоны, данные рукописных источников в ряде случаев рассматриваются с опорой на свидетельства описательной диалектологии и лингвистической географии, поскольку для осмысления части орфографических явлений такая опора непременно требуется (это относится, например, к реконструкции безударного вокализма после мягких согласных в окающих говорах). Однако,

как показывает работа с материалом древних рукописных текстов, привлечение данных описательной диалектологии и лингвогеографии не всегда необходимо или возможно. Так, есть написания, которые сами по себе абсолютно надежно свидетельствуют о наличии определенных фонетических особенностей в говоре писцов (например, об отвердении шипящих или о заударном аканье). С другой стороны, бывает, что в рукописи обнаруживаются орфограммы, которые со всей очевидностью указывают на некоторую фонетическую особенность, хотя в настоящее время в говорах рассматриваемой территории таковая не фиксируется (в качестве примера можно привести отражение прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в тексте смоленского происхождения начала XVII века, см. ниже, 6.4.2.3.).

В дальнейших рассуждениях мы будем опираться на сформулированное Г. А. Хабургаевым положение о том, что при интерпретации встречающихся в памятниках письменности орфограмм «следует исходить из того, что любое минимальное отражение новой черты (если соответствующее написание не может рассматриваться как описка) должно указывать на преобладание этой черты в речи современников писца; противопоставленный инновации архаизм, преобладающий в орфографии памятника, если еще и возможен в живом употреблении, то лишь в речи представителей старшего поколения грамотных людей, сложившейся за десятилетия до создания исследуемого текста. Скорее всего этот архаизм — отражение орфографической традиции, которая потому и нарушается, что ее не поддерживают речевые ассоциации» [Хабургаев 1973:194]. Вспомним, что еще А. А. Шахматов отмечал ту же особенность отражения памятниками письменности языковых инноваций, говоря, что единичных указаний на падение редуцированных в какой-нибудь грамоте при каком-нибудь положении достаточно для утверждения о том, что все редуцированные исчезли в таком положении; единичных же указаний на падение редуцированных при всяком положении достаточно для утверждения полного падения редуцированных [Шахматов 1886: 181].

Глава 1

НОВГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

1.1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Древненовгородский диалект в том состоянии, в котором он, находился в XI-XV вв., всесторонне изучен А. А. Зализняком [см. Зализняк 1986, Зализняк 1993, Зализняк 1995]. Нынешние новгородские говоры (по современной номенклатуре — западные среднерусские) исторически связаны с древненовгородским диалектом, но имеют и значительное число инновационных особенностей, обусловленных языковым воздействием со стороны центральных говоров, которое осуществлялось в процессе московской колонизации новгородских земель. До сих пор оставался не изученным в фонетическом аспекте переходный период развития новгородского диалекта (имеются в виду исконные его территории вокруг озера Ильмень и Новгорода), хотя есть достаточное количество рукописных источников, датированных XVI–XVII веками, которые пригодны для лингвистической реконструкции.

Материалом исследования послужили скорописные памятники деловой письменности конца XVI – первой половины XVII в., имеющие новгородское происхождение. Были изучены следующие тексты (общим объемом примерно 800 листов):

- 1) «Новагорода сметной список приходу и расходу дворцовым денежным и всяким доходам и сборам», 1620-1621 г., 88 л. — РГАДА, фонд 137, оп.1 (45. Новгород), № 13.
- 2) «Список новгородским денежным четвертным окладным и неокладным всяким доходам», 1621 г., 128 л. — РГАДА, фонд 137, оп.1 (45. Новгород), № 136.
- 3) «Новагорода книга оброчным и необрочным всяким землям и угодьям и кто оными владеет», 1646 г., 308 л. — РГАДА, фонд 137, оп.1 (45. Новгород), № 32.
- 4) 49 челобитных 1596 г. из оклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1245, ст. № 42757.
- 5) 27 челобитных 1597 г. из оклеенных и неоклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1246, ст. № 43280.
- 6) 10 челобитных 1619 г. из оклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1245, ст. № 42768.
- 7) 82 челобитных и 2 полюбовных памяти 1622 г. из оклеенных и неоклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1246, ст. № 43363.
- 8) 7 челобитных и 1 поручная запись 1627 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа (Новгородский уезд) — РГАДА, фонд 1209, оп. 1243, ст. № 23458.
- 9) 16 челобитных 1628 г. из оклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1245, ст. № 42777а.
- 10) 5 челобитных 1628 г. из оклеенных и неоклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1246, ст. № 43311.
- 11) 32 челобитных и 1 поручная запись 1626-1629 гг. из неоклеенных столбцов Поместного приказа (Новгородский уезд) — РГАДА, фонд 1209, оп. 1243, ст. № 23459

- 12) 18 челобитных 1630 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа (Новгородский уезд) — РГАДА, фонд 1209, оп. 1243, ст. № 23460.
- 13) 26 челобитных 1639 г. из оклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1245, ст. № 42788.

В дальнейшем изложении при цитировании материала рукописных источников из 1209-го фонда РГАДА указывается номер столбца по описям, номер дела в столбце Поместного приказа, если столбец разбит на отдельные дела, что бывает не всегда, и, наконец, номер листа. При цитировании же материала из рукописей, содержащихся в 137-м фонде РГАДА, указывается номер рукописи и через дефис номер листа. Номера столбцов и рукописей, на которые делаются ссылки, в вышеприведенном списке выделены жирным шрифтом. Графическая система оригинала при цитировании несколько упрощается: так, синонимичные буквы *я*, *ѧ*, *ѧ* передаются буквой *я*; *о* и *ѡ* — буквой *о*; *з* и *ѣ* — буквой *з*; *і* десятиричное — широким *и*; *ѣ* — буквой *ѣ*, *ѣ* — сочетанием *кс*. Во многих скорописных текстах буквы *ъ* и *ь* графически не дифференцируются [см. Тарабасова 1982: 220], такое бывает и в описываемых ниже источниках, поэтому для передачи нейтрального знака, употребляемого на месте *ъ* и *ь*, используется прописная буква *Ъ*. В круглые скобки заключаются буквы, которые были пропущены в сокращенных словах, в квадратные скобки — те надежно восстанавливаемые буквы, которые по тем или иным причинам в тексте утрачены — либо в результате порчи бумаги, либо оттого, что находятся слишком близко к корешку перегибания и потому не видны.

* * *

Прежде чем приступать к лингвистическому исследованию, следует удостовериться в том, что выбранные источники действительно отражают говор Новгорода или новгородской земли в узком смысле слова. Что касается первых трех книг, то сомнений в их сугубо новгородском происхождении не возникает. Вопрос же о том, какой конкретно диалект отражают челобитные, необходимо рассмотреть особо, а для этого нужно выяснить, кем писались и где писались данные тексты.

Содержание челобитных, как правило, таково: это либо ходатайство о выделении земли з одной из новгородских пятин¹, либо просьба официально закрепить обмен землями между родственниками или соседями, либо обращение к царю с просьбой не взимать пошлину с поместья ввиду неимущего состояния владельца. Место написания челобитных обычно не указывается за исключением тех случаев, когда они написаны в Москве (эти челобитные, естественно, к анализу не привлекались). Судя по всему, грамоты писались не самими челобитчиками, а профессиональными писцами. Во всяком случае, обычной является ситуация, при которой две челобитных от лица одного и того же человека написаны разными почерками. Иногда на оборотной стороне грамоты находим запись о том, что вместо неграмотного челобитчика некто другой приложил руку. Ср. на обороте челобитной новгородца Петра Хвостова: *к се^н челоби^тно^у в Петрово мѣ^сто Хвостова Офона Трус^о руку приложи^л по ево Петрову веле^ню што он грамот^а (sic) не уме^т* 23458, л. 9об. Бывают случаи, когда руку прикладывают сами челобитчики. Так, на обороте челобитной, которую подали в Посольский приказ Макар Скобельцин и Богдан Мяжкой с тем, чтобы за ними официально закрепили пустоши в Шелонской пятине, которыми они обменялись, имеются две записи: 1. *к се^н челоби^тно^у Дмитре^н Скобе^лцы^н в Макарьево место руку приложи^л*; 2. *к се^н полюбо^вно^у челоби^тно^у Бо^дда^н*

¹ Древняя Новгородская земля, простиравшаяся на огромной северо-западной территории, была разделена на пять частей, которые именовались пятнами (Деревская, Шелонская, Бежецкая, Водская и Обонежская). В свою очередь, каждая пятинка делилась на множество более или менее обширных округов, носивших название погостов. Подробное описание новгородских пятин и погостов см. в кн. [Неволин 1853].

Мя^коу руку приложи¹ (то есть сам челобитчик) 43363, д. № 6, л. 1об. Совсем редко в конце челобитной указывается, кто ее писал: а запи^с писа^д Девя^тко Ивано^о 43280, л. 83.

Еще один вопрос состоит в том, где писались челобитные — на территории тех новгородских пятин, к которым были приписаны челобитчики², или в Новгороде. Вероятно, на новгородской периферии челобитные создавались в редких случаях, когда речь шла о полкубовном обмене поместьями либо о передаче кому-либо своего владения (в частности, поступались в пользу своих сыновей поместьем вдовы женщины, решившие постричься в монахини). В таких случаях на обороте имеется приложение руки, чаще всего — местного священника. Ср.: к се^н челоби^тно^у Спаско^у по^н Рове^нско^у [Лв]ище Василье^о в дочери своей мист-то д(у)х(о)вно^у Ма^рѣ Михаило^оско^у жены Костюрина руку приложить 42788, д. № 2, л. 1. Грамот подобного рода в общем корпусе текстов мало. В дальнейшем изложении написания, извлеченные из этих грамот, будут оговариваться особо с указанием новгородской пятин, где создана та или иная челобитная.

В остальных случаях грамоты, скорее всего, писались в самом Новгороде, там, где их передавали в местные органы власти. Часто просителями были люди беспоместные, ходатайствовавшие о выделении им земель в какой-то из новгородских пятин. Ср.:

велено г(о)^с(у)д(а)рь меня холопа твоего испомѣстити в Великомъ Новѣгородѣ гдѣ я холопъ при-ищу и мнѣ г(о)^с(у)д(а)рь холопу твоему по твоє^н г(о)^с(у)д(а)р(е)ве грамоте помѣсте^нца не дано нигдѣ ни о^нои че^мверти и по ся мѣста а я холопъ твои бе^з помѣсте^нца вконецъ поги^б 43363, д. № 2, л. 2;

а я холо^н твои бе^з помѣстья и бе^з пристани волочюся ме^ж дво^у вконе^н поги^б Там же, д. № 4, л. 1;

а я холо^н твои и с се^трами волочюся между дворы помираю голо^оною сме^ртью Там же, д. № 2, л. 9.

Бывает, что в грамоте содержится конкретное указание на то, что челобитчик прибыл в Новгород и послал челобитную оттуда:

а я холо^н твои о томъ помѣсте^нцы би^т челомъ тебѣ г(о)^с(у)д(а)рю в Великомъ Новегороде при-волокиши с к^ому с Костромы Там же, д. № 15, л. 6;

бы^н я холо^н тво^н до ве^ста^ня и по^ле на к^ому в Ростове и н(ы)не г(о)^с(у)д(а)рь приволо^ся в Ве^нки^н Но^огоро^о и скитаюся бе^з при^тани Там же, д. № 17, л. 1;

а зде^с в Новѣгородѣ по моско^оской дачи то помѣстье за ни^м за Ивано^м за Бо^оши^н Ватазины^н не справлено Там же, д. № 4, л. 1.

и н(ы)не г(о)^с(у)д(а)рь то^м гу^бно^у староста Василе^н Скобе^нцынъ здѣся в Великомъ городе и книги приправо^ные и о^тписные приве^с с собою в Велики^н Но^огоро^о 43311, д. № 2, л. 7.

В одном из дел содержатся две челобитных, которые подала «вдова, Федоровская жена Тахтомышева Ульяница», при этом во второй из них имеется ссылка на первую с указанием на то, что челобитье было осуществлено в Новгороде: и я бе^дная вдова была чело^н тебѣ г(о)^с(у)д(а)рю в Велико^н Новѣгородѣ о твоєм ц(а)р^ььком жалова^не мужа свое^о выслуге о поме^те^нце на прожито^к 43363, д. № 24, л. 2.

Есть и случай, когда новгородский площадной писец сообщил, что именно он составил поручную запись: а запи^с писа^д Иле^нка Ждановъ с площа^н 23459, л. 125.

Таким образом, можно сделать вывод, что подавляющее большинство челобитных, поступавших в Новгородскую приказную избу Поместного стола, пригодны для реконструкции новгородского диалекта в узком смысле слова, ибо были написаны профессиональными писцами в Новгороде.

² О месте «приписки» сообщалось в начале грамоты. Напр.: бы^т чело^н холо^н твои Шело^нские пя^тны новокреще^н Давы^око Бара^нчиев 1209-43363, д. № 1, л. 5; бы^т чело^н холопи твои бе^зпомѣстные Бѣ^же^нцкие пятини Тве^ские половины Алекса^ндри^н Петро^о с(ы)нъ Ме^нницкою да Гри^нка Сергѣе^о снѣ Ме^нницкою да Ива^нка Ивано^о с(ы)нъ Загря^нско^н 1209-43363, д. № 5, л. 1.

1.2. УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

1.2.1. Судьба фонемы <ѣ>

Судьба древнего *ѣ* отражена в исследованных текстах следующим образом. Наряду с этимологически правильным употреблением буквы *ѣ* (примеры здесь не приводятся ввиду их стандартности) отмечается замена на *е* и на *и*, причем во всех позициях — и перед мягкими, и перед твердыми согласными, и в абсолютном конце слова.

Примеров замены *ѣ* на *е* в ударных слогах имеется достаточное количество. Приведем лишь некоторые из них.

Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными	В конце слова
<i>де^оками</i> 43363, д. 2, л. 9, <i>бе^оная</i> 23459, лл. 50, 319, <i>бе^оная</i> 42788, д. 3, л. 1, <пустошь> <i>Беседка</i> 32-120об., <i>бе^овѣтно</i> 43363, д. 24, л. 1, <i>лесъ</i> 136-114об., <i>немецкихъ</i> 136-72, <i>нет</i> 43363, д. 38, л. 1, <i>Обе^онибесо^о</i> , <i>Обе^онибесову</i> 42777а, д. 8, л. 1, <i>веле^о</i> 43280, л. 169, <i>згорела</i> 43363, д. 24, л. 1, <i>не^очико^о</i> 43280, л. 169 ³ . и т. д.	<i>дети</i> 43363, д. 33, л. 11, <i>дете^м</i> 23459, л. 313, <i>не еде^м</i> 43363, д. 33, л. 11, <i>приеде^м</i> Там же, <i>семя</i> 136-76об., <i>владю</i> 4363, д. 20, л. 1, <i>владее^м</i> 43363, д. 24, л. 1, <пустошь> <i>Заречье</i> 32-118, <пустошь> <i>Залесье</i> 32-114об., <i>не ездѣ^н</i> 42757, д. 8, л. 9, <i>в...уе^ндѣ</i> 23458, л. 9, <i>поме^нтье^н</i> 43363, д. 39, л. 1 и т. д.	<i>мне</i> 23459, л. 313, 43363, д. 27, л. 1, <i>тебе</i> 23458, л. 9, <i>во^нче</i> 23459, л. 306, <i>две</i> 43280, л. 92, <i>к Москве</i> 13-27 и т. д.

Пример обратной замены только один: *владѣти нѣпочему* 42768, д. 13, л. 2.

При этом имеется целый ряд написаний с буквой *и* на месте *ѣ* в тех же позициях — перед твердыми, перед мягкими согласными и в абсолютном конце слова.

Позиция перед твердыми согласными

би^оная 43363, д. 42, л. 1, *би^оно[и]* 42768, д. 1, л. 13, *би^оную* 43363, д. 42, л. 1, *бе^овистоно* (sic) 43363, д. 24, л. 7, *по ся мистъ⁵* 43363, д. 28 (листья не пронумерованы), *нигде* ('негде') 43363, д. 27, л. 6, <пустошь> *Офримова* 43280, л. 93 (ср.: *Офрѣмова* 43280, л. 92), *з дивкою* (первоначально написанное *и* исправлено на *ѣ*) 43363, д. 27, л. 6, *помисно^н* 43363, д. 3, л. 2, *вели^н* 42757, д. 8, л. 2, 43280, л. 1, 42768, д. 1, л. 13, *вели^н* (*и* исправлено на *ѣ*) 43280, л. 65⁶.

Отметим отдельно написания, встреченные в записях на оборотных сторонах челобитных, в «приложениях рук» местных священников: *мисто* 42788, д. 1, л. 1об. (челобитная написана на территории Деревской пятины), *мисто* 42777а, д. 8, л. 1об., *Обернибисова* (Род. ед.) Там же (грамота из Обонежской пятины).

Позиция перед мягкими согласными

недили 43363, д. 26, л. 1, *и^нчи^нчкова помистья* 42757, д. 8, л. 2, *о^мди^ннюю* <грамоту> 42757, д. 5, л. 1, *обимя* 42757, д. 25, л. 2, *помистье* 42757, д. 40, л. 4, *поми^нтью* 42757, д. 6, л. 1, *помистья* 43363, д. 38, л. 5 и др. (в этом слове — часто), *помистья^нцо^н* 43363, д. 3, л. 2, *помистеица* 43363, д. 28 (листья не пронумерованы), и др. (в этом слове часто), *испомистить* 42757, д. 8, л. 2, *двисте* 42757, д. 36, л. 1, *Мокию* 42768, д. 1, л. 15 (2 р.), *Мокия* Там

³ *Нѣтчикъ* — неявившийся, отсутствующий, тот, кого нет налицо [см. Срезневский, т. 2: 489, СлРЯ, 11: 323].

⁴ Применительно к последним трем формам предполагается, что ассимилятивное смягчение зубного перед следующим зубным уже произошло, поскольку новгородские берестяные грамоты свидетельствуют о том, что результаты этого процесса имели место еще в XII веке, ср.: *везъ девяти* Гр. № 710.

⁵ Возможно, однако, что здесь было одно ударение, которое падало на *ся* (ср. совр. *покамест*).

⁶ Впрочем, *и* в глагольном суффиксе может быть обусловлено не только фонетически, но и морфологически.

же, *Ма^нфие^с* 42757, д. 8, л. 2, *Мосия* (Род. ед.), 43363, д. 2, л. 9, *Мосие^сские* <жены> (Род. ед.), 43363, д. 2, л. 8, *Е^сриева* (Род. ед.) 43363, д. 2, л. 9, *сви^нскимъ посланнико^н* 136–115об., *сви^нскому посланику* 136–77об.⁷, *дозриту* 42757, д. 4, л. 10, *до^ри^н* (инф.) 42757, д. 21, л. 4, *велили* 42757, д. 40, л. 4, *владие^н* 42757, д. 40, л. 4 (2 р.)⁸.

В одном из текстов, написанных, по всей видимости, на территории Обонежской пятины, есть форма *ниче^с* ('ничего') 42777а, д. 8, л. 1, а в приложении руки священника из Деревской пятины, имеется написание *по ево вели^н*ю 42788, д. 1, л. 1об.

Позиция перед <ш> и <ж>⁹

в *Обонижской пятины* 43363, д. 28 (листы не пронумерованы), *Обонижские* (Род. ед.) 42757, д. 29, л. 1.

Позиция конца слова

*воп^н*и 42757, д. 25, л. 2, д. 40, л. 4 (2 р.), 43280, л. 1, *мни* 43280, л. 1, *теби*, 42757, д. 40, л. 4, *нигде* ('нигде') 43363, д. 2, л. 8. Ср. также написания с *и* в падежных формах, имеющие, впрочем, скорее всего, морфологическое происхождение: *жени* (Дат. ед.) 42757, д. 36, л. 1, *на реку* 32-111об., 42757, д. 40, л. 4, *по сохи* 42757, д. 25, л. 2.

Отдельно приведем написания, где буква *ѣ* заменяется на *и* в местоимениях, поскольку вполне возможно, что появление подобных форм имеет морфологическую природу: *ти* <пустоши> 42757, д. 4, л. 10 д. 6, л. 1, *ти^с* <пустошей> 42757, д. 6, л. 1, *тими* 42788, д. 4, л. 1, *вси* 23458, л. 25, *вси^н* 43280, л. 1. О том, что такие формы могут быть обусловлены морфологически, свидетельствует, в частности, тот факт, что в конце XIX века в говоре одной из деревень Тесовской волости Новгородского уезда (расположенной к северо-западу от озера Ильмень) при чрезвычайно редком произношении [и] на месте *ѣ регулярно употреблялись формы *вси*, *всих*, *чим* [см. Каринский 1898:100]. Аналогичная ситуация отмечается в современных новгородских говорах, тех, где замена *ѣ на [и] встречается в единичных случаях или совсем не отмечена. Там в формах местоимения «весь» звучит [и] (*вси*, *всих*, *всим* и т. д.). См. об этом [Сорокина 1959: 346].

В исследованных рукописях наряду с заменой *ѣ* на *и* имеются и случаи обратной замены *и* на *ѣ*, которая также осуществляется во всех позициях и является чрезвычайно показательной, поскольку, будучи гиперкорректной, свидетельствует о том, что прямые замены *ѣ* на *и* имеют, несомненно, фонетическое значение.

Позиция перед твердыми согласными

бѣль чело^н 42788, д. 2, л. 1, *с осмѣною* 43363, д. 26, л. 1, *Ильѣнь с(ы)нь* 43363, д. 15, л. 6 (ср.: *И^нинь с(ы)нь* 43363, д. 15, л. 5), *свѣрска^с чудотворца* 136–12 (то есть 'свирского'), *о^нделѣ^н* 42757, д. 2, лл. 1, 3, д. 25, л. 1, д. 37, л. 1, 43280, л. 65.

В грамоте, написанной на территории Обонежской пятины, встречено написание *пострѣтца* ('постричься') 43363, д. 43, л. 1.

Позиция перед мягкими согласными

Аксѣ^ница 42788, д. 3, л. 1, *о^нделѣ^нти* 42280, л. 144, 42768, д. 12, л. 4, *ро^сделѣ^н* 43280, л. 1.

В тексте, происходящем, по-видимому, из Деревской пятины, отмечена орфограмма *убѣли* 42788, д. 2, л. 1.

⁷ Русск. *Свѣя* (Швеция) из шв. Svéaland [см. Демьянов 1987: 78].

⁸ См. сноску 6.

⁹ Эта позиция выделяется особо, так как качество шипящих <ш> и <ж> не совсем ясно (см. ниже, 1.4.3.).

Позиция перед <ш> и <ж>

женъшко 42777а, д. 4, л. 1.

Позиция конца слова

велѣ (императив) 42757, д. 32, лл. 1, 2, 43363, д. 15, л. 6.

В грамоте из Обонежской пятины имеется аналогичное написание: *велѣ* 42777а, д. 8, л. 1.

Можно заключить, что взаимная мена букв *ѣ* и *и* во всех позициях свидетельствует о том, что в новгородском произношении [ѣ] совпал с [и]. Замена же *ѣ* на *е* для истории русской письменности — явление тривиальное, которое не всегда имеет прямое отношение к говору писцов. Еще в древнейших памятниках, преимущественно церковнославянских, было отмечено смешение букв *е* и *ѣ*, хотя древнерусский язык фонемы <ѣ> и <е> различал. А. А. Шахматов нашел объяснение этому явлению, приняв во внимание тот факт, что старославянский *ѣ* был ближе к русскому [е], нежели к русскому [ѣ]. В силу этого обстоятельства русские люди в своем произношении церковнославянских слов читали *ѣ* не как [ѣ], а как [е], что и дало повод к смешению на письме букв *ѣ* и *е* [см. Шахматов 1886: 212-214]. Такой орфографический навык позволял писцам заменять изредка *ѣ* на *е* и в чисто русских памятниках [см. там же: 215]. Не стали исключением и новгородские берестяные грамоты, в которых издревле присутствовал графический эффект замены *ѣ* на *е* [см. Зализняк 1986: 105-109]. С другой стороны, уже в более позднюю эпоху — в XV-XVII вв. — выработалась норма правильного употребления *ѣ* в слоге под ударением и регулярной замены его на *е* в безударных слогах, что было характерно для московских и некоторых севернорусских памятников соответствующего периода [см. Дурново 1914: 161]. Несомненно, что писцы, составлявшие челобитные грамоты, были знакомы с такой орфографической системой и могли усвоить, что буквы *ѣ* и *е* взаимозаменяемы. Следует заметить, что памятники с заменой *ѣ* на *и* и иногда на *е*, подобные рассматриваемым здесь, историкам языка известны и объясняются ими в свете вышеизложенных фактов [см. Виноградов 1923: 266, Ягич 1889: 44].

Современные новгородские говоры в плане рефлексации *ѣ характеризуются произношением [е] перед мягкими согласными [см. ДАРЯ I, карта 41] и преимущественным произношением [е] перед твердыми при наличии населенных пунктов в окрестностях Новгорода (к северу и северо-западу от озера Ильмень), где в этой позиции звучит [и] [см. ДАРЯ I, карта 40]. Примерно так же выглядела картина распространения рефлексов *ѣ в конце XIX — начале XX в. В говорах, располагавшихся к западу от озера Ильмень, наблюдатели отмечали произношение [и] на месте *ѣ [Соловьев 1904: 4, Каринский 1898: 96]. К востоку же от озера Ильмень, на правой стороне Волхова, в качестве рефлекса *ѣ был распространен гласный [е], причем В.Ф. Соловьев, отметивший этот факт, добавляет, что такой же была ситуация и пятьдесят лет назад (то есть в середине XIX века) [см.: Соловьев 1904: 4-5]. Впрочем, возможно, что распространенность [и] на месте *ѣ в интересующем нас регионе сто лет назад была большей, чем сейчас, ведь влияние литературного языка на современные говоры становится все сильнее и сильнее.

Известно, что на фоне изменения *ѣ в [и] в диалекте может появляться произношение [и] на месте исконного [е]. Наблюдается это и в современных новгородских говорах, сохранивших изменение *ѣ в [и]. Ср. приводимые Е.В. Сорокиной примеры *ночлижники*, *сим часоф* и др. [Сорокина 1959: 345]. Фиксировалось подобное произношение и в начале XX века: *Фидька*, *на бѣрег* [см. Соловьев 1904: 4]. В исследованных текстах это явление отражения не нашло, но встречены написания *за Дене^е[ом]* 43311, д. 4, л. 1, *Денесковы* <пустоши> Там же (Бежецкая пятина), *к сеи челобе^мно* 43280, л. 50об. (Обонежская пятина). Видимо, такие написания являются гиперкорректными, возникшими из стремления писать правильно.

1.2.2. Результаты изменения [e] в [o]

В исследованных текстах довольно широко отражено изменение [e] в [o] в позиции после мягкого согласного перед твердым. Как это и свойственно большей части рукописных источников, результаты данного процесса проявляются в позиции после букв, обозначающих непарные по твердости-мягкости согласные.

Сразу следует оговориться, что не все случаи, когда на месте этимологического *e или сильного *ь написана буква o, одинаково показательны в плане решения вопроса о степени распространенности изменения [e] в [o]. Среди современных русских диалектов имеются такие, где процесс фонетического перехода [e] в [o] практически не осуществился, однако в тех формальных элементах, которые употребляются не только после мягких согласных, но и после твердых, в этих говорах произносится [o], возникшее, судя по всему, нефонетически, по образцу соответствующих твердых основ. К таким формальным элементам относятся падежные окончания, уменьшительный суффикс -ок- и суффикс -ов- (ср. в говорах рязанской Мещеры: [аун'ом], как [с'елом], [кул'ок], как [дубок], [к'вал'оф], как [иван'оф] и т. д.) [см. Аванесов 1952: 31–32].

Примеры подобного рода отмечаются и в исследованных текстах новгородского происхождения.

В окончаниях: *селцо* 13-10об., 32-145об., 14, *се'цо* 32-300, 42757, д. 2, л. 1, *поро'жо* 43363, д. 45, л. 1, *за о'цо'* 43363, д. 38, л. 1, *сыцо'* 42757, д. 40, л. 1, *ловцо'* 13-26об., *лещовЪ* 136–28об., <пустошь> *Большое* 32-129, в *большомъ* 32-123об., *бо'шо'* 42757, д. 39, л. 2, *бо'шого* 13-53об., *ме'шово* 23459-313, *о чо'* 43280-106 и т. д.

В суффиксе -ок-: *лишо'* 23460-159, *бережо'* 43280-112.

В суффиксе -ов-: <пустошь> *Острецово* 32-149, <пустошь> *Рагачова* 23459-218, <пустошь> *Коржову* 43280-144, *дворцово'* 136–80, <пустошь> *Кунецово* 32-156об., за...*ПъцовымЪ* (фамилия) 32-233об., *дворцового* 13-42, *узе'цовые* <пошлины> (Р. ед.) 136–24, 86об.

Есть, однако, и более показательные примеры, свидетельствующие о том, что фонетический процесс перехода [e] в [o] прошел в корнях слов и суффиксах, где не усматривается никаких аналогических воздействий.

В корнях слов: *чо'рны'* 136–65об., *чо'рныхЪ* 136–74, 90, 92, *чо'рны'* 42757, д. 2, л. 3, <пустошь> *Чо'това горка* 32-208об., на *Пишо'жу* (гидроним) 13-84 об, *Щоголевы'* 32-90, *Що'кинымЪ* 32-171, за... *Нащокины'* 32-105, <в деревне> *Ущо'ск[е]* 23459, л. 74, *пошо'* 43363, д. 43, л. 1 (два последних написания отмечены в грамотах из Обонежской пятины), *Ржовы Пустые* (Р. ед.) 42757, д. 19, л. 1, *Ожогина* (Р. ед., фамилия) 42747, д. 37, л. 1, <пустошь> *Пицова гора* 4277а, д. 7, л. 1 (грамота из Деревской пятины).

В суффиксах: *пустошо'ками* 42788, д. 4, л. 1, *пустошо'ка'* Там же, *о пустошо'ка'* 43363, д. 28 (листья не пронумерованы), *Блажо'ова* (Р. ед., фамилия) 43280, л. 109.

По-видимому, для писцов стало нормой отражать звук [o], произносимый ими под ударением после шипящих согласных и [ц]. Поэтому нельзя оставить без внимания следующие написания: <в погосте> в *Че'рно'* 32-211, *черному* 13-41, 85об., 86 и др. лл. (часто), *пустоше'ка* 43463, д. 43, л. 1, *тв'х пустошено'* 42788, д. 43, л. 1, во *Пщеве горЪ* 42777а, д. 7, л. 1 (3 р.), <пустошь> *Сапожекъ*¹⁰ 32-119. Допустимо предположить, что для данных текстов такие написания традиционными уже не являлись (поскольку традиционными стали написания с буквой o), а значит, они могут отражать специфику живого произношения, то есть переход [e] в [o] в ряде случаев. Это заключение можно сделать, опираясь на записи новгородских говоров, осуществленные в конце XIX – начале XX века. Так, В. Ф. Соловьев отме-

¹⁰ Следует заметить, во-первых, что в древнерусском языке ударение в этом слове падало именно на суффикс [см. Зализняк 1985: 149], и, во-вторых, что подобная топонимическая структура встречается неоднократно, ср.: <пустошь> *Гвоздокъ* 32-185, <деревня> *Жарокъ* 32-280, <пустошь> *Конечекъ* 32-123.

чал, что в говоре Трясовской волости Новгородского уезда, а также в Поозерье (северо-западное побережье озера Ильмень) произносятся с [о] после мягкого согласного такие слова, где в литературном языке звучит [е], например, *небёсный, пёрст, хрёст*¹¹. С другой же стороны, отмечаются формы типа *дешево, смеется, наткнется, бьется* (отсутствие буквы *ѣ* указывает на произношение гласного [е]) [см. Соловьев 1904: 6]. Аналогичные сведения приводит в «Материалах для изучения великорусских говоров» А. А. Шахматов. В с. Спасо-Пископицы Ракомской волости Новгородского уезда, находившемся на берегу озера Ильмень в 18 верстах от Новгорода, записаны, с одной стороны, формы *жбмчуг, крёст, чёшецця, ужб*, а с другой стороны — *Надёжка* (имя), *подёщик* (при *подёщик*), *далёко, дешёво, чёрный* [Шахматов 1896: 24]. А. А. Шахматов цитирует одно из диалектологических сообщений: «Вообще поозеры говорят больше на *е*, близко к произношению церковнославянскому» [там же: 24]. Н. М. Каринский, описывая диалект Тесовской волости Новгородского уезда, отметил, что при наличии аналогического перехода [е] в [о] в позиции перед [j] (*хвоёй*) возможно отсутствие [о] перед твердым согласным (*своёво*) [Каринский 1898: 96].

Таким образом, приведенные выше написания *черному*, <в погосте> *Чёрно^н, пустоше^нка*, *тв^х пустошено^к*, возможно, свидетельствуют о некоторой нерегулярности изменения [е] в [о] в новгородском диалекте при том, что вообще-то процесс этот данному диалекту был в достаточной степени свойствен. Орфограмма же *во Пщеве горѣ*, повторенная трижды рядом с написанием *Пщова гора* (на одном и том же листе), может указывать на то, что в каких-то случаях не осуществлялась аналогическая замена [е] на [о] перед мягкими согласными.

1.2.3. Вопрос об изменении [’а] в [е]

Судя по показаниям берестяных грамот, древненовгородскому диалекту был присущ переход [а] в [е] между мягкими согласными [см. Зализняк 1995: 59-60]. Современные новгородские говоры его практически не знают. Формы с [е] отмечаются в единичных случаях лишь в отдельных населенных пунктах [ДАРЯ I, карта 43]. В исследованных рукописных источниках имеется написание, похожее на отражение изменения [’а] в [е]: <пустошь> *Климетино* 32-219. Видимо, в первой половине XVII в. данная особенность находилась в стадии нивелировки.

1.3. ВОКАЛИЗМ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГОВ

1.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова

1.3.1.1. Первый предупредительный слог

В подавляющем большинстве случаев буквы *а* и *о* употребляются в соответствии с этимологией, в том числе буква *о* пишется там, где в современном русском языке под влиянием акающего произношения стала писаться буква *а*: *полаты* (Р. ед.) 32-20 (ср. др.-русск. *полата*), *на коши^рскомь бою* 23460-46 (ср. др.-русск. *Кошира*), 42768, д. 3, л. 1, *Моро^ое^о* (фамилия, ср. др.-русск. *моровии* ‘муравей’) 23460-99, *в ро^одачу* 43280-145, 136-3об., *по ро^очету*

¹¹ Легко заметить, что в данном говоре церковнославянизмы повели себя так же, как исконно русские слова и допустили изменение [е] в [о] в позиции перед твердым согласным.

136–85, по ро³воду 136–97об. Однако имеется и ряд случаев взаимной мены букв *а* и *о* в позиции первого предупредительного слога.

Замена *о* на *а* отмечается перед различными ударными гласными, хотя перед [а] она чуть более частотна, чем перед другими гласными.

Перед [а]: *акла*^о 23460-137, 43363, д. 2, л. 8, *попала*^а 23459-218, *не а^отало*^с 43363, д. 2, л. 8, *в дадачу* 43363, д. 33, л. 11, *понама^аская служба* 13-35 об¹².

Перед [и], [ы]: *на пражито*^с 23458-27, 43363, д. 15, л. 1, *пражиточно*^а 23458-27, *с Соломани^окаю* 42768, д. 7, л. 1, *а^адакимо^сская жена* 23459-319.

Перед [у]: *к ц(е)ркве Ива^ана Златауст^о* 13-76.

Перед [о]: *ни а^онои че^мве^рти* 43363, д. 2, л. 8, <пустошь> *Рагачова* 23459-218 (впрочем, здесь не совсем ясны место ударения и этимология), *на^агаро^ое^ц* 23459-154.

Перед **ѣ*: *б(о)гадѣ^аные и^бы* (Р. ед.) 13-67 (2 раза).

Имеются также три случая замены *о* на *а* в грамотах, написанных в Бежецкой пятине: *дастали*^с 43363, д. 40, л. 10, *канюше^аную* 43363, д. 40, л. 10, *которые* 43363, д. 40, л. 2.

В исследованных рукописях встречены и написания с обратной заменой *а* на *о*:

утоя^с (дееприч.) 23458-246, *То^аяны* (Р. ед.) 43363, д. 33, лл. 11, 12, *с Нозарко^а* 23459-31, *Кочало*^с 23460-275, *Воси^а[ю]* 43363, д. 33, л. 15, *Восиле* (sic) 43363, д. 33, л. 11, *Сове^аю* 23459-50, возможно, *Рохманова* (Р. ед.) 32-46об., *доно* 43363, д. 27, л. 1 (допустимо, впрочем, что, это описка под влиянием буквы *о* следующего слога).

В грамоте из Бежецкой пятинны отмечено написание *Зого^окина* (Р. ед., фамилия) 43363, д. 40, л. 2 (ср. *Заго^ски^а*, *Загоскина* (Р. ед.) 43360, д. 40, л. 10).

Можно заметить, что ошибки часто допускаются в именах собственных, и в связи с этим следует привести написание некоторых фамилий, орфографический облик которых, вероятно, был неустойчивым, что свидетельствует о том, что перед писцами стояла проблема выбора буквы *а* или *о* в тех случаях, когда в первом предупредительном слоге произносился звук типа [а]. Ср.: *Ватази^а* 43363, д. 4, л. 1, *Ватазинь* 43363, д. 23, л. 4 — *Вотазин^а* 43363, д. 23, л. 1; *Картмазов* 23460-64, *Ка^атмазова* (Р. ед.) 23460-16, 74 — *Ко^атмазову* (Д. ед.) 23460-46, 63, *на Ко^атмазова* 23460-65; *Бобарыки^а* 23459-45, *Бобарыкина* (Р. ед.) 43363, д. 41, л. 2, *Бабарыкина* 32-210об., 211, 211об. — *пере^о Боборыкины^а* 23460-64; *Та^атамьшева* (Р. ед.) 43363, д. 24, лл. 1, 7 — *Та^атомьшева* 43363, д. 24, л. 2¹³.

В современных новгородских говорах картина вокализма первого предупредительного слога после твердых согласных достаточно пестрая. В сосуществовании с оканьем на довольно обширной территории вокруг озера Ильмень отмечаются ареалы неразличения гласных верхнего подъема, причем совпадать последние могут в звуках [а], [ъ], [о^а] или даже [о]. К северо-востоку и юго-востоку от озера Ильмень имеются и три акающих «островка», не знающих оканья совсем. Они состоят соответственно из двух, одного и трех картографированных населенных пунктов [ДАРЯ I, карта 1]. Аналогичная ситуация существовала и в конце XIX – начале XX века. Так, в «Диалектологическом материале по Новгородской губернии, собранном Новгородским Обществом Любителей Древности», отмечается, что в целом ряде обследованных населенных пунктов Новгородского уезда распространено аканье (тип его не уточнен) [Диалектологический материал...1914: 323–324]. В с. Спасо-Пископицы Новгородского уезда, расположенном на берегу озера Ильмень, наряду с произношением *монах*, *пономарь*, *роботать*, *роботник* было записано *заработывать*, *тапёрь*, *окоянный* [Шахматов 1896: 23].

¹² Впрочем, последний пример не слишком показателен ввиду украинского *паламарь* [см. Фасмер, III: 325].

¹³ Ср. замечание Б. О. Унбегауна по поводу отражения аканья в фамилиях: «Аканье легко проникает и в нерусские по происхождению фамилии — украинские, польские, армянские и другие, что, конечно, является признаком их полной русификации, как например, *Апенченко*, *Атвиновский*, *Баратынский*, *Главацкий*, *Магильницкий*» [Унбегаун 1972: 266].

Таким образом, на основании приведенных выше написаний и диалектологических данных можно сделать заключение о том, что уже в конце XVI – первой половине XVII века в новгородские говоры проникали элементы неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных.

1.3.1.2. Второй и другие предударные слоги

В современных новгородских говорах неразличение фонем <о> и <а> в позиции второго предударного слога представлено значительно шире, чем в первом предударном слоге, хотя наряду с неполным оканьем есть территории, где фиксируется полное оканье [ДАРЯ I, карты 9, 11]. В.И. Чагишева, исследовавшая говоры восточного побережья озера Ильмень, в которых по данным ДАРЯ как раз отмечается совпадение гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге, заметила, что во втором и дальнейших предударных слогах [о] сохраняется, если в ударном слоге находится [о], например: *хорошó, потолóк, но вьроб'ей, сълог'и* [Чагишева 1949: 6].

В исследованных рукописных источниках есть случаи написания буквы *а* в соответствии с традиционным *о*, причем именно в тех позициях, когда ударным в слове оказывается не гласный [о]: *ка з(о)^с(у)д(а)ри* 23458-2, <в пустоши> *Новоселица^х* 42788, д. 5, л. 1 (2 раза), *нароя* 42757, д. 2, л. 3, 43280-1 (ср.: *нороя* 43280-92), в *Паозе^р(ь)е* 13-70, *понамарю* 13-35, 39об., 49об., 71об. и др., *понамаре^н* (Д. мн.) 13-64, *а^едакимо^еская жена* 23459-319, *разорены* 13-87об., 136-13об., *разоре^н(ь)я* 13-9, 10об., 17об., 22об., 55об., 136-81, 42788, д. 9, л. 1, *разоренья* 136-97, 43363, д. 31, л. 2. Возможно, сюда относятся и написания в *Пажеревитцко^н* <погосте> 32-71об., 86, 89, <пустошь> *Арестливиха* 32-269об.

В грамоте, написанной в Водской пятине, отмечена орфограмма *расписа^{тми}* 42777а, д. 19, л. 1.

Перед ударным [о] отражение неразличения гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге встречено лишь в лексемах «новгородец», «новгородский»: *на^агаро^оць* 23459-154, *наугороде^н* 23459-158 (2 раза), 23460-64, *наугоро^оцьи* 23459-114, *на^агородцкому* 136-43об, *навгородцком* 23460-64, *наугоро^оцкимь* 136-39 и т. д. Эти написания, однако, показательными отнюдь не являются, так как подобные орфограммы хорошо известны памятникам письменности северного происхождения, не отражающим аканья [см. Владимиров 1878: 13]. В.В. Виноградов, встретив такого рода написания в писцовой книге по Великому Новгороду XVI в. и в Записной книге крепостным актам, явленным дьяку Алябьеву, XV–XVI вв., отнес их к ряду фактов, обусловленных, по его выражению, влиянием южновеликорусского фонетического строя на северновеликорусский [Виноградов 1923: 348–349]. А. А. Шахматов же объясняет это явление (он приводит формы из Новоросс. сп. Новгород. 4-й летописи *навгоро^очкой* (Р. ед. ж. р.) и *навгородчи*) изменением «дифтонга *оу* в *ау* в древних севернорусских говорах в словах новгородец, новгородский» [Шахматов 1903 а: 198].

Есть и не совсем ясные случаи: <пустошь> *Рагачова* 23459-218, <пустошь> *Лашаково* 32-186.

Кроме того, имеются вариативные написания фамилий: *Ка^рсакова* (Р. ед.) 23459-136, 158 — *Ко^рсакова* 43280-50¹⁴, *Бабарыки^н* 43363, д. 41, л. 3, *Бабарыкины* 42757, д. 33, л. 1, *Бабарыкина* (Р. ед.) 43363, д. 46, л. 4 — *Бобарыкина* 43363, д. 41, л. 3 (2 раза).

Встречены также написания с заменой *а* на *о*, видимо, гиперкорректной: *потрияр^ьха* (Р. ед.) 43363, д. 33, л. 11, *понахи^{оу}* 13-56, *сомому* 43363, д. 33, л. 11 (возможно, в последнем случае мы имеем дело с опиской под влиянием следующей буквы *о*).

¹⁴ Примечательно, что в ответной грамоте из Москвы встречаем: *Ка^рсакова* 43280-54.

Итак, допустимо заключить, что исследованные рукописные источники конца XVI – первой половины XVII века отражают наличие по крайней мере у некоторых писцов неразличения гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге, причем есть основания предположить, что это неразличение не затрагивало позицию перед гласным [о] ударного слога.

1.3.1.3. Заударные слоги

Во всех заударных слогах — и неконечных, и конечных, как закрытых, так и открытых — во многих новгородских говорах, в частности, на довольно большой территории к востоку от озера Ильмень, присутствует неразличение гласных <о> и <а> (впрочем, часто в сосуществовании с различием) [ДАРЯ I, карты 17, 18, 19]. Отражением такого произношения можно считать встреченные в исследованных источниках написания с буквой *a* на месте *o*:

В неконечном слоге: *зде^aкаю* 43363, д. 19, л. 4, *с Соломани^aкаю* 42768, д. 7, л. 1, *выслугаю* 42768, д. 7, л. 1, *Но^aгаро^o* 43363, д. 17, л. 1, *и^a Новагорода* 23458-148, *полутара годы* 23459-100, *жалава^a(в)я* (Р. ед.) 43363, д. 3, листы не пронумерованы, *прикащикава жи^mница* 43363, д. 40, л. 10 (грамота из Бежецкой пятины), *Ворано^o* 43363, д. 2, л. 8, *Тиха^aка* 23460-275, *тихано^oская женишко* 43363, д. 28 (листы не пронумерованы), *Трифанову* 136-118об., *Конанову* 13-42, <пустошь> *Конаново* 32-107, *Симанову* 32-103об.

В конечном закрытом слоге: *на прожита^a* 23458-246, *с сыни^mка^a и^a дочери^mкамь¹⁵* 42768, д. 7, л. 1, *Тихан* 43363, д. 20, л. 1.

В конечном открытом слоге: *в тово хлѣба мѣста* 136-70, *Микиткина поместье* 23459-6.

Имеются и случаи обратной замены *a* на *o*: *не давоно* 42777а, д. 17, л. 6, *о вылгоном* <поместье> 23458-246. Впрочем, в обоих случаях можно предполагать и описку под влиянием следующей буквы *o*.

1.3.1.4. Вопрос о гласном [y] на месте безударного [o] и нелабиализованном гласном на месте [y]

Судя по данным ДАРЯ, новгородским говорам в целом не свойственно произношение [y] на месте [o] после твердых согласных во втором предударном слоге [ДАРЯ I, карты 9, 10], но в первом предударном слоге в единичных случаях такое явление известно в рассеянном распространении на территории, расположенной к востоку и северо-востоку от озера Ильмень [ДАРЯ I, карта 1]¹⁶. Есть пример отражения усиленной лабиализации [o] и в новгородских челобитных грамотах: *зуву^m* 42757, д. 15, л. 1. Если это не описка, то данное написание отражает произношение [y] на месте [o] в наиболее благоприятной позиции — перед губным согласным и гласным [y] следующего слога. Имеются случаи замены *o* на *y* во втором предударном и заударных слогах:

пу^oтого 43280-1

| *Тотаринуву* 136-111, *во^oлучника* (Р. ед.) 32-4об., <пустошь> *Куручкино Курицыно то^o* 32-224об.

Усиление лабиализации заударного [y] фиксировалось в упоминавшемся уже селе Спасо-Пископицы Новгородского уезда: *дохтур* [Шахматов 1896: 25].

¹⁵ Впрочем, здесь нельзя не учесть возможность морфологической аналогии с формой дательного пад. множ. числа.

¹⁶ О позиции начала слова речь здесь не идет, так как соответствующего материала нет в исследованных рукописях, современным же новгородским говорам произношение [y] на месте [o] в начальном слоге известно [см. ДАРЯ I, карты 33-37].

Особого комментария требует орфограмма *постошо^кками* 43363, д. 25, л. 2. Ее можно рассматривать как факт гиперкоррекции, но можно и предположить, что она косвенно отражает другое явление, современным новгородским говорам известное, — делабиализацию [y] во втором предударном слоге после твердых согласных в [ъ] или [а] [ДАРЯ I, карта 12].

1.3.2. Позиция после мягких согласных

1.3.2.1. Первый предударный слог

Реконструкция по рукописным источникам системы безударного вокализма сопряжена с определенными сложностями, причем в первую очередь это относится к выявлению типа произношения после мягких согласных. Сложности обусловлены прежде всего тем, что писцы редко отступали от традиционных написаний, отчего подчас и нелегко решить, реальное ли произношение отражала орфография (скажем, буква *а* передавала звук [’а], буква *е* — звук [е] и т. д.) или соотношение звуков и графических знаков было иным. Трудно к тому же ожидать, чтобы свое произношение безударных гласных писцы передавали точно, ведь древнерусская орфография, как известно, базировалась на фонематическом принципе, предусматривавшем тождественное написание одних и тех же фонем в ударных и безударных слогах. Таким образом, достоверное и полное восстановление всей системы безударного вокализма после мягких согласных (равно как и после шипящих и [ц]) на материале письменных источников осуществимо едва ли, однако определенные наблюдения над употреблением букв, служащих для передачи безударных гласных, произвести возможно.

В позиции первого предударного слога после букв, обозначающих мягкие согласные, в исследованных текстах представлены разные типы буквенной мены. Следует оговориться, что в связи с традиционностью орфографии материала по данному вопросу обнаружено немного, но это обычная ситуация для севернорусских памятников письменности.

В соответствии с этимологическим **ѣ* два раза написана буква *и* — в *Великом Новгороде* (е) 43363, д. 42, л. 1 (позиция перед твердым согласным), *перелити* 43280-1 (позиция перед мягким согласным). О том, что это не случайно, может свидетельствовать обратная замена, когда в соответствии с [и] употреблена буква *ѣ*: *лѣто^ѣские люди*, 43363, д. 24, л. 7, *с лѣто^ѣского разоренья* 43363, д. 31, л. 2, *о лѣто^ѣски^х...людеи* 43280-65. Значит, писцам было известно, что там, где они произносят звук [и] в первом предударном слоге, писаться может не только *и*, но и *ѣ*, что говорит о том, что замена *ѣ* на *и*, пусть и единичная, вполне показательна.

Впрочем, более частотна замена *ѣ* на *е*: *лодо^ѣ пое^ѣдныхъ* 13-22, на *...песка^ѣ* 13-23об., *песко^ѣ* 13-23об., *немецкие* 43363, д. 38, л. 1, *немецкому* 136-6об., *немецки^ѣ* 42757, д. 25, л. 2, в *Новгороде* 43363, д. 27, л. 1, (в) *Новгороде* 43363, д. 33, л. 11 и т. д. (позиция перед твердым согласным), *дете^ѣ* 43363, д. 2, л. 8, *детишо^ѣ* 42768, д. 6, л. 1, *з детишка^ѣ* 42768, д. 6, л. 1, *выделяти* 43311, д. 2, л. 1, *о делѣ^ѣ* 42757, д. 2, л. 3, *ро делѣ^ѣ* 43280-1, *разделили* 42757, д. 25, л. 1, *перелити* 42757, д. 2, л. 3, *реки* 13-12об., в *рекѣ* 13-23об., *по ценѣ* 13-29об., *свечу* 13-29 и т. д. (позиция перед мягким согласным).

Несомненно, писцы были знакомы со стандартной московской орфографией, требовавшей правильного написания *ѣ* в слоге под ударением и замены его на *е* в безударных слогах [см. Васильев 1905: 178; Соколов 1891: 123], но возможно, что эта орфография не всегда противоречила произношению, и в каких-то случаях в соответствии с **ѣ* звучал [е].

Одно написание позволяет предположить произношение [о] на месте **ѣ* перед твердым согласным: *за поса^ѣчки^ѣ ч(е)л(овѣ)комъ за Бориско^ѣ Слопцо^ѣ* 32-37. Если перед нами не описка под влиянием последующего *о* и если прозвище упомянутого Бориски действительно было Слепец, то такое предположение возможно, хотя, конечно, безоговорочно его принять нельзя.

В соответствии с *е при нормативном е (примеры ввиду их стандартности не приводятся), изредка пишется я:

Перед твердым согласным	Перед мягким согласным
Козлянкова (фамилия, Р. ед.) 32-153об., Ря ^о рова (фамилия, Р. ед.) 42757, д. 17, л. 2 (ср. в ответной грамоте из Москвы Редрова 42757, д. 17, л. 6). Впрочем, этимология здесь не ясна.	Пятеля (имя собств.) 42757, д. 2, л. 1 (ср. Петеля 43280-92, 42757, д. 2, л. 1, на Петелю 42757, д. 2, л. 2, к...Петели 43280-92), с плямя ^н нико ^н 42757, д. 36, л. 1, <пустошь> Голянице 32-106.

С другой стороны, наряду с правильным употреблением буквы я, иногда в соответствии с фонемой <a> пишется е:

Перед твердым согласным	Перед мягким согласным	Перед долгим глухим шипящим ¹⁷
дее ^м со ^м 23458-9	в... петине 23458-9, 23459-6, 42757, д. 12, л. 1, в ... петин ^ь 23459-6	свещеники (Т. мн.) 42757, д. 40, л. 4

Являются ли эти написания гиперкорректными, то есть свидетельствующими о том, что писавшие стремились не отразить произношение [а], или за ними стоит языковая реальность, то есть произношение [е], судить трудно, поэтому учтем пока обе эти возможности.

На месте *е¹⁸ в позиции перед мягким согласным отмечено и: пере^о Вендиктомъ 23458-25; есть и обратная (скорее всего, гиперкорректная) замена и на е: за у^лечяннина 23459-152, Зено^о(ь)ева (Р. ед.) 43363, д. 12, л. 1, Патрек^ьева (Р. ед.) 32-17.

Возможно, данные написания свидетельствуют о том, что в первом предупредительном слоге, по крайней мере, перед мягкими согласными в каких-то случаях на месте *е звучал гласный [и]. Косвенным подтверждением этого могут служить случаи написания ѣ вместо е: мѣня 43363, д. 39, л. 6 (3 раза), не вѣли 43363, д. 39, л. 6, нѣ велено 23459-48, в дѣревнѣ 42788, д. 14, л. 1 (позиция перед мягким согласным), ведь в сознании писцов буква ѣ была каким-то образом связана со звуком [и], поскольку, говоря на диалекте, где *ѣ в ударной позиции изменился в [и], они знали, что в определенных случаях в соответствии с произносимым ими гласным [и] следует писать ѣ. Об этом с несомненностью свидетельствуют приведенные выше случаи гиперкорректного написания ѣ вместо и в слоге под ударением (см. выше, 1.2.1.), там, где у нас не возникает никаких сомнений по поводу того, какой звук представлен в ударном слоге.

Если считать, что все приведенные выше написания тем или иным образом отражают реальную произносительную ситуацию, можно выстроить следующую схему реализации гласных неверхнего подъема после мягких согласных в первом предупредительном слоге:

Реализация перед твердыми согл.

и, е, (о) —	*ѣ	— и, е
е, и, а —	*е	— е, и, а
а, е —	<а>	— а, е

Реализация перед мягкими согл.

Однако для того чтобы решить, насколько проанализированные орфограммы заслуживают доверия, следует определить, возможна ли такая вариативность в диалекте, и для этого

¹⁷ О качестве глухого долгого шипящего см. ниже (1.4.4.).

¹⁸ Далее под *е будет подразумеваться не только исконное [е], но и сильный [ь].

посмотреть, как построен вокализм первого предударного слога после мягких согласных в современных новгородских говорах.

Оказывается, картина реализации гласных неверхнего подъема как раз далеко не однозначна. По данным ДАРЯ на территории вокруг озера Ильмень **e* реализуется перед твердыми согласными в [o], причем к северу и западу от Новгорода — в сосуществовании с [e]. Возможно, рефлекс [o] был и в конце XVI — первой половине XVII в., но ввиду известной специфики графической системы отражения после букв парных мягких согласных не нашел. В северо-восточном направлении от Новгорода расположен небольшой акающий «островок», где представлено иканье и умеренное яканье, то есть **e* реализуется как [и] и [а], к востоку же от Новгорода в сосуществовании с [e] и [o] отмечено [и] [ДАРЯ I, карты 3, 4]. Сходная ситуация, судя по диалектологическим исследованиям конца XIX — начала XX века, наблюдалась и в недалеком прошлом. В частности, в неоднократно упоминавшемся выше с. Спасо-Пископицы, расположенном в 18 верстах от Новгорода, отличительной особенностью произношения было появление [и] «вместо е»: *чило, сило, нису, тиро, систра, рибро, висна* и т. д. [Шахматов 1896:24]. О том, что такое произношение было свойственно значительной части Новгородского уезда, писал В. Ф. Соловьев, приводя такие примеры, как *висло, грибу, виду* [Соловьев 1904: 4]. При этом в том же говоре наблюдался эффект перехода [e] в [o]: *Олёксей, понёсу, почёсайся* [там же: 6].

Небезынтересное свидетельство нетривиальности предударного вокализма говора б. Мстинского района (ныне слитого с Новгородским [см. Новг. обл. сл., вып. 1: 12]) Новгородской области находим в работе В.И. Чагишевой. Она фиксировала произношение в первом предударном слоге перед твердыми согласными «на месте древнего орфографического е» звуков [’e], [’o], [’a]: *с’естра́, с’остра́, с’астра́; в’есна́, в’осна́, в’асна́; пр’ин’есла́, пр’ин’осла́, пр’ин’асла́* [Чагишева 1949: 6].

Таким образом, есть основания доверять небогатому материалу рукописных источников, который свидетельствует о неоднородном характере реализации **e* в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми.

В позиции перед мягкими согласными **e* в большей части новгородских говоров реализуется как [e], а к востоку от Новгорода и частично к северу распространено произношение [и] [ДАРЯ I, карты 3, 4]. Значит, и в этом случае есть основания предполагать, что данные рукописей в плане реконструкции особенностей предударного вокализма достаточно надежны.

Реальным представляется и то, как можно интерпретировать по показаниям письменных источников рефлексацию **ě*. Судя по данным ДАРЯ, вокруг Новгорода и северной оконечности озера Ильмень перед твердыми согласными распространено произношение [и] в сосуществовании с [e]. К востоку от Новгорода в этой позиции звучит только [и], а к югу и востоку от озера Ильмень — преимущественно [e]. Известна в районе Новгорода и реализация **ě* как [o]. Перед мягкими согласными вокруг Новгорода произносится в основном [и], хотя возможно и [e] [ДАРЯ I, карта 5].

Что касается фонемы <a>, то материалы ДАРЯ указывают, что в окрестностях Новгорода и озера Ильмень и перед твердыми, и перед мягкими согласными она реализуется в звуке [а], хотя к северо-западу от Новгорода возможно и [e], а к северо-востоку есть небольшой «островок», где в сосуществовании с [а] и [e] звучит также [и] [ДАРЯ I, карта 7]. Таким образом, отмеченным в исследованных рукописях написаниям с заменой *я* на *e* можно доверять.

В итоге заключаем, что реконструированная схема реализации гласных неверхнего подъема достаточно правдоподобна, и, таким образом, неоднородность вокализма первого предударного слога после мягких согласных, характеризующая ныне новгородские говоры, имела место уже в конце XVI — первой половине XVII в.

1.3.2.2. Заударные слоги

Материала для второго и других преударных слогов в исследованных рукописях почти не встретилось. Имеются написания за *емщика*¹⁹ 32-152, *кне^ж Ивано^с(ы)нь*¹⁹ 42757, д. 34, л. 1, которых явно недостаточно для того, чтобы делать сколько-нибудь обоснованные выводы. Поэтому мы и переходим сразу к заударным слогам.

В неконечных заударных слогах отражаются разные типы реализации *е.

Во-первых, написания с буквой *я* вместо *е* свидетельствуют о наличии звука [’а]: *четыря^та* 43363, д. 26, л. 2 (2 раза), *имя^но*²⁰ 43280-41, *Е^среява* (Р. ед., фамилия) 43363, д. 2, л. 8 (позиция перед твердыми согласными). Возможно, сюда же следует отнести орфограмму на <реке> *Веря^же* 13-41, на *Веряже* 13-52 (позиция перед [ж]).

Во-вторых, имеется случай, видимо, гиперкорректной замены *и* на *е*: (позиция перед твердыми согласными): *за мое слу^жбе^нко* 42757, д. 20, л. 1, что может говорить о том, что в соответствии с *е (и *ь) был возможен и звук [и].

Оба типа реализации *е (и *ь) — как [а] и как [и] — известны современным говорам в окрестностях Новгорода и озера Ильмень так же, впрочем, как и реализация *е (и *ь) в звуке [е] [см. ДАРЯ I, карты 21, 22]. Отмечалось сосуществование произношения [а] и [и] и в конце XIX века в говоре с. Спасо-Пископицы: *деняг*, с одной стороны, и *ветир*, *машит*, *бываит*, *будит*, *лебидь*, — с другой [Шахматов 1896: 24].

Неясно, как интерпретировать такие орфограммы, как *не упаметуя* 23459-346, *паме^н* 42757, д. 37, л. 7, *за тысячу* 13-54об., — как гиперкоррекцию либо как отражение реализации <a> в [е], известной ныне в небольшом ареале к северо-востоку от Новгорода [ДАРЯ I, карта 24].

Имеется также два написания с заменой *и* на *ѣ*: *Ма^рѣца* 42768, д. 2, л. 1, *за... Ма^рѣцны^н* (Там же), которые могут свидетельствовать о том, что писец, произносивший [и] на месте орфографического *ѣ*, гиперкорректно написал вместо *и* букву *ѣ*.

В конечных закрытых заударных слогах отмечена замена *я* на *е*: *уче^т* (‘начал’) 23460-8, *паме^н* 42757, д. 8, л. 9, д. 37, л. 7, 43363, д. 40, л. 2 (грамота из Бежецкой пятины), а также замена *и* на *ѣ*: *ездѣ^н* 42757, д. 8, л. 9, *пошлѣ^н* (Р. мн.) 43363, д. 39, л. 6.

В конечных открытых слогах реализация *е предстает аналогичной реализацией его в неконечных слогах — в [а] (*дворяня* 43363, д. 33, л. 11) и в [и] (*беспомѣтныи* — И. мн. 43280-241). Что же касается *ѣ, то есть несколько примеров, свидетельствующих о том, что в данной позиции его реализацией был гласный [и]: *нигде* (‘негде’) 43363, д. 27, л. 6, *вмѣ^тти* 42757, д. 2, л. 1, *по^ли*²¹ 42757, д. 2, л. 1, 43280-1, *по^ли* 42777а, д. 7, л. 1 (последнее написание отмечено в грамоте, присланной из Деревской пятины).

Отдельно следует привести многочисленные орфограммы с *и* на месте *ѣ* в именных формах М. пад. о-склонения и Д.–М. пад. а-склонения: в *Новѣгоро^{оу}* 23458-3, 43280-92, *о передѣли* 42757, д. 2, л. 1, *в... погости* 43280-113, 43363, д. 41, л. 4, в *Петрови поле* 42757, д. 25, л. 2, *к... старо^тти* 42757, д. 5, л. 1, *о вы^луги* 42757, д. 5, л. 1, *Петели* (Д. п.) 43280-92, *к дяди* 42757, д. 2, л. 1, *х то^н же дере^ни* 43363, д. 40, л. 2 (в грамоте из Бежецкой пятины), *Та^мя^нки* (Д.п.) 42777а, д. 7, л. 1 (в грамоте из Деревской пятины), *Тимошки* (Д.п.) 42777а, д. 10, л. 1, в *дере^ни* (М. ед.) 23459-136, 42757, д. 25, л. 2.

Нельзя не учесть морфологическую обусловленность этих форм, которая состоит в том, что в соответствующих падежах встречаются ударные окончания [ы] и [и], например: в *селя^ны* 43311, д. 2, л. 1, в *сели* 43363, д. 40, л. 3, *жены* (Д. п.) 23459-51, *Ку^рми* (Д.п.) 4328-93, *по реки* 13-22, *о... зе^нли* 42777а, д. 14, л. 21 и т. д.

¹⁹ Сочетание «княж Иванов», видимо, следует рассматривать как одно фонетическое слово. Ср. в диалектологической записи, сделанной в середине XX века в селе Печки Новоторжского р-на Тверской обл. *книжабѣт* = княжий обед [Нар. говоры... 1971: 126].

²⁰ Впрочем, здесь нельзя не сказать о возможной орфографической аналогии с формой *имя*.

²¹ Предлог «после» включен сюда условно, так как в древнерусском языке он был конечнотаким и определить, какова была его акцентировка в конце XVI – первой половине XVII в., затруднительно.

1.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]

Материал исследованных рукописей свидетельствует о том, что вокализм **первого предупредного слога** после шипящих согласных и [ц] был, по-видимому, схож с вокализмом после мягких согласных. Здесь отчетливо отражается реализация *е (и *ь) перед твердым согласным в звуке [о]: в *Шоло^нско^н петине* 23458-13, *Що^нкунова* (Р. ед., фамилия) 32-37, *О^ндрья Шолко^нника* (Р. ед.) 136-59. Можно думать, что была возможна и другая реализация, а именно в звуке [и] (или [ы]): *пере^н Бажино^н* 23458-25, 23460-64 (ср. *Бажьвну* 13-44²²).

Что касается других гласных, то найден лишь пример реализации <a> в звуке [е]: *у^н шерано^нского помѣ^нтъя* 43363, д. 3 (листы не пронумерованы). Ср. там же: *Шарана* (Р. ед.).

Позиция второго и других предупредных слогов материалом не представлена, а написаний, позволяющих судить о вокализме **заударных слогов** встретилось довольно много.

Есть основание предположить, что *е и в неконечных слогах, и в конечных закрытых слогах реализовалось в звуке [о], так как имеются орфограммы с буквой *о* на месте *е*:

Неконечные слоги

Перед тв. согл.: *Ку^нцова села* 42757, д. 40, л. 4, <пустошь> *Я^нцово* 32-214;

Перед мягк. согл.: с *Ма^нуцою* 43363, д. 7, л. 1.

Конечные закрытые слоги

Перед тв. согл.: *острожокъ* 136-69об., *кружокъ* (Р. ед.) 136-2об., 65, *де^ншо^н* (Р. мн.) 42768, д. 6, л. 1, *пашо^н* (Р. мн.) 42757, д. 25, л. 2 (2 раза), *усадишо^н* 42757, д. 10, л. 3, *пом[ѣ]стеицо^н* 43363, д. 38, л. 6, *помѣ^нтъицо^н* 43363, д. 24, л. 1, у... *паши^нцо^н* 42757, д. 2, л. 2, за... *старцомъ* 32-116, *Ка^нцо^н* 42757, д. 11, л. 1, *Румя^нцовъ* 23459-125;

Перед мягк. согл.: за *старицо^н* 32-28.

Эти написания могут отражать фонетическую реальность, если учитывать, что после твердых согласных в заударных слогах в современных новгородских говорах встречается различие гласных неверхнего подъема [см. ДАРЯ I, карты 17, 18, 19], а после мягких перед твердыми в небольшом ареале, прилегающем с востока к озеру Ильмень, наличествует заударное ёканье [см. ДАРЯ I, карта 21]. Если же принять во внимание, что в окрестностях Новгорода и озера Ильмень имеются также заударное аканье и яканье [ДАРЯ I, карты 17, 18, 19, 21, 22] и что для конца XVI – первой половины XVII в. предполагается неразличение гласных неверхнего подъема в заударных слогах после твердых согласных (см. выше, 1.3.1.3.), то небезосновательно было бы считать приведенные орфограммы гиперкорректными, возникшими из нежелания отражать акающее произношение. Косвенным свидетельством этого могут служить написания *помѣ^нстеицо^н* (Тв. ед.) 42768, д. 7, л. 1, в *Бежа^нкои пятини* 43363, д. 24, л. 1, *Бежа^нкия пятин[ы]* 43311, д. 4, л. 1, которые явно отражают произношение [а] на месте *е.

После мягких согласных в неконечных заударных слогах в новгородских говорах может звучать [и], что единично отражено и в исследованных рукописях (см. выше, 1.3.2.2.). В позиции после шипящих согласных подобное произношение, то есть [и] или [ы] (если шипящие были твердыми), также находит отражение: *Бѣжи^нкие пятини* 43363, д. 24, л. 7, *Лодыжи^нскимъ* 43777а, д. 4, л. 2, *Лодыжи^нскимъ* 43777а, д. 4, л. 2.

Написание *сто три^нце^н* 43363, д. 2, л. 9, возможно, следует рассматривать как указание на реализацию <a> в звуке [е] в конечном закрытом заударном слоге (аналогичная буквенная замена *я* на *е* встречена и в позиции после букв, обозначающих парные мягкие согласные, см. 1.3.2.2.).

²² Это имя *Бажьвн*, возводимое, скорее всего, к прилагательному *бажьвнй* 'милый, желанный' [см. Слов. рус. личн. имен: 74]. Ср. также совр. новгородск. диал. *бажьвнй* с тем же значением [Новг. обл. сл., вып. 1: 23].

В конечных открытых заударных слогах *е, по-видимому, реализовалось в звуке [и] — бо^иши 13-48, 58об., ме^иши 13-48 — и в звуке [о] (либо [а], если следующие написания считать гиперкорректными): ту^и жо 42757, д. 33, л. 1, помѣстеицо 43280-65, 43311, д. 1, л. 1, 42757, д. 13, л. 1, селицо 32-293, 298 (2 раза), 299.

Так же, как и в позиции после мягких согласных, есть окончания, где написание буквы и, по-видимому, обусловлено морфологически (см. 1.3.2.2.): по дачи 42757, д. 2, л. 1, 43363, д. 4, л. 1, 42380-92, в Сибези 42757, д. 25, л. 3, о поми^ете^ици 42757, д. 5, л. 1.

1.3.4. Вставные гласные

В районе Новгорода и озера Ильмень, как и в подавляющем большинстве русских говоров, наблюдаются необходимые для устранения труднопроизносимого (с точки зрения структуры слога) начального сочетания согласных протетические гласные [о] или [а] в слове ржаной [Шахматов 1896: 23, Соловьев 1904: 7, Чагишева 1949: 7, ДАРЯ I, карта 14]. Видимо, это явление имело место и в XVII веке. Так, в рукописях отмечены написания надо рво^и 13-80, ото^и жи 13-27об. Судя по всему, в тех случаях, когда сочетание рв или рж попадало в позицию после предлога, оканчивающегося на согласный, к предлогу прибавлялся гласный и слоговая граница формировалась так, что труднопроизносимое сочетание устранялось: на-дор-вом, о-тор-жи, а начало каждого слога оказывалось построенным по принципу восходящей звучности. Если же слово, начинающееся сочетанием рв, рж, миш или лн, следовало в контексте после слова, оканчивающегося гласным или состоящего из гласного, то труднопроизносимого сочетания не возникало. Видимо, поэтому в таких случаях отражения вставки гласного в рукописных источниках мы не находим: солодо^и ячны^и и ржаны^и 13-72, Ва^иламка Ржаника (Р. ед.) 13-26об., на Мишагъ рекѣ 32-111, болота миарины четыре десятины 32-301, за Миха^икою Лнянико^и 32-23, Гаври^ика Лняника (Р. ед.) 32-24об.

1.4. КОНСОНАНТИЗМ

1.4.1. Губные спиранты

1.4.1.1. Фонема <в> и ее позиционные варианты

Современным новгородским говорам свойственна реализация фонемы <в> звонким губно-зубным [в] в сильных позициях и звуком [ф] — в позициях оглушения [ДАРЯ I, карты 56, 57, 58]. В новгородских берестяных грамотах XII–XIV вв. имеются указания на то, что в предконсонантной позиции фонема <в> воплощалась в звуке [w] или [y] [см. Зализняк 1995: 65]. В текстах же конца XVI – первой половины XVII в. уже совершенно отчетливо отражается наличие в этих условиях позиционного [ф], что говорит о несомненном губно-зубном образовании <в>. Перед тем как приводить примеры из рукописей, заметим, что во всех нижеприводимых случаях звук [ф] передается буквой ѿ, начерки которой четко отличаются от начерков буквы в, что кстати, в скорописи бывает не всегда. Итак, примеры таковы: ѿ прошло^и 42768, д. 12, л. 4, во сто во ѿторо^и году 42757, д. 2, л. 2, во сто два^ица^и ѿторо^и го^иу 23460-285, Саѿжа Федоро^и с(ы)нь Березинъ 42757, д. 18, л. 1 (Саѿжа — это уменьшительное от имени Сава; ср. в ответе на цитируемую челобитную, полученную из Москвы: ...а что Сава Березину помѣсно^и окла^и... Там же, л. 2), Саѿжа 23459-16. Возможно, сюда же относятся написания Ива^и Вито^ито^и 42757, д. 9, л. 1, Вито^итова (Р. ед.) 23460-201 (ср.: Вито^итова 23460-147).

Имеется отражение оглушения <в> в [ф] и в грамотах из Бежецкой пятины (вернее, на обороте этих грамот в «приложениях руки»): *ф оирсово место* 43363, д. 40, л. 10об., *Федорова место* 43363, д. 40, лл. 1об., 10об. (в данном случае пропущен предлог, по всей вероятности, сливавшийся в произношении со следующим звуком [ф]; ср. аналогично в звонком варианте: *Велико^н Новегороде не велено...* 43363, д. 33, л. 11).

Есть и написания с буквой у на месте в: 1) в заимствованном имени собственном *Еуфи^н* 23458-2; 2) в словах «новгородец», «новгородский»: *ноугороде^н* 23459-302, *наугороде^н* 23459-158, *ноугоро^оцкого* 23458-27, *ноугоро^оцкимъ* 13-1, *ноугоро^оцки^х* 136-3 и т. д. Известно, однако, что традиционные написания имен собственных иноязычного происхождения с буквой у, соответствующей их этимологии, не могут быть показательными для решения вопроса о качестве губных спирантов в говоре писцов [см., напр., Черных 1953: 229, Хабургаев 1967: 182 (сноска 8), Сумникова 1960: 163]. Написание же слов «новгородец», «новгородский» с буквой у фиксируется исследователями во многих рукописных источниках, например в Новгородской Кормчей 1282 г. [Шахматов 1886: 162] и в поздних новгородских памятниках [Шахматов 1915: 227], в летописи Авраамки [Карский 1899: 7, 8], в рукописях XVI–XVII вв. из библиотеки Соловецкого монастыря [Владимиров 1878: 16], в столбцах Севского стола Разрядного приказа [Хабургаев 1967: 170 (сноска); Котков 1963: 95;] в московских деловых документах XVI–XVII вв. [Васеко 1973: 160; Гиппиус 1996: 155–159], в Лаврентьевской летописи [Орлова 1950: 185], Чудовском сборнике XVI в. [Сумникова 1960: 163], в Радзивилловском списке летописи [Ганцов 1927: 212], в мангазейских памятниках XVII в. [Цомакион 1966: 249, 250, 257]. Нами такие написания были обнаружены в Писцовой книге Обонежской пятины Новгородского уезда XVI в. (лл. 8об., 10, 339 и др.)²³. Возможно, произношение звука [ў] именно в словах «новгородец», «новгородский» было в прошлом широко распространено в русских говорах. Так, А.И. Соболевский отмечал произношение *ноугоро^оцкой* для говоров пограничных районов Крестецкого и Тихвинского уездов Новгородской губернии [Соболевский 1897: 35], где в настоящее время господствует [в] губно-зубное (такой же была ситуация и в конце XIX века). Этот факт подтверждает предположение А. А. Гиппиуса о том, что в позднерусский период в говорах, развивших [в] губно-зубное, билабиальное [w] могло сохраняться как раз в словах «новгородец», «новгородский» [Гиппиус 1996: 164–165]. Впрочем, правомерно и другое объяснение: быть может, произношение в древненовгородском говоре билабиального [w] нашло отражение в правописании указанных слов и закрепилось в орфографии, после чего соответствующие орфограммы могли получить распространение и в текстах других территорий.

В одной из рукописей встретилось написание с пропуском буквы в перед л: *на Яколе улице* 32-5об. Это явление известно и ранним новгородским (а также псковским) памятникам как бытового, так и книжного характера [см. Зализняк 1995: 61]. Объяснить его попыталась Н. И. Самуйлова. По ее мнению, под влиянием сонорных [л] и [м] увеличивалась сонорность предшествующего [в], которая и так была в древних новгородских говорах выше, чем в ростово-суздальских, хотя и не достигала той степени, которая характеризует обычное билабиальное [w], известное в современных русских говорах. Поэтому в положении перед [л] и [м] это [w] приобретало нормальную сонорность, переходило в [ў] неслоговое и опускалось. Случай подобного пропуска буквы в в ростово-суздальских памятниках письменности не встречаются, так как в центральных говорах [в] было столь мало сонорно, что усиление его сонорности перед [л] и [м] не было существенно и не приближало его к высокосоночному [w] [см.: Самуйлова 1963: 61, 62].

Конечно, для XVII века написание *на Яколе улице* уже является традиционным.

²³ Рукопись хранится в РГАДА, фонд 137, оп. 1, Олонек, № 1.

1.4.1.2. Эпентетическое и протетическое [в]; предлог *ув*

В исследованных рукописях отмечены написания, отражающие появление эпентетического [в] в йнтервокальном положении в заимствованных словах: *за Ларивоно^м* 32-80об., *Ларивона* (Р. ед.) 42757, д. 29, л. 1, *Ларивонова* (Р. ед.) 136-48, *Левот^{те}* 43280-65, 42757, д. 37, л. 1, д. 40, л. 1, *Левот^{тви}* 43280-1, *Левот^{твья}* (В. ед.) Там же, *Левот^{тея}* 23460-159, *Левот^{тию}* 42757, д. 40, л. 4, *Клевоти^м* (фамилия) 43363, д. 29, л. 1, *Клевотина* (Р. ед.) 43363, д. 29, л. 2 (ср. *Клеоти^м* д. 43363, д. 29, л. 3), *за... Родивоновы^м* 32-154, *Родиво^{ко}* 43363, д. 40, л. 2 (грамота из Бежецкой пятины).

Эпентетическим можно считать также [в], появившееся между предлогом «о» и формой «отца», так как здесь мы имеем одно фонетическое слово: *бу^т г(о)с(у)д(а)рь я^т чело^м теб^б о воца свое^е вы^луги о поми^тте^нци* 42757, д. 5, л. 1.

Видимо, стремление к преодолению зияния было настолько сильно в новгородском диалекте, что устранялось оно и перед гласными переднего ряда (но, естественно, с помощью другой вставки — йота): *потриярьха* (Р. ед.) 43363, д. 33, л. 11.

В говоре Новгородской губернии Новгородского уезда в начале XX века отмечались слова с протетическим [в], например, *вострый, восна, Волександра* [Соловьев 1904: 7]. В исследованных рукописях протетическое [в] отражено только в слове «вопчий»: *в во^нче^н <рядку>* 42757, д. 25, л. 2 (2 раза). Впрочем, слово «вопчий» представляет собой явление лексикализованное, часто встречающееся в памятниках письменности [см. Срезневский, 1: 276; СлРЯ, 2: 248].

В рукописных источниках есть и написания несколько иного рода — такие, где вставное *в* появляется лишь после предлога *ув*: *у-в-Офона^я* 42757, д. 37, л. 7, *у-в-озера* 43280-92 (3 раза), *у-^о-зера* 43280-92, *у-в-Ове^{ки}* 42757, д. 33, л. 1. Видимо, следует предположить, что эти написания связаны с наличием в говоре предлога *ув*.

У историков языка и диалектологов сложилось мнение о том, что предлог *ув* на месте предлога *у* появился в результате возникновения возможности произношения [у] полного образования в соответствии с [в] в начале фонетического слова [Соболевский 1907: 123, Шахматов 1915: 290-291, Образование... 1970: 37]. При этом известно, что чередование [в] и [у] становится возможным в такой системе, где звонкий губной спирант имеет билабиальный характер [см.: Образование... 1970: 35], так что генетически предлог *ув* связан с [w] губно-губным. Как показывают данные современной лингвистической географии, рассматриваемый предлог распространен в говорах западной части южного наречия и на юге Псковской группы [ДАРЯ I, карта 59]. Он находит отражение в памятниках деловой письменности XVII в., созданных на территории, занимаемой ныне южновеликорусскими говорами [см., напр., Хабургаев 1967: 174, Котков 1963: 102, Рыбочкина 1970: 8], а также в рукописях западнорусского происхождения, таких, как летопись Авраамки [Карский 1899: 14], литовские летописи [Карский 1894: 22], «Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг.» (см. ниже, 6.4.1.3.), западнорусские вкладные в Новгородское Евангелие XIV в. [Васильев 1902: 166].

В современных новгородских говорах предлог *ув* практически не встречается [ДАРЯ I, карта 59], однако имеются основания утверждать, что немногочисленные написания, извлеченные из рукописей конца XVI — первой половины XVII в., не случайны и в этот период предлог *ув* новгородскому диалекту (в широком смысле) действительно был свойствен. Дело в том, что есть другие памятники новгородского происхождения начала XVII века, в которых фиксируются аналогичные орфограммы, причем представлены они в больших количествах. Так, в Кабальных книгах по Бежецкой пятине 1603 года (№ 9) и в Кабальных книгах по Деревской пятине 1603 года (№ 10) [Новгородские записные и кабальные книги... 1938] нами было обнаружено более ста случаев написания предлога *ув* перед словами, начинающимися с гласных, например: *у-в-Авакума* (Кн. по Беж. пят., л. 20), *у-в-Олексеевых детей* (там же, л. 43), *у-в-Угрима* (там же, л. 64), *у-в-ЫстOME* (там же, л. 67об.), *у Петра у-в-*

Обернибесова (Кн. по Дерев. пят., л. 88 и т. д.). Отмечен предлог *ув* и в двинских грамотах XV в. [Шахматов 1903: 83].

Данные лингвистической географии указывают, что ареал распространения предлога *ув* (*уво*) почти совпадает с ареалом распространения [w] в позиции конца слова и слога [Образование... 1970: 36, 37]. Таким образом, появление предлога *ув* в новгородском диалекте связано с периодом, когда губной спираント был билабиальным (кстати, наличие этого предлога отмечается еще в берестяных грамотах XIV века [Зализняк 1995: 75]). В дальнейшем [w] губно-губное превратилось в [v] губно-зубное (что и отражено в исследованных рукописях конца XVI – первой половины XVII века, которые надежно свидетельствуют о позиционном [ф], см. 1.4.1.1.), а предлог *ув* еще какое-то время сохранялся (по крайней мере в XVII столетии), но в конце концов и он был утрачен, так что современные говоры его не знают.

1.4.1.3. Фонема <ф>

В настоящее время в новгородском диалекте фонема <ф> (и соответственно <ф'>) не подвергается заменам на <х>, <хв> или <п> за исключением единичных случаев [ДАРЯ I, карта 55], видимо, являющихся реликтом прежнего состояния системы (новгородские берестяные грамоты отражают изредка замену [ф] на [х] [см. Зализняк 1995: 75]). В исследованных рукописях конца XVI – первой половины XVII в. замена [ф] на другие звуки отражения не находит. Впрочем, есть редкие случаи обратной замены: *Футыня м(о)наѣт(ы)ря* 32-194об., 299, *за футынскимъ кр(е)ѣтъянино* 32-155 (ср.: *за хутынскимъ кр(е)ѣтъянино* 32-156), *Орефина* (Р. ед., фамилия, видимо, от имени «Орѣхъ») 32-9об., *Тифи*ское 42788, д. 9, л. 1. Скорее всего, мы имеем дело с остаточными гиперизмами, которые обычно возникают в говорах при отходе от ярко выраженных и осознаваемых диалектных явлений (о гиперизмах в русских диалектах см. [Касаткин 1987]; см. также [Касаткин 1999: 115-130]). Такого рода замена была присуща новгородскому диалекту и в начале нашего столетия: в частности, в говоре Новгородского уезда Новгородской губернии было распространено произношение *Ти[ф]ина*, *Ти[ф]ино*, *Ти[ф]инская* [Соловьев 1904: 6, 11]. В исследованных текстах, кстати, встречено несколько случаев написания слова «Тихвина» (совр. р. Тихвина) и производных от него с буквенным сочетанием *хф*: *на Ти^хфинѣ* 43363, д. 28, л. 5, *с Ти^хфине* 43363, д. 25, л. 1, *ти^хфи*ское 23460-16. По мнению В.Г. Орловой, подобные написания (они известны и текстам других регионов) свидетельствуют о произношении сочетания *хв* как [xf] или [xф] [Орлова 1950: 205].

1.4.2. Заднеязычные согласные

1.4.2.1. Качество звонкого заднеязычного согласного

Материала по этому вопросу в рукописных источниках, как правило, бывает мало. Не стали исключением исследованные тексты, в которых имеется лишь несколько написаний, заслуживающих комментария. Орфограмма *к^убному староѣти* 42757, д. 5, л. 1 с пропуском начальной буквы *з* в слове «губный» может свидетельствовать о взрывном характере [г], которое слилось с предшествующим предлогом, состоящим из взрывного заднеязычного. Возможно, информативно и написание *Номѣ* 42757, д. 4, л. 10 как отражающее оглушение [г] в [к], а следовательно, скорее всего, взрывное качество звонкого заднеязычного. Примечательно, что в рукописях достаточно широко отражается диссимилиация [кт] в [хт] (см. ниже 1.4.10.), однако не в данной фамилии, которая, кроме приведенного случая, пишется всегда с буквой *з*: *Нозме* 43280-92, *Нозмеу* 136-28, *Нозмеу* 43280-94.

Есть написания, которые требуют особых комментариев, так как на первый взгляд могут быть приняты за отражение [γ] фрикативного: *Ераси^нко* 43788, д. 10, л. 1²⁴, *княине* (Д. ед.) 43280-41.

Возможно, имя «Герасим» помимо формы с начальным [г] имело огласовку с йотом, что и было отражено на письме. А. А. Шахматов предполагал, что имя «Герасим» звучало в древнерусском языке как *јерас'имъ*, причем йот мог изображаться при помощи йотированной гласной или при помощи буквы *з* [Шахматов 1915: 177]. Звучало это имя так потому, что получило [j] из языка-источника (среднегреческого), где *у* часто переходило в *ј* (о чем свидетельствует широкое распространение данного явления в новогреческом языке, в котором перед гласными [i], [e] древнее *у* звучит как [j] постоянно) [см. Соболевский 1883: 24-25]. Свидетельство произношения имени «Герасим» с начальным [j] в более позднее время мы можем найти, обратившись к словарю-разговорнику Тённиса Фенне с записями псковской речи начала XVII в. (то есть как раз периода, в который были созданы изучаемые рукописные тексты). Фенне приводит форму *Ераси^н* и транслитерирует ее как *Ierasin* [Фенне 1970: 22], из чего следует, что в 1607 году (когда был составлен словарь) в живом псковском произношении имя «Герасим» звучало с йотом.

Что касается написания *княине*, то данное слово (а также производные от него) встречается в такой огласовке во многих памятниках древнерусской письменности [Срезневский, 1: 1397, СлРЯ, 7: 202], так что эта огласовка могла быть закреплена нормой как допустимая. А. А. Шахматов полагал, что ее возникновение связано с южнорусским по происхождению книжным произношением [кп'ајин'а] [Шахматов 1941: 91-92].

Видимо, фрикативным образованием звонкого заднеязычного, присущим церковнославянскому языку, следует объяснять еще одно написание, встреченное в одном из исследованных текстов — *А^рхд^ельско^е собора* (Р. ед.) 13-57об. Есть и вызывающая затруднения в интерпретации орфограмма — *на дворяне^е* 13-24 (ср. контекст: *на дворяне^е* и *на дете^х боя^рски^х* и *на прика^ны^х люде^х*). Как ее комментировать, пожалуй, неясно. Возможно, что это описка.

Таким образом, в живой речи [г] было несомненно взрывным, каковым оно является и современных новгородских говорах [ДАРЯ I, карта 44].

1.4.2.2. Вопрос о прогрессивном ассимилятивном и переходном смягчении заднеязычных согласных

Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных для современных новгородских говоров в целом нехарактерно («островки», где отмечается, как правило, единичное произношение [к'] на месте [к] после мягких согласных, находятся в некотором отдалении от Новгорода и озера Ильмень [ДАРЯ I, карта 66]). В исследованных рукописях имеются написания *ско^аке* 136-81 и *то^аке* 43363, д. 12, л. 7, за которыми можно усмотреть отражение прогрессивного смягчения [к] после [л']. Скорее всего, это было лексикализованное явление, которое проявлялось лишь в нескольких словах. Во всяком случае, в конце XIX в. к северо-западу от Новгорода, в Тесовской волости Новгородского уезда, Н.М. Каринским в ряде деревень было отмечено «неорганическое смягчение к» в лексемах *скольки*, *стольки*, *нескольки* [Каринский 1898: 109].

Что касается переходного смягчения [к], то в настоящее время оно в той или иной степени характерно для всех говоров, расположенных вокруг озера Ильмень [ДАРЯ I, карта 68; см. также: Чагишева 1949: 7]. Имеется его отражение, хотя и лексически ограниченное, и в изученных рукописных текстах: <пустошь> *Лу^мяново* 32-189об., <место> *Павлика Луть-*

²⁴ Аналогичное написание «у Ерасима» встречено в новгородских кабальных книгах по Деревской пятине 1603 года [Новгородские записные кабальные книги... 1938: 202 (вторая пагинация)].

янова 32-26, <место> *Лу^мянского площа^оного по^дячево* 32-12об. Следует заметить, что подобные написания (на *лѹтъанѣ*, с *лѹти(а)нова села*) встречены в новгородских берестяных грамотах XV века [см. Зализняк 1995: 75]²⁵

1.4.2.3. Вопрос о сочетаниях [кы], [гы], [хы]

Как известно, в древненовгородском диалекте процесс перехода [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи] по сравнению с южнорусскими говорами существенно задержался — он начался практически лишь в XIV веке [Зализняк 1995: 74]. В исследованных рукописях отмечены два написания, в которых после букв заднеязычных согласных стоит *ы*: *немецкыи* (Им. мн.) 23459-100, *выслугы* (Р. ед.) 42788, д. 14, л. 1. Скорее всего, здесь отражается остаточное произношение [кы] и [гы]. Следует сказать, что примеры произношения [кы, гы, хы] до сих пор фиксируются в отдельных населенных пунктах на всей территории севернорусского наречия [Касаткин 1999: 196].

1.4.3. Качество <ш> и <ж>

Написаний, которые свидетельствовали бы о качестве <ш>, в исследованных текстах не встречено (употребительны только традиционные сочетания *ши, ша, шу*, на основании которых каких бы то ни было выводов делать нельзя). Что же касается фонемы <ж>, то орфографические данные, позволяющие рассуждать о ее качестве, имеются.

С одной стороны, встречено несколько написаний с сочетанием *жы*: на *прожыто^к* 42757, д. 37, л. 7 (2 раза), *служылы^м* 136-62, *две о^бжы* 42757, д. 22, л. 1, *по^о о^бжы* 42757, д. 39, л. 2 (2 раза). Две подобные орфограммы есть в грамоте из Обонежской пятины: *приложы^т* 43280-50об., *прожыто^но^о* (о) 42777а, д. 8, л. 1, и одно — в грамоте из Шелонской пятины: *приложы^т* 43280-83об.

С другой стороны, в большем количестве отмечены написания с сочетаниями *жя, жю*:

жя

жю

пожялуи 42757, д. 6, л. 1 (2 раза), 43280-169 (2 раза), *пожялова^а* 42757, д. 6, л. 1, 43280-169, *о^бжями* 43280-169, 42757, д. 6, л. 1 (3 раза).

з *Жюко^оского* 32-19об., <пустошь> *Кожюхова* 32-181об., *о^бжю* 43280-144 (2 раза), 169, 42757, д. 15, л. 1, д. 25, л. 2, д. 40, л. 1, на *межю* 136-70 (2 раза), 70об., *мужю* 43363, д. 26, л. 1, *служю* 42363 д. 12, л. 7, *сторожю* (Д. ед.) 136-115об.

В грамоте из Обонежской пятины также встречены аналогичные орфограммы: *пожялова^а*, *пожялу^н* (2 раза), *о^бжя* (2 раза), *о^бжю* (2 раза) 34280-50.

Эти нетрадиционные и, что немаловажно, достаточно многочисленные написания, видимо, отражали мягкость или полумягкость шипящих звуков. Как же соотнести их с приведенными выше орфограммами, где налицо сочетание *жы*, явно свидетельствующее о твердом [ж]? Возможно, в исследованных рукописях зафиксирована та стадия развития диалекта, когда отверждение шипящих только начиналось при том, что могли сохраняться еще и мягкие (или полумягкие) шипящие. В подтверждение этой гипотезы можно привести данные современных новгородских говоров, которым известны, пусть и в небольшом количестве случаев и в ограниченных ареалах, мягкие и полумягкие шипящие [ДАРЯ I, карта 63].

²⁵ Правда, необходимо учесть, что имя Лукьян — заимствованное (из греч. Λουκλιανός), а по наблюдениям А. А. Шахматова, *к'* языка-источника в собственных именах на русской почве часто переходило в *л'* [Шахматов 1886: 169; Шахматов 1915: 194].

1.4.4. Долгие шипящие согласные

В современных новгородских говорах повсеместно представлено произношение [ш̄] хотя местами звучит и [ш̄'], а также [шч], [ш'ч'] и [шч'] [ДАРЯ I, карта 48]. О твердом произношении долгого глухого шипящего свидетельствуют и диалектологические материалы первой половины XX века [см. Соловьев 1904: 5; Свод... 1910: 13; Чагишева 1949: 7].

В исследованных рукописях долгое качество глухого шипящего передается, вероятно, путем употребления двух букв: на *Пле^мщеве* 42757, д. 34, л. 1. На твердость же его указывают следующие написания: *Во^шщына* (фамилия, Р. ед.) 42757, д. 9, л. 1; *с товарищы* 42757, д. 1, л. 1, *сыщы* (imperat.) 43280-106. Ср. также в грамоте из Обонежской пятины: *в усадищы в Песто^шщыны* 42777а, д. 8, л. 1.

Есть, впрочем, некоторые основания предполагать, что долгий глухой шипящий мог звучать и мягко. Дело в том, что в рукописях отмечается определенное количество случаев замены букв *ш* и *щ*²⁶:

ш вместо *щ*:

Пле^ше(е)въ 42757, д. 34, л. 1, *хо^шшевника* (Р. ед.) 32-27, *новокреше^ш* 43363, д. 24, л. 27, *новокрешеново* (В. ед.) 43363, д. 24, л. 27, за *новокрешено^ш* 32-55, *с...усадишские обжи* 42757, д. 25, л. 2, *селишские волости* 136-19, *о^шдв^шлику* 42757, д. 12, л. 1, к *о^шелику* 42788, д. 3, л. 1, *дозо^шшковъ* (Р. мн.) 32-44, *с товариши* 42768, д. 1, л. 13, *с Мости^ш* 32-285, *Корюко^шшина обжа* 42757, д. 25, л. 2, *Ку^шнечевшино^ш* (Т. ед.) 43311, д. 2, л. 1 (ср. <пустошь> *Ку^шнечевщина* Там же), <пустошь> *Карповщина* 32-271об. / 272, <пустошь> *Тимоневщина* 32-272 / 272об.; <пустошь> *Тре^шмяковщина* 32-166. В грамоте, написанной в Обонежской пятине, встречено написание *Собако^шшина* 43280-50 (ср. в грамоте из Москвы: *Собаков^шщина* 43280-48).

щ вместо *ш*:

в лицк^шв 23458-2, на...*пу^штощи* 42757, д. 6 л. 1, за...*дочерищко^ш* 42768, д. 2, л. 1, *с щюрино^ш* 42757, д. 25 л. 2, *в нын^шщн[ем]* 42788, д. 14, л. 1.

За меной букв *ш* и *щ* должна стоять близость в произношении нормально краткого и долгого шипящего. Поэтому, если учесть высказанное выше предположение о том, что в реконструируемом диалекте могли сосуществовать твердые и мягкие нормально краткие шипящие (см. 1.4.3.), допустимо предположить, что долгий глухой шипящий был способен звучать не только твердо, но и мягко (ср. достаточно показательное в этом плане написание *с щюрино^ш* 42757, д. 25, л. 2). Есть, впрочем, еще одна возможность интерпретации замены *щ* на *ш*. В. Ф. Соловьев отмечал, что в некоторых областях Новгородского уезда на месте долгого шипящего согласного звучит одинарный: *шшо*, *шшобы* [Соловьев 1904: 5]. Быть может, в каких-то случаях нечто подобное имело место и в конце XVI – первой половине XVII в.

Более определенные выводы можно сделать о качестве долгого звонкого шипящего. Естественно, встречено достаточное количество случаев, когда он традиционно обозначается буквосочетанием *жж* (*прив^{жж}жа¹* 43280-92, *поро^{жж}жие* 32-122об., *поро^{жж}жи¹* 42757, д. 39, л. 1, *нововые^{жж}жи* (И. ед.) 43280-115 и т. д.), которое в отношении отражения конкретного произношения вполне нейтрально. Однако есть и более показательные написания. О долготе рассматриваемого звука свидетельствуют орфограммы с двойным *жжж*: *поро^{жжж}жие* 43280-106,

²⁶ Учитываются только те написания, которые встречены в почерках, где *ш* и *щ*, как правило, употребляются в соответствии с этимологией. Если же писец использует *щ* вместо *ш* регулярно, следует считать это графическим явлением, не связанным напрямую с фонетическими особенностями говора (например, подобная ситуация наблюдается в челобитной 42777а, д. 7, л. 1).

поро^жжи^х 23460-137, 42757, д. 18, л. 1, 42788, д. 18, л. 1, 43280-65, 230, 43363, д. 37, л. 4²⁷. О твердости звонкого долгого шипящего неоспоримо говорят следующие орфограммы: поро^жжы^х (Р. мн.) 42757, д. 22, л. 1, д. 39, л. 2, в поро^жжы^х 42757, д. 22, л. 1.

В современных новгородских говорах преобладает произношение [ж̄] [ДАРЯ I, карта 52]. На западном побережье озера Ильмень имеется ареал, где в сосуществовании с [ж̄] можно услышать [ж'д'] или [жд']. Скорее всего, такую ситуацию следует реконструировать и для конца XVI – первой половины XVII в., так как в одном из текстов встречено написание в поро^жди^х зеля^х (sic!) 43363, д. 12, л. 7.

1.4.5. Аффрикаты

В исследованных рукописях имеются надежные свидетельства твердости <ц>. Тут регулярно употребляется сочетание *цы*, причем во всех позициях: в корнях, суффиксах и окончаниях. Ср.: *А^рцыбаше^с* 42757, д. 25, л. 1, *А^рцыбашева* (Р. ед.), 32-287, 42757, д. 13, л. 1, д. 25, л. 2, 43280-144, *Курицы^н* 23459-206, *Палицы^н* 43280-90, 92, 94, *Ногавицына* (Р. ед.) 32-180б., *Ногавицыну* (Д. ед.) 136-109, *Непеицына* (Р. ед.) 43363, д. 39, л. 5, *Ресницына* (Р. ед.) 42757, д. 30, л. 5, *Скобе^нцы^н* 23459-125, *Скобе^нцын^ь* 43311, д. 2, л. 1, *Скрыпицына* (Р. ед.) 32-8, *жи^нцы* 13-55об., 136-280б., *нѣмцы* 136-81, <деревню> *Сла^нницы* 23458-2, <пустошь> *Фомицыно* 32-295об., <пустошь> *Жицы* 32-112, <пустошь> *Лямцы* 32-127об., <пустошь> *Мокрицы* 32-113об., *паши^нцы* 42757, д. 2, л. 2, в концы 13-79об., в *д^ггусте м(е)^с(я)цы* 43311, д. 2, л. 1, в концы (М. ед.), 13-79об., в *селцы* 43311, д. 2, л. 1, *улицы* (Р. ед.) 13-17, 6б, 66об., 77, 77об., 78об., 32-6об., *пшеницы* (Р. ед.) 136-73, 74об., 76об., 79 и др., *ярицы* (Р. ед.) 136-73, 74об., 76об., 79об. и др., *о помѣсте^нцы* 43363, д. 15, л. 6 и т. д. (подобных примеров очень много).

Косвенным свидетельством твердости <ц> может служить и передача того [ц], которое возникло в формах 3 лица и инфинитива возвратных глаголов на стыке с постфиксом *-ся*. Здесь после буквы *ц* всегда пишется *а*: *беретца* 13-55, *збираютьца* 136-33об., *жени^нца* (inf.) 23459-153, *име^нца* (3 ед.) 13-11об., 59, *остане^нца* 42777а, д. 17, л. 6, 43363, д. 5, л. 2, *оставае^нца* 42777а, д. 4, л. 1, *стави^нца* (3 ед.) 32-120об., *сыцу^нца* и *о^бъяв^нца* 43280-115.

Таким образом, в новгородском диалекте к концу XVI в. аффриката <ц> уже отвердела (тверда она и в современных новгородских говорах [ДАРЯ I, карта 46]).

Вторая аффриката — <ч> — в новгородском диалекте в нынешнем его состоянии в основном мягкая, хотя в сосуществовании с мягким ее произношением часто звучит [ч] твердое и есть территории, где [ч] твердое является единственно возможным [ДАРЯ I, карта 45]. На твердость [ч] указывали диалектологи и в конце XIX – начале XX в. [см. напр., Шахматов 1896: 25; Диалектологический материал... 1914: 317].

В исследованных рукописях достаточно отчетливо отражается мягкость <ч>. Здесь широко распространены написания с сочетаниями *чя* и *чю*, причем во всевозможных морфологических позициях, в том числе, что особенно показательно, в корнях имен собственных, не имевших традиционного орфографического облика, а следовательно, записывавшихся со слуха.

чя: <деревню> *Чяполево* 42757, д. 2, л. 1, *Чяховской* (фамилия, И. ед.) 23459-125, *дача* 43280-92, *волочя^с(ь)* 43363, д. 15, л. 8, *нонеча* 42757, д. 40, л. 4.

чю: *Раман^нчюкова* (фамилия, Р. ед.) 13-15об., 136-62об., *Раман^нчю, ова* 136-62об., <пустошь> *Чючево* 32-125, <пустошь> *Чюркина гора* 32-185, *Чюдино^с с(ы)н^ь* 42757, д. 6, л. 1, <пустошь> *Чюдино* 32-190, <пустошь> *Чю^оцкая* 32-205, <в пустоши> в *Чю^оцке* 32-114, *чюдотворцу* 13-29об., *чюдотвор^сца* 136-82, *к чюдотвор^сному* 13-29, 30, *чюжие* 23459-46, *чюжюю* 23458-2, *волоцю се* 43363, д.

²⁷ Впрочем, имеются и написания, где употреблена только одна буква *ж*: *порожы^х* 42757, д. 40, л. 3, 42777а, д. 17, л. 6, 43280-169 и нек. др., *пороже^н* (Р. ед. ж.р.) 42757, д. 15, л. 1, 42777а, д. 14, л. 21.

2, л. 9, хочю 42757, д. 12, л. 1, помолочю 43363, д. 33, 15, за гречю 13-27об., в додачу 42757, д. 39, л. 2, в ро'дачу 136-3об., на...свечю 13-68, за тысячу 13-54об., Ивановичю 43280-94, О'др'вевичю 43280-223, Федоровичю 43280-65 и т. д.

Возможно, следует полагать, что в конце XVI – первой половине XVII в. новгородско-му диалекту еще не было свойственно отверждение <ч>, которое, следовательно, стало осуществляться (да и то не совсем последовательно) позднее.

Что касается цоканья, то его непосредственного отражения (то есть мены букв *ц* и *ч*) в исследованных рукописных источниках не отмечено. С чем это связано — с тем, что цоканье как диалектная черта уже нивелировалось²⁸, или с письменной традицией соблюдать правильное употребление букв *ц* и *ч*, характерной для деловых документов XVI–XVII вв., — сказать затруднительно. Во всяком случае, исследователи памятников письменности XVI–XVII вв. отмечают, что в рукописях этого периода, созданных на тех северновеликорусских территориях, говоры которых в настоящее время характеризуются цоканьем, практически повсеместно отсутствуют случаи смешения букв *ц* и *ч* [Елизаровский 1958: 27-28; Колесов 1972: 354; Копосов 1967: 192-193; Копосов 1971: 10; Копосов 1977: 83-84; Сущева 1974: 96-97]. Отражается неразличение аффрикат чрезвычайно редко, причем отнюдь не в северных текстах делового содержания, знающих как раз этимологически верное употребление букв *ц* и *ч*, а в некоторых церковно-книжных памятниках, например, в Богдановском Златоусте XVI в. [Васильев 1905: 307], в двух Минеях XVII в., в Цветной Триоди XVII в. [Колесов 1972: 354].

Не привносит ясности в вопрос о том, имелось ли цоканье в реконструируемом диалекте конца XVI – первой половины XVII в., и наличие следующих не совсем тривиальных написаний: *пострипитца* 42757, д. 12, л. 1 (2 раза), *пострѣтца* 43363, д. 43, л. 1. То произношение, которое за ними стоит, появилось, должно быть, в результате наличия только одной свистящей аффрикаты и слияния ее с звуком [с] постфикса, которое сопровождалось отверждением: *постри[ц'c'a]* → *постри[ц:a]*. Однако невозможно определить, отражают ли эти написания еще существовавшее в конце XVI – первой половине XVII в. цоканье или же они свидетельствуют лишь о наличии его следов. Дело в том, что произношение инфинитивов возвратных глаголов с основами на *k и *g типа *постри[ц:a]* могло лексикализироваться и сохраниться в диалекте уже после утраты цоканья.

1.4.6. Непозиционная твердость-мягкость и глухость-звонкость согласных

В исследованных рукописях находим указания на существование в новгородском диалекте конца XVI – первой половины XVII в. непозиционного отверждения согласных: *na^mco^m* 42757, д. 7, л. 1, *перенесты* (inf.) 23459-50, *ис пре^жны^x* 23458-27²⁹. Примечательно, что практически аналогичное написание находим в псковской отказной книге того же периода (1618-1623 гг.). Речь идет о корне числительного «пять»: *na^mдеся^m* (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455, л. 96; см. ниже — 3.4.9.). Значит, можно с определенной долей уверенности утверждать, что вышеприведенные написания случайными описками не являются, а отражают языковую реальность. В пользу такого заключения говорит и тот факт, что непозиционное отверждение соглас-

²⁸ В древненовгородском диалекте, как известно, цоканье было распространено, а современные новгородские говоры в массе своей его не знают [ДАРЯ I, карта 47].

²⁹ На первый взгляд, к этой категории случаев относятся и орфограммы *ворона^жские* 136-20, *Гараси^m* 23458-2, за *Гарасимо^m* 32-63, *Савастья^mка* (Р. ед.) 32-98. Однако это написания, характерные для многих памятников деловой письменности. Название города Воронежа в древнерусских текстах предстает и в виде *Воронежь* (*Вороняжь*), и в виде *Вороножь*, *Воронажь* [см. Нерозник 1983: 48-49]. Огласовки же *Савастьян* и *Гарасим* — это распространенные варианты имен «Севастьян» и «Герасим» [Слов. рус. личн. имен: 122, 310].

ных в единичных случаях фиксировалось в конце XIX в. и отмечается в современных новгородских говорах. Ср.: *соводни* [Каринский 1898: 96], *Владимир* [Шахматов 1896: 23], *гвоздо-во ѝ* 'висящий на гвозде' [Новг. обл. сл., вып. 2: 10], *грузд* 'груздь' [там же: 63].

Отдельно приведем встреченные в исследованных рукописях случаи отражения отвердения [р']: *Скрыплицына* (фамилия, Р. ед.) 32-8, за...*Скрыплевы*³⁰ 32-174об., *Скрыплевъ* 42788, д. 1, л. 1 (грамота из Деревской пятины), *с товарищи* 23458-25, 23459-125, 42757, д. 2, л. 2, 43280-223, 32-145, 152, 156, 279 и др. (в этом слове часто). В настоящее время ДА-РЯ отвердение [р'] в новгородском диалекте не фиксирует, но в «Новгородском областном словаре» наличие такого отвердения именно в лексемах с корнем *скрип-* отмечается. Ср. контекст к словарной статье **СКРЫПУН** 'вид болезни руки': *Скрыпун пристаает к руки, скрыпит рука в кисти. Руку в дверь просовывают, где петли, потихоньку тискают руку и приговаривают: — Что скрыпит? — Скрыпун скрыпит. — Лечи, чтобы не болело. Так три раза и проходит.*³⁰ Отмечал огласовки *скрыпеть*, *скрып*, *скрыпка* в говоре Новгородского уезда и В. Ф. Соловьев [Соловьев 1904: 7], а в диалектологических материалах, поступивших из Новгородского уезда и обработанных А. А. Шахматовым, присутствуют формы *крык*, *скрыпка* [Шахматов: 1896: 23].

Обратное явление — непозиционное смягчение твердых согласных — отразилось во встреченном в одной из исследованных рукописей написании *грамоту о^мди^нною* 42757, д. 5, л. 1 (если, конечно, это не описка) и, возможно, в фамилии «Дирин»: *Дири*³¹ 42777а, д. 7, л. 1, 43463, д. 12, л. 7, *Дирина* (Р. ед.) 43280-169, *Дирины*³¹ 32-87, 166 (если эта фамилия этимологизируется от корня *дыр-*, а не *дир-*, ср. др.-русск. *дырати*, *дирати*).

Из «Новгородского областного словаря» можно извлечь примеры непозиционного смягчения согласных: *нёгти* (ср. контекст: *Бес беса по нёктям узнаёт*) [Новг. обл. сл., вып. 6: 35] и вариативности по твердости-мягкости: *балакать* / *балакять* 'разговаривать, беседовать' [там же, вып. 1: 27], *зурка* / *зюрка*, *зёрька* 'поросенок' [там же, вып. 3: 105], *наслүз* / *наслюз* 'вода, выступившая на поверхность льда, обычно в оттепель' [там же, вып. 6: 14]³¹.

Для новгородского диалекта конца XVI — первой половины XVII в. была характерна, по-видимому, и спорадическая мена глухих и звонких согласных: *Пе^мрЪ А^прузо⁶* 42757, д. 5, л. 1 (ср.: *Пе^мровы^м поместЪемЪ А^рбузова* 42757, д. 7, л. 1), *с волокиды* 23460-65. Это явление наблюдается и в современных новгородских говорах: *бадог* 'тросточка, батог', *бадожбк* 'палка, трость' [Новг. обл. сл., вып. 1: 22], *крѣьжа* 'крыша, кровля' [там же, вып. 4: 160], *недолүкий* / *недолүгий* 'неумелый, непроворный, неловкий, нерасторопный, медлительный, неуклюжий и т. д.' [там же, вып. 6: 37-39]. Применительно к концу XIX в. произношение *сартинки* (т. е. сардинки) отмечал А. А. Шахматов [Шахматов 1896: 26].

1.4.7. Опущение обозначения йота как возможное свидетельство его отсутствия

Опущение обозначения йота известно памятникам письменности, в частности псковской, как древней, так и более поздней — XVII века (см. ниже, 3.4.11). Встречены написания, где нет обозначения йота, и в исследованных новгородских текстах: *старо* (Им. ед. м. р.) 42757, д. 37, л. 7, *милотивы* (Им. ед. м. р.) 42757, д. 33, л. 2. Возможно, конечно, что это чисто орфографическое явление, но есть все же некоторые основания предполагать, что за данными написаниями стоит отражение фонетической особенности, поскольку аналогичный случай фиксировал в новгородском диалекте В. Ф. Соловьев: *да-ко* (вместо *дай-ко*) [Соловьев 1904: 6].

³⁰ Встречается отвердение [р'] и в других словах, например, *ковръьга*, *ковръьжка* [Новг. обл. сл., вып. 4: 65].

³¹ Здесь учитываются только те слова, которые были записаны в районах, близких к Новгороду и озеру Ильмень, а вообще-то в словаре, охватывающем диалекты всей Новгородской области, подобных примеров больше.

1.4.8. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

Парные по твердости — мягкости согласные могут выступать в позиции сандхи перед фонемой <и> в разном виде. Так, в современном русском литературном языке все они предстают в своем основном варианте (t # i). В северновеликорусском же наречии достаточно широко распространен другой вид сандхи (t' # i), который имеется также в украинском языке [см. Пауфошима 1983: 38]. Как показывают исследования, первый тип сандхи характерен для говоров с более консонантной системой, где хорошо развита корреляция согласных по твердости-мягкости и согласные в позиции сандхи выступают в своих основных вариантах, в то время как последующие гласные к ним приспособляются. При этом есть русские говоры, где согласные ведут себя в указанном положении неодинаково: смягчаются или только губные согласные, или только заднеязычные, или же и те и другие, тогда как остальные согласные остаются твердыми [см.: там же: 42].

В исследованных текстах отразился следующий вид сандхи: губные и зубные согласные последовательно выступают в своих основных вариантах перед <и>, а заднеязычные согласные, по-видимому, смягчаются. Ср.:

Губные + ы: в *Бѣборско^и увѣде* 42777а, д. 16, л. 1, в *Бѣиньско^и погостѣ* 42757, д. 32, л. 1, в *Бѣи^иско^и погосте* 23459-319, в *Бванегороде* 42757, л. 2, л. 3, в *Бва^игоро^и* 42757, д. 2, л. 2, в *Бванско^и погосте* 32-206, в *Бва^искомѣ* <погосте> 32-206, в *ынои прика^и* 23460-214, в *Ысаево мѣсто* 43280-50об. (грамота из Обонежской пятины).

Зубные + ы: из *Бванягоро^и* 42757, д. 2, л. 2 (2 раза), из *Бванова помѣстья* 43280-144, из *Бвано^исково помѣстья* 43363, д. 37, л. 4, с *Бвано^и* 23460-159, с *Бва^ико^и* 42788, д. 3, л. 1, 43363, д. 24, л. 2, д. 25, л. 2, с *Бвановы^и с(ы)но^и* 42280-1, с *Бвановымъ кр(е)тянино^и* 43311, д. 2, л. 1, с *Бваишкова мѣста* 32-4, с *Бва^иского* <места> 32-19об., с *Блю^икина* <места> 32-35об., с *Ыстоми^иского* <места> 32-5, с *Ые^иского* <места> 32-35, с *Ыгнатко^и* 42757, д. 25, л. 2, с *Бѣменя* 13-1об., 5, 25об., с *ысцо^и* 42757, д. 40, л. 1, с *ыгумы* (Тв. мн.) 13-5б, с *ыными* 43311, д. 2, л. 1.

Встречено и одно, казалось бы, исключение: *и^и животы* 23459-31. Однако здесь явно другая позиция — форма *их*, наверняка, произносилась как [jih]. Ср. записи новгородского диалекта, сделанные в середине XX в.: *у jih* (Мало-Вишерский р-н), *ут ийх* (Волотовский р-н), с *ийм* (Мстинский р-н) [Практические занятия: 70, 71, 72].

Что же касается написаний типа «к, з + ы», то их не отмечено вообще, хотя соответствующие позиции есть, напр.: *к Ивану* 136-51об. Такое, пусть и на первый взгляд обычное написание можно считать вполне показательным, потому что писцы считали совершенно допустимым и правильным писать имя «Иван» и многочисленные производные от него через *ы*, если ему предшествовали предлоги *в*, *с* или *из* (см. выше в списке примеров). Впрочем, в новгородской берестяной грамоте № 765 середины XIII в. имеется написание *к Ыгнату* [Янин, Зализняк 2000: 61]. Возможно, что на протяжении достаточно долгого периода существовала вариативность в произношении твердого или мягкого заднеязычного перед <и>.

Судя по диалектным записям XX в., ныне в новгородских говорах в позиции сандхи перед <и> регулярно выступают не только губные и зубные согласные, но и заднеязычные: *такы л'ет'ёл, дак ыиы, х ызбушки, х ызбы* [Сборн. упр.: 124-125, 127], *п'ир'ивобчыкы ы гор'у(и)* [Практические занятия: 71].

1.4.9. Позиционное оглушение согласных

Оглушение конечных согласных не часто отражается в рукописных источниках. В исследованных новгородских текстах конца XVI — первой половины XVII в. отмечено оглушение конечных [б, з, д, ж]: *не поги^и* 43363, д. 33, л. 12, *что^и* 23459-47, <пустошь> *Ухань* 32-

244об., *приве^с* 43311, д. 2, л. 7, в... *Но^ого^рѣ^м* 42768, д. 1, л. 13, *впер^е* 43363, д. 33, л. 12, *за^м* 23459-46, *ме^м* дво^с 43363, д. 20, л. 1, *обе^м* (Р. мн. от «обжа») 42777а, д. 7, л. 1 (грамота из Деревской пятины).

Свидетельства оглушения звонких согласных перед глухими имеются уже в новгородских берестяных грамотах, правда, их не очень много [Зализняк 1995: 70]. В текстах конца XVI – первой половины XVII в. примеров ассимилятивного оглушения обнаруживается уже больше.

[б] → [п]: *вопче* 42757, д. 15, л. 1, в *во^нче^м* 42757, д. 25, л. 2, *по... боголютам* 42788, д. 14, л. 1, *острово^с ме^ннично^с оптокъ* 32-62, <пустошь> *Беззупцо* 32-249об., <пустошь> *Хрптово* 32-198, 223 (2 раза);

[д] → [т]: *бу^мто* 23459-347, 42757, д. 40, л. 1, *буто* 43363, д. 20, л. 1, *выхотцом* (Д. мн.) 136-53, *вологотоци^к* 136-35, в *Во^мцко^н* <пятине> 13-1, 23459-74, 42757, д. 27, л. 1, к *Воцко^н* *пятин^е* 13-11, *Воцки^е* 32 <пятины> (Р. ед.) 43311, д. 2, л. 1, 43363, д. 12, л. 6 и т. д. (в этом слове часто), *перевотчику* 136-47, *ро^мстве^ны^к* 23460-63, в *ря^мку* 42757, д. 25, л. 3, *ря^мку* (Р. ед.) 136-88, в... *ря^ту* 42757, д. 25, л. 2, *ря^тковъ* 136-88об., *пусто^м* *Потс^ьки* 43280-144, *Ию^мка* 43363, д. 40, л. 3, за *Роткою* 32-88, *Фе^мка* 42757, д. 10, л. 3, 43363, д. 17, л. 1, д. 35, л. 2, *Фе^мко* 42757, д. 22, л. 1, д. 25, л. 2, за... *Фе^мко^н* 32-131об., 193, за *Феткою* 32-194, на... *Фе^мкову вы^м(ь)* 42757, д. 25, л. 2;

[з] → [с]: <пустошь> *Ниское Захонь^е* 32-127об., <пустошь> *Уское* 32-66об., *Семе^н* *Ускои* 43280-219, с *тони* з *Берески* 13-23³³;

[ж] → [ш]: *два^я обешками* 42757, д. 12, л. 1 (3 раза), <пустошь> *Берешково* 32-116.

Таким образом, новгородский диалект конца XVI – первой половины XVII в. относился к числу таких великорусских говоров, в которых позиционное оглушение звонких согласных осуществилось. Такую же картину представляют и говоры XX в. Ср. выборку примеров из текста, записанного Н. М. Каринским в 1913 г. в Новгородском уезде: *зѣфтро, перогоф да блиноф, оп посѣх, вдрук, не досук, лошат* [Практич. занятия: 68].

1.4.10. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных

Примеры диссимиляции и упрощения групп согласных находим уже в новгородских берестяных грамотах, датируемых периодом после падения редуцированных [см. Зализняк 1995: 73]. В современных новгородских говорах также наблюдаются разнообразные изменения в группах согласных, например, *ошварки* ‘шкварки’, *ошлаг* ‘обшлаг’, *паперка* ‘паперть’, *тоснуть* ‘тосковать’ [Новг. обл. сл., вып. 7: 78, 80, 96; вып. 11: 53], *хто* [Сборн. упр.: 127], *што, омманл* [Практич. занятия: 69]. Ср. также *дохтур* [Шахматов 1896: 25]. Довольно многочисленны случаи отражения диссимиляции и упрощения групп согласных и в рукописях конца XVI – первой половины XVII в.

Диссимиляция

[кт] → [хт]³⁴: *хто* 32-4, 136-28, *нихто* 13-17об., 136-16об., 17об., *пере^о* *Венедихтомъ* 2346-158, 159, за *Ведени^томъ* (sic!) 32-184, *Полухту* (Д. ед.) 42757, д. 15, л. 1, *Полух^тко*

³² Здесь отражается оглушение [д] и последующее слияние [т] и [с] в аффрикату.

³³ Написания типа *ис поро^жжи^к земе^н* 43280-230 не приводятся, так как отраженное здесь ассимилятивное оглушение конечного согласного приставки относится еще к праславянской эпохе.

³⁴ Следует заметить, что, традиционно определяемое как диссимиляция, это явление трактуется Л. Л. Касаткиным как возникшее в результате того, что противопоставление согласных по напряженности — ненапряженности заменялось противопоставлением по глухости — звонкости [Касаткин 1995: 44–45].

42757, д. 8, л. 9, *Полухти*^к 42757, д. 8, л. 2, на... *Полухтове* 32-32, *Полуе^хто^с(ы)нь* 23459-125, *х то^н дере^ни* 43363, д. 40, л. 2³⁵.

[кк] → [хк]: *х кн(я)зю* 42768, д. 1, л. 13.

[гк] → [кк] → [хк]: *Мя^хко^н* (фамилия, Им. ед.) 43363, д. 6, л. 1, <пустошь> *Де^хтерево* 31-81об., *дехтяря* (Р. ед.) 32-8об.

[кр] → [хр]: *хр(е)стьяна* (Им. мн.) 42788, д. 1, л. 2 (грамота из Деревской пятины), в *Хрестецко^н погосте* 32-135об., *Хрестецкого яму* (Р. ед.) 32-135об.

Впрочем, подобного рода формы объясняются, скорее, не диссимилиацией, а влиянием слова Христос [см. Карский 1899: 25; Соболевский 1907: 146; Соболевский 1884: 108].

[мб] → [нб]: *анба^рные* (Р. ед. ж.р.) 136-22.

Упрощения групп согласных

[стн] → [сн]³⁶: *бе^вв^сно* 43363, д. 17, л. 1, *воло^сными* 43311, д. 2, л. 1, *поме^сно^н* (Им. ед. м.р.) 23458-13, *пом^вс^ная* 43363, д. 24, л. 2, в *пом^всно^н* 23459-125, *поме^сново* 23460-65, *пом^вны^х* 43311, д. 4, л. 6, *пом^всным^ь* 136-10об., *Поснику* 43280-230.

[стц] → [сц]: *с сыцо^н* 42757, д. 40, л. 1.

[с'т'] → [с']: *поме^се* 23459-47, *пом^вс^е* 23460-74, *пом^вс^я* (Р. ед.) 23460-74, 43280-92.

[з'д'] → [з']: *ше^с дене^с* 32-187об. (из *ше[з'д'-д'е]нег*).

[стс] ([сц]) → [с]: *пого^ские* 43280-92, *пого^ски^х* (В. мн.) 43280-92.

[тц] → [ц]: *оца* (Р. ед.) 43363, д. 38, л. 6, *о воца вы^слуги* 42757, д. 5, л. 1.

[здн] → [зн]: *оба пра^нника* 13-30об., 40об.

[жск] → [шск] → [ск]: в *Обонеско^н* <пятине> 23459-6 (2 раза), 74, *Обоне^ские* (Р. ед.) 23459-136, 23280-50, *Поро^ско^н* (фамилия, Им. ед.) 43311, д. 2, л. 1, *Пороскому* (там же), в *Ладоско^н пороге* 32-24об., *Загряски^н* (фамилия, Т. ед.) 32-215.

Упрощение сочетания [жск] → [шск] → [ск] было обнаружено В. Мансикой в говорах северо-восточной части Пудожского уезда, причем, судя по приводимым им примерам, получившийся в результате упрощения согласных звук [с] выговаривался мягко: *Ладосько озеро*, *Пудоськой* [Мансика 1915: 154]. Определить, какой по качеству звук обозначали буквой с в приведенных выше орфограммах писцы исследованных рукописей, не представляется возможным, так как, если бы [с'] было мягким, эта мягкость вряд ли бы могла найти отражение на письме.

[кск] → [ск]: *сермаские* (Р. ед.) 136-20 (от «Сермакса»).

[ктр] → [кр]: *к ре^нста^н че^твертя^н* 43363, д. 33, л. 11, *к рю^нста^н че^твертя^н* 43363, д. 33, л. 12.

[ндр] → [р]: *а^рхимариту* 136-108, *архимарито^н* (Д. мн.) 13-2, 31, за ... *архимарито^н* 32-12об., на *а^рхимарите* 13-17об.

[бвв] → [бв]: *об во^но^н грамоте* 43363, д. 27, л. 6.

[вв] → [в]: *по мое^н во^но^н грамоте* 42757, д. 9, л. 1, на *Веденьев[ъ] де^н* 43280-83 (грамота из Шелонской пятины).

[бм] → [м] *от... оману* 23458-3 (в результате ассимиляции здесь образуется двойной согласный, который упрощается до одиночного).

[дл'] → [л']: *поле^оные рыбы* (Р. ед.) 13-24об., 25, 26, 27, 54об., за *поле^оную рыбу* 13-25об. (такая огласовка, видимо, была распространена в севернорусских областях, поскольку

³⁵ В связи с наличием такого типа диссимилиации возникает вариативность написания иноязычной фамилии: *Та^атомышева* (Р. ед.) 43363, д. 24, л. 2, *Тахтамышева* 43363, д. 24, л. 7 (2 раза — Р. ед. и В. ед.).

³⁶ Здесь и далее для того, чтобы избежать излишней дробности классификации, не приводится отдельно мягкий вариант соответствующего сочетания (например, в один раздел входят такие написания, как *бе^вв^сно*, где имеется сочетание [сн], и *Поснику*, где произносилось [с'н']).

подобные написания частотны в памятниках деловой письменности северного происхождения [см. СлРЯ, 16:208, 209].

[чт] — [шт] ([т'ш'т] — [шт])³⁷: *што* 23458-12, 245, 23459-48, 152, 153, 306, 313, 23460-159, 201, 42757, д.18, л. 1, д. 25, л. 1 и т. д., *потому што* 43363, д. 6, л. 1.

[чн] — [шн] ([т'ш'н] — [шн]): *придато^шново* 42757, д. 17, л. 2, *порушныя записи* 24360-155, *на пору^шнике^х* 136-34об., *село Палошникъ* 32-83, *туше^шново* 136-114, 115об., *встре^шно* 2346-8, *пряни^шника* (Р. ед.) 136-59об., *обро^шные де^шги* 136-28об., *о^бро^шныхъ* 136-72об., *о^брошны^х* 136-31об., 74об., 86, 86об., 90, 126об., *за о^брошную...рыбу* 136-29, 89, *о^брошника^ш* (Д. мн.) 136-67об., *о^брошникомъ* 136-68, *голянишника* (Р. ед.) 32-20об., *прожито^шны^ш* 43363, д. 2, л. 8, *прожито^шное* 23459-50, *выморо^шное* <поместье> 23459-47, 43363, д. 33, л. 11, 12, *выморошн[ы]ш^ш* 23459-153.

Как видим, сочетание [шн] отмечено в составе 12 лексем. Есть, конечно, и много написаний с *чн*, например, *боче^чную* 13-25 *на о^брочно^ч зе^чли* 42788, д. 10, л. 1, *гре^чневы^ч* 13-86 *житничного* 13-53, *з^чадворо^чные земли* 32-25об., *прожиточно^ч* 23458-3, *выморо^чны^ч* 23459-136, *лаво^чново* 136-80об., *ме^чнично^ч* 32-62об., *м^чсечно^ч* 13-76об., *недоимочную* 13-25об., *остаточное* 136-7, *помино^чные* 13-59 *я^члочное* 13-48, *солодо^ч ячны^ч* 13-72, *за язы^чно^ч приво^ч* 23459-114, *пору^чно* 13-58об., *за перечнико^ч* 32-19об., *рукавичника* (Р. ед.) 32-5об., *шапо^чника* 32-23, *св^чника* 32-21, *колачника* 32-18об., *ябло^чника* 32-35, *за...оловяни^чнико^ч* 32-38 и т. д.

Определить, какова была в реальности степень распространенности произношения [шн], достаточно сложно, поскольку написание *чн* во многих случаях может быть просто традиционным (ср. *на пору^шнике^х по поручно^ч записи на но^горо^чце^ч на дворяне^ч* 136-34об., где однокоренные слова, стоящие рядом, записаны по-разному). Однако несомненно, что изменение [чн] в [шн] охватило существенный слой лексем. Обратившись к ДАРЯ, мы видим, что степень распространенности слов с сочетанием [шн] в говорах, расположенных в окрестностях Новгорода и озера Ильмень, выше средней, но не самая высокая (таковой она является лишь на небольшой территории к западу от озера Ильмень) [ДАРЯ I, карта 83]. Некоторые сведения по данному вопросу можно извлечь из полевых записей новгородского диалекта и «Новгородского областного словаря». Ср.: *с лод^шшни^чикъм, лод^шшни^чикъф* [Практич. занятия: 74], *поделяношно, подлис^шшник* 'деталь телеги', *подлоб^шшник* 'ватрушка с начинкой из картофеля' [Новг. обл. сл., вып. 8: 31, 37, 38]. Сложность, однако, заключается в том, что в иллюстративном материале «Новгородского областного словаря», откуда извлечены последние примеры, используется, как правило, орфографическая запись, а диалектные фонетические черты отражаются спорадически, что, конечно же, делает невозможным выявление всех лексем, в которых на месте исконного сочетания [чн] звучит [шн].

1.5. ВЫВОДЫ

Таким образом, в результате изучения рукописных источников конца XVI – первой половины XVII в. перед нами предстал целый комплекс фонетических явлений, характеризовавших три с половиной – четыре столетия назад новгородский диалект. Сопоставление этого комплекса явлений с той совокупностью изоглосс, которая присуща современным говорам, локализующимся в окрестностях Новгорода и озера Ильмень, позволяет сделать вывод о том, что некоторые инновации, которые привели к видоизменению древнего новгородско-

³⁷ С. П. Обнорский, называя сочетание [т'ш'н] «как бы согласным трифтонгом» полагал, что при его упрощении «подвергается редукции один из компонентов трифтонга, при этом наиболее устойчивым оказывается конечный элемент трифтонга, из двух же предшествующих его согласных элементов наибольшей устойчивостью обладает фрикативная часть (соотносительно с взрывной частью)» [Обнорский 1931: 93].

го диалекта (а современные новгородские говоры, напомним, существенно от него отличаются), развились еще до конца XVI века. Среди тех черт, которые характеризуют ныне новгородский диалект и восстанавливаются на основании изученных рукописных источников для периода конца XVI первой половины XVII в., можно назвать следующие.

- 1) Отсутствие регулярного изменения [а] в [е] между мягкими согласными (случаи такого изменения отмечаются лишь реликтивно).
- 2) Наличие элементов неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных в первом предударном слоге.
- 3) Неразличение гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге после твердых согласных (но не перед ударным [ó]).
- 4) Неоднородный характер вокализма первого предударного слога после парных мягких согласных, шипящих и [ц].
- 5) Оглушение губно-зубного [в] в [ф].
- 6) Наличие случаев переходного смягчения заднеязычных согласных.
- 7) Произношение долгого звонкого шипящего как [ж̣].
- 8) Твердость аффрикаты [ц].
- 9) Наличие случаев непозиционной мены твердых/мягких и глухих/звонких согласных.

При этом, однако, то состояние, в котором находился новгородский диалект в конце XVI – первой половине XVII в., не идентично его теперешнему состоянию. Отличия между двумя диалектными системами, разделенными почти четырехсотлетним временным промежутком, не столь многочисленны, но они тем не менее имеются (см. приведенную ниже таблицу).

*Новгородский диалект
конца XVI – первой половины XVII в.*

Современный новгородский диалект

Произношение [и] на месте *ѣ во всех позициях в ударном слоге.	Ограниченность произношения [и] на месте *ѣ в ударном слоге ([и] звучит лишь в части говоров в позиции перед твердым согласным).
Наличие предлога <i>ув</i> .	Отсутствие предлога <i>ув</i> .
Не завершившийся еще процесс отвердения нормально кратких шипящих.	Твердые шипящие [ш] и [ж].
Возможное мягкое произношение долгого глухого шипящего ([ш̣]).	Твердое произношение долгого глухого шипящего ([ш]).
Мягкость аффрикаты <ч>.	Наличие [ч] твердого наряду с мягким.
Возможность смягчения заднеязычных согласных в позиции сандхи перед <и>.	Твердое произношение заднеязычных согласных в позиции сандхи перед <и>.

Итак, изучение памятников деловой письменности новгородского происхождения позволило обрисовать конкретную специфику того промежуточного состояния (между древнейшим периодом и современностью), в котором находился новгородский диалект в конце XVI – первой половине XVII в.

Глава 2

ГОВОРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ НОВГОРОДСКОЙ ПЕРИФЕРИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

2.1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Новгородский диалект в собственном смысле слова, как известно, не сохранил большей части черт древненовгородского диалекта. Как было показано в предыдущей главе, в конце XVI – первой половине XVII в. собственно новгородский диалект был уже значительно ближе к своему современному состоянию, нежели к тому, которое реконструируется для XI–XIV вв.

Возможно, несколько более архаичными в конце XVI – первой половине XVII в. были говоры северо-восточной новгородской периферии, те, которые формируют по нынешнему диалектному членению Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы [см. ДАРЯ I, карта VI]. Во всяком случае, сейчас они сохраняют некоторые черты древненовгородского диалекта, утраченные современными западно-среднерусскими окающими говорами [см. Образование...1970: 282–283]. Специфика диалекта этой территории заключается не только в том, что он унаследовал некоторое количество древненовгородских особенностей, но и в том, что говоры нынешней Ладого-Тихвинской группы входили в состав формировавшегося северного наречия русского языка; отчего ряд инноваций, развившихся на северо-восточной территории, получил распространение и в пределах Ладого-Тихвинской группы. Кроме того, ладого-тихвинские говоры испытали влияние центральных ростово-суздальских говоров, которое было направлено именно на западную часть территории северного наречия. И, наконец, особенность говоров Ладого-Тихвинской группы определялась тем, что на юге они граничили с говорами, усвоившими аканье (современные Селигеро-Торжковские говоры), вследствие чего в пределы южной части Ладого-Тихвинской группы начали проникать некоторые южнорусские черты [Образование...1970: 284–285].

В итоге образовался языковой комплекс со сложным конгломератом черт, как это случилось в истории русского языка, когда возникали массивы говоров, сочетающих в своих системах разнодиалектные с генетической точки зрения черты и вырабатывающих по большей части на основе трансформации последних известное число присущих им особенностей [см.: Вопросы теории лингвистической географии 1962: 250].

Обрисованная выше специфика говоров северо-восточной новгородской периферии во многом объясняется историей региона. Около начала новой эры здесь (т. е. на территории современного Тихвинского края) поселяются угро-финны [см. Равдоникас 1924: 8, 16], которые и остаются тут на протяжении всего первого тысячелетия н.э. [см. Файнштейн, Шаскольский 1961: 5]. Угро-финны были представлены племенем весь, из основной части которого впоследствии сформировалась вепская народность [Равдоникас 1924: 5]. Археологические данные позволяют утверждать, что вепсы в прошлом населяли также всю территорию Прионья вплоть до устья реки Ояты [см. Муллонен 1983: 99]. Не позднее VII в. началось проникновение в описываемый регион славянского населения, следствием чего стал активный процесс смешения славян с прибалтийско-финскими племенами [см. Хабургаев 1979: 117].

Примерно к 40-м годам XI в. относят начало распространения на Прионежье новгородских погостов и образование территории «Обонежского ряда», который в XII в. уже охватывал верхнее течение р. Яси и восточную сторону ее нижнего течения, течение р. Паши, те-

чение р. Ояти, начиная с верховьев, и выходил к южной оконечности Онежского озера [см. Насонов 1951: 74, 99].

Ту территорию, которую сейчас можно назвать Тихвинским краем, в прошлом составляла Нагорная половина Обонежской пятины с прибавлением трех погостов Бежецкой пятины. В XV в., перед утратой Новгородом самостоятельности, в Тихвинском крае насчитывалось 28 погостов. Это указывает на то, что Нагорное Обонежье в период XIII — XIV вв. было достаточно населено [см. Мордвинов 1925: 6].

Приблизительно в XIII–XIV вв. славянские поселенцы образовали на р. Тихвине два поселка — Верхние и Нижние Иссады [Мордвинов 1911: II]. Первое датированное известие о населенном пункте на р. Тихвине относится к 1383 г., когда была построена церковь Успения Богородицы на том месте, где по преданию опустилась с небес икона Божьей матери. Вокруг церкви образовалось селение, названное Пречистенским погостом [Бердников 1888: 7–13; Зверинский 1890: 254–255]. Церковь несколько раз горела и всякий раз отстраивалась заново, пока, наконец, в 1515 г. не была сооружена каменная церковь, по словам летописца, «в монастыре, повелением государя и вел. кн. Василия Иоанновича всея Руси». Таким образом, видно, что монастырь существовал до 1515 г., но когда был основан, неизвестно [Зверинский 1890: 254–255]. Рядом с монастырем находился «рядок» с несколькими десятками лавок и амбаров, там же проживало около полусотни «посадских людей» [Сербина 1951: 21].

В 1560 г. Иван Грозный распорядился учредить в Пречистенском погосте два монастыря — мужской и женский. Мужской был построен около Успенской церкви и назван Большим Тихвинским Успенским монастырем. При этом посад был перенесен на два километра к югу от монастыря [Сербина 1951: 22].

В 1611–1617 гг. Тихвинский монастырь и посад переживали «шведское разоренье». В 1611 г. шведы осадили Новгород, после капитуляции которого был заключен кабальный договор, предусматривавший переход Новгородской земли под покровительство шведского короля и предоставлявший право его войскам оккупировать эту область. В результате, в стенах Тихвинского Успенского монастыря разместился гарнизон из 120 шведских солдат, который и пробыл там в течение двух лет. Летом 1613 г. в Тихвине поднялось восстание и шведский гарнизон был разбит. На протяжении 1613–1616 гг. Тихвинская крепость многократно противостояла попыткам шведов вновь ею овладеть, и в 1617 г. был заключен Столбовский мирный договор, по которому шведы вернули России Новгородскую область [см. Трехсотлетие...1914; Сербина 1951: 26–41]. Таким образом, Тихвин сыграл важнейшую роль в борьбе против шведской интервенции и стал для северной Руси тем же, чем была Троицкая лавра для Руси центральной [Мордвинов 1911: III].

Тихвинский посад в 1611–1617 гг. был разорен и сожжен шведами дотла, население же было частично перебито, частично разбежалось. Была опустошена и вся местность от Тихвина до Устюжны Железнопольской. Однако перепись 1620 г. свидетельствует о быстром восстановлении Тихвинского посада и значительном росте его населения. По сравнению с данными переписи 1584 г., составленной до «шведского разоренья», количество дворов возросло более чем в два раза, а население увеличилось почти в три раза [Сербина 1951: 41–43].

Основное ядро населения Тихвинского посада в момент его появления составляли жители бывшего Пречистенского погоста, образованного вокруг церкви Успения Богородицы. В XVI в. население, однако, пополнялось также выходцами из других погостов и городов. Война со шведами 1611–1617 гг. уничтожила, как было сказано выше, процветавший дотоле вследствие своего выгодного торгового положения Тихвинский посад. В 1620–1647 гг. восстановление посада, увеличение числа дворов и рост населения шли за счет возвращения старых жителей, «новоприходцы» же составили всего 10% населения, и только в 1647–1648 гг. количество новых поселенцев резко возросло [Сербина 1951: 54–55]. Это обстоятельство важно подчеркнуть, так как оно дает уверенность в том, что местные тексты конца

XVI – первой половины XVII в. писались уроженцами той территории, диалект которой предполагается реконструировать.

Территория Нагорного Обонежья издавна заключала в себе торговые пути, по которым производили товарооборот сначала соседние народы, а потом новгородцы. В частности, Тихвинский погост был расположен очень выгодно в торговом отношении, находясь на пересечении Московской, Новгородской, Ладужской, Устюжской и «зарубежанской» торговых дорог [Сербина 1951: 21], что превратило Тихвин в крупный центр русской торговли и ремесла.

Еще в 1534 г. указом Ивана IV на Тихвинский посад была частью переведена известная ярмарка из уничтоженного Холопьего городка, получившая здесь название «сборной» и развернувшая довольно широко свои торговые операции [Мордвинов 1925: 17]. Значительное место в деятельности тихвинских торговых людей занимало посредничество в сбыте товаров, идущих с севера, юга или юго-востока. Кроме того, тихвинцы являлись посредниками между рынками «московских городов» и более мелкими рынками, насыщая их ярмарки «московскими товарами» [Сербина 1951: 257]. Одним из таких мест сбыта был Александров Свирский монастырь, образованный в 1505 г. в 6-ти верстах к северу от р. Свири и 36-ти верстах к юго-востоку от Олонца [см. Зверинский 1892: 50]. С самого основания монастыря в нем существовала Троицкая ярмарка, на которую регулярно, начиная еще с XVI в., привозили «московские товары» тихвинские посадские люди.

Таким образом, к середине XVII в. Нагорное Обонежье прошло непростой путь развития, что могло сказаться на специфике его диалекта.

* * *

Для реконструкции фонетической системы говора описанной территории были выбраны памятники делового письма, созданные в Тихвинском Успенском и Александровом Свирском монастырях в конце XVI – первой половине XVII в. Было изучено 46 рукописей, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (фонды 3 и 132), общим объемом около 3000 листов: 20 приходно-расходных книг казначеев, 11 приходно-расходных житнических книг, 3 переписные книги монастырского имущества, 1 вкладная и 7 таможенных книг, 3 выписи из межевальных, отписных, сыскных и писцовых книг и 1 книга «с перечнем перебежчиков из-за Шведского рубежа»:

Фонд 132. Тихвинский Успенский монастырь. Описание № 2

№ 1. Книги расходные казначея, старца Варфоломея. 1590–1592 гг. — 212 л.

№ 2. Книги переписные монастырского имущества, составленные в целях приведения в известность состояния монастыря после нашествия «литовских людей». 1612–1615 гг. (дата определяется по игуменству Онуфрия, л. 27об.) — 35 л.

№ 6. Книги приходные казначея, старца Иринарха. 1623–1631 гг. — 212 л.

№ 7. Книга расходная казначея, старца Иринарха (черновая). 1623–1624 гг. — 46 л.

№ 8. Книга расходная «житнического ключника, старца Рафаила всякому хлебу, ржи и яри». 1623–1624 гг. — 19 л.

№ 9. Книга расходная казначея, старца Иринарха. 1624 г. — 24 л.

№ 10. Книга расходная казначея, старца (Иринарха). 1624–1625 гг. — 56 л.

№ 11. Книга расходная житнического старца Рафаила. 1624–1625 гг. — 18 л.

№ 12. «Книги ... житнического ключника, старца Рафаила, а в них пишетца приход в житницу всякому хлебу домовному». 1625 г. — 14 л.

№ 13. Книга расходная казначея, старца (Иринарха). 1625 г. — 57 л.

№ 14. Книга расходная казначея, старца (Иринарха). 1626–1627 гг. — 60 л.

№ 15. Книга расходная казначея, старца Иринарха. 1627–1628 гг. — 54 л.

- № 19. Книга расходная казначея, старца Иринарха. 1628–1629 гг. — 52 л.
- № 20. Книга расходная житничного старца Рафаила. 1628–1629 гг. — 16 л.
- № 21. Книга расходная казначея, старца Иринарха. 1628–1631 гг. — 168 л.
- № 22. Книга расходная казначея, старца Иринарха. 1629–1631 гг. — 56 л.
- № 23. Книга житничная приходная. 1629–1630 гг. — 10 л.
- № 24. Книга расходная казначея, старца Иринарха. 1629–1630 гг. — 38 л.
- № 25. Книга житничная расходная. 1629–1630 гг. — 15 л.
- № 26. Книга приходная житничная. 1630–1631 гг. — 14 л.
- № 27. Книга расходная житничная. 1630–1631 гг. — 16 л.
- № 28. Книги приходные казначея старца Авраамия. 1631 г. — 8 л.
- № 29. Книги расходные казначея, старца Авраамия. 1631–1634 гг. — 186 л.
- № 30. «Книги... а в них записка хлебу, росход при старце Рафаиле житничной». 1631–1634 гг. — 64 л.
- № 31. «Книги ... а в них записка хлебу, приход при старце жытничном Рафаиле». 1631–1634 гг. — 56 л.
- № 32. Книга расходная казначея, старца Иринарха. 1631–1633 гг. — 133 л.
- № 33. Книги приходные казначея, старцев Гавриила, Симеона и Паисия. 1631–1633 гг. — 192 л.
- № 34. Книга приходная казначея. 1631–1633 гг. — 39 л. + 8 л.
- № 35. Книга раздаточная хлебная стрельцам. 1632–1634. — 16 л.
- № 39. Книга приходная казначея, старца Симеона. 1633–1634. — 21.
- № 115. Список с сыскных и отводных книг Василия Михайлова с. Аничкова 157 года на пожни в Заверьяжи. Тут же 1535–36 гг. Выпись из «отписных книг великого князя дьяка Фуника Курцова да дворового дьяка Микиты Великого, да великого князя конюха Бунду Быкасова, да прикащика лавочного Ивана Иванова» на пожни монастырей и церквей, «у которых грамот великого князя жалованных нет и в писцовых книгах им не написаны, а грамоты у них и духовные грамоты старые за свинчатыми печатями» и (около 1567 г.) выпись из поженной книги Заверьяжских сенных покосов письма Григория Волынского да Василья Тороканова с товарищи. 1648–1649 гг. — 25 л.
- № 1257. «Книги таможенные избы, а в них записка продажным лошадем и шерстем и летом и приметом». 1623–1624 гг. — 65 л.
- № 1258. Книга таможенная Тихвинского посада, «а в них записка Московских городов товаром». 1624–1625 гг. — 28 л.
- № 1259. Книги таможенной избы, «а в них Тихвинских посадских людей товаром явка и записка». 1624–1625 гг. — 75 л.
- № 1260. Книги таможенной избы, «а в них записка лошадем, шерсти и приметам». 1624–1625 гг. — 79 л.
- № 1261. Книга таможенной избы голов Минина и Тимофея Пономарева. записи торговым людям московских городов и их товарам». 1625–1626 гг. — 29 л.
- № 1262. Книги таможенной избы, записка торговым людям Тихвинского посада. 1625–1628 гг. — 56 л.
- № 1264. Книга таможенная, «пониловская записка всяким товаром». 1626–1627 гг. — 29 л.
- Фонд 3. Александров Свирский монастырь. Опись № 2. Хозяйственные книги**
- № 1. Книга вкладная. 1572–1624 гг. — 101 л.
- № 2. Выпись из «межевальных книг» Истомы Жукова на монастырскую землю, выданная в 1647 г. «по челобитью игумена Александра с братиею». 1572 г. Тут же «Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Плещеева 91-го (1582–83) году на владения монастыря в Никольском на Ояти погосте». — 11 л.

№ 3. «Список с ободной грамоте» на монастырскую землю, «что под монастырем межеванья подьячего Истома Жукова». 1572 г. — 10 л.

№ 5. Книги приходные казначеев, старцев Нифонта и с 1631 г. Кирилла. 1615–1631 гг. — 146 л.

№ 6. Книги расходные казначеев, старцев Нифонта и с 1631 г. Кирилла. 1615–1631 гг. — 221 л.

№ 9. Книга переписная монастырского имущества, составленная Савелием Степановичем Молевановым и подьячим Богданом Воломским по указу царя. 1623 г. — 25 л.

№ 15. Книга переписная монастырского имущества, составленная по указу царя Стефаном Захаривичем Мордвиновым и подьячим Ларионом Пановым. 1646 г. — 64 л.

№ 17. Книга с перечнем перебежчиков из-за Шведского рубежа корелян и латышей, вышедших в русскую сторону после Столбовского договора. 1650 г. — 5 л.

В дальнейшем при цитировании материала из вышеперечисленных рукописных источников первое из чисел, следующих за словоформами, будет обозначать номер рукописи по описям Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (рукописи из описи № 2 фонда 132 обозначаются арабскими цифрами, тогда как рукописи из описи № 2 фонда 3 — римскими), а второе — номер листа. Материал источников дается в упрощенном написании — таком же, как приведенный выше материал новгородских челобитных грамот, то есть синонимичные буквы *я*, *ѧ*, *ѧ* передаются буквой *я*, а *о* и *ѡ* — буквой *о*, *з* и *ѣ* — буквой *з*, *і* десятиричное — широким *и*, *ѣ* — буквой *ѣ*. Для передачи нейтрального знака, часто употребляемого в скорописи на месте букв *ъ* и *ь*, используется прописная буква *Ъ*.

Прежде чем приступать к лингвистическому изучению выбранных текстов, следует удостовериться в их пригодности для реконструкции живого диалекта. Что касается таможенных книг, составлявшихся в таможенной избе, которая располагалась в центре Тихвинского посада, то их сугубо деловой характер сомнения не вызывает. В них отмечались так называемые «явки», то есть сведения о том, кто сколько привез товару, какого характера это был товар, какая взималась пошлина и т. д. В книгах, заключающих «записку продажи лошадем и шерстем и летом и приметом» дается, как правило, подробное описание покупаемых, продаваемых и обмениваемых лошадей. Обзор содержания таможенных книг приведен в работах К.В. Базилевича [Базилевич 1933] и К.И. Сербиной [Сербина 1951: 182]. Таможенные книги, по мнению С.И. Коткова, ввиду обширности текстов при более или менее однородном, повторяющемся содержании записей «дают особенно надежные, вследствие их массовости, материалы для исследователей» [Котков 1972: 136]. При этом тихвинские таможенные книги относятся к числу тех, в которых заключаются наиболее полные и подробные записи [см. Коткова 1976: 49], да и по содержанию эти книги достаточно разнообразны: «Самыми подробными и полными были книги (таможенные — Е. Г.) старых торговых городов, сохранивших до половины XVII века сложную систему многочисленных пошлин. К ним относятся сохранившиеся книги северных городов — Устюга В., Соли Вычегодекой, Тотмы, Тихвина» [Базилевич 1936: 75]. Н.С. Коткова в результате лингвистического изучения ряда таможенных книг, относящихся к южной территории Русского государства, сделала вполне обоснованный вывод о том, что наличие в исследованных текстах ярких диалектных особенностей «с несомненностью свидетельствует, что записи в них велись носителями диалекта и в крайнем случае людьми если не местного происхождения, то давно обосновавшимися на данной территории, усвоившими местную речь» [Коткова 1964: 193].

Особо следует рассмотреть вопрос о лингвистической надежности монастырских хозяйственных книг. Проблема здесь заключается в том, что книги эти, посвященные вопросам чисто бытового характера, составлялись монастырскими писцами, которые должны были хорошо владеть церковнославянским языком, а это, в свою очередь, могло отразиться на языке выполняемых ими деловых записей. Заметим, что в словарном составе исследованных рукописей отчетливо выделяются два пласта: чисто бытовая, хозяйственная лексика, с од-

ной стороны, и лексика, связанная с церковным обиходом — с другой, причем особенная концентрация последней наблюдается в переписных книгах монастырского имущества и во вкладной книге, что несомненно связано со спецификой их содержания. В прочих же книгах преобладает разнообразная хозяйственно-бытовая лексика¹. Наличие лексики церковного характера не приводит, однако, к сколько-нибудь существенной славянизации языка рукописей — во всех текстах господствуют русские формы и, кроме того, отражаются весьма яркие диалектные явления, в том числе — имеющие узко локальное распространение. По заключению Г. А. Хабургаева, информативность приходно-расходных книг несколько ограничена однотипностью записей, которые обычно производились по строго установленной форме [Хабургаев 1969: 107]. Данное утверждение относится, скорее всего, к исследованиям в области исторической морфологии и синтаксиса, и в этом плане оно, несомненно, справедливо. Для фонетических же реконструкций, которым посвящено настоящее исследование, приходно-расходные книги, вследствие богатства заключенного в них лексического материала, оказываются достаточно ценным источником.

2.2. УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

2.2.1. Судьба фонемы <ѣ>

В исследованных текстах наряду с правильным употреблением буквы ѣ (примеры ввиду их стандартности далее не приводятся) довольно широко представлено употребление букв и и е в соответствии с этимологическим ѣ в корневых морфемах ударного слога.

Позиция перед твердыми согласными

Буква и: би²лым 30–2, Бижич⁴кого верху² 8–7об., 9, 20–13об., 27–8об., 30–8, 9, 1261–6, Бижич⁴ко⁵ пятины 1257–61, билье 1262–54, би⁴ки 1262–26, бл(а)говище⁶ние 33–87, 39–10об., бл(а)говище⁶ю 32–113, Невирову 8–16об., 30–2об., Невирова 11–7, 11, о⁷вишено 1262–8, гни⁸ (кр. прил.) 1257–48об., дила⁹ (инф.) 30–5, дила⁹ 30–52об., задилено 2–27об., подилыва⁹ 30–52, поди⁹ку 30–52, от... поди⁹ке 30–53, колино 1260–34, колина 1257–64, ливое 1257–48об., наливо (часто)³, ли⁴ 11–11об., 25–9об., 30–13, девя¹⁰ лит 1257–64/64об., медви¹¹я 1262–40об. 55об., ме¹²ви¹³но 1259–60 1262–9об., 52, медвидна (Р. ед.) 1262–55об., ми¹⁴ных 1262–3, миру (В. ед., очень часто), недомирки 1262–56об., и¹⁵ Заони¹⁶я 27–8, Орихова (Р. ед.) 1258–12об., зар¹⁷ких 12–1об., зар¹⁸ко¹⁹ 23–5 з зар¹⁸ко¹⁹(о) гу²⁰на (очень часто), свижи²¹ 1262–51об. 27, 35об., свижисе 10–23об., сина (Р. ед.) 1–24об., си²² (кр. прил.) 1260–18, сирь (Р. ед. от сущ. сѣра) 1262–45 46об., 48об., 50, 56, 56 об, о²³ посива²⁴я 19–62об., засиву (Р. ед.) 25–13об., 27–13, си²⁵ (от «сечь») 30–13об., хли²⁶ (и в др. формах этого слова, очень часто), чело²⁷ви²⁸ 1257–54.

Буква е: Бежи²⁹ко³⁰(о) верху 20–11, в неме³¹кую бе³² 1–89об., 102об., бело³³ (Им. ед. м. р.) 1259–6, белы³⁴ 1–64, Обернибесову 9–9, гне³⁵ 1260–18об., левая 1260–78, на лево³⁶и 1257–8об., на лево³⁷ (очень часто), ме³⁸кую 1–73об., меру 20–15, 15об., с о³⁹метомъ 1260–2об., ме⁴⁰ 1259–10об.,

¹ О богатстве лексического состава памятников деловой письменности Тихвинского Успенского монастыря см. в частности, [Герд 1998: 80].

² Рукописные данные свидетельствуют о том, что звуки [ш], [ж], [ц] исконные, а также глухой долгий шипящий и его звонкий коррелят произносились писцами твердо, в то время как [ч] (или выступавшее на его месте [ц']) было мягким (см. ниже, 2.4.4., 2.4.5., 2.4.6.).

³ Включая это слово в список, оговоримся, что в московском произношении XVII в. оно имело ударение на первом слоге [Васильев 1905а: 187, 211] и какова была его акцентовка в тот же период в периферийных северных говорах, мы точно не знаем.

⁴ См. предыдущую сноску.

з заре^нкого гумна 31-42об., 45, 52об., 54об., з заре^нского гумна 31-41об., 42, 43об., 44, рету 1-102, сено (очень часто), се^р (кр. прил.) 1260-29об., серы 1-211, сера 2-32об., тележные 1-122, тележны^х V-7, 47, 80об., тележную (е исправлено на ѣ), 22-12об., челове^к 1260-5 и т. д.

Позиция перед мягкими согласными

Буква и: на^сстричу 8-12, 29-96, 182, Стритение г(о)^с(под)не 22-26, в дивн^и м(о)н(а)^ст(ы)рь 1-61, дити 23-10, зди^с 30-20, колени 1260-34 в лисе (и исправлено на ѣ) 15-7, миди (Р. ед.) 1261-2, 3, 11об., 1262-50, ме^овиде^нкого 30-10, ме^овиде^нки^н 3-7об., мири^н (инф.) 15-48, мире^н 23-9об., 25-9, мирено 23-4, 5, мирена 25-5об., 27-4об., на мисе^н 8-1, 4, 5, 11, 14, 11-2, 3, 4об., 25-2, 2об., 7об., 35-6 и др., мисечны^х 2-19об., мисечину 8-7об., мисечины (Р. ед.) 8-11, 14, 11-2, 3, 6, 12, 20-14, 14об., 25-2, 10об. и др., три не^оли 1-32об., повити 24-9, рипицо^с (репное поле) 8-14об., от рички III-4, к рички III-4об., з зарн^я 12-3, сви^ч (Р. мн.) 1261-16, VI-18об., сия^н (инф.) 20-12об., 13об., 15об., 25-11, 13об., 30-13об., сия^н 27-14об., сияно 25-11, симени (Р. ед.) 20-13об., 25-11, 27-13, двѣ сити 1-54, си^ч (инф.) 25-9, 30-12об., сичены III-4, Засикину (фамилия) 20-16об., телиги 19-9, Бе^нви^нникову^с 25-12.

Буква е: Новодевичя м(о)н(а)^ст(ы)ря 27-10об., zde^с 8-8, по колени 1260-36об., месечины (Р. ед.) 11-1, отметина 1260-2об., 15, вотметина 1257-2, с недели 1-33об., за неделю 1-54, на свечи 1-5об., 10-14, 19об., 15-38об., 21-104об., 22-1об., 24об., се^н 32-120, телеги 1-70, V-88.

Подобная замена ѣ на е и на и в обеих позициях (как перед твердыми, так и перед мягкими согласными) наблюдается также в корнях заимствованных слов и во всевозможных аффиксальных морфемах.

Позиция абсолютного конца слова

Буква и: окроми 11-18об., дви 8-4об., 6об., 7об., 10, 11-3, VI-5об.

Буква е: zde 11-18, две (часто), все 31-36об., 38.

В ряде случаев имеется обратная мена, то есть буква ѣ используется для обозначения исконных гласных [и] и [е].

Позиция перед твердыми согласными

ѣ вместо и: белѣ^н (Р. мн. от сущ. бѣлила) 1262-3, 11, 46об., 50, вѣлы 13-50об., рѣзь (Р. мн. от сущ. рига) 12-2об., 5, 1, 45об., 47, 49об., 52, порѣ^нных дене^с (производное от того же корня) 6-14, 18об., 58об., 67, 181об., 33-117об., 39-5 и др., свѣтку VI-2об., свѣточново сукна VI-9, три свѣта 9-12об., на Сѣтомли^н 1-34об.

ѣ вместо е: мѣдѣ 1-174об., немѣцкую 1-86об., застѣ^нки 6-5.

Позиция перед мягкими согласными

ѣ вместо и: верѣги 15-49, 2 грѣве^нки 1-112, нѣте^н (Р. мн. от сущ. «нить») 14-15об., с рѣги 12-1, 1об., 2, 31-42об., 50об., 52, 54.

ѣ вместо е: пѣч 1-119.

Итак, в исследованных рукописях мена букв ѣ, и, е отмечается во всех позициях, причём на месте ѣ чаще употребляется буква и, нежели е. На первый взгляд, картина складыва-

⁵ Это слово должно иметь ударение на первом слоге [см. Шахматов 1893: 251].

⁶ Возможно, в этом слове звучал мягкий [р'], так как в нашем распоряжении имеется написание Бе^нвѣр^ннико^с 1262-14 с четкой буквой ь после р.

⁷ Речь идет о д. Сѣтомле, расположенной недалеко от Тихвина [см.: Соколов 1909: 286].

ется такая же, как и в собственно новгородских текстах (см. выше, 1.2.1.), то есть можно подумать, что рукописи из Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей тоже отражают изменение \acute{e} в [и] во всех позициях, однако статистический анализ показывает, что здесь есть некоторые отличия от текстов собственно новгородского происхождения. Если в новгородских текстах замена \acute{t} на u и e равномерная, то есть во всех позициях осуществляется в одинаковом процентном соотношении, то в рукописях, представляющих говоры новгородской северо-восточной периферии, в положении перед буквами, обозначающими твердые согласные, e на месте \acute{t} встречается значительно чаще, нежели в положении перед буквами, передающими согласные мягкие. Так, в корнях слов в позиции перед твердыми согласными u на месте \acute{t} встретилось 300 раз, e — 145 раз (соотношение 2:1); в позиции же перед мягкими согласными u отмечено 120 раз, e — 20 (соотношение 6:1). Все это наводит на размышления о том, что судьба фонемы $\langle \acute{e} \rangle$ в говорах северо-восточной новгородской периферии в конце XVI — первой половине XVII века в разных положениях могла быть неодинаковой.

Должно быть, в позиции перед мягкими согласными ять изменился в [и] (при этом редкие случаи замены буквы \acute{t} на e в данном положении объясняются рассмотренными выше причинами появления e на месте \acute{t} в рукописях, смешивающих \acute{t} и u , см. 1.2.1.). В положении же перед твердыми согласными \acute{e} продолжал сохраняться, реализуясь в звуке неоднородного качества, возможно, в дифтонге [и \acute{e}] с преобладанием первой части.

Именно произношением $\langle \acute{e} \rangle$ как [и \acute{e}] можно объяснить регулярное чередование в рассматриваемых рукописях букв \acute{t} , u , e перед буквами, обозначающими твердые согласные. В. В. Виноградов отмечал, что для передачи всех оттенков звука \acute{e} в русской графике существовало всего три буквы, поэтому за ними могли стоять самые разнообразные значения. Так, буква u была способна передавать звуки [и], [и \acute{e}], [и e] и даже [ê]; буква \acute{t} — [и \acute{e}], [ê] и даже [и e]; буква e — [e], [ê] и, возможно, даже [и \acute{e}] [см.: Виноградов 1923, с. 168]. В. В. Виноградов, кстати, при анализе рукописи, писец которой, заменяя постоянно \acute{t} на u , иногда в тех же словах употребляет на месте ятя e , склонялся к предположению о том, что в говоре писца \acute{e} звучал близко к [и] и в некоторых положениях, возможно, даже совпал с ним, так что смешение e и u на месте \acute{t} «является отражением бессильных потуг писца найти более подходящее графическое изображение этого сложного звука» [Виноградов 1923: 168].

К. В. Горшкова высказала мысль о том, что в новгородских говорах непосредственного фонетического перехода [ê] в [и] не было и что он совершился через стадию дифтонга типа [и \acute{e}] [Горшкова 1964: 97, Горшкова 1968: 131, Горшкова 1972: 109]. Вероятно, в рассматриваемых рукописях зафиксирована последовательность изменения [ê] → [и \acute{e}] → [и] в северном наречии русского языка. Первоначально дифтонг монофтонгизировался в [и] в положении перед мягкими согласными, сохраняясь перед твердыми (о том, что изменение гласного [ê] в [и] имело место раньше в положении перед мягкими согласными при сохранении его как особой фонемы перед твердыми, писал еще Р. И. Аванесов [Аванесов 1955: 91]). В дальнейшем в разных северных говорах развитие пошло различными путями. В большей их части монофтонгизация [и \acute{e}] перед твердыми согласными развилась в сторону второго элемента дифтонга, в результате чего сложилась известная система ударного вокализма, где в качестве рефлекса $*\acute{e}$ перед твердыми согласными выступает звук [e], а перед мягкими — [и]. В других говорах дифтонг [и \acute{e}] перед твердыми согласными изменился так же, как перед мягкими, то есть полностью монофтонгизировался в [и]. Такие говоры сложились как раз на территории современной Ладого-Тихвинской группы.

Мы имеем в своем распоряжении достаточное количество диалектологических материалов конца XIX — начала XX в., характеризующих в основном центральную и северную части того диалектного объединения, которое сейчас входит в состав Ладого-Тихвинской и Онежской групп говоров (именно на этой территории и созданы исследованные рукописные источники конца XVI — первой половины XVII в.). Эти диалектологические материалы

свидетельствуют о том, что на месте *ѣ произносился гласный [и] во всех ударных позициях. Практически повсеместно звучал [и] в говорах Тихвинского уезда [Перетц 1894: 4, 5; Соболевский 1897: 35; Соколов 1909: 281; Шахматов 1910: 194; Диалектологический материал... 1914: 325–327, Свод... 1910]. Такое же произношение отмечалось в диалекте жителей берегов р. Ояты [Соболевский 1897: 47; Хрущов 1869: 61]. Однако в отдельных населенных пунктах рассматриваемой территории были случаи произношения [е] вместо ожидаемого [и]. Так, в диалектологических материалах, собранных Новгородским Обществом Любителей Древности в Тихвинском уезде, два сообщения из восемнадцати отмечают отсутствие произношения [и] в соответствии со старым [ѣ] [Диалектологический материал... 1914: 327]. В Своде материалов, собранных Московской диалектологической комиссией, для ряда деревень зафиксировано сосуществование произношения [и] и [е] [Свод... 1910: 8–11]. При всем этом, однако, в общей своей массе свидетельства о произношении [и] из *ѣ во всех положениях значительно преобладают над случаями фиксации [е], так что можно заключить, что в конце XIX – начале XX в. исключительное произношение [и] из *ѣ было широко распространено в говорах изучаемого региона. Что же касается изредка отмечаемых случаев произношения [е] на месте *ѣ, то скорее всего, замена [и] на [е] происходила под влиянием городского выговора [см. Колосов 1878: 27, Соколов 1914: 302], который вызывал сосуществование двух произносительных вариантов, нередко даже в устах одного и того же информанта. Подражание городскому произношению иногда приводило к гиперкорректной огласовке отдельных слов. Так, Н. Н. Соколов приводит свидетельство учителя из с. Кукуй, собиравшего ему как курьез, что те из местных крестьян, которые побывали в Петербурге, стараются произносить [е] не только на месте старого ѣ, являющегося в местном говоре всюду в виде [и], но и на месте старого и, например, «кнега», «кнежечка» [Соколов 1909: 298]. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. расшатывание системы (то есть употребление разных членов одного соответственного явления в частной диалектной системе) только зарождалось. В современных же ладого-тихвинских и онежских говорах система расшатана уже более существенно, так как произношение [и] на месте *ѣ и перед мягкими, и перед твердыми согласными находится в сосуществовании с [е] на значительной территории [см.: Атлас сев., карты № 53, 54; Атлас сев.-зап., карта 22].

А. И. Сологуб, специально занимавшаяся историей Ладого-Тихвинской группы говоров, пришла к выводу о том, что последовательное произношение [и] на месте старого ѣ во всех возможных позициях развилось там примерно в XVI–XVII веках [см.: Сологуб 1973: 151]. Вышеприведенный же анализ рукописных источников способствует некоторому уточнению этой датировки: судя по всему, в первой половине XVII века [и] на месте ѣ в положении перед твердыми согласными еще не произносилось, и процесс унификации рефлексов *ѣ, возможно, следует отнести к несколько более поздней эпохе.

Здесь возникает закономерный вопрос — как могла сложиться ситуация, при которой в собственно новгородских говорах конца XVI – первой половины XVII ѣ изменился в [и] во всех позициях (см. выше, 1.2.1.), а в говорах новгородской северо-восточной периферии в одной из позиций — перед твердыми согласными — этот процесс еще не завершился.

Если обратиться к древненовгородскому диалекту, представленному берестяными грамотами XI–XV веков, то окажется, что лишь около четверти грамот, смешивающих ѣ с и, содержит примеры такого смешения перед твердыми согласными, тогда как в остальных случаях смешение ѣ и и затрагивает только позицию в конце слова и перед мягкими согласными (или *j*) [см.: Зализняк 1986: 108].

Самый ранний пример написания буквы и на месте ѣ в позиции перед твердым согласным зафиксирован в найденной летом 1998 года берестяной грамоте № 810, датируемой серединой – третьей четвертью XII века: *ризано* (т. е. Р. мн. от сущ. *рѣзана*)⁸. В грамоте послед-

⁸ Публикацию этой грамоты см.: [Янин, Зализняк 1999: 5].

ней четверти XIII века (№ 148) отмечена форма *ѹвидѧюса*. (впрочем, нет полной уверенности в том, что это образование от глагола *оуѹѣдатисѧ* 'расчесться', а не от глагола *оуѹвидатисѧ* 'увидеться'). В более же существенных количествах примеры замены *ѣ* на *и* в положении перед твердым согласным появляются в берестяных грамотах лишь с середины XIV века. Ср. данные грамоты № 358 (1340 – не позднее 1357 г.): *принухавъ, синомъ, с кимъ, в миру* (Вин. мн. от сущ. *мѣра*), *перемиръ* (корень *мѣр-*). В той же грамоте имеются также замены *ѣ* на *и* в позиции конца слова и перед мягким согласным: *на гѹмни, при соби, надоби, кони* (Вин. мн.), *в клитъ*. Для столь небольшого по объему текста, как берестяная грамота, буквенную замену *ѣ* на *и*, представленную в таком количестве, можно считать массовой.

В XIV веке создавались и грамоты, в которых представлена обратная мена — *и* на *ѣ*, причем также во всех позициях. В частности, материал грамоты № 366 (40-е–70-е гг. XIV в.) таков:

сѣ харѣѣтономъ, харѣѣтонъ, харѣѣтоно, своѣѣхъ, грѣѣво-ны (т. е. гривны), грѣѣвону, лѣѣкѣнъ, ташѣѣнъ (фамилия)	ѹрадѣѣса	гюрьгѣ (Им. ед.), трѣ, нѣ (частица 'ни'), посѣѣѣт
---	----------	---

Таким образом, можно думать, что лишь к XIV столетию *ѣ* в новгородском диалекте перешел в [и] не только в позиции конца слова и перед мягкими согласными (что произошло раньше), но и в позиции перед твердыми (где до XIV века, видимо, произносился дифтонг [иѣ]). В дальнейшем повсеместное произношение [и] сохранялось в собственно новгородском диалекте по крайней мере до середины XVII столетия.

Что же касается говоров северо-восточной новгородской периферии, то ситуация с рефлексами **ѣ*, наблюдавшаяся там в первой половине XVII века, может быть объяснена исходя из вышеописанной истории заселения данного региона (см. 2.1.). Приведенные исторические данные позволяют заключить, что основное заселение территории Тихвинского края (Нагорного Обонежья) носителями новгородского диалекта происходило до XIV века, то есть в то время, когда в собственно новгородском говоре не сформировалось окончательно произношение [и] на месте *ѣ* перед твердыми согласными, а в этой позиции присутствовал дифтонг [иѣ]. В дальнейшем случилось так, что данный тип произношения в периферийных северо-восточных новгородских говорах задержался еще на несколько веков, тогда как в собственно новгородском диалекте вскоре был заменен произношением [и] на месте *ѣ* во всех позициях.

2.2.2. Результаты изменения [е] в [о]

В исследованных рукописях отражаются результаты изменения [е] в [о] в позиции перед твердыми согласными, причем в подавляющем большинстве случаев по вполне понятным причинам это изменение отражается после букв шипящих согласных и *ц*.

Приведем сначала не совсем показательные примеры, где отражается изменение [е] в [о] в формальных элементах, в которых [о] после мягких согласных появлялось во всех без исключения русских диалектах вне зависимости от того, продуктивным ли был процесс фонетического изменения [е] в [о] или нет (см. выше, 1.2.2.).

В окончаниях: *ко^ошо^о* 7-34, 21-153, *ко^оцо^о* 1-66об., 29-144об., *огу^оцо^о* 1-70об., 1262-14, *с кут^оцо^о* 1261-1, *кляц^оцо^о* 1-4, *ко^оцо^о* 115-3об., 1259-56, 1261-27, *берко^оцо^о* 1262-42об., *прописцо^о* VI-182, *щи^оцove^о* 13-4 об, *с Петрушо^о* 13-4об., *бо^ошому* 7-5, *болшово* 33-185, *дешово^о* 1259-10об. и т. д.

В суффиксе -ок-: *посошокъ* 21-87, 24-20, *мешо^к* 1259-2об., *лишокъ* 13-1об., *кружо^к* 1259-53, *мешо^к* (часто) и т. д.

В суффиксе -ов-: моржовые VI-34об., ножовы^x 1262-56об., хо^oшово^o (= холщевый) 7-18об., 29-88об., 163, 32-60об., хо^oшовые 29-118об., 1261-87об., свинцовы^x 2-29, Калачову 30-5об., на Якушове 6-202, Новокозову 11-13об. и т. д.

Более показательные примеры, свидетельствующие о том, что фонетический процесс перехода [е] в [о] прошел в корнях слов и суффиксах, где не усматривается никаких аналогических воздействий, также имеются в достаточном количестве: шо^oкь, шо^oку, шо^oко^o, шо^oково^o, шо^oкова (регулярно), о^m двои^x сапого^o о^m пришо^o 10-24об., шоль 29-119, дошо^o I-91, пошо^o VI-54об., дещово^o 1259-10об., жо^oнов 10-48об., жо^oновы (часто), жолобы 22-10, жо^oты 33-165, шо^oка 1257-65об., по шо^oку 1257-43, 60об., шо^oки I 257-9об., 40, трещото^o (Р. мн.) 1261-11об., зацока 21-127об., 22-11, чо^oно^o 1257-32об., чорнь VI-34, чорны^x I-63, у Тимо^oки Чо^oта 21-158/158об., на ... Дура^oчково 6-184об.

Есть и несколько написаний, которые отражают результаты изменения [е] в [о] после согласных, парных по твердости-мягкости: на зелоно^o зе^oли IX-8, веровочка VI-4об., привезоно I-98⁹, гвоздо^o VI-97.

Можно, таким образом, предположить, что изменение [е] в [о] перед твердыми согласными в говоре было достаточно последовательно проведено. Диалектологические данные подтверждают этот вывод. В конце XIX – начале XX в. результаты изменения [е] в [о] были засвидетельствованы практически на всей рассматриваемой территории. Правда, В. Н. Петец отмечает, что в говоре деревни Большая Будагоща, расположенной на левом берегу р. Пчевжи, [е] после мягких согласных перед твердыми сохраняется — в отличие от говора деревни Малая Будагоща, лежащей на правом берегу той же реки (там в этой позиции произносится [о]) [Петец 1894: 4–5]. Н. Н. Соколов в приводимых им записях диалектной речи обращал специальное внимание на случаи неперехода [е] в [о]. Выборка примеров из текста его записей показывает, что произношение [е] в соответствии с [’о] литературного языка в подавляющем большинстве случаев приходится на личные окончания настоящего времени глаголов. Кроме того, в разных деревнях Тихвинского уезда были отмечены единичные случаи сохранения [е] в корнях слов: 9 дѣнь, стѣрли, — и один случай во флексии местоимения: еѣ ‘еѣ’ (букву ѣ Н. Н. Соколов употребляет специально для того чтобы подчеркнуть произношение в данных формах [е], а не [о]) [Соколов 1909: 286-296].

В современных ладого-тихвинских и онежских говорах за исключением единичных случаев отмечается последовательное произношение [’о] в соответствии с *е и *ь после мягких согласных перед твердыми в основах слов [ДАРЯ I, карта 38]. Впрочем, особую судьбу имеют существительные с суффиксом -ечек- (-ечк-) после шипящих [ш], [ж], [ч]. В говорах рассматриваемой территории в подобных случаях чаще всего выступает гласный [е]: меш[е]чек, круж[е]чек, ключ[е]чек, хотя изредка отмечаются и случаи произношения с [о] [см. ДАРЯ I, карта 39, Атлас сев., карта 52]. Это важно отметить потому, что в исследованных рукописях имеются написания горшечекъ 14-52об., го^oшечко^o 1-45, меше^oко^o 29-39об. — при обычном горшо^o, мешо^o. В свете современных диалектологических данных можно с определенной долей уверенности предположить, что эти написания являются отражением реального произношения писцов, в котором в данной категории случаев не произошло аналогического изменения [е] в [о] перед мягким согласным, каковым являлся [ч] (см. ниже, 2.4.6.). Перед другими согласными, впрочем, аналогический переход [е] в [о] отражение находит. Ср. Пашо^o реко^o10 7-4об. (это, однако, не столь показательно, поскольку здесь мы имеем дело с флексией), Якову Мишо^oеву V-126об., по... Матроне V-12. Последняя орфограмма могла отражать церковнославянское произношение соответствующего имени, но могла быть и отражением русской формы, которую исследователи находят в древнерусском языке [Шахматов 1893:

⁹ Ударение на суффиксе в этой форме известно русским говорам, в частности говорам б. Тихвинского уезда [Соколов 1909: 284].

¹⁰ Гидроним Паша имеет ударение на последнем слоге [см. Попов 1981: 62].

28; Соболевский 1907: 63]. Написание *Матрону*, кстати, отмечается С.И. Котковым в южно-русских текстах и трактуется им как отражение замены [e] на [o] [Котков 1963: 52].

2.2.3. Вопрос об изменении [’а] в [е]

Это явление ни в одной из исследованных рукописей не отразилось. За передачу изменения [’а] в [е] можно было бы принять лишь написания *корѣлени*¹¹ I-96 V-41, 97, по... *корѣленине* V-64, если бы не было известно, что суффиксы *-янин-* и *-ѣнин-* были вариативными [Соболевский 1881: 55] и употребление суффикса *-ѣнин-* к области изменения [’а] в [е] отношения не имеет [Булаховский 1958: 166].

Можно думать, что если результаты перехода [’а] в [е] в рукописных текстах совсем не отразились, то данное явление не было характерно для речи писцов, ведь оно принадлежит к такой группе фонетических диалектных черт, которые способны находить проявление в памятниках письменности, и случаи фиксации результатов перехода [’а] в [е] в рукописных текстах известны [см., напр., Черных 1953: 187; Копосов 1967: 187; Магин 1962: 4, Новопокровская 1956: 8].

В настоящее время на территории Ладого-Тихвинской и Онежской групп [е] на месте [а] в положении между мягкими согласными отмечается в единичных случаях в рассеянном распространении [ДАРЯ I, карта 43]. Такой же была ситуация и в конце XIX – начале XX в.: ни в одном из описаний говоров интересующей нас территории упоминаний о рассматриваемом явлении не встретилось; лишь в записях Н.Н. Соколова обнаружилось два случая изменения [’а] в [е] — *грѣсь*, по *окончѣнии* при *грѣсь*, *опять*, *хозяиномъ*, *два хозяина* [Соколов 1909: 287, 288, 293, 294].

Существует мнение, что ладого-тихвинские говоры в свое время пережили изменение [а] в [е] между мягкими согласными, но его результаты в дальнейшем подверглись здесь нивелировке, как и ряд других, собственно местных особенностей этих говоров [Образование... 1970: 241–242]. Вероятно, это справедливо, поскольку аналогичное утверждение справедливо и для новгородского диалекта — как было показано выше (1.2.3.), древненовгородский диалект изменение [’а] в [е] знал, а в современных новгородских говорах его уже практически нет.

2.3. ВОКАЛИЗМ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГОВ

2.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова

2.3.1.1. Первый предударный слог

В подавляющем большинстве случаев буквы *а* и *о* употребляются в соответствии с этимологией, причем в тех случаях, когда в древнерусском или старорусском языке имелась вариативность (*о* или *а*), она могла отражаться и в исследованных текстах, например *рукавицы борановы* 1-8об., *шюба бора*¹²на 10-20 — *бара*¹²ни¹² 1259-2, *баране*¹² 28-2 об¹¹; *татарина* 1260-

¹¹ О вариативности огласовок «борань» и «барань» см. [Соболевский 1907: 81, Фасмер, I: 123]. Произношение [боран] в севернорусских говорах неоднократно свидетельствовалось диалектологами в прошлом [Шахматов 1897: 101, 115; Мансикка 1912: 91, Мансикка 1915: 146, Белоруссов 1877: 204].

¹² Нап
Новг
жаюг
рах г
в их с

51, 60об., *тат^дская* 1257-54об. — *тотарину* 1-17об., 34-25, *тот^дская* 1257-54¹². Часто при возможной вариативности выбирался только вариант с *о*: *на колачи* 1-166об., 25-14, *ко-лачнику* 25-14 и т. д. [см. СлРЯ, 7: 33-34]; *в зорода* 1-14 [см. СлРЯ, 5: 288]. В заимствованных словах, имеющих двойную орфографию, но зафиксированных в севернорусских говорах с [о], писцы исследованных рукописей употребляют исключительно букву *о*: *на отласе* 2-21об., *о^мласу* 21-126об. [см. СлРЯ, 1: 57; Колосов 1874: 5, Колосов 1878: 26], *конато^о* (Р. мн.) 9-12об. [см. СлРЯ, 7: 53; Шахматов 1897: 101], *торълок* (Р. мн.) 10-15об., 21-155 (встречается в написании с *о* еще у Котошихина [Фасмер, I: 24], о произношении здесь звука [о] в севернорусских говорах см. [Шахматов 1897: 101, 115; Потебня 1865:76; Мансикка 1912: 91; Мансикка 1915: 146]). Последний факт с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что за орфографией исследованных рукописей стоит оканье в первом предупредном слоге. И поэтому следует найти объяснение нескольким случаям появления буквы *а* вместо ожидаемого *о*.

са^дату (Д. ед.) 13-45, 22-1. Именно в такой огласовке данная лексема, по мнению некоторых ученых, была заимствована окающими говорами и акающих [Колосов 1878: 57; Синозерский 1895: 376; Мансикка 1912: 89; Черных 1927, ч. I: 12].

Стена^ако Марось 6-111. Фамилия Мороз, вероятно, записывалась писцом со слуха и, быть может не ассоциировалась в его сознании с существительным «мороз», в результате чего получившееся написание стало отражением живого произношения (ср. здесь же передачу оглушения конечного звонкого согласного). Степанко, обладатель этой фамилии, мог быть выходцем из южных мест, где господствовало аканье, отчего свою фамилию он произносил со звуком [а] в первом предупредном слоге, и она была воспринята окающими писцами именно в такой огласовке. Кроме того, существенно, что гласный первого слога здесь никогда не был под ударением, он «непроверяемый». Известно ведь, что «группа примеров с гласными, которые ни в одной словоформе не обнаруживаются в сильной позиции, является той средой, где происходят активные перестройки фонемного состава слова» [Высотский 1975: 15]. Ср. заимствования в современных окающих говорах: *кант^обра*, *салд^ат*, *канф^ета рестар^ан*, где в предупредном слоге фонема <а> [см. там же: 15].

гарячеи (Р. ед. ж.р.) 1262-46об., 48об., 50, 56об., *гарячие* (Р. ед. ж.р.) 1262-45об. По данным «Атласа русских говоров центральной областей к северу от Москвы», в говорах, знающих различие безударных [а] и [о], в ряде слов в предупредных слогах отмечено [а] на месте [о], причем не только в заимствованных из акающих говоров лексемах, но и в некоторых исконных словах, в число которых входит и «гаряч^е», «гарячий» [Комментарий к Атласу русских говоров...: 163]. Быть может, такое произношение в севернорусских говорах стало возможным потому, что в этом корне отчетливо представлено чередование *о/а* (ср. *гарь*, *загар*).

на дрова 1-73об., *праща^аца* 21-145, *на пасацкомъ жы^ацы* 6-27. Во всех этих случаях можно предположить опisku под графическим влиянием *а* следующего слога (ср. написание *навару* 9-5, где под воздействием последующего слога буква *а* появилась в таком месте, в котором должно было быть обозначено ударное [о]). Опiski такого типа — явление весьма распространенное [Виноградов 1968: 145], отмечаемое не только в памятниках древнерусской письменности, но и в современном письме. Как результат опiski возникли, быть может, и такие написания: *казоко^а* (Д. мн.) 1-125, *на колочи* 1-45об.

Написания *на горяче^а*, *дрова*, *праща^аца*, *на пасацкомъ жы^ацы*, *на колочи* можно, впрочем, объяснить по-другому. П. С. Кузнецов, исследовавший говоры Верхней Пинеги и Верх-

¹² Написание данной лексемы с буквой *а* отмечается в памятниках письменности северного происхождения [см. Новгородские записные и кабальные книги... 1938: 88, 89, 139 второй пагинации], а также в рукописях, отражающих сибирские говоры [Мазо 1966: 66] генетически севернорусского типа. В северновеликорусских говорах произношение этого слова с гласным [о] фиксировалось в начале XX в. [Мансикка 1912: 91] и отмечается в их современном состоянии [Комментарий к Атласу русских говоров...: 229].

ней Тоймы, заметил, что в речи местных жителей [о] и [а] соседних слогов часто оказывают друг на друга ассимилирующее влияние, в результате чего можно услышать *сомовáр, но-рôц'но, от коморôф, гормôшка, на зоготôфке* — с одной стороны, и *парахôд, в Галáндю, хварáю, náда, бядá* — с другой [Кузнецов 1949: 22]. Современные диалектологические данные также свидетельствуют о том, что в севернорусских говорах распространена регрессивная ассимиляция безударных гласных гласным последующих слогов, так называемая «[а]-ассимиляция» (напр., *ламáл*), «[о]-ассимиляция» (напр., *постонôфки*) [Пауфошима 1981: 29–30] и «[и]-ассимиляция» (напр., *ск'ип'ит'ит', р'ик'ú*) [Князев, Левина, Пожарицкая 1997: 203]. Возможно, с подобным явлением встретились в данном случае и мы.

куплено в ка'ну бумаги скорáпи'ные 1-7 (ср. *бумаги скорописные* 1-59). При интерпретации этой орфограммы следует принять во внимание, что прилагательное «скорописный» не связано с лексикой местных говоров, а является фактом языка деловой письменности, опиравшегося на московскую произносительную норму.

Довольно сложно объяснить лишь одно написание: *на...окорáку* 6-124об., 1257-1, 1260-1об. Эта орфограмма встречена в текстах, написанных разными почерками, так что необходимо допустить, что произношение данной формы было именно таким. Заметим, что фонема <о> второй части полногласия (рус. «окорок» возводится к праславянскому **kork-* 'нога' [Фасмер, III: 130]) никогда не была ударной, так как в парадигме этого слова ударение облодало маргинальной подвижностью, то есть падало либо на первый, либо на последний слог словоформы. Возможно, здесь произошло «словообразовательное переосмысление» под влиянием слов с суффиксом *-ак-* (пятак, большак и др.).

2.3.1.2. Второй предударный слог

Есть несколько написаний с буквой *а* во втором предударном слого, которые требуют комментария.

у паишехо"ца 1260-49об., *у паишехо"ца* (sic) 1260-29, *у паишохо"ца* 1260-56 (при *пошохоне"* 1258-15, 1261-17, *пошахоне"* 1261-17об., *у пошахо"ца* 1260-29об., *на пошахо"це* 1260-72об.).

Можно допустить, что произношение и написание этого слова, образованного от гидронима (от названия р. Шексна́, диал. Щехна́ — Пошехонье, как Поречье от «река») [Фасмер, III: 349]), в говоре и орфографии писцов не были устоявшимися (ср. фамилию *Пашехонов*, отмеченную в челобитной тихвинских посадских людей 1717 г. [Мордвинов 1911: 24]), причем колебания, как видим, возникали не только во втором предударном слого, но и в первом (*ше-/шо-/ша*). Кроме того, следует учитывать возможность влияния со стороны приставки *па-*.

на"городе" 6-132об., 39-20, *на"горо"цу* 6-205, *на"гороцкому* 6-83, *на"горо"цкому* 25-8, *на"горо"цки"* 14-27, *на"горо"цкимь* 14-57, *без навгородки* 1-42, 46об., *без наугоро"ки* 1-39об., *до навагорода* 7-1. Эти написания, как говорилось выше (см. 1.3.1.2.), показательными не являются, так как известны многим памятникам письменности севернорусского происхождения.

* * *

Данные современной лингвистической географии показывают, что основным, повсеместно распространенным типом вокализма первого предударного слога после исконно твердых согласных в ладого-тихвинских и онежских говорах является различие [а] и [о], однако к югу и к западу от Тихвина расположены населенные пункты, где в сосуществовании с различием имеются элементы неразличения — на месте <о> и <а> может произноситься [ъ] или [о^а], причем только (или преимущественно) перед ударным [а] [ДАРЯ I, карта 1]. Таким образом, написания, которые выше были трактованы либо как описки, либо как резуль-

тат «а-ассимиляции» (*драва, праца^мца, на пасацком*), в принципе, могут быть и отражением отдельных элементов неразличения гласных в первом предударном слоге.

Неразличение гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге (как правило, в сосуществовании с различием) встречается в небольших регионах к западу и югу от Тихвина. Как видим, в исследованных рукописях неразличение в этой позиции практически не отражается (так же, как и в заударных слогах).

В лингвистической географии наличие элементов неразличения гласных неверхнего подъема в окающих ладого-тихвинских говорах объясняется сравнительно поздним влиянием соседних акающих говоров [Образование... 1970: 242–243]. Как видим, это влияние действительно было достаточно поздним, так как в тот же период времени — в конце XVI — первой половине XVII в. — в собственно новгородских рукописях случаев отражения аканья существенно больше, чем в рукописях, созданных на северо-восточной новгородской периферии (см. выше, 1.3.1.1.; 1.3.1.2.). Заметим, что в современном состоянии рассматриваемых диалектов новгородские, ладого-тихвинские и онежские говоры применительно к ситуации, которая складывается в области реализации гласных неверхнего подъема после твердых согласных в первом предударном слоге, демонстрируют примерно одинаковую картину [см. ДАРЯ I, карта 1]. Значит, проникновение элементов аканья в собственно новгородский диалект началось раньше, чем в более архаичный периферийный говор. Во втором предударном слоге процесс развития аканья пошел в новгородском диалекте дальше, и там сформировалось в значительном количестве населенных пунктах неполное оканье, чего не произошло в ладого-тихвинских и тем более — в онежских говорах [см. ДАРЯ I, карта 9].

2.3.2. Позиция после мягких согласных

2.3.2.1. Первый предударный слог

В соответствии с этимологическим **ѣ* 10 раз написана буква *и* — *звѣда* 1260-21, *слы^н* 8-8об., *по^осивали* 25-10об., *по^мсивали* 29-153об., *хливо^о* (Р. мн.) 22-4об., *си^ли* 25-9об. (2 раза) (позиция перед твердыми согласными), *пиги^нка* (от прил. «пегий») 1257-64, *снигиру* 10-45, *промини^и* (*и* исправлено на *е*) 1257-11, (позиция перед мягкими согласными).

О том, что за такой орфографией стоит реальное произношение, свидетельствует обратная замена, когда в соответствии с фонемой <и> написана буква *ѣ*: *два за^нчижка вѣсучи^ѣ* 9-2об., *вѣсучи^ѣ* 9-11об., *обѣхо^о* 1-14, 17, 61об., 113, 139, 141, 142, 150об., 180 (позиция перед твердыми согласными), *прѣмѣто^м* (Д. мн.), *Мѣхис^о с(ы)нѣ* I-87об., *Мѣхеику* (Д. ед.) VI-186об., *Осѣтхи^н* (фамилия) 31-54 (позиция перед мягкими согласными).

Таким образом, можно предположить, что в первом предударном слоге **ѣ* реализовался в звуке [и], и это согласуется с данными современной диалектологии, показывающими, что такое произношение широко распространено в говорах Ладого-Тихвинской и Онежской групп [ДАРЯ I, карта 5].

Более частотна, однако, замена *ѣ* на *е*: *за...делами* 15-12об., *прие^зжа^д* 21-22об., II-9об., *звѣда* 1257-41, 45об., 1260-63об., IX- 6об., *ре^ные* XV- 6об., *за реко^н* 1-38об., *за рекою* 115-12об., *по река^н* 10-14об., *чере^з реку* 10-56, *по^осивали* 1-54об., *цветовѣ* XV-12, *у Цвет^нка* (фамилия или прозвище) (позиция перед твердыми согласными), *бели^н* (Р. мн.) 29-3, *белѣ^н* (то же) 1261-3, 1262-11, *бели^нка* 1257-49об., *белина* 1257-2, *променили* VI-94об., *на рекѣ* 1-191об., *на рекѣ* II-9об., VI-109, *на реки* (М. ед.) 33-150, XV-62, *с рекѣ* 1-88, V-135, *светиле^н* (Р. мн.) 22-24об., *на стенѣ* 2-21, *проти^о хлевншѣ* 115-17об., *киндяко^н цени^нны^н* 6-53 и т. д. (позиция перед мягкими согласными).

Замену *ѣ* на *е* в слогах без ударения, несомненно, легко объяснить орфографической традицией московских рукописей XIV-XVII вв. употреблять *ѣ* под ударением и заменять его в безударной позиции буквой *е* [Васильев 1905 а: 178; Соколов 1891: 123]. Поскольку эта

традиция распространилась и на памятники севернорусского происхождения соответствующего периода [Виноградов 1923: 318-319; Дурново 1914: 161], можно думать, что она проявляется и в рассматриваемых рукописях. Однако, если учесть, что на территории современных Ладого-Тихвинской и особенно Онежской групп говоров в сосуществовании с [и] на месте *ѣ представлено и [е] [ДАРЯ I, карта 5], придется допустить, что орфографическая замена ѣ на е не всегда противоречила произношению.

* * *

В соответствии с *е¹³ встречаются написания с буквами и, ѣ и я (традиционные орфограммы с е здесь не приводятся).

и вместо е: *Оликсиевъ* 1258-21 об. (позиция перед твердым согласным), *приви³ли* 31-46 (позиция не ясна¹⁴).

ѣ вместо е: *бѣ³ гривны* 1260-23, *издѣржа¹* 1-75 об., 89 об., 118, *сѣвкол^оо²(о)* 1-50, *сѣло* 1-58, *в сѣло* 1-94, 122, *сѣдло* VI-169 (позиция перед твердыми согласными), *по повѣлению* VI-182, *в сѣлѣ* 1-42, *в сѣле* 2-35, 38 об., 39, *в сѣле* (ѣ переправлено на е) 1-23 об., *тѣле^жны^х* V-47, 80 об., *тѣлѣ^жжную* 1-93 об., *вѣврху* VI-83-83 об.¹⁵ (позиция перед мягкими согласными).

я вместо е: у *Ярасима* (= у Герасима) 1260-37, 52, *Ярасимо^о* 1260-45 (позиция перед твердым согласным), *дервяно^н* (Им. ед. м.р.) 1-108 (позиция перед мягким согласным), *и³ сярмягъ* 1-54 (позиция не ясна, ввиду возможной мягкости [р']).

Нельзя не отметить, что и вместо е в приведенных выше орфограммах (*Оликсиевъ* и *приви³ли*) могло появиться перед и следующего слога как результат описки. По той же причине — перед буквой я следующего слога — могла быть написана буква я в формах *дервяно^н* и *и³ сярмягъ*¹⁶. Но, скорее, следует думать, что это не описки. В пользу того, что написания *Оликсиевъ* и *приви³ли* действительно отражают произношение [и] на месте *е, свидетельствует замена е на ѣ, ведь писцы знали, что букву ѣ в некоторых случаях нужно писать там, где они произносят и-образный звук. То, что такое представление у писцов действительно было, свидетельствуется случаями гиперкорректного написания ѣ для обозначения звука [и] в ударном слоге (см. выше, 2.2.1.). Есть и соображения в пользу того, что орфограммы *дервяно^н* и *и³ сярмягъ* также не являются описками. О том, что написания с я передают [’а] на месте *е, говорит троекратная (!) передача имени «Герасим» и фамилии «Герасимов» с буквой я (у *Ярасима* 1260-37, 52, *Ярасимо^о* 1260-45).

Один раз в исследованных рукописях зафиксировано отражение произношение [’о] перед твердым согласным: *штовару* (= щевару, тому, кто варит щи) 1-79 (ср.: *штевару* 1-23 об., 26 об., 7-11 об. и др., а также бытовавшую в Тихвине в XVIII в. фамилию Щеваров [Мордвинов 1911: 25]). Естественно, что невозможно ожидать более существенного отражения произношения [’о] после букв согласных, парных по твердости-мягкости ввиду известных особенностей русской графической системы, но наличие большего числа случаев отражения фиксации этого явления в позиции после шипящих согласных и [ц] (см. ниже, 2.3.3.1.) дает основание предположить, что вокализму первого предупредительного слога после парных мягких согласных перед твердыми было присуще ёканье.

¹³ Под *е подразумевается не только исконный [е], но и сильный [ѣ].

¹⁴ О наличии говоров, в которых первый согласный в двойных сочетаниях зубных согласных не получает ассимилятивного смягчения, см. [Пауфошима 1973].

¹⁵ Возможно, здесь произносился мягкий [р’], так как в той же рукописи имеется написание *вверь^х* VI-17 с четко различаемым ъ.

¹⁶ Слово «сермяга» не может быть достаточно показательным и потому, что является заимствованием с неясной этимологией, причем неизвестно, в частности, и то, каким был гласный первого слога в языке-источнике (i, e или a) [Фасмер, III: 609].

Этот вывод подтверждается данными диалектологии. В конце XIX – начале XX в. наиболее распространенным типом вокализма первого предударного слога перед твердыми согласными в говорах Боровичского, Тихвинского и Крестецкого уездов Новгородской губернии было произношение типа «сёло» [Диалектологический материал... 1914: 315–316, 321–323, 325–327]. Произношение [’о] в соответствии с *е в указанном положении характерно для говоров Ладого-Тихвинской группы (а также для онежских говоров) и в их современном состоянии [ДАРЯ I, карты 3, 4].

Признание произношения писцов ёкающим, однако, не мешает допустить наличие в реконструируемом диалекте на месте *е также звука [и], на который указывают написания с буквами и и ѣ вместо е. Дело в том, что сосуществование реализации *е в звуках [’о] и [и] перед твердыми согласными фиксировалось в рассматриваемых говорах начала XX в. [Диалектологический материал... 1914: 316, 321, 322]. В позиции же перед мягким согласным сейчас широко распространено произношение [и], часто наряду с [е] [ДАРЯ I, карта 4].

Остается, таким образом, найти объяснение написаниям с буквой я вместо ожидаемого е. Произношение [’а] на месте *е в первом предударном слоге в ДАРЯ не зафиксировано, однако в начале XX в. оно присутствовало в говорах Боровичского и Крестецкого уездов Новгородской губернии, то есть к югу от Тихвина, но, конечно же, в сосуществовании с другими типами произношения (обычно с [и] и [е]) [Диалектологический материал... 1914: 315, 316, 322, 323].

* * *

Для обозначения реализации фонемы <a> наряду буквой я (примеры ввиду их стандартности не приводятся) отмечено употребление буквы е: в *крежу* 11-5, *свещеннику* 8–9об. (позиция перед твердым согласным), *девети* 1260-69об. (позиция перед мягким согласным). Возможно, эти орфограммы указывают на произношение [е] вне зависимости от твердости или мягкости последующего согласного. Скорее всего, здесь отразилось sporadическое произношение [е] на фоне обычного [а]. Именно такая ситуация отмечена диалектологами в интересующих нас говорах. Так, А. И. Соболевский указывает, что в речи жителей с. Крючково Тихвинского уезда вместо [’а] изредка произносится [е]: *глежа* [Соболевский 1897: 35]. В записях Н. Н. Соколова, осуществленных им в Тихвинском уезде, наряду с [’а] (*обязать, пустаки, княгиня*) отмечается произношение [е]: *петнацать* и [’а]: *пя’тнацать* [Соколов 1909: 288, 290, 294].

В современных ладого-тихвинских и частично онежских говорах по большей части в единичном употреблении и в рассеянном распространении в сосуществовании с произношением [е] также отмечается [’а] [ДАРЯ I, карта 7].

* * *

В итоге система реализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных для периода конца XVI – первой половины XVII в. может быть восстановлена в общем виде приблизительно так¹⁷:

Реализация перед твердым согл.

и, е, — *ѣ
о, и, (а) — *е
а, (е) — <a>

Реализация перед мягким согл.

— и, е
— е, и, (а)
— а, (е)

¹⁷ При составлении общей схемы оговоренные выше sporadические реализации гласных берутся в скобки.

2.3.2.2. Второй предударный слог

Материал, на основании которого можно было бы делать выводы о вокализме второго предударного слога после парных мягких согласных, достаточно скуден. Есть случаи замены *ѣ* на *и*: *хлебодару* 29-13 (позиция перед твердым согласным), на *симена* 25-10об., 27-20 (позиция перед мягким согласным). В положении перед твердым согласным также отмечена обратная замена *и* на *ѣ*: *въслоуха* 1260-3, *Тѣмофѣву* 20-8. Видимо, эти написания могут свидетельствовать о том, что во втором предударном слоге, так же, как и в первом, **ѣ* реализовался в [и] или в звуке, близком к [и]. Есть, впрочем и случаи замены *ѣ* на *е* (*белозерски*¹⁸ 2-12, *белозерска*²(о) 2-20об., *белозе^рского* 1260-43), но их следует, скорее всего, отнести на счет орфографической нормы.

Наряду с этимологически правильным употреблением буквы *я* отмечено несколько случаев замены ее на *е* в позиции перед твердыми согласными (на *еровую жнитву* 1-105об., *и² Еросла^аля* 20-7об., *у еросла^аца* 19-35об., *еросла^ацу* 7-24, *ерославе^а* 1261-1об.).

Возможно, что так же, как в первом предударном слоге, фонема <а> в других предударных слогах могла реализоваться не только в звуке [а], но и в [е].

2.3.2.3. Заударные слоги

Буква *ѣ* в целом ряде случаев заменяется на *и*, причем это происходит в неконечных слогах перед буквами твердых и мягких согласных и в конечных открытых слогах:

Неконечные слоги	Конечные открытые слоги	
Перед тверд. согл.	Перед мягк. согл.	
<i>к осику</i> 11-5, <i>у осика</i> 11-5 (ср. там же — <i>о^м осѣка</i> ¹⁸)	<i>выминено</i> 14-15, <i>высияно</i> 27-13, 14об., 30-15об., 20, <i>высия^м(ь)</i> 30-15об., <i>высияли</i> 20-13, 30-15об., 20, <i>высиву</i> (Р. ед.) 27-13	<i>оби</i> 3-15об., 1-47об., XV-62, <i>посли</i> 1-42об., XVII — 1об., <i>во²ли</i> IX-18 ¹⁹ .

Есть, впрочем, и замена *ѣ* на *е*, но она менее частотна (*выменено* 14-51, *н(ы)не* 115-3) и, видимо, обусловлена следованием орфографической традиции заменять в безударных слогах *ѣ* на *е*. Несомненно фонетическое значение имеет замена *ѣ* на *и*, которая, судя по всему, отражает реализацию **ѣ* в [и] или звуке, близком к нему. О том, что это именно так, свидетельствует гиперкорректная замена *и* на *ѣ*:

Неконечные слоги	Конечные закрытые слоги	
Перед тверд. согл.	Перед мягк. согл.	
<i>у лѣстинѣцы</i> 2-25об., <i>прозѣще</i> 1-20, 64, 67об., 137, 6-35об., 1260-21об., 1-22об., по <i>прозѣщу</i> 1-59об., <i>к Осѣпу</i> 11-12	<i>ѣздѣли</i> 1-87	<i>ѣздѣ^а</i> 1-51об., 64об., 66, 85об., 86, 88об., 89об., 90об., 97, 115, 176, 189, VI-50об.

¹⁸ В слове «осѣкъ», имеющем несколько значений, в частности 'изгородь, отделяющая селение от пашни или пастбище от пашни' [СлРЯ, 13: 83], ударение падало на первый слог [Кузнецов 1949: 37; Комментарий к Атласу русских говоров...: 451].

¹⁹ Предлоги «после» и «возле» имели исконное ударение на последнем слоге, поэтому в данный список они включены условно, так как трудно сказать, какова была их акцентовка в конце XVI – первой половине XVII в. в северо-западных говорах.

В исследованных текстах встречено одно написание, свидетельствующее о наличии результатов изменения [е] в [о] в заударном слоге после твердых согласных: *о^м дву сососонь* (с опиской) III-4.

Впрочем, на месте *е помимо традиционных орфограмм с буквой е есть и написания с буквами и и я.

и вместо е: *евангилie* 2-4, 17об. (7 раз), 18об. (3 раза), 19, 20, *два евангилia* 2-17об., *ева^ггил^ски^х* 2-2об. (неконечный слог, позиция перед мягким согласным).

я вместо е: *осення^н* (Им. ед. м.р.) 1-1об. (неконечный слог, позиция перед мягким согласным), *четыря* 1-1об., 5б, 64, 72, 72об., 84об., 95об., 103.

Орфограммы *евангилie*, *ева^ггил^ски^х* не слишком показательны в фонетическом плане, так как здесь мы имеем дело с заимствованием. Однако, если учесть, что в заударных слогах зафиксировано употребление ђ вместо е (*сеѡ^м* 30-120, *седѡльному мастеру* 1-175), которое могло возникнуть оттого, что писцы знали, что там, где пишется буква ѡ, они произносят и-образный звук, то допустимо предположить, что количество орфограмм, свидетельствующих о возможности реализации *е в [и], увеличивается.

Написания *осення^н* и *четыря* также, должно быть, имеют под собой фонетическое основание. То, что в севернорусских говорах на месте *е может произноситься в заударной позиции звук [ʲа], видно уже из диалектологических записей конца XIX – начала XX в. [Колосов 1878: 61; Шахматов 1893: 299; Диалектологический материал... 1914: 316]. Произношение типа *вѣ[в'а]ди*, *вѣ[з'а]ре* зафиксировано в ДАРЯ на территории между Тихвином и р. Свирию в нескольких населенных пунктах [ДАРЯ I, карта 22]. В большем количестве населенных пунктов Ладого-Тихвинской и Онежской групп говоров отмечается произношение [и] на месте *е и перед твердыми, и перед мягкими согласными [ДАРЯ I, карты 21, 22]. Присутствие в одной системе трех видов произношения ([ʲо], [и] и [ʲа]) бывает в северном наречии и сейчас, например, в говорах восточной части Ладого-Тихвинской группы [Атлас сев., карты № 20, 24]. Таким образом, возможно, что все вышеприведенные написания соответствуют произношению.

Наряду с традиционным обозначением реализации фонемы <a> в заударных слогах буквой я, встречено и употребление буквы е:

Перед твердым согласным	Перед мягким согласным
<i>мире^т</i> (= мерял) 23-9об., <i>два мѡсеца</i> 1-98об.	<i>деветеры</i> 14-28об., <i>мѡсечные</i> VI-151об., <i>помѡсечного</i> VI-101, <i>паме^м</i> 6-29, <i>за тысячу</i> 15-53, <i>тысечи</i> 1-64, 21-46, <i>вздечи</i> 8-16об.

Реализация фонемы <a> в заударном положении после парных мягких согласных в звуке [е] была известна говорам рассматриваемой территории в конце XIX – начале XX в. Так, в записях Н.Н. Соколова три раза отмечается произношение *десеѡвѡ* [Соколов 1909: 289]. В говорах Ладого-Тихвинской группы в их современном состоянии в соответствии с <a> после мягких согласных в заударных слогах преобладающим является произношение [ʲа], од-

нако во многих населенных пунктах фиксируется сосуществование двух типов произношения — [а] и [е] [Атлас сев., карты 36, 37]. Мы можем, следовательно, предположить, что приведенные написания с *e* вместо ожидаемого *я* имеют фонетическое значение, отражая реализацию фонемы <a> в звуке [е], которая, судя по данным современной лингвогеографии, должна была сосуществовать с реализацией в звуке [’а], поскольку последняя является для северных говоров более архаичной, и, будучи широко распространенной на изучаемой территории в настоящее время, она, по всей видимости, характеризовала данные говоры и несколько столетий тому назад.

2.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]

2.3.3.1. Первый предупредительный слог

Наряду с многочисленными традиционными написаниями с буквой *e* на месте **e*, в исследованных рукописях есть единичные написания с буквой *a*: на *решата* VI-16об. (позиция перед твердым согласным), *пращаница* XV-19 (позиция перед мягким согласным).

В четырех случаях встречается написание буквы *o* после букв шипящих перед буквами твердых согласных: *шосто*” 1264-18об., *Що”кановы* 1-12, *отмежова*” III-5об., *кашовару* 1-13об.

Следует отметить вариативность написаний слова «пошехонец»:

у пашехо”ца 1260-49об.,
у пашехо”ца 1260-29

пошохоне” 1258-15,
1261-17,
у пашохо”ца 1260-56

пошахоне” 1261-17об.,
у пошахо”ца 1260-29об.,
на пошахо”це 1260-72об.

Естественно, на основании этих написаний нельзя заключать, что на месте **e* беспорядочно чередовались звуки [е], [’о] и [’а]. Скорее, здесь отразилась неустоявшаяся орфография слова «пошехонец», на что, кстати, указывает и чередование букв *a* и *o* в первом слоге (см. выше, 2.3.1.2.).

Опираясь на вышеприведенные написания (*шосто*”, *Що”кановы* и др.), можно сделать вывод о наличии ёканья в позиции первого предупредительного слога после шипящих согласных. Этот вывод подтверждается и данными описательной диалектологии: в конце XIX – начале XX в. подобного рода произношение отмечалось в Тихвинском уезде В. Н. Перетцем [Перетц 1894: 11, 15, 16] и Н. Н. Соколовым [Соколов 1909: 288, 290].

Что касается написаний на *решата* и *пращаница*, то усматривать за ними точное произношение вряд ли допустимо, поскольку появление здесь буквы *a* может быть графически обусловлено наличием *a* в соседнем слоге.

2.3.3.2. Второй предупредительный слог

Судя по данным рукописей, в этой позиции также сохранялись результаты перехода [е] в [о] перед твердыми согласными: *жорноковъ* I-11об., *у жо”нокова* 10-48об., 19-42, *жорнокову* 21-167об., *Жорноковову* 32-117, на ...*Жорноковове* 39-5, *свежопросо”но”* 1-173.

2.3.3.3. Заударные слоги

В этой позиции в соответствии с *е часто пишется о. Приведем основные примеры.

Неконечные слоги	Конечные закрытые слоги	Конечные открытые слоги
<p>Перед твердым согл.: конюшому 14-32об., 24-3об., умершо(о) 1-43об., на чудотворцово^в гробницы IX-14об., Куряцова 6-47, Колокоцова (Р. ед.) 1257-11об., Заецову 30-13об., Стацову 10-6об.</p>	<p>Перед твердым согл.: вышо^а 1-4, ложо^к (Р. мн.) 7-37, 1-48, 22-12 и др., бочо^к 22-2об., 24-38, косточо^к 19-10об., о^м вышо^к 10-55, рубашо^к VI-34, 56 и др., полушо^к VI-38, с товарищо^м 1259-6об., 1262-9об., с ти^вви^нцо^м 1257-6, 6об., у пом^рцо^в VI-76, покр^оцо^в (Р. мн.) 2-21об., старцо^в 2-27об., 6-26 и др., старожи^вцо^в 115-5об., ти^ацо^в 15-28об., часосло^вцо^в (Р. мн.) 2-20об., ша^ада^ацо^в (Р. мн.) VI-42, у вустиж^ецо^в 19-22об., у новгоро^дцовъ 115-19.</p> <p>Перед мягк. согл.: свѣжо^в (Р. ед. ж. р.) 1-32, конюшо^в (Им. ед. м.р.) 6-96, 8-17об. и др., тошо^в (Им. ед. м.р.) XV-35.</p>	<p>веретицо 7-43, 13-43, 24-18об., рипицо 8-14об., портицо 1259-10об., VI-33об., на урочицо 11-4об., III-6, ужицо 21-91, 22-32, 24-22об., паникади^вцо 2-3, 3об., 11об., полоте^нцо 1262-2об., кружствцо IX-2об., рыжо (кр. прил.) 11-9, 21-8об., I-29.</p>

Можно заметить, что в заударном положении буква *о* появляется преимущественно во флексиях, по всей видимости, потому, что орфографический облик окончаний (-ому, -ого, -ов и др.) был для писцов привычным и написания типа новгоро^дцовъ не казались им неправильными. Однако несмотря на то, что многие из приведенных написаний могут быть объяснены орфографией флексий, они показательны и в плане отражения реальной фонетики, поскольку последовательное сохранение результатов изменения [е] в [о] в заударных слогах отмечается в говорах рассматриваемой территории до сих пор [Образование... 1970: 245].

В исследованных рукописях встречены также написания с буквами *а* и *и* на месте *е: выша 1260-19об., понижа 1257-41, поме^нши 22-32об. (формы сравнительной степени). В одном из тихвинских деловых документов 1664 г. находим написание дешевля [Мордвинов 1911: 53], а в записях Н. Н. Соколова найдены формы удобни^я, круч^ья, длинн^яя, а также — дешевли [Соколов 1909: 290, 293]. Таким образом, можно, вероятно, заключить, что произношение суффикса форм сравнительной степени в исследуемом говоре было морфологизировано и здесь выступал звук, отличный от [о].

В рукописях обнаружены лишь две формы, которые могут дать представление о реализации в заударных слогах после непарных по твердости-мягкости согласных фонемы <a>: двена^нце^н 8-17, два^нцет^ь 8-7. На основании этих орфограмм нельзя сделать каких бы то ни было обобщающих выводов относительно воплощения фонемы <a> в заударной позиции, но предположение, что в числительных на -дцать после [ц] произносился звук, отличный от [а], вполне допустимо. Дело в том, что вторая часть этих числительных давно дестимологизировалась и никогда не стояла под ударением, так что, возможно, здесь произносился редуцированный звук, который передавался писцами буквой *е*.

2.4. КОНСОНАНТИЗМ

2.4.1. Губные спиранты

2.4.1.1. Фонема <ф>

В современных ладого-тихвинских и онежских говорах фонемы <ф> и <ф'> полностью усвоены. Замены их на [х], [хв] ([хв']) отмечаются лишь изредка в единичных словах в рассеянном распространении и всегда в сосуществовании с [ф] и [ф'] [ДАРЯ I, карта 54].

Видимо, примерно такой же была ситуация и в конце XVI – первой половине XVII в. На фоне значительного количества имен собственных и нарицательных иноязычного происхождения, в которых буква **ф** (**ϕ**)²⁰ употребляется этимологически правильно, имеются лишь считанные случаи взаимной мены букв **ф** и **х**.

Буква **х** употреблена вместо **ф** только два раза: *Пахну^мю* (Д. ед.) 21-114, *У^хтюские волости* (Р. ед.) 1260-48об., 57. Прилагательное «ухтюжский» образовано от существительного Уфтюга (сейчас так называется несколько рек в Вологодской области), а не Ухта, производное от которого имеет форму «ухотский» [см. Плотникова 1922: 291]. Ср. также упоминание об Усть-Уфтюженской волости Кокшеньгской чети Важского уезда в работе Н. А. Цомакион [Цомакион 1966: 258].

Замена **х** на **ф** встречается в одном слове: *Футыня м(о)н(а)^ст(ы)ря* I-17, V-116 (ср. *хуты^нскому ста^рцу* 30-3, *хуты^нскому слуги* 11-11).

Возможно, употребление **ф** вместо **х** в этом случае не связано с гиперкоррекцией, а отражает вариант произношения. К такому выводу можно прийти потому, что подобные написания встречаются в других рукописях, которые употребляют букву **ф** в основном правильно. Ср. написание *Футыня* в Уложении 1649 г. [Черных 1953: 229].

Особо следует отметить варианты написания слова «Тихвина» (совр. р. Тихвинка) и производных от него. Примерно в равном соотношении находятя написания с сочетанием **хв** и буквой **ф**: на *Ти^хвину* 29-73, на *Ти^хвины* XVII-4об., в *Ти^хвиноско^н м(о)н(а)^ст(ы)рь* 6-18об., *ти^хвине^н* 1257-11об. и т. д. — на *Тифину* 30-35, с *Тифины* 13-51, в *Тифи^нско^н м(о)н(а)^ст(ы)рь* 6-114об., *тифине^н* 1257-51об. и т. д. Возможно, оба типа произношения сосуществовали — во всяком случае, огласовки *Тифин*, *Тифинка* фиксировались в говоре Тихвинского уезда в начале XX в. [Соколов 1909: 287, 292]. Встречено также несколько случаев передачи данной лексемы с буквенным сочетанием **хф**: на *Ти^хфины* V-25, 42, 115, VI-19об., 63, *ти^хфинского* I-92об. О том, что такие написания могут свидетельствовать о произношении сочетания **хв** как [xf] или [xφ] см. выше (1.4.1.3.).

Итак, в говоре писцов наличествовало [ф] в заимствованных словах, хотя в отдельных, единичных случаях оно подвергалось заменам.

2.4.1.2. Фонема <в> и ее позиционные варианты

Современным говорам Ладого-Тихвинской группы свойственна реализация фонемы <в> в середине слова в звуке [в] перед звонкими и в звуке [ф] перед глухими согласными. На северо-западе Онежской группы, на территории, прилегающей к Онежскому озеру, известна реализация <в> в [ў] перед звонкими и глухими а также в [в] перед звонкими [ДАРЯ I, карта 56]. Аналогичная картина наблюдается в абсолютном конце слова. При сплошном произношении [ф] в говорах Ладого-Тихвинской группы, на северо-востоке Онежской группы в сосуществовании с ним отмечается [в], [w] и [ў] [там же, карта 58]. Перед согласными в начале слова произношение типа [в]дова, [ф]сех характеризует как ладого-тихвинские, так и онежские говоры целиком, лишь у берегов Онежского озера можно услышать в обоих случаях [у], да и то в сосуществовании с вышеописанным типом произношения [там же, карта 57].

В исследуемых рукописях явно отражается наличие [в] губно-зубного, который в слабых позициях оглушается в [ф] (правда, из трех слабых позиций написания с заменой **в** на **ф** имеются лишь в двух — в начале слова и в середине слова перед согласным): *фторо^н* 32-16,

²⁰ В строке буквы **ф** и **ϕ** свободно варьируются, над строкой же выносятся только буквы **ϕ**. При цитировании материала в разделе о губных спирантах строчные **ф** и **ϕ** передаются буквой **ф**, а выносное **ϕ** сохраняется.

два ку^шина 21-155, ку^ши^и 7-4об., Ивану Ку^шину 6-175об./176, ку^шиновъ (Р. мн.), на-
ши^тки 1259-6, голо^шико^и (Д. мн.) 10-13, голо^шику 22-3, уста^шику 1-1об., 27.

Косвенным свидетельством наличия [в] губно-зубного могут послужить написания с за-
меной *ф* на *в* [Самуйлова 1963: 54]. Такой случай встречен в одной из рассматриваемых ру-
кописей: куплено к по^{св}ѣ^нико^и на по^краску пѣ^н золотнико^и шаврану 21-104об.

Впрочем, наряду с вышеприведенными написаниями есть и орфограммы другого ро-
да — с заменой *в* на *у*. Их можно разделить на две группы, первая из которых сама по себе
малодоказательна, а вторая является несколько более надежной.

1. Еуфи^ию (Д. ед.) 1-32об., 21-95, 15, 29-12об., Еуфи^иья (Им. ед.) 1-15, у Еуфимъе^ско^и
жены 7-15об., от Еупракъи 6-155об., по...Еупракъи 8-188об., Еустратъю (Д. ед.) 1-25,
Еустратъю 1-59, Еуста^фю 27-9об.;

Ноугоро^о 1-4об., ноугороде^и 126-69об., 1-37, ноугоро^оцу 1-57об., ноугоро^око^и 1260-35,
ноугоро^оцкую 1-158, без наугоро^оки 1-39об.

О том что написание имен собственных иноязычного происхождения и слов «новгоро-
деш», «новгородский» и под. с буквой *у*, не является показательным в плане решения вопро-
са о реализации фонемы <в>, см. выше (см. 1.4.1.1.).

2. со Пшеу^жи 9-16об., со Пшеужа 1-114об.²¹;

на кроли (В. мн.) 21-70, на кролю 7-21об., 10-7об. (ср.: на кро^ли 9-13об., 10-45); та^фта
черленя 2-3об./4, черлено^и (М. ед. ж.р.) 2-21об., (Д. ед. ж.р.) 2-22, (Т. ед. ж.р.) 2-12, черле-
ные 2-1.

Первая орфограмма особенно показательна, поскольку за ней стоит название гидрони-
ма местного значения, не имевшее традиционного орфографического облика и записывав-
шееся писцами со слуха, то есть в той форме, в которой оно произносилось, — судя по на-
писанию, со звуком [w] ([ʏ]). Данное написание показательно и потому, что здесь отражена
реализация фонемы <в> в позиции перед звонкими согласными в середине слова, а в рус-
ском языке насчитывается немногим более десятка лексем (не считая их производных) с <в>
в этом положении (правда, кривда, август, овдовела, Новгород, невзгода, р. Пчѣвжа, Ков-
жинский, Клавдия, Авдей, Евгения, Евдокия и нек. др.) [Васильева 1981: 79; Липовская
1975: 109]. Заметим, что в исследованных текстах представлены три лексемы из этого спи-
ска (август, Новгород, Пчѣвжа), и в двух из них (Пчѣвжа и Новгород) регулярно пишется *у*.

Пропуск буквы *в* в написаниях *на кроли* и *черленя* и др. может быть связан с повышенной
сонорностью [w] перед следующим сонорным (см. выше, 1.4.1.1.). Впрочем, следует за-
метить, что пропуск *в* в прилагательном «черленый» и его производных наблюдается во
многих древнерусских памятниках письменности с XII по XVII в. [Шахматов 1886: 175],
а в словаре Ф. Миклошича зафиксированы формы črljen и črlen [Миклошич, 1862-1865:
1121]. А. А. Шахматов полагал, что здесь происходило упрощение группы [рвл'] путем вы-
падения [в] [Шахматов 1886: 175]. При учете этого соображения написания типа *черленя*,
взятые сами по себе, показательными в плане наличия в произношении писцов [w] не явля-
ются. То же можно отнести к орфограммам *на кроли*, *на кролю*, поскольку форма *кроля*
(*кролля*) отмечается в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» (Акты Астраханской воевод-
ской избы XVII в., № 907, ст. 3, 1626 г.; Дела Тайного приказа, кн. 3, 1136, 1669 г.), так что
допустимо предположение, что она является лексикализованной. Но происхождением своим
данная форма, несомненно, обязана произношению слова «кровля» с высокосоночным [w].
Определить точно, являются ли в рассматриваемых нами рукописях написания *на кроли*, *на*
кролю результатом лексикализации или же отражением звучавшей в речи писцов формы ти-
па [кrowл'и], едва ли можно, хотя предположение о произношении звука [w] ([ʏ]) перед со-
гласными все же поддерживается наличием приведенных выше вполне надежных написаний
со Пшеу^жи, *со Пшеужа*.

²¹ Речь идет о р. Пчѣвже, притоке Волхова.

2.4.1.3. Эпентетическое и протетическое [в]; предлог *ув*

Как и в новгородских деловых документах, в исследованных рукописях встречены написания, отражающие появление вставного [в] в интервокальном положении: *к ...кивоту* 1-98, *кову^р* 1-30, *ковура* 15-11, 1-38, *ковуру* 1257-25, 1260-28, *Родивонову* 10-11, 15-16, *Левон^тте^е* 1260-32об., 1264-15, *Левон^ттева* II-2об., *Левани^о* V-103об.

Имеется и четыре написания, указывающие на существование протетического [в], причем три из них (*во^нщие* VI-151об., *во^нчи* III-10, *куплено...вохры* 1-182) не слишком показательны, так как слово «вопчий» представляет собой явление лексикализованное, часто встречающееся в памятниках письменности [Срезневский, 1: 276; СлРЯ, 2: 248], а написание *вохры* нельзя считать отражением диалектной фонетики, поскольку в русском литературном языке XIX в. оно употреблялось именно в такой огласовке [ср. Записки графа М.Д. Бутурлина... 1897: 105]. Единственным показательным написанием, таким образом, остается только одно: *во^мметина* 1258-2.

При этом есть целый ряд орфограмм, где буква *в* перед следующими *о* или *у* употреблена после предлога *у*, так что необходимо признать наличие в исследуемом диалекте предлога *ув*:

у-в-устюже^нца 7-44, 15-26, 37, 21-97, 105, 141, 152, 22-22, 1260-25об., *у-в-устижже^нца* 15-24, 27об., 19-29, 24-22, *у-в-устижже^нцо^о* 7-29об., 21-24об., 19-22об., *у-в-оло^нчань* 29-43об., *у-в-Ондръя* 29-74об., 1260-32, 43, 44, *у-в-Олексея* 1260-25об., *у-в-Онцыфорова с(ы)на* 1260-71, 71об., *у-в-Она^ня* 1260-3об., *у-в-Ульяна* 1260-57, *у Ивана у-в-Остратова* 1264-17об.²², *у Васи^ня у-в-Острова^някина* 1261-6об., *у-в-обоихъ* 1260-19, *у-в-уха* 1260-9об., *у-в-оха* (с опиской) 1260-15.

Как было сказано выше, появление предлога *ув* (*уво*) связано с периодом, когда губной спирант имел билабиальное образование (см. 1.4.1.2.). На территории нынешней Ладого-Тихвинской группы говоров этот предлог отмечен в единичном употреблении лишь в трех разрозненных населенных пунктах [см. ДАРЯ I, карта 59, а также тетради с диалектологическими записями, сделанными в соответствующих населенных пунктах, хранящиеся в ИРЯ РАН]. Быть может, в рассматриваемых рукописях отражена начальная стадия утраты предлога *ув* севернорусскими говорами, заключавшаяся в том, что перед гласными нелабиализованными этот предлог уже утерял звук [в] (ср. *у Ивана у-в-Остаратова* 1264-17об.). Скорее всего, и [w] билабиальное находилось в конце XVI – первой половине XVII в. в исследуемом диалекте в стадии утраты, о чем говорит распространение реализации <в> в звуке [ф] при наличии произношения типа *на Пше[w]жи* (см. выше, 2.4.1.2.).

Сходное соотношение губных спирантов знают современные диалекты. В монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», в главе, написанной В. Г. Орловой, последние отнесены к типу II-б, характеризующемуся факультативным употреблением губно-губных и губно-зубных спирантов в положении перед согласными и на конце слова. В этих говорах в соответствующем кругу лексики произносятся преимущественно звуки [ф] — [ф'], а их замены фиксируются не повсеместно и чаще всего в качестве непоследовательных [Образование... 1970: 35]. Эти же говоры, по классификации В. Г. Орловой 1950 года, отнесены ко II типу, причем указывается, что они представляют собой переходный этап от системы согласных с одним звонким спирантом к системе с двумя (парными) губными спирантами [Орлова 1950: 195]. Говоры с одновременным существованием двух типов губных спирантов отмечались диалектологами и в прошлом: это явление было, в частности, обнаружено в говорах Вологодской губернии [Брок 1907: 73; Едемский 1905: 98; Селищев 1921: 171-172]. Неоднократно фиксировалось отражение подобных диа-

²² Ср.: *Фетка Острато^о* 7-37об., *у Ми^нке Остратова* 7-13об. Фамилия Остратовых (Астратовых) бытовала в Тихвине на протяжении нескольких столетий и отмечалась там еще в начале XX в. [Мордвинов 1911: 58].

лектных систем и в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. [Копосов 1967: 193; Цомакион 1966: 259; Радич-Городилова 1975: 60].

Итак, можно заключить, что в говоре писцов имелись губно-зубные фонемы <в> и <ф>, но фонема <в> в позиции перед следующим звонким шумным или сонорным согласным еще могла реализоваться в звуке билабиального образования, и таким образом, в систему рассматриваемых говоров конца XVI – первой половины XVII в. входил звук [w] ([ў]).

Процесс окончательного становления системы из четырех губных спирантов <в> – <в'> – <ф> – <ф'> в собственно новгородских говорах к началу XVII в., судя по показаниям памятников деловой письменности, рассмотренных в предыдущей главе, уже завершился²³. В говорах же новгородской северо-восточной периферии этот процесс в конце XVI – первой половине XVII в. полностью завершен еще не был.

2.4.2. Заднеязычные согласные

2.4.2.1. Качество звонкого заднеязычного согласного

В исследованных текстах встречены четыре орфограммы, свидетельствующие о том, что фонема <г> реализовалась в звуке взрывного образования: *соро*^к (Р. мн. от сущ. «сорога») 1-154, *сере*^к (Р. мн. от сущ. «серьга») 1262-11об. (2 раза), *устерекъ* (в сочетании *горох устерекъ*) 1-196.

Так же, как и в собственно новгородских текстах, здесь встречена передача имени «Герасим» без буквы *г*: *Ераси*^н*ко* 1264-15об., *Ерасима* 6-29, *по...* *Ерасиме* 6-5об., *у Ерасима* 1260-36, 63об., *у Ярасима* 1260-37, 52, *Ярасим*^о 1260-45. О том, что такая орфография не свидетельствует о произношении в живом говоре [γ] фрикативного, см. выше (1.4.2.1.). Равным образом непоказательны формы *княиня* 6-132об. (см. о ней там же) и *в осподареву миру* 25-11об. Дело в том, что отсутствие буквы *г* в словах с корнем *господ-* нередко встречается в памятниках, написанных на разных территориях [см., напр., Васильев 1902: 166, Карский 1899:24, Лавровский 1852: 132], и отражает лишь общерусскую норму книжного произношения фрикативного [γ] [см.: Зализняк 1993: 234]. Кстати, форма *осподь* была услышана в говоре Пудожского уезда В. Мансиккой [Мансикка 1915: 156]. Таким образом, написание *в осподареву миру* свидетельством наличия в диалекте [γ] фрикативного быть не может.

Требуют комментария и написания *лове*^н *Еупко* 19-20об., *Еупку* (Д. ед.) 10-36об. (ср. *лове*^н *Еупко* 21-22). Здесь мы имеем дело с именем собственным, произношение которого могло быть лексикализованным. Поэтому также нельзя заключать, что в этом случае нашло отражение произношение [γ] фрикативного.

И, наконец, остается рассмотреть еще одну орфограмму: *с четыре*^х *рихъ* 12-6об. В плане решения вопроса о наличии фонемы <γ> этот случай вряд ли может быть показательным ввиду того, что слово «рига» представляет собой заимствование из прибалтийско-финских языков, в каждом из которых оно включает в свой состав звук [h], ср.: фин., кар. *riihi*, люд. *rih*, вепс., вод., эст. *rihi* [Калима 1919: 199]. Заимствования из прибалтийско-финских языков на севернорусской почве подчинялись строгим звуковым соответствиям. В частности, прибалтийско-финское [h] регулярно заменяется на русские [г] и [х], причем оба варианта могут сосуществовать (например, диал. *гарва*, *харва* (ставная сеть для ловли семги) из кар. *harva*, олон. *harvu*, вепс. *harv*; диал. *гигна*, *хигна* (вожжа оленьей упряжки) — из кар. *hihna*, олон. *hihna*, вепс. *hihn*) [Калима 1919: 41.]. Возможно, что и слово «рига», которое в современных северных говорах, впрочем, фиксируется только с взрывным заднеязычным [Калима 1919: 41], будучи заимствованным, первоначально могло иметь две огласовки — с [г] и с [х]. Это

²³ По мнению Н. И. Самуйловой, новгородские говоры переживали процесс перехода от системы с губно-губным спирантом к системе с фонемами <в> – <ф> на рубеже XV–XVI вв. [Самуйлова 1963: 57–58].

тем более допустимо потому, что в конце XVI и в XVII в. данная лексема еще только начала входить в употребление на северо-западе [Молчанова 1982], будучи неизвестной на юге [Котков 1970: 42]. Заметим, что писцы исследованных рукописей вообще имели не очень четкое представление об орфографии названного слова, изображая его на письме то с буквой *и*, то с *ѣ*: *рига*, *с риги* / *с рѣги*, *рѣгъ* и т. д. (см. выше, 2.2.1.). Ввиду всего вышесказанного представляется невозможным интерпретировать написание *рихъ* как отражающее наличие [γ] фрикативного в говоре писцов.

Вспомним все же, что существуют отдельные говоры северновеликорусского типа (главным образом, в Архангельской, Вологодской, Пермской областях и в Забайкалье), где в результате ослабления на конце слова артикуляции [г] в этой позиции произносится [х]: ро[гá] — ро[х], телé[га] — телé[х] и т. д. [Аванесов 1949: 142]. Есть населенные пункты и на территории современной Ладого-Тихвинской группы говоров, где наблюдается это явление (правда, всегда в сосуществовании с [к]) [Атлас сев., карта 71; Атлас сев.-зап., карта 26]. Однако наличие в исследованных рукописях написаний, свидетельствующих об оглушении конечного [г] в [к], не позволяет квалифицировать говор писцов как такой, в котором фонемы <г> и <х> образуют пару, оставляя вне пары <к>.

Итак, на основании написаний *соро^к*, *серѣ^к*, *устерекъ* (а также данных современной лингвистической географии, свидетельствующих о последовательном распространении на интересующей нас территории [г] взрывного [ДАРЯ I, карта 44]) заключаем, что фонема <г> в изучаемом говоре в рассматриваемый период имела взрывное образование.

2.4.2.2. Переходное смягчение заднеязычных согласных

Как и в новгородских деловых текстах, в рукописях, описываемых в данной главе, встречается передача имени «Лукиян» с буквой *т*: *Лу^тя^т* 31-50об., *Лу^тяну* 30-7об., *Лу^тянку* (Д. ед.) 1-63об., 7-12об., 9-4об., 10-12, 12об., *Лу^тянову* 1-18, 10-30 и т. д. Больше переходное смягчение заднеязычных нигде не зафиксировано: перед буквами, обозначающими гласные переднего ряда, как при чередованиях в пределах слова, так и вне чередований в корнях слов постоянно пишется буква *к* (напр., *на гу^ке* 1260-60об., *у Назд^кки* 29-55, *на кисѣ^к(ѣ)* 11-4, *Никифору* 19-33 и мн. др.).

Переходное смягчение заднеязычных известно рассматриваемым говорам в их современном состоянии, причем в них присутствует его лексикализованная разновидность — это явление отмечается не в конце основ [ДАРЯ I, карты 68, 69]. Заметим также, что в каждом из населенных пунктов оно зафиксировано в одном-двух словах [Комментарий к Атласу русских говоров...: 2113–2117]. В XIX веке в рассматриваемых говорах результаты переходного смягчения также наблюдались диалектологами. Например, в записях И. П. Хрущова, сделанных им в районе р. Ояи, находим формы *анделы*, *арханделы* [Хрущов 1869: 75]. В говоре же деревни Большая Будагоша Тихвинского уезда В. Н. Перетц записал форму *пѣйгѣмке* (= пойдемте) и отметил, что такое произношение там считается красивым [Перетц 1894: 5]. Возможно, данное явление некогда возникло как результат гиперкоррекции при избавлении от произношения палатальных [г'] и [д'] на месте [к'] и [г'] и, воспринимаясь как правильное, стало престижным.

2.4.3. Качество <j>

В почерке одного из писцов исследованных рукописей встречаются следующие орфограммы: *ѣѣха^т* 27-8об., *ѣѣха^т* 11-8об., 27-3об., 8об., *ѣѣха^т* 27-8об., 30-29, *ѣѣдучи* 30-12, *поѣѣха^т* 27-11об., 30-7, 7об., 8об., 9, 9об., 10, *ѣѣхали* 30-7об., *поѣѣ^т* (с опиской, пропущено *ха*) 30-7, *поѣѣха^т* 27-5об., 14об., 30-6, 29об., 31-35, *поѣѣхали* 27-14об., 30-12об., *приѣѣ^т жему* 27-11.

Сходные написания памятникам древнерусской письменности известны и толкуются обычно как отражение произношения звука [j]. А. А. Шахматов, в частности, заключая, что буквой *г* в древнерусских текстах мог обозначаться [j], приводит такие примеры, как *Гюрии, Гюрги, генварь, гета, Герасимъ, евангелие* и т. д. [Шахматов 1915: 177]. О том, что за написаниями *Гюрии, Гюрги* скрывается живое произношение греческого имени Γεοργις — [j̥j̥iɟj̥j̥], пишет С. В. Бромлей [Бромлей 1975 а: 146]. Обратившись, однако, к словарю-разговорнику Т. Фенне, мы найдем свидетельство того, что в псковском произношении начала XVII в. в словах «генварь» и «Юрги» звучало [ɣ] — ср. записи Фенне *genvar* и *Jurgi* [Фенне, II: 32, 33].

Р. И. Аванесов указывает на случаи появления в малограмотных записях при обозначении йота буквы *г* (*воробьги, братьги, гих, гим*), но, по его мнению, подобные написания возможны у носителей южнорусских говоров, где имеется фонема <ɣ> такого же, как и <j>, фрикативного образования [Аванесов 1952 а: 34-41]. Некоторые памятники письменности южнорусского происхождения, отражающие наличие [ɣ] фрикативного в говоре их писцов, также знают передачу [j] посредством *г*, например, *в гевго* (= в его) [Хабургаев 1967: 169]. Показания же наших рукописей свидетельствуют о том, что в языке их создателей звонкий заднеязычный согласный имел взрывное образование (см. выше, 2.4.2.1.). Объяснить же написания *гъхали* и под. артикуляционно-акустической близостью заднеязычного звонкого взрывного и среднеязычного фрикативного звуков вряд ли возможно, так что следует искать другие пути трактовки вышеприведенных фактов.

В ряде диалектологических работ указано, что [j] в некоторых северновеликорусских говорах звучал или звучит как [ɣ]. Так, по свидетельству архимандрита Макария, описавшего говор б. Феропонтовской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии, местные жители «букву *ѣ* произносят как *и* или *ги*», например, «гиси» (ешь), «погидjom» [Макарий, архимандрит 1854: 148.]. Д. К. Зеленин, приводя материалы соответствующих говоров (того же Кирилловского уезда, а также Петрозаводского уезда), указывает на произношение «гили» (ели), «гиль» (ель), «гихъ», «гима», хотя отмечает при этом, что более обычным «придыханием» в говорах этой территории является [j], а не [ɣ] [Зеленин 1913: 13]. В работе Б. П. Ардентова, посвященной описанию диалекта жителей Заонежья, специально подчеркивается, что и в «ёкающем», и в «якающем» (ляпающем) говорах в словах, начинающихся с *е* или *и*, наблюдается «приставочное г», развившееся, по мнению автора, из йота. Например, *г'ем* (ем), *г'ешт'а* (еشته), *г'эдут'* (едут), *г'ихн'и* и т. д. Этот звук встречается также после приставок: *паг'ешт'я* (поешьте), *паг'эдут'* (поедут) и т. д. В работе отмечается, что особенно отчетливо «приставочное г» слышится в речи жителей Кажемского и Деригузовского сельсоветов (Шуньга). При этом оговорено, что фонема <ɣ> в говоре смычная [Ардентов 1955: 81, 82].

Есть, однако, основания сомневаться, что звук, обозначаемый во всех трех исследованиях буквой *г*, реально произносился именно как [ɣ']: у архимандрита Макария мог быть недостаточно развит языковой слух, Д. К. Зеленин, приводя материалы по данному вопросу, пользовался чужими записями, степень надежности которых нам неизвестна. Что же касается Б. П. Ардентова, то никто, кроме него, в говоре жителей Заонежья звука [ɣ'] в качестве субститута <j> не отмечал, так что можно предположить, что необычный звук, замеченный им на месте йота, буквой *г* был передан неточно.

Именно в онежских говорах диалектологами отмечается очень отчетливо произносимый звук [j], близкий по своему качеству к мягкому взрывному [ɣ'], так называемый «взрывной йот», часто обозначаемый в материалах, собранных для ДАРЯ, через *г* или *г'* [Бромлей 1975: 146 (сноска); Бромлей 1975 а: 90 (сноска)]. С. В. Бромлей наблюдала летом 1967 года спорадическое употребление данного звука в речи жителей поселка Ладва Прионежского р-на Карелии (расположенного к северу от р. Свири), причем звук [ɣ'] встречался в позиции как ударного, так и безударного слогов перед гласными [e], [i], [a], [y] в начале слова, после приставок *по-*, *у-* или после согласных. Например: *г'эздили, г'если, г'еды* (еды), *с'ем' г'и, дл'а*

с'ем' j'á (я), j'á (я), j'á (я), j'á (я), j'á (я) (Ярков), *j'á (я), j'á (я)* (Ярку), *Мáр'j'á* и т. д.²⁴. «Йот взрывной» представляет собой факультативный вариант фрикативного йота, так что в речи одного и того же информанта в одних и тех же словах могут слышаться оба этих звука, причем «взрывной йот» произносится все же реже, чем фрикативный (к такому выводу можно прийти на основании прослушивания магнитофонных записей, сделанных в пос. Ладва в 1966 г. Л. Н. Булатовой²⁵).

Произношение «взрывного йота» (или, как его называет С. С. Высотский, «взрывного среднеязычного (постпалатального звонкого) согласного z» на месте j) [Высотский 1969: 13]) представляет собой территориально разреженное диалектное явление, то есть оно «к о е - где и изредка встречается в говорах самых различных типов (отмечено в отдельных местах Тульской, Рязанской, Московской, Калининской, Вологодской, Ленинградской областей, Карельской АССР)» [там же: 13].

Итак, можно заключить, что приведенные написания *зъхали* и др., вероятно, появились вследствие того, что в говоре писца существовал «взрывной йот», настолько приближенный акустически к мягкому [г'], что писец считал возможным передавать его соответствующей буквой.

Определить, было ли такое произношение единственной непозиционной разновидностью реализации фонемы <j>, или же, как и в современных говорах, оно представляло собой явление факультативного порядка, едва ли возможно, поскольку орфограммы без z (*зъхали* 11-11, *зъа* 30-45об., *зъхали* 30-57 и др.), регулярно встречающиеся в том же почерке, нейтральны — в том смысле, что за ними может стоять произношение как фрикативного, так и взрывного йота, — и на их основании нельзя сделать вывод о том, что писец иногда произносил взрывной йот, а иногда фрикативный. Во всяком случае, констатируем, что в XVII в. фонетическая система говоров рассматриваемой территории включала в свой состав звук [j'].

2.4.4. Качество <ш> и <ж>

На основании написаний с сочетаниями *шы*, *жы* можно с уверенностью заключить, что в конце XVI — первой половине XVII в. шипящие [ш] и [ж] в описываемом диалекте были твердыми.

шы: *аршы*ⁿ 1259-60, *шытые* 33-112, *шыты*^x IX-17, *на поминъ д(у)шы* I-26, *бo шыхъ* VI-61, *болшы*^x IX-17, 22об.

жы: *Бижы*ⁿко² *вeрха* 20-13об., 28-8об., *Бижы*ⁿкоⁿ *пятини* 1257-49об., *бъжычани*ⁿ 1257-2, *из жытницы* 8-17об., 20-12об., 25-4 и др., *на жытницу* 8-17об., *жыта* (Р. ед.) 11-8, 20-14об. и др. *жытничные* 23-1, 25-1, *Чюжы*ⁿские *волости* 1257-40, *жы*ⁿцо⁶ 1-60, *Ива*ⁿ *Жы*ⁿкоⁿ 1257-24, *жыве*^m 1257-45об., *та*ⁿрижына 1257-45об., 54, *ржы* (Р. ед.) 1-38, 2-26об., 7-5 и др. (часто), *обжы* (Р. ед.) 7-159, III-9об., *кожы* (Р. ед.) VI-125, *чюжы* (Р. ед. ж.р.) 1257-33об., *рыжыи* 1257-35, *в o*^mхожы^x *пашня*^x IX-20.

Как видим, сочетание *жы* отмечается намного чаще, нежели сочетание *шы*. Подобная ситуация не раз отмечалась исследователями памятников делового письма XVI—XVII вв. [Копосов 1971: 9, Радич-Городилова 1975: 62, Цомакион 1966: 273]. Возможно, это связано с орфографическим навыком писцов, который мог быть более прочным при написании сочетания *шы*, чем *жы*, отчего чаще встречаются орфограммы с *жы*, чем с *шы*.

Выводу о твердом произношении шипящих не противоречат данные современной диалектологии, свидетельствующие о твердости [ш] и [ж] [ДАРЯ I, карта 63].

²⁴ Эти данные были сообщены нам С. В. Бромлей в 1984 г.

²⁵ Пленки хранятся в фонотеке Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, №№ А-871, А-872, А-873.

сле

н
бу
ход
Пр
ме
нед
ку I

сло
мен
сме
коп
быт

ше
14,
35о
10-1
11о
ско
118
34-2
24о

мы
Яку
29-1
во(Г
Р. м

пок
обл.
21-1
4об

кост
25о
том
нес
173

²⁶ Бу
ис

2.4.5. Долгие шипящие согласные

Исследованные рукописи содержат достаточно обширный материал, позволяющий проследить судьбу долгих шипящих согласных в говоре писцов.

Долгий глухой шипящий передается буквами **щ** и **ш**, причем второй способ обозначения этого звука так же обычен, как и первый: обнаружено около 200 случаев употребления буквы **ш** для передачи долгого глухого шипящего. При этом 75% подобных написаний приходится на существительные и производные от них прилагательные с суффиксом **-щик**. Приведем лишь некоторые примеры:

у баеншика 15-10, голо^ошкиу 13-2об., 21-114, голо^ощицкого 10-44, зака^ашкиу 32-21, ка-ме^ешкиу 13-36об., 19-51об., ко^омшика 29-88об., молоти^ишкиу 10-19, мосто^ошкиу 22-35, на недожи^ишка^а 6-52, 57, недѣ^ѣшико^о 15-28, обжига^ашкиу 15-53, о^окупши^и 33-102, псаломшику 14-2об., прика^ащикъ 6-45, ро^осылшику 15-26об., судо^ошкиу 13-47, уста^аши^и 6-65 и т. д.

Допустимо было бы предположить, что в данном суффиксе, если перед ним не проходил слогораздел, звучал не долгий глухой шипящий, а нормально краткий, как это бывает в современном русском литературном языке [см. Аванесов 1972: 83], что и могло создать почву для смешения букв **ш** и **щ**. Однако этот вывод был бы приемлем лишь в том случае, если бы в рукописях не были встречены другие написания с заменой **щ** на **ш** — такие, которые не могут быть объяснены произношением нормально краткого на месте долгого глухого шипящего:

обѣша^ася V-116, о^опушены 30-59, новокрешену (Д. ед.) 30-42, новокшешену (= новокрешену) 27-7, Новокишенову 30-42 Новокишенова 20-6об., Новокишонову 25-12об., ниши^и 19-14, во^ошаны^и 1258-12, дошано^о 10-19об., шепы (Р. ед.) 1258-4, шу^у (Р. мн.) 1259-53, 1262-35об., по ше^еку 1260-61, 67об., к... Бл(а)говише^ею 32-113, с... Верешагини^и 1260-22, зашоку 10-14об., верети^и (Р. мн.) 29-124, по^оти^и 29-25об., 32-12об., 1261-11, 11об., 12, 14, 1262-11, 11об., 50об., ужиши^и (Р. мн.) 21-152об., хлвиши^и 115-17об., с Мостиши^и 115-19об., мостишескому игумену 115-20, хо^ошово^о 7-18об., 21-72об., 29-88об., 163, 32-60об., хо^ошовые 29-118об., 32-87об., хо^ошовы^и 7-43, 29-38об., 143об., 32-22, 111, заумо^ошина 28-2об., 33-45об., 34-21об., заумо^ошины 28-2об., дѣдовшина 115-4об., под^оба^ашины 6-148об., Змиевина 34-24об., 33-46²⁶.

Основанием для подобной замены послужила, конечно же, близость звуков, обозначаемых буквами **ш** и **щ**. Есть в рукописях и обратная замена — буква **щ** употребляется вместо **ш**: Якушу (Д. ед.) 29-73об., бо^ошую 25-6об., 30-12, 31-21, ку^ущино^о (Р. мн.) 1259-66, ко^ошо^о 1-66, 29-144об., на конюще^ено^о двори 22-10, конюще^е дво^о 25-6об., конюще^еную 29-46об., мецково(го) 22-55об., пошпины 1259-62об., тшеницы 30-8, у пацехо^оца 1260-29, сицко^о (= сижков, Р. мн., уменьш. от «сиг») 1262-4, ще^еть рубле^о 1260-21.

В текстах упоминаются лица, чьи фамилии пишутся то через **ш**, то через **щ**, что особенно показательно, поскольку фамилии записывались со слуха и традиционного орфографического облика не имели. Ср.: Мышецко^о I-46, 6-201об. — Мыщецкою V-27об.; Порше^енико^о 13-10об., 21-72, 22-2об. и др., По^ошеникову 6-115, 13-52об., По^оше^еникова 33-160, По^ошенико^о 13-4об. — По^още^енико^о 13-10, 15-7, 19-42, 21-109, 22-9 и др., По^още^еникову 6-145, 148 22-50 и др.

Итак, долгий глухой шипящий произносился, по всей видимости, как [ш̄]. О долготе его косвенно могут свидетельствовать написания с сочетанием **шщ**: шишукъ 13-40, то^ошщихъ VХ-25об., Шшурину (фамилия, Д. ед.) 29-34. О твердости же этого звука мы судим, во-первых, потому, что доказано твердое произношение [ш̄] (см. выше, 2.4.4.), и, во-вторых, на основании нескольких орфограмм с сочетанием **шщ**: извошчы^и 1257-1об., и^ивошчыко^о 1257-4об., о^ошщыцы 1-173об., Плещыева 1257-21, на усадишцы I-58, с товаришцы 1-10об., 52, 6-43, 9-20.

²⁶ Буквы **ш** и **щ** графически различаются хорошо, так что возможность неправильного прочтения практически исключена.

О том, что в сознании писцов буква *ш* ассоциировалась с [ш̄], бесспорно свидетельствуют написания, где она обозначает долгий [ш̄], возникший в результате ассимиляции по месту образования на стыке морфем: *шиваны* (= сшиваны) IX-8об., с *Щугозера* 1257-58, с *Щустемы* V-116об., с *Щумилке* 6-135, 33-18об., *взято... Щумилке* 34-10. В таможенных книгах часто встречается формула «взято с купца с шерсти столько-то»²⁷, в которой наряду с передачей удвоенного [ш] буквенной последовательностью *с + ш* (*с шерсти*), несколько раз встречено написание *с шерсти* (1260-3об., 6, 14, 26, 26об.) и многократно — *шерсти* (1258-10об., 1260-5, 13об., 23, 27об., 28об., 34об., 35, 46 и др.).

Поскольку твердость и долгота согласного [ш̄], возникавшего на стыке морфем в результате ассимиляции твердого [с] твердому [ш], сомнения не вызывает, и этот звук писцы обозначали буквой *ш*, можно заключить, что и во всех остальных случаях за буквой *ш* скрывалось произношение долгого твердого шипящего.

Долгий звонкий шипящий обозначался, помимо традиционного написания *жж* (*привь-жжа*¹ 1-36 и т. д.), двумя способами:

1) сочетанием *жж*: *привьжжа*¹ 20-16об., 30-2об., *привьжжала* 25-2об., *дрожи* 6-117об., 151, на *дрожа*¹ 6-124, для *дрожье*¹ 9-18, *дрожаных* 6-167об., 181 об, 214об., 33-42, 43-22, *вожи* 7-45об., 14-27, 15-37об., 24-20, 29-183, VI-59об., *вожицы* 15-49, *дожьевые* 13-3об., *дожьевую* 13-3, *обожена* IX-3об., *выжжено* XV-61, *же*¹ 24-38об., *Яжжи*¹ (фамилия) I-3 об;

2) буквой *жж*: *привьжа*¹ 1-111об., 8-10, 33-144, *привжали* 8-6, 8, 8об., 10, *привжему* 11-7, с *вожами* 7-16об.

Меньшее количество примеров на долгий звонкий шипящий по сравнению с глухим обусловлено ограниченностью его употребления в русском языке [Аванесов 1948: 25].

Принимая во внимание твердость согласного [ж] в говоре писцов (см. выше, 2.4.4.), а также тот факт, что при обозначении долгого звонкого шипящего наблюдается употребление как *жж*, так и *жж*, можно, вероятно, заключить, что долгий звонкий шипящий реализовался в звуке [ж̄]. Кроме того, существенно, что при наличии произношения [ш̄], представляющего конечную стадию развития долгого глухого шипящего (шьчь → шшь → шш, по Р. И. Аванесову), в той же самой системе обычно выступает [ж̄], являющийся заключительным звеном в цепи изменений звонкого долгого шипящего (жьдьжь → жжь → жж), поскольку долгие звонкие шипящие развиваются параллельно с глухими и, как правило, даже опережают их в своем развитии [Аванесов 1948: 26].

Современным ладого-тихвинским и онежским говорам известны следующие типы реализации долгих и сложных шипящих согласных: [ш̄], [ш̄'], [ш'ч'], [шч], [ж̄], [ж̄'], [ж'д'ж'], [ждж], [ж'д'] (последние три варианта — единично). При этом самым распространенным и характерным практически для всех населенных пунктов рассматриваемого ареала является произношение долгих твердых шипящих согласных [ш̄] и [ж̄] [см. ДАРЯ I, карты 48, 52]. Судя по показаниям исследованных рукописных источников, такой же была ситуация и в конце XVI — первой половине XVII в.

2.4.6. Аффрикаты

В исследованных рукописях отмечено несколько случаев замены *ш* на *ч*, что представляются весьма ценным в свете того, что в рукописях XVI–XVII вв., созданных на тех северновеликорусских территориях, где в настоящее время распространены цокающие говоры, практически повсеместно отсутствуют случаи смешения букв *ш* и *ч* (см. об этом выше — 1.4.5.). Итак, примеры таковы: на *Угле*¹ 30-9, з *Зари*¹ 12-3, на *поруцы* 1-105об. (поруци — короткие рукава в облачении священнослужителей), *пшенины*¹ 30-3об. Встречено также на-

²⁷ В древности при торговле лошадьми существовал особый вид пошлины — «с шерсти» [Котков 1975: 16].

писание *тшени'но'* муки 25-5об. Можно, таким образом, предполагать, что аффриката [ч] в живом говоре писцов отсутствовала либо находилась в стадии усвоения. Дело в том, что современным говорам Ладого-Тихвинской и Онежской групп свойственно последовательное различение аффрикат <ц> и <ч>. Цоканье же в этих говорах отмечается лишь в единичных населенных пунктах, в рассеянном распространении, причем бывает как твердым, так и мягким [ДАРЯ I, карта 47]. Несомненно, что за последние три с половиной — четыре столетия цоканье существенно нивелировалось в ладого-тихвинских говорах, и, видимо, эта нивелировка явилась инновацией, которая была пережита и собственно новгородским диалектом, и северо-восточными периферийными новгородскими говорами, реконструкции фонетического строя которых посвящена данная глава.

Для окончательного выяснения вопроса о судьбе аффрикат следует определить их качество.

Сочетание фонемы <ц> (исконного) и <и> постоянно передается писцами буквенным сочетанием *цы*: *О'цыфору* 10-24об., *Арцыбаше'* V-57, *О'цыну* VI-124об., *Сиверицы'* 1257-8, *Скрыпичьну* XVII-51, *с Троицына дни* 1-2, *старожичь* 115-2, *пугвицы* 2-7, *венцы* IX-4, *и' жытницы* 25-9об., *дано... А'ницы* 21-139об., *к ме'ницы* 1-63об., *в го'ницы* (М. ед.) 29-32об., *на гробницы* (М. ед.) IX-14об. и т. д. (часто).

Тем же сочетанием *цы* передано этимологическое *č + <и> в приведенной выше орфограмме *на поруцы* 1-105об.

Сочетание *ци* встречено всего несколько раз, причем только в надстрочном употреблении: *рукави'''* 1-5об., VI-88, *в...кузни'''* 1-31об., *взяли тушни'''* 26-13. Возможно, орфографическая традиция предписывала употреблять в строке после буквы *ц* только *ы*; над строкой же *ы* не выносилось, а *и* (в виде ^{''}) выносилось регулярно, так что передать реализацию сочетания фонем <ц> и <и> в надстрочном употреблении можно было только сочетанием *ци*.

Косвенным свидетельством твердости <ц> может служить и передача того [ц], которое возникло в формах 3 лица и инфинитива возвратных глаголов на стыке с постфиксом *-ся*. Здесь после буквы *ц* всегда пишется *а*: *пише'''ца* 12-1, *понадоби'''ца* (3 sg.) 6-44, *радуетца* 2-2, *проца'''ца* 10-25об., 21-145, *стави'''ца* (inf.) 8-9об., *помоли'''ца* (inf.) 6-38.

В сочетании с буквой *ч* часто отмечаются буквы *ю* и *я*, например: 1) *чю'''ые* 1257-33об., *Чю'''ы'ские волости* (Р. ед.) 1257-40, *чю'''ки* 1261-17, *чюлано'* 10-55, *два чюмы* 10-12об., *чюдоторца* XV-38, *же'''чюшки* XV-5об., *кирчию* 15-52, *епанчу* 1-58, *навстричу* 20-182, *Вали'евичю* 25-7об., *Петровичю* 6-4, *Семеновичю* 25-7об. и т. д.; 2) *кори'чятых'* 1262-24, *мочья'''ны'* 1-69, *печья'''но'* 1-53, *чьяша* 1-60, *Нечьяев'* 1262-55, *епанча* 1-105, *Фе'чя* 1-145, *Ивановичя* 1-92, 111об., *Новодевичя м(о)н(а)ч(ы)ря* 27-10об. и т. д.

Возможно, писцам уже был известен мягкий звук [ч'] либо в качестве книжной нормы, либо как заимствованный в результате междиалектной интерференции.

2.4.7. Вопрос о шепелявых свистящих

Буквы *с*, *ш*, *з*, *ж* в исследованных рукописях обычно употребляются этимологически верно, однако при этом отмечено несколько случаев их смешения, которые требуют комментария:

а) *сушпа''* VI-20, <пять> *сушпано'* VI-21 (ср.: *шушпань* VI-61об., *шушьпа''* VI-169, *за шушьпа''* VI-82об., <два> *шушпана* VI-9об., 13об., <три> *шу'''пана* I-92); *сляпа* VI-152об., *двѣ сляпы* VI-152об.; *дано игуме'ному свецу Яку'''ки* 13-27об., *да две'' игуме'ны'' све'''цо''* 9-3об. (ср.: *по'тно'' шве''* 6-114об., *по'тному швецу* 14-58, *дано... Первуши швецу* 10-36).

б) *рогозинное веретицо* 7-43, *куплено шесть рогоз* 7-32об. (ср. *мѣхъ рогожно''* 7-34, *рогожа* 10-48, *два'''ца''' рогож'* 7-37); *дано служе'но' тре'' робята'' што свѣти вязут* 1-98об., *по ро жря дом* 31-39.

В настоящее время шепелявое произношение мягких свистящих, то есть произношение на месте <с'>, <з'> звуков [с''], [з''] или [ш''], [ж''], [ш'], [ж'], представлено главным образом в северо-западной части среднерусских говоров вокруг Пскова и Великих Лук, а также в узкой полосе на границе с белорусским языком [Русская диалектология 1973: 89]. ДАРЯ фиксирует произношение мягких <с'>, <з'> с шипящим призвуком ([с'^ш'], [з'^ж']) и в восточной части севернорусского наречия, а также в восточных среднерусских говорах, но на территории Ладого-Тихвинской и Онежской групп это явление практически отсутствует. [ДАРЯ I, карта 64]. Как правило, шепелявое произношение мягких свистящих совмещается в современных русских диалектах с тем или иным видом цоканья. Это хорошо видно при сравнении между собой карт ДАРЯ (вып. I, карты 47 и 64). Имеется достаточно количество памятников древнерусской письменности (псковского происхождения), где одновременно присутствует мена букв *ц* и *ч*, с одной стороны, и *с* и *ш*, *з* и *ж* — с другой [см. Соболевский 1884: 124-141]. (О мене букв свистящих и шипящих в псковских рукописях см. подробнее ниже, 3.4.6.) Вспомним, что отражение неразличения аффрикат характерно и для исследуемых рукописей. Поэтому допустимо делать на основании приведенных выше написаний определенное рода фонетические выводы.

Впрочем, для некоторых случаев написания *с* вместо *ш* и *з* вместо *ж* в рассматриваемых текстах можно найти объяснения, не предполагающие, что это гиперкоррекция, связанная с наличием в говоре писцов шепелявых свистящих. Так, слова *рогозинный* и *рогоза* представляют собой, несомненно, явление лексикализованное: существительное *рогоза* имеет широкое распространение в севернорусских говорах [Мансикка 1912: 102; Мансикка 1915: 154; Шахматов 1897: 120; Колосов 1878: 186]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *рогоза* отмечается наряду с *рогожа* [СлРЯ, т. 22: 178], причем А. М. Селищев полагал, что [з] тут появилось издавна [Селищев 1921: 195]. Он дал объяснение и некоторым другим случаям диалектной мены свистящих и шипящих в тех говорах, где отсутствует процесс общего фонетического изменения в ряду согласных *ш* – *с*, *ж* – *з*. Подобная мена, по его мнению, вызвана «или благоприятной артикуляционной обстановкой в данном слове, или аналогией» [там же: 195], например: *рзать*, *презный*, *порозный*, *дорозной* (под влиянием образований с прежним суффиксом *-зн-*), *шешнадцать*, *пошох*. Допустимо предположить, что и приведенные выше написания — *сушпа*^н и *свецу* — также могли бы быть объяснены диссимилиацией в первом случае и ассимиляцией во втором. Орфограмма *сляпа* допускает несколько иную интерпретацию. В говорах Верхней Пинеги (с. Нюхча) П. С. Кузнецов отметил изменение *с* > *ш* перед мягким [л'] — *шл'озá* (слеза) [Кузнецов 1949: 44]. Возможно, подобное явление гиперкорректно отражено и в исследованных рукописях.

В итоге не поддающимися объяснению остались только формы *вязу*^м (в значении 'вяжут') и *по ро^жрядом*^н. Именно их наличие не позволяет полностью удовлетвориться высказанными выше предположениями о причинах появления остальных написаний с буквой *с* вместо *ш*. Тут, однако, следует заметить, что в орфограммах *сушпа*^н, *сушпано*⁶, *сляпа*, *двѣ сляпы*, *свецу*, *све^тцо^н*, *вязут*, *по рожрядом*, мы имеем дело с меной букв *с* – *ш* и *з* – *ж* в позиции, где соответствующие звуки тверды. В принципе, говорам, знающим шепелявые свистящие на месте <с'>, <з'> (а это псковские говоры), бывает известно употребление твердого [с] вместо [ш] и твердого [з] вместо [ж] [Евсеев 1891: 204; Каринский 1916: 36; Чернышев 1931: 163, 171]. Допустимо, что нечто подобное было возможно и в реконструируемом диалекте в конце XVI – первой половине XVII в., ведь в прошлом, должно быть, имелось больше групп говоров с результатами изменения в рядах шипящих и свистящих, чем в настоящее время [Селищев 1931: 736]. Эту гипотезу можно подкрепить тем фактом, что фонетический процесс неразличения шипящих и свистящих являлся, по-видимому, результатом воздействия со стороны языков других групп и семей [Аванесов 1949: 135; Селищев 1931: 737], в число которых входили и прибалтийско-финские языки, находившиеся в непосредственном соседстве с рассматриваемыми говорами.

Впрочем, объяснить появление указанных орфограмм можно и по-другому. Известно, что в севернорусских говорах на месте твердых [ш] и [ж] изредка встречается произношение звуков [ш'] и [ж'], но не плоскошелевых, а круглошелевых, которые производят впечатление средних между [ш] и [с], [ж] и [з]: *кѡ[ш']ка*, *[ш']уба*, *кру[ж']ечка*, *[ж']ула* [см. Русская диалектология 1989: 67]. Если допускать, что подобная особенность произношения имела в говоре писцов, то окажется возможным заключить, что она отражается в написаниях *суш-на^а*, *сушпано^о*, *сляпа*, *двѣ сляпы*, *свецу*, *све^мцо^м*, *взут*. В таком случае орфограмма *по рож-рядо^м* будет выглядеть как гиперкорректная.

Таким образом, приходится признать, что при учете всего вышесказанного вопрос о наличии или отсутствии шепелявых свистящих или о смещении звуков шипящего и свистящего рядов, по сути дела, остается открытым.

2.4.8. Конечные губные согласные

На основании показаний письменных источников практически невозможно решить вопрос о качестве конечных губных согласных в реконструируемом говоре, поскольку писцы широко использовали правила скорописного письма, употребляя в конце слова выносные буквы или ставя нейтральный знак **Ъ**, который мог быть вариантом как буквы **ъ**, так и **ь**. Однако, судя по данным современной лингвистической географии, твердость конечных губных можно считать характерным и устойчивым признаком ладого-тихвинских и онежских говоров [ДАРЯ I, карты 70, 71]. Таким образом, допустимо предположить, что и в конце XVI — первой половине XVII в. губные согласные на конце слова в говорах рассматриваемой территории могли быть твердыми.

2.4.9. Непозиционная твердость-мягкость согласных

В исследованных рукописях встречены написания, которые отражают непозиционную мену твердых и мягких согласных:

[л] ~ [л']: *слюденая* 1-124 — *слудины^х* 10-31, *слудяно^н* 605об., *слуды* (Р. ед.) 1259-3; *Неплюеву* (Д. ед.) 1-57об., 20-9, 25-6, 27-10 — *Неплюеву* 27-7об., 30-3об.

[н] ~ [н']: *на конюшню* 1-110об., — *на конюшну* 8-1об., 30-3об.; *на конюшене^н* дво^р 22-12, *у конюшево* 2-23 — *на конюшене^н* двор 27-9об.; *в молодожню* 30-4 и др. (часто) — *в молодожну* 30-4 и др. (часто)²⁸.

[т] ~ [т']: *ртюти* (Р. ед.) 15-24 — *ртютти* 15-10об.

[д] ~ [д']: *дюжина* 1261-3 об., *дюжи^нны^х* 14-15об. — *дужина* 1262-50об., *дужины* 1262-45об.

Видимо, приведенные написания отражают взаимную мену твердых и мягких согласных, которая встречается в говорах северного наречия русского языка [см. Колосов 1874: 20-21].

Отдельно приведем случаи отражения отвердения [р']. Оно отмечается в тех же двух корнях, что и в рукописях собственно новгородского происхождения — *товарищ-* и *скрип-*: *с товарищи* 6-20, 19-41, 29-52, *с товарищо^н* 1259-6об., *с товарище^н* 1257-9 и др.; *Скрыпицы^н* 1-11, *Скрыпицину* 1-42об., 22-51. Эти написания, несомненно, отражают языковую реальность, поскольку в северновеликорусских говорах хорошо известно их произношение с твердым [р] [см. Селищев 1921: 178; Захарова 1968: 134; Шахматов 1897: 104, 117 и др.; Шахматов 1898: 200 и др.]. О вариативности огласовок с [р] и [р'] в заимствованной фамилии свидетельствуют написания *Тютрюмо^о* 6-144, *Тю^мрюмову* 27-6об. — *Тю^мрюмова* 27-5об., 9об., *Тю^мрюмова* 27-10об.

²⁸ *Молодожня* — постройка, предназначенная для изготовления солода [СлРЯ, 7: 291].

2.4.10. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

Как было сказано выше (1.4.8.), в разных русских диалектах твердые согласные фонемы могут по-разному вести себя перед фонемой <и> в позиции сандхи, что, возможно, связано со степенью развитости корреляции по твердости-мягкости.

В исследованных рукописях отражается следующий тип сандхи: и губные, и зубные, и заднеязычные согласные выступают перед <и> в своих основных вариантах, то есть в твердом виде.

Губные + ы: *ѣха^а стави^мца в ыгумены* 8-9об., *в ыгуме^ескои ке^е* 1-59об., *в ыгуме^ескую ке^ю* 1-58об., *жере^бчи^к в ыгрень ры^ж* 2-31, *в ы^ббу* 21-70, *в Б^гинско^а погостъ* 1-157об., *в ысподне^а ряду* 2-1об.

Зубные + ы: *с Ывана* 6-92об., *с Ывано^а* 6-152об., *с Ыва^ако^а* 6-98об., *с Ыванка* 6-135, *с Ыванягорода* 1-125, *с Ывине рѣки* 1-75, *с ыгумено^а* 7-2, 11-3об., 27-14об., 30-56, *с ыкры* 1-45, 13-38об., *с Б^гинѣ улицы* 1-37, *с Ынемы* 1-87об., *с ыно^о товару* 1262-50об., *с ысто^оками* 1261-14, *с ыюня* 1-74, *из Ымочини^а* 1-6, *о^м ыгуменски^х сѣне^а* 19-45об., *по^о ызво^о* 1-10об., 111об.

Заднеязычные + ы: *к ызбы* 24-6об.

2.4.11. Позиционное оглушение согласных

В изученных рукописях обнаружен ряд написаний, отражающих оглушение конечных звонких согласных — зубных, передне- и заднеязычных. Не отмечено случаев отражения оглушения конечных губных [б] и [в], однако, поскольку в памятниках письменности примеры оглушения конечных согласных встречаются чрезвычайно редко [Орлова 1950: 178], нельзя безоговорочно утверждать, что оглушению подвергались лишь перечисленные категории согласных, тем более, что исследование памятников письменности псковского происхождения показало, что согласный [в] оглушался в [ф] на конце слова уже в первой трети XVII в. (см. ниже, 3.4.1.1.)²⁹.

Итак, в рукописях обнаружены следующие написания.

[д] → [т]: *солотъ* 8-15, 18, 11-2 и др. (часто) *рухля^м* 7-10, *куплено яго^м* 1-196об., *о^м сковоро^м* 21-155, 22-25, *сковоро^м* (Р. мн.) 1258-9, *вдругоря^м* 1-90, 11-12, *Деми^м* 15-30об.

[з] → [с]: *понижа гла^с* 1257-41, *Стена^ако Маро^с* 6-111, *све^с* (= свёз) 11-12.

[ж] → [ш]: *ч. рого^м* 1258-25.

[г] → [к]: *соро^к* (Р. мн. от сущ. «сорога») 1-154, *сере^к* (Р. мн. от «серьга») 1262-11об. (2 раза), *горохъ устерекъ* 1-196.

В одном из текстов встречено написание, которое могло бы быть принято за гиперкорректное, косвенно свидетельствующее об оглушении конечного [г]: *поперегъ* 29-25. Однако еще И. В. Ягич указывал на то, что слово «поперёк» изначально имело форму «поперегъ» [Ягич 1889: 65]. Ему, правда, возражал А. И. Соболевский [Соболевский 1889: 301], но позднее П. Я. Черных, отметив, что форма «поперегъ» является обычной для памятников делового письма XVII в., высказал предположение, что конечная буква *г* в этом слове — явление не только орфографическое, так как допустима контаминация с глаголами типа *пере-*

²⁹ Ранее считалось, что старейший из известных случаев отражения оглушения конечного [в] относится к XVIII в. [см. Орлова 1950: 178].

гнуть, перегибать [Черных 1953: 238]. Вот почему написание *поперегъ* никаких фонетических выводов делать не позволяет³⁰.

Довольно широко исследованные рукописи представляют ассимилятивное оглушение звонких согласных перед последующими глухими в середине слова.

[б] → [п]: *на гу"ке* 1260-60об., *жере"чи"к* 1260-45об., *стол"цы* XV-27, *столп"цы* IX-4об., *по хре"ту* 1260-17об., *о"шиваны"к* 14-26.

[в] → [ф]: *фторои* 32-16, *два ку"шина* 21-155, *ку"ши"н* 7-4об., *Ивану Ку"шину* 6-175об./176, *ку"шиновъ* (Р. мн.), *наши"ки* 1259-6, *голо"шико"н* (Д. мн.) 10-13, *голо"шику* 22-3, *уста"шику* 1-1об., 27.

[д] → [т]: *Давытку* 15-16об., *ло"ка* VI-38, *ло"ку* 22-2, *сковоротку* 29-184об., *дано...* *Фетке* 21-135об., *дано...* *Фетки* 19-14об., 21-168об., *на Фетки* 6-185, *Саве Шолу"ку* 22-3об., *у Савы Шолу"ка* 29-4, *по"м тѣ жорновы* 29-42, *по"м тѣм стадо"н* 6-37, *по"м щетками* 1260-66, *по"м Смолене"н* 30-4, *по"м сивали* 29-153об., *по"м пушены* IX-7, *по"м кел"нику* 13-35об., *по"м ковали* 10-14об., *по"м ковы* 10-14об.

[з] → [с]: *блиско* III-3об., V-4, *по скаске* 115-5об., *по"семдеся"н свяско"н* 29-45³¹.

[ж] → [ш]: *лошки* 1-66, *на Иване Лошкине* 6-32, *застешки* 2-19, *застѣ"ки* 6-5, *сапо"ки* 1259-71, 1262-54об., *с ли"ими но"ки* 1261-3об., *си"ко"н* (Р. мн. от сущ. «сиг») 1-158, 29-132об., 32-100, 1264-7, VI-79об., *сицко"н* 1262-4, *три стошка* IX-19об. и т. д.

[г] → [к]: *де"ти* (Р. ед.) 1257-26об., *Семену Дектярю* 13-56.

Регулярное оглушение конечных звонких согласных отражено и в записях диалекта Тихвинского уезда, осуществленных Н. Н. Соколовым [Соколов 1909: 287, 289, 291, 294]. Он же записал примеры оглушения звонких согласных перед последующими глухими [там же: 287-292, 294].

2.4.12. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных

Написания, которые можно считать отражающими различного рода диссимиляции и упрощения групп согласных, достаточно многочисленны и разнообразны. В том числе в рукописях встречаются весьма нетривиальные орфограммы, связанные с отражением одной локально ограниченной особенности консонантизма.

Д и с с и м и л я ц и я

1. [кк] → [тк]: *т колокольни* 7-18, *т коню"ни* 21-70 (3 раза), 24-6об. (2 раза), 24-7, *т кожано"н* 9-23об., 21-7об., *т казе"ному дѣлу* 22-51, 29-3, *т казе"ны" сѣня"н* 15-19.

Данное явление, распространенное ныне лишь в четырнадцати населенных пунктах Ладого-Тихвинской группы (в центральной ее части в районе Тихвина), а также в двух разрозненных населенных пунктах Белозерско-Бежецких говоров и четырех пунктах Вологодской группы [см. Атлас сев., карта 125; ДАРЯ I, карта 87], в начале XX в. отмечалось В. Мансикой в говорах северо-восточной части Пудожского уезда [Мансика 1915: 155]. (Эта территория в ДАРЯ не картографирована.)

³⁰ В текстах, созданных на других территориях, относящихся к западной диалектной зоне, написания *поперегъ*, *попере'* также встречаются, но в настоящей работе не приводятся как непоказательные.

³¹ Так же, как и в предыдущей главе написания типа *ис полону* 1-4, *бес полуо"мины* 8-8об. не приводятся, так как отраженное здесь ассимилятивное оглушение относится к праславянской эпохе.

По мнению Р. И. Аванесова, диссимиляция в данном случае объясняется невыразительностью [k̄] с долгим затвором в абсолютном начале фонетического слова на стыке предлога и следующего слова, которая и преодолевается путем передвижки места затвора первой части сочетания вперед, в зону [t] [Аванесов 1949: 164].

Примечательно, что принцип написания *т* перед словами с начальным *к* проводится в исследуемых рукописях последовательно и регулярно. А это говорит о том, что при составлении деловых документов писцы ориентировались на свое живое произношение, так что рассматриваемые памятники могут служить вполне надежным источником для историко-диалектологических реконструкций.

2. [кт] → [хт]: *хто* I -66об., IX-24, XVII-1 и т. д., *де̄х̄тю* (Р. ед.) 14-25об., 22-14, 29-44, 32-33, *де̄х̄ти* 21-48, *Семену Де̄х̄тярю* 10-55об.

Впрочем, наряду с этими написаниями встречается и передача форм косвенных падежей слова «деготь» и его производных с буквой *к*: *декти* 1-70, 84, 14-21, 1258-26об., *Семену Де̄х̄тярю* 13-53.

В современных говорах рассматриваемой территории основным типом произношения местоимения «кто» является вариант [хто], хотя довольно часто он сосуществует с формой [кто] и изредка [фто] [Атлас сев., карта 127].

3. [гк] → [кк] → [хк]: *мя̄ково* (Р. ед.) 22-4. Ср., однако: *мя̄ккие* 21-7.

Возможно, диссимиляция в данных формах еще полностью не осуществилась.

4. [кр] → [хр]: *хрестъ* II-3об., III-4.

Как было сказано выше (1.4.10.), здесь наиболее вероятно влияние слова Христос. Формы типа *хрестянин*, *хрещеный*, *хрестовый* были широко употребительны в рассматриваемых говорах и в конце XIX в. [Перетц 1894: 15, 16; Синозерский 1895: 376].

Отметим попутно еще один случай замены *к* на *х*: *хд̄мишу* (Д. ед.) 10-6об. (ср.: *с кд̄мишко*² 13-4об., *кд̄мишка* 29-88об., 30-60об.). Если допустить, что мы имеем дело не с опической, то можно предположить, что здесь отражен случай замены взрывного заднеязычного фрикативным. Смешение звуков [к] и [х] до сих пор распространено на севере, причем объясняют это явление влиянием финского субстрата [Колесов 1972: 355].

5. Межслоговая (дистактная) диссимиляция отмечается при передаче двух имен собственных — Иринарх и Мартирий: *Елинархъ* 8-5, *при...Илинд̄хе* 10-2, 19-1 и др. (регулярно), *Ма̄тюре*² 21-23, *Ма̄тирью* 7-10об., 34-16об., *Мантирья* 34-16об. и т. д. (ср.: *Мартирей* 10-22 и др.).

Оба эти случая подтверждают один из выведенных А. И. Соболевским законов межслоговой диссимиляции плавных: плавный, стоящий непосредственно после ударного гласного, сильнее другого плавного, находящегося в соседнем слоге [Соболевский 1910: 133].

У прощения групп согласных

[стн] → [сн]³²: *пош̄сное* 1260-73об. (ср.: *поше̄стное* 1260-6об.), *По̄нникову* (Д. ед.) 10-16, *пе̄снеи* (Р. мн. от «перстень») 1262-50об.

[здн] → [зн]: *пра̄ники* 2-11об., *пра̄нико*⁶ 2-11об., *к пра̄нику* 1-70.

[стц] → [сц]: *с мосцо*⁶ 6-61, 83об., 114, 147, 175об.

[стб] → [зб]: *на̄бища* III-10.

³² Здесь и далее так же, как в предыдущей главе (см. 1.4.10.), не учитывается твердость и мягкость согласных (например, в один раздел входят такие написания, как *пош̄сное* где имеется сочетание [сн], и *По̄нникову*, где произносилось [с'н']). Впрочем, относительно мягкости первого [с'] полную уверенность иметь нельзя, поскольку существуют говоры, где первый согласный в двойных сочетаниях дентальных согласных не получает ассимилятивного смягчения [Пауфошима 1973], а исследованные рукописи не позволяют точно определить, к какому типу относился в этом смысле говор писцов.

[шс] → [с]: *па^скому* (прил., образованное от названия р. Паши) 30-52, *паски^и* (Д. мн.) 13-10об., 29-151об., *паско^и* (Д. ед. ж. р.) 10-11об., 14-42, *Паския волости* 26-12об. и т. д. (ср.: *на пашско^и бобыли* 6-202).

То же явление наблюдается и при образовании прилагательного или фамилии от топонима Усть-Шомушка (населенный пункт в окрестностях Тихвина): у *Кузе^ики Ущемуского* 29-116, *Ле^ака Ущемуско^и* 14-55, *Левке Ущемускому* 21-141об., *Левы Ущемускому* 21-159, *Ле^аки Ущемускому* 21-163, 22-40об., 32-11об., на *Васке Ущемуско^и* 6-170об., на *Ларионе Устьшемуско^и* 6-37, на *Ива^ике Орефине Шомуско^и* 6-16об., на *Митке Шомускомъ* 6-13, у *Наза^ики Шомуского* 29-55, *Васка да Ива^и Шомуские* 6-21об., *от шемуски^х поже^и* 1-57 (Ср.: у *Ле^аки Ущемошского* 1261-27.) Об упрощении группы согласных в первом слоге данного слова см. ниже).

[жс] → [шс] → [с]: на *во^сскую тоню* 22-52, *ладо^ско^и* (Им. ед. м.р.) 1260-61, 33-102, *Ладоского уезду* 1257-12, в *Ладоско^и пороге* 1-90об., 13-5об., *ладоскому* (Д. ед. м.р.) 6-23, 11-10об., 19-51, 21-61, *муские* 1259-2об., 65об., *муское* 28-2об., *муская* VI-20об., *муски^х* 1258-8об., 1259-24, в *Шуи Онъской* I-40 об³³, *пону у^ти^скому* 20-15, *у^тюские волости* 1260-48об., 57 и т.д.³⁴

[сс] → [с]: на *сяском устьи* 1-164об., за *сяские пу^ттоши* 1-9об. (прил., образованное от названия р. Сяси), *прихо^оли Сермаксы воевать* (= с Сермаксы) 1-107об.

Переход двойных согласных в «простые» отмечался А. А. Шахматовым в двинских грамотах [Шахматов 1903: 79].

[јс] → [с]: с *Свиские стороны* (= свѣиские, т. е. шведские) XVII-1об.

[зш] → [сш] → [ш]: у *Щокотови^и* 33-88об. (= из Щокотовиц). Ср.: из *Щекотови^и* 33-162, по *Никифоре Щекотовско^и* 33-121, на *Федоре Щокото^сско^и* 1259-14.

[стш] → [шш]: у *Кузе^ики Ущемуского* 29-116, *Ле^ака Ущемуско^и* 14-55, *Левке Ущемускому* 21-141об., *Левы Ущемускому* 21-159, *Ле^аки Ущемускому* 21-163, 22-40об., 32-11об., на *Васке Ущемуско^и* 6-170об.

Это слово, образованное от названия расположенной неподалеку от Тихвина д. Усть-Шомушки (ср.: *горо^оли изгороду на Усть Шемушки* 1-157, *куплено на Ущемушки* 7-32, на *Ларионе Устьшемуско^и* 6-37), еще в начале XX столетия звучало в устах местных жителей как *Ушшемка* [Соколов 1909: 287, 290]. Таким образом, исследованные рукописи показывают, что к началу XVII в. упрощение группы согласных в данном сочетании уже имело место.

[ч'т'] → [ч'т]: *вытчено ис крушке* 6-143об., 151, 163, 165об., 174об., 186, 216об. (ср.: *вытчено* 6-29, 75, 85об., 191, 198об., 202).

[чт] → [шт] ([т'ш'т] → [шт]): *што* 1-56, 64, 78об., 81об., 96, 98об., 8-4 и т. д.

[чн] → [шн] ([т'ш'н] → [шн]): *въ яшиницу* 1-55об., *бо^ншино^с* 1-43об., *боче^ины^х* 1-69об., *грешнево^с* 1-63об., *голяни^иные* 1-99, *жи^инишному* 1-33об., 79, *обы^иное* 33-46об., *обы^ино^и* 33-47, *обы^иные* 2-8, *обы^ины^х* 6-4об., *огуре^иного* 1-55об., 142об., *огурешново* 1-50об., *прибавошную* 1-159, *пя^онишны^х* 1-44, *рушница* 2-29.

Как видим, сочетание [шн] отмечено в составе 10 слов, причем лексика вполне разнообразна, и это позволяет судить о достаточной распространенности данного типа произношения в говоре писцов. Можно привести еще две лексемы с сочетанием *шн*, обнаруженные в тихвинских деловых документах второй половины XVII в. и второй половины XVIII в.: *ссылошную* (1674 г.), *солоду яшнаго* (1764) г.). Ср. там же написание *грешневых* (1764 г.) [Мордвинов 1911: 56, 107].

В современных говорах рассматриваемой территории последовательное произношение [шн] распространено в лексемах «молочный», «пшеничный», «конечно», «нарочно», «яични-

³³ Написание *инъскими* отмечалось А. А. Шахматовым в Двинских грамотах [Шахматов 1903: 79].

³⁴ О возможной мягкости [с'] в данных сочетаниях, фиксировавшаяся в севернорусских говорах, см. выше, I.4.10.

ца». В словах же «печной», «речной», «мучной», «ночной», как правило, произносится [ч'н] или [чн] (именно приведенные лексемы были картографированы) [см.: Атлас сев., карты №№ 120-124, Атлас сев.-зап., карта 53]. Из диалектологических записей конца XIX – начала XX в. можно извлечь еще несколько слов, в которых звучит [шн]: *конечно, сердешной, дѣвшиникъ, рушникъ* [Синозерский 1895: 376], *Киртишникову* [Соколов 1909: 291], *язышникъ* [Хрущов 1869: 73].

Несомненно, таким образом, что изменение [чн] в [шн] и в конце XVI – первой половине XVII в. охватило существенный слой лексем.

2.5. ВЫВОДЫ

Итак, в результате изучения памятников делового письма конца XVI – первой половины XVII в. удалось выявить комплекс фонетических явлений, который был присущ три с половиной — четыре столетия тому назад говорам северо-восточной новгородской периферии. Сопоставление этого комплекса явлений с диалектологическими данными XX века позволяет показать, какие особенности оставались на протяжении последних трех с половиной — четырех веков неизменными, а какие видоизменились.

Неизменные особенности

- 1) Последовательно сохраняющиеся результаты перехода [е] в [о].
- 2) Практически полное отсутствие результатов изменения [’а] в [е] между мягкими согласными.
- 3) Система реализации гласных в безударных слогах, заключающаяся в полном оканье в позиции после твердых согласных и различении фонем неверхнего подъема в предударных и заударных слогах после мягких согласных. При этом на всем обозреваемом протяжении своего существования (с конца XVI до середины XX в.) безударный вокализм обладал определенными элементами неоднородности и характеризовался наличием некоторых моментов неразличения гласных неверхнего подъема, которые, однако, общую систему реализации гласных фонем в безударных слогах не нарушали.
- 4) Наличие не очень широко распространенной лексикализованной разновидности переходного смягчения заднеязычных.
- 5) Твердость шипящих [ш] и [ж] и аффрикаты [ц].
- 6) Произношение долгих шипящих как [ш̄] и [ж̄].
- 7) Произношение [т] на месте предлога к перед словами с начальным [к].

Видоизменение отдельных звеньев системы

1) Фонема <ѣ>, реализовавшаяся в конце XVI – первой половине XVII в. в ударных слогах в звуке [и] перед мягкими согласными и в дифтонге [иѣ] перед твердыми, к концу XIX в. была полностью заменена на <и>, а в середине XX в., видимо, под влиянием литературного языка в некоторых случаях на месте *ѣ стал звучать гласный [е].

2) Уже в конце XVI – первой половине XVII в. изучаемые говоры имели четыре губно-зубных фонемы: <в>, <ф>, <в’>, <ф’>, причем фонема <в> могла реализоваться не только

в звуках [в], [ф], но и в [w] ([ŷ]). В дальнейшем эта черта стала утрачиваться, и [w] ([ŷ]) на месте фонемы <в> в настоящее время встречается редко.

3) На протяжении последних трех с половиной — четырех столетий вышел из употребления предлог *уѣ*, который имелся в говорах рассматриваемой территории в конце XVI — первой половине XVII в.

4) К настоящему моменту существенно нивелировалось цоканье, присутствовавшее в изучаемых говорах в конце XVI — первой половине XVII в.

Таким образом, хотя достаточно большое количество фонетических черт говоров Ладого-Тихвинской и Онежской групп сложилось по крайней мере к концу XVI в., некоторые важные особенности, характеризующие эти говоры сейчас, развились на протяжении последних трех с половиной — четырех столетий.

Кроме того, сопоставление реконструированных фонетических черт ладого-тихвинских и онежских говоров, то есть говоров северо-восточной новгородской периферии, с одной стороны, и собственно новгородского диалекта — с другой, показывает, что не только в нынешнем своем состоянии, но уже и в конце XVI — первой половине XVII в. ладого-тихвинские и онежские говоры были архаичнее по фонетическому строю, чем говоры новгородские, где некоторые языковые инновации развились быстрее. В частности, в отличие от новгородских говоров конца XVI — первой половины XVII в., ладого-тихвинские и онежские говоры сохраняли [иѐ] на месте *ѣ перед твердыми согласными, полное оканье, реализацию <в> в определенных позициях в [w] ([ŷ]). С другой стороны, однако, можно обнаружить процесс, который в ладого-тихвинских и онежских говорах шел быстрее, чем в новгородских — отвердение шипящих [ш] и [ж].

Глава 3

ПСКОВСКИЙ ДИАЛЕКТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

3.1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Фонетическая система псковских говоров на разных этапах их существования изучена уже весьма обстоятельно. Так, целый ряд работ посвящен проблеме реконструкции фонетических явлений севернокривичского диалекта дописьменной эпохи [см., напр.: Соболевский 1909; Глушкина 1962; Глушкина 1968; Николаев 1988; Николаев 1989; Николаев 1990; Николаев 1994: 23–36; Зализняк 1995: 34–46]. Восстановлена и фонетическая система псковских говоров последующего периода, документированного древнейшими памятниками письменности. Датируются последние, впрочем, лишь XIV–XV и частично XIII веками и в подавляющем большинстве относятся к церковнославянской языковой сфере. Эти памятники, отражающие яркие фонетические особенности древнепсковского диалекта, описывались и обсуждались во многих исследованиях прошлого и нынешнего столетий [см., напр.: Соболевский 1884, Соболевский 1888, Каринский 1909, Каринский 1916, Каринский 1928, Шахматов 1893, Шахматов 1909, Требин 1910, Виноградов 1923, Кандаурова 1957]. Сохранилось и несколько некнижных текстов XIII–XV вв., которые также проливают свет на состояние фонетической системы псковского диалекта соответствующего периода: Это псковские берестяные грамоты № 6, 7 (XIII в.) и № 4 (XIV в.) [см. их издание и лингвистический комментарий: Зализняк 1995: 422–424, 469], грамота псковского посадника Сидора в Ригу о выдаче Нездильца XIV в. [Хрест., № 35], грамота Пскова Колывани 1418–1419 гг. [см. фотографический снимок: Валк 1956; публикация по фотографии и комментарий: Зализняк 1995: 579–580], духовная Акилины, жены князя Федора 1417–1421 гг. [изд.: Марасинова 1966, № 33], грамота псковского князя Ивана Александровича 1463–1465 гг. [см. ее издание и лингвистический анализ: Шахматов 1912]. Таким образом, псковский диалект в его древнейшем состоянии вырисовывается вполне рельефно. С другой стороны, подробно описаны в фонетическом плане и псковские говоры конца XIX и XX века [см., напр.: Евсеев 1891, Успенский 1891, Соколов 1917, Каринский 1916: 34–40, Гринкова 1926, Иеропольский 1930, Чернышев 1931, Евгеньева 1946, Евгеньева 1947, Евгеньева 1949, Жуковская 1962, Жуковская 1968, Жуковская 1988, Царева 1962, Глушкина 1973]. Однако до сих пор не было предпринято исследование псковских говоров промежуточного периода, хотя до нас дошло немало памятников местного делового письма XVII века. Настоящая глава и будет посвящена лингвистическому анализу некоторых из них. Впрочем, она строится иначе, чем другие главы, поскольку имеется возможность достаточно полно представить реконструкцию псковского диалекта XIV–XV и частично XIII вв., сведя воедино результаты различных исследований памятников древнепсковской письменности, и сопоставить ту картину, которая при этом вырисовывается, с реконструируемым фонетическим обликом псковских говоров первой половины XVII в., который, в свою очередь (аналогично тому, как это делается в остальных главах книги), сравнивается с современным состоянием этих говоров. Подобное исследование позволяет проследить динамику развития псковского диалекта на протяжении значительного временного отрезка и выстроить целый ряд хронотопозоглосс. Таким образом, в начале каждого из разделов суммируются результаты анализа памятников (XIII)–XIV–XV вв. и лишь затем приводятся и трактуются данные рукописных источников первой половины XVII в.

Материалом исследования послужили ранее лингвистически не описанные псковские отдельные и отказные книги, а также ряд челобитных псковского происхождения:

1) Псковская отдельная книга 1618–1623 гг. (599 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455.

2) Псковская отдельная и отказная книга 1613–1658 гг. (лл. 32–38об., 43–48, 105–110, 112–117об., 236–237, 344–347об., 356–357, 366–369, 377–379об., 420–424, 457–462, 481–484об., 586–593об., 606–611об., 625–641об., 647–650, 659–670, 682–685об., 687–727об., 778–780об., 786–791об., 797–814об., 820–821, т. е. черновые записи с 1626 по 1649 гг. — всего 179 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8461.

3) 5 челобитных 1626 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23349.

4) 26 челобитных 1627 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23350.

Черновые отказы и отделы (кн. № 8461) составлялись писцами из Пскова, Опочки и окрестных мест, на что есть в ряде случаев прямые указания, например: *а о^мдълные кн(и)ги писца^а Ива^мко Радионо^с с площа^{дн} по^дяче^м* (л. 791об.), *а о^мказные книги писца^а с Опочке дьяче^с Фил^мошко Тимоф^ее^с с(ы)нь Са^атанов^ь* (л. 780об.); *а отдельные книги писал с Опочки дьячок Сопрошко Лапин* (л. 369); *а о^мделные книги писца^а Михаило^сской дьячо^с с Ку^хвы Ивацко Ивано^с* (л. 821)¹.

Беловая отдельная книга (№ 8455) написана несколькими почерками и включает копии текстов, также составленных местными писцами — из Пскова, Гдова, Колпина, Колбежиц, Изборска, Острова, Выбута и т. д. Анализ показал, что беловые отдельные книги отражают те же языковые особенности, что и черновые, так что они, наверняка, писались местными уроженцами, которые, возможно, к тому же достаточно точно копировали черновик. Вообще, исследование отказных книг, созданных на других территориях (а сходные по форме и содержанию отказные книги иногда называются по-разному: отдельными, обыскными, описными, отписными, мерными, меновными, поступными, раздельными, сыскными [Ващенко 1982: 34]), показывает, что эти книги всегда писались людьми местными — писцами-профессионалами и непрофессионалами, церковнослужителями и мирянами [см. Котков 1980: 125].

Что же касается челобитных, то, хотя имена писцов, составлявших их, не подписаны, не остается сомнения в том, что писались они в Пскове и его окрестностях, так как на оборотах многих из них имеются «приложения рук» местных жителей.

Есть, впрочем, и лингвистический критерий, позволяющий с полным доверием относиться ко всем указанным текстам как к источнику, по которому можно восстанавливать именно псковскую фонетическую систему XVII века. Дело в том, что в них встречается отражение специфически псковских и общих для древнепсковского и древненовгородского диалекта явлений. Так, сугубо псковской особенностью считается изменение *s, *š в определенных позициях в [x] [см. Николаев 1988: 128–132]. Отражение этого перехода находим в наших рукописях: *Ва^пфломя Ани^ева с(ы)на 8461-687²*, *Деме^кка Пу^лляко^с 8455-19об.*, *а по старому писму сохново пашни сем^ь че^ми 8455-275об.*, <пустошь> *Ме^то 8455-370об.* В отдельной книге № 8455 находим отражение еще одной черты севернокривичского происхождения. В Новгородских писцовых книгах А. А. Зализняком был обнаружен топоним Захонье, который встречается, практически, только в рамках Шелонской пятины. Это, по мнению А. А. Зализняка, слово «захолмье», в котором произошла метатеза [л] и [м], после чего осуществился известный в некоторых случаях северо-западным русским говорам переход [мл'] в [н'] [см. Зализняк 1993: 203–204]. В рассматриваемой же отдельной книге встречено

¹ Здесь и далее принцип воспроизведения текста тот же, что и в предыдущих главах (см. 1.1.).

² Первым числом, стоящим после примеров, извлеченных из исследуемых текстов, обозначается номер рукописи (из ф. 1209, оп. 2) или столбца (из ф. 1209, оп. 1253), вторым — номер листа.

слово *захонье* в качестве нарицательного существительного — видимо, именно в значении 'захолмье'. Ср. контексты: <двор> *бобы^н Тиха^нко Рапа съ с(ы)но^н пашни худые земли пя^н че^ни с тре^ннико^н да лѣсомъ поросло и с о^нхожею пашнею что по запо^ню в захо^не два^нца^н ше^нть че^ни бес полутре^нника о^нми^нново в поле а в дву по тому^ж 8455-502; <двор> *Ивашко да Фетка Семеновы пашни паханые и с отхожею пашнею лѣсо^н поросло что в Жуковско^н захо^не четы^нна^нцать че^ни с полуосминою в поле а в дву по тому^ж 8455-545об.; сѣна на о^нхожи^н по^нняхъ восемь копе^н лѣсу пашенно^н у пустошей в захо^няхъ три десятины а непаше^н ного дев^н десятинь 8455-155.**

Таким образом, наличие специфически псковских особенностей в исследуемых рукописях позволяет с доверием отнестись к другим выявленным фонетическим чертам как присущим именно псковскому диалекту.

3.2. УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

3.2.1. Судьба фонемы <ѣ>

В псковском диалекте к XIV веку <ѣ> как особая фонема, по-видимому, уже не существовала, совпав с <е>. Об этом свидетельствует широко распространенная мена букв *ѣ* – *е* как в церковнославянских памятниках [см., напр., Соболевский 1884: 144; Каринский 1909: 22, 51, 81, 102, 172 и др.; Каринский.1916: 45; Кандаурова 1957: 199–212], так и в пергаменных грамотах — духовной Акилины 1417–1421 гг., грамоте Пскова Кольвани 1418–1419 гг., грамоте псковского князя Ивана Александровича 1463–1465 гг.

В этих же источниках, впрочем, находим sporadическую замену *ѣ* на *и* в слоге под ударением, причем она наблюдается в строго определенном круге слов: В слове *свирѣль* и его производных, в инфинитивных основах на суффиксальный *-ѣ-*, в позиции перед [й], в положении перед слогом с [й], в формах *всими*, *всихъ*, *с тимъ*³, в окончаниях М. ед. и в некоторых других случаях [см.: Соболевский 1884: 120, 129, 133, 141; Каринский 1909: 20, 51, 81, 122, 133 и др.; Виноградов 1923: 189–195; Кандаурова 1957: 217–219; Валк 1956: 234 (снимок грамоты Пскова Кольвани)]. Таким образом, замена *ѣ* на *и* была либо морфологически обусловлена, либо отражала произношение [й] из *ѣ в отдельных словах.

Отмечаются и единичные случаи написания *ѣ* (в изданиях часто передаваемого как *я*) вместо *ѣ* в ударном слоге: *на сини рѣкѣ* Погод. № 1413, вторая половина XVI в., *пре великомъ кнзи црѣ* Палея 1494 г. (запись), *ш будоуцимъ ценѣ* Сб. Синод. Библ. № $\frac{68}{270}$ XV в. [Каринский 1909: 81, 15, 100], *жрѣшя* Креховская Палея XV в., *живяхова* Ипат. лет., *утеря* (3 л. аор). *ib.*, *не хотявшѣа* Палея 1494 г. [Шахматов 1909: 120, 135], *при по^адницѣ при левонтеи при костормѣ* Паракл. 1369 г. (запись) [Соболевский 1884: 124], *довляеть* Пск. Трефоллий 1446 г. [Соболевский 1888: 230], *посредѣ огнѣ* Пролог 1383 г. [Кандаурова 1957: 230], а также *нѣ^с раци* (видимо, вместо *рѣци* с отражением отвердения [р']) Палея 1494 г. [Каринский 1909: 14]⁴. Можно привести также пример из списка 1669 г., сделанного с одной из псковских рядных грамот второй половины XIV в.: *на Ригиня горя* (3 р.) (т. е. «на горѣ») [Марасинова 1966: 47].

А. А. Шахматов, ссылаясь на то, что «на всем пространстве русской земли не найдется говоров, которые изменили бы, например, *ѣ* под ударением в *а*» [Шахматов 1909: 128], не

³ Впрочем, формы *всими*, *всихъ*, *с тимъ* были вполне характерны для древненовгородского диалекта [см. Зализняк 1995: 111–112], так, что, возможно, что они были присущи и древнепсковскому диалекту и имеют морфологическое, а не фонетическое происхождение.

⁴ Подобная замена *ѣ* на *ѣ* встречается и в безударных слогах.

допускал, что за такими написаниями, как *на рѣкѣ, при костромѣ*, могло стоять произношение *рѣ[к'á]*, *костро[м'á]*, и объяснял замену *ѣ* на *я* южнославянским влиянием [см. там же: 128, 129, 135]. Однако в Прологе 1383 г. следов второго южнославянского влияния, по свидетельству Т. Н. Кандауровой, не обнаруживается, а написание *посредѣ огнѣ* встречено. Кроме того, в современных псковских говорах, вопреки утверждению А. А. Шахматова, имеются реликтовые случаи произношения [ʼa] из *ě — *яла, кяп* ('цеп'), *ряпа* [Николаев 1994: 31], *вякша* (из *věkša 'белка') [ПОС, 6: 118], *выязднѣй* ('предназначенный для поездки в гости, на прогулку и т. д.') [ПОС, 6: 108], *гнѣздечко* (уменьш. от гнездо) [ПОС, 7: 31], *гнѣздиться* [там же]⁵, так что следует, видимо, все же полагать, что вышеприведенные написания с *ѣ* (я) вместо *ѣ* в ударном слоге отражают фонетическую реальность в произношении отдельных слов в древнепсковском диалекте.

Для того чтобы доказать, что это действительно так, необходимо сделать небольшой экскурс в историю праславянского языка. По-видимому, исходным типом произношения *ě изначально на всей праславянской территории был низкий открытый монофтонг переднего ряда или широкий дифтонг. Во всяком случае, многие слависты склоняются к той или другой из этих реконструкций. Так, А. Мейе считал, что *ě*, образовавшийся в известных позициях из дифтонга *oi, совпал с уже существовавшим в языке *ě*, происходившим из *ē, который звучал как долгий, очень открытый [e], образуя пару с [a] [Мейе 1951: 38, 48]. А. Вайан указывал, что индоевропейскому *ē соответствовал общеславянский открытый гласный *ě*, реализовавшийся, должно быть, в виде дифтонга [ʼea]. В дальнейшем *oi (по Вайану — *ai) изменился в тот же дифтонг — [ʼea] [Вайан 1950: 113–115]. А. М. Селищев склонялся к предположению, что на месте древних *ē и *oi образовался широкий гласный «ē (типа ä)» [Селищев 1951: 132]. А. Лампрехт и Ч. Бидуэлл, приводя схемы гласных праславянского языка, помещают фонему <ě> в переднем ряду, противопоставляя ее фонеме <a> [Лампрехт 1956: 20; Бидуэлл 1961: 108]. Ф. Рамовш посвятил специальную статью доказательству того, что *ē и *oi, преобразовавшись, совпали в звуке [ä] (вернее, [ʼä]), так как он смягчал предшествующий согласный) [Рамовш 1944: 113–124]. М. Самилов, подробно рассматривая данные всех славянских языков и их диалектов, приходит к выводу о том, что праславянский «ять» произносился либо как монофтонг [ä], либо, скорее всего, как дифтонг [ea] [Самилов 1964: 128–129].

Точка зрения этой группы ученых представляется вполне приемлемой, в частности, потому, что подтверждается некоторыми славянскими заимствованиями в прибалтийско-финских языках.

Большинство современных исследователей соглашаются с тем, что прибалтийские финны контактировали лишь с восточнославянскими племенами и в доисторический период заимствовали славянскую лексику только от них [см. Кипарский 1958: 134; Лыткин 1962: 447–448; Ниеминен 1957: 497; Ойнас 1962: 475]. В древнейшем пласте заимствований славянский звук, реализовавшийся фонему <ě> из *ē, передавался следующим образом: фин. *määra*, кар. *meärä*, вод. *mārä*, эст. *määr*, лив. *mār* (из слав. *měra); эст. *sääs, sääsk* (из слав. *sěža). Точно так же отражен гласный, произошедший из дифтонга *oi: фин. *lääva*, кар. *leäva*, вепс. *lävä, l'äu* (из слав. *chľěvь); фин. *räähka*, кар. *reähkä*, вепс. *grähk* (из слав. *grěchь)⁶.

⁵ Р. Ф. Касаткина, впрочем, считает, что приведенную в [ПОС] акцентуацию слов *выязднѣй, гнѣздечко гнѣздиться* нельзя считать достаточно надежной, так как в псковских говорах ритмика слова не всегда позволяет надежно определить место ударения, в особенности если в первом предударном слоге выступает гласный широкий, а под ударением — более узкий, так что допустима на самом деле, и другая интерпретация, состоящая в том, что в приведенных примерах может быть отражено являющееся произношение в сильном первом предударном слоге [Касаткина 2001: 80, сноска]. Это, однако, не приводит Р. Ф. Касаткину к отрицанию того факта, что в [ПОС] имеется фиксация *a*-образных рефлексов *ѣ*, во-первых, потому, что лексема *вякша* у нее сомнений не вызывает, и, во-вторых, потому, что она обратила внимание на наличие в том же словаре слов *двѣнки, двѣницы* 'рукавицы с одним пальцем' [там же: 81].

⁶ В поздних заимствованиях из древнерусского языка *ě* уже передается как дифтонг [ie] или монофтонг [e] (напр., фин., кар. *viehka*, вепс. *v'eĥ* (из русск. *вѣха*); кар. *riippo*, вепс. *r'eppi* (из русск. *рѣпа*) и т. д.). Прибалтийско-

Эти примеры весьма показательны потому, что в современных русских северо-западных говорах (откуда, видимо, пришли в прибалтийско-финские языки славянские заимствования) рефлексy **ě* нормально располагаются на оси *e* – *i*. Следовательно, напряженный звук средневерхнего подъема, к которому они возводятся, вторичен и появляется на месте более древнего гласного типа [ä]. Значит, можно предположить, что и в других славянских языковых областях, где рефлексy **ě* также восходят к гласному средневерхнего подъема, этот звук исконным не являлся. Впрочем, в современных южнославянских и восточнославянских языках сохраняются и непосредственные следы произношения **ě* как широкого открытого гласного нижнего подъема.

Так, в большинстве сербохорватских диалектов, а также в некоторых словенских лексема **orěchъ* имеет рефлекс «ятя» [a] (и в ударной и в безударной позициях): [óгах, orà:j, óгах, óгаj] и т. д. [ОЛА, вып. 1, карта № 37]. Некоторые чакавские говоры сербохорватского языка в отдельных случаях представляют рефлексy [a], [â], [a] (= [ä]) в соответствии с **ě*: [gñà:zdo, gñà:z'do, ña:z'lo, nevã:sta, ko'l'ane]. [ОЛА, вып. 1, карты №№ 25, 26, 55].

В одном из южноукраинских говоров, бытующих на территории Молдавии, отмечена форма [м'ад'] [ОЛА., вып. 1, карта № 28]. В том же регионе встречается безударный рефлекс **ě* — [a]: [манáje] (3 л. ед. ч. от глагола **měnjati*) [ОЛА, вып. 1, карта № 47].

И, наконец, в различных русских говорах находим формы с корневым ударным [á], соответствующим этимологическому **ě*: *цýлой* (арханг.), *цýл* (арханг.), *цуп* (тульск., орл.), *цáдит* (3 л. ед. числа от глагола **cěditi* — тихвинск.), *медвядь* (влад.) [ОЛА, вып. 1, карты №№ 49, 10, 62, 32], *пýстаться* 'нянчить детей, хлопотать' (арханг.)⁷, *здýлал* (арханг.), *прýсной* (волог.), *тýстице* (олон.) (последние три примера см. в работе: [Касаткина 1991: 68]), *дýтишко* 'детеныш зверя' (олон.), *завýять* 'замести, завеять' (новг.) (последние два примера см. в работе: [Касаткина 2001: 82]) Кроме того, в архангельских говорах Р. Ф. Касаткина обнаружила спорадическую реализацию **ě* в позиции под ударением перед твердым согласным в звуке средненижнего подъема [e]: [л'ёс, л'ёто, хл'ёп, б'ес'ёда] [Касаткина 1991: 68]. По данным «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» в двух населенных пунктах Владимирской области (д. Уляхино Курловского р-на и д. Васюнино Гусь-Хрустального р-на) наряду с регулярной реализацией <ě> в звуках [ê], [iê], [e] зафиксированы единичные случаи произношения дифтонга [eä]: [л'еäс, к т'иб'еä, с'иб'еä] (д. Уляхино), [н'еäт] (д. Васюнино) [Атлас 1957: 425, 440]. В подмосковном говоре — в бывшей деревне Кунцево, ныне вошедшей в черту Москвы, С. С. Высотский в 1959 г. записал слово *дýдушка* [Касаткина 2001: 81]. В тверских говорах имеется слово *вýха* 'новость' [там же: 81–82]. Некоторые случаи подобного произношения в южнорусских говорах были обнаружены совсем недавно: *абрýзэвэм* (брянск.), *у зипунéа* (калужск.), *в лéас, сýнцы* (тульск.), *зýвкать, зýвкнуть* 'громко кричать' и 'крикнуть' (тульск., орловск.) [см. там же: 80–81]. Примеры *a*-образных рефлексов **ě* из современных псковских говоров приведены выше. Имеются они также и в смоленских говорах (см. ниже, 6.2.1.).

Таким образом, есть все основания доверять вышеприведенным написаниям из псковских рукописей XIV–XV вв. с заменой *ѣ* на *а*, *я* как отражающим живое произношение.

финские же звуки [ä], [eä] используются на этом этапе для передачи русского [ʼa] из **ě* (напр., кар. *reädü*, вод. *r'äto* (из русск. *ряд*); кар. *reätnit'šä* (из русск. *пятница*). Материал славянских заимствований в прибалтийско-финских языках приводится по кн. [Калима 1956: 37, 38, 45].

⁷ М. Фасмер, комментируя это слово, пишет: «Фонетически затруднительно сближение с *пестун, питать*, потому что из *ѣ* в этом случае ожидалось бы *-e-*» [Фасмер, III: 423].

Так же, как памятники более раннего периода, деловые тексты первой половины XVII в. наряду с традиционным употреблением буквы *ѣ* знают замену *ѣ* в ударном слоге на *е* во всех позициях. Приведем некоторые примеры.

Позиция перед твердым согласным: *веле*^н 8461-682, *в се^лце въ Белодедове* 8455-38, *Жабоедовъ* 8455-296об., *лесу* 8461-684, *лесомъ* 8461-683, *нае^лдомъ* 8455-1, *Об^едова* (Р. ед.) 8461-236об., *помесные* 8461-687, *приеха^д* 8455-346об., *сена* (Р. ед.) 8455-32об., *при техъ* 8461-690, *у те^х* 8461-684об., *в уе^дѣ* 8455-347 и т. д.

Позиция перед мягкими согласными: *владе^м* (инф.) 8461-690, *о^мде^лщика* (Р. ед.) 8461-684об., *поместье* 8461-688, *теми же* 8461-690, *в уе^дѣ* 8455-348, *Се^лгеевича* 8461-687 и т. д.

Позиция конца слова: *вопче* 8455-64, *опосле* 8461-347об., *две* 8461-684об., *те* 8461-685, *жсене* 8455-70, *по реке* 8461-689, *с реке* 8461-71, *о^м сосне* 8461-345об. и т. д.

Есть и случаи (правда, более редкие) замены *е* на *ѣ*: *Ол^вне* (Д. ед.) 8455-34, 34об., *жил^вць* 8455-413, *Ер^лму* (В. ед.) 8455-414.

Эти данные вполне согласуются не только с материалами рукописных источников предшествующей эпохи, но и со свидетельствами описательной диалектологии о совпадении **ѣ* с [e] в псковских говорах [см., напр., Соколов 1917: 153; Гринкова 1926: 259, 264; Чернышев 1931: 163, 164, 166, 168 и др.; Жуковская 1962: 6]. Впрочем, судя по материалам ДАРЯ, в некоторых населенных пунктах, расположенных на территории Псковской группы говоров, отмечается в единичных случаях произношение [ê] и [iê] [см. ДАРЯ I, карты 40, 41].

В текстах первой половины XVII в. встречено и несколько написаний с заменой *ѣ* на *и*: 1) в позиции перед [j] в именах собственных: *Еремиева* (Р. ед.) 8455-282об., *дере^лня Михиево* 8455-353, *Сергию* 8455-288об., 291, *Сергия* (Р. ед.) 8455-233об., *селцо Сергиево* 8455-240, *Сергиева* (В. ед.) 8455-284об., 352, *Сергиевское* <поместье> 8455-284, 284об., 285, *Сергиевского* <поместья> 8455-286об., *Сви^лско^л коро^л* 23350-56 (наряду с *Сви^лскои коро^л* 23350-148)⁸; 2) в суффиксе основ инфинитива: *не влади^л* 8455-17об., *згорили* (первое *и* исправлено на *ѣ*) 23350-148.

Дополнительные данные по этому поводу можно извлечь из словаря-разговорника Т. Фенне, написанного в начале XVII в. (1607 г.) в Пскове [Фенне I, II].

Этот довольно объемный труд состоит из «лексической» части (которая представляет собой тематический словарь, построенный следующим образом: русское слово в кириллической записи + транслитерация/транскрипция латиницей + перевод на нижненемецкий язык) и нескольких «разговорных» частей (здесь кириллические записи практически отсутствуют — псковская речь передана латиницей с переводом на нижненемецкий язык). Прежде чем приводить примеры из словаря-разговорника Т. Фенне, следует подчеркнуть, что в основу всех его частей — и «лексической», и «разговорных» — положено именно псковский диалект, о чем свидетельствует отражение специфически псковских особенностей. «Лексическая» часть: *хо^л — choff* [Фенне, I: 105] (= шов, с псковским [x] из *š); *сустрекатъ — sustrekat* [там же: 168]; *примека^л — primekat* [там же: 177] (псковский рефлекс *tj — [k]); *зломилесь — slomiles, знд^лмиле^л — sportiles, ро^лдроле^л — rosdrales* [там же: 140] (окончание -e в И. ед. м. р. тв. вар. именного скл.); «Разговорная» часть: *poblugl* [Фенне, II: 289], *pritzkles* [там же: 342], *sotzkles, rosotzkles* [там же: 343], *pritzkle* [там же: 344] ([kl], [gl] в качестве рефлекса праславянских *tl, *dl); *mile... gost* [там же: 253], *takove tovar* [там же: 316], *ty ne vinovate* [там же: 219], *slaepo da vdaril nem* [там же: 475] и др. (окончание -e в И. ед. м. р. тв. вар. именного скл.); *da ja povalilse nasen ffgres* [там же: 486] (псковское изменение [мл'] > [н']).

⁸ Русск. *Свяя* (Швеция) из шв. Svéaland [см. Демьянов 1987: 78].

В словаре-разговорнике Фенне находим следующие случаи, отражающие рефлексацию *ѣ как [и]: 1) в суффиксе инфинитивных основ: *згорило* — *sgorilo* [Фенне, I: 102], *я хотиль*, *ты хотиль*, *вн хотиль*, *мы хотили*, *вы хотили*, *infinitivus хотиць* — *chotzit* [там же: 148], *пересмотритъ* — *peresmotrit* [там же: 181], *росвертитъ* — *rosvertit* [там же: 182], *smotrit* [Фенне, II: 277], *smotrit* (инф.) [там же: 304], *posmotrifzy* [там же: 382], *posmotrit* (инф.) [там же: 416, 424], *chotil* [там же: 411]; 2) в некоторых корнях: *зироси^м ко^н* — *sirositt kon* (т. е. сосед конь), *цирь ко^н* — *tzir kon* (т. е. сер конь) [Фенне, I: 77]. Таким образом, в отношении спорадической рефлексации *ѣ как [и] данные исследованных рукописей и словаря-разговорника Фенне совпадают.

В одной из отказных книг первой половины XVII в. найдено следующее написание: *прияха^ѣ в Вороцкои уе^ѣ* 8461-377, — а в тематическом словарики у Фенне имеется нетривиальная запись: *лян* — *laen* (ленивый) [Фенне, I: 46]. Эти факты встают в один ряд с приведенными выше случаями написания *я* (А) вместо *ѣ* в ударных слогах в псковских памятниках XIV–XV вв. и с зафиксированными в современных псковских говорах реликтивными случаями произношения [’а] из *ѣ (см. выше).

Итак, ситуация с рефлексами фонемы *ѣ восстанавливается идентично и по показаниям рукописей XIII–XV вв., и по данным псковских деловых текстов первой половины XVII в., полностью соответствуя материалам описательной диалектологии конца XIX–XX в.: при массовой замене *ѣ на [е] сохраняются случаи замены *ѣ на [и] в ограниченном кругу слов и в определенных морфологических позициях, а также единичные случаи, отражающие древнее произношение *ѣ как [’а].

3.2.2. Результаты изменения [е] в [о]

Рукописям XIV–XV вв. известно написание буквы *о* на месте *е* после букв шипящих и изредка парных мягких согласных [см. Соболевский 1884: 145; Кандаурова 1957: 196-197; Каринский 1909: 52, 69, 82, 92; Требин 1910: 313].

Достаточное количество материала представлено в текстах первой половины XVII в.

В корнях слов: *Жолобова* (В. ед.) 8461-213об., (Р. мн.) 8455-431об., *чорнои* 8455-69, *чо^ного* 8455-233об., <на реке> *Жо^нчи* 8455-220, 368об., 554об., <пустошь> *Шохово* 8455-27об., *прошоль* 8461-689, *сшо^н* 8461-45, 8455-117, 235, 560об., *сшо^н* 8455-2об., 3, 5об., 32, 34об., 46об., 47, 231, *Кривоцоково* 8455-337, 8461-346, *Щоголева* (Р. ед.) 8455-15об., *Шорсткינו* 8455-20об., 126об., *Нацоки^н* 23350-283, *Нацокина* (Р. ед.) 8455-38, 79об., 8461-421, 23350-196, 283, *Нацокину* 8455-16, 17, 299об., 399, 8461-421, с ... *Нацокины^н* 8455-5об., *Оло^нко* 8455-506об.

В суффиксах: *Блажонновы^н* 8455-307, *Вороно^нка* (В. ед., фамилия или прозвище) 8455-87об.

Дополнительный материал находим в словаре-разговорнике Т. Фенне.

В корнях слов: *бероза* — *berosa* [Фенне, I: 62], *верове^нни^к* — *veroffeschnik* (веревочник) [там же: 53], *оро^н* — *oroll* [там же: 67], *чосане^н ле^н* — *tzosanei len* [там же: 117], ... *ле^н* — ... *lon* [там же: 117], *поперог* (поперек) [Фенне, II: 317], *фферот* [там же: 317], *ты prisotzi* [там же: 317], *poschol* [там же: 314], *obumörl* [там же: 214], *pritzol* (причел) [там же: 344] и т. д.

Во флексиях настоящего времени глаголов: *ко^н ржои^н* — *kon rszöit* [Фенне, I: 78].

Материал Фенне чрезвычайно ценен, поскольку мы можем обнаружить в нем отражение случаев **неперехода** [е] в [о], что на основании кириллических памятников письменности сделать затруднительно из-за традиционности написаний типа *береза*. Так, в «лексической» части словаря-разговорника мы встречаем: *верефка* — *vereffka* [Фенне, I: 118],

а в «разговорной» части таких случаев больше, например: *dovedetza* [Фенне, II: 321], *vedem* (наст. вр. от *vesti*) [там же: 336], *ff seretku* [там же: 338]⁹.

В приведенных списках — как из памятников делового письма XVII в., так из словаря-разговорника Фенне — не учитываются написания с *o* в падежных окончаниях (например, *sa rubejzomь* 8455-47, *sa... sьo"* 8455-22, *се"цo* 8461-43 и т. д.), в суффиксе *-ov-* (например, *To'machova* (В. ед.) 8455-66, *жи"цo"* 8455-57, *дво"цoвы*^x 8455-10об. и др.) и в уменьшительном суффиксе *-ok-* (*Го"шо*^k (прозвище) 8455-10б, *лужокь* 8455-176об., *горсо*^k — *gorsok* [Фенне, I: 97]). Звук [o] в соответствии с **e*, **ь* в этой категории случаев произносится и в таких говорах, которые не знали последовательного фонетического изменения [e] в [o], и объясняется морфологической аналогией (см. выше, 1.2.2.).

Судя по данным описательной диалектологии и лингвистической географии, псковские говоры относятся к числу тех диалектов, где результаты перехода [e] в [o] представлены достаточно последовательно [см. ДАРЯ I, карта 38; Каринский 1916: 34; Гринкова 1926: 264], хотя есть единичные случаи сохранения [e] [см. ДАРЯ I, карты 38, 39; Жуковская 1988: 5; Чернышев 1931: 178]. Таким образом, ситуация в этом звене системы одинакова для первой половины XVII в. и для XX в. (о степени распространенности перехода [e] в [o] в XIV–XV вв. говорить сложно ввиду скудости материала).

3.2.3. Вопрос об изменении [a] в [e] в ударном слоге

Псковские памятники XIV–XV вв. знают написания с *e* (*ѣ*) вместо *a* (*ѧ*) в середине слова под ударением, например: *въпнѣше* Паракл. 1386 г., *обнищеша* Тип. пс. XIV в. № 35, *всекъ* ib., *исправленѣши* ib., *избавлѣющю* ib., *стрѣжеху* Ап. 1309–1312, *смереяся* Паракл. 1386 г. [Шахматов 1893: 232], *послушение* Палея 1494 г. [Каринский 1909: 16], *скорбѣщихъ* Сб. Синод. библ. № $\frac{53}{255}$ XV в. [там же: 114], *чѣсъ* Прил. к Паракл. XV в., *всѣку* ib. [Шахматов 1909: 133], а также в конце слова, например: *овцѣ* (И. ед. ж. р.) Сб. Соф. библ. № 1262 к. XIV или нач. XV в., *Ѡлице* Тип. псалт. XIV в. [Кандаурова 1957: 240]. А. А. Шахматов заметил, что *a* заменяется на *e* (*ѣ*) в тех случаях, когда перед ним или после него стоят буквы шипящих, *с*, *ц*, а также знак, обозначающий [j], и связал изменение [a] в [e] с влиянием сильно смягченных согласных — йота и очень мягких звуков, возникших в результате совпадения шипящего и свистящего рядов в псковских говорах [Шахматов 1893: 231–233].

Скорописные тексты первой половины XVII в., в отличие от рукописей более раннего периода, результатов изменения [a] в [e] после мягких согласных не отражают. К сожалению, не оказывает помощи в этом плане и словарь-разговорник Т. Фенне. Звук [ʼa] под ударением после мягких согласных обозначается здесь латиницей через *ae* либо *e*. Исследования графической системы немецкой части разговорника и русской его части, осуществленные соответственно К. Проватке [Проватке 1988] и Ф. Листом [Лист 1994], показали, что сочетание *ae* у Фенне передавало гласный [ɛ], а буква *e* — гласный звук [e] [см. там же: 27]. Такое обозначение свидетельствует, по-видимому, о том, что Фенне не мог адекватно идентифицировать и передать чуждый для его слуха русский звук [ʼa], и поэтому на основании его записей делать какие бы то ни было выводы о модификациях этого звука в разных позициях в псковском диалекте начала XVII в., как нам кажется, не имеет смысла.

В современных псковских говорах результаты изменения [a] в [e] между мягкими согласными известны лишь в единичных случаях [см., напр., ДАРЯ I, карта 49; Жуковская 1988: 5].

⁹ Более обширные подборки примеров, касающихся перехода и неперехода [e] в [o] приведены в дипломной работе [Лист 1994: 71–74].

Таким образом, если сопоставить материал псковских рукописей XIV–XV вв. с отрицательными данными текстов первой половины XVII в. и с той картиной, которую представляют современные говоры, придется констатировать, что реконструируемое А. А. Шахматовым изменение [а] в [е] под влиянием окружающих сильно смягченных согласных и йота подверглось со временем нивелировке. Изменение [а] в [е] под воздействием предшествующих мягких согласных известно сейчас западноукраинским говорам. Возможно, подобное приспособление артикуляции гласного нижнего подъема к артикуляции смягченного согласного было присуще прежде в какой-то степени и другим восточнославянским говорам западной диалектной зоны — белорусским и смоленским (см. об этом ниже, 6.2.3.). Допустимо предположить, что эта особенность характеризовала в древности и псковский диалект, также входящий в западную зону. В дальнейшем же — под влиянием говоров центра, носители которых стали появляться в Псковской земле после того, как в XV в. Псков признал над собой верховное покровительство московского князя, а в 1510 г. был и вовсе присоединен к московским владениям, — эта диалектная черта была утрачена.

3.3. ВОКАЛИЗМ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГОВ

3.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова

3.3.1.1. Данные рукописей XIV–XV вв.

В церковнославянских памятниках псковского происхождения XIV–XV вв. sporadически встречается мена букв *а* — *о* в безударных слогах всех типов — и предударных, и заударных. В пергаменных и берестяных грамотах отражения аканья не обнаруживается. Видимо, это связано с малым количеством и объемом дошедших до нас текстов не книжного содержания — ведь если собрать все примеры аканья, извлеченные исследователями из несопоставимо большего корпуса церковнославянских текстов псковского происхождения того же периода, то таких примеров окажется — с учетом весьма значительного объема источников — довольно мало. Не останавливаясь специально на немногочисленных случаях смешения букв *а* — *о* в заударных слогах (например, *дѣволамѣ* (Т. ед.), *вино и мѣса, скоро* (наречие) из Пролога 1383 г. [Кандаурова 1957: 233] или *дерева* (И. ед.), *елика* из Палеи 1477 г. [Каринский 1909: 47]), а также во втором предударном слоге (например, *дѣ доубравы* из Палеи 1494 г. [там же: 11], *вблѣбызаю, дастояніе* из Палеи 1477 г. [там же: 47]), прокомментируем мену букв *а* и *о* в первом предударном слоге.

Л. М. Царева указала на то, что в большей части примеров аканья, приводимых в исследованиях А. И. Соболевского, Н. М. Каринского, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, мена букв *а* — *о* наблюдается в первом предударном слоге тогда, когда в ударном слоге находится звук [а] [Царева 1962: 74]. Это действительно так. Например: *оковавлена, въскр^снуть ѿ граба* (?) Псковский Трефолий 1446 г. [Соболевский 1888: 230], *подабаеть, балвану* Сб. Софийской библи. № 1262 [там же: 132], *насла, ѡзвасѣ, ѡслааты, страгаша* Пролог 1383 г. [Кандаурова 1957: 233]. Реже проявляется аканье перед другими гласными: *оумари^м* (инф.), *иконаборну ерьсѣ* Палея 1494 г. [Каринский 1909: 11], *снаху, на слаженіе* Сб. Софийской библи. № 1262 [там же: 132], *повѣды гадина, маскву* Пролог 1383 г. [Кандаурова 1957: 233]. Впрочем, весьма ограниченное количество случаев отражения аканья в текстах XIV–XV вв. не дает возможности с полной уверенностью констатировать наличие зависимости в реализации гласного первого предударного слога от гласной фонемы в слоге под ударением. Од-

нако, как будет показано в следующем разделе, псковские рукописи XVII в., где примеров мены букв *а* – *о* больше, действительно позволяют делать предположения о некотором виде зависимости вокализма первого предупредного слога после твердых согласных от гласного ударного слога.

3.3.1.2. Данные рукописей первой половины XVII в.

3.3.1.2.1. Первый предупредный слог

В настоящее время Псковская группа говоров характеризуется недиссимилативным аканьем с редкими вкраплениями жиздринского типа диссимилативного аканья, занесенными, по-видимому, из соседних смоленских говоров [ДАРЯ I, карта 1]. К северу от Пскова, в Гдовской группе говоров наблюдаются переходные от оканья к аканью типы вокализма, в частности, гдовский (гласные неверхнего подъема различаются перед <е>, <о> и не различаются перед <и>, <у>, <а>) и полновский (гласные неверхнего подъема различаются перед всеми ударными гласными неверхнего подъема и не различаются только перед <и>, <у>) [см. там же]. На территории Гдовской группы располагаются и так называемые «укающие» говоры, где (при неразличении <а> и <о> перед <и>, <у>, <а>) перед <е> и <о> на месте <о> произносится [у] [см. Евгеньева 1949: 210–214; Строганова 1962: 104].

Н. П. Гринкова заключила, что элементы неразличения гласных неверхнего подъема в первом предупредном слоге приходят в гдовские говоры из более южного акающего псковского диалекта, причем гдовские говоры разнятся по степени влияния акающего диалекта и представляют некоторую градацию в подчинении законам аканья, зависящую от географического положения того или иного говора по отношению к источнику аканья — псковскому диалекту [Гринкова 1926: 263]. Градация типов вокализма в зависимости от распространения в них элементов аканья такова: 1) полновский вокализм (неразличение <а> и <о> только перед <и>, <у>); 2) гдовский вокализм (прибавляется неразличение перед <а>) [см. Аванесов 1952: 35; Жуковская 1962: 5, 18–19]; 3) переходный вокализм, при котором безударные <а> и <о> нейтрализуются еще и перед <е>, так что неразличение остается лишь перед <о> [см. Жуковская 1988: 10].

Восстановить историю распространения аканья в псковских говорах помогают памятники письменности. Если в рукописях XIV – XV вв. соответствующих данных обнаруживается немного (см. выше, 3.3.1.1.), то деловые тексты XVII в. и в какой-то степени словарь-разговорник Т. Фенне дают больше материала. Уже было замечено, что в одной из псковских отказных книг начала XVII в. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, кн. 8454) написания с отражением аканья укладываются в схему гдовского вокализма [см. Ковпик, в печати]. Материал наших рукописей позволяет прийти к тому же заключению. Ср. примеры:

1) перед [и]: *Бора³динъ* 23350-86, <пустошь> *Галицыно* 8455-171, *Говрилька* 23350-93, *Наги^н* 8455-85, 136 (наряду с *Ноги^н* 8455-113, 132), *Сनावидову* (Д. ед.) 8455-206, 207, за... *Сनावидовы^н* 8461-634, *Сनावидова* (Р. ед.) 8461-693 (ср. *Сновидову* 8455-207аоб., 208);

2) перед [ы]: *Бобарыкину* (Д. ед.) 23349-72, *передъ... Бобарыкины^н* 23350-204, в *Валы^нцѣское помѣстье* 8455-55об., *Валы^нцѣское* 8455-56об., *Валы^нцѣве дочери* 8455-60 (ср. *Волы^нцѣвсково помѣстья* 8455-54об., за *де^нми ево Волы^нцѣвыми* 8455-55), <пустошь> ...*Карамыслово* 8455-199об. (ср. *Коромыслово* 8455-253об.), *Давы^ока Карамыслова* (Р. ед.) 8461-708об.;

3) перед [у]: *Валуева* (Р. ед.) 8461-32, 33об. (2 р.), 34, 35об., 36, 37, 37об., *Валуеву* (Д. ед.) 8455-169 (ср. *Волуева* 8455-164об., 8461-32об., 347об., *Волуеву* 8455-168об.), с *Маку^нкою* 8461-344 (ср. *Моку^нка* 8461-345об., <деревня> *Че^рнаусова* 8455-501, *пусто^ню Барусовы^н* 23350-93, 23350-204;

4) перед [а]: *Афанасе*^н 23350-208об., *Афана*^я (Р. ед.) 8455-581, 581об., *Офана*^{ева} ... *помѣстья* (Р. ед.) 8461-648, 648об., 650, <пустошь> *Верхаляне* 8461-724об., *Ве*^р*халяне* 8461-722об., в *Ве*^р*халяне*^х 8461-723об., в *др*^е*не Караваяе* 8455-556, 566, *Лабан*^ь (прозвище) 8461-715, *По*^к*ратово* 8455-87об., *Сабаки*^н 8461-377, *Сабакина* (Р. ед.) 8461-721, 786, 797, 820, *Тана*^н 8455-61, 184, 207, 207а, 209 — *Тонаю* (Д. ед.) 8455-55, *Хо*^р*ламову* (Д. ед.) (3 р.) 23349-12 — *Ха*^р*ламо*^о 233349-12, *гара* 8455-387об., *акла*^о 23350-93 (2 р.) 120, 139, *астали*^е 8461-345об., *досма*^н*ря* 8461-820.

Имеется и несколько случаев написания *а* в соответствии с фонемой <о> перед *о*, *е*: *таво* 23350-63, 205, *са мною* 23350-204, *пска*^о*ско*^н (В. ед. м. р.) 23350-86 (не совсем ясно, какая буква написана в корне, но возможно, что *а*)¹⁰; *погарели* 23350-86, *во дваре*^н 23350-93, *половина пустоши* ... *Арехова* 8455-199об. (ср. *Ор*^ѣ*хово* 8455-199об.).

Наличие этих примеров, немногочисленных на фоне вышеприведенных случаев написания *а* в соответствии с фонемой <о> перед *и*, *ы*, *у*, *а*, не противоречит выводу о том, что в говоре писцов исследуемых текстов первой половины XVII в. наличествовал вокализм гдовского типа, — ведь и в современных говорах, где распространен этот тип вокализма, в единичных случаях имеются отклонения от него в ту и другую стороны [см. Жуковская 1962: 7-9].

Подтверждение тому, что именно гдовский тип вокализма был представлен в псковском диалекте начала XVII века, находим в словаре-разговорнике Т. Фенне. Ф. Лист, попытавшийся реконструировать псковскую систему вокализма, отраженную у Фенне, и сделавший сплошную выборку примеров из раздела «торговые разговоры» [Фенне, II: 274-468], выписал случаи отражения аканья [см. Лист 1994: 59]. В свою очередь, В. А. Ковпик, воспользовавшись исследованием Ф. Листа и систематизировав его примеры, показал, что все они соответствуют гдовскому типу вокализма [Ковпик, в печати]. Если же привлечь материал первой, «лексической» части словаря-разговорника Фенне, то выявится аналогичная картина. Ср.: 1) перед [ы]: *капыта* — *kapuita* [Фенне, I: 77], *рукамыни*^к — *rukamuiinik* [там же: 99]; 2) перед [а]: *бракава*^н*ни*^к — *brakavalnik* [там же: 53], *саманар*^ь — *samarall* [там же: 55], *корабя* — *korabia* [там же: 58], *сабак* — *sabak* [там же: 76], *ара*^м — *aratt* (пахать) [там же: 80], *гавядина* — *gavaedina* [там же: 82]; *галавня* — *galaffnae* [там же: 102]. При этом есть два отступления — перед [е]: *варабей* — *varabei* [там же: 69] и перед [о]: *танор*^ь — *tapor* [там же: 103]. Имеется также запись *самост*^ь*све*^н*но*^н *ками*^н — *samatsvetnoi kamin* [там же: 118], где в кириллице *о*, а в записи латиницей — *a*.

Значит, можно заключить, что в первой половине XVII века в диалекте Пскова и его окрестностей имел место гдовский тип вокализма (пусть уже с некоторыми отклонениями), который сейчас представлен лишь в регионах, расположенных к северу от Пскова. Более того, есть основания заключить, что в рассматриваемый период этот тип вокализма характеризовал говоры, локализовавшиеся **значительно южнее Пскова**. В отказной и отдельной книге № 8461 находим под 1642 г. (лл. 366-369) черновой текст отдела со следующей подписью: *а отдельные книги писца с Опочки дьячо*^к *Сопрошко Лати*^н (л. 369), а в этом небольшом тексте обнаруживаем многочисленные случаи отражения аканья перед буквами гласных верхнего и нижнего подъема при этимологически верном употреблении *о* и *а* перед буквами гласных среднего подъема. Ср. примеры:

¹⁰ Встречено также несколько раз слово «паточевина» (*межа пошла паточевино*^н 8461-689об., 690, *на паточевини* (М. ед.) 8461-689об.). В словарях древнерусского языка такой лексемы нет, но есть слово «паточина» со значением «овраг» [Срезневский: II: 888], «ручей, протока по заболоченной местности; понижение, в котором скапливается вода, со слабым течением или без стока» [СлРЯ, 14: 170] (ср. у В. И. Даля — *пáточина* с аналогичным значением [Даль, III: 21]), так что, видимо, буква *а* в наших примерах пишется вполне закономерно и обозначает ударное [á]. Отмечено и написание *Шаха*^о*ского* 8455-79, но ввиду того, что в этой часто встречающейся в псковских отказных книгах фамилии всегда пишется во втором слоге *о*, следует считать данное написание опской, возникшей под влиянием предшествующей буквы *а*.

1) перед у: *по таму*^ж л. 367 (2 р.), 367об. (2 р.), 368, 368об. (2 р.) *по таму жь* л. 366об., 367 (2 р.), 367об. (2 р.), 368 (3 р.), 368–368об., *заву*^м л. 367 (3 р.), 367об. (3 р.), 368 (2 р.), *Белутова* (Р. ед.) л. 367об., 368 (ср. в другом почерке, принадлежащем также писцу из Опочки: *Белутова* л. 687, 688об.);

2) перед а: *три^мца^м адна че^м* л. 366об., *три^мце^м адна че^м* л. 386об., *декобры* л. 366.

Таким образом, письменные источники помогают объективно установить перемещение данной фонетической изоглоссы на диахронной оси. Получается, что гдовский тип вокализма (возможно, через ступень полновского вокализма) зародился в процессе перехода от оканья к аканью в южной части псковских говоров, откуда затем сдвинулся к северу, уступая место недиссимилятивному аканью. Прежде, без привлечения материала письменных памятников, диалектологи лишь предположительно допускали, что тип вокализма, сохраненный гдовскими говорами, был раньше распространен в более южных районах Псковской области [см. Царева 1962: 66; Образование... 1970: 442–443]. Теперь же этот вывод можно считать документально обоснованным.

3.3.1.2.2. Второй предударный слог

Современные диалектологические исследования показывают, что в тех говорах, где представлен гдовский тип вокализма, поведение гласного неверхнего подъема во втором предударном слоге также обнаруживает некоторую зависимость от гласного следующего слога (предударного или ударного). Так, если в следующих слогах (или только в предударном слоге) имеется [а], гласные второго предударного слога [а] и [о] совпадают в звуке [ъ]. Менее активно принцип аканья проявляется, если в первом предударном слоге находятся гласные верхнего подъема (даже если под ударением [а]), хотя и здесь случаи с [ъ] на месте <о> во втором предударном слоге встречаются. Если же в следующих слогах (или только в первом предударном слоге) стоят гласные среднего подъема, то <а> и <о> во втором предударном слоге различаются. Вообще, судя по всему, гласный первого предударного слога оказывает большее влияние на гласный второго предударного слога, чем гласный под ударением [см. Жуковская 1962: 10–12].

Материал исследованных рукописей, касающийся поведения гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге, не слишком разнообразен, но он соответствует описанной картине.

1) В первом предударном слоге или под ударением находится звук [а]: *пусто^мю Бараусовы^м* 23350-93, <пустошь> *Карамыслово* 8455-199об., *казака* (Р. ед.) 8455-74об., — *козака* *ib.* (колебание в написании), *Калачева*¹¹ (Р. ед.) 8461-699, *Нагина* (Р. ед.) 8455-66, 67, 160, 228, 229, 229об., 230, 230об. (2 р.), 231, 8461-664, 821.

2) В первом предударном слоге находится гласный верхнего подъема: *Бор^ддину* (Д. ед.) 23350-283, *Нагину* 8455-229, 230, 230об., 231, 231об., *Радио^око* 8455-46, *Ра^оона* (В. ед.) 8455-84об., *Радионо^о снь* 8455-531, *Радионо^о* 8461-791об., 814об. (так писец сам написал свою фамилию), *селище ... Ра^ооново* 8455-95, *лоты^м* 8461-151 — *латыша* (Р. ед.) 23349-12 (колебание в написании).

3) Есть и несколько случаев употребления буквы а в соответствии с фонемой <о> перед буквами гласных среднего подъема, но все эти случаи общей картины не нарушают, поскольку могут быть так или иначе объяснены.

а) Написание буквы а в словах «новгородец», «новгородский»: *навгоро^мца* (Р. ед.) 8455-205, *наугоро^оца* (В. ед.) 8455-156, *за на^огоро^мцо^м* 8455-173об., *къ навгоро^окому...* *помѣстью* 8455-336, *наугоро^очки*^м 23349-12 и т. д. Эти написания показательными не являются, по-

¹¹ М. Фасмер возводит слово *калачь* к корню *kolo (колесо) [Фасмер, II: 285].

сколькx известны, как говорилось выше (см. 1.3.1.2.), многим памятникам письменности севернорусского происхождения, которые нормально аканья не отражают.

б) <пустошь> *Тварогово* 8455-570об. Русское *творог* восходит к праславянскому **tvragoŕь* (ср. соответствия в южнославянских и западнославянских языках, имеющие в корне [a]) [Фасмер, IV: 31].

в) в *разор^не* 8455-56об., 23350-71, з *разор^ня* 8455-505об., 50б. М. Фасмер в статье РАЗОР^{ИТЬ} указывает на формы *разорити*, *разорь* 'позор' как на древнерусские (хотя и при исходном **orz-oriti*) [Фасмер, III: 435]. По-видимому, глагол *розорити* рано потерял внутреннюю форму и членимость, отчего стала возможной огласовка *разорити*. Подтверждением этому может служить наличие вторичного *зорить* 'разорять', возникшего путем перерасчленения из *разорить* [см. Фасмер, II: 104, III: 435].

г) *ра^бре^нся* 8455-335об. Скорее всего, в живой речи звучание было таким: раз[бр'ал'и]ся, так как подобное произношение соответствует гдовскому вокализму первого предударного слога после мягких согласных, и тогда огласовка [раз]бредились закономерна.

д) *Семена Дарофьева* (В. ед.) 8455-582об. Это единственный пример, который нарушает вышеописанный принцип, но нельзя не заметить, что данная фамилия и производящее имя могли переосмыслиться по народной этимологии и получить связь с глаголом *даровати* и его производными.

Таким образом, материал исследованных текстов первой половины XVII в. указывает на наличие во втором предударном слоге такого типа реализации гласных неверхнего подъема, который соответствует гдовскому вокализму, проявляющемуся в первом предударном слоге. Остается сказать, что этому принципу не противоречат и случаи отражения аканья во втором предударном слоге, найденные в словаре-разговорнике Т. Фенне: *варабей* – *varabei* [Фенне, I: 69], *галавня* – *galaffnae* [там же: 102], *не асподар* [Фенне, II: 289], *dabuvaies* [там же: 401], *dabuvai* [там же: 281] (т. е. во втором предударном слоге <o> произносится как звук типа [a] перед ударным или предударным [a]).

Что касается современных говоров Псковской группы, то ныне во втором предударном слоге здесь последовательно реализуется принцип аканья [см. ДАРЯ I, карта 9]. Значит, можно заключить, что и эта изоглосса за последние три с половиной — четыре столетия переместилась к северу.

Возможно, во втором предударном слоге существовала еще одна особенность вокализма — спорадическое произношение [y] на месте [o]: *лускута* 8455-53 (ср. *мусквити^н* – *musquitin* [Фенне, I: 51]). Во всяком случае, это явление современным псковским и гдовским говорам известно [см. Жуковская 1962: 12; ДАРЯ I, карта 10].

3.3.1.2.3. Заударные слоги

Поскольку предударный вокализм, отраженный в исследуемых рукописях, соответствует тому типу вокализма предударных слогов, который мы находим в современных гдовских говорах, целесообразно сопоставить с современной гдовской системой заударного вокализма и реконструируемую реализацию гласных неверхнего подъема в заударном положении. Принцип оканья в заударных слогах проступает в гдовских говорах слабее, чем в предударных, хотя и тут имеется некоторая зависимость от соседних гласных. После [a] лабиализованный гласный никогда не сохраняется, тогда как почти все случаи сохранения его падают на положение после гласных среднего подъема (чаще всего [o]) [см. Жуковская 1962: 13–14].

В рукописных источниках первой половины XVII в. заударное аканье отражается довольно свободно:

1) после <a>: в *се^нце Сывара^нкине* 8455-125об., *Сывара^нкино* 8455-19об., 20об., *Сывара^нкино* 8455-24об. (ср. *Сыворо^нкино* 8455-126об.), *Талавской слободы* 8455-84 (ср.: в *Ташло^оской губ^ь* 8455-85, а также погост Тайлово в Псковском уезде [см. Сп. нас. мест...

Пск. губ.: № 2029]), *Иванава* (Р. ед.) 8455-431об., 8461-377, с *Ан^наю* 8455- 422об., *Михаша Ха^ламова не стала* 23350-93, *написана* (ср. р.) 23350- 63, *Михашава помѣстья* (Р. ед.) 8455-128;

2) после <и>, <у>: *Ника^ко* 23350-129, *Никану* *и*в., за *Ника^комъ* 23350-129об., в *Никано-во место* *и*в., за *Тихано^н* 8455-508об., 509об., *Тиханова* (В. ед.) 8455-137об., *Трифанофъ* 8455-718, *была* (ср. р.) 23350-93, 8455-4об., на *пусташа* 8455-120;

3) после <о>: *холопа^н* (Г. ед.) 23350-204, *голоднаю сме^ртью* 23350-63¹².

Таким образом, малое количество случаев отражения заударного аканья после <о> может быть связано с тем, что в XVII в. эта позиция благоприятствовала сохранению звука [о]. Современные же псковские говоры в заударных слогах гласные неверхнего подъема не различают никогда [см. ДАРЯ I, карты 16–18], так что за последние несколько столетий ареал заударного аканья стал шире.

3.3.2. Позиция после мягких согласных

3.3.2.1. Данные рукописей XIV–XV вв.

Характерной чертой древней псковской письменности можно считать мену букв *е* и *и* в предударных и заударных слогах. В частности, в Палее 1494 г. Н. М. Каринский нашел следующие случаи мены букв *е* и *и*: перед ударением — *трими*, *клишпатриа* и др.; после ударения — *агница* (В. мн.); в формах 2 л. мн. числа повелительного наклонения окончание *-ти* вместо *-те*, а в форме инфинитива, наоборот, окончание *-те* вместо *-ти*; во флексии 2 л. ед. числа повелительного наклонения формант *-е* вместо *-и*; в дательном падеже окончание *-ове* вместо *-ови*, а также неразличение флексий настоящего времени глаголов *-ишь* (*-иши*), *-ить* и *-ешь* (*-иши*), *-еть* [Каринский 1909: 17–18]. Отмечается смещение букв *е* и *и* и во многих других памятниках XIV–XV вв., на что нередко указывается в исследованиях рукописного наследия древнего Пскова [см., напр., Соболевский 1884: 148; Каринский 1909: 50, 81, 101, 133; Шахматов 1909: 119; Требин 1910: 312; Кандаурова 1957: 248]. Естественным образом делается вывод о том, что в живой речи произошло приближение произношения безударного [е] к звуку [и] [Соболевский 1884: 148; Каринский 1909: 156; Кандаурова 1957: 249]. Лишь В. В. Виноградов объясняет замену *и* на *е* в безударных слогах по-другому, полагая, что она появляется вследствие наличия в псковских памятниках замены буквы *и* на *ѣ* при том, что одновременно в некоторых псковских школах письма существовали своеобразные орфографические приемы употребления *ѣ* и *е* (т. е. *и* → *ѣ*, *ѣ* → *е*, и, следовательно, *и* → *е*). Специального же звукового совпадения [е] и [и] за этим, по мнению ученого, не стоит [Виноградов 1923: 196–197].

Псковским рукописям известен еще один тип буквенной мены в безударных слогах: *е* (*ѣ*, *ѵ*) и *а* (*ѧ*, *ѧ*). Приведем примеры из той же Палеи 1494 г., откуда извлечены перечисленные выше случаи мены *е* и *и*. Середина слова: *колѧсницу*, *оувѣдаеть*; конец слова: *дрѣво сп̄сние*, *на краи море* (Р. ед.), *на расположеніа вселен^ня* (В. ед. ср. р.) [Каринский 1909: 14]. Встречается подобная мена и в других рукописях. Например: *в пучиня*, *на древя*, *во чревя*, *лютя* Паракл. 1369 г., *на всякомъ мѣстя* Пролог 1383 г., *в дому гс̄ня* Палея 1477 г., *на дорогѧ* Погод. № 1413 и др. [см. Шахматов 1909: 135]. А. А. Шахматов считал мену букв *е* и *ѧ* в псковских памятниках искусственным приемом, возникшим в связи со вторым южнославянским влиянием [там же: 129]. Т. Н. Кандаурова же, указав на то, что написания с *ѧ*

¹² Ср. также: *лесу па^ннова* 8461-377, *лѣсу непаше^нова* 8461-90, 100об. Но здесь окончание, вероятно, обусловлено морфологически, а не фонетически, поскольку в окружающих говорах конечным гласным во флексии Р. ед. м. и ср. р. адъективного склонения может быть [а] или [ѣ] [см. ДАРЯ II, карта 45].

вместо *e*, *ѣ* и *с е* вместо *а* встречаются в памятниках XV и XVI вв., в которых трудно обнаружить следы второго южнославянского влияния, заключила, что такие написания в конечных открытых слогах (а именно в этой позиции они наиболее частотны) отражают фонетическую реальность живого говора. Обратив внимание на то, что большинство примеров такого смешения приходится на положение после *ч*, *ц*, *ж*, *ш*, имевших мягкое шепелявое произношение, исследовательница предположила, что как раз с характером произношения этих шепелявых звуков и связано неразличение [а] и [е] в конечных открытых слогах, и высказала мнение о том, что звук, появившийся в результате совпадения [а] и [е], скорее всего, произносился как [ä] [Кандаурова 1957: 240–242].

3.3.2.2. Данные рукописей первой половины XVII в.

3.3.2.2.1. Первый предударный слог

Материал, который можно извлечь по данному вопросу из исследованных рукописей, чрезвычайно скуден. С одной стороны, находим несколько случаев мены букв *и* – *е* (*ѣ*): *христьяне* 8455-333об. (2 р.), 337об. (2 р.), *Зеноѣва* (В. ед.) 8455-49об., *Па^трѣкѣва* (Р. ед.) 8455-41об., *Па^трѣкѣва* 8455-80 (конечно, следует учесть, что орфография заимствованных имен собственных может быть не слишком показательной). С другой стороны, есть три несомненных случая отражения яканья: *промяни^ѣ* 23350-47, *Яфимова* (В. ед.) 8461-457об., <деревня> *Заляди^ѣ* 8455-300об. (речь идет о д. Залединье, каковых в Псковском уезде было две [см. Сп. нас. мест... Пск. губ.: № 1081 и 1147]) и один сомнительный: <деревня> *Ко^рнева Кяруево...* *тож* 8455-501 (ср., впрочем, д. Керь Псковского уезда [там же: № 1927]).

В современных псковских говорах представлено, в основном, сильное яканье. В современных же гдовских говорах еще сохраняется (так же, как в позиции после твердых согласных) зависимость гласного первого предударного слога после мягких от гласного под ударением (<а> и <е> различаются перед <о>, <е> и совпадают в звуке [’а] перед остальными гласными) [см. ДАРЯ I, карта 3; Жуковская 1962: 14]. Можно заметить, что в наших примерах яканье отражается именно перед <и> (и <у>), но для каких бы то ни было серьезных выводов приведенных данных абсолютно недостаточно. Следует лишь иметь в виду, что принцип неразличения в гдовских говорах развивается в позиции после мягких согласных быстрее, чем после твердых [см. Жуковская 1962: 14–17].

3.3.2.2.2. Заударные слоги

В этой позиции отмечены написания двух типов: в соответствии с **е* и **ѣ* пишется, с одной стороны, *я*, а с другой стороны — *и*.

<i>я</i>	
В закрытом слоге	В открытом слоге
<i>ты пожалуя^ѣ</i> 23350-63 (2 р.)	<i>четыряста ѣ^ти</i> 23350-56, <i>две др^ѣни жилия</i> 8455-506об.
<i>и</i>	
В закрытом слоге	В открытом слоге
<i>Тимофеи^ѣ</i> 84550–20, <i>неки^ѣ</i> (Т. ед.) 8455-454, <i>нѣки^ѣ</i> 8455-458об.	<i>Па^рфениева с(ы)на</i> (Р. ед.) 8455-53, <i>кр^ѣтъяни</i> 8455-257.

З. В. Жуковская, описывая говоры, расположенные к югу от Гдова, указывает, что в заударных закрытых слогах после мягких согласных, как правило, различаются, с одной стороны, [а] (на месте <a>), а с другой стороны, [и] (на месте <o> (из *е, *ь) и <е> (из *ѣ), но спорадически отмечается полное совпадение гласных <a>, <o>, <е> в одном звуке — иногда в [а], иногда в [и]. В открытых же заударных слогах гласные неверхнего подъема совпадают в одном звуке — [а] или [и] — гораздо чаще [Жуковская 1962: 17–18]. Приведенный выше небогатый материал рукописных источников соответствует этой картине.

Что касается современных говоров Псковской группы, то и они знают разную реализацию гласных неверхнего подъема после мягких согласных — [’а], [и], [е] и иногда даже [’о] [см. ДАРЯ I, карты 21–24].

3.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]

Для того чтобы делать какие бы то ни было выводы относительно реализации гласных после шипящих и [ц] в XIV–XV вв., материала недостаточно, хотя, как было сказано выше, в памятниках этого периода большинство случаев смещения *а* с *е* (и *ѣ*) в конечных открытых слогах приходится на положение после букв *ч*, *ц*, *ж*, *щ* (см. выше, 3.3.2.1.).

Применительно к первой половине XVII в. орфографических данных по этому вопросу тоже не слишком много, но они поддаются некоторой систематизации.

Вокализм первого предударного слога представлен следующими написаниями: *жаны* (Р. ед.) 8461-376об., *ро³межова^а* 23350-28, *Жо³нырсково* (Р. ед.) 8455-153, *Жо³ны³сково* (sic) 8455-61об. (ср. *Же³ны³сково* 8455-153). Написание *жаны*, несомненно, отражает произношение [а] из <’о> перед [ы], тогда как остальные орфограммы могут быть рассмотрены либо как гиперкорректно отражающие то же явление перед гласными верхнего и нижнего подъема, что соответствует гдовской системе вокализма, либо как отражающие *яканье*, которое и сейчас спорадически встречается на фоне вокализма гдовского типа [см. Жуковская 1962: 17].

Аналогичная картина наблюдается во втором предударном слоге: *Шехо³ско-го* (Р. ед. 8455-139, 148 и др. — *Шахо³сково* 8455-163, 187 и др. — *Шохо³сково* 8455-61, 145об.; *Жоравихина* (В. ед.) 8455-255об., *Чо³ныша* (В. ед.) 8455-52об.

Для заударной позиции примеров несколько больше. В закрытом слоге так же, как в положении после мягких согласных, отражается реализация *е в [и] (*ничи³* 8455-70 (2 р.), *нѣчи³* 8455-71) и в [а] (*тѣ³ помѣстьѣцямъ* (Т. ед.) 23350-113). В открытом слоге имелась, видимо, и реализация [а]: *помѣстьица* (В. ед.) 23350-148, *За³цава* (В. ед.) 8455-40об., *око³ничаво* (Р. ед.) 8461-377. Есть и случаи, где в конечном открытом слоге пишется *о*: <пустошь> *Городищо* 8455-92об., *селищо* 8455-91об., *усадищо* 8455-8об., 58об., *уса³ищо* 8455-116об., *на... помѣстеицо* 23350-148, *са ни³ жо* 23350-164, *к пису³* 23350-139. Эти орфограммы могут отражать фонетическую реальность — произношение заударного [о] в говоре с *яканьем* [см. об этом явлении в современных псковских *якающих* говорах: Царева 1962: 70], но могут быть и гиперкорректными (возникшими из нежелания отражать *яканье*). Ср. также подобные написания в открытом неконечном слоге: *Бѣше³цова* (Р. ед.) 8455-52, 53, *Заиц³ово* 8455-64об., *Ева³цово* 8455-6, *Я³цова* 8455-131, *живуц³ого* 8455-22.

Полную картину вокализма после шипящих согласных (так же, как и вокализма после парных мягких) восстановить трудно, но многие его элементы совпадают с соответствующими элементами в вокализме современных гдовских говоров [см. Жуковская 1962: 14–18].

3.4. КОНСОНАНТИЗМ

3.4.1. Губные спиранты

3.4.1.1. Фонема <в>

Рукописные источники книжного характера XIV–XV вв. знают взаимную мену букв у (ou) и в в начале фонетического слова, на что неоднократно указывали исследователи [см., напр., Соболевский 1884: 137; Каринский 1909: 28, 53, 69, 83, 104, 135, 176; Требин 1910: 314; Кандаурова 1957: 267]. Что касается немногочисленных дошедших до нас не книжных текстов, то один случай замены у на в находим в грамоте псковского князя Ивана Александровича 1463–1465 гг. (*вдержаль*) и несколько случаев — в Духовной Акилины 1417–1421 гг. (*оу Городечкомь кончи, оу полтора рубля, оу Зраковича^х и два двора оу Глиння (?)*), *оу сести дворь и в мелници*). В Погодинском списке Псковской летописи XVI в. встречен один случай написания у вместо в в середине слова: *наугоро^оци* [Каринский 1909: 79], что, однако, непозволительно (см. выше, 1.4.1.1.). Отражается и пропуск [в], особенно перед следующим сонорным. Ср., в частности, примеры из Палеи 1494 г., приводимые Н. М. Каринским: *черленаа, не схоте, возврати^нсн* и гиперкорректное *воззревнова*, указывающее на то, что [в] между [з] и [р] действительно не произносилось [Каринский 1909: 35].

Так же, как и тексты XIV–XV вв., рукописи первой половины XVII в. знают мену букв у – в в начале фонетического слова:

уве^рх^б 8461-689/689об.,
у проме^н 8461-422об.

в не^е (= у него) 8461-345об.,
в Ысачка 8461-779об.,
на^втро^н (р. Утроя) 8461-725,
го^ое (угодье) 8455-89.

Псковские и гдовские говоры характеризуются регулярной меной начальных <у> — <в> (обычно предлогов-приставок), но также и анлаутных корневых звуков [см. Успенский 1891: 208; Каринский 1916: 36; Соколов 1917: 154; Гринкова 1926: 260; Иеропольский 1930: 587; Чернышев 1931: 162, 164 и далее; Жуковская 1962: 19; Глускина, Большакова 1988: 21; ДАРЯ I, карта 59]. Неразличение начальных <в> и <у> может приводить к тому, что вместо предлога-приставки у появляется *во* (ср. в одной из исследуемых рукописей: *во вьдовы О^е до^не... да у Иева Нацокина* 8461-420об.).

Что касается качества <в> и реализации этой фонемы в слабых позициях, то материал исследованных рукописей свидетельствует о том, что губно-зубное [в] уже было известно псковским говорам в первой половине XVII в., поскольку в середине слова перед глухим согласным и в конце слова находим отражение его позиционного варианта — [ф]: *Ивано^фское помѣстье* 8455-424об., *в Меркурье^фское помѣстье* 8455-421, *Ме^рку^ре^фско^е же помѣстья* 8455-424, *Е^фтихья* (В. ед.) 8455-178, *Григо^рл^фЪ* (sic) 8455-423об., *Кондратье^ф снь* 8455-424, *Не^не^фЪ* 8455-426, *Само^ло^фЪ снь* 8455-420об., *Три^фдано^фЪ* 8455-418¹³.

Северная половина современной Псковской группы говоров относится к зоне реализации <в> в [ф] в позициях оглушения. В южной же части группы еще распространена реализация <в> в [ў], хотя и произношение [ф] на месте <в> перед глухими и в конце слова имеется [см. ДАРЯ I, карты 56–58], так что южная часть Псковской группы (там расположены великолукские говоры, которые рассматриваются в следующей главе) является переходной

¹³ Следует заметить, что графически буква *ѣ* идентифицируется надежно, отличаясь от начерков буквы *в*.

между юго-западными и северо-западными говорами в плане реализации фонемы <в> в слабых позициях.

Произношение [ў] перед согласными в середине слова существенного отражения в исследованных рукописях не находит. Встречено лишь два написания с пропуском *в* (...*провище Вешня* ко Куши" 8455-207об., *Остроского уѣзду* 8461-481), которые могут быть показательными, а могут быть и случайными. Есть, правда, и такие написания: 1) *Еуфи*"я (В. ед.) 8455-410об., 413аб., *Еу*"ла (В. ед.) 8461-236, *Еуна*"ева (В. ед.) 8461-692об., *Еустрада*"ева сна (Р. ед.) 8461-694 и нек. др.; 2) *наугоро*"ца (В. ед.) 8455-156, *наугоро*"цки" 23349-12, *ноугоро*"цки" 23349-12 и нек. др., но, как говорилось выше (см. 1.4.1.1.), они неинформативны.

Итак, несомненно лишь то, что мена <у> – <в> в начале слова, существовавшая уже в XIV–XV вв., осталась неизменной вплоть до наших дней, а позиционное [ф], в том числе в конце слова, имелось в псковских говорах, по крайней мере, с начала XVII в.

3.4.1.2. Протетическое и эпентетическое [в]; предлог *ув*

В рукописях XIV–XV вв. изредка появляется протетическое и эпентетическое [в]: *вужьники* Апостол 1307 г. [Соболевский 1884: 121], *Ларивонович*, *Левонтеи* Сб. Синод. библ. № 154 [Каринский 1909: 73], *Ларивонович* Погод. сп. Пск. летоп. [там же: 86], *Ларивонович* Гр. пск. кн. Ив. Алекс. 1463–1465 гг. а также сочетания *оув*, *оуво* вместо *у* или *в*, например, в Палее 1494 г.: *оуво ѿца*, *оув осла*, *оув ысточнике*, *уво всю землю*, *оувсакъ*, *соѿвѣзо*" (Т. ед.) [см. Каринский 1909: 28]. Есть подобные написания и в других памятниках [там же: 53, 70, 83, 104, 135]. Все это позволяет заключить, что в древнепсковском диалекте, видимо, существовал предлог *ув*.

Протетическое [в], которое ныне распространено практически на всей территории современной Псковской группы говоров (кроме северной ее оконечности) [см. ДАРЯ I, карта 60], отражено и в рукописях первой половины XVII в.: <пустошь> *Вострая губа* 8455-444, *вотчиму* (Д. ед.) 8455-63об., *воддѣльные книги* 8461-694, *в воддѣльщиков...* *мѣсто* 8461-113-115, *в Востровской уѣздъ* 8461-481, *в Востровском уезде* 8455-33об.

Можно было бы усмотреть [в] протетическое и в следующих орфограммах: *увотделных книг* 23350-71, *увотдѣльных книг* 8455-204, *увозера* 8455-45об., 121об., 130, 447, 447об., но вероятнее, что здесь, так же, как и в более древних текстах, мы имеем дело с предлогом *ув*. Сейчас он в говорах, располагающихся в окрестностях Пскова, не фиксируется [см. ДАРЯ I, карта 59], но реконструкция его для первой половины XVII века обоснованна, поскольку в этот же период он несомненно имелся в окружающих говорах западной диалектной зоны — в собственно новгородских и ладого-тихвинских, с одной стороны (см. 1.4.1.2.; 2.4.1.3.), и великолукских и смоленских — с другой (см. ниже, 4.4.1.2.; 6.4.1.3.).

Остается заметить, что псковским рукописям первой половины XVII в. свойственно и отражение эпентетического [в]: *Дивонисо*" *снѣ* 8455-88, *Левоно*" 8455-164об., 8461-35об., <деревня> *Левонново* 8455-166об., *Ларивошко* 8455-27, *Родивоно*" 8461-347об., <селище> *Раривонново* 8455-95. Ср. у Т. Фенне: *Родиво*" — *Rodiwan*, *Лариво*" — *Larivon* [Фенне, I: 48].

3.4.1.3. Фонема <ф> и ее замены

Н. М. Каринский отмечает, что замена *ф* через *х*, *хв* (и обратная замена *х*, *хв* на *ф*) в псковских памятниках встречается редко, причем в рукописях XIV в. ее нет вообще [Каринский 1909: 179–180]. Впрочем, позже один случай замены *ф* на *х* был обнаружен тем же Н. М. Каринским в Паремийнике 1271 г.: *ѿ хараона* [см. Каринский 1928: 236]. Из текстов XV в. можно извлечь следующие немногочисленные факты: *фронографъ* Палея 1477 г. (ср.

там же *охвочь* вместо *охочь*) [Каринский 1909: 58], *фалимы*, *фалаху* Лествица Иоанна Синайского [Требин 1910: 314].

При наличии правильных написаний с буквами *ф* и *ѳ* в текстах первой половины XVII в. так же, как и в рукописях XIV–XV вв., встречаются редкие случаи мены букв *ф* – *х*: *Малахеика* (В. ед.) 8455-429об., с *ХошкомЪ* 8455-45, *Ефтифеева сна* (В. ед.) 8455-210. Современные псковские говоры наряду с этимологически верным употреблением звуков [ф], [ф'] знают и замену [ф], [ф'] на [х], [хв], [х'], [х''] [см. ДАРЯ I, карта 54], так что это явление, может быть, не слишком широко распространенное, неизменно существует в псковских говорах издавна. В рукописях отмечена и более редкая для современных говоров замена [ф] на [п]: *Сопроново* 8455-145, 166об. (ср. *Сопроново* 8455-13).

3.4.2. Заднеязычные согласные

3.4.2.1. Вопрос о качестве звонкой заднеязычной фонемы

Написания, заслуживающие рассмотрения, встречены в Прологе 1383 г.: *в семь ходу* (= году), *разнѣватисѧ*, *разневаюсѧ*, *разнѣвавсѧ*. Т. Н. Кандаурова не склонна считать их отражением [γ] фрикативного, указывая на то, что подобные орфограммы отмечены в Переяславском евангелии 1354 г. Однако, скорее всего, и в том и другом памятнике написания такого рода отражают не живое, а книжное произношение, которому было присуще наличие [γ] фрикативного. С другой стороны, в почерке второго писца Пролога найдена форма *кникъ* (Р. мн.), позволившая Т. Н. Кандауровой заключить, что задненебный звонкий оглушался в [к] [см. Кандаурова 1957: 271]. Но и это написание не слишком, по нашему мнению, показательно, поскольку в почерке второго писца Пролога никаких специфических псковских особенностей не отражается, так что неизвестно, был ли этот писец псковичом. Таким образом, достоверных данных о качестве звонкой задненебной фонемы в псковском диалекте древнейшие письменные памятники не дают.

В текстах первой половины XVII в. имеется лишь одно показательное написание (*лук на Великои реки* 8461-378об.), свидетельствующее об оглушении задненебной звонкой фонемы в [к] и, следовательно, скорее всего, о взрывном ее качестве. В разговорнике же Фенне четыре раза встречено слово *тпново* (= много) [Фенне, II: 411, 414, 428, 429], указывающее на то, что в интервокальной позиции [г] ослаблялось, превращалось в [γ], выпадало и зияние преодолевалось вставкой [в]. На то, что на фоне произношения [г] взрывного спорадически в отдельных словах у отдельных лиц слышится [γ] (*Еюрья*, *яяди*, *ничаяо*), указал в описании говора д. Мды Н. М. Каринский [Каринский 1916: 36], а в ДАРЯ зафиксированы почти повсеместно на территории псковских говоров случаи произношения [γ] при господствующем [г] [ДАРЯ I, карта 44].

3.4.2.2. Вопрос о переходном смягчении [к']

В восточнославянских памятниках письменности замена *к* на *т* отражается с XVI в. и только в именах собственных [см. Образование... 1970: 68]. Вот и в наших рукописях первой половины XVII века в имени *Лукьян* и производных от него регулярно пишется *т*: *Лу^тяшка* (В. ед.) 8461-660, 820, *Лу^тя^тка* (В. ед. 8455-31об., *Лу^тяновъ* 8455-435об., *Лу^тяно^т* 8455-392, *Лу^тяновы^т* 8455-388, <пустошь> *Лу^тяново* 8455-333 (но ср.: <деревня> *Лукьянова* 8461-714). Вполне возможно, что соответствующее произношение появилось вследствие переходного смягчения задненебных согласных. О том, что псковским говорам действительно могло быть свойственно в древности это явление, которое сейчас для них за редкими исключениями не ха-

рактер
ванны
лектол
8455-3
распрс
от кот
ное ра
бы по
отход

Т
1383
мягко
сочет
рова
Что ж
сколь
букв
лее 1
стнос
XVI
ру к
к гра
могу
ринс
жя,
в пск
мато
верд
риан
ском
тель

тани
ны.
кину
8455
524,
820с
8455
ред

14 В.
изе
ств
15 В
ко

рактрно [см. ДАРЯ I, карты 68, 69]¹⁴, свидетельствуют случаи гиперкоррекции, зафиксированные как в современных псковских говорах (например, *пач'к'и-што* [см. Хрест. по рус. диалектол.: 64], так и в одном из исследуемых текстов первой половины XVII в.: *О'кипка* (В. ед.) 8455-335об. Замечено, что «лексикализованные и морфологизованные гиперизмы могут быть распространены в современных говорах на более широкой территории, чем то явление, отход от которого вызвал их произношение» [Касаткин 1987: 50], так что «подобное территориальное распространение гиперизмов может быть достаточно веским основанием для того, чтобы по нему восстанавливать прежнюю территорию распространения диалектного явления, отход от которого и вызвал появление гиперизмов» [там же: 51].

3.4.3. Качество <ш> и <ж>

Т. Н. Кандаурова, досконально исследовавшая орфографию псковского Пролога 1383 г., констатировала, что в этой рукописи содержится много фактов, указывающих на мягкость [ш] и [ж] — при отсутствии сочетаний соответствующих букв с *ы, ъ* наличествует сочетание *жс*, а также написания *в зѣтву, лѣзѣ, просѣти* (с заменой *жс, шс* на *з, с*) [Кандаурова 1957: 258]. Таким образом, в конце XIV в. шипящие, скорее всего, были еще мягкими. Что же касается периода XV — начала XVI вв., то рукописные источники вырисовывают несколько иную картину. В псковских памятниках XV в. Н. М. Каринский находит сочетания букв шипящих как с *оу, ы, ъ*, так и с *ю, ѣ*, например: *рожьисѣ, хожѣахоу, ворожѣицу* в Палее 1494 г. [Каринский 1909: 29]. Сходная ситуация наблюдается в других рукописях, в частности, в Палее 1477 г., Сборнике Синодальной библиотеки № 154 конца XV или начала XVI в. [см. там же: 54, 70]. А. А. Шахматов в своем знаменитом труде, посвященном разбору книги Н. М. Каринского, заметил, что последний недостаточно критически относится к графике исследуемых им рукописей, допуская, что в одном и том же диалекте шипящие могут быть одновременно и твердыми, и мягкими. По мнению А. А. Шахматова, Н. М. Каринскому следовало обратить внимание на высокую частотность употребления сочетаний *жя, шя* в псковских памятниках ввиду особенностей произношения звуков [ж] и [ш] в псковских говорах (подразумевается совпадение шипящего и свистящего рядов) [см. Шахматов 1909: 110]. Однако, несомненно, в развитии каждого из диалектов, переживших отверждение шипящих, должен был быть период сосуществования двух произносительных вариантов, в течение которого старое произношение вытесняется новым. Возможно, в псковском диалекте этот период как раз и падал на конец XV — XVI в. Об этом косвенно свидетельствуют и данные иного типа — см. ниже — 3.4.5.

Судя по показаниям текстов первой половины XVII в., где встречены буквенные сочетания *шы, жы*, твердые шипящие в это время псковскому диалекту были вполне свойственны. Ср.: *допрашывѣ*^д 8455-144, *Девѣшынѣ* (И. мн.) 8461-347об., *латышы* 8461-708об., *Шы*^ш *кину* 8455-427об., *Шы*^ш *кина* (Р. ед.) 8455-340об., *жы*^н 8455-250, *жыве*^м 8455-456, *жыву*^м 8455-529об., *жылы*^х 8455-516, *Троицы жывоначалныѣ* 8455-368, *прожыто*^н *ное* 8455-505об., 524, *прожыто*^н *ново* 8455-522, *Дружыне* (Д. ед.) 8455-506об., *приложы*^н 8461-117/117об., 820об., 821, *о*^м *хожыѣ* (Р. ед. ж. р.) 8455-496, 498, 498об. (2 р.), 499¹⁵, *Ива*^н *Пажы*^н *скои* 8455-51, *Пажы*^н *скои* 8455-51. В настоящее время псковским говорам также присущи (за редкими исключениями) твердые шипящие [см. ДАРЯ I, карта 63].

¹⁴ В. И. Чернышев, услышав в одном из псковских говоров произношение *Стрѣшѣти* (название деревни, где производилась запись, — Стришки), *бѣрьсѣти*, решил даже, что это редкое для псковских говоров явление заимствовано из какого-то другого диалекта [Чернышев 1931: 167].

¹⁵ В последней форме употреблена лигатура *же*, которая, наверняка, равна сочетанию *ы + е* (ср. в том же почерке: *каторѣ* (И. мн. м. р.) 8455-505, *худѣ* (Р. ед. ж. р.) 8455-509, *прчѣте* (Р. ед. ж. р.) 8455-519об.).

3.4.4. Долгие шипящие согласные

Данных о произношении долгих шипящих согласных в исследованиях древнепсковского рукописного наследия не так уж и много. Т. Н. Кандаурова, например, на основании того факта, что в Прологе 1383 г. представлены сочетания *жъжъ* и *щ* (*шт*) предположила, что в говоре писца существовало произношение [ж̄³] и [ш̄^сч̄^л] [Кандаурова 1957: 259]. Н. М. Каринский отметил написания *приежъжае^m* и *дожь* в Погодинском списке Псковской летописи [Каринский 1909: 85] и орфограммы *ижъжену* и *дрождѣми* в Сборнике Софийской библиотеки № 1262 [там же: 179, 136]. При этом во многих памятниках письменности псковского происхождения отмечается неоднократно обсуждавшееся в научной литературе сочетание *жс* в основном в формах слов *дождь* и *пригвоздиту* — *пригвозждати*, а также в некоторых других, например, *не доезѣми*, *наезѣми* (Погодинский список Псковской летописи) [см. Соболевский 1884: 120, 123, 126, 137, 153; Соболевский 1888: 230; Каринский 1909: 71, 85, 106, 126, 136, 178-179; Каринский 1916: 48]. Перечисление некоторых точек зрения по поводу интерпретации этого орфографического сочетания см. [Кандаурова 1957: 263, сноска 263]. А. А. Зализняк, опираясь, в частности, на факт отсутствия второй палатализации заднеязычных в севернокривичском диалекте и на убедительную гипотезу С. Л. Николаева о том, что в этом же диалекте праславянские **dj* и **tj* развились соответственно в [g'] и [k'] [см. Николаев 1988: 128-137], показал, что за буквенным сочетанием *жс* стояло древнепсковское [ž'g'] (которое имело глухую параллель [š'k'] [см. Зализняк 1986: 116, Зализняк 1995: 39-40]). Кстати, сочетание [жг] отмечал в современных ему пермских говорах А. И. Соболевский: *вожжался* (= *вожжался*) [Соболевский 1884: 153].

В современных псковских говорах практически повсеместно распространено произношение [ш̄], «островками» представлены варианты [ш̄'], [ш'ч'], [шч] [см. ДАРЯ I, карта 48]. Рукописные источники первой половины XVII в. указывают на то, что долгий глухой шипящий был уже твердым, поскольку после *щ* иногда пишется *ы*: <пустошь> *Чепеницыно* 8455-565, *с товарищы* 8455-76, 113об., 135. Буквой *щ* изредка обозначается долгий твердый [ш̄], возникающий на стыке морфем (в форме *шел*): *шо¹* 8455-164, 343. Это значит, что и в других случаях буква *щ* ассоциировалась с долгим твердым [ш̄]. Об артикуляционной близости нормально краткого [ш] и долгого глухого шипящего свидетельствуют многочисленные случаи мены букв *ш* и *щ*. Приведем некоторые из них.

щ вместо ш

ще^сть 8455-353, *в ще^ссо^m* 8455-114об., *по¹ щесты че^m* и 23350-86, *с щурино^m* 8455-470, *с щу^рями* 8455-2, *допроща^о* 8461- 820об., *вы- пращивая* 8461- 482, *што* 23350-86, *бо^сщи^m* 8461- 482, *за при^рмыща* 8455- 506, *пащни* (Р. ед.) 8461- 483, 484, *непаще^ная* 8461-260 и др. (в этом слове часто), *в пустощи* 8461-482, *Го^рщковъ* 8461-629об., *Ка^рпущка* 8461-630об., *Се^ргущка* 8461-635об., *Ива^mко* 8461-635 и т. д. (во многих других именах).

ш вместо щ

Шукино 8455-171об., *с товариши* 8455-255, 273об., *с товариши* 23350- 204, *о^mдъшли^к* 8455-401, *о^mде^ншы^к* 8461-367, *дозо^ршики* 8455-160, *за... ямишки* 8455-414, *помъшикъ* 8461-794, *Зане^шина* 8455-159, *Ониси- мо^шина* 8455-159об., *Бърдо^шина* 8455-159об., *Ми- не^шина* 8455-159, в *Пече^шине* 8455-196, 8461-45, *По- ^но^шина* 8461-723об., *Елемшина* 23350-149, *и^с сели^m* и *заимши^ь* 8461-660об., *Михаили^m* 8461-779, *с погос- ти^m* 8455-136об., *живушаи* 23350- 139, *немо^mно* 8455-433, *припушено* 8455-77, 115об. и т. д.

Заметим, что во всех этих случаях буквы *ш* и *щ* графически идентифицируются очень отчетливо (те же довольно многочисленные случаи, где их начерки, как это свойственно скорописи, совпадают, в расчет, естественно, не принимаются).

И, наконец, долгота интересующего нас звука отражается, вероятно, в написаниях с обеими буквами вместе: *поме^mщи^к* 23350-130, *к Мости^mщамъ* 8455-412, *Тати^mщеву* (Д. ед.) 8455-85об.

Таким образом, можно считать доказанным, что в говоре писцов исследуемых рукописей глухой долгий шипящий звучал как [ш̄].

О качестве долгого звонкого шипящего в псковском диалекте первой половины XVII в. можно судить по написаниям с сочетанием *жжс*, которые свидетельствуют о том, что этот звук был однородным долгим: *со^жжена* 8455-14, *выжженъ* 8455-198, 231об., *поро^жжи^х* (Р. мн.) 8455-201об., 202, 203, *поро^жжа* 8455-62, в *поро^жжеи* (М. ед. ж. р.) 23350-188, *приежжа^д* 8455-187, <пустошь> *Пре^жже* (sic) 8461- 379, <селцо> *О^те^жжое* 8455-379 и т. д.

Твердое качество долгого звонкого шипящего может быть реконструировано на основании данных современной лингвогеографии: долгий глухой шипящий обычно не опережает в своем развитии долгий звонкий [см. Аванесов 1948: 26].

Есть одно написание, где выносное *жс* идентифицируется без стопроцентной надежности: <деревня> *При^ждее* 8455-130об.

Буквенное сочетание *жж*, свойственное псковским рукописям XIV–XV вв., в текстах XVII в. не встречено.

Современные псковские говоры знают преимущественное произношение [ж̄] с редкими вкраплениями других вариантов произношения: [ж’], [ж’д’ж’], [жд] [см. ДАРЯ I, карта 52].

3.4.5. Аффрикаты

Орфографические данные Пролога 1383 г. свидетельствуют о мягкости [ц’] в конце XIV в. [см. Кандаурова 1957: 261]. В рукописях конца XV в. обнаруживаются как сочетания *ця*, *цю*, так и *цы* (напр., *колясницю*, *еретицы*, *дѣвицы* Палея 1494 г. [Каринский 1909: 14, 29]), и это наталкивает на мысль о том, что свистящая аффриката в этот период отвердевала. Что касается шипящей аффрикаты, то о ее мягкости в XIV–XV вв. свидетельствуют различные источники [см., например, Шахматов 1919: 347; Кандаурова 1957: 261]. Впрочем, в Палее 1494 г. встречено написание *селевичанинь* [Каринский 1909: 29].

В письменности древнего Пскова чрезвычайно широкое отражение находит мена букв *ц* и *ч*. Во всех церковнославянских текстах, которые исследовались А. И. Соболевским, Н. М. Каринским, А. А. Шахматовым, Т. Н. Кандауровой, это явление непременно представлено, причем есть такие рукописи, где случаи мены *ц* и *ч* исчисляются сотнями. Например, Н. М. Каринский в Сборнике Синодальной библиотеки № $\frac{68}{270}$ XV в. насчитал 200 случаев мены *ц* и *ч*, в Палее 1494 г. — 400, а в Сборнике Софийской библиотеки № 1262 — 600 подобных случаев [см. Каринский 1909: 104, 29, 135]. В не книжных текстах мена *ч* и *ц* также имеет место. Ср.: *что* (2 р.) Пск. берест. гр. № 7 (посл. треть XIII в.), *польтретьадьчати* (sic) *бочекъ*, *польтретьадьчать*, *Во вси^х сочки^х* Грамота Пскова Колывани 1418–1419 гг., *щца* (= отчина) (2 р.), *щцу* (В. ед.) (3 р.), *щце* (Д. ед.) (2 р.), *свечи* Духовная Акилины 1417–1421 г., *боцекъ*, *цего*, *над нашими купчинами* Грамота пск. кн. Ив. Алекс. 1463–1464 гг.

А. А. Шахматов предполагал, что общий звук, в котором совпали две аффрикаты, был шепелявым [ц]. Этот вывод базируется на замеченном им употреблении в грамоте псковского князя Ивана Александровича после *ч* буквы *ѡ* (например, *печатъ^ю*, *Щвечѡли* и др.), а не *а*, которое обычно в древнерусских памятниках, даже в тех, в языке которых [ч] осталось мягким [см. Шахматов 1912: 347]. Общий звук, стоящий за буквами *ц* и *ч*, был мягким шепелявым и по мнению Т. Н. Кандауровой, но каким именно, определить она не берется [Кандаурова 1957: 261].

В деловых текстах первой половины XVII в. имеются неоспоримые свидетельства твердости <ц>. Здесь часто употребляется сочетание *цы*, причем существенно, что во многих случаях мы находим его в именах собственных — антропонимах и топонимах, не имевших традиционного орфографического облика. Ср. фамилии *ЦыбинЪ* 8455-12об., *Стицы"* 8455-163об., *Скобе"цы"* 8455-74, названия пустошей и деревень *Цыбино* 8455-506, *Цыцыно* 8461-588об., *Вопцыно* 8455-95, *Тепеницыно* 8455-48, *Яло"цыно* 8455-125, *Ба"лицыно* 8455-82, *О"цыно* 8455-108, *Захо"цы* 8455-37об., *Я"вицы* 8455-24об., *Ржевицы* 8461-661об., *Опочицы* 8461-34, 35 и т. д. Есть также случаи написания *цы* в падежных окончаниях существительных: *жи"цы* 8461-33об., *старожи"цы* 23350-71, *своими поместьицы* 23350-47, *с не"цы* 23350-101, *ярицы* (Р. ед.) 8455-62, *пышеницы* (Р. ед.) 8455-62, *в сельцы* (М. ед.) 8455-340об. и т. д.

В современных псковских говорах [ц] — твердый звук [см. ДАРЯ I, карта 46]. Это его качество отмечалось и в описаниях псковских говоров первой трети XX в. [см., напр., Соколов 1917: 154, Чернышев 1931: 173].

Что же касается звука [ч], то, по свидетельству диалектологов, он также произносится в псковских говорах по преимуществу твердо [см., напр., Чернышев 1931: 173, 176; Жуковская 1962: 18]. Судя по данным ДАРЯ, твердое произношение [ч] может сосуществовать в диалекте интересующей нас территории с [ч'] мягким и с реализацией *щ как [ц] (реже [ц']) [см. ДАРЯ I, карты 45, 47]. Материал исследованных скорописных источников первой половины XVII в. таков: здесь регулярно употребляются сочетания *чя* и *чю*. Если даже не учитывать написание этих сочетаний в Р-В. и Д. п. отчеств, которое могло быть закреплено узусом (например, *Ивана Васи"евича* 8455-342, к *Ивану Яковлевичю* 23350-71), останутся более показательные случаи, в том числе в именах собственных: *Лачюги"* 8455-23, 290об., у *Чю"цкого озера* 8461-725, <пустошь> *Чюраково* 8455-130об., *Нику"ку Чюхна* (В. ед.) 8455-265об., *Удачу* (прозвище) 8455-18об., *в дачю* 8455-30, *в додачу* 23350-62, *в придачу* 8455-164, *н(ы)неча* 8455-343.

Таким образом, можно заключить, что там, где в псковских говорах звучало [ч], оно было мягким.

Смещение букв *ц* и *ч*, столь характерное для древних псковских памятников, в исследуемых текстах не представлено. Есть этимологически неясные случаи, некоторые из которых, быть может, отражают цоканье. Это приведенные выше топонимы *Дрѣцыно* 8455-47, *Цыцыно* 8461-588об., *Вопцыно* 8455-95 и название одной из пустошей — *Цебецка в бору* 8455-171об.¹⁶. Однако свидетельства наличия цоканья в псковском диалекте начала XVII в. имеются в словаре-разговорнике Т. Фенне. По наблюдениям С. М. Глускиной и Н. В. Большаковой, сделавших сплошную выборку примеров из 120 листов «разговорной» части этого памятника, преобладающим знаком для <ц> и <ч> является *tz*, причем <ц> передается этим буквосочетанием в 97 % случаев, а <ч> — в 88 %. Остальные обозначения аффрикат совпадают частично, тогда как несовпадающие знаки составляют ничтожный процент. Значит, записи Фенне отражают диалект, который аффрикаты не различал [см. Глускина, Большакова 1988: 18–20]¹⁷.

Западная часть псковских говоров и сейчас характеризуется цоканьем, по преимуществу твердым [см. ДАРЯ I, карта 47], хотя на фоне цоканья можно услышать [ч] и иногда даже [ч'] в соответствии с <ч> литературного языка [см. там же, карта 45].

¹⁶ В Псковской губернии имелись в XIX веке следующие населенные пункты: Дреча, Цициборка, Цыциха, Цецы [см. Сп. нас. мест... Пск. губ.: № 5785, 8044, 13326, 7468, 8327].

¹⁷ То, что в исследованных скорописных памятниках делового письма XVII в. цоканье не отразилось (или почти не отразилось), не удивительно по упоминавшейся уже причине: в рукописях делового содержания XVI–XVII вв., созданных на территориях, говоры которых являются ныне цоканьющими, смещение букв *ц* и *ч* практически отсутствует (см. выше, 1.4.5.).

Как было сказано выше, для псковского диалекта XIV–XV вв. реконструируется совпадение <ц> и <ч> в мягком звуке. Видимо, к первой половине XVII в. свистящая аффриката в псковском диалекте отвердела, что повлекло за собой превращение цоканья в твердое. Шипящая же аффриката, которая могла спорадически сохраняться на фоне цоканья, оставалась в тот период мягкой и отвердела позже, может быть, в процессе сознательного отхода от цоканья, когда под влиянием нецокающего произношения аффриката в определенном круге лексики стала произноситься как шипящая, но сохранила твердость.

В исследуемых рукописях отразилось еще одно явление, связанное с судьбой аффрикат. Речь идет об утрате затвора звуком [ц] и о появлении на его месте твердого [с] (что, кстати, еще раз свидетельствует о твердости [ц]): *володимерского* *ув³ду* 8461-606 (ср.: с *Володимерца* 8461-692об., в *Володимере^нко^н* *ув³дъ* 8461-606), *к пису* 23350-28 (2 р.), *пи^у* 23349-66, 23350-130, *к пису^ж* 23350-139, *с писовы росписи* 23350-205¹⁸. Имеется и гиперкорректное написание: *остала^н* в *ли^нке* 23350-130. Утрата затвора аффрикатой [ц] фиксируется сейчас лишь в трех разрозненных населенных пунктах Псковской группы говоров и в четырех компактно расположенных населенных пунктах на севере Гдовской группы [см. ДАРЯ I, карта 47]. О степени же распространенности этого явления в первой половине XVII в. судить трудно, но важно отметить, что, редкое в современных псковских и гдовских говорах, оно восходит к давнему времени.

3.4.6. Вопрос о шепелявых свистящих

Мена в парах букв *ж*–*з*, *ш*–*с* находит довольно широкое отражение в книжных памятниках древнепсковской письменности [см., напр., Соболевский 1884: 120, 123, 125, 128, 135, 139; Соболевский 1888: 229; Каринский 1909: 29, 55, 71, 84, 105, 117, 124, 135 и др.]. При этом есть такие рукописи, где смешение указанных букв встречается достаточно редко, а есть тексты, где оно более чем частотно. Так, в Сборнике Софийской библиотеки № 1262 Н. М. Каринский обнаружил 200 случаев замены *с* на *ш* [Каринский 1909: 135], а в Шестодневе 1374 г. им было найдено 163 случая мены *ж*–*з* и *ш*–*с* при том, что рукопись насчитывает всего 117 листов небольшого формата, написанных довольно крупным почерком [Каринский 1916: 41]. Т. Н. Кандаурова заметила, что смешение букв *ж*–*з* и *ш*–*с* широко представлено в псковских памятниках XIV и первой половины XV в., тогда как в памятниках конца XV – начала XVI в. это уже сравнительно редкое явление, так что на основании показаний древнепсковских памятников XIV–XV вв. можно проследить процесс постепенного изживания псковскими говорами такой фонетической черты, как шепелявое произношение мягких [з'] и [с'] [Кандаурова 1957: 259].

Дошедшие до нас тексты некнижного характера ввиду малочисленности данных не позволяют судить о степени распространенности «шепелявенья» в диалекте древнего Пскова. Смешение букв *ж*–*з*, *ш*–*с* нашло отражение лишь в духовной Акилины 1417–1421 гг., где такой случай только один: *оу шести* (= шести), и в грамоте псковского князя Ивана Александровича 1463–1465 гг., где случаев мены *ж*–*з* и *ш*–*с* чуть больше: *залуются, жбегле, шстало^{шб}*. А. А. Шахматов, опубликовавший впервые грамоту псковского князя Ивана Александровича и снабдивший ее лингвистическим комментарием, предположил, что свистящие совпали с шипящими в звуках [с] и [з] шепелявых, в связи с чем, возможно, стоит систематическое употребление *ш* после *ж* [см. Шахматов 1912: 347].

¹⁸ Впрочем, в написаниях *к пису*, *пи^у*, *с писовы росписи* можно видеть и прогрессивную ассимиляцию (*сц* → *сс* → *с*); а по наблюдениям С. И. Коткова, «такая, ассимилятивная замена *ц* согласным *с* бывает и не в сокающих говорах» [см. Котков 1952: 51].

Шепелявое произношение мягких свистящих неоднократно отмечалось в псковских говорах исследователями первой трети XX в. [Каринский 1916: 36; Соколов 1917: 157; Иеропольский 1930: 588; Чернышев 1931: 165, 166, 167, 168, 169, 170]. А. П. Евгеньева, изучавшая псковский диалект вскоре после окончания Великой Отечественной войны, заключила, что яркие диалектные особенности здесь быстро исчезают, в частности, это касается шепелявости свистящих [Евгеньева 1946: 240].

В конце XIX – первой трети XX в. в диалектологических записях фиксировалось употребление твердого [з] вместо [ж] и твердого [с] вместо [ш] [Евсеев 1891: 204; Каринский 1916: 36; Чернышев 1931: 163, 171]. А. П. Евгеньева же отметила, что это явление в псковских говорах также почти исчезло [Евгеньева 1946: 240].

Широко представленное в псковских письменных памятниках XIV – первой половины XV в. смешение в парах букв *ж* – *з*, *ш* – *с* несомненно отражает шепелявое произношение свистящих, но очевидно, что эта буквенная мена могла возникать только тогда, когда шипящие были мягкими (а они и были, судя по всему, в XIV – первой половине XV в. мягкими — см. 3.4.3.), так что их звучание сближалось со звучанием шепелявых свистящих. Гиперкорректным путем, должно быть, возникало произношение [з'], [с'] вместо [ж'], [ш'], а при отвердении шипящих последние стали в отдельных словах заменяться уже не мягкими [з'], [с'], а твердыми [з], [с].

В рукописях первой половины XVII в. шепелявые свистящие отражения не находят. Видимо, это связано с тем, что шипящие в этот период были уже твердыми и буквы *ш*, *ж*, ассоциируясь с твердыми звуками, не могли использоваться для передачи сильно смягченных свистящих, пусть даже имеющих шипящий призвук. Поэтому именно отверждением шипящих, а не постепенным изживанием шепелявого произношения мягких [з'] и [с'] следует, на наш взгляд, объяснять отмеченный Т. Н. Кандауровой факт, что в псковских памятниках конца XV – начала XVI в. смешение букв *ж* – *з*, *ш* – *с* становится относительно редким явлением по сравнению с распространением этой особенности в памятниках XIV и первой половины XV в. Таким образом, косвенные данные позволяют заключить, что отверждение шипящих в псковских говорах относилось к концу XV–XVI вв.

Что же касается замены шипящих твердыми свистящими, то один такой случай в наших рукописях отразился: <деревня> *Замо^{ше}е крестьяне называютъ Зуковымъ* 8455-433 (ср.: в *Жуко^ошинъ* 8455-219об., 220).

Итак, учитывая все вышесказанное, следует признать, что о степени распространения шепелявых свистящих и замены шипящих свистящими в разные периоды существования псковского диалекта судить на основании письменных источников трудно.

3.4.7. Рефлексы *tl, *dl

Сочетания кл, гл в качестве рефлексов праславянских *tl, *dl (в формах причастий на -л типа *чькли*, *привегли*) нередко встречаются в памятниках древнепсковской письменности [см., напр., Каринский 1909: 35, 58, 72, 85, 137]. А. И. Соболевский на основании того, что эта диалектная особенность является общей для русских псковских говоров, словинских и кашубских говоров польского языка и всех литовских диалектов, заключил, что в глубокой древности, до выпадения *d* и *t* перед *l* в части славянских языков, предки указанных говоров соседствовали друг с другом (причем говоры славянские должны были быть переходными по отношению друг к другу) и в них развилась общая черта, оставшаяся чуждой другим диалектам славянской и балтийской ветви [см. Соболевский 1909: 233].

Рассматриваемые рефлексы *tl, *dl фиксируются и в псковских говорах XX в. [см. Каринский 1916: 37; Чернышев 1931: 175], но в исследуемых рукописях не отразились (возможно, из-за лексической ограниченности материала). Однако, как было показано выше, со-

четания [кл], [гл] нашли отражение в словаре-разговорнике Т. Фенне (см. примеры в разделе 3.2.1.). Таким образом, эта особенность характеризовала псковский диалект на всем обозримом протяжении его развития.

3.4.8. Вопрос о конечных губных согласных

В псковском Прологе 1383 г. никаких особенностей, которые бы указывали на второе южнославянское влияние, нет [см. Кандаурова 1957: 192], и поэтому фонетическую значимость имеет тот факт, что после конечных *б, п, в* буквы *ъ* и *ь* употребляются согласно этимологии, что должно свидетельствовать об отсутствии отвердения конечных [б], [п], [в] в говоре первого писца Пролога. Конечное же [м] в окончаниях творительного и местного падежей и во флексии 1 лица единственного числа нетематических глаголов, судя по написаниям с *ъ*, несомненно, отвердело так же, как и во всех остальных диалектах русского языка [см. там же: 269].

Рукописные источники XVII в. не дают материала по вопросу об отвердении конечных губных в связи с регулярной нейтрализацией графем *ъ* и *ь*, в современных же псковских говорах это явление представлено повсеместно [см. ДАРЯ I, карты 70, 71]. Приходится констатировать, что определить время отвердения конечных губных мы не можем.

3.4.9. Непозиционная твердость-мягкость согласных

В древних псковских рукописях, по наблюдениям А. И. Соболевского и Н. М. Каринского, распространена мена букв *и* – *ы* [см. Соболевский 1884: 148; Соболевский 1888: 230; Каринский 1909: 23–26, 52, 69, 82 и др.]. Например, в Палее 1494 г.: *стрѣли, книжници беседами, яблоко сирю, возвише, избитокъ, вззраючи, непостыжи*“, формы Т. мн. — *с нимы, на^о всѣмы, снѣмы, таковыми ересми* [Каринский 1909: 24–26]. Н. М. Каринский предлагает два объяснения этому явлению — влияние южнославянской графики и отражение живого произношения, в котором звук [и] приблизился к звуку [ы] [там же: 173–176]. А. А. Шахматов же, критикуя Н. М. Каринского, утверждает, что смешение *и* – *ы* проникло в псковскую письменность исключительно книжным путем в результате южнославянского влияния [Шахматов 1909: 141–142], а *-мы* вместо *-ми* в Т. мн. (которое присутствует и в пергаменной грамоте псковского князя Ивана Александровича: *с тымы людмы, надъ нашими купцинымы*) — морфологического происхождения [Шахматов 1912: 348].

Однако можно предположить, что написания с меной букв *и* – *ы* отражают непозиционную мену предшествующих твердых и мягких согласных, поскольку в псковских текстах встречена и мена букв *а* – *я*, *оу* – *ю*: *древнатя, ширина, тесту* (тестю), *шбразю гнню, в земню меру, влезю к жене, в роу^ю* и др. Палея 1494 г. [1909: 27], *доуню на беса, поуустыну, по глню моему, всоу ночь* и др. — Сборник Синод. библ. № $\frac{68}{270}$ XV в. [там же: 104], *клатвѣ, вышнюю, въ главу углю, распядеся камение* Пск. Трефолий 1446 г. [Соболевский 1888: 231]. Впрочем, А. А. Шахматов полагает, что приводимые Н. М. Каринским примеры из Палея 1494 г. с меной *а* – *я* и *оу* – *ю* следует отнести на счет южнославянского влияния так же, как встреченные в этом памятнике случаи замены *ь* на *ъ* (*рысь, тестъ* и т. д.) [Шахматов 1909: 103–109]. Заметим все же, что А. А. Шахматов первоначально не признал фонетической основы и у нередко встречающихся в псковских рукописях случаев мены букв *и* – *ы*, *а* – *я*, *оу* – *ю* после *р*, считая это также влиянием южнославянской письменности [там же: 149]. Позже он изменил свое мнение на этот счет и допустил, что псковские рукописи могли отражать отвердение [р’], поскольку написания с сочетанием *ры* встречаются в оригинальных псковских памятниках, например в летописях и записях [Шахматов 1915: 328–329], однако заме-

тил, что современные ему псковские говоры отвердевшего [р] не знают [там же: 329]. Н. М. Каринский, отвечая в 1916 г. на критику А. А. Шахматова, привел данные А. И. Соболевского, опубликованные в «Опыте русской диалектологии» [Соболевский 1897], относительно отвердения [р'] в говорах Псковской губернии и результаты собственных наблюдений над говором одного из населенных пунктов Гдовского уезда — д. Мды, в речи жителей которой имеются случаи как отвердения [р'] (*жерагло, скрыпку, скрыпацку*), так и произношения мягкого [р'] в соответствии с нормативным твердым (*сахарёк, разгоряйся, францус*) [см. Каринский 1916: 31, 37]. Т. Н. Кандаурова, комментируя написания с сочетаниями *ро* вместо *ре*, *рѣ* вместо *рь* и взаимное смешение сочетаний *ры* — *ри*, склоняется к тому, что [р] в произношении первого писца псковского Пролога 1389 г. был звуком постоянно твердым [Кандаурова 1957: 264–265]. Подтверждение твердости [р] в псковском диалекте находим и в опубликованной в 1966 г. духовной Акилины 1417–1421 гг., где не могло проявиться влияние южнославянской письменной традиции. Тут имеется сочетание *ри* вместо *рѣ*: *оучи ни^х радѣ животу своему*.

Таким образом, если признать, что за употреблением букв *а* — *ѧ*, *оу* — *ю*, *ы* — *и* после *р* стоит живое произношение, то допустимо предположить, что мена этих же букв в положении после букв других согласных, парных по твердости–мягкости, также в каких-то случаях имеет фонетическое значение и может служить свидетельством их спорадического непозиционного отвердения или смягчения.

* * *

В описаниях псковских говоров XX в. встречаются указания на непозиционное отвердение согласных. Так, в говоре д. Мды Н. М. Каринский отметил произношение *нэт*, *сидѣт* (инф.), *собэ* [Каринский 1917: 36]. К. А. Иеропольский в говоре д. Савкино Пушкинского р-на услышал твердые согласные перед [е] в 3 л. ед. ч. глаголов (*насэ, гнэ, мерзнэ* и т. д.) и в формах сравнительной степени прилагательных (*халэже, далэже*) [Иеропольский 1930: 588]. В. И. Чернышев в д. Малые Гоголевки, расположенной в 4 км от Пскова, отметил произношение *фса* (= *вся*) [Чернышев 1931: 171], а в пригороде Изборска им были записаны прилагательные с твердым [н]: *пбзное, утришная малакб* [там же: 180].

Аналогичные случаи отражаются и в рукописных источниках первой половины XVII в.: *па^ндеся^м* 8455-96, *очистыть* (3 л. ед. ч.) 8461-690, *за^нля* 8455-482, *с Ка^нна* 8455-61, 86, 161, *тутоишны^х* 8461-586, *сторонны^х* 8461-586, *сторонньных* 8461-682об.

В Псковском областном словаре приведены лексемы с непозиционной заменой твердого согласного на мягкий: *ввялиться, ввяливаться* [ПОС, 3: 49], *вдвѣх* (= *вдвох, вдвоем*) [там же: 51], *головястик* (наряду с *головастик*) [ПОС, 7: 56]. Отражение подобного произношения находим и в исследуемых рукописных источниках: *Пянтелъевы^х* 8455-585, *Пя^нтѣлевѣ* 8455-1, *и^н Добривито^к* (название села) 8455-238об. (ср.: с. Добровитки [Сп. нас. мест... Пск. губ.: № 136]), <пустошь> *Висоцко* 8455-50об. (ср.: усадьба Высотско [там же: № 11499]), *око^нни^х* 8455-43, 18об., 197 и т. д. (часто), *с око^нними* 8461-42об., *око^нние* 8455-38об. и т. д. (наряду с *око^нны^х* 8455-378об.).

Таким образом, непозиционная мена твердых и мягких согласных оказывается присутствующей псковскому диалекту на протяжении многих столетий, начиная, по меньшей мере, с XIV века.

Отдельного рассмотрения требует вопрос об отвердении [р'], Многие исследователи отмечали наличие такого отвердения в псковских говорах: *двѣры, рабѣнок, крѣк, крѣчат^н*, *з^нвярушка, рѣнулс^ня* [Иеропольский 1930: 588], *крастьяны* [Чернышев 1931: 167], *дырѣвыи* [там же: 172], *товѣрышышы, нѣраст* (нерест рыбы) [там же: 180], *с'арбн* (серп) [Гринкова 1926: 260]. Примеры подобного рода имеются также в Псковском областном словаре:

бру́ква, бру́ки, бруне́тка, бры́чка [ПОС, 1: 181, 182, 187]. Соответствующий материал находим и в рукописях XVII в.: с товарищи 8455-175, 8461-105об., 421, 23350-205, с товариши 23350-204 (4 р.), Крыпе^тцко^е мнстря 8461-458, Крыпе^тцкого крестьянина 8455-284, Крыпец^тко^е кр^тьянина 8455-274об., <пустошь> Коврыжино 8455-167об., <деревня> Горысти^ткое 8455-346 (ср. д. Горыстица [Сп. нас. мест... Пск. губ.: № 10211]).

Обратная замена — [р] твердого [р'] мягким — также известна псковским говорам: урёк [Чернышев 1931: 171], са́харь, са́харю, трёстачка [там же: 180], [са́хър'а], [пахр'апы-вайт] [Гринкова 1926: 260], вскаря́бкаться [ПОС, 5: 58], вы́пригнуть [ПОС, 6: 39], гряд [ПОС, 8: 61]. В исследуемых текстах такой тип замены не отражен, имеется лишь написание <пустошь> Крилово 8455-142, которое как раз может быть этимологически верным, но, если взаимная мена сочетаний *ры* – *ри* была представлена еще в Псковском прологе 1389 г., можно заключить, что спорадическое отверждение [р'] и замена [р] твердого на мягкое также является неизменным признаком псковского диалекта всего того периода, который документирован памятниками письменности.

3.4.10. Непозиционная мена глухих и звонких согласных

Н. М. Каринский отметил в исследованных им рукописях несколько случаев замены *б* на *п* в позиции перед плавными: *опладае* Палея 1494 г., *на презъ* ib., *на преже*, где *п* исправлено на *б* (т. е. *на брѣзъ*) Сб. Синод. библи. № $\frac{68}{270}$, *къ итно ти опрокоу* Сб. Синод. библи. № $\frac{53}{255}$, *приде пратъ мои* (*п* исправлено на *б*) ib. [Каринский 1909: 35, 107, 118].

В рукописях первой половины XVII в. подобных примеров не обнаружено (есть только одно написание — *на рекъ на ^тши* 8455-118 (имеется в виду р. Лъжа), где *ши* исправлено на *же* другими чернилами). Однако современные псковские говоры непозиционную мему глухих и звонких согласных знают хорошо [см. Жуковская 1973: 15; Глускина 1973]. Обусловленная, по убеждению С. М. Глускиной, влиянием субстрата [Глускина 1973: 47], она, видимо, действительно восходит к глубокой древности¹⁹.

3.4.11. Опущение обозначения йота как возможное отражение его отсутствия

Это явление наблюдается во многих псковских рукописях XV в. Например: *об обиствъ*, *дество*, *имете* (императив), *ино твари* (Р. ед.), *Ѡ едино части* Палея 1494 г., *на десно странъ* Сб. Синод. библи. № $\frac{53}{255}$ [Каринский 1909: 36, 72, 118], *убица*, *волны жити-ския* Пск. Трефолий 1446 г. [Соболевский 1888: 231].

Изредка подобные написания обнаруживаются и в текстах первой половины XVII в.: *на рекъ на Сине* 8455-253об., 281 (2 р.), 330 (р. Синяя), *в Пруцко засады* 8455-137, *Тала^ескои слободы* 8455-84 (ср.: *в Та^тло^еско^е губъ* 8455-85). С чем связана такая орфография — с особенностями фонетики или просто с необозначением йота — не совсем ясно, но следует учитывать, что применительно к новгородским говорам имеется подтверждение того, что такого типа написания могут отражать живое произношение (см. выше, 1.4.7.), а значит, возможно, что и приведенные написания из псковских текстов возникли ввиду наличия соответствующей фонетической реальности.

¹⁹ Непозиционная мена глухих — звонких согласных известна и севернорусским говорам [см. Русская диалектология 1989: 72] и также трактовалась учеными как возникшая под влиянием финского субстрата [Колесов 1963: 108; Пауфощима 1969: 214], однако в последнее время стала высказываться точка зрения о том, что это явление обусловлено противопоставлением согласных по напряженности — ненапряженности [Русская диалектология 1989: 72; Касаткин, Касаткина 1993: 136–137; Касаткин 1999: 240–245].

3.4.12. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

Как было сказано выше (1.4.8.), твердые согласные фонемы в разных русских диалектах могут вести себя по-разному перед фонемой <и> в позиции сандхи.

В текстах первой половины XVII в. отражается следующий вид сандхи: губные и зубные согласные выступают в своих основных вариантах, а заднеязычные, по-видимому, смягчаются. Материал, позволяющий сделать такое заключение, довольно обширен. Приведем лишь некоторые примеры.

Губные + ы: в *Бывано^оское помѣстье* 8455-180, в *Бываново помѣстье* 8455-63, в *Бгна^тевское помѣстье* 8455-262, в *взмѣнни^е... помѣстье* 8455-532об., в *Б^гборескъ* 8455-173, в *Б^гб^оско^о... уе^де* 23349-12, 23350-120, в *Бевълеве бояршине* 8455-38, в *Поля^нскую* и в *Бстр^тцкую... губы* 8461-420 и т. д.

Зубные + ы: с *Бывано^о* 23350-63, 8461-780об., 8455-8, с *Бва^нко^о* 8461-633об., с *Быванова помѣстья* 8455-553, с *Бгнашко^о* 8461-723об., 8455-496об., с *Б^гею пророкомъ* 8455-67об., с *Бса^нко^о* 8455-496об., с *Блю^окои* 8461-779, с *Бле^олева поместья* 8461-421об., с *Бзборска* 8461-790, с *Б^гборьска* 8455-187об., из *Бывано^оско^о* <помѣстья> 8455-38об., 451об. и т. д.

Что касается написаний типа «к, з + ы», то таких не отмечено вообще, хотя соответствующие позиции имеются: к *Ивану* 8455-74об., 81об., 23350-47, 71, 86, 113, 204, к^ъ *Ивану* 23349-66, к *И^гборьски^и* др^нямъ 8455-175об. (подчеркнем, что после предлога «в» в топониме Изборск и его производных пишется только ы).

Таким образом, в первой половине XVII в. псковский диалект принадлежал, видимо, к такому типу говоров, где заднеязычные в позиции сандхи перед <и> смягчались, тогда как губные и зубные — нет.

Судя по диалектологическим записям XX в., теперь в псковских говорах в позиции сандхи перед <и> выступают в своем основном виде уже не только губные и зубные согласные, но и заднеязычные. Ср. примеры из текстов, записанных в Псковской области: *как ы вы* [Сборник упражн.: 129], *так ы крышка* [Практич. занятия: 98], в *ѳзбу* [там же: 97], с^ѳым (= с ним) [Хрест. по рус. диалектол.: 65].

3.4.13. Позиционное оглушение согласных

Отражение оглушения конечных согласных — не столь частое явление в памятниках письменности. Тем не менее, в псковских рукописях XVII в. отмечено оглушение конечных [з], [д], [г], [в]: *вни^с* 8461-688об., 689об., <пустошь> *Нись* 8455-527об. (ср. <деревня> *Ни^з* 8455-527об.), *напере^т* 8461-379, *лу^к* 8461-348, *Кондратье^ф* сн^ь 8455-424, *Не^онефъ* 8455-426, *Само^олофъ* сн^ь 8455-420об., *Трифанофъ* 8455-418.

Примеры ассимилятивного оглушения обнаруживаются в большем количестве:

[б] — [п]: *во^нчи* 8455-370, за *Тихано^о* Ру^нцовы^н 8455-508об., в *Дупко^оскомъ уе^де* 8455-230об., в *Дупко^оско^о* уе^дѣ 8455-228, *Дупко^оского уе^да* 8455-229;

[д] — [т]: *по^т* погосто^о 8455-119об., *пере^т* тѣмъ 8455-335об., *по^т* болотье 8455-266об., *бу^т* то 23350-164 (2 р.) 173, с... *площа^т* ки 8455-7об., *Фе^т* ка 8455-545об. и др., 8461-347об., *Воло^т* ка 8455-35, 44, 133, *Дем^т* ко 8455-243, *Желу^т* ково 8455-37, *Медве^т* ково 8455-231, *Мѣдвѣтково* 8455-137, *Ме^т* вѣтково 8461-707об., <пустошь> *Ию^т* ково 23350-71, *Гу^т* кова (Р. ед.) 8455-129об., на ре^т ке на Ку^т ке 8455-230 (р. Кудка) (ср. также: *по челоби^т* но^т 8461-347об.)

[з] → [с]: *чере́ полосу* 23350-28, *Берескино* 8455-231, *зову́ Желесковы́* 8455-46 и др.;
[ж] → [ш]: *Рышково* 8455-191об., *Пирошково* 8455-539, *др'ни Ме'вешка* (Р. ед.) 8461-647об.;

[в] → [ф]: *Иванофское пом'встье* 8455-424об., *Меркурьефское пом'встье* 8455-421 и т. д. (см. примеры выше — 3.4.1.1.).

Таким образом, псковский диалект начала XVII в. относился к числу тех великорусских говоров, где позиционное оглушение звонких согласных осуществилось. Ср. ту же картину в современных псковских говорах, например: *ча́фкают'*, *паг'и́тшы*, *вдрук*, *па'э́л'и п ф с'ён'и-та* и т. д. [см. Практич. занятия: 96–98].

3.4.14. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных

Псковским говорам известны случаи диссимиляции (например, *кто* [Каринский 1916: 97], *до́хтур*, *тра́хтор*, *трахт*, *ла́нна* [Иеропольский 1930: 589], *хрёсной* [Жуковская 1962: 13]) и упрощения групп согласных (например, *за́мнута* (выпадение [к] перед [н]) [Чернышев 1931: 167], *пошта* [Иеропольский 1930: 589], *што* [Каринский 1916: 37, Чернышев 1931: 167], *верес* (т. е. вереск) [там же: 175], *гара́с* (т. е. горазд) [Практич. занятия: 97]).

Довольно широко эти явления отражаются и в рукописях первой половины XVII в.

а. Диссимиляция согласных

[кт] → [хт]: *кто* 8455-199об. и др., *ни́то* 8455-141, *Гала́тио"ко* 8455-497об., *Гала́тио"ко* 8461-636об., *Вене́ди"ту* 8461-587об., *Вене́ди"това кр'тъянина* (В. ед.) 8461-420об., *не[редь] Вене́ди"то"м* 23350-204, *Полиехта* 8461-692об., *Полие́та* (В. ед.) 8461-606.

[гк] → [кк] → [хк]: <деревня> *Мя́кое* 8455-120об., *Мя́кое* 8455-24об., *Микифоровы́ кр'тъя" Мя́ково* 8455-50, *з Бо"дано" Мя́ки"м* 8455-16об., <пустошь> *Мяхковино* 8455-106об.

[кр] → [хр]: *христьяне* 8455-337об. (2 р.), *по хрестья"ско" ска"ке* 8455-376об.

[гд] → [вд]: *во Вдове горо"е* 8455-112, *во Вдове* 23350-100, *подо Вдово"м* 23350-100, *во Вдо"ско"м* <езде> 8455-98, 111об., 23350-100, *во Вдовско"м* <езде> 8455-107, *во Вдо"ско"м* <езде> 8455-112об. Существует несколько вариантов этимологизации топонима «Гдов», и все они предполагают исконность начального [г] [см. Фасмер, I: 400; Нерознак 1983: 58], так что «народная», по выражению М. Фасмера, огласовка *Вдов* [Фасмер, I: 400], которую, кстати, отмечал в псковских говорах первой трети XX в. В. И. Чернышев [Чернышев 1931: 162], а в современном произношении жителей Гдова — Я.И. Бьернфлатен [Бьернфлатен 1997: 180], вторична. В Псковском областном словаре подобная огласовка не зафиксирована, но тут приведена лексема *гдова́* с пометкой «см. *вдова́*» [ПОС, 6: 155]. Видимо, произношение *Вдов* воспринималось как ненормативное, так что в процессе отхода от него в близком по звучанию слове гиперкорректно появилось сочетание [гд].

б. Упрощение групп согласных

[стн] → [сн]: *волосными лю"ми* 8455-8, *у волосны́х люде"м* 8455-7об., 51об., *волосны́х старость* 8455-238об., *пом'всные пустоши* 8455-184об., *в... пустоша́ ... помесны́х* 8461-690.

[скн] → [сн]: *тоё припу"ную пу" [тошь]* 8461-800.

[ст] → [с]: *Гра"сово* 8455-74, 74об. (название пустоши — ср., *Гра"стово* 8455-76). В позиции конца слова: *в... уе"м* 8461-377.

[с'т'] → [с']: *помѣсья* (Р. ед.) 8455-4об.

[шск] → [ск]: *Староо^си^скиѣ | и Верхоо^си^скиѣ | гу^б* (Р. мн.) 8461-715/716/717 («приложение руки») ²⁰, *Пого^стиской губы* (Р. ед.) 8455-136, *Нико^сской Покрути^ско^у мн^стра* 8455-138, *на Покрутище Николы Покрути^ского мн^стра* 8455-138, *Усади^сково* (фамилия, В. ед.) 8455-87об.

[чт] → [шт] ([т'ш'т] → [шт]): *што* 8455-185, 259, 260 и др., 8461- 610об., 23350-204, 205.

Изменение [чн] → [шн] ([т'ш'н] → [шн]) отмечено только в одной лексеме: *прожито^шное помѣстьецо* 23350-196, *прожито^шного помѣстья* 8455-85, *прожито^шново помѣстьеца* 23350-196. В то же время очень часто эта же лексема и некоторые другие пишутся с сочетанием **чн**: *прожиточное* 8455-7, 8461-43, 23350-63 и мн. др., <пустошь> *Поличное* 8461-725, <пустошь> *Кола^чниково* 8455-48, *приправ^чные... книги* 8455-455об., *посыло^чной по^чяче* 8455-483, *ме^чни^чное* 8461-35об., 36, *безоброчно* 8455-89, 100, *Шапо^чника* (Р. ед.) 8455-40об., *Шапо^чникова* (Р. ед.) 8455-79, *в помѣстье Шапо^чниково* 8455-79об.

Упрощение сочетания [чн] в [шн] относится к числу тех изменений, которые достаточно свободно отражаются в памятниках деловой письменности (см. ниже, 6.4.10.), так что приведенному соотношению написаний, по-видимому, можно доверять и сделать, таким образом, заключение, что в первой половине XVII в. в псковских говорах данное изменение не было широко распространено. В настоящее время степень представленности этого явления в псковских говорах можно определить — по сравнению с другими говорами — как среднюю [см. ДАРЯ I, карта 83].

3.5. ВЫВОДЫ

Суммирование результатов исследования позволяет восстановить в обобщенном виде динамику развития псковского диалекта за весь период, документированный письменными источниками. Ниже приведена таблица, в которой очерчены реконструируемые хроноизоглоссы. В начальной ее части показаны фонетические явления, которые сформировались к (XIII)–XIV–XV вв. (эпохе, которой датируются древнейшие дошедшие до нас памятники письменности псковского происхождения) и остались неизменными поныне. Далее приводятся изоглоссы, претерпевшие в тот или иной период времени изменения. При этом используются следующие условные обозначения. Если о реализации какого-то из интересующих нас явлений ничего неизвестно, в соответствующей графе ставится знак вопроса. Если фонетическая особенность реконструируется предположительно (ввиду недостаточного отражения в текстах), ее описание выделяется курсивом. Столбцы таблицы отделены друг от друга чертой в тех случаях, когда доподлинно констатируется фонетическое изменение по сравнению с предыдущим периодом. Если же доподлинно неизвестно, произошло изменение или нет (вследствие неполноты или отсутствия материала), отделение производится пунктирной линией. Если явление представлено в современных говорах и отражается в текстах (XIII)–XIV–XV вв., но по тем или иным причинам не находит отражения в памятниках XVII в., пунктирные линии не ставятся, а знак вопроса в средней графе заключается в скобки, так как, по всей видимости, мы имеем дело с неизменной изоглоссой.

²⁰ В Псковской губернии в XIX в. существовало несколько деревень под названием *Овсищи* [см. Сп. нас. мест... Пск. губ.: № 1063, 3136, 3142, 3143, 13855, 14027].

(XIII)–XIV–XV вв.	Перв. пол. XVII в.	Перв. пол. XX в.
Изменение *ě в [e] при наличии: а) произношения в определенных случаях [и] на месте *ě; б) редких случаев произношения [ʼa] в качестве реликта древнейшей реализации *ě в виде [ǎ].		
Мена <y> — <v> в начале фонетического слова.		
Наличие протетического <v>.		
Замена [ф] на [хв], [х].		
Сочетания [кл], [гл] из *tl, *dl.		
Случаи непозиционного отвердения и смягчения согласных.		
Спорадическое отвердение [pʼ] и замена [p] твердого на [pʼ] мягкое.		
Шепелявое произношение мягких свистящих.	(?)	Наличие шепелявых свистящих.
Случаи непозиционной мены глухих и звонких согласных.	(?)	Случаи непозиционной мены глухих и звонких согласных.
Наличие изменения [e] в [o].	Достаточно последовательно представленные результаты изменения [e] в [o] при единичных случаях сохранения [e].	
?	Губно-зубное произношение фонемы <v> в сильных позициях и реализация ее в слабых позициях в звуке [ф].	
?	Взрывное [г] при спорадических случаях произношения [γ].	
?	Позиционное оглушение парных по глухости-звонкости согласных.	
?	Случаи ассимиляции, диссимиляции и упрощения групп согласных.	
?	Употребление [з] вместо [ж].	Редкое употребление [з] вместо [ж] и [с] вместо [ш].
?	Небольшая распространенность [шн] из [чн].	Средняя распространенность [шн] из [чн].
Изменение [a] в [e] под влиянием окружающих сильно смягченных согласных.	Отсутствие этого явления.	
Мягкие [шʼ] и [жʼ].	Твердые [ш] и [ж].	
Мягкость глухого долгого шипящего.	Произношение глухого долгого шипящего как [ш̃].	
Мягкость звонкого долгого шипящего и наличие сочетания [жʼrʼ].	Произношение [ж̃]	
Мягкое [цʼ].	Твердое [ц].	
Мягкое цоканье.	Твердое цоканье.	Цоканье, по преимуществу твердое.
Появление случаев неразличения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных и в абсолютном начале слова.	Вокализм 1-го предударного слога после твердых согласных и в абсолютном начале слова гдовского типа.	Недиссимилятивное аканье в 1-м предударном слоге.

Появление случаев неразличения гласных неверхнего подъема во 2-м предударном слоге после твердых согласных и в абсолютном начале слова.	Тип вокализма 2-го предударного слога после твердых согласных и в абсолютном начале слова, который соответствует гдовскому типу вокализма 1-го предударного слога, с зависимостью реализации гласных 2-го предударного слога от гласных в 1-м предударном слоге.	Недиссимилятивное аканье во 2-м предударном слоге.
Появление случаев неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных в заударных слогах.	Некоторая зависимость реализации гласных неверхнего подъема в заударных слогах после твердых согласных от гласного предыдущего слога.	Полное неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в заударных слогах.
<i>Наличие случаев яканья в 1-м предударном слоге после парных мягких согласных и шипящих.</i>	<i>В 1-м предударном слоге после парных мягких согласных и шипящих в какой-то степени представлен вокализм гдовского типа.</i>	Сильное яканье.
Предлог «ув».		Отсутствие предлога «ув» в северной части Псковской группы говоров.
Мягкое [ч'].		Преимущественно твердое [ч].
Сохранение мягкости конечных губных согласных.	?	Отверждение конечных губных согласных.
?	Переходное смягчение [к'].	Переходное смягчение задненебных практически отсутствует.
?	В позиции сандхи перед <и> губные и зубные согласные выступают в основных вариантах, а задненебные смягчаются.	И зубные, и губные, и задненебные согласные в позиции сандхи перед <и> выступают в основных вариантах.

Итак, обобщение материала позволяет сделать следующие выводы: 1) целый ряд фонетических особенностей характеризует псковский диалект на протяжении всего документально засвидетельствованного периода его существования; 2) часть фонетических особенностей, отмечавшихся в (XIII)–XIV–XV вв., к XVII в. претерпела видоизменение; 3) современным псковским говорам присущи и такие фонетические черты, которые сложились в них уже позднее, чем в первой половине XVII века.

Глава 4

ВЕЛИКОЛУКСКИЙ ДИАЛЕКТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

4.1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

В предыдущей главе рассматривались рукописи, которые отражают диалект Пскова и его окрестностей первой половины XVII в., однако до нас дошли и тексты делового содержания, созданные на территории, расположенной к востоку и юго-востоку от Пскова, — в Великих Луках и их окрестностях, что позволяет реконструировать великолукские говоры первой половины XVII в., которые в настоящее время входят в Псковскую группу и составляют южную ее часть. Задачей исследования является сравнение собственно псковского диалекта интересующего нас периода с диалектом псковской юго-восточной периферии, с тем чтобы выяснить, были ли в прошлом эти диалекты так же близки друг другу, как в нынешнем их состоянии, либо различий существовало больше.

Материалом исследования послужили «Отказные, отдельные, раздельные, сыскные, межевые и мерные книги поместий, вотчин и пустых земель Великолукского уезда» 1616-1637 гг., собранные в рукопись, состоящую из 641 л. (хранится в РГАДА — фонд 1209, оп. 2, № 8367). При соединении текстов, происходящих из Великих Лук и их окрестностей, в одну книгу к ней случайно был приплетен южнорусский текст отказа, написанный в Кромах (лл. 80-83), к анализу, естественно, не привлекавшийся. Исследованная книга — черновая, причем практически после каждого «отказа», «отдела» и т. д. стоит подпись дьячка, который писал данный текст. Например: *а о^мде^ные книги писа^л лучани^н ц(е)рко^вной трое^нко^н diacho^н Петру^нка Васи^невъ* (л. 29). Всего насчитывается шестнадцать дьячков, причем одни из них (например, упомянутый Петрушка Васильев, который иначе называл себя Петрушкой Васильевым сыном Березиным) составили значительное количество текстов, а другие — по несколько или всего лишь по одному. Поскольку все писцы отражают особенности местного диалекта одинаково, при исследовании великолукской отказной книги примеры, извлеченные из текстов, написанных разными дьячками, приводятся вместе и наличие нескольких почерков не учитывается. В дальнейшем изложении при цитировании будет указываться лишь номер листа. Принцип орфографического воспроизведения текста тот же, что и в предыдущих главах (см. выше, 1.1.).

4.2. УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

4.2.1. Судьба фонемы <ѣ>

Наряду с традиционным правильным употреблением буквы *ѣ* в слоге под ударением (примеры не приводятся ввиду их стандартности) регулярно встречается замена *ѣ* на *е* перед твердыми и перед мягкими согласными, а также в конце слова. Поскольку данные написания вполне обычны, приведем лишь некоторые из них

Перед твердыми согласными

сена (Р. ед.) 163, 163об., *лесу* (Р. ед.) 163, *лесо*^н 3об., *нетъ* 8367-27об. у-в-Орехова (назв. деревни) 222об., *приеха*^с 185, *уе^дь* 185, *нае^дные* (Р. ед. ж.р.) 66, *место* 75, *ис поме^снаво приказу* 589 и т. д.

Перед мягкими согласными

по мере 37об., *на ре^ке* 6об., *на^д* речкаю 591, *на^д речкою* 591об., *на о^тделе* 139, *отде^ны^н* 149, *в поместье* 68об. и т. д.

В конце слова

вопче 218, *те* 604об., *оне* 602, *ане* 602, *на р^вке* 614 об., <из> *и^бе* 425 и т. д.

Есть и несколько случаев обратной замены *е* на *ѣ* в слогe под ударением: *детѣи* 22об., *дѣветь* 13об., *земѣль* 14, *чѣмъ* 128об., *жилѣ^н* 52об., *по крѣсному целова^ню* 68об. Очевидно, что во всех приведенных формах произносился звук [е] (ни в одной из них нет условий для перехода [е] в [о]), поэтому следует заключить, что написание *ѣ* носит здесь чисто гиперкоррективный характер и говорит о том, что за этой буквой в сознании писавших стоял гласный [е].

В отличие от собственно псковских текстов, в великолукской отказной книге нет случаев замены *ѣ* на *и*, что заставляет предположить, что рассматриваемому диалекту было свойственно последовательное изменение [ѣ] в [е]. Это подтверждается и данными современной лингвистической географии, свидетельствующими о том, что в говорах, локализующихся в районе Великих Лук, *ѣ всегда реализуется в звуке [е] и перед твердыми, и перед мягкими согласными [ДАРЯ I, карты 40, 41].

4.2.2. Результаты изменения [е] в [о]

Приведем сначала написания, которые отражают произношение [о] в соответствии с *е, *ѣ в той категории случаев, где появление [о] может объясняться не только фонетическим изменением [е] в [о], но и морфологической аналогией (по образцу соответствующих образований с твердым согласным перед окончанием или суффиксом) [см. Аванесов 1952: 31–32].

В окончаниях: *порожжо* 47об., 190об., 343об., 547¹ *на^д озеро^н* Ужо^н 40об., *на^д озеро^н* на^д Ужо^н 40 об².

В суффиксе -ок-: *дьячокъ* 12.

В суффиксе -ов-: *дворцовы^х* 150, *Ершовы^х* 564, *Кузнецов^о* 42, *Клокоцова* (Р. ед.) 152, 554, *Клокачову* (Д. ед.) 141, *Лихачова* (Р. ед.) 126об., *О^тушо^о* 38, <починок> *Врачово* 142об., <деревня> *Лихачово* 587, <деревня> *Моржово* 341об., <пустошь> *Си^нцово* 586об., <пустошь> *Ру^оцово* 117, 140об., <пустошь> *Кли^нцово* 9об., <пустошь> *Кляпцово* 130об.-131, <пустошь> *Латышово* 129об. и т. д.

Есть и более показательные примеры, свидетельствующие о том, что фонетический процесс изменения [е] в [о] прошел и в таких позициях, где не усматривается морфологической аналогии, в том числе в старых сочетаниях типа *тыт.

Естественно, написания с буквой *о* появляются в положении после букв, обозначающих шипящие согласные: *на^д озеро^н* на^д Чо^рнымъ 104, на^д Чо^рны^н ру^емъ, 467об., в Чо^рно^н стану 56об., *По^очортко^о* (фамилия) 7, 11, *Чо^ртко^о* (фамилия) 4об., в Шо^тто^оско^н че^тверти 608, *пу^то^ню Жолобовою* 491об., *пошо^н* 494, *сшо^н* 17об., 52об., 407, *по три^нцати сажо^н* 567об.

Возможно, в одном случае изменение [е] в [о] отражается после буквы согласного, парного по твердости-мягкости: <пустошь> *Карасово* 193.

¹ Ударение в парадигме этого слова падало на флексию, поскольку корень *порож-* относился к акцентной парадигме *б* [Зализняк 1985: 136] (ср.: *те пустоши поразжи* 185об., где буква *а* во втором слогe свидетельствует о том, что ударение находилось на окончании).

² Речь идет об озере, относящемся к бассейну р. Мсты и называемому Ужб (именно с таким ударением) [см.: Попов 1981: 46].

В современных говорах, расположенных в районе Великих Лук, результаты перехода [е] в [о] представлены довольно последовательно, хотя имеются единичные случаи произношения [е] перед твердыми согласными в корнях слов типа *бе[р]еза* и в нескольких населенных пунктах наблюдается наличие гласного [е] в прежних сочетаниях типа **тыт*, где после плавного стоит твердый зубной (например, *чет[в'ёр]тый*) [ДАРЯ I, карта 38]. Гласный [е] также бывает в окончаниях 2-3 лл. ед. ч. глаголов. Ср. записи, сделанные в конце XIX века в погосте Марипчелки, находившемся в 30 верстах от Великих Лук: *знѣца, найдѣшь, пль-вѣть, идѣть*³ при *бярѣза, рябѣнык, людѣх, сваѣму, разьдѣрѣгывать, расьтѣгывать* и мн. др. [Успенский 1898: 81, 82, 84, 88]⁴. Аналогичная картина наблюдалась в середине XX века: ср. записи из д. Макарино Великолукской области: *наб'јѣш, рьзарв'ѣш* при *с'обстры, ад'бжа* [Практич. занятия: 90, 91].

Быть может, в единичных случаях [е] перед твердыми согласными могло сохраняться и в первой половине XVII в. На такой вывод наталкивает наличие следующих написаний: *колке вѣрстЪ* 72, *Лѣв^{ка}* 50, 54, *Лѣшка* 121, *Семѣна* (Р. ед.) 71, *Семѣно*⁶ 158, 343, 345, *Семѣнова* (Р. ед.) 154, *Семѣнова* (В. ед.) 160, *Семѣнову* 344об., *за СемѣновымЪ лядомъ* 196, *Семѣно^{ско}* ... *ч(е)³(о)в(ѣ)къ* 345, *Микула... Зелѣно*⁴ 60, 64об., *Зелѣно*² (Р. ед.) 30 (2 раза), *Зелѣного* 30об.⁵.

Впрочем, наряду с написаниями *Зелѣно*⁴, *Зелѣно*², *Зелѣного* имеется орфограмма в *Микулино место Зелоново* 62-63 («приложение руки»), но считать ее свидетельством изменения [е] в [о], видимо, нельзя, так как написание *Зелоново* чрезвычайно похоже на опisku — ведь в последующих слогах стоят две (!) буквы *о*.

Предположению о том, что вышеприведенные написания с буквой *ѣ*, которая, как было показано выше (4.2.1.), ассоциировалась со звуком [е], могут свидетельствовать о непереходе в каких-то случаях [е] в [о], казалось бы, противоречат следующие орфограммы: *о^мдѣли¹ всѣ спо³на* 157об., *с тою землѣю* 88об., *Бочкарѣва* (Р. ед.) 160, <пустошь> *Де^{тер}ѣво* 10об. (ср. также <пустошь> *Цывилѣво* 541, 541об., <пустошь> *Цывилѣво* 542, <пустошь> *Шевелѣво* 468, где не очевидно место ударения). Известно ведь, что в формальных элементах — суффиксах и окончаниях — [о] на месте [е] появляется даже в тех диалектах, которым фонетический процесс изменения [е] в [о] свойствен не был. Р. И. Аванесов даже полагал, что в говорах, которые переживали переход [е] в [о], сначала появились формы типа *медве[д'ом]*, где усматривается аналогия с твердым вариантом склонения, а потом уже — формы типа *ве[д'ом]*, [Аванесов 1952: 33]. Однако, как показывают уточненные данные лингвистической географии, в русских говорах изредка все же встречается произношение *зем[л'ѣй]*, *ко[н'ѣм]*, *хоро[шѣ]*, *е[шѣ]* и под. [Образование... 1970: 24]. Ср. также записанную в конце XIX в. в великолукском говоре форму *ящѣ* [Успенский 1898: 84]. Значит, вышеприведенные написания с буквой *ѣ* — достаточно надежное свидетельство наличия в великолукском диалекте первой половины XVII в. случаев неперехода [е] в [о]. Видимо, картина здесь складывалась примерно такая же, как в собственно псковском диалекте того же периода (см. выше, 3.2.2.) хотя возможно, что сохранение [е] в великолукских говорах было распространено больше, чем в псковских, так как орфограммы с *ѣ* составляют целую группу примеров.

³ Впрочем, при мягком [т'] в 3 лице глаголов огласовка с [е] закономерна.

⁴ Статья М. Успенского, опубликованная в журнале «Живая старина», представляет собой стилизованный под народную речь бытовой очерк, в котором описан деревенский свадебный обряд. При этом в очерк включены и настоящие фольклорные тексты, записанные с отражением фонетических диалектных особенностей. О пригодности этих текстов в качестве источника, запечатлевшего живую речь, свидетельствует тот факт, что некоторые из них были включены Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаковым в их «Хрестоматию по великорусской диалектологии» в качестве образцов говора Великолукского уезда Псковской губернии [см. Дурново, Ушаков 1910: 141-143].

⁵ Акцентологическая реконструкция показывает, что ударение в этом слове действительно должно было падать на последний гласный основы, поскольку прилагательное *зеленый* относилось к акцентной парадигме *б* [см.: Зализняк 1985: 136, 142].

4.2.3. Вопрос об изменении [’а] в [е]

В тексте великолукской отказной книги встречен несомненный случай отражения изменения [’а] в [е] в позиции перед мягким согласным: *сена ставило^с не^м копе^н* 169об. Еще одно написание — *лучени^н* 389 (житель Великих Лук), — показательным не является, поскольку, как указывалось выше (2.2.3.), суффиксы *-янин-* и *-ънин-* были вариативными [Соболевский 1881: 55] и употребление суффикса *-ънин-* к области изменения [а] в [е] отношения не имеет [Булаховский 1958: 166]. Эта вариативность проявляется и в наличии разных форм родительного падежа слова «прихожанин»: *в прихоже^н свои^х места* 415, *в прихожен^ъ место* 154об. — *в прихожа^н свои^х место* 170об. и т. д. Следует заметить, что ударение в этой форме падало именно на последний слог, о чем можно судить на основании следующего написания: *в прижажа^н свои^х место* 539, где отражение аканья указывает на акцентовку слова. Форма *прихожен^ъ*, несомненно, существовала в великолукских говорах издавна, так как встречена орфограмма *прихоже^н* 187, 234, отражающая изменение [е] в [о] перед последующим твердым согласным.

В современных говорах рассматриваемой территории встречаются лишь единичные случаи произношения [е] на месте [а] между мягкими согласными [ДАРЯ I, карта 43], и такой же, видимо, была ситуация в первой половине XVII века.

4.3. ВОКАЛИЗМ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГОВ

4.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова

В текстах собственно псковского происхождения, как было показано выше (3.3.1.2.1.), аканье изредка отражается лишь в определенных позициях, что позволяет сделать вывод о том, что в первой половине XVII в. собственно псковским говорам сильное аканье еще не было присуще, а характеризовались они аканьем гдовского типа. В великолукской отказной книге отражена ситуация иного рода. Здесь найдено весьма существенное количество случаев отражения аканья во всех позициях — в первом предударном, во втором и остальных предударных и заударных слогах. В подавляющем большинстве случаев *о* заменяется на *а*, но есть и гиперкорректная замена *а* на *о*. Поскольку весь имеющийся материал чересчур объемён, ниже приведена лишь выборка примеров, но и она достаточно обширна, так как имеет смысл показать, насколько великолукские тексты отличаются от псковских в отношении отражения аканья.

Первый предударный слог

Позиция перед [и], [ы], [у]

Замена о на а: *а^смина* 65, *с асиною* 382, *с полуасиною* 604, *без полуасмины* 600об., *ави^н* 108об., *ади^н* 65об., 174об., *ади^нна^мце^н* 465об., *ади^нна^мцет^ь* 260об., *ади^нна^це^н* 73, 118об., 547об., *ади^нна^мца^н* 113об. (в этом слове часто), *апри^н* 546об., *пора^али* 109об., 493, *поллавину* 191об., *о^ма^нли* 591об., <пустошь> *Желабы* 181, *три капны* 554, *полтары* 89об., 263об., 264 (в этом слове часто), *паны* (Т. мн.) 601об., *пора^ажи* (И. мн.) 185об., 552, *пращит^оное* 555об., *прилажи^н* 490, <пустошь> *Маслица* 62об., *свах^ъ* 476, *о^б растиске* 368об., <пустошь> *Асино^ока* 591, 592об., <в пустоши> *Асиновиц^ь* 203об., <пустошь> *Галицыно* 417,

417об., 419, Карнилко 96, <пустошь> Карнилово 223, Да^брыня 99, <пустошь> Корамыслово 182, <пустошь> Гавнихи 198 и т. д.

Замена а на о: Воси^евы^х 598, Донило^оско^о 608об., <деревня> Моксимова 64, Моксима (Р. ед.) 75, в Мо^ксимова место 73-74, <пустоши> Колинина (Р. ед.) 227, никаму 552, 601об., <пустошь> Гару^мка 594 (ср. <пустошь> Гору^мка 591об.).

В двух фамилиях наблюдается беспорядочное употребление букв а и о в первом предударном слоге: БобарыкинЪ 372, Бобарыкина 160 — Боборыкина 156, 210об., Ладыжи^искои 68об., Ладыже^искои 67, Ладыжи^иского 71 — Лодыже^иско^о 99, Лодыже^искаи 69.

Позиция перед <е> (из *ё, *е, *ь)

Замена о на а: к а^мде^ины^х <книгам> 97, аде^иши^х 68, в а^мде^ищикаво <место> 72, ане 602, <деревня> Ар^вхова 217об., 222, се^ицо Арехо^оно 168 (об этом сельце сказано, что оно расположено на^о озеро^и на^о Орехо^ономъ 168), памещи^х 363, 421, памѣстье 583об., памѣтья (Р. ед.) 207об., Кири^ико Рудамѣть 176, Рудамѣта (В. ед.) 171об., ^ора^ддель 43, по... раздѣлу 53, на Маскѣв 175, тае пусто^и (В. ед.) 425об., капе^и (Р. мн.) 354об., 427, 604об. (в этом слове часто), разаре^ие 102об., Федка Аре^и 144об., 148, славе^и (3 л. ед. ч.) 227 (ср.: словес^т 134об., 193об.), Афремко 357об., Авсее^а (В. ед.) 166об. (ср. О^есее^и) 166об. и т. д.

Замена а на о: Пелогѣи (Д. ед.) 216, Мотфея (Р. ед.) 564.

Имеется фамилия, при передаче которой буквы а и о варьируются: Хоне^е 363, Хонева (Р. ед.) 139 — Хане^е 144об., 148.

Позиция перед <о> (из *ô, *о, *ь)

Замена о на а: ако^иные 546об., на ... дароге 409, 409об., 412, 413, 413об., 414, дароги (Р. ед.) 410об., каторые 425об., в каторо^и 263, порасло 52об., 223, 326 и др. (в этом слове очень часто — примеров насчитывается около двух сотен), пакосо^о 604, 604об., папо^о (Р. мн.) 601, парожие 604об., по распросу 13, 145., 149, по... дапросно^и скаскѣ 236, таго (Р. ед.) 358, 545 и др. (очень часто), таво^ж 147об., никаво 43, <деревня> Города^о 62, городаво^и 350, 409, гарадаво^и 263, дѣлаво^и 345, <починок> Сароки^и 359об., <пустошь> Сарокино 201об., <пустошь> А^рлово 182об., за ... Ка^лловы^и 139, <пустошь> Ка^ллово 138, Како^икина (Р. ед.) 190об., 472об., Колаколцова (Р. ед.) 19, 19об., Клачкова (Р. ед.) 331 и т. д.

Замена а на о: не дадоно 469, 551об., 600об., Рудокова (Р. ед.) 469.

Позиция перед <а>

Замена о на а: адна 150, ана 425, дапрашива^и 185об., 263, Паганаво азе^ека 359, 359об., попала^и 191об., пора^дла 55 (2 раза), 110об. (4 раза), понамарь 232, кырылаша^иские дворы 32об., <пустошь> Лапатино 196, на озере на Лапатинѣ 196, 196об., Рама^и 452, 497, 504, 632, Рамановы 42об., рамано^оские 179об., рамано^оски^и 177, Афанасеи 104, 106, Афана^ю 19об., Офанасья (Р. ед.) 116, Офана^е 114об., Офанасьеви 114об.

Замена а на о: какова 245об., скозали 394об., 479об., 480об., о^мкоза^и 4об., 15, 18, 25об., 49, 50, 372об., 548 и др. (часто), отоманом (Д. мн.) 31, отомана (В. ед.) 375, Мокд^евевЪ 34 <деревня> Торасово 109об.

Можно заметить, что в позиции перед [а] замена о на а встречается реже, чем перед другими гласными, но, с другой стороны, чаще отмечается обратная замена а на о. Это наталкивает на мысль о том, что перед ударным [а] гласные неверхнего подъема могли реализоваться в гласном не-а, а значит, в говоре писцов были элементы диссимилятивного аканья жидринского типа. То, что памятники письменности способны отразить диссимилятивное аканье и яканье, представляется вполне реальным, во всяком случае в текстах смоленского происхождения того же периода это явление прослеживается весьма отчетливо (см. ниже,

6.3.1.1.). Современные южнопсковские (то есть великолукские) говоры непосредственно граничат с диссимилятивно акающим смоленским диалектом, так что к югу, западу и даже северо-западу от Великих Лук в сочетании с сильным аканьем наблюдается местами диссимилятивное аканье жиздринского типа [ДАРЯ I, карта 1]. Возможно, его элементы имелись в великолукских говорах уже в начале XVII в.

Примечательно, насколько существенно различаются между собой собственно псковские тексты и тексты великолукского происхождения в плане отражения типа вокализма первого предупредного слога после твердых согласных. Нет сомнения, что эти отличия отражают реальную языковую ситуацию. Получается, что граница между полным неразличением гласных неверхнего подъема (может быть, с элементами диссимилятивности) и частичным неразличением, сочетающимся с элементами различения гласных неверхнего подъема, пролегла ненамного севернее Великих Лук — ведь, как было показано выше (см. 3.3.1.2.1.), в Опочке, видимо, еще существовал вокализм гдовского типа.

Второй предупредный слог

Во втором предупредном слоге также наблюдается в довольно больших количествах замена букв *а* и *о*.

Замена *о* на *а*: *азе^рка* (Р. ед.) 359, 359об., *гарадаво^н* 263, *дазира^н* 263, *дапроси^м* (инф.) 86об., *приказа^н веда^м да г(о)^с(у)д(а)р(е)ва ука^у* 425об., *недадоно* 478об., 551об., 600об., *оба-его* 382, *до...разоре^ня* 38, 112, в... *разаре^не* 102об., *Аме^ня^нко* 222, *Аме^няшко* 237, <пустошь> *Акарачкаво* 351 (2 раза), 351об., 352об., *Блахины* 361, 425, *Бораздина* (Р. ед.) 5, *Дакучаи* 136об., *Даможирова* (Р. ед.) 67, 68, 70 (ср. *Доможирова* 60), <пустошь> *Залотухино* 126об., <пустошь> *Кажухово* 69, <деревня> *Капыло^нка* 232об., <пустошь> *Камарово* 411, *Лапухи^н* 115об., 119, 119об., *Лапухин^ь* 605, *Лапухина* (Р. ед.) 171, 333, *Лапухину* 172 (в этой фамилии часто), в *На^нгоро^нщину* 64, *Радио^н* 78об., 111, *Радионова* (В. ед.) 235об., *Хамутову* (Д. ед.) 364 и т. д.

Замена *а* на *о*: *по сторожи^нчаве скаске* 412, <пустошь> *По^нтухова* 395об., *Понтеле^нву* 155.

Есть также имена собственные, которые писцы записывали двояко — с *о* и с *а*: *Боикова* (Р. ед.) 424 — *Баикова* 424, 424об., *Клочочова* (Р. ед.) 350, 350об., 554 — *Клаочова* 466об.

Таким образом, тексты великолукской отказной книги наглядно свидетельствуют о наличии аканья и во втором предупредном слоге, что вполне соответствует современной лингвогеографической картине [ДАРЯ I, карта 9].

К отражению вокализма второго предупредного слога в абсолютном начале слова, возможно, относится и написание *у^мвади^н* 568. Однако данные современной лингвистической географии показывают, что для акающих говоров лабиализация <о> в неприкрытом начальном слоге нехарактерна [ДАРЯ I, карты 33, 35]. Поэтому сколько-нибудь обоснованных выводов данное написание сделать не позволяет тем более, что буква *у* здесь написана непосредственно после *у* предшествующего слова (ср. контекст: *и с обыскными лю^нми указа^н пусто^м Собакино к Усте^нкому болоту и на одворциу у^мвади^н о^м пустоши Ры^нкова пусто^м Собакино с по^нве^нсты*).

Заударные слоги

Заударное аканье также отражается весьма широко, во всех типах слогов — в неконечных и конечных, как открытых, так и закрытых. Следует заметить что, писцы легко заменяли *о* на *а* в самых разнообразных морфемах — в корнях, суффиксах и окончаниях. Имеется и некоторое количество случаев гиперкорректной замены *а* на *о*.

В заударных неконечных слогах: *окало* 358об., *в полутару* 208, *Собалево* 227, *дьякано*^о 601, *пусташы* 563, 563об., *в...пусташы* 372об., *к...пусташы* 372об., *пусташми* 563об., *тудашие* 549об., *тудаши*^{ни} 86, 136об., 394об. и др. (часто), *тудашинами* 410об., *прожитачное* 546, 546об., *прожитачного* 519, *прожитачново* 548, <пустошь> *Влаково* 222об., <пустошь> *Игнатаво* 501, <пустошь> *Клокаво* 73об., <пустошь> *Амоса^аская Чюрилд^аская то^ж* 194, *над ре^акою* 359, *за ре^акою* 391, *за Федкаю* 423об., <пустошь> *Горова^акая* 409об., <пустошь> *Мухинаю* 378об., <пустошь> *Волковаю* 378об., *на^о речкою на^о Выдраю* 591об., *некаму* 176, *пятаво* 547, *ис поме^енаво* 589, *Паганаво азе^ека* 359об., 359об. и т. д.

В заударных конечных закрытых слогах: *Яка^о* 488, *пусташ^и* 365об., 372об. 563об., *Марка^о* 112, 126, *Лу^ико^оска^и* (фамилия, И. ед.) 151, 179, 202, 211, 236, *Лодыженскаи* 69, *перелогам* (Т. ед.) 263об. и т. д.

В заударных конечных открытых слогах: *сме^жна* (наречие) 439, *в...места* 47, 353, 415 и др. (часто), *в Кирилова ме^ета* 135об. и т. д.

Замена а на о

выстово^о 99, 14, 487об., 500, 500об., 502, *с высто^окомЪ* 231об., *с высто^око^и* 232, 234, (ср.: *с выста^око^и* 231об.), *по^олоны* 34об.

В современных великолукских говорах, естественно, также представлено заударное *аканье* [ДАРЯ I, карты 16, 17, 18].

Итак, столь широкое распространение отражения *аканьющего* произношения показывает, что писцы довольно свободно применяли фонетический принцип орфографии и, следовательно, данным текстам вполне можно доверять и в плане отражения других произносительных особенностей.

4.3.2. Позития после мягких согласных

4.3.2.1 Предударные слоги

В великолукской отказной книге найдено достаточно большое количество написаний, которые указывают на наличие *яканья* в первом предударном слоге. В настоящее время в южнолукских говорах — в районе Великих Лук — распространено сильное *яканье* [ДАРЯ I, карта 8], указания на это находим и в диалектологических описаниях первой половины XX века [см. Кузьмин 1931: 151]. Судя по всему, именно этот тип вокализма нашел отражение в исследованных текстах. Принцип сильного *яканья* заключается в том, что в звуке [’а] совпадают рефлексy *а, *е, *е, *ѣ, *ь (например, *п’атак*, *в’адy*, *цв’атка*, *л’акко*). Значит, на письме реально это может отразиться лишь путем замены букв *е* и *ѣ* (когда таковая употребляется в безударных слогах, что в рукописях делового содержания XVII в. бывает редко) буквой *я*. Что касается отражения того [’а], которое произносится на месте *е, то традиционная орфография предусматривала написание в этом случае *я*. Поэтому при наличии случаев замены *е* (*ѣ*) на *я* показательными могут оказаться написания, где на месте *я* пишется *е*, что, вероятно, свидетельствует о стремлении писца не отражать *яканье*, то есть писать там, где он произносит [’а], букву *е*. Именно такая картина вырисовывается при анализе материала великолукской отказной книги.

Здесь имеется достаточно количество орфограмм с заменой *е* на *я*, причем существенно, что они появляются и в тех случаях, когда под ударением стоит гласный ненижнего подъема (*не-а*), и тогда, когда под ударением находится [а].

Замена *е* и *ѣ* на *я* перед буквами, обозначающими *не-а*: *о^мдѣляно* (прич.) 52, 53об., 56об., 72об., 74, 76об., 108об., 111об., 195об., 196об., 197об., 215, 217об., 618, 624об., 626об., 637об., 641об., *о^мдѣляны* 517об., *промянили* 91об., 92, *Плящѣева* (фамилия, Р. ед.) 72, 72об., 74, *Плящева* 51, 71об., 226, 336об., 227, 227об., 228, 228об., 229 (ср.: *Плящева* 51об., 226). Сюда же, возможно, относятся написания <деревня> *Пястохино* 95об., <деревня> *Пястюхино* 92⁶, на *Пячици* 109 (ср. на *Печици* 109, 109об.)

Замена *е* и *ѣ* на *я* перед буквами, обозначающими [а]: *имяна* 521об.⁷, *с плямя^ннико^н* 63об., *плямя^нни^к* 52об., *пу^тто^ш* *Пя^тряево* 491об., *пу^тто^шю* *Пя^тряевою* 491об.

Судя по всему, писцы старались следить за тем, чтобы не отражать свое являющееся произношение, и поэтому возникали написания, где в первом предупредном слоге на месте *е* появляется *ѣ*, который ассоциировался, как можно думать, в сознании писцов со звуком [e]: *четыри вѣрсты* 141об., *крѣстьян* (В. мн.) 86, на ...*мѣже* 227. Буква *ѣ* может писаться и этимологически правильно: *промѣняли* 91об., *промѣнили* 92.

Видимо, под влиянием гиперкоррекции появляется и некоторое количество орфограмм с заменой *я* на *е*: *дѣсетина* 167об., *три дѣсетины* 170, *двѣ десетины* 170, *полтары десетины* 263об., *у дубнега* 328, *не^тна^тце^т* 69, *деветьна^тце^т* 26об., *свеще^нни^к* 424об. Имеется также возникшее, видимо, из тех же гиперкорректных соображений (то есть из нежелания употребить букву *я*) написание *диока* (Р. ед.) 58, 618об.

Таким образом, можно полагать, что вокализм первого предупредного слога в великолукских говорах первой половины XVII в. характеризовался совпадением гласных неверхнего подъема в звуке [’а] вне зависимости от последующего согласного и гласного ударного слога.

Для второго предупредного слога материала обнаружено совсем немного, и связан он в основном с заменой *е* на *ѣ* (*дѣсетины* (Р. ед.) 169об., 170, *дѣсетина* 167об., *Бремѣвы^н* 108), что должно свидетельствовать о произношении в данной позиции *е*-образного или *ь*-образного звука. В этом отношении показательно запись конца XIX в., сделанная в упоминавшемся уже погосте Марипчелки: *бизъ поры, бязъ врѣмички* [Успенский 1898: 86], где яканье проявляется только в первом предупредном слоге, а во втором предупредном в той же конструкции произносится *не-а*. Впрочем, имеется написание <пустошь> *Пляскачово* 222об., которое может указывать на то, что в данной позиции все же звучал и гласный [’а].

4.3.2.2. Заударные слоги

В заударных слогах всех типов отмечается замена *е* на *я*, то есть в этой позиции находит отражение реализация <е> в звуке [’а].

Неконечные слоги:

на^д...колодязе^н 468об., 568об., *н(ы)нѣшня^д* 479об., *племяни^к* 546об., *в Ызнатяво место* 556, *Мо^тфеявы* 564, *Ма^тфеяво* 563, *Мо^тфеяву* 564, *Ше^тнявы^х* (фамилия, Р. мн.) 373, <пус-

⁶ По всей видимости, два последних имени являются вариативными названиями одной и той же деревни. Ср. контексты: *дере^ня Михале^ская Пястохино Рябинково то^ж* 95об.; *дѣре^ня Михале^ская Пястюхино Рябо^ская то^ж* 92. Дело в том, что одна деревня могла иметь несколько наименований, поскольку параллельно со старым, официальным названием с течением времени возникало новое. Так появлялись двойные, тройные и еще более сложные наименования. Кроме того, к возникновению усложненных географических названий приводили ошибки писцов, неясности чтения географических имен в ветхих актах и книгах, что вело к появлению отклонений письменных форм от разговорных вариантов [см.: Попов 1981: 25]. Примеры подобного рода обнаруживаются и великолукской отказной книге: *пусто^ш Кло^шнево и Пло^шнево то^ж* 139об., *пусто^ш Загру^де и Запру^де тож* 140об., <пустошь> *Подпривестово а Подопривестово то^ж* 481, <деревня > *Ко^зино, Козино то^ж* 585об., <пустошь> *Плашково а н(ы)нѣ слывет Ла^шково то^ж* 574об., <пустошь> *Хонене^ская а н(ы)нѣ сказа^н Хонево слове^н* 585.

⁷ Это написание, конечно, может быть морфологически обусловлено — влиянием формы *имя*.

тошь> *Те^няво* 372об., в *Змеяву слобо^нку* 563, в *Ъ Змеяве слобо^нки* 563. Возможно, сюда же относится написание *Крива^н дянскои* (фамилия) 179об.

Конечные открытые слоги:

кре^нтяня (И. мн.) 342, 424об., 427об., 428, *пом^нв^нстья* (И. ед.) 15, *пом^не^нтъя* (ib.) 11.

Конечные закрытые слоги:

Оле^нсея^н 564, *А^нте^ня^н* 564, *о пустоши Кожаня^н* 631.

Приведенные написания, несомненно, показательны с фонетической точки зрения и отражают именно произношение [’а], ведь орфограммы такого типа встречаются довольно часто в памятниках южнорусской деловой письменности, созданных на тех территориях, где в настоящее время распространено как предударное, так и заударное яканье, а также реализация заударного <i>и</i> в [’а] [см. ДАРЯ I, карты 3, 21, 22, 25]. Ср.: *на мяня* [Южн. челобитн., № 48, л. 244], *яздоки* [Там же, № 40, л. 529], *испроядаюся* [Там же, № 42, л. 552], *ви Яле^нкомъ уе^нде* [Там же, № 41, 527], *к воевода* [Там же, № 40, л. 529] *п[о] смотря* (= после смотра) [Там же, № 130, л. 538], *Брядихинь* [Южн. тамож., № 13, л. 36об.], *шесть мяхо^н* [Там же, № 14, л. 139об.], *Пятрушка* [Там же, № 17, л. 62об.], *Пятру* [Там же, № 17, л. 72], *яльчани^н* [Там же, № 17, л. 12], *налява* [Там же, № 14, л. 11об.]⁸, *денья^н* [Там же, № 14, л. 93], *чатыря* [Там же, № 15, л. 5, 7, 8об., 12об., 13об., 15 и др.], *чатыряста* [Там же, № 15, л. 78об.], *с чатыря^н* [Там же, № 15, л. 13], *чатыря^н* [Там же, № 15, л. 7об., 8], *горада Киява* [Там же, № 17, л. 69об.], *поскребая^н* (3 л. ед. ч. наст. вр.) [Там же, № 17, л. 47], *за^ннями ногами* [Там же, № 14, л. 77об.]

Вопрос о том, насколько можно доверять написаниям с буквой *я* вместо *е* в великолукской отказной книге, важен потому, что в современных великолукских говорах [’а] на месте **е*, **ѣ*, **ь* в заударной позиции фиксируется чрезвычайно редко, а в основном здесь произносятся звуки [е], [и], [ь] [ДАРЯ I, карты 21–23, 25–29]. Такой же была ситуация и в конце XIX в., о чем свидетельствует достаточно обширный фольклорный материал, записанный в д. Марипчелки, напр.: *на берижку* [Успенский 1898: 82], *б^ндуть* [там же: 84], *ради тильницы* [там же: 87], *черизь березья*, *черизь сасонья* [там же: 88], *увяд^нити* [там же: 90], *зел^ннь садь* [там же: 92], *пр^нятели* [там же: 95], *в терими* [там же: 96] и т. д. Есть отражение такого произношения и в исследованных текстах XVII в.: *четыри* 139об., 171об., *четырь* 62об. Однако вышеприведенные написания с заменой *е* на *я* свидетельствуют о том, что в первой половине XVII в. [’а] в соответствии с гласными среднего подъема было распространено больше, чем в нынешнем состоянии диалекта. Видимо, фонема <a> также реализовалась в звуке [’а], во всяком случае в настоящее время такое произношение в великолукских говорах представлено шире, чем произношение [’а] на месте гласных среднего подъема. В рукописных источниках это явление непосредственно отразиться не может, поскольку написания типа памяти 48 являются традиционными. Есть, правда, орфограммы *по... пам^нети* 563об., *по... пам^нти* 19, 47об., 78, которые можно считать гиперкорректными. Если и фонема <a> воплощалась в звуке [’а], следует говорить о полноценном заударном яканье и констатировать, что перед нами особенность, которая за последние столетия подверглась в великолукских говорах нивелировке.

4.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]

Материала, касающегося вокализма первого предударного слога после шипящих согласных и [ц], немного, но он позволяет заключить, что гласные неверхнего подъема реализовались здесь так же, как после парных мягких согласных. С одной стороны, имеются написания с заменой *е* на *а*, что свидетельствует о том, что предударный **е* давал

⁸ Ударение в этом слове исконно падало на первый слог.

рефлекс [а]: *четыре* 3 (2 раза), 3об., *Ша^ршовы* (фамилия, И. мн.) 385 (ср.: *Ше^ршовы^р* 185об.), *по^жня...* *Клычава^мка* 110. С другой стороны, *а* заменяется на *е*: *Шетохина* (фамилия, Р. ед.) 186, 236, 263об. (ср. *Шатохина* 134, 191об.), *Шерапо^о* 105об., *Шерапова* (В, ед.) 400, <пустошь> *Шерапово* 186об., *Ключерева* (Р. ед.) 180. Как и в предыдущих случаях, закономерно предположить, что подобная замена появляется ввиду стремления писавших не отражать аканье-яканье и писать, по их разумению, грамотно.

Наличие аканья-яканья во втором предударном слоге устанавливается на основании следующих орфограмм: <по крестному> *цалова^ню* 410об., 424об., 425, 492, 546об., 552об., *цалова^нники* 410об.

В заударных слогах проявляется реализация **е* в [а]: *на^о ре^чкою на^о Всяку^рцаю* 358, 359, 359об., *на^о рекою над Рубе^жницаю* 592, *пусто^шю Хворощиницаю* 378 об., *по сторожи^нцаве скаске* 412, *стущаны* (прич.) 155, 201об., 496об. (ср.: *стущены* 546об.) *приущано* 88об., 92, 95, 182об., 201, 227, 472об., *приущана* 108об., 227 (неконечные слог); <пустошь> *Зя^блица* 439 (ср. <пустошь> *Зяблище* 437) (конечный открытый слог).

В тех же позициях находим в соответствии с **е* букву *о*. Наличие вышеприведенных написаний с *а* заставляет счесть орфограммы с *о* гиперкорректными, появившимися потому, что писцы избавлялись от буквы *а*, передававшей их произношение. Примеров употребления *о* после букв шипящих и *ц* имеется достаточное количество: *по^оячова* (Р. ед.) 263об., *Колоко^цовы^н* (фамилия) 192, 200, <пустошь> *Лу^кя^чово* 431, <пустошь> *Па^чово* 444, <пустошь> *Плеци^чово* 32об., <пустошь> *Фофа^чово* 167, *Беше^чова* (фамилия, Р. ед.) 51об., *Беше^чову* 52, *Беше^човы^н* 569 (неконечные слог); *за мужо^н* 147, *на о^нхожо^н лугу* 100, *похо^чо^н* (3 л. ед. ч.) 482об., *к те^н се^чца^н и пустошо^н* 11об., *старожич^човь* 413 (конечные закрытые слог); *Юрицо* 236, *Юрицо* 186, *селицо* 169, <деревня> *Печицо* 52, *усадицо* 49об., 52, 108об. (конечные открытые слог).

В заударных слогах после шипящих согласных, видимо, произносилось и *не-а* (скорее всего, звуки [ы], [э^н], может быть, [ь]). На это указывает вариативное написание имен собственных с буквами *и* и *е*: 1) *Ладыже^сско^н* 50, 67, *Лодыже^сско^н* 136об., *Лодыже^сскаи* 69 — *Ладыжи^сско^н* 33, 68об., *Ладыжи^сско^н* 565, *Ладыжи^сского* 71, *Ладыжи^сскаго* 549об., *Ладыжи^сскому* 360об.; 2) в *Жижецкои волости* 7 — *Жижицкое волости* (Р. ед.) 44. Название этой волости образовано от топонима (имени погоста) *Жизцы* или *Жижиц* (именно с таким ударением) [см. Попов 1981: 158], зафиксирован также вариант названия *Жижец* [там же: 161].

Возможно, звук *не-а* был представлен на месте <а> во второй части сложных числительных, так как буква *е* здесь пишется регулярно, а иногда употребляется и *ѣ*, например: *ади^ннаце^н* 73, 547об., *ади^ннатце^н* 26об., *оди^ннацетъ* 222, *четы^рна^нцетъ* 26, *пя^ннаце^н* 55об., *пя^нна^нце^н* 26, 511об., *не^нна^нце^н* 69, *ше^тна^нцетъ* 26, *семьна^нцетъ* 62об., *се^нна^нцетъ* 27об., *во^мна^нцетъ* 27, *деветьна^нце^н* 26об., *два^нцетъ* 63, *дваце^н* 603об., 604об., *три^нце^н* 427, 614об., *трице^н* 602об., *три^нцѣтъ* 72об., 221. Ср. в записях великолукского диалекта середины XX в.: *тр^ицѣтъ* [Практич. занятия: 90].

4.3.4. Вставные гласные

В современных говорах, локализующихся в районе Великих Лук, так же, как и во многих других русских диалектах, распространена вставка гласных в начальном слоге слова. Так, слово «пшеница» может произноситься как *п[ъ]шеніца*, *п[а]шеніца* и *п[ы]шеніца* (впрочем ареал распространения этого явления захватывает великолукские говоры лишь крайней северо-западной своей частью) [ДАРЯ I, карта 13]. Известно здесь и прибавление начального гласного в словах, в инициальной части которых находится сочетание плавного с шумным ([а]ржаной, [и]ржаной, [и]ржѣ, [и]ржѣтъ, [и]льдѣм) [ДАРЯ I, карты 14, 15], *гарячимъ слязѣмъ илюю* [Успенский 1898: 82].

И
стрем
риваем
на 197
случая
го, к п
дивова
420об.
Н
О^си^ни
крѣст
в како
речисл
рицу 5
с напи
грамм
359. И
дворы
в древ
рус. яз
Т
го диа
сочета
плавн

В
ских, п
отказн
Это, с
ной ф
велико
псков
в [ѣ],
I, карт
фикси
кими

⁹ Видим
4.4.1.
¹⁰ Гидр

Исследованный материал великолукской отказной книги позволяет заключить, что стремление к преодолению начальных сочетаний согласных было характерно для рассматриваемых говоров и в первой половине XVII в. Встречено название <пустощь> *Пашеницына* 197, которое, возможно, этимологически связано с существительным «пшеница». В тех случаях, когда сочетание *рж* попадало в позицию после предлога, состоящего из согласного, к предлогу прибавлялся гласный, так что вновь образовавшаяся слоговая граница ликвидировала сложнопроизносимое сочетание: *ко^о рже^ескому... помѣстью* 421, *во^о ржеве Пусто* 420об. (Ср. аналогичные написания в текстах новгородского происхождения — 1.3.4.).

Неудобным для произношения оказывалось, по-видимому, сочетание [вд]: *да овдови^и Оси^инь крѣстьяни^и* 497об., *да о^одовины^х Одокимовы жены Дединева Ната^ииныхъ крѣстьянъ* 58, *из овдовина <поместья>* 547, 548. Возможно, что и начальное сочетание [дв] в каких-то случаях ликвидировалось. Так, название одной из многочисленных пустошей, перечисленных в исследуемой книге, выглядит как Одворица: *на Одворицы, Одворица, Одворишу* 566об. Вставка гласного упрощала произношение начального сочетания [вск]⁹: наряду с написаниями *блиско Вскуицы рѣки* 409об., *на рѣчке на^в скуицѣ* 154об.¹⁰ отмечены орфограммы другого рода: *на^о речкою на^о Всяку^ицаю* 358, 359, 359об., *на^о речкаю на^о Всяку^ицою* 359. И, наконец, по каким-то причинам вставлялся гласный в сочетание [кр]: *кирылоша^иские дворы* 32об. Это производное от существительного крылошанинъ (или крилошанинъ — в древности бытовали обе эти огласовки) — ‘член клира, священнослужитель’ [Слов. др.-рус. яз., т. 4: 298].

Таким образом, можно заключить, что произносительной особенностью великолукского диалекта первой половины XVII в. было стремление избавляться от некоторых начальных сочетаний согласных, причем не только в тех случаях, когда эти сочетания состояли из плавного с шумным, как это происходит в нынешнем состоянии диалекта.

4.4. КОНСОНАНТИЗМ

4.4.1. Губные спиранты

4.4.1.1. Фонема <в> и ее реализация

В отличие от всех рассмотренных выше рукописных источников — собственно псковских, новгородских, а также текстов, созданных на новгородской периферии, — великолукская отказная книга совершенно не дает примеров отражения позиционного оглушения <в> в [ф]. Это, скорее всего, не случайно и, должно быть, свидетельствует о том, что наличие губно-зубной фонемы <в>, оглушающейся в слабых позициях в [ф], не было характерной особенностью великолукского диалекта. Как было сказано выше (см. 3.4.1.1.), в южной части современной псковской группы, где и расположены великолукские говоры, распространена реализация <в> в [ʋ], хотя имеется и произношение [ф] на месте <в> перед глухими и в конце слова [см. ДАРЯ I, карты 56–58]. Здесь же, как и в говорах всей юго-западной части великорусского наречия, фиксируется произношение гласного [y] на месте <в> в начале слова перед согласными (звонкими и глухими) [ДАРЯ I, карта 57]. Возможность произношения [y] полного образования

⁹ Видимо, оглушение [в] в [ф] не было представлено в первой половине XVII в. в великолукских говорах, см. ниже — 4.4.1.1.

¹⁰ Гидроним *Вскуица* неоднократно упоминается в [Сп. нас. мест... Пск. губ.].

в соответствии с <в> неизбежно приводила к мене предлогов (и приставок) **в** и **у**¹¹. Именно эта особенность находит отражение в исследованных рукописях:

1) у *друго^м мѣсте* 569, у *Петрово место* 553, *приѣха^ѡ у Иваново помѣстье* 166об., у *дву третех^х* 218, *живу^м у забегаш^х у лесу* 278об. (ср.: *а живе^м в забегаш^х в лесу* 278об.)

2) *вѣ нево в дачи пустоши ... нѣтъ* 566, да *в нево бобы^ѡ Фро^ѡко Васи^ѡевъ* 19об., *та пусто^ѡ Фролово во^ѡ довы Ма^ѡи за дачею ... была в ли^ѡке* 143об., *что ... во^ѡ довы Ма^ѡи о^ѡталоса* 149об./150.

Перед начальным [в] знаменательного слова предлог **в**, по-видимому, не произносился как [у], а сливался в произношении с последующим [в]. Во всяком случае, отмечено несколько случаев пропуска буквы **в** в этой позиции: *и во^ѡчину накаму не о^ѡданы* 552, *и во^ѡчину никому не о^ѡдана* 207, *и во^ѡчину кому не дано ли* 47об., *и во^ѡчину ... не о^ѡдана никому* 425, *и во^ѡчину кому не о^ѡданы ли* 71об./72, *и во^ѡчины наперед^ѡ сего не о^ѡданы* 552об./553, *и выходны^ѡ книга^ѡ написаны они за ни^ѡ* 122об., *и прихожда^ѡ в те^ѡ хре^ѡтъя^ѡ которы^ѡ были на отделе Ва^ѡкино и в Бѣва^ѡково да в Блѣ^ѡкино место руку приложит^ѡ* 152-152об.

К сожалению, не представляется возможным выяснить, реализовалась ли фонема <в> в середине слова перед согласными звуком [ў], так как написаний с заменой **в** на **у** помимо приведенных выше, где они встречаются в составе предлога, в показательных позициях не отмечено. Есть только орфограммы *Еула^ѡне^ѡ* 372, 563, *Еула^ѡнѣя* 160, которые, будучи передачей имени собственного иноязычного происхождения, в плане решения вопроса о реализации фонемы <в> неинформативны (см. выше, 1.4.1.1.).

4.4.1.2. Эпентетическое и протетическое [в]; предлог **у**

В великолукской отказной книге так же, как и в описанных выше памятниках, созданных на других территориях, отражается наличие эпентетического [в] в интервокальном положении в заимствованных словах: *Ларивонов* 492, *Левон^ѡ боб.*, <пустошь> *Левон^ѡво* 603об., <пустошь> *Лѣвон^ѡво* 227, <пустошь> *Левон^ѡво* 69об., *Левон^ѡтеѣ^ѡ* 114об., 116 *Левон^ѡтеѣ^ѡ* (Р. ед.) 587об., *с Родивон^ѡ* 137, *Родивон^ѡ 5*, *Родивон^ѡво* (Р. ед.) 84об.

Протетическое [в] отмечено несомненно только в одном случае: *вуг^ѡе* 217об./218 (естественно, есть и написания типа *вопче*, но доказательными они не являются, отражая лексикализованное явление, см. выше, 1.4.1.2.). В XX в. в Великолукской области также отмечалось [в] протетическое, ср.: [вучѣйт'ел'], [вучѣл] [Практич. занятия: 90].

Имеется и ряд орфограмм, свидетельствующих о наличии в говоре писцов предлога **у**: *у* *Офона^ѡя* 143об. (2 раза), 149об., 152, *у* *Орехова* 222об., *у* *у^ѡтъе* 591, *у* *о^ѡху* 567 (2 раза), *у* *у^ѡи* 63об. Выше было показано, что предлог **у** находил отражение в текстах конца XVI – первой половины XVII в., написанных на тех территориях, диалект которых в настоящее время этого предлога уже не знает (см. 1.4.1.2.; 2.4.1.3.; 3.4.1.2.). В современных же великолукских говорах предлог **у** распространен и сейчас [ДАРЯ I, карта 59], так что вывод о том, что приведенные немногочисленные написания соответствуют реальной языковой ситуации первой половины XVII в., полностью подкрепляется данными диалектологии и лингвистической географии.

4.4.1.3. Фонема <ф>

В великолукской отказной книге отмечено много случаев употребления в заимствованных словах, в том числе в именах собственных и производных от них, буквы **ф** (и **ѡ**, кото-

¹¹ Ср. записи конца XIX в.: *у кабакѣ, узялѣ, у дѣвушках*, с одной стороны, и *вслѣшитѣ, ввидитѣ* — с другой [Успенский 1898: 88].

рая в дальнейшем изложении будет передаваться как *ф*), например: *Офанасе*^н 102, за *Фоминь*^н *прудо*^н 355, *пустошь Фролово* 143, за *Стефанидою* 615, *сме^жно с пусто^шми Анцыфоровы*^н и с *Филины*^н 591об. и т. д. Ср. также топонимы с неясной этимологией: *пусто^ш Фифоново* 384, *о пустоши Суфершицѣ* 500-500об. Замены *ф* на *хв* или *х* не обнаружены, однако есть один случай употребления *ф* вместо *х*: *Пофо^нка* (Р. ед.) 278об., что, скорее всего, связано с гиперкоррекцией, причем не орфографической, а языковой (ср. в записях середины XX в.: [фугар] при [сарафан] [Практич. занятия: 90]). В конце XIX в. в великолукских говорах фиксировалась замена *ф* на *х*: *всѣ тахтой* (= тафтой), *всѣ бѣрхатой* [Успенский 1898: 92], *Микита Хѣдаравичъ* [там же: 96], *Яхѣмъ Митривичъ* [там же: 102], *канхѣтъ да прѣньничковъ* [там же: 102]. Данные современной лингвистической географии в этом плане таковы: южная часть Псковской группы говоров характеризуется наряду с наличием непозиционных [ф] и [ф'] заменами последних на [хв] и/или [х]; [хв'] и/или [х'] [ДАРЯ I, карты 54, 55]. По-видимому, такая ситуация наблюдалась и в первой половине XVII в.

4.4.2. Заднеязычные согласные

4.4.2.1. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных

В исследованной рукописи не найдено указаний на качество звонкой заднеязычной согласной фонемы, поэтому перейдем сразу к позиционным реализациям заднеязычных.

При полном отсутствии написаний типа *Федкя* (а имен на *-ка* в тексте встречено множество), отмечено значительное количество написаний слов «сколько» и «только» с отражением смягчения [к]: *ско^лке* 30об., 31, 51об., 60об., 68об., 97об., 103, 112, 161об., 163, *ско^лкѣ* 86об., *ко^лке* 72, *то^лке* 32об. Таким образом, перед нами отражение лексикализованной разновидности прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. Для современных великолукских говоров прогрессивное ассимилятивное смягчение как фонетическая закономерность не характерно [ДАРЯ I, карты 66, 67], но формы [скѣл'к'и], [тѣл'к'и] диалектологами в недавнем прошлом фиксировались [Практич. занятия: 90; Успенский 1898: 84].

4.4.2.2. Переходное смягчение заднеязычных согласных

Лексически ограниченным было, судя по всему, и переходное смягчение заднеязычных согласных. Оно находит отражение так же, как и в рукописях, описанных в предыдущих главах, лишь в имени «Лукьян» и производных от него: *Лу^ня^н* 231об., 233, *Лу^нян^н* 232об., *Лутьян^н* 128, *Лу^няну* 231, 231об., 233, *перѣ Лу^няно^н* 232об., *Лу^няно^н* 424об., *Лу^няновѣ* 324об. Имеются и гиперкорректные написания *А^нкипка* 481об., *А^нкипка* (В. ед.) 480, *Онкипа* (Р. ед.) 481 наряду с этимологически правильным *се^нца О^нтипо^нско^н* 516. Современным говорам рассматриваемого региона переходное смягчение заднеязычных не присуще [ДАРЯ I, карта 68].

Видимо, великолукский диалект в свое время пережил переходное смягчение [к], но эта черта, осознававшаяся как ярко диалектная, стала изживаться, и в процессе ее утраты возникли гиперкорректные огласовки, в частности, у имен собственных, что и привело к появлению форм типа *Анкип*.

4.4.3. Качество <ш> и <ж>

Шипящие [ш] и [ж] в современных великолукских говорах всегда твердые [ДАРЯ I, карта 63]. В великолукской же отказной книге встречены противоречивые написания, отражающие качество <ш> и <ж>. С одной стороны, имеются сочетания *шы*, *жы*, за которыми, несомненно, стоит твердость соответствующих звуков, причем словоформы с этими сочетаниями многочисленны. Ср.: *пусташы* 372об., 563, 563об. (2 раза) 564, *жылы* 563об., *жылы*^х (Р. мн.) 65об., *жылые* 64об., 111об., 224, *приложы*^л 23об., 42об., 66, 136об., *приложыль* 26об., *Дружны* (имя собственное, Д. ед.) 51об., *в Жыже*^{ко} *волости* 372. С другой стороны, есть орфограммы (что особенно показательно — это имена собственные), за которыми должна стоять мягкость шипящих: *Яшю*^{ки} (Р. ед.) 23, *Фе*^{ка} *Жю*^к 158, *Фе*^{ку} *Жюка* (В. ед.) 156об.

Вполне допустимо, что написания обоих типов отражают реальную языковую ситуацию, то есть, что в великолукском диалекте начала XVII в. наблюдались и твердые, и мягкие шипящие. Делать такой вывод можно на основании наших представлений том, каково было качество шипящих в тот же период в соседних диалектах. Как было показано выше, в псковском говоре, который располагался к северу от великолукского, шипящие были уже твердыми (см. 3.4.3.). В смоленском же диалекте, локализовавшемся южнее великолукского, шипящие в начале XVII в. еще сохраняли мягкость (см. ниже, 6.4.3.). Таким образом, в плане отвердения шипящих великолукский диалект занимал промежуточное положение между псковским диалектом, где отвердение шипящих уже произошло, и смоленским диалектом, в котором процесс отвердения задержался. Поэтому можно заключить что [ш] и [ж] в великолукском диалекте начали отвердевать незадолго до XVII века (ведь и в собственно псковских говорах шипящие были еще мягкими в XIV–XV вв. — см. выше, 3.4.3.), и в тот период, когда была создана великолукская отказная книга, процесс отвердения еще окончательно не завершился и реликтивно сохранялись мягкие [ш'] и [ж'].

4.4.4. Долгие и сложные шипящие согласные

В великолукской отказной книге находим несколько случаев употребления буквы *ш* вместо *щ*: *памеш*^к 363, *в отдел*^ш *иково место* 75, *аделши*^к 68, *потъ с Оси*^ш 566. Кроме того, два раза встречена обратная замена *ш* на *щ* в фамилиях: *Обашева* (Р. ед.) 74 (ср. *Обаше*^г 72, *Обашеву* 75, *Обашо*^г 71), *Беще*^ц *цова* (Р. ед.) 51об. (ср.: *Беше*^ц *цову* 52, *Бше*^ц *цъву* 52). Эти факты говорят о близости долгого глухого шипящего нормально краткому. Что же касается качества долгого глухого шипящего, то наличие таких написаний, как *о пустоши Шюки*^{не} 570об. и *с това*^ш *цы* 76об., позволяет предполагать, что он мог произноситься и мягко, и твердо. Этот вывод подтверждается сосуществованием обоих этих типов произношения в современных говорах, локализующихся в районе Великих Лук [ДАРЯ I, карта 48].

Вариативным было и произношение звонкого долгого (или сложного) шипящего. Он мог звучать, с одной стороны, как [ж̄] и, возможно, [ж̄']: *и поро*^ж *жы*^к *земе*^г 563, *поро*^ж *жше* 134об., *и поро*^ж *жш*^к 397, *ис поро*^ж *их* 186об., *поро*^ж *е* 185об., *парожше* 604об., *со*^ж *жжено* 4об., а с другой стороны — как [жд']: *поро*^ж *ди*^к 179, 263, *поро*^ж *дею* (В. ед. ж.р.) 177об., *по*^ж *дены* (= пожжены) 32об., *в поро*^ж *жди*^к 263об., 264, *и съе*^ж *жде*^н *и*^{бе} 412об. Эти типы произношения фиксируются в великолукском говоре и сейчас [ДАРЯ, карта 52]. Возможно, что имелся и вариант [жд] (*въ съе*^ж *дую* *избу* 122об.). Впрочем, ныне в ближайших окрестностях Великих Лук такое произношение отсутствует [см. там же].

Сосуществование разных вариантов долгих (или сложных) шипящих может приводить к появлению гиперкорректных огласовок. Так, в конце XIX века в упоминавшемся уже погосте Марипчелки была записана форма *пажжю* в контексте: *пажжю* (= пожду) *ящб гадбк* [Успенский 1898: 84]. В корне глагола «ждать» сочетание [жд] возникло еще в древности после утраты слабого редуцированного, но вариативность в произношении долгих (или сложных) шипящих привела к тому, что и на месте давнего сочетания [жд] появился звук [ж̄'].

4.4.5. Аффрикаты

Целый ряд написаний свидетельствует о мягкости аффрикаты <ч>, причем особенно показательно то, что в словах, не имевших традиционного орфографического облика, то есть в именах собственных, после ч последовательно пишется ю: Чюлкова (фамилия, Р. ед.) 398об., <пустошь> Чюрилово 591, за Чюриловымъ 201об., <пустошь> Чюрила^аская 194, <пустошь> Чочюнино 331, на <реке> Ко^ачюхе 614об. Ср. также менее показательное написание ю в окончаниях: на его дачю 52, на ... дачю 31об., Ивановичю 362, 545об., О^адр^авничю 30, Федоровичю 47, 102, 545об.

В современных говорах на юге Псковской группы, в районе Великих Лук, преобладает твердое произношение [ч], хотя встречается и [ч'] мягкое [ДАРЯ I, карта 45]. Примечательно, что оба звука в относительно недавнем прошлом можно было услышать из уст одного и того же носителя диалекта, ср. [пéч'ка], [вучы́т'ел'], [вучы́л] (запись сделана в 1947 г. от 98-летнего информанта) [Практич. занятия: 90]. Таким образом, отвердение [ч] в великолукских говорах, так же, как и в собственно псковских (см. выше, 3.4.5.) и смоленских (см. ниже, 6.4.5.), относится к эпохе более поздней, чем первая половина XVII в.

Несомненно твердой была вторая аффриката — <ц>. Об этом свидетельствуют многочисленные написания с сочетанием *цы*, причем встречаются они в разнообразных морфемах: в корнях, суффиксах и окончаниях. Ср.: О^ацыф^око 64об., <пустошь> О^ацыфорова 407, с... Анцыфоровы^а 591об., <пустошь> Цывил^аво 541, 541об., 542, по^аня Цывил^аская 532, <пустошь> Цы^аино 585, <пустошь> Цыкар^аская 608об., <пустошь> Цыпыно 364, Большое Галицыно 417, 417об., 418, Малое Галицыно 417, 417об., 419, д(е)р(е)^анею Колопе^ацыны^а 468об., Курицы^а 589об., <пустошь> Лисицыно 183об., <пустошь> Пашеницына 197, <пустошь> Спицыно 16, 473, Креницына (фамилия, Р. ед.) 42, 42об., 60, 578, Кр^авницыну 60об., Скрыплицы^а 357, 366, 414, Скрыплицына (Р. ед.) 127, жи^ацы 48об., зна^ацы 437, пи^ацы 231об., нововыхо^ацы 124, старож^ацы 43, 77, 358об., 513, <пустошь> Мылицы 63, блиско Вскуицы р^абки 409об., на у^атье ре^аке Ужицы 218 и т. д.

Опосредованно на твердость [ц] указывают и написания с сочетанием *ца*, отражающем результат ассимиляции согласных в формах инфинитива и третьего лица единственного числа возвратных глаголов: не ^аступа^аца 151об., 175об., корми^аца (инф.) 1об., 22об., 25об., корьмица (инф.) 23, вступа^аца 122об., стави^аца (3 sg.) 135, сели^аца (3 sg.) 52об., 109об., новосели^аца жи^а 142об., селя^аца 62.

В современных великолукских говорах аффриката [ц] всегда твердая [ДАРЯ I, карта 46].

Что касается вопроса о том, имелось ли в великолукских говорах в первой половине XVII в. цоканье, то материал не позволяет сделать определенное заключение по этому поводу. Есть, впрочем, один случай, который свидетельствует о том, что по крайней мере в период, предшествующий рассматриваемому, цоканье для данного региона было характерно. Это двойное название пустоши — Цыкар^аская Чикарево то^а 608об. Возможно, вариативность в наименовании (о которой см. выше, 4.3.2.1.) возникла в данном случае как раз потому, что в писцовых книгах, которые велись московскими писцами, название этой пустоши записывалось в одном виде, а под влиянием цокающего произношения бытовало среди местных жителей в другой огласовке. Неустойчивость топографических наименований, которая может трактоваться как реликт древнего цокающего произношения, отмечалась в великолукских говорах и в первой половине XX века. Так, И.О. Кузьмин, обследовавший их в 1929 году, зафиксировал тот факт, что названия деревень Спичино и Мяличино в говоре некоторых стариков звучат как Сп'и^ацына и М'а^ал'ицына, причем такая же огласовка отражена и на старых географических картах [Кузьмин 1931: 151].

В современных великолукских говорах наряду с различием аффрикат изредка фиксируется твердое цоканье [ДАРЯ I, карта 46].

4.4.6. Отверждение конечных губных согласных

Среди почерков, которыми написана великолукская отказная книга, есть два таких, в которых противопоставляются буквы *ѣ* и *ь*, причем используются они именно для обозначения твердости/мягкости предшествующих согласных. Из всего весьма обширного рукописного материала, собранного для данной работы, только в почерке трех писцов (два из них как раз являлись составителями великолукской отказной книги и один — тверской, см. ниже, 5.4.3.) буквы *ѣ* и *ь* четко и последовательно разграничиваются, что дает возможность делать выводы относительно твердости и мягкости согласных. Для скорописи XVII в. это более чем редкое явление, и если исследователи древних текстов делового содержания, встречаются нечто подобное в рукописях, то, как правило, специально это оговаривают. Так, в московских источниках XVII в., опубликованных в приложении к книге [Котков 1974], В. В. Колесов обнаружил, с одной стороны, написания *въноука, доумънымъ, хъто, Климъко* и др., а с другой стороны — *сьедет, съѣзду, дъѣвсте, Деменьтъя* (причем *ь* никогда не бывает в положении после буквы губного согласного, который перед последующим мягким, видимо, не смягчался, ср. *въсе, объежъи, въместо, поставлены, покутъки, Павъликъ, стряпъчей* [Колесов 1987: 127]. И. С. Филиппова, описавшая найденные не столь давно в Государственном архиве Рязанской области девять московских великокняжеских грамот, специально замечает: «Буквы *ѣ* и *ь* у всех писцов разграничиваются и по начертанию и по употреблению. Они ставятся на конце и в середине слова для обозначения преимущественно твердости и мягкости предшествующих согласных, а внутри слова также и для обозначения *j* перед последующим гласным» [Филиппова 1982: 261]. К. К. Давидсон, исследуя новгородские документы XVII в., хранящиеся в Швеции, отмечает, что в одном из пяти почерков, которыми эти документы написаны, встречаются обе буквы — *ѣ* и *ь*, — причем можно различить их функции: *ѣ* обозначает твердость предшествующего согласного, а варианты буквы *ь* — его мягкость [Давидсон 1982: 334].

Итак, в одном из текстов великолукской отказной книги, написанном дячком, именовавшим себя Никиткой Петровым, находим графически противопоставленные буквы *ѣ* и *ь* в следующих позициях:

лѣсомъ 169, 170, *за...с(ы)номъ* 170, *ня^м*
дѣсятинъ 170, *в...увѣдъ* 166, *болишимъ* 169.

нять 167об., *ня^мнатцать* 168, 168об., *четверть* 169,
помѣстье 168, 169, *помѣстья* 166, 166об., 170,
крѣстья^н 166¹².

Небольшое количество примеров подобного рода объясняется тем, что буквы *ѣ* и *ь* писались не так уж часто, поскольку чрезвычайно широко было распространено употребление выносных согласных букв в конце слова и в позиции перед другим согласным.

На фоне того, что писец имел привычку отмечать твердые и мягкие согласные, употребляя буквы *ѣ* и *ь*, весьма показательным является написание *семъ* 170, которое, несомненно, говорит о твердости конечных губных. Это явление фиксировалось и в конце XIX века в диалекте рассматриваемого региона. Ср. форму *свѣкрѣв* из записей, сделанных в погосте Марипчелки [Успенский 1898: 89, 92]. В современных южнопокровских говорах губные в конце слова, в основном, тверды [ДАРЯ I, карты 70, 71], так что эта особенность стабильно характеризует данный диалект на протяжении по крайней мере нескольких столетий.

¹² Впрочем, есть одно исключение: *нѣтъ* 167.

4.4.7. Непозиционная твердость-мягкость и глухость-звонкость согласных

В великолукской отказной книге в нескольких случаях отражается непозиционная мена твердых и мягких согласных: *пожна* 614об., *которые* 139, <к> *о^мде^нимЪ* <книгам> 60, <к> *о^мде^ни^и* <книгам> 145 (последние три примера — в «приложениях руки»). Следует сказать, что вариативность мягкости/твердости [н] в суффиксе прилагательных наблюдается и в других словах (*око^ни^х крѣстья^н* 88, *сторон^и* 149 — *сторон^ы* 519, *сторон^{ые}* 348об., *сторон^{ими}* 226, 232, 340об.), так что, возможно, перед нами морфонологическая особенность.

В рукописи находит также отражение лексически ограниченное отверждение [р']: *с товарыци* 130об., 131об., 132об., *Скрипицы^и* 414, 439, 538об., 577, 611об. и др. наряду с *Скрипицы^и* 366, *СкрипицынЪ* 432. Должно быть, гиперкорректным путем возникло написание <пустошь> *Ри^иково* 338 (ср. *Ры^иков* 39, *Ры^икова* 35об. — В. ед.).

Что касается непозиционной мены глухих и звонких согласных, которая единично отразилась в собственно псковских текстах, то и в рукописи великолукского происхождения она представлена всего в одном слове, а именно в фамилии Волжинский, где наряду с обычным написанием ее с буквой *ж* два раза встречаем *ш*: *Пе^тръ Во^ши^иско^и* 491об., *Петрова места Воли^иско^и* 47.

4.4.8. Опущение обозначения йота как возможное отражение его отсутствия

В великолукской отказной книге отмечено несколько орфограмм с пропущенным обозначением йота: *в то же дере^не* 162об., *не* (т. е. «в ней») 210об., *в дете своихЪ духовны^х* <место> 45, *луцко памеш^и* 363, *за Насво* 110 (р. Насва — приток Ловати). Подобные случаи, как было показано выше, встречались в собственно псковских и новгородских текстах, причем применительно к новгородским говорам было обнаружено подтверждение того, что такого типа написания, в принципе, могут отражать живое произношение (см. выше, 1.4.7.). Допустимо предположить, что не случайны написания с отсутствием обозначения йота и в памятниках псковской письменности.

4.4.9. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

Как говорилось выше (1.4.8.), разные русские диалекты знают различное поведение твердых согласных фонем в позиции сандхи перед фонемой <и>, что, возможно, связано со степенью развитости корреляции по твердости-мягкости.

В текстах великолукской отказной книги в отличие от текстов собственно псковского происхождения все согласные — и губные, и зубные, и заднеязычные — выступают перед <и> в своих основных вариантах, то есть в твердом виде.

Губные + ы: *в Ываново* <поместье> 15, 60, 523, *в Ываново мѣсто* 166, *в ывановско^и поместье* 68об., *в Ывашково* <место> 140об., 152об., 163, *в Ыгнатияво место* 556, *в Ыле^и кино место* 152об., *в Ышуково место* 37, *в ыску* 43, 72, 232, 341, 47, 533.

Зубные + ы: *с Ывано^и* 63об., 114об., 152об., 147об., 158, 176, 452об., *с Ыва^ико^и* 116, *с Ыгна^иемЪ* 218, *с Ышуко^и* 39, 137, *с ыными* 65об., 324, *с ынеми* 67об., *из Ыванова помѣстья* 464, *из ызмѣни^ия помѣстья* 23.

Заднеязычные + ы: *к ы^х речемЪ* 46¹³.

¹³ Ср. также диалектную форму *к нихЪ речемЪ* 481об.

4.4.10. Позиционное оглушение согласных

В отличие от собственно псковских текстов, где обнаружено несколько случаев оглушения конечных согласных, великолуцкая отказная книга дает только один пример подобного рода: *склеены в сто^лть* 333об. Имеется однако, как и в других рассмотренных рукописях, целый ряд написаний, отражающих ассимилятивное оглушение шумных согласных перед следующими глухими:

[б] → [п]: *опчие* 482об.

[д] → [т]: *слобо^тку* 563, *слобо^тки* (. ед.) 564, *Фе^тка* 148, *Фе^тку* 156об., *Желу^тко^ско^у* (фамилия) 325^{об.}, *ади^тнатце^т* 456об., 560об., *во^смьнатцетъ* 27, *три^тцѣтъ* 221.

[з] → [с]: *по...скаске* 31, 60об., 412, 519, *по...скасѣ* 236, 352об., *по...скаски* 352об., *у скаски* 462, *блиско* 409об., *Обра^сцова* (Р. ед.) 600об., 601, 602об.¹⁴

[ж] → [ш]: *Ры^шко^с* 39, 126об., *Рыш^кова* (В. ед.) 35об., <пустошь> *Ры^шково* 565, 568, *о^ш пустоши Ры^шкова* 568, <пустошь> *Ри^шково* 338, <пустошь> *Ло^шкино* 518об., *в Ро^шко^ско^у* *ко^шцы* 27, *у поро^шку* 619об., *Яры^шкина* (фамилия, Р. ед.) 572об., 574, 575об.

Таким образом, великолуцкий диалект, как и собственно псковский, относился к числу таких русских говоров, где позиционное оглушение согласных последовательно осуществлялось. Ср. примеры из диалектологических записей: *нихто сваёму дѣтищу не врак* [Успенский 1898: 84], *плук, сапагоф, на сир'отк'и, хл'ѣнца* [Практич. занятия: 90].

4.4.11. Позиционное смягчение согласных

Как было сказано выше, среди дьячков, писавших великолуцкую отказную книгу, нашлось двое, последовательно употреблявших буквы ъ и ь как знаки твердости и мягкости. Один из них благодаря этому отразил отвердение конечных губных (см. 4.4.6.), а второй, называвший себя Нестерком Венедиктовым (его почерком написаны лл. 22-23об.), оставил свидетельства мягкости [р'], находившегося в позиции перед мягкими согласными. Ср.: *корьми^тца* (инф.) 22об. (2 раза), *корьмица* (инф.) 23, *Корьни^тка* (Р. ед.) 23, *Марьтемьянова* (Р. ед.) 22, *помѣрли* 23об. Перед твердым согласным [к] сонорный [р] сохранял свою твердость: <пустошь> *Микифорьково* 23.

Мягкость [р'], находившегося в исконном сочетании типа *ТьрТ* перед губным, отмечалась в диалектологических записях в конце XIX века: *с сярьпѣм* [Успенский 1898: 84].

4.4.12. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных

В великолуцких говорах представлены случаи диссимиляции и упрощения групп согласных. Ср. примеры из диалектологических записей: *нихто, што, аннѣй* (= одной) [Успенский 1898: 84, 89]. Отразились сходные явления и в исследуемой отказной книге.

а. Диссимиляция согласных

[кт] → [хт]: *хто* 72, 340об. и др., *ни^хто* 190об., 206, 207, 340 и др., <пустошь> *Де^хтерево* 469об., <пустошь> *Де^хтерѣво* 10об., <пустошь> *Гала^хтионо^ская* 613об.

[кк] → [хк]: *х камѣню* 201об., *ни^х каки^т* 425.

[кр] → [хр]: *хрестья^т* (Р. мн.) 170об., *хрестьянѣ* 476.

¹⁴ Встречено, конечно же, достаточное количество случаев оглушения конечного [з] приставок и предлогов, но эти случаи не приводятся, поскольку такое оглушение было характерно еще для праславянского языка. Стоит упомянуть лишь написания типа *бе^с полуасмины* 600об., *и^с поме^снаго прика^т* 389, которые считаются своеобразной контаминацией произношения и правописания [см. Колесов 1980: 159-160].

6. Упрощения групп согласных

[стн] → [сн]¹⁵: *воло^оны^х* <крестьян> 40, 149, *по... кресному цалова^ю* 424об., 425, 546об., *по... кре^оному цалова^ю* 410об., *по... кр^всному цалова^ю* 492, *в пом^всно^м приказ^в* 171, *и^с поме^наго* 389, 545, *и^с помеснаго* 491, *ис поме^наво* 589, *с помеснаго* 350, *По^никова* (фамилия, Р. ед.) 60, *Посникова* (ib.) 207об.

[здн] → [зн]: *нае^ные пашни* (Р. ед.) 28.

[ст] → [с]: *на^о озеро^м на^о Кресцами* 453 (2 р.), *кре^янина* (Р. ед.) 174.

[шск] → [ск]: *Овсиско^у по^н* 547, *О^ссиско^у пот^ь* 604, *в О^ссиско^у половин^ь* 118¹⁶.

[чт] → [шт] ([г'ш'т] → [шт]): *што* 226.

Следует отметить, что в великолукской отказной книге отражается также сокращение двойного согласного до одинарного: *истари* 480об., *аде^нши^х* 68. Имеется и случай ассимиляции согласных [жц] → [шц] → [сц]: *над озеро^м на^о Жи^ццом* 523, *проме^ж озера Бо^ншого Жи^ца и Малого* 523об. Современное Жижицкое озеро так же, как и расположенный возле него гост, имело, вероятно, вариант названия — Жижец, см. выше, 4.3.2.

В отличие от рукописей, рассмотренных в предыдущих главах, в великолукской отказной книге не отразилось изменение [чн] в [шн], хотя слова, в которых такое изменение могло произойти, встречаются. Судя по данным ДАРЯ, это явление в великолукских говорах имеется, хотя распространено оно меньше, чем, скажем, в собственно псковских, смоленских и тем более восточнорусских говорах [см. ДАРЯ I, карта 83].

4.5. ВЫВОДЫ

I. Исследование великолукской отказной книги позволяет сравнить между собой фонетические особенности, присущие в первой половине XVII века собственно псковским и великолукским говорам, и выявить, какие из этих особенностей были для данных территориально близких диалектов общими, а какие противопоставляли эти диалекты друг другу.

Общие особенности

1. Достаточно последовательно представленные результаты перехода [е] в [о] при наличии отдельных случаев сохранения [е]. Хотя возможно, что сохранение [е] в великолукских говорах было распространено несколько шире, чем в псковских.

2. Наличие заударного яканья.

3. Мена [у] – [в] в начале слова.

4. Наличие протетического и эпентетического [в].

5. Наличие случаев лексикализованного переходного смягчения [к].

6. Твердость [ц] и мягкость [ч'].

7. Наличие отдельных случаев непозиционной мены твердых/мягких и глухих/звонких согласных.

¹⁵ Здесь так же, как в предыдущих главах, не учитывается твердость и мягкость согласных (например, в один раздел входят такие написания, как *воло^оны^х* где имеется сочетание [сн], и *По^никова*, где произносилось [с'н']).

¹⁶ Как говорилось выше (см. 3.4.15.), в Псковской губернии в XIX в. существовало несколько деревень под названием Овсищи [Сп. нас. мест... Пск. губ.: № 1063, 3136, 3142, 3143, 13855, 14027].

Р а з л и ч и я

1. В великолукском диалекте *ѣ повсеместно заменился на [е]. В псковском же диалекте на фоне преобладающей замены *ѣ на [е] сохранились случаи замены в отдельных лексемах *ѣ на [и] и единичные случаи, отражающие древнее произношение *ѣ как [’а].

2. В говорах великолукского ареала к XVII веку сформировалось недиссимилятивное (сильное) аканье, тогда как в собственно псковских говорах был представлен вокализм гдовского типа, то есть в первом предударном слоге гласные неверхнего подъема в одних позициях не различались, а в других еще различались. Аналогичная картина наблюдалась и во втором предударном слоге.

3. В великолукских говорах была распространена вставка гласных для устранения труднопроизносимых начальных сочетаний согласных, а в собственно псковских говорах — нет (во всяком случае, какие бы то ни было свидетельства наличия такой вставки полностью отсутствуют в псковских рукописных источниках первой половины XVII в.).

4. В великолукском диалекте отсутствовало оглушение [в] в [ф] в конце слова и перед согласными. В псковском диалекте такое оглушение имело место.

5. В псковском диалекте шипящие [ш] и [ж] были твердыми, в великолукских же говорах процесс их отвердения еще не завершился.

6. В псковском диалекте долгий глухой шипящий звучал как [ш̄], а в великолукском его произношение, вероятно, было вариативным — [ш̄] и [ш̄’].

7. Долгий звонкий шипящий реконструируется для псковского диалекта в виде [ж̄], в великолукском же диалекте сосуществовало несколько вариантов — [ж̄] и, возможно, [ж̄’]; [жд’] и, вероятно, [жд].

8. В великолукском диалекте заднебные согласные в позиции сандхи перед <и> выступали в своих основных вариантах, то есть были твердыми, а в псковском диалекте они в этой позиции смягчались.

II. Проведенный анализ материала рукописных источников позволяет сопоставить фонетические особенности великолукских говоров первой половины XVII века с теми особенностями, которые зафиксированы в этих говорах в конце XIX и XX веке, и выявить, с одной стороны, те черты, которые остались неизменными, а с другой стороны — видоизменения, произошедшие здесь за последние столетия.

О б щ и е о с о б е н н о с т и

1. Одинаковая система ударного вокализма (рефлексы *ѣ, результаты перехода (или неперехода) [е] в [о], наличие единичных случаев изменения [а] в [е]).

2. Одинаковая организация безударного вокализма после твердых согласных — в первой и втором предударных слогах, а также в слогах заударных.

3. Наличие сильного яканья.

4. Реализация <в> в начале слова в гласном [у] и мена предлогов (и приставок) *в* и *у*.

5. Наличие [в] протетического и предлога *у*в.

6. Наличие непозиционных [ф], [ф’] при имеющихся случаях замены их на [хв] и/или [х]; [хв’] и/или [х’].

7. Сосуществование разных вариантов произношения долгих (или сложных) шипящих.

8. Наличие твердого [ц].

Р а з л и ч и я

1. В первой половине XVII века больше, чем в нынешнем состоянии диалекта, было распространено заударное яканье.

2. Видимо, в тот период, от которого дошли до нас исследованные рукописные тексты, в великолукских говорах вставка гласных в начальные сочетания согласных осуществлялась в большем количестве позиций, чем в современных говорах, а именно не только для преодоления сочетания «плавный + шумный».

3. В первой половине XVII века процесс отвердения шипящих еще не завершился, так что на фоне твердого произношения [ш] и [ж] могли существовать и мягкие звуки. В современных великолукских говорах шипящие [ш] и [ж] тверды всегда.

4. Для первой половины XVII века реконструируется мягкое произношение [ч'], тогда как сейчас эта аффриката представлена в твердом виде.

III. Таким образом, бóльшая часть фонетических черт, характерных для великолукского диалекта в его нынешнем состоянии, была присуща ему и в первой половине XVII века, но ряд особенностей претерпел за последние несколько столетий изменения. Кроме того, сравнение между собой собственно псковских и великолукских диалектов на уровне XVII века и на современном уровне показывает, что комплексы их общих и различительных черт в первой половине XVII в. были несколько иными, чем сейчас. Так, имеется особенность — наличие предлога *уе*, — которая в первой половине XVII в. объединяла псковский и великолукский диалекты, а теперь характеризует только великолукские говоры. С другой стороны, в первой половине XVII в. различие между псковским и великолукским диалектами состояло в том, что в псковском диалекте шипящие полностью отвердели, а в великолукском еще находились в стадии отвердения. К XX веку это различие исчезло — теперь шипящие тверды и тут и там. Есть изменение, которое псковские и великолукские говоры пережили вместе — отвердение [ч']. И, наконец, сближение данных диалектов происходило за счет усвоения собственно псковскими говорами важных фонетических черт, которые развились в великолукских говорах (речь идет о сильном аканье и полном неразличении гласных во втором предударном и заударных слогах), то есть распространение этих черт шло с юго-востока на северо-запад (в пределах западной диалектной зоны). И не случайно лингвистическая география объединяет ныне великолукские и собственно псковские говоры в одну группу, именуемую Псковской.

СЕЛИГЕРО-ТОРЖКОВСКИЕ ГОВОРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

5.1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

К западной части среднерусских говоров помимо псковских, гдовских и новгородских говоров относится и Селигеро-Торжковская группа, диалект которой в фонетическом аспекте применительно к XVII веку (так же, впрочем, как и применительно к другим временным срезам) до сих пор описан не был. В данной главе будут рассмотрены скорописные памятники делового письма разных жанров, происходящие из Торжка, Старицы и Ржева (старое его название — Ржева (Ржова) Володимирова). Кроме того, были исследованы тексты тверского происхождения¹, но их данные описываются отдельно и даются в сопоставлении с материалами, которые получены в результате анализа торжковских, старицких и ржевских рукописей. Дело в том, что Тверь расположена на границе между современными акающими селигеро-торжковскими говорами и восточнорусскими окающими владимирско-поволжскими говорами, и поэтому имеет смысл обратить внимание на сходства и различия, существовавшие в первой половине XVII века между диалектом, расположенным на линии Торжок — Старица — Ржев, с одной стороны, и собственно тверским, пограничным, диалектом — с другой.

К исследованию были привлечены следующие рукописные источники:

- 1) Отказные книги на поместья и вотчины Новоторжского уезда 1614-1628 гг. Текст размещается на лл. 233-271, 279-377об., 384-406 под одним переплетом с отказными книгами других уездов в рукописи № 11463 (РГАДА, фонд 1209, опись 2) — всего 158 л.
- 2) Книги сбора кабацкой прибыли Старицкого кабака 1641-1642 гг., 45 л. — РГАДА, фонд 137, опись 1. **Старица № 1.**
- 3) Книга сбора кабацкой прибыли Погорелого городища Старицкого уезда 1650-1651 гг., 12 л. — РГАДА, фонд 137, опись 1. **Старица № 2.**
- 4) Книга сбора кабацкой прибыли Ржевского кабака 1629-1630 г., 56 л. — РГАДА, фонд 137, опись 1. **Ржев № 1.**
- 5) Приходная книга денег за даточных людей с поместий и вотчин дворян разных уездов («Ржево Володимера города книга, сколько недонято денег с крестьянских и бобыльских дворов») 1638 г., 301 л. — РГАДА, фонд 137, опись 1. **Ржев № 2.**
- 6) Тверская отказная книга 1627-1643 гг., 549 лл. — РГАДА, фонд 1209, опись 2, № 16061.

В дальнейшем изложении при цитировании материала указываются без упоминания номера фонда и описи только номера рукописей (в вышеприведенном списке они выделены жирным шрифтом), причем для обозначения рукописей из фонда 137 (Старица № 1, Старица № 2, Ржев № 1, Ржев № 2) используются сокращения — соответственно **Ст.1, Ст.2, Рж.1,**

¹ Тверские рукописи XVII в фонетическом аспекте также прежде никем не анализировались. Из более же ранних памятников тверского происхождения в этом аспекте изучено лишь «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» по изданию утраченного ныне списка XVI в. [см. Туркина 1959].

Рж.2. Далее через дефис указывается номер листа. Принцип орфографического воспроизведения текста тот же, что и в предыдущих главах (см. выше, 1.1.).

В каждой из старицких кабацких книг (Ст.1 и Ст.2) имеется по одному почерку; равным образом лишь одним почерком написана ржевская кабацкая книга (Рж.1), тогда как в ржевской приходной книге (Рж.2) выделяются два почерка. В новоторжской отказной книге насчитывается по крайней мере семь почерков, причем два из них характеризуются существенной особенностью, отличающей их от других, — здесь отражается изменение *ѣ в [и]. В остальном писцы старицких, ржевских и новоторжской рукописей одинаково отражают местный диалект, что позволяет рассматривать материал всех книг вместе за исключением специально оговариваемых случаев, когда акцентируется внимание на специфике определенного почерка.

Что касается тверской отказной книги, то она написана также несколькими почерками, причем дьячки, из под пера которых выходили тексты (а отказные книги обычно состоят из отдельных текстов), иногда оставляли свои подписи, например: *тверско^н губно^н дьячо^к Гришка Костянтино^о с(ы)нъ Кубасо^о 16061-85об.* Среди почерков тверской отказной книги выделяется один, имеющий редкую для скорописи черту: писец строго различал буквы ъ и ь, что дает возможность сделать достаточно аргументированные выводы об отвердении конечных губных и о качестве шипящих согласных.

Некоторых комментариев требует содержание исследуемых рукописей. Отказные книги (новоторжская и тверская) построены стандартно для такого рода источников, то есть при наличии определенной структуры, характерной для деловых документов этого жанра (когда преобладают сходные синтаксические конструкции), лексика в достаточной степени разнообразна, упоминается большое количество топонимов и антропонимов, что позволяет отразиться многим фонетическим диалектным особенностям. Кабацкие же книги построены весьма однообразно — в них имеется несколько формуляров, по которым строились записи. Приведем для примера две шаблонные записи из ржевской (Рж.1) и старицкой (Ст.1) кабацких книг.

1) *Февроля въ е^{онь} сварили ви^нную брагу четыре че^мве^рти. Купили на ту брагу че^мве^рть солоду орженова, дали два^мце^м алты^н. Купили на ту брагу че^мве^рть ржи, дали два^мце^м два алты^н. Купили на ту брагу две че^мве^рти овса, дали два^мце^м а^лты^н ме^лцо^н. Дали от того хлѣба шесть а^лты^н четыре де^гги. Положили на ту брагу хмелю две че^мве^рти, дали шесна^мце^м а^лты^н. Дро^о по^шло на ту брагу на шесна^мце^м а^лты^н. Винокуру дали о^м тое // браги четыре а^лтына, дву^н стряпчи^н дали о^м тое браги шесть а^лты^н, и всего стала та брага три рубли десе^м а^лты^н четыре де^гги. И вы^шла ис тое браги вина шесть вѣдръ с полуведро^н и с полу-че^мве^ртью. И ут^рговали на то^н вине шесть ру^ле^о два^мце^м а^лты^н пя^м дене^е, и прибыли у то-го вина три рубли десе^м а^лты^н з де^ггою (Рж.1-29/29об.).*

2) *О^мсиде^н н(е)^о(е)лю на кобаке зо ти^мем^б ѡлова^нни^к Василю Ще^они^н. Изо^шло но ево н(е)^о(е)ле све^ч са^лны^х •и• де^(нег), соли •и• де^(нег), дро^о на •и• де^(нег). Но ево^ж н(е)^о(е)ле купле^н десе^то^к ко^ошеи, дано •г• а^л(тына) •в• де^(нъгу), да куплена на виноку^рню бо^ка на раку^е, дана •е• а^лты^н. Да куплены •д• ста^аца, дано •п• де^(нег). Но ево^ж н(е)^о(е)ле куплены •г• ме^шка ве^тхи^х, даны •и• а^л(тына) •в• де^(нъгу). Но ево^ж н(е)^о(е)ле купле^н на де^гги лоре^н и з^ам^бко^н, да^{но} •в• а^л(тына) •в• де^(нъгу). Но ево^ж н(е)^о(е)ле куплена ворона^к жестеная да конюцо^к ру^нои, дано •и• де^(нег). Но ево^ж н(е)^о(е)ле дано от^ъ дву^х бо^чак^о о^м ви^ны^х от о^бручи о^м но^би^ки •г• а^л(тына) •д• де^(нъгу). И всево но ево н(е)^о(е)ле ро^охо^{оу} •кг• а^л(тына) •а• де^(нъгу) (Ст.1-33).*

² *Ракá* — «первая и вончая выгонка вина из затора, погон» [Даль, IV: 55].

5.2. УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

5.2.1. Судьба фонемы <ѣ>

В новоторжской отказной книге буква **ѣ** употребляется в основном правильно, хотя есть и некоторые случаи замены ее на **е**; в обеих же ржевских книгах и в одной из старицких книг (Ст.2) наблюдается регулярная замена **ѣ** на **е**. Что же касается книги Ст.1, то здесь **е** вместо **ѣ** пишется настолько последовательно, что в основном тексте (то есть без учета «приложений руки») буква **ѣ** не встречена ни разу. Далее будет приведена лишь часть достаточно обширного имеющегося в нашем распоряжении материала, касающегося замены **ѣ** на **е**.

Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными (в том числе если предполагается ассимилятивная мягкость)	В конце слова
<p><i>де^ака^м</i> 11463-313об., <i>о^м поветрѣ</i> 11463-262об., 263, 263об., <i>владѣла</i> 11463-250, 250об., 309, <i>ве^орь</i> (Р. мн. от «вѣдро») Рж.1-5об., 15, 23, 40, Ст.1-3, 4, 6об., 10об., <i>ле^мнего</i> Рж.1-20об., <i>ве^мхои</i> (И.ед.) Ст.1-38об., <i>от ве^мхова о^м куба</i> Ст.1-32об., <i>ве^мхи^х</i> Ст.1-33, <i>се^г</i> (глагол) Ст.2-10, 10об., 11, 11об., 12, <i>о^мсиде^г</i> Ст.1-32об., <i>ве^гны^х</i> Ст.1-32, Ст.2-2, 10, <i>о^мсиде^г</i> Ст.1-32, 33,36, 36об. и др. (часто), <i>ме^сто</i> Ст.1-38об., <i>лесу</i> Ст.1-43об., <i>о^м дела</i> Ст.1-37об., 40об., <i>зо дела</i> Ст.1-38, <i>от поде^гки</i> Ст.1-34об., <i>о^м ко^мла о^м желе^знова</i> Ст.1-36об., <i>до Погорелова Городища^з</i> Ст.2-2, 2об., 3, <i>уе^зду</i> (Р. ед.) Ст.2-2 и т. д.</p>	<p><i>в уезде</i> 11463-287, <i>владѣти</i> 11463-260, <i>сѣли</i> Рж.1-2, <i>дѣти</i> Рж.2-185, <i>двѣсте</i> 17, 27, 33, 34 и др. (часто), <i>на Бел^ѣ озерѣ</i> Рж.2-12, 88, 197, <i>сиде^е</i> Ст.2-10, <i>сиде^я</i> (Р. ед.) Ст.1-32, Ст.2-2, <i>све^ч</i> (Р. мн.) Ст.1-33, 34, 34об. и др. (часто), Ст.2-11об., 12, <i>венико^с</i> Ст.1-40, <i>на месе^ч</i> Ст.2-10, 10об., 11, 11об., 12 и т. д.</p>	<p><i>вдове</i> 11463-260, <i>в... губѣ</i> 11463-287, <i>в о^ттебре</i> Рж.1-56об., <i>в ок^тябрѣ</i> Ст.1-34об., <i>в ... декобре</i> Ст.2-4об., <i>на том винѣ</i> Рж.1-23, 30об., 47 и др., <i>в жи^м(ь)ѣ</i> (М. ед.) Рж.2-134, <i>на кабаке</i> Ст.1-32об., <i>в... и^збе</i> Ст.2-10, 10об., 11, 11об., 12, <i>на кобале</i> Ст.2-2, 3, 9, <i>двѣ</i> Ст.1-37 и т. д.</p>

Случаев обратной замены **е** на **ѣ** не отмечено, но в новоторжской отказной книге имеется явление другого рода — взаимная мена букв **ѣ** и **и** в ударных слогах. Особенно ярко она проявляется в почерке, которым написаны лл. 318об.—357об., 360об.—371, 405—406 (за 1621-1624 и 1628 гг.).

Замена **ѣ** на **и**

Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными	Перед звуком, обозначаемым буквой и
<p><i>миры</i> (Р. ед.) 333, 356, 364об., 367. <i>запустила</i> (от глагола “запустѣть”) 335, 340об., 363, 366об., <i>запустило</i> 335об./336, 336.</p>	<p><i>на рички</i> 352⁴, <i>Михиева</i> (Р. ед.) 348.</p>	<p><i>блговище^ескои по^н</i> 363об.</p>

³ Населенный пункт к югу от Старицы, который существует и сейчас [см. Копорский 1949: карта].

⁴ О мягкости [ч] см. ниже, 5.4.5.

местностях Новоторожского уезда «ѣ местами под ударением, по качеству своему, приближается к и» [Мадуев 1908: 48]. Произношение [и] на месте *ѣ фиксируется в ответе на соответствующий вопрос программы для собирания русских говоров, полученном в Торжке [Свод... 1914: 338]. Судя по данным исследованных рукописей, эта диалектная особенность (рефлексы *ѣ в виде [и]) в первой половине XVII в. была распространена в говорах рассматриваемого региона несколько шире — то есть дальше на юг — и за последние столетия подверглась нивелировке.

Несколько другая картина складывается в результате анализа тверской отказной книги. Здесь обычной является замена ѣ на е (естественно, при наличии большого количества случаев правильного употребления буквы ѣ):

Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными (в том числе если предполагается ассимилятивная мягкость)	В конце слова
<p>ле^с 16061-188об., лесу 16061-312об., лесо^м 16061-312об., лесамъ (Т. ед.) 16061-420, 540, вместо 16061-330, 435, 500, вместа 16061-354, место 16061-339об., в Ыванова места 16061-210, нету 16061-115, нет ли 16061-107, сена (Р. ед.) 16061-115, 539об., 540, приеха^о 16061-1об., 298, приехо^о 16061-370, уе^дь 16061-187об., 298, 324, нае^ддамъ (Т. ед.) 16061-78об., заустело 16061-115, при те^х 16061-309об., в те^х 16061-79об., о те^х 16061-537об., и т. д.</p>	<p>е^ди^и 16061-187, 309, в уе^де 16061-537об., к ... ро^де^нны^м книга^м 16061-200, к ... о^де^нны^м книга^м 16061-339, поме^чтя (Р. ед.) 16061-80, 309, владее^м 16061-106об., со всеми 16061-41об., теми 16061-77об., 537, велети 16061-106об. и т. д.</p>	<p>две 16061-325, те 16061-536, на реке 16061-536об. и т. д.</p>

В отличие от торжковских, ржевских и старицких текстов, в тверской отказной книге имеется обратная замена е на ѣ (дѣсять 16061-78об., дѣся^м 16061-78об., в нѣи 16061-78) и практически отсутствуют случаи замены ѣ на и, вернее, найден лишь один пример такой замены: Офона^се^сково Дивичья мон(а)^ст(ы)ря 16061-131, где, на самом деле, и может быть опиской перед буквой и последующего слога.

В настоящее время единичные случаи произношения [и] на месте *ѣ фиксируются в окающих говорах к северо-востоку от Твери; там же располагается существенно более обширный ареал произношения [и] на месте *ѣ и *е перед мягкими согласными [ДАРЯ I, карты 40, 41; Кириллова 1963: 49]. Точно такую же картину описывали применительно к окающим тверским говорам А. Мадуев [Мадуев 1908: 46] и Н. М. Каринский [Каринский 1930: 80-81]. В акающих же тверских говорах ныне наблюдается произношение [е] и перед твердыми, и перед мягкими согласными [ДАРЯ I, карты 40, 41]. По наблюдениям Т.В. Кирилловой, граница распространения [е] и [и] (из *е, *ь) полностью совпадает с границей аканья — оканья. Исключение составляет лишь слово *есть* (инф.), которое одинаково произносится во всех тверских говорах как [йис'] [Кириллова 1963: 50]. Как будет показано ниже, в тверской отказной книге достаточно широко отражается недиссимилятивное аканье, поэтому можно думать, что писцы, создававшие эту книгу, происходили из акающего региона, в котором ситуация с рефлексамми *ѣ была в первой половине XVII в. такой же, как и в XX столетии.

5.2.2. Результаты изменения [е] в [о]

В торжковских, ржевских и старицких текстах так же, как и в других рукописях, результаты исследования которых излагаются в предыдущих главах, отражено изменение [е] в [о] в позиции после мягкого согласного перед твердым, причем только после букв, обозначающих непарные по твердости-мягкости согласные.

С одной стороны, имеются написания, которые отражают изменение [е] в [о] в той категории случаев, где появление [о] поддерживается морфологической аналогией (под влиянием форм с твердым согласным перед окончанием или суффиксом):

В окончаниях: *се^нцо* 11463-250, Рж.2-212об., *за жи^нцомъ* Рж.2-125об., *бо^ншо^н* Рж.2-9, 3, *ме^ншово* (Р. ед.) Рж. 2-235.

В суффиксе -ок-: *дьячо^к* Рж.1- 26/27, 36, *мещо^к* Ст.1-43, *конюшо^к* Ст.1-33, 42⁷.

В суффиксе -ов-: *писцовы^х* Рж.2-292, *писцовымъ* Рж.2-14, 15, *Соловцо^о* Рж.2-5, *Чихачо^о* Рж.2-203, *Щербачо^о* Рж.2-50, *се^нцо Клецово* Рж.2-212об. и т. д.

С другой стороны, есть и более показательные примеры, свидетельствующие о том, что процесс изменения [е] в [о] прошел и в таких позициях, где нет места морфологической аналогии: *перешо^о* 11463-246, *Нацокина* (Р. ед.) 11464-246об., *Ржовы^х* (Р. ед.) Рж.1-7, 45, *из Мещоска* Рж.2-126об. (имеется в виду г. Мещовск), *в Мещоску* Рж.2-126, *мещоско^о* Рж.2-126об., *оттушо^о* Рж.2-199об.

Судя по данным современной лингвистической географии, в рассматриваемом регионе процесс изменения [е] в [о] прошел достаточно последовательно: лишь в районе Торжка имеются небольшие ареалы, где в единичных случаях фиксируется наличие [е], не перешедшего в [о] в корнях и суффиксах [ДАРЯ I, карта 38]. Анализ диалектных текстов, записанных в 50-е гг. XX века в селигеро-торжковских говорах [Нар. говоры... 1971], показывает, что при массовом произношении [’о] после мягких согласных перед твердыми [е] наблюдается действительно единично. Если [е] сохраняется более или менее последовательно, то это происходит в окончаниях глагольных форм настоящего времени [см. Николаева 1989: 139].

Аналогичный материал содержится и в тверской отказной книге. Переход [е] в [о] отражается в упоминавшихся выше некорневых морфемах в следующих случаях:

В окончаниях: *се^нцо* 16061-83, 84, 85, 185, *жи^нцо^о* (Р. мн.)16061-158об., *писцо^о* 16061-537об., *бо^ншое* 16061-108об., *ме^ншое* 16061-160, *бо^ншово* 16061-175об., *ме^ншово* 16061-175об.,

В суффиксе -ок-: *го^ншо^к* 16061-482.

В суффиксе -ов-: <пустошь> *Клецова* 16061-65об., <пустошь> *Ко^нцово* 16061-79об., <в пустоши> *в Воро^нцове* 16061-201об., <деревня> *Я^нвцово* 16061-462об., <в деревне> *в Курчове* 16061-7.

В корневых и аффиксальных морфемах, где не усматривается действия аналогии, также отражено наличие гласного [о] после исконно мягкого согласного перед твердым: *сшо^н* 16061-482, *сшоль* 16061-89об., *Нацокина* (Р. ед.) 16061-320об., *Нацокину* 16061- 32об., <деревня> *Щокотово* 16061-457, 462об., *на реке на Шоше* 16061-11, *в волость в Шостку* 16061-35, 106, 215 (однако ср.: *в Шеско^н ста^н* 16061-27, *в Шѣско^н стань* 16061-404).

⁷ О написании буквы *ш* в соответствии с традиционным *ш* в книге Ст.1. см. ниже — 5.4.4.

⁸ Современные формы *Ржева*, *Ржева* возникли, вероятно, в результате выравнивания основы — под влиянием форм «Ржеве» (М. п.), «ржевичи», в которых не имелось условий для изменения [е] в [о] [см. Васеко 1959: 73].

Говоры, расположенные вокруг Твери, судя по данным ДАРЯ, знают регулярные результаты перехода [е] в [о] [ДАРЯ I, карта 38], хотя в некоторых словах перед шипящими таковые отсутствуют: *поварёшка, чёшет* и др. и др. [см. Кирилова 1963: 49].

Итак, можно заключить, что в отношении рефлексов *е, *ь после мягких согласных перед твердыми говоры, расположенные на линии Ржев – Старица – Торжок, видимо, ничем не отличались в первой половине XVII в. от говорков собственно тверских.

5.2.3. Вопрос об изменении [’а] в [е]

В торжковских, старицких и ржевских текстах не найдено написаний, которые свидетельствовали бы о случаях изменения [’а] в [е] в ударном слоге. В тверской же отказной книге помимо написаний типа *клиненину* 16061-149об., *прихоженина* (В. ед.) 16061-268, *прихоже*⁹ (Р. мн.) 16061-330об. и под., которые, как было показано выше (см. 2.2.3.), к процессу изменения [’а] в [е] отношения не имеют, обнаружено написание *с реду с одново* 16061-209. Впрочем, возможно, что ударение в форме родительного падежа единственного числа с окончанием -у, падало в данном диалекте не на корень, а на флексию, поскольку в древности слово *ряд* относилось к акцентной парадигме *с*, а флексия -у родительного падежа, нормально обладавшая минусовой маркировкой, могла иметь следы ударности [см. Зализняк 1985: 141], так что, быть может, буква *е* в рассматриваемом примере написана не в ударном, а в предударном слоге. В современных тверских говорах — как окающих, так и акающих — переход [’а] в [е] наблюдается только в словах «мяч» и «опять» [Кириллова 1963: 49].

5.3. ВОКАЛИЗМ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГОВ

5.3.1. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова

Торжковские, старицкие и ржевские тексты достаточно свободно отражают неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных и в начале слова, которое проявляется, с одной стороны, в замене буквы *о* на *а*, а с другой стороны, в гиперкорректной обратной замене. При этом несомненно, что аканье в рассматриваемых диалектах было недиссимилиативным, поскольку указанная буквенная мена представлена в первых предударных слогах, предшествующих всем типам слогов, — которые содержат гласные и верхнего, и среднего, и нижнего подъемов.

Первый предударный слог

Позиция перед [и], [ы], [у]

Замена о на а: *ади*⁹ Ст.1- 2об., 43об., *адиннатцать* Рж.2-73, 116, *адинна^тцать* Рж.2-68, 74, 226, *адинна^тца^т* Рж.2-31, 68, 88, 98, *ади^тна^тцать* Рж.2-1, 27, 68, 231, *ади^тна^тца^т* Рж.2-231, *с ади^тна^тца^т* Рж.2-68, *с вацтинами*⁹ Рж.1- 4, 15об., 21, 23об., 47об., 52, *с вацтинами* Рж.1-14, 28об., 33, 37об., 40об., 43, 56об., *но ви^тную варю* Ст.1- 3, 4, 4об., 6об., 7, 7об., 8,

⁹ «Вощина» — сухие соты. Ср.: «Немного меду в пустых вощинах» [Даль, I: 253] и один из контекстов из исследуемой рукописи: ... *прибыли у того меду с вацтинами два^тце^т ня^т а^тты^т три де^тги* Рж.1-14.

8об. и др. (регулярно), *полтары* 11463-288об., *Афимье* (Д. ед.) 11463-347, *каню*¹⁰ Ст.1-36об., в *Колуге* Рж.2-96, 170, 189, 193, 228.

Замена а на о: *зо глину* Ст.1-39, *отъ ноби^кки* Ст.1-36, 40об., 41, *о^м ноби^кки* Ст.1-33.

Наблюдается неустойчивость орфографической передачи топонима Кашира, где этимологически в первом предупредном слоге был гласный *о* [Фасмер, II: 215]: *на Кошире* Рж.2-49, 88 — *на Кашире* Рж.2-263.

Позиция перед <е> (из * ѣ, * е, * ъ)

Замена о на а: *на смѣте* 11463-257об.,

Замена а на о: в *козе^ннои о^нба^р* Ст.1-40об., *хЪ дву^м козе^нка^м* Ст.1-34, *у козенки*¹¹ Ст.1-37, *зо дела* (= за дело) Ст.1-38, *лоре^н* Ст.1-33, *но і^{де(нез)}* Ст.1-43об., *но в^{де(нъзи)}* Ст.1-40об., в... *февроле* Рж.1-21, Ст.2-5об., *ф февроле* Ст.1-15об., *в опреле* Ст.1-21, в... *декобре* Ст.2-4об., *въ де^кбре* Ст.1-36об.

Позиция перед <о> (из * ђ, * о, * ъ)

Замена о на а: *тапо^р* Ст.1-37, *ста^ббо^с* Ст.1-43об., *нагато^ржца* Рж.1-50, *нагато^рскои* 11463-262.

Замена а на о: *но стоику* Ст.1-32, *Колоша* (прозвище) 11463-384.

Позиция перед <а>

Замена о на а: *адна* Рж.2-14, *вдава* 11463-253об., *лапата* Ст.1-36об., *пивавару* (Д. ед.) Рж.1-39, 52об., *тивадару* Рж.1-31, *с таварици* Ст.2-10, *с таварьци* Ст.2-2, *Ка^ндрашка* 11463-319об., *Ка^ндратьевъ* 11463-350, *Афанасеи* 11463-310, *Афана^се^с* 11463-310, *Абрама* (Р. ед.) Рж.2-8 (ср. *Обрама* Рж.2-8).

Замена а на о: *дона* Ст.1-42об., *но е а^(атын)* Ст.1-41об., *в зо^нка* Ст.1-34, *на коба^к* Ст.1-36об., 37об., 43об., 44, Ст.2-2, *коба^нкая* Ст.2-10, *коба^нцки* Ст.1-32, *коба^нки^х* Рж.1-1, *коба^нкого* Рж.1-1 *въ коба^нцкую и^збу* Ст.1-32, 37 *коба^нкова* (Р. ед.) Ст.2-2, 10, *в коба^нко^н и^збе* Ст.2-10, *Мокаро^с* Ст.1-33об., *февроля* (Р. ед.) Ст.1-13об., 14, 14об., 15об., Ст.2-5, 5об., 11, Рж.1-17, 18, 19, 20, 26об. и др., *декобря* Ст.1-4, 8об., 9об., 10, 10об., 11, *ге^нворя* Ст.1-11об., 12, 12об., 13, 37об., *на Олатаре* (р. Алатырь) Рж.2-48, 242, *на Олаторе* Рж.2-148.

Таким образом, в первой половине XVII в Селигеро-Торжковских говорах так же, как и сейчас, было распространено недиссимилятивное аканье [см. ДАРЯ I, карта 1].

Второй предупредный слог

Мена букв *а* и *о* наблюдается и во втором предупредном слоге.

Замена о на а: *асмина^нцати* (Р. п.) Рж.2-222, *бачару* (Д. ед.) Ст.1-41, *нагато^ржца* Рж.1-50, в *Нагато^ржско^н уѣ^зде* 11463-248, *нагато^рскои* 11463-257, 262, 268, *з д(е)р(е)^ни са О^ндръянова* 11463-254, *солоду арженова* Ст.2-2об., 3, 3об., 4, 4об., 5 и др. (регулярно), *Ларивово^с* 11463-254, *Афанасеи* Рж.2-91, *Агибалов* Рж.2-150 (ср. *Огибалов* Рж.2-35).

Замена а на о: *на кобаке* Ст.1-32, 36об., 38, 39, 40, 40об. и др. (регулярно), Ст.2-2 3, 9, Рж.1-2об., *кобацки* Рж.1-2об., *зо ти^мемЪ* Ст.1-32, 32об., 33, 33об., 36, 36об., 38, 39 и др. (регулярно), *но ево н(е)^о(е)ле* Ст.1-32, 33, 34, 34об., 35, 35об. и др. (регулярно и многократно), *но ево ж^н н(е)^о(е)ле* Ст.1-32, 32об., 33, 34, 34об., 35, 35об. и др. (очень часто), *но д^{де(нъзи)}* Ст.1-40, *но д а^нтына но д^{де(нъзи)}* Ст.1-36, *но виноку^рню* Ст.1-32об., 33об., 36об., 38об., 40, 44об., *но виноку^рне* Ст.1-39об., 42, *но заметы* Ст.1-43об., *но ти^но^н пова^рне* Ст.1-42, *но къвасни^к* Ст.1-36.

¹⁰ «Конюх» — вид ковша [СлРЯ, 7:290].

¹¹ «Казенка» — ларец или шкатулка, денежная коробка [Даль, II: 74], ср. контекст из рукописи: *да на стошке у козенки замо^к попорти^са дано о^м дела д^{де(нъзи)}* Ст.1-37.

Заударные слоги

Заударное аканье также отражается достаточно часто, причем во всех типах слогов — в неконечных и конечных, как открытых, так и закрытых. Имеются и некоторые случаи гиперкорректной замены *а* на *о*.

Замена *о* на *а*

В заударных неконечных слогах: у Тихана 11463-356, за Тихано^а 11463-299об., Тихано^о Рж.2-27, 157, 164, тихано^оское помѣстье 11463-356, стараты (sic) 11463-324, ворона^ака Ст.1-33, Баскакава (Р. ед.) 11463-265.

В заударных конечных закрытых слогах: Тихань 11463-371, Томилка Клемен^атия^а с(ы)нь Вонедяна^а 11463-317, с с(ы)на^а еѣ с Мирона^а 11463-317об., с Бывановы^а с(ы)на^а 11463-270, с...сына^а 11463-269, 269об., с огородам 11463-315об., (с) с(ы)на^а свои^а с Нау^ака^а 11463-317, чернаи 11463-348, николскаи 11463-405, порознаи Ст.1-31.

В заударных конечных открытых слогах: ско^ака 11463-266об., вмѣста Ст.1-11, зо дела Ст.1-38, на пива Ст.1-2, 2об., 6об., 7, 8об., 10об., 11об., 13об., 35об., 36, 37об., Ст.2- 2об., 3, 3об., 4, 4об., 5, 5об., 7об., 8об., 9, 9об., то пива Рж.1-4об., 5, 6, 6об., 9, 18, 26об., 31, 33об., 35об., 38об., 41, 44об., 48, 50, 52об., в... места 11463-349, 375, девяноста семь Рж.2-148, девяноста девь^а Рж.2-64, во ста въ пь^адеся^а четвь^атѣ 11463-248об., <деревня> Леву^акина 11463-357, <деревня> Берестова 11463-351, <деревня> Кокшина 11463-356об., <пустошь> Внукова 11463-248, <пустошь> Снугирева 11464-314, стала (ср.р.) Рж.1-4об., 9об., 27, 34, 36, 41об., 45, 50об., 53, вышла (ср.р.) Рж.1-3об., 13об., 16об., 24об., 25об., 28 и др., запусѣла (ср.р.) 11463-335об., слита (ср.р.) Ст.1- 2об., 3об., 4об., 6об., 7об., 10об., 11об. и др. Ср. также передачу окончания -ого как *ова*, где [а] может быть обусловлено морфологически и встречается даже в окающих говорах. Но на фоне всех предыдущих написаний эти орфограммы несомненно свидетельствуют об аканье: ячнова солоду Ст.1-6об., Ст.2-2об., 3, 3об., 5, 5об. и др., солоду а^арженова Ст.2-2об., 3, 3об., 4, 4об., 5 и др., орженова соло^а Ст.1-2, здато^анова 11463-306об., коба^акова Ст.2-2, 10, о^а ве^ахова Ст.1-32об., 40об., у^але^анова Ст.1-37об., до Погорелова Городища Ст.2-2, 2об., 3, 9, 10.

Замена *а* на *о*

В неконечных слогах

с комнотою 11463-268, лопа^ака желе^азная Ст.1-32об., дере^аня Высокая 11463-327об., 328, бо^ака ви^аная Ст.1-32, в Суздоле Рж.2-128, 275, Лазорев Рж.2-134, 134об.

В конечных открытых слогах

запустило (ж.р.) 11463-335/336, 336.

В современных селигеро-торжковских говорах в заударных неконечных и конечных закрытых слогах преобладающим типом произношения гласного на месте *о* является звук [ъ], а в конечных открытых слогах наряду с произношением [ъ] достаточно широко распространено и произношение [а] (видимо, в конечной фразовой позиции) [см. ДАРЯ I, карты 16, 17, 18]. Скорее всего, такой же была ситуация и в первой половине XVII в. Судить об этом можно потому, что в исследованных текстах замена *о* на *а* отмечается чаще в конечных открытых слогах и реже в неконечных и конечных закрытых слогах, и наоборот — гиперкорректная замена *а* на *о* чаще представлена в неконечных слогах, что свидетельствует о том, что буквой *а* чаще обозначался звук [а] и реже — звук [ъ], хотя и он, несомненно, с этой буквой ассоциировался, так как в новоторжской отказной книге мы находим написания *к се оделнамъ кнгамъ* (sic) 11463-360об./361, *к си^а о^амка^анамъ книга^а* 11463-318об., за которыми стоит редукция заударного [ы] в [ъ], явление, присутствующее в селигеро-торжковских говорах

и сейчас [ДАРЯ I, карта 20; Теплова 1981: 281]¹². Заметим также, что в собственно тверских говорах, в отличие от остальных селигеро-торжковских, [ы] качественно не редуцируется [Кириллова 1963: 61] и написаний, подобных приведенным выше, в тверской отказной книге нет.

Тверская отказная книга отражает аканье так же, как и рассмотренные выше рукописи торжковского, старицкого и ржевского происхождения, то есть, в ней имеется мена букв *а* и *о* в слогах всех типов.

Позиция перед [и], [ы], [у]

Замена о на а: с *полуасминаю* 16061-420об., *Воладимерова* (фамилия, В. ед.) 16061-539, *митропали^нимъ* 16061-538, *Соломаниде* 16061-177об., 200об., 202об., 204, *вдовы Соломаниды* 16061-250, *за Соломанидаю* 16061-303, *Саламаниды* 16061-358, *вдавы* (Р. ед.) 16061-204, *полтары* 16061-421, *по таму* 16061-539об., *по таму же* 16061-420, 421, *по таму^ж* 16061-420, 540, *по таму жь* 16061-419об., *по таму жа* 16061-419об., *никаму* 16061-537об.,

Замена а на о: в *пустоши в Моли^ннике* 16061-189об. (ср. в *пустоши в Мали^ннике* 16061-190, 192об.), с *Молини^нскою* 16061-190об.

Позиция перед <е> (из *е, *ь)

Замена о на а: *капень* (Р. мн.) 16061-539об., 540, *властемъ* (Д. мн.) 16061-537об.

Замена а на о: *соже^н* (Р. мн.) 16061-316, 506, 547.

Позиция перед <о>

Замена о на а: *залдво^зцикъ* 16061-482об., *ни укаво* 16061-537об., *старонни^х* 16061-418об., 535, *старонними* 16061-539об., *старон^ния люди* 16061-537, *на пароз^жия пустоши* 16061-538об., *въ пароз^жихъ зе^нля^х* 16061-540, *порасло* 312, 312об., 419об., 420, 420об. (2 раза), 421(2 раза), 539об., 540 (2 раза).

Замена а на о: *Ховро^ница* 16061-231об.,

Позиция перед <а>

Замена о на а: *ана* (местоим.) 16061-301об., с *таварыци* 16061-477 (2 раза), 362, *Ка^ндрашко* 16061-480об., с *Ка^ндрашко^н* 16061-458, *Ка^ндратеи* 16061-109, 150, *попа Ка^ндр^ня* (В. ед.) 16061-295об., *три двара* 16061-89.

Замена а на о: *о^нкоза^н* 16061-302об., *Гораси^нко* 16061-163, *Гора^нка Зоха^невъ* 16061-303об.

Имеется фамилия, в написании которой наблюдаются колебания: *Гагарина* (Р. ед.) 16061-70 — *Гогарина* (Р. ед.) 16061-35, 35, 41.

Таким образом, тверской говор был таким же сильно акающим, как и описанные выше торжковский, старицкий и ржевский говоры, и так же, как и сейчас, находился на границе с окающими восточносреднерусскими диалектами [см. ДАРЯ I, карта 1].

¹² Мена букв *ы* – *а/о* в заударных слогах известна и другим рукописям, созданным на территории распространения среднерусских говоров. В частности, в документах XV–XVIII вв, принадлежавших Иосифо-Волоколамскому монастырю, В.В. Иванов обнаружил следующие написания: *за Гаврилюью печ(т)ю, старью дорогою, дель(м)* (Тв. ед.), *с[осу]д[а]рня оттиравали* (итерат.) и др. [Иванов 1959: 53].

Второй предупредный слог

Во втором предупредном слоге также наблюдается мена букв *а* и *о*, свидетельствующая об акающем произношении.

Замена *о* на *а*: *залавоуцикъ* 16061-482об., *на свеще^еству* 16061-537, *из Астрецова* 16061-499 (ср. *из Острецова* 16061-499), *вместа панатых* (sic) 16061-354, *Хамутова* (фамилия, В. ед.) 16061-536, 539, *Хамякова* (фамилия, В. ед.) 16061-536, 539, *Саламаниды* (Р. ед.) 16061-358, <пустошь> *Бачаргино* 16061-177, 178об., *манастыря* 16061-398.

Замена *а* на *о*: *Голохтио^н* 16061-218, *Го^охтио^н* 16061-167¹³, *По^треке^н* 16061-335, 515, *къ по^трия^рци^н* ...землямъ 16061-537об./538.

Заударные слоги

Заударное аканье отражается очень часто (и гораздо свободнее, чем предупредное) и также, как в торжковских, старицких и ржевских текстах, — во всех типах слогов (в неконечных и конечных, как открытых, так и закрытых)

Замена *о* на *а*

В заударных неконечных слогах: по *грамате* 16061-301, по *граматъ* 16061-302об., *Отрача м(о)н(а)^т(ы)ря* 16061-374, 440, <село> *Хвастово* 16061-19, 35, 37об., в... *Хва^ттове* 16061-19, *Хвастова* (Р. ед.) 16061-35, *Федарова* (прит. прил., В. ед.) 16061-418об., 535об., *Сидарова с(ы)на* 16061-418, <деревня> *Трифаново* 16061-148об., <деревня> *Никифаро^оское* 16061-65об., *Никифарова* (прит. прил., В. ед.) 16061-35об., *стараста* 16061-520об., *ста^рату* 16061-301об., *пусташи* (Р. ед.) 16061-304, *пусташи* (В. мн.) 16061-302об., в... *пусташ^а* 16061-305об., с *прожиташны^н* 16061-301об., 302, *туда^ни^н* 16061-301, *Борисава* (В. ед.) 16061-175, 418об., 419, 535, *Давыдава* (В. ед.) 16061-418об., 535об., *Неклюдова* (В. ед.) 16061-418, *Переносава* (Р. ед.) 16061-535, за *ево Ларивонавыми па^тчирицами* 16061-303, *село Горемыкаво* 16061-114об., з *брат^а Кири^нкаю* 16061-303, с *осминаю* 16061-41об., 67, 303об., 420об., 304, с *полуасминаю* 16061-420об., с *полуосминаю* 16061-43, 66, с *по^оосминаю* 16061-36, 37об., с *Ми^нкаю* 16061-36об., з *Деме^нкаю* 16061-36об., за *Соломанидаю* 16061-303, за *Окулинаю* 16061-303, к *полюбо^онаму ро^дделу* 16061-201.

В заударных конечных закрытых слогах: *Фед^а* 16061-317, *пуста^н* 16061-418, 419об., 420, 535, 537об., 538, 540, *поста^н* (sic) 16061-536об., *списакъ* 16061-87об., на *прожита^к* 16061-309об., 313, на *прожитакъ* 16061-306об., *Бориса^о* 16061-361об., *Иванавъ* 16061-320, *Михаила^о* 16061-307, *прикащикавъ* 536, *лесамъ* (Т. ед.) 16061-420, 421, 539об., 540, *лвсамъ* 16061-303об., 304, 304об., 305об., 306, 420об., 421, *перелогамъ* (Т. ед.) 16061-303об., 304, 420об., 419об., 421, 540, *перелога^н* (Т. ед.) 16061-304, 304об., 420, *нае^дда^н* (Т. ед.) 16061-304, *нае^ддамъ* 16061-78об., з *брат^а Кири^нкаю* 16061-303, къ *челобитнаи* 16061-301об., 302, *бобы^нскаи* (И. ед. м.р.) 16061-305об., *вдова^н* (И. ед. м.р.) 16061-238об., *гу^бна^н* (И. ед. м.р.) 16061-32, 146, 301, 302об., 418, *губънаи* 16061-535, *двура^она^н* (sic) 16061-301, *дмитрея^скаи* 16061-33, 78, 88, *дмитрее^ска^н* 16061-140/141, *Ко^ло^ска^н* 16061-149, *Нико^оска^н* 16061-499, *чернаи* 16061-313, в *Микулинскаи ста^н* 16061-418, в *Микули^нска^н* стану 16061-419об., в *Суземьскамъ стану* 16061-421, *Федоро^скаи жены* 16061-305об., *пашни пахонаи* 16061-304, по *нака^ннаи паме^т* 16061-309.

В заударных конечных открытых слогах: *вместа* 16061-211, 238, 239, 321, 354, 516, в... *мвста* 16061-265, 302, в ...*места* 16061-203, 210, 302, 349, с *на^вжаю пашнею* 16061-38, *болшова* (Р. ед.) 16061-8, в *Вванова мвста* 16061-265, в *Вванова*

¹³ По мнению Б. О. Унбегауна, русская форма имени *Галактион* могла получать два *о* под влиянием таких сложных слов, как *голохваст* [Унбегаун 1972: 265].

места 16061-210, * Тимофеева ме^сто 16061-15/16 то вдовино Домнина помѣстья 16061-32об., <деревня> Зябликова 16061-127об. Здесь же приведем написания с *а* в окончании -ого: по^оячева (Р. ед.) 16061-1, 35, 41, 298об., села Андреев^скава 16061-246, нижнева 16061-96об., Ку^з моде^ньян^скова по^а 16061-535, большева (Р. ед.) 16061-7.

Замена *а* на *о*

и^здовна 16061-537об., пашни пахоные 16061-371, пашню пахоную 16061-325, Лазорев^ь кр(е)^стянин^ь 16061-90, приехо^о 16061-324, 370 (только в неконечных и конечных закрытых слогах).

В современных говорах, расположенных к западу от Твери (а именно они нас интересуют, так как анализ написаний букв *а* и *о* в первом предударном слоге показал, что исследованная рукопись была создана носителями акающего тверского диалекта), в заударных слогах всех типов — в том числе и конечных открытых — на месте *о* произносится гласный [ъ] [ДАРЯ I, карты 16, 17, 18]. Видимо, не было различий в произношении заударных гласных в слогах всех типов в тверском говоре и в первой половине XVII в., поскольку, в отличие от рассмотренных выше торжковских, старицких и ржевских текстов, в тверской отказной книге не наблюдается преобладания замены *о* на *а* в позиции конечного открытого заударного слога.

5.3.2. Позиция после мягких согласных

5.3.2.1 Предударные слоги

В селигеро-торжковских говорах в настоящее время распространены следующие типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных: в северной части группы, территориально близкой к севернорусскому наречию, наблюдается иканье; в центральной и западной части группы, примыкающей к псковским говорам, распространено сильное яканье; в восточной части группы представлено умеренное яканье (в говорах, группирующихся вокруг Торжка и находящихся к западу от Твери) и умеренно-ассимилятивное яканье (южнее — в старицких и ржевских говорах) [Кириллова 1983:82 (карта)].

Писцы исследованных торжковских, старицких и ржевских текстов отражают яканье, но чрезвычайно редко: Яфимов 11463-253, че^м вяр^тьны^х Ст.1-36, Голянице^о Рж.2-98, на Лебядяни Рж.2-129. Орфограмма Яфимов, найденная в торжковской отказной книге, не может свидетельствовать об умеренном яканье (а именно этот тип вокализма распространен в говорах вокруг Торжка сейчас). Написание че^м вяр^тьны^х из старицкой кабацкой книги также, скорее всего, свидетельствует о произношении [’а] перед мягким согласным (во всяком случае в соседнем тверском диалекте в слове «четверть» явно отражается мягкость [р’] (см. ниже, 5.4.10.). Равным образом не подтверждает наличие умеренно-ассимилятивного яканья, имеющего место в соответствующих говорах ныне, орфограмма Голянице^о из Ржевской приходной книги. Таким образом, приходится предположить, что перечисленные немногочисленные написания отражают сильное яканье. По-видимому, писцы осознавали ненормативность своего якающего произношения и стремились не демонстрировать его на письме, в результате чего гиперкорректно писали букву *е* на месте *я* в позициях разного типа:

Перед мягким согласным, за которым следует [а]: се^нтеб^ря Рж.1-5, 6, 7, 8, 33, 33об., 34об., 35об., 36об., Ст.2-2, се^нте^ря Ст.1-2, 2об., 3, 3об., 32, 32об., 33, 33об., сентеб^ря Ст.2-2, октеб^ря Рж.1-38об., 49, 50, 51, 52, 52об., 53об., 54об., 55об., ок^те^ря Ст.1-4об., 5, 5об., 34, 34об., о^ктеб^ря Ст.2-3.

Перед мягким согласным, за которым следует не [а]: в *се^нтебре* Рж.1-37об., Ст.2-2об., в ... *октябре* Рж.1-56об. (2 р.), Ст.2-3.

Перед твердым согласным: *сто девеносто* Рж.2-1, *не^нна^нце^н* Рж.1-3, 7, 9, 12, 18, 19, 22об., 24, 25об., 26об., 28 и т. д. (регулярно), *жестеная* Ст.1-33.

Думается, что признание этих написаний (а их довольно много) гиперкорректными, а не отражающими произношение [е] на месте <а>, может быть вполне обоснованным, поскольку именно в качестве гиперкоррекции обычно рассматривают аналогичную ситуацию — частотную замену *а* на *о* в безударных слогах. Следует принять во внимание также тот факт, что замена *я* на *е* достаточно регулярно представлена в московских документах, где она, скорее всего, непосредственно отражала произношение, и писцы в местных канцеляриях могли подражать орфографии, которую считали для себя авторитетной (примеры замены *я* на *е* в московских источниках см., в частности, в работе [Горшкова 1959: 94-95, 97-98]).

Изредка в рукописях встречаются правильные написания — в *се^нтя^бре* Ст.1-4, в *ок^бтя^бре* Ст.1-6, — и их появление объясняется, видимо, недосмотром писца, который стремился не отражать произношение [’а] в безударных слогах¹⁴.

Остается рассмотреть вопрос о несоответствии фонетической реконструкции применительно к первой половине XVII в. (сильное яканье) и современной картины, которая фиксируется в говорах рассматриваемой территории в нынешнее время (умеренное и умеренно-ассимилятивное яканье). На современном материале динамика развития систем предупредного вокализма после мягких согласных в говорах Селигеро-Торжковской группы была проанализирована и подробно описана Т. В. Кирилловой [Кириллова 1983], которая показала, в частности, что говоры к северу от Торжка и к югу от Вышнего Волочка (т. е. так называемые вышневолоцко-торжковские) образуют компактный ареал, характеризующийся разнообразными типами переходного вокализма, и что **все эти типы возникли в результате преобразований исходной системы сильного яканья** [там же: 18]. На примере развития одного из говоров Селигеро-Торжковской группы (с. Есеновичи Вышневолоцкого р-на, обследованного в разное время — в 1949, 1963 и 1974 гг.), Т. В. Кириллова демонстрирует, каким путем сильное яканье трансформировалось в умеренно-ассимилятивное [там же: 22-29]. Таким образом, не следует ожидать, что система, реконструированная для первой половины XVII в., совпадет с современной системой, поскольку умеренное и умеренно-ассимилятивное яканье развилось в говорах Селигеро-Торжковской группы относительно недавно, причем в основе предупредного вокализма диалектов данного региона как раз и лежало сильное яканье, на наличие которого в первой половине XVII в. указывают исследованные рукописные источники.

Материал в т о р о г о п р е д у д а р н о г о с л о г а достаточно скуден; написаний, которые могут иметь фонетическое значение, мало: *не^ндеся^н* Ст.1-4об., 6об., *вЪ Ер^оно^нче^ско^н* <волости> Рж.2-280об. Судя по данным современной диалектологии, в акающих говорах все гласные фонемы неверхнего подъема, как правило, совпадают в гласном *не-а*, то есть в [и], [е^н] или [ь], но бывает, что в некоторых случаях яканье наблюдается и во втором предупредном слоге [см.: Русская диалектология 1973: 74]. Таким образом, нельзя с точностью определить, о чем свидетельствуют приведенные написания: о том, что яканье в рассматриваемой позиции отсутствовало (тогда придется счесть их прямым отражением произношения), либо о том, что яканье имело место и указанные орфограммы возникли из гиперкорректных соображений, то есть из нежелания писцов это яканье отражать. В какой-то степени в пользу второй возможности говорит тот факт, что после [ц] в позиции второго предупредного слога в соответствии с *ѣ был представлен звук [а] (см. о написаниях типа *цалова^нни^н* ниже — 5.3.3.).

¹⁴ В новоторжской отказной книге имеется и единичная мена букв *е* – *и* в имени собственном: *Ве^няшо^н* 11463-239 — *Ви^няшо^н* 11463-245, *Ви^няшев^н* 11463-248, *с Ви^няшевы^н* 11463-246об., но она, по-видимому, не отражает специфической особенности говора, а говорит о неустойчивости орфографического облика нетривиальной лексики.

В текстах тверского происхождения так же, как и в рассмотренных выше рукописных источниках из Торжка, Старицы и Ржева, материала, отражающего вокализм первого предупредного слога после мягких согласных, обнаружено совсем немного. Однако имеющиеся написания позволяют заключить, что и в тверских акающих говорах в первой половине XVII в. еще отсутствовало умеренное яканье, которое присуще им сейчас [см. Кириллова 1983: 82 (карта)]. Так, имя Ефим пять раз написано с буквой *я*: *сь Яфимо*¹⁵ 16061-242, *сь Яфим[ом]* 16061-241об., *Яфиму* 16061-243 (2 раза), *за Яфима* 16061-242, что свидетельствует о том, что перед мягким согласным был вполне возможен звук [’а]. Судя по столь малому количеству написаний, отражающих яканье, писцы стремились эту диалектную особенность не демонстрировать, и поэтому можно считать, что отмеченные в тексте написания с буквой *е* на месте *я* возникли из гиперкорректных соображений (*не^мна^мце^м* 16061-371, *вместо понеты^х* 16061-330, *по све^мценъству* 16061-536об., *на свеце^еству* 16061-537).

Следует привести еще одну орфограмму: *Олуксеява* (В. ед.) 16061-539, которая, скорее всего, свидетельствует о том, что имелись и отклонения от якающего произношения.

Что касается вокализма второго предупредного слога, то материала, который позволил бы сделать какие бы то ни было определенные выводы, явно недостаточен. В нашем распоряжении есть лишь слово «пятьдесят», где *я* заменено на *е*: *не^мдесять* 16061-540, *не^мдесять* 16061-539об./540, *не^мдесять* (sic) 16061-539об.

5.3.2.2. Заударные слоги

Для заударных слогов материала имеется больше, чем для предупредных. С одной стороны, есть случаи замены *е* на *я*, а с другой стороны — случаи замены *я* на *е*.

Замена *е* на *я*

В неконечном слоге перед твердым согласным: *в Григд^ояво головы в Сысоаяво место* Рж.1-15-21 («приложение руки»). Возможно, сюда относится и написание *н(ы)нешня⁷* (Р. мн.) Рж.2-6/6об., 51, 66об., 125об., 129, 129об., 284об., так как орфографических церковнославянизмов в исследованных текстах не имеется.

В неконечном слоге перед мягким согласным: *имяне^м* Рж.2-149.

В конечном закрытом слоге перед твердым согласным: *Федосия⁸ с(ы)н⁷* 11463-309об., *Клеме⁸тия⁸ с(ы)н⁷* 11463-317, *щя^к* (Р. мн. от сущ. «шайка») Ст.1-44, *черепеня^к* (Р. мн.) Ст.1-42об., 44¹⁵.

В конечном открытом слоге: *которыя* 11463-248об.

Замена *я* на *е*

В конечном закрытом слоге: *деве^м* Рж.2-7об., 12, *десе^м* Рж.1-15, 16об., 25об., 32об., 44, *на месе^н* Ст.2-10, 10об., 11, 11об., 12.

В неконечном слоге: *тысеча* Рж.2-1, *деве^мнацать* Рж.2-12.

Замена *е* на *я*, наверняка, имеет под собой фонетическую основу, так как за ней может стоять только произношение [’а] на месте *е*. Небольшие ареалы такого произношения в заударном неконечном слоге перед твердыми согласными и (реже) в заударном конечном закрытом слоге также перед твердыми согласными имеются в селигеро-торжковских говорах

¹⁵ Видимо, начальная форма — *черепенька* ‘чарка для зачерпывания вина’, ср. контекст: *два деся^мка чаро^к ви^ны⁸ черепеня^к* Ст.1-44. В словаре В. И. Даля эта лексема отсутствует.

и сейчас — как раз районе Ржева, Старицы и Торжка [ДАРЯ I, карты 21, 23, 25]. Таким образом, это явление характеризует говоры рассматриваемого региона по крайней мере уже на протяжении трех с половиной — четырех столетий, хотя возможно, что в первой половине XVII века оно было распространено шире, чем сейчас. На такое предположение наталкивает тот факт, что, как было показано выше и будет показано ниже, заударное яканье было распространено в первой половине XVII века в диалектах, расположенных по соседству с селигеро-торжковскими говорами, а именно в великолукском и смоленском, тогда как современные говоры этих регионов его уже практически не знают. Да и сами селигеро-торжковские говоры в настоящее время в основном характеризуются произношением [и], [ь] в соответствии с гласными неверхнего подъема в заударной позиции. Ср. выборку примеров из текстов, записанных в с. Печки Новоторжского р-на и приведенных в хрестоматии [Нар. говоры... 1971]¹⁶: *знáйти, листóч'ьк, хитрѣйь, грѣчискъйь, религийь, двóйь, трóйь, ньбал'шáйь, прѣвряйити, с радíтьльм, радíтьли, накануни, насл'ѣн'н'иш, тьцалуит, начинáйьт, дóлгии, фсьякии, типлѣйь, пр'ѣтсáдáт'ьл', кьзначийьм, пóс'ли вайны, воз'ли минѣ, пав'ьл, няш'ш'áсьь, такóйь, учíт'ьл'ниць, учíт'ьл'ствьит, тьд йавóшнъм вѣдинийьм* [Нар. говоры... 1971: 125–128].

Что касается замены *я* на *е*, то ее можно трактовать двояко. С одной стороны, она может свидетельствовать о том, что именно гласный [ь] произносился в соответствии с <а> в заударных слогах, поскольку такой тип произношения является наиболее распространенным в интересующей нас части Селигеро-Торжковской группы в настоящее время [ДАРЯ I, карты 24, 26]. С другой же стороны, не исключено, что приведенные выше написания являются гипрeкoррeктными, так как на месте <а> мог звучать гласный [’а], ведь такого рода произношение, хотя и менее распространено, чем произношение [ь], фиксируется в селигеро-торжковских говорах там же, где и произношение [’а] на месте **е*, то есть в окрестностях Ржева, Старицы и Торжка [см. там же].

В тверской отказной книге случаи отражения заударного яканья, проявляющиеся в замене буквы *е* буквой *я*, довольно многочисленны и представлены в разных позициях:

В неконечном слоге перед твердым согласным: *О’дрѣява* (фамилия, Р. ед.) 16061-538об., *О’дрѣява* (В. ед.) 16061-538об., *О’дрѣявы’* 16061-301об., *Оликсеява* 16061-539, *Олексеява* 16061-536, *Ма’мвѣява* 16061-539, *дмитрѣя’скаи по’* 16061-33об., 78/79, *дмитрѣя’ска’* по’ 16061-88/89.

В конечном закрытом слоге перед твердым согласным: *владѣя’м* (3 л. ед. ч. наст. вр.) 16061-537 (4 раза), 537об., *с помѣстья’* (Т. ед.) 16061-301об., 302.

В конечном открытом слоге: *рыболовя* (И. мн.) 16061-233, *то... помѣстья* 16061-302об., *то помѣ’тья* 16061-80, *в Степаново помѣстья* 16061-361, *в помѣстья* 16061-302об., *в помѣстья* 16061-537об., *всякое... строе’я* 16061-479об., *д(е)р(е)’ня Подсосе’я* 16061-464, *многия тутó’ния старония люди* 16061-537, *порожия пустоци* 16061-539об.

Приведенные примеры, наверняка, свидетельствуют о произношении [’а] на месте **е* в заударных слогах. Таким образом, эта особенность одинаково характеризовала ржевские, старицкие и торжковские говоры, с одной стороны, и тверские — с другой. В современных говорах, локализующихся в окрестностях Твери, подобного явления не наблюдается совсем [см. ДАРЯ I, карты 21, 23, 25], при том что в рассмотренных выше селигеро-торжковских

¹⁶ В следующих далее примерах сохранена орфография издания, за исключением того что редуцированный непреднего ряда обозначается буквой *ъ*, а не условным знаком *э*, как это сделано в упрощенной транскрипции, принятой в цитируемой хрестоматии [см. Нар. говоры... 1971: 9].

говорах, как было показано выше, небольшие его ареалы имеются. Значит, действительно, три с половиной — четыре столетия назад реализация *е в [’а] была распространена в западных среднерусских говорах шире, нежели сейчас, и нивелировка прошла в собственно тверских говорах более последовательно, чем в ржевских, торжковских и старицких.

В тверской отказной книге есть и несколько случаев употребления буквы е на месте я: (все они — в неконечном открытом слоге): *по наме^{му} 16061-259, по... наме^{му} 16061-83, 309, по^о... наме^{му}ю 16061-83об., засеена 16061-108об.* Трактовать их следует, видимо, так же, как аналогичные написания из ржевских, старицких и торжковских текстов (см. выше).

Есть, однако, и некоторые различия в отражении заударного вокализма в исследуемых источниках. В тверских текстах, в отличие от текстов, отражающих говоры центральной части Селигеро-Торжковской группы, имеется мена букв е и и:

*пречисти^{ско} по^н 16061-441,
с навъзжшо пашнею 16061-21об.*

сена... ставѣ^{ца} се^{деся} копе^н 16061-37.

В настоящее время в говорах вокруг Твери повсеместно распространена реализация *е (и *ь) в гласных [и] или [ь] [ДАРЯ I, карты 21, 22]. Значит, этот тип произношения уже существовал в первой половине XVII в., вероятно, наряду с реализацией *е (и *ь) в [’а], а в дальнейшем стал преобладающим и вытеснил произношение [’а].

5.3.3. Позиция после шипящих согласных и [ц]

Для первого предударного слога показательными являются только следующие написания: *солоду а^рженова* Ст.2-2об., 3, 3об., 4, 4об., 5, 5об., 6, 6об., 7 и т. д., *а^рженова солоду* Ст.1-2об., 3, 4об., 7, 8, 8об., 12об., 13об., 14об. и т. д.

Думается, что эти написания не отражают напрямую фонетику, а являются гиперкорректными, появившимися потому, что писцы не хотели отражать свое диалектное произношение со звуком [а]. Дело в том, что в современных селигеро-торжковских говорах, а именно в тех, где ныне распространено умеренное яканье, в частности в говорах Медновского и Старицкого районов Тверской области, в позиции после шипящих согласных и [ц] наблюдается устойчивое произношение [а] перед твердыми согласными как в соответствии с ударным [а] (напр., *жара*), так и в соответствии с ударными [е], [о] (напр., *цана*, *жана*) и в словах с предударным гласным, который нельзя поставить в сильную позицию (напр., *пшанó*, *жалудьк*). Случаи произношения гласных [ы] или [ы³], [е] в речи представителей старшего поколения единичны, а встречаются в основном в речи более молодых людей, что обусловлено общими тенденциями современных говоров — усвоением норм литературного языка. Более того, [а] после шипящих согласных и [ц] в соответствии с гласными неверхнего подъема проникает в данных говорах и в позицию перед мягкими согласными, что нарушает принцип умеренного яканья и свидетельствует о том, что шипящие и [ц] уже функционируют в говорах в качестве твердых согласных, после которых наличие [а] не зависит от качества следующего согласного [см. Кириллова 1983: 54–56].

Таким образом, если присутствие [а] в первом предударном слоге после шипящих и [ц] настолько стабильно в современных селигеро-торжковских говорах, то весьма вероятно, что такое произношение имело и в первой половине XVII в. Это предположение дополнительно подтверждается тем фактом, что звук [а] в рассматриваемой позиции отражен писцами исследованных рукописей во втором предударном слоге: *цалова^{ни}* Ст.1-32, 32об., 33об., 34, 36, 36об., 38, 39, 39об., 40, 41, 41об., 42об., 43об., 44об., 45 и т. д., *цалова^нико^о* (Р. мн.) Ст.1-2, 32 (иногда встречаются традиционные написания с е: *целова^{ни}* Ст. 1-33об.).

В заударных слогах после шипящих согласных и [ц] гласные неверхнего подъема также, вероятнее всего, реализовались в звуке [а] в неконечных, конечных закрытых и открытых слогах. В рукописях имеются прямые отражения этого явления: *после... Пе^тра Ростовцава* 11463-250об., *о^т печа^к* Ст.1-39, *отъ дву^х боца^к* Ст.1-33, *попЪ Стефанища* 11463-324об. Возможно, что оно отражается и гиперкорректно, так как в тех же позициях пишется буква *о* (то, что все исследованные рукописи отражают акающий диалект, было показано выше): *Бра^тцова* (фамилия, Р. ед.) 11463-245об., *Воля^тцова* (фамилия, Р. ед.) Рж.2-187, *Воля^тцо^о* Рж.2-187, *про^твицо* 11463-246.

Отдельно следует сказать о правописании числительных на *-дцать*. Писец ржевской кабацкой книги (Рж.1) последовательно и очень часто употребляет в них букву *е*, например: *оди^нна^тце^м* Рж.1-6об., 13об., 17об., *двена^дце^м* Рж.1-2об., *трина^дце^м* Рж.1-21, *четы^рна^дце^м* Рж.1-5об., 8об., 12об., *пе^тна^дце^м* Рж.1- 3, 7, 9, 12, 18, *шесна^дце^м* Рж.1-5об., 6об., 7, 8, 9об., 11, 13, *се^мна^дце^м* Рж.1-33, 40, *осмьна^дце^м* Рж.1-15об., *деве^тна^дце^м* Рж.1-52, *два^дце^м* Рж.1-5, 10, 10об., *три^дце^м* Рж.1-4об., 6, 9 и т. д. Писец же ржевской приходной книги (Рж.2) пишет традиционно букву *а*, например: *адинна^дцать* Рж.2-226, *четы^рнатцать* Рж.2-38, *ня^тнатцать* Рж.2-1, *шесна^дцать* Рж.2-173, *два^дцать* Рж.2-38 и др. Вряд ли можно сделать достоверный вывод о том, что произносилось в заударном слоге в таких числительных.

Тверские тексты дают мало материала для первого предупредительного слога: *четыре дворы* 16061-146, *пусто^т* Шокишевская 16061-101. Таким образом, в соответствии с ударными [е] и в словах с предупредительным гласным, который нельзя поставить в сильную позицию, пишется буква *о*. Поскольку очевидно, что тверская отказная книга отражает акающий говор, принимать данные орфограммы за непосредственное отражение произношения нельзя и следует предположить, что тут гиперкорректно проявляется аканье. Аналогичное написание есть и во втором предупредительном слоге: *села* (Р. ед.) Жо^рново^к 16061-282.

Несколько более обширный материал касается заударных слогов. Он дает возможность, в частности, заключить, что в открытых заударных слогах на месте **е* звучал гласный [а]: *сколько ч(е)л(о)в(ѣ)къ пригожа* 16061-357, *кому буде^т пригожа* 16061-362, *по таму жа* 16061-419об., 539об., *по тому жа* 16061-304об., 305, 306, 321, *пере^д тѣми жа* 16061-543об., *в селѣ жа* 16061-445, *в Володе^тцком жа стану* 16061-543об., *прозвища* (И. ед.) 16061-307, 536, 539, 543, *селища* 16061-537об.¹⁷

И, наконец, остается констатировать, что в изредка встречающихся числительных на *-дцать* в тверской отказной книге в заударных слогах пишется *е*: *дваце^м* 16061-419об., *трицет* 16061-310, *шестна^дцет* 16061-419об.

5.3.4. Вставные гласные

I. В книгах ржевского и старицкого происхождения регулярно отражается вставка гласного в начале слова «ржаной», что делало приемлемой структуру слога: *солоду орженова* Рж.1-3, 4об., 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и т. д. (практически на каждом листе рукописи), *орженова солоду* Ст.1-2, 2об., 3, 3об., 4об., 5, 6об., 8об., 9об. и т. д. (практически на каждом листе), *солоду а^рженова* Ст.2-2об., 3, 3об., 4, 4об., 5, 5об., 6, 6об., 7, 7об., 8, 8об., 9, 9об. По-другому, то есть без начальной гласной буквы, данное слово в исследованных текстах не пишется. При этом в достаточно часто встречающейся форме Р. ед. существительного «рожь» — *ржи* — при-

¹⁷ На фоне этих написаний становится ясно, что такая орфограмма, как *селицо* 16061-8, является гиперкорректной.

бавление начальных гласных не наблюдается, даже если ему предшествует слово, оканчивающееся на согласный: *четверть ржи* Рж.1-5, 11, 14об., 17, 20, 21об., 24, 25, 27об., 29, 32, 34об., 36об., 38 и т. д. (регулярно). В ржевских текстах встречается еще одна лексема с начальным сочетанием *ржс-*: «Ржева» и производное от него «ржевич». Здесь приставочный гласный в тех случаях, когда слово начинает синтагму или стоит после слова, оканчивающегося на согласный, не наблюдается: *Ржовы Володимеровы* Рж.1-7/8, 45/46/47 («приложение руки» на полях книги), *Ржевы Володимеровы* Рж.1-1, *целова^ннико^с ржеви^ч* (Р. мн.) Рж.1-1. Однако предлог *в* перед существительным «Ржева» выступает в вокализованном варианте, так что в предложно-падежной конструкции принцип построения инициальной части слога по восходящей звучности соблюдается: *во Ржеве* Рж.1-2, Рж.2-56.

Описанная картина применительно к передаче на письме слова «ржаной» и формы «ржи», вероятно, достаточно адекватно отражает языковую реальность первой половины XVII в., поскольку примерно соответствует и современному состоянию рассматриваемых говоров. Дело в том, что если в районе Старицы и Ржева распространено произношение [a]ржаной, то огласовка [a]ржи в окрестностях Старицы не отмечается вообще, а в районе Ржева фиксируется в очень небольшом ареале [см. ДАРЯ I, кары 14, 15].

Что касается тверской отказной книги, то в ней словоформ с корнем *-ржс-* не обнаружено, так что судить о степени распространенности тенденции к преодолению труднопроизносимого с точки зрения структуры слога сочетания согласных невозможно.

II. В одной из старицких кабацких книг (Ст.1) отмечено чрезвычайно интересное явление, связанное, по-видимому, со вставкой гласных или гласных призывков в середине и конце слов после согласных. Подобная вставка гласных известна современным русским диалектам. По наблюдениям Р. Ф. Касаткиной, «гласный элемент появляется обычно между двумя согласными, возможен и в начале слова (часто и перед единичными согласными), редок в позиции конца слова, где может появляться также и после единичного согласного» [Пауфошима 1977: 206]. Судя по материалам ДАРЯ, вставка гласных в консонантных сочетаниях, доступная для слухового восприятия¹⁸, отмечается в юго-восточной части картографированной территории [см. Бурова 1981: 94]. Следует, впрочем, сразу сказать, что если в разговорной речи вставка гласных фиксируется, таким образом, далеко не во всех русских диалектах, то в фольклорных песенных и былинных текстах она записывалась в говорах самой разнообразной локализации [см. Богатырев 1963].

В науке существуют различные варианты трактовки принципов появления в русских юго-восточных говорах вставных гласных. Так, Р. Ф. Касаткина полагает, что они возникают в диалектах, характеризующихся слабым примыканием гласного к последующему согласному [см. Пауфошима 1977: 213–223]. Е. Г. Бурова связывает возникновение вставных гласных, образующих при своем появлении второй предупредительный слог, с наличием в тех же говорах максимальной количественной редукции этимологических гласных второго предупредительного слога, доходящей до полной утраты звука [см. Бурова 1981: 95–96]. Л. Э. Калнынь, учитывая тот факт, что вставные гласные появляются чаще всего в соседстве с сонорными согласными, заключает, что «вокальная прокладка является реализацией охранительной тенденции в отношении голосности сонанта в звуковой цепи» [Калнынь 1993: 215–216]. Л. Л. Касаткин объясняет вставку гласных тем, что в фонетической системе противопоставление согласных по напряженности — ненапряженности стало заменяться противопоставлением по глухости — звонкости [Касаткин 1999: 255–256].

До сих пор в скорописных текстах XVI–XVII вв. описываемое явление не обнаруживалось. Возможно, это связано с тем, что в тот период оно еще не было широко представлено.

¹⁸ Отмечено, что при слуховом наблюдении диалектного материала фиксируются далеко не все факты появления гласной вставки, тогда как большая их часть выявляется лишь при инструментальном анализе [Пауфошима 1977: 205].

Видимо, первым найденным текстом, в котором отразилась вставка гласных, и является старицкая кабацкая книга, причем отражение данного явления здесь двоякое.

С одной стороны, встречены совершенно нетривиальные написания, когда после буквы выносного согласного (как правило, это *m*), перед следующим согласным или на конце слова стоят две наклонные косые черточки. Это частотный знак в памятниках деловой письменности, обозначающий звук [и] [см. Коткова 1982: 133], и появился он в русской скорописи уже в самом начале XVI века [Щепкин 1999: 151]. Примеров подобного рода для текста, отнюдь не характеризующегося лексическим многообразием, встретилось немало:

В середине слова — *че^mвери^k* Ст.1-38, *с че^mверико^m* Ст.1-4, 4об., *по^oче^mверты ве^oра* Ст.1-2об., *с че^mверптью* Ст.1-8, *в мешка новых че^mвяртъны^x* Ст.1-36, *пло^mнико^m* (Д. мн.) Ст.1-43об., *по^oтре^mна^mце^m* Ст.1-2об., *х жи^mнице* Ст.1-40.

В конце слова — *че^m* (= *четы*) Ст.1-3, 4об., 6, 6об., 7, 7об., 8об., 12об., 13об., 14об., 16 и т. д., *пя^m* Ст.1-3об., 10об., 37об., *десе^m* Ст.1-3, 4, *по^oтре^mна^mце^m* Ст.1-2об., *за ме^o* (= *за медь*) Ст.1-32об. Отдельно следует привести написания инфинитивов *мы^m* Ст.1-40, *кури^m* Ст.1-39, поскольку неизвестно, на что оканчивалась эта глагольная форма в исследуемом говоре — на [т'] или [т'и]¹⁹.

Существенно, что точно так же, как форма И. п. ед. ч. *че^m*(*четы*), пишется форма Р. п. ед. ч. *че^m*(*чети*), где наверняка был звук [и] (или [ь]): *вЪ полче^m* Ст.1-39, *в ч^m* Ст.1-6об., *г ч^m* Ст.1-14об. Это значит, что звук [и] (или [ь]) произносился и в остальных случаях, где стоит знак ^m.

Возможно, именно вставной гласный, а не [и] церковнославянского происхождения (из бывшего *ĭ* в слабой позиции) обозначался знаком ^m в написаниях *зо пи^mемЪ* Ст.1-32об. (ср. контекст: *отсидел н(е)^o(е)лю на кабаке зо пи^mемЪ цалова^oни^k Спиридо^o Ве^oщи^oско^o*), *полтре^mи че^m* Ст.1-6об., *полтре^mи че^m* Ст.1-3об., 4об., 5, 5об., 7об., 8, 9об., 10, 10об., 12, 12об., 17об. и т. д. (Числительное «полтретья», употребляющееся при существительных женского рода в форме *полтретьи*, обозначало 'два с половиной' [СлРЯ, 16: 258]). Что касается написания двух строчных *и* в форме *полтре^mи*, то это явление для скорописи вполне обычное и довольно распространенное, которое «не замыкалось в каких-то диалектных зонах, а наблюдалось в письменности и на севере, и на юге» [Коткова 1982: 133].)

Вряд ли такое большое количество написаний с выносным ^m может быть случайным — видимо, в говоре писца действительно существовали вставные гласные после согласных в середине и конце слова. Дело в том, что есть еще один тип орфограмм, где в группу согласных букв вставляется специальный знак. На сей раз это буква строчная — **Ъ**, то есть так называемый «немаркированный знак», выполняющий роль более чем одной буквы, в котором нейтрализуются *ъ* и *ь* (о немаркированных знаках см. [Голышенко 1987: 58]). Примеры для небольшой по объему рукописи достаточно многочисленны: *рЪжи* (Р. ед.) Ст.1-2, 3об., 4об., 5, 5об., 6об., 7об., 8, 9, 9об., 10, 10об., 12, 12об., 13, 14, 15 и т. д. (практически на каждом листе)²⁰, *г го^oщЪка* Ст.1-1, 33об., 44об., *се^m го^oщЪко^o* Ст.1-40, *тЪщаны* Ст.1-40, *от вычи^oтЪки* (sic), Ст.1-42, *от одЪмаски* Ст.1-32об., *но пи^oно^o но кЪва^oни^k* Ст.1-36, *отЪ кЪва^oника* Ст.1-41, *з замЪко^m* Ст.1-33, *в мешка новых че^mвяртъны^x* Ст.1-36, *в окЪтя^oре* Ст.1-6, 34об., *окЪте^oря* Ст.1-4об., 5, 5об., 33об., 34, 34об., *ше^oтЪдеса^m алты^m* Ст.1-43об.

Во многих случаях знак **Ъ** ставится после предлога (или реже — приставки) *от* перед следующей буквой согласного: *отЪсиде^o* Ст.1-38об., *отЪ ноби^oки* Ст.1-36, 41, 42, *отЪ*

¹⁹ Возможно, о наличии гласного призвука в конце слова после согласного (в данном случае — [j]) свидетельствует написание *еѣ* в значении «ей» (Д. ед. ж.р.), найденное в новоторжской отказной книге: *и всего еѣ отделено 11463-241, да еѣ же взяти у вдовы Мола^oи з д(е)р(е)^oни с Блюдохе... 11463-240об., да еѣ^ж взяти у вдовы Мола^oе... 11463-241.*

²⁰ Если буква **Ъ** действительно сигнализирует о том, что в форме *ржи* присутствовал гласный звук или призвук между [р] и [ж], то становится ясным, почему в старицких текстах нет написаний типа *аржи*: сложнопроизносимое сочетание преодолевалось другим путем, а именно вставкой гласного не перед сонорным, а после него.

кѢваѣника Ст.1-41, отѢ колодезя Ст.1-42, отѢ двѣхъ бочаѣ Ст.1-33, отѢ рочнои от боѣки Ст.1-38. Есть и стандартные написания с выносной буквой предлога (*о^м сидѣ^н* Ст.1-33об., *о^м нобиѣки* Ст.1-33, *о^м вычи^цтъѣки* Ст.1-42, *о^м дела о^м ви^но^у о^м боѣки* Ст.1-40об., *о^м ко^мла* Ст.1-39, *о^м кубо^у* Ст.1-39, *о^м печаѣ* Ст.1-39, *о^м колодезя о^м подеѣки* Ст.1-39об.). Однако этот факт не противоречит предположению о том, что за написаниями с предлогом *отѢ* стоит вставной гласный, поскольку фонетические явления в древних письменных текстах имеют определенный коэффициент выраженности и подчиняются принципу факультативности выражения. Это правило было сформулировано применительно к отражению фонемы <ѡ> А. А. Зализняком [Зализняк 1978: 89]. Суть дела состоит в том, что коэффициент выраженности фонемы <ѡ>, то есть обозначение ее специальными буквами (например, ѡ или ѡ̄), в рукописи может быть низким, но это не значит, что ее писец хуже различал <ѡ> и <о>, нежели писец, в почерке которого коэффициент выраженности высок, поскольку главным внешним признаком того, что за определенной графической системой стоит различие <ѡ> и <о>, является не высокий коэффициент выраженности <ѡ>, а так называемая несимметричность ошибок, при которой «незаконные» знаки для <ѡ> встречаются, а «незаконные» знаки для <о> отсутствуют или встречаются несопоставимо реже, только в качестве ошибок или описок [там же: 89]. В связи с этим соображением является показательным тот факт, что в рукописи Ст.1. знак **Ѣ** никогда не стоит после предлога *от* перед гласной буквой, где не могло быть вокального призвука (*от о^бручеи* Ст.1-33, 41, 42, *от обруча* Ст.1-36, *от о^дмаѣки* Ст.1-39, *от одѢмаски* Ст.1-32об.), и получается, что ошибки здесь абсолютно несимметричны.

Аналогичная ситуация складывается при передаче предлога *в* и — реже — *к*. Если предлог стоит перед словом, начинающимся на согласный, то, как правило, пишется **Ѣ**, если же слово начинается гласным, этого знака нет:

кѢ ве^мхому ко^млу Ст.1-39, хѢ двѣхъ Ст.1-34, вѢ коба^мцкую и^{бу} Ст.1-32, 37, вѢ козе^ноу о^баѣ Ст.1-40об., вѢ полче^м Ст.1-39, вѢ маѣте Ст.1-18об., 40, вѢ маѣ Ст.1-23об., 42об., вѢ деко^ре Ст.1-11об., 36об., вѢ ноя^ре Ст.1-8об., 35об., вѢ ге^варе Ст.1-13об., 37об.

в августе Ст.1-30, 45об., в окѢтя^ре Ст.1-34об., в опре^ле Ст.1-21, 41об., в ыюне Ст.1-25, в ыюле Ст.1-27об.

О том, что данные орфограммы возникли потому, что писец прислушивался к своему произношению, говорит тот факт, что предложно-падежное сочетание «в феврале» передается следующим образом: ѡ *е^вроле* Ст.1-15об., ѡ *е^роле* (sic) Ст.1-39, — то есть перед начальным [ф] согласный [в] предлога оглушался в [ф] и там, видимо, вставки гласного не было. Примечательно, что в песенных текстах, где вставка гласных частотна после всевозможных согласных, она, по наблюдениям П. Г. Богатырева, не встречается именно после [ф] [см. Богатырев 1963: 355].

И, наконец, основной аргумент, позволяющий считать, что в старицкой кабацкой книге отражены именно вставные гласные, заключается в том, что подобное явление отмечается в современных селигеро-торжковских говорах. В с. Селижарово Селижаровского р-на Тверской обл. С. Л. Николаевым (по его устному сообщению) записано довольно много таких форм, например, [ѡсыпа], [лѡпѣт'и], [т'ѡртѣка], [ѡтв'ѡртѣка], [кѡртѣка] и др. Ср. также единичные случаи вставки гласных, записанные в других говорах Селигеро-Торжковской группы: у *Ключявоѣй ѡс'т'ѡцѣ пекарѣня* (д. Хмелевка Молодотудского р-на), *свѣкару*²¹ (д. Азаново Молодотудского р-на) [Нар. говоры... 1971: 105, 106], [вѡсыпа] (= оспа) (дд. Минькино и Ванино Бурцевской вол. б. Ржевского у.) [Гринкова 1926 а: 322], [кун'ау'ин'а] (ржевск.) [Попов 1912: 254], [рѣсалѡм], [кѣн'ау'ин'а], [кат'алка], [с'ѣто] [там же: 250]²².

²¹ Впрочем, здесь, возможно, отражается выравнивание основы.

²² В. М. Попов рассматривает в своей статье северносмоленские и ржевские говоры вместе и лишь иногда указывает, в каком из диалектов записан тот или иной из приводимых им примеров. Так, после [рѣсалѡм] стоит помета *Ржевск. у.*, а где были записаны остальные три слова, не указывается.

5.4. КОНСОНАНТИЗМ

5.4.1. Губные спиранты

5.4.1.1. Фонема <в> и ее реализация

Согласно данным ДАРЯ, все говоры рассматриваемого региона характеризуются произношением [в] губно-зубного перед звонкими согласными и регулярным оглушением [в] в [ф] в конце слова и в позиции перед глухими. Лишь к северу от Ржева отмечается небольшой «островок» произношения [у] перед звонкими и глухими в начале слова (в сочетании с [в], [ф]) и [w] перед звонкими и глухими согласными в середине слова, а также в конце слова в окончании -ов Р. пад. мн. ч. существительных и в основах [ДАРЯ I, карты 56, 57, 58]. В 1924 году Н. П. Гринкова отмечала в молодотудских говорах б. Ржевского уезда, расположенных к северо-западу от Ржева, наличие билабиального [w] ([ǰ]) в закрытых слогах — как срединных, так и конечных (д'аўч'бнк'и, ъадаўїї'іна, нууаўка, н'албўка, папбў, дварбў и т. д.), а также в начале слова перед согласным (ў лаўках, ў ц'ёркаф, ў шкбл'е и т. д.). В архаическом слое диалекта отмечено также произношение [ф] в позициях оглушения, но в единичных случаях: ў ц'ёркаф, ува Ржеф, ф шар'ик'е, ф П'ит'арбурх. В новом же (для 1924 года) слое говора такое произношение, по наблюдениям Н. П. Гринковой, преобладало [Гринкова 1926а: 307–308].

В исследованных текстах произношение [w] или [ǰ] отражения не находит (есть лишь написания *Еустра*^м Рж.2-167 и *Еуфи*^н 11463-249, которые, как отмечалось выше (см. 1.4.1.1.), непоказательны), оглушение же [в] в [ф] фиксируется: ⚡ *евроле Ст.1-15об., ⚡ *ероле (sic) Ст.1-39, ⚡ те^х пустош^а 11463-350об. (на полях), ⚡ се^це 11463-351, Зено^а 11463-243об.

* * *

Тверская отказная книга не дает прямых указаний на оглушение [в] в [ф], но косвенное свидетельство такого произношения имеется: *Замятню Ка^атанова* (В. ед.) 16061-255об. Современные тверские говоры относятся к зоне сплошного распространения [в] губно-зубного, превращающегося в позициях оглушения в [ф] [ДАРЯ I, карты 56-58], так что, по-видимому, здесь никаких изменений за последние три с половиной — четыре столетия не произошло.

5.4.1.2. Эпентетическое и протетическое [в]

Протетическое [в] отмечено только в одной рукописи в слове *вопч^ь* Рж.2-3, что для вывода о распространенности этого явления в говоре недостаточно, поскольку, как отмечалось выше, огласовка «вопче» была достаточно широко представлена в русских говорах и являлась лексикализованной. В современных селигеро-торжковских говорах [в] протетическое отмечается в значительном количестве слов. Ср. *вбчн'*, *вон* (= он), *бьз-вугла*, *вудббнъ*, *вукраткѣй*, *вўтрѣм*, *атвўжынъли* (д. Парамониха Луковского р-на) [Нар. говоры... 1971: 103, 104], *вбкарар'и*, *вбсына* (д. Ванино б. Бурцевской вол. б. Ржевского у.) *вўз'ен'ка* (д. Кокуевка б. Молодотудской вол. б. Ржевского у.), *вўска* (с. Молодой Туд), *вўх'и* (д. Редькино Молодотудской вол.) [Гринкова 1926 а: 306].

Вставной согласный [в], преодолевающий зияние, отмечен в исследованных текстах примерно в том же круге лексики (в именах собственных), что и в выше описанных рукописях других регионов: *Левот^е*^н Рж.2-174, *Левот^тьев^ь* Рж.2-167, 183, *Левонт^ь*^е Рж.2-141, *Левот^тье^е* Рж.2-222, *Левот^тьевы^н* Рж.2-141об., *Ларивон^о* 11463-254, *Левона* (Р. ед.) Ст.1-2, 32, *Родиво^н* Рж.2-87.

Такая же картина складывается и по данным тверской отказной книги: *Левотьева* (В. ед.) 16061-324об., *Ларивона* (В. ед. 16061-137, 301об., 344об., 418об., *Ларивону* 16061-301об., 302, 302об., 303, 306, *Ларивонавыми* 16061-303, *Ларивоновами* 16061-306об., *Родивоно* 16061-28об.

5.4.1.3. Фонема <ф>

Современные говоры Селигеро-Торжковской группы знают фонемы <ф> и <ф'>, хотя в отдельных населенных пунктах в окрестностях Ржева, Старицы и к юго-западу от Торжка отмечается в единичном распространении произношение [хв] и/или [х]–[хв'] и/или [х'] [ДАРЯ I, карта 54]. Ср. записи Н.П. Гринковой, сделанные в 1924 г. в д. Приездово совр. Ржевского р-на: [хурáшек] (Р. мн.), [хв'ёрз'и]²³ и в с. Молодой Туд того же р-на: [хв'ёрз'и] [Практич. занятия: 99–100]. В текстах рассматриваемого региона замен *ф* на *хв* или *х* не отмечено, есть лишь один случай обратной мены: у *Федора Орефина* Рж.1-21об., где [ф] появился, видимо, из гиперкорректных соображений и, возможно, в дальнейшем эта фамилия в таком виде лексикализовалась.

В говорах, локализующихся в окрестностях Твери, в настоящее время замен фонем <ф> и <ф'> на другие звуки не наблюдается [ДАРЯ I, карта 54], а в рукописях первой половины XVII в. имеются написания: *Ховроуца* 16061-231об., *Понафидину* (Д. ед.) 16061-399, *Понафидина* (Р. ед.) 16061-5об., 259об. Вполне допустимо предположить, что в первой половине XVII в. эти имена в подобной огласовке уже лексикализовались и замен <ф'>, <ф'> на другие звуки в этот период не происходило.

5.4.2. Заднеязычные согласные

5.4.2.1. Вопрос о качестве звонкой заднеязычной фонемы

В исследованных текстах старицкого, ржевского и тверского происхождения не найдено однозначных указаний на качество звонкой заднеязычной фонемы. Лишь в новоторжской отказной книге дважды отмечена орфограмма *княине* (Д. ед.) 11463-329, 329об. с пропуском буквы *з*, но, как было показано выше (см. 1.4.2.1.), это слово зафиксировано в такой огласовке во многих памятниках письменности, так что данная огласовка (или орфография) могла быть закреплена нормой как допустимая, в связи с чем написание *княине* с точки зрения решения вопроса о качестве звонкой заднеязычной фонемы непоказательно.

Впрочем, есть некоторые основания предполагать, что в селигеро-торжковских говорах в некоторых словах (и возможно даже — в слове «княгиня») наряду с [г] взрывным могло звучать [γ] фрикативное. Дело в том, что такая ситуация фиксировалась в ряде населенных пунктов в середине XX в.

д. Борисово Ржевского р-на [Нар. говоры... 1971: 114-115]:

[г] взрывное	[γ] фрикативное
кѣцаргѡй, сажглѧ тѣрябу, гарѧздѣ, бигѧт.	зѣ урыбѧми, урыпкѡф.

²³ Сарафан.

д. Хмелевка Молодотудского р-на [Нар. говоры... 1971: 104–105]:

[г] взрывное	[γ] фрикативное	Оглушение конечного звонкого заднеязычного в [x]
<i>въгарбди</i> (= в огороде).	<i>за плуӯγ̄и</i> (= за плугом), <i>нет у нас плуӯи.</i>	<i>у снех.</i>

д. Азаново Молодотудского р-на [Нар. говоры... 1971: 105–106]:

[г] взрывное	[γ] фрикативное	Оглушение конечного звонкого заднеязычного в [x]
<i>дѣн'ги, у нбги, кагда</i>	<i>зутоблины, ф пираӯе, тауда, уварі</i> <i>блѣӯдаритя, бб̄у</i>	<i>пирѣх, дѣнех, друх.</i>

Как видим, большинство примеров записано в говорах Молодотудского р-на. И это не случайно, так как именно там в первой трети XX в., по наблюдениям Н. П. Гринковой, нормальным было произношение именно [γ]: *γор'е, наӯе, кн'ӯγ'и, јѣӯ'ерем* (д. Приездово), *пѣӯаӯка* (с. Молодой Туд) и т. д. В речи стариков Н. П. Гринкова наблюдала при этом спорадическое произношение [г] взрывного и соответственно [к] в позициях оглушения в конце слова: *б'аз д'ѣн'ек, самогону, у Р'ӯгу* (д. Приездово). В новом же слое говора [γ] фрикативное уже в 1924 г. было редкостью, так что все грамотное население произносило обычно [г] взрывное [Гринкова 1926а: 311]. Впрочем, и сейчас в ДАРЯ для этой части Селигеро-Торжковской группы (она граничит с южнорусской Верхнеднепровской группой) отмечается как наличие [γ], оглушающегося в [x], так и наличие [г], но также оглушающегося в [x] [ДАРЯ I, карта 44], что действительно указывает на нивелировку фонемы <γ> в сильных позициях, при том что в слабых ее вариант [x] удержался.

В тверской отказной книге также имеется пропуск буквы *з* в слове «княгиня»: *княини* (Р. ед) 16061-195об., 260об., а в «приложении руки» местного священника отмечена форма *книха*²⁴ — *к се*²⁴ / *отказы*²⁴ / *книха*²⁴ / *села Лебедева* / *Р(о)ж(е)ства Пр(е)ч(и)стыя* / *по*²⁴ *Го*²⁴ *о*²⁴ *тисо*²⁴ *руку* / *приложилъ* 16061-162/163/164/165/166/167/167об. Однако в связи с тем, что это написание вышло из-под пера именно священника, разумно предполагать, что оно отражает его церковнославянское, а не живое произношение фрикативного [γ], ведь других указаний на то, что в речи писцов мог появляться [γ] фрикативный, в рукописи не имеется, а в настоящее время район Твери — это зона сплошного произношения [г] взрывного [ДАРЯ I, карта 44].

5.4.2.2. Позиционные изменения заднеязычных

В новоторжской отказной книге отмечены две орфограммы, которые свидетельствуют о том, что некогда в говорах рассматриваемого региона было представлено переходное смягчение заднеязычных. Речь идет о формах имени Лукьян: *Лутья*²⁴ 11463, *Лутьянь* 11463-344об.²⁴. В других рукописях подобных написаний не встречено. О том, что некогда переходное смягчение говорам рассматриваемого региона было свойственно, свидетельствует спорадически встречающиеся случаи гиперкорректного произношения, например, *уч'кѣ* *еть ня ф пѣрвыи рас* (д. Вѣски Лихославльского р-на) [Нар. говоры... 1971: 134].

²⁴ В тверской отказной книге производные от имени Лукьян достаточно употребительны, но они всегда пишутся с буквой *к*: *Лукьяно*²⁴ 16061-90, *Лу'яно*²⁴ 16061-223, *в полусеце Лу'яноско*²⁴ 16061-266, *со Власко*²⁴ с Лукьяновы²⁴ 16061-42.

Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, которое в селигеро-торжковских говорах спорадически отмечается в лексикализованном виде (*скол'ки, тол'ки* [Нар. говоры... 1971: 99, 103, 113]), в исследованных рукописях отражения не находит.

5.4.3. Качество <ш> и <ж>

В рукописях торжковского, старицкого и ржевского происхождения не отмечено сочетаний *шы* и *жы*, но в новоторжской отказной книге есть сочетание *шю*: *Шюшерина* (фамилия — Р. ед.) 11463–250, 268, 279. Это является некоторым основанием для предположения о том, что шипящие в первой половине XVII в. могли быть еще мягкими. В настоящее время в говорах рассматриваемой территории они, судя по полевым записям, приведенным в хрестоматии [Нар. говоры... 1971], тверды. О том же свидетельствуют данные ДАРЯ — на фоне повсеместной твердости шипящих лишь в одном населенном пункте к востоку от Торжка зафиксированы мягкие или полумягкие звуки [ДАРЯ I, карта 63]. Однако в начале XX века мягкость в произношении шипящих в селигеро-торжковских говорах отмечалась [см. Соколов 1908: 41–42, 45]. Довольно большое количество примеров мягкости [ш'] и [ж'] находим в работе В. М. Попова «Замечания о северно-смоленских и ржевских говорах»: *š'árka, š'to, š'to, ptás'ic'ki, paš't'i š'tl* (почти что), *paš'ól, xaraš'ó, ž'er'ep* [Попов 1912: 260]. Большую уверенность в том, что шипящие были мягкими и в XVII веке, придает тот факт, что тверская отказная книга, отражающая смежный говор, в очень многом, как видно из предшествующего изложения материала, схожий с говорами, расположенными по линии Торжок — Старица — Ржев, свидетельствует о мягкости шипящих достаточно надежно.

Во-первых, здесь также нет сочетаний *шы, жы*, но имеются написания *шы* и *жю*: *Прокошя* (В. ед.) 16061-348об., *Жюкова* (Р. ед.) 16061-5, 5об., 7об. Во-вторых, в одном из почерков три раза встречено написание *пустошь* 16061-364об., 366об., 367 — при том, что писец (подьячий Крик Иванов, чьим почерком написаны лл. 364-368, 379-383, 391-396, 398-402об.) строго различал буквы *ъ* и *ь* — и не только графически, но и функционально, явно обращая внимание при их использовании на твердость и мягкость предшествующих согласных. Ср. примеры:

ъ: *туто^шнихъ и сторо^ннихъ поповъ и старостъ* 16061-364 об, *лѣсомъ* 16061-367об., *во Твѣскомъ уѣ^де* 16061-366, *три копъны*, 16061-368, *въдовѣ* 16061-392, *Онѣдрѣя* (В. ед.) 16061-391об., *семъ* 16061-367, *восмъ* 16061-366, 367об., 400;

ь: *пять* 16061-367 об, *в помѣстьѣ* 16061-392, *О^дотъину пасы^нку* 16061-392, *Пѣфенья* (В. ед.) 16061-365, *четыре четъверъти* 16061-367об., *четыре че^тверъти* 16061-367, *восмъ че^тверътеи* 16061-366, *во Тѣвѣско^н уѣ^дь* 16061-364.

По-видимому, писец обладал тонким фонетическим слухом, ибо он последовательно отмечал на письме твердость или мягкость согласных, стоящих перед другими согласными, а также отвердевшие губные в исходе числительных «семь» и «восемь» (см. примеры, выделенные жирным шрифтом). Таким образом, за написанием *пустошь*, принадлежащим руке этого писца, наверняка, стоит мягкость [ш].

Современные акающие говоры, локализующиеся в районе Твери, сейчас знают твердые шипящие [ДАРЯ I, карта 63], однако косвенно на то, что они отвердели не в древнейшую эпоху, указывает тот факт, что в некоторых случаях в этих говорах перед шипящими отсутствуют результаты изменения [е] в [о] [см. Кириллова 1963: 49].

5.4.4. Долгие (сложные) шипящие согласные

Торжковские и ржевские тексты дают достаточно надежный материал, позволяющий сделать определенные выводы о качестве долгих (или сложных) шипящих согласных.

В ржевской кабацкой книге и в новоторжской отказной книге отражается произношение глухого сложного шипящего [ш'т']: *с вацтинами* Рж.1-56об., *с вацтинами* Рж.1-14, 28об., 33, 37об., 40, 43²⁵, *с товарищити* Рж.1-1, 2, 2об., *ко щидеся^т четвертя^н* 11463-363, 364об. Последняя орфограмма на фоне стандартных написаний типа *к тремсто^н ко шти-на^нце^тм^н че^твертя^н* 11463-398об., *ко штидеся^т ко тре^н четья^н* 11463-372об. и т. д. (*шти* — нормальная форма Р.-Д.-М. пад. от числительного *шесть*), наверняка свидетельствуют о том, что с буквой *щ* ассоциировалось произношение [ш'т'].

В текстах старицкого происхождения таких написаний нет, но в книге Ст.1. вместо буквы *ш* в строке всегда пишется *щ* (в качестве выносной буквы используется *ш*). Возможно, за этим стоит близость долгого глухого шипящего нормально краткому (то есть произношение [ш̄]), но, скорее всего, учитывая абсолютно регулярный характер замены, следует предполагать, что мы здесь имеем дело с чисто графическим явлением — наличием «немаркированного знака», выполняющего роль более чем одной буквы. Поскольку в лингвистических изданиях древних текстов дифференциация немаркированных знаков нежелательна [см. Голышенко 1982: 27 (сноска 60)], в приведенных выше и приводимых ниже примерах из книги Ст.1 немаркированное *щ* источника всегда передается буквой *щ* (например: *ще^ть* Ст.1-43об., *Ве^тщи^нско^н* (фамилия) Ст.1-32об., *уцати^к* Ст.1-36об., *мещо^к* Ст.1-43, *десято^к щая^к* Ст.1-44 и т. д.).

В современных говорах соответствующих регионов распространено произношение [ш̄] и [ш̄̄] (см. многочисленные примеры в текстах, записанных в различных населенных пунктах на территории Селигеро-Торжковской группы в хрестоматии [Нар. говоры... 1971] и карту ДАРЯ I № 48). Произношение же [ш'т'] в этих говорах больше не фиксируется, что свидетельствует о нивелировке данного явления за последние три с половиной — четыре столетия.

* * *

В тверской отказной книге отражается три типа произнесения долгого (или сложного) глухого шипящего.

1) На основании мены букв *ш* и *щ* (она частотна, в особенности в направлении замены *ш* на *щ*, но нерегулярна — традиционные написания тоже встречаются в достаточных количествах) можно заключить, что в тверском диалекте существовала близость нормально краткого и долгого шипящего. Ср. примеры:

Замена *щ* на *ш*: *по^н Дани^нша* 16061-434, *урочи^н* (Р. мн.) 16061-339об., *в о^де^ншиково место* 16061-339. Возможно, сюда же относится написание *Ерофея Мо^ршихи^нсково* 16061-195об. (ср. <деревня> *Мо^рщи^нхино* 16061-219).

Замена *ш* на *щ*: *бо^нщимъ* 16061-536об., *наци* 16061-538, *шесть* 16061-310, 371об., 540, *шестьна^нцеть* 16061-419об., *къ по^трия^нци^н* 16061-537об., *пустощь* 16061-418, *пусто^н* 16061-536об., *пустощи* 16061-537об., 538об., 539об., 540 и др., *о ... постоща^х* (sic) 16061-537об., *пуста^н* 16061-419об., *Щубина* (фамилия, В. ед.) 16061-419, 538об., *нащни* 16061-419об., *непаще^ннаго* 16061-540, *непаще^нного* 16061-312об. и т. д.

Краткий шипящий, как показано выше (5.4.3.), был в тверском диалекте в первой половине XVII в. еще мягким, следовательно, следует думать, что долгий глухой шипящий звучал как [ш̄̄] (о долготе его свидетельствуют написания с двумя буквами (*щ* + *ш*, *с* или *з*):

²⁵ *Вощина* — сухие соты [Даль, I: 253].

ро^мщи (Р. ед.) 16061-197, ро^сщи 16061-239, по све^мщенству 16061-536об., прика^зщика 16061-157, помѣщико^о 16061-87об., помѣщико^о 16061-89 и т. д.).

2) Написание прика^зщика (В. ед.) 16061-418, 418об., 419, 419об., 536, 538об., 539 отражает, по-видимому, произношение [ш'ч'].

3) И, наконец, sporadически на письме отражается гиперкорректным образом произношение [ш'т']: во щи пустоша^а 16061-190об., ко щидеся^м к четы^рмя че^мвѣте^н 16061-243.

Если первые два типа произношения ([ш'] и [ш'ч']) фиксируются в тверском диалекте и сейчас, то третий ([ш'т']) ныне уже отсутствует [ДАРЯ I, карта 48], так что за последние три с половиной — четыре столетия вариативность произношения долгих (сложных) глухих шипящих здесь уменьшилась.

Произношение долгого (или сложного) звонкого шипящего находит отражение в новоторжской и тверской отказных книгах, причем в новоторжской книге — только в одной лексеме. При этом отражается вариант [ж'д']: поро^ждихъ (Р. мн.) 11463-361, 365об., 369об., поро^жди^х 11463-361, 365, 366, 405об., порожди^х 11463-329об., ис пор^ждихъ 11463-348, 352об., ис^з поро^ждихъ 11463-362об.

Судя по данным тверской отказной книги, в тверском диалекте были разные варианты произношения долгого (сложного) звонкого шипящего:

1) [ж']: поро^жжие 16061-535, 537об., поро^жжие 16061-537об., поро^жжи 16061-536об., поро^жжее 16061-339об., поро^жие 16061-419об., поро^жия 16061-418 539об., поро^жихъ 16061-538, недоежая 16061-309;

2) [ж'д']: поро^ждее 16061-259, поро^ждюю 16061-279, поро^ждя 16061-107, поро^жди 16061-153, в поро^жди^х 16061-153об., пашни нае^ждие 16061-132, 197;

3) возможно, [жд]: поро^жда 196об.

Произношение [ж'ж'] и кое-где [жд'] известно селигеро-торжковским говорам и сейчас [ДАРЯ I, карта 52], так что в этом плане существенных изменений не произошло.

5.4.5. Аффрикатy

Аффриката [ц], судя по данным торжковских, стрижских и ржевских рукописей, была, наверняка твердой. Об этом свидетельствуют написания с сочетанием *цы*, которое употребительно в суффиксах и в окончаниях:

Голицына 11463-324об., Голицыну Рж.2-211, 216, Же^рлицына (фамилия, Р. ед.) 11463-309об., помѣщичи^{цы} 11463-264об., Козицына (фамилия, Р. ед.) 11463-252, Потылицы^н 11463-246об., Овцы^н Рж.2-231, Скобелцы^н Рж.2-295, Палицы^н Рж.2-7, в се^рцы 11463-366об., 369, 370об., на рекѣ на Тве^рцы 11463-350об., на Тверцы на реки 11463-323об., на ручью на Хотовцы 11463-319об., на улицы 11463-315, Троицы 11463-301, писцы Рж.2-286об., жи^нцы Рж.2-292, из Старицы Ст.2-3 и т. д.

Опосредованно на твердость [ц], возможно, указывают и написания с сочетанием *ца*, отражающие результат ассимиляции согласных в формах третьего лица единственного числа возвратных глаголов: доведе^нца Рж.2-250б., 106, скитаю^нца Рж.2-116.

В одном случае отражается утрата затвора аффрикатой [ц], или скорее (поскольку пример только один, и это прилагательное *писцовый*), прогрессивная ассимиляция, при которой под влиянием предшествующего [с] аффриката [ц] превращается в [с]: по писовымъ книга^н 11463-350 (на левом поле) (см. выше, 3.4.5.).

В современных говорах рассматриваемой территории аффриката [ц] тверда повсеместно [ДАРЯ I, карта 46]. Что же касается <ч>, то местами в сосуществовании с [ч'] мягким наблюдается твердое [ч], а в районе Старицы есть остров, где произношение [ч] твердого оказывается единственно возможным [см. Свод... 1914: 339, ДАРЯ I, карта 45]. Однако отвердение шипящей аффрикаты произошло, видимо, позже, чем в первой половине XVII ве-

ка, так как в исследованных рукописях отчетливо отражается мягкость [ч']: *Чюрилово* 11453-319, *Чюрляевы*^х (фамилия, Р. мн.) 11453-323об., *Барчуково* 11453-324, <деревня> *Ончюхово* 11453-257об., *Чюфаро*^о Рж.2-206, *Чю^око*^о Рж.2-39, в *Чю^мцско^н стану* Рж.2-292, *Федоровичю* Рж.2-1, 51об., *Тимоф^вевичю* 11453-242.

Что касается цоканья, то даже если оно в описываемом говоре имелось, то отражения в исследованных текстах не нашло. А цоканье могло здесь иметь место, так как «островками», в отдельных населенных пунктах, в районе Торжка, Ржева и Старицы было представлено во второй половине XIX и начале XX века [см. Копорский 1949: 153, 161 и карта].

* * *

Сходная ситуация восстанавливается и применительно к собственно тверскому диалекту.

Твердость [ц] отражается следующими написаниями: *Трубицыно* 16061-216, 423, *Че^пницыно* 16061-139, *по^п* <пустоши> *Трясицына* 16061-29, *О^пцына* (фамилия, В. ед.) 16061-353, 365, <пустошь> *Бы^пцы* 16061-497, *о^пцы* 16061-107, *Б(огороди)цы* (Р. ед.) 16061-130, *про^пку^пницы* (Р. ед.) 16061-110б., *просви^пницы* (Р. ед.) 16061-115, *двѣ жи^пницы* 16061-216 и т. д.

Мягкость [ч'] засвидетельствована следующими орфограммами: <село> *Чюдово* 16061-391об., <пустошь> *Чюди^пково* 16061-224, <пустошь> *Чю^пково* 16061-345об., в <деревне> *Чюприно^п* 16061-361, <деревня> *Чюди^пцово* 16061-465, *по^п села Чюдова* 16061-309об., *Ивановичю* 16061-235, *Федоровичю* 16061-269 и т. д.

В современных говорах, локализующихся в районе Твери, сейчас наблюдается [ц] твердое и [ч'] мягкое, хотя к юго-западу от Твери есть «островок», где фиксируется исключительно [ч] твердое [ДАРЯ I, краты 45, 46].

В тверской отказной книге так же, как в торжковских, старицких и ржевских текстах, ни разу не отражается цоканье. Во второй половине XIX и в начале XX в. в отдельных населенных пунктах в окрестностях Твери цоканье, однако, имело место [Копорский 1949, карта; Кириллова 1963: 62–63]. По данным Т. В. Кирилловой, цоканье в говорах Калининского района сохраняется в виде особых «островов», не образуя границ, подобных границам оканья и аканья, и наличие этих «островов», которые на юг от Калининского района почти совсем исчезают, говорит о том, что данная территория в недалеком прошлом составляла широкую полосу, представляющую собой границу между цокающими и нецокающими говорами [Кириллова 1963: 63].

5.4.6. Вопрос об отвердении конечных губных согласных

Свидетельства отвердения конечных губных согласных обнаруживаются в скорописных памятниках XVII века достаточно редко, что связано с упоминавшейся выше особенностью употребления немаркированных знаков на месте *ъ* и *ь*, а также с тем, что в конце слова писцы регулярно ставили выносные буквы согласных. Однако в тверской отказной книге, как было сказано выше (см. 5.4.3.), имеется один почерк (им написаны лл. 364-368, 379-383, 391-396, 398-402об.), где буквы *ъ* и *ь* различаются хорошо и употребляются как знаки твердости и мягкости. И именно здесь встретились написания, на основании которых можно с уверенностью заключить, что конечные губные в тверском диалекте были твердыми: *семь* 16061-367, *восмь* 16061-366, 367об., 400. Применительно к остальным рассматриваемым говорам соответствующего рукописного материала нет. Ныне, судя по данным описательной диалектологии и лингвистической географии [см. Свод... 1914: 338-340; Нар. говоры... 1971: 122, 123, 124, 133; Новикова 1987: 23; ДАРЯ I, карты 70, 71], твердые конечные губные в селигеро-торжковских говорах распространены широко.

5.4.7. Непозиционная твердость-мягкость и глухость-звонкость согласных

В торжковских, старицких и ржевских текстах единично отражена непозиционная мена твердых и мягких согласных, причем большая часть примеров свидетельствует об отвердении [р']:

- 1) коню^нна 11463-268 (ср. также написание с пу^стошмы 11463-324об., которое, впрочем, скорее всего, объясняется морфологически);
- 2) с товарищи Рж.1-1, Ст.1-2, 32, 36/37/38/39, с таварыщи Ст.2-2, с таварыщити Рж.1-1, 2, 2об., Ондрушки (Р. ед.) 11463-245об.

* * *

В тверской отказной книге написаний подобного рода больше и они разнообразнее.

1) Отражение отвердения парных по твердости/мягкости согласных (кроме [р']): не^мдесять 16061-539об., вместо панатых 16061-354, пречисты^нско^н по^н 16061-375. Здесь же можно привести написание <пустошь> Гр^ркы 16061-78, хотя оно отражает, скорее, не отвердение [к'], а сохранение исконной твердости заднеязычного.

2) Колебания в выборе твердости или мягкости суффиксом -н/-н'- прилагательных:

туда ^н ны ^х 16061-45, 77,112; 208, 241, 264об., <перед> туюшными <людьми> 16061-106об., 126, 264, 269, 279об., тую ^н ны ^н 16061-88.	туто ^н ния... люди 16061-537, пере теми (sic) туто ^н ними ... людьми 16061-539об.
око ^н ны ^х люде ^н 16061-112, 241, <перед> око ^н ными лю ^д ми 16061-126, 187об., 543об.	с ... око ^н ными лю ^д ми 16061-169об., 215, <перед> око ^н ными лю ^д ми 16061-215, око ^н ны ^х <людей> 16061-59.
стор ^о ны ^н <людям> 16061-88, стор ^о нными <людьми> 16061-77об., стор ^о ны ^х 16061-77, 145.	стор ^о ны ^х <людей> 16061-59, 106.
	к се ^н ро ^д е ^н ни ^н книга ^н 16061-200.
	пова ^н ни ^н обыском ^н 16061-536об.

В тверской отказной книге имеются и случаи отражения непозиционной мены глухих/звонких согласных: к о^нно^н че^н 16061-108, 109, лесо^н поро^дло 16061-189, про^зсви^рници не^н 16061-231, про^зви^рницино <место> 16061-120об., лесу непаже^нного 16061-243.

5.4.8. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

В торжковских, старицких и ржевских текстах обнаружено отражение произношения [ы] в позиции сандхи после губных и зубных согласных.

Губные + ы: в ызбу Ст.1-33об., в ыюне Ст.1-27об., 43об., в ыюле Ст.1- 27об., 44об., в се^нцы в Ышукове 11463-37об., в Ыльи^нские воло^сти 11463-329, в Ы^нин^ской волости 11463-248, в Ы^ни^нской ^ж волости 11463-312об., в Ыль^нские волости 11463-350, в Ы^нн^ской волости 11463-352, в Ыль^нской волости 11463-366об., в Ы^нско ^ж (sic) волости 11463-315об.

Зубные + ы: с *Ывано^м* Рж.2-199об., 11463-269об., с *Ывановы^м* с(ы)на^м 11463-270, с *Ывашко^м* 11463-398об., с *ыными* Рж.2-276об., с *д(е)^р(е)вни* с *Ыюдихе* 11463-240об., (ср. в конструкции без предлога: *да с той ж д(е)^р(е)вни* *Июдихи* 11463-239об.), из *Ыльина помѣстья* 11463-256, из *Ывано^{ско} помѣстья* 11463-265.

В формах притяжательных местоимений 3-го лица подобное произношение не отражается ни разу, вероятно, потому, что здесь звучал корневой [j], что, по всей видимости, свидетельствуется написаниями: *въ и^х окла^о* 11463-333об., *съ ихъ помѣсте^м* Рж.2-148, 150, 286.

Сочетаний предлога «к» со знаменательным словом, начинающимся с <и>, не встретилось, и поэтому судить о том, как вели себя задненебные согласные в позиции сандхи перед <и>, не представляется возможным.

В современных говорах исследуемого региона отмечается твердое произношение согласных всех типов в позиции сандхи перед <и>: *пашла з'-дѣвч'към ыграт', тот ы покормит', от ы пайёлъ, от ы павáдилс'ь, ушол ы лёк, он ы рибятъ, так ы убил, так ы плачу, так ы ушол* [Нар. говоры... 1971: 89, 100, 101, 103, 104, 114, 120, 128].

* * *

Такая же примерно картина, как в торжковских, старицких и ржевских текстах, наблюдается и в тверской отказной книге.

Губные + ы: в *Ыванова мѣста* 16061-265; в *Ыванова места* 16061-210, в *Ывано^оское помѣстье* 16061-208об.

Зубные + ы: с *Ывано^м* 16061-88, с *Ывашко^м* 16061-36об., 134об., 446 об, с *Ывашкомъ* 16061-20, с *Ыгнашко^м* 16061-231об., с *Ыгнашкою* 16061-232, 480, 380об.

Здесь, однако, есть и написания несколько другого рода — с обеими буквами (ы и и): *вы ивано^оскомъ помѣстье* 16061-279об., *сы Ивано^м* 16061-204 (2 р.), 252об., *сы Ивашко^м* 16061-233, *сы Ивашко^м* 16061-242об.

Аналогичные написания, как будет показано ниже (6.4.8.), встречены в текстах смоленского происхождения, но там они, возможно, объясняются фонетически, поскольку в смоленских говорах имеются предлоги *вы, кы, сы*. В текстах же тверских эти написания могли появиться в результате того, что, отразив произношение, писец пытался соблюсти стандартный орфографический облик слова.

5.4.9. Позиционное оглушение согласных

Отражения оглушения конечных звонких согласных в текстах торжковского, старицкого и ржевского происхождения не обнаружено, но случаи ассимилятивного оглушения имеются.

[б] → [п]: *вочѣ* Рж.2-3, 10, 37.

[д] → [т]: в *Чю^мско^м стану* Рж.2-292, *адиннатцать* Рж.2-116, *оди^нна^мца^м* 11463-257об., *два^мцать* Рж.2-2, *три^мца^м* Рж.2-51, *со итина^мцати* Рж.2-75, *з девятинатцати* Рж.2-29, *тринатцать* Рж.2-124, с *трина^мца^м* Рж.2-124, с *трехна^мцати* Рж.2-124, с *трехнатцати* Рж.2-139, с *трѣ^нна^мцати* Рж.2-139.

[з] → [с]: *по...скаске* Рж.2-21, *от одьмаски* Ст.1-32об.²⁶.

²⁶ Так же, как и во всех исследованных выше рукописях, здесь встречено достаточное количество случаев оглушения конечного [з] приставок и предлогов, которые не приводятся, ввиду того что такое оглушение было характерно еще для праславянского языка. Имеются и написания типа *и^с поро^жждихъ земе^н* 11463-362об., которые, как указывалось выше (см. 4.4.10), считаются своеобразной контаминацией произношения и правописания [см. Колесов 1980: 159–160].

Встречены и гиперкорректные написания: *шестьнацца*^м 11463-253об. (писец полагал, что правильно это числительное записывать с буквой з, и вставил ее в междустрочное пространство), *снадачею* 11463-337.

В современных говорах, локализующихся в районе Торжка, Старицы и Ржева, наблюдается последовательное оглушение в конце слова и ассимилятивное оглушение парных по глухости/звонкости согласных перед последующими глухими. Ср. примеры из диалектологических записей: а) *друж, врак, мёт, лошт' , мьладёш, замуш, ф клуп, тош, протиф* [Нар. говоры... 1971: 103, 113, 114, 121, 123; см. также ДАРЯ I, карта 73]; б) *сажókшы, надéфшы, агрáтку, берёска, фпиредí, пирашкá* (Р. ед.) [Нар. говоры... 1971: 99, 113, 116, 120].

* * *

В тверской отказной книге найден один случай отражения конечного оглушения (*сто^пнъ соснови ... а о^м сто^пба...* 16061-60об.) и обнаружено достаточно большое количество написаний, отражающих оглушение ассимилятивное.

[б] → [п]: *Лоткова* (фамилия, Р. ед.) 16061-106, 208, 230, *Ло^нкова* 16061-83 (ср.: *Ло^бкова* 16061-87).

[д] → [т]: *па^нчерицами* 16061-303, *па^нчери^{не}* (Д. ед.) 16061-289об., *пере^н теми* 16061-301об., *пере^н т^нми* 16061-279об., *пере теми* (sic) 16061-539об., *в ... слобо^нке* 16061-202, *слоботки* (Р. ед.) 16061-97, *слобот^нки* 16061-95, <пустошь> *Ме^оветково* 16061-178, *съ Фе^нкою* 16061-392об., *на сто на четы^ннацца^н* 16061-177об.

[з] → [с]: *по...скаске* 16061-29, *по... скаски* 16061-120об., *к... скас^нке* 16061-125, *к... скаски* 16061-121.

[ж] → [ш]: *Серешка* 16061-178, 184, 223об., 307, 482, *с Серешкою* 16061-452об., <пустошь> *Яры^нкино* 16061-219.

Следует отметить и довольно многочисленные гиперкорректные написания: *во^нмьдеся^н* 16061-292, *се^нцо^н Ляс^нкины^н* 16061-185 (ср.: *селцо Ляскино* 16061-185), *и^н на^одачею* 16061-211, 212, 261, *и^н пустошми* 16061-191, *и^н пусто^нми* 16061-187об., *и^н т^нми ... лю^оми* 16061-187об., *и^н полу^оминою* 16061-202об., *и^н се^нными покосы* 16061-261, *и с^н четвериком^н* 16061-245об., *и^н с теми...лю^оми* 16061-169об., *да^н с(ы)но^н* 16061-449об.

Современные тверские говоры знают последовательное оглушение согласных в конце слова и их ассимилятивное оглушение. Ср. примеры из диалектологических записей: а) *прут, ф калхó с, куды ш, лошт'* 135 [Нар. говоры...1971: 135, 136]; б) *фсяá ни ф чём, ла фкъ* [там же: 136].

5.4.10. Позиционное смягчение согласных

Поскольку в одном из почерков тверской отказной книги достаточно последовательно обозначается твердость и мягкость согласных (см. выше, 5.4.3.), можно констатировать, во-первых, позиционную мягкость зубного взрывного согласного перед последующим мягким губным: *во Т^нв^еско^н у^нв^ндъ* 16061-364, *четыре чет^нвер^нти* 16061-367об., — и, во-вторых, сохранение позиционной мягкости [p'] в сочетании, восходящем к *t^нrt, перед мягким зубным: *четыре чет^нвер^нти* 16061-367об., *четыре че^нвер^нти* 16061-367, *восмь че^нвер^нти* 16061-366.

5.4.11. Диссимилятивные и ассимилятивные изменения; упрощения групп согласных

В торжковских и старицких текстах несколько раз отразилась межслоговая (дистактная) диссимиляция в ее типичной разновидности — расподоблении плавных [р] и [л], когда из двух [р] один превращается в [л] [см. Реформатский 1997: 206]: *Ме^ркулья* (Р. ед.) 11463-360об., 405 (ср. гиперкорректное написание *Орферью* (Д. ед.) 11463-377), <дано от того со-лоду> *помилу и провозу* Ст.1-2, 2об., 3, 4, 4об. (см. комментариев к этой огласовке выше, 5.2.1.). Примеры дистактной диссимиляции плавных можно обнаружить и в диалектологических записях, сделанных в рассматриваемых говорах. Ср.: *сиклятар'*, *кльидор*, *кульйер*, *кул'ерчик* [Нар. говоры...1971: 102, 121, 123, 132].

В селигеро-торжковских говорах представлены разнообразные случаи контактной диссимиляции и упрощения групп согласных. Ср. примеры из диалектологических записей: *лях-коб*, *л'ьхжавуйу машыну*, *нихто*, *хто*, *трахтър*, *пъ канбайну*, *ланпы*, *видде* (= везде), *гувно где малотют*, *к хресьнй* (диссимиляция), *здвайурьный брат*, *анной бапки* (Д. ед.), *у анной*, *чунной*, *чыйник меннй*, *бённй*, *амманъвт* (ассимиляция), *ка г дас' йаму*, *йис'*, *пряс'*, *страс'*, *была мшыныскуй*, *няш'ш'асыь*, *малбшнъс ти нету* (упрощение групп согласных) и т. д. [Нар. говоры...1971: 89, 100, 101, 102, 102, 103, 114, 121, 122, 123, 124, 127, 131, 135].

Отразились сходные явления и в исследуемых рукописях.

Торжковские, старицкие и ржевские тексты

а. Диссимиляция согласных

- [кт] → [хт]: *х тому же* 11463-356об.,
[гд] → [уд]: *хЪ дву^н* Ст.1-34
[кр] → [хр]: *по^н пу^стоши* Захрестья 11463-250об.
[мн] → [бн]: *губно а в не^н ови^н* 11463-268.

б. Ассимиляция согласных

- [гж] → [уж]: *х жи^н нице* Ст.1-40.

в. Упрощения групп согласных

- [стн] → [сн]²⁷: *в помъсно^н приказе* Рж.2-25, 150 216, *ис помесно^с прика^н* Рж.2-25об., *По-нико^с* Рж.2-65, *ПосниковЪ* Рж.2-159, *шесна^нцать* Рж.2-173.
[с'т'] → [с']: *помъ^се* 11436-466об., *в помъ^се* Рж.2-125об., *помъ^ся* (Р. ед.) Рж.2-133, 222, 248, 295, 11463-363.
[жск] → [шск] → [ск]: *с навод^сски^н пушкаре^н* 11463-311, *в новото^сско^н увъзде* 11463-263, 329, *навод^сско^н ...староста* 11463-279 и т. д. (только в этом слове).
[стк] → [ск]: *Челюски^н* Рж.2-66об. (ср. о нем же: *Челюстки^н* Рж.2-60).
[вск] → [ск]: *в Мещеску* Рж.2-66, 132, *в Мещоску* Рж.2-126, *и^с Мещоска* Рж.2-126об., *мещоско^н пушка^с* Рж.2-126.
[дд] → [д]: *к... оделнамЪ кн(и)гамЪ* 11463-360об.
[здц] → [стц] → [сц]: *дересню Гне^сцы* 11463-343, *д(е)р(е)^снею Гнезцами* 11463-344об., *вЪ Гне^сцахЪ* 11463-344.
[чн] → [шн]: *от о^нришины* 11463-335, *датошных людеи* Рж.2-125, *дато^нны^с люд^н* Рж.2-137.

²⁷ Здесь так же, как в предыдущих главах, не учитывается твердость и мягкость согласных (вместе приводятся такие написания, как *шесна^нцать*, где имеется сочетание [сн], и *По^снико^с*, где должно было произноситься [с'н]).

Следует заметить, что написаний последнего типа мало. Те же и другие лексемы значительно чаще пишутся с *чи*. Однако, возможно, это обусловлено выучкой писцов, так как зафиксировано гиперкорректное написание *ту^мчЪны^х и сторо^нни^х люде^н* 11463-248об. (ср.: *тутошние люди* 11463-259об.), что говорит о стремлении писцов сочетание *ин* не употреблять. Впрочем, не исключено, что мы здесь наблюдаем не орфографический гиперизм, а отражение языкового гиперизма, во всяком случае, такого рода факты — гиперкорректное произношение типа *дома[ч']ний, роско[ч']но* — в современных говорах фиксируются [см. Касаткин 1987: 49]. Судя по данным ДАРЯ, селигеро-торжковские говоры относятся к зоне, где сочетание *ин* на месте *чи* частотно [см. ДАРЯ I, карта 83].

Тверские тексты

а. Диссимилиация согласных

[кт] → [хт]: *хто* 16061-106об., 107, 107об., 233об., 537 (2 р.), *ни^хто* 16061-107об. (2 р.), 153об., 537об., *Голохтио^н* 16061-167, 218, 416, *Галахтио^н* 16061-197об., *Гала^хтиона* (В. ед.) 16061-162, 214, *Гала^хтионо^н* 16061-231об., *Гала^хтионова* (В. ед.) 16061-28, *Гала^хтионову* 16061-30, *Венедихта* (Р. ед.) 16061-106, *Полухто^н* 16061-218, *Полуе^хто^н* 16061-218 (2 р.), 241, *на пусто^м Дехтяриху* 16061-370, *на пустоши Дехтярихе* 16061-370об.,
 [кк] → [хк]: *х каму* 16061-538, *х какимъ* 16061-538.

б. Упрощения групп согласных

[стн] → [сн]: *бе^ввесно* 16061-211об., *бѣ^ввѣсно* 16061-482, *опри^н поме^нны^х пустоше^н* 16061-83об., *По^сникова* (Р. ед.) 16061-182об., *Посниковы^н* 16061-170,
 [с'т'] → [с']: *в помѣ^е* (М. ед.) 16061-153об., *помѣ^я* (Р. ед.) 16061-142.
 [стск] → [ск]: *в Шѣ^ско^н стань в волость в Шо^ттку* 16061-404.
 [з'д'н'] → [з'н']: <пустошь> *По^няково* 16061-166.
 [дд] → [д]: *педесять* 16061-539об./540.
 [сс] → [с]: *снохою* (= с снохою) 16061-203, *к а^рзамаскому ... помѣ^стью* 16061-335об.
 [чн] → [шн]: *прожито^шново* 16061-305, *с прожиташны^н* 16061-301, 302.

Видимо, писцы тверской отказной книги так же, как и писцы торжковской, старицких и ржевских книг, стремились не писать сочетание *ин*, согласующееся с их произношением, поскольку и здесь имеются написания: *туто^нния... люди* 16061-537, *пере теми* (sic) *туто^нними ... людьми* 16061-539об. (ср.: <перед> *тутошными* <людьми> 16061-106об.), которые можно рассматривать как орфографическую или языковую гиперкоррекцию. Что касается современного состояния диалекта, то, судя по данным ДАРЯ, распространенность сочетания *ин* в нем достаточно высока.

5.5. ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать целый ряд заключений относительно соотношения фонетических особенностей говоров в пределах Селигеро-Торжковской группы в ее истории и современном состоянии. Во-первых, выявляются черты, которые были общими либо различными в первой половине XVII в. в говорах, располагавшихся по линии Торжок — Старица — Ржев, с одной стороны, и в собственно тверском диалекте — с другой. Во-вторых, можно показать, какие фонетические особенности, имевшиеся в рассматриваемых говорах в первой половине XVII вв., сохранились до сих пор, а какие подверглись видоизменению.

**Общие особенности торжковско-старицко-ржевских
говоров и собственно тверского диалекта
в первой половине XVII в.**

1. Одинаковые результаты изменения [e] в [o].
2. Недиссимилятивное аканье.
3. Произношение [ʼa] на месте *e, *ь в заударных слогах.
4. Усвоенные фонемы <ф> и <фʼ>.
5. Оглушение <в> в [ф].
6. Эпентетическое [в].
7. Наличие мягких шипящих [шʼ] и [жʼ].
8. Произношение [шʼтʼ] и [жʼдʼ].
9. Твердое [ц] и мягкое [чʼ].

**Различия между торжковско-старицко-ржевскими
говорами и собственно тверским диалектом
в первой половине XVII в.**

1. В говорах, расположенных по линии Торжок — Старица — Ржев, рефлексом *ѣ наряду с [e] был звук [и] или близкий к нему дифтонг. В собственно тверском (акающем) диалекте *ѣ последовательно реализовался в [e].
2. По-видимому, в заударных конечных закрытых слогах в центральной части селигеро-торжковских говоров на месте o звучал [ь], а в конечных открытых слогах наряду с [ь] был распространен и вариант [a]; собственно же тверские говоры, должно быть, не знали различий в произношении заударных гласных в слогах всех типов.
3. В говорах, локализовавшихся в районе Твери, в заударных слогах была распространена реализация *е (и *ь) в гласном [и] (или [ь]), тогда как в центральной части селигеро-торжковских говоров этого, скорее всего, не было.

**Фонетические особенности,
сформировавшиеся в говорах Селигеро-Торжковской группы
по крайней мере три с половиной – четыре столетия тому назад**

Говоры, расположенные по линии Торжок – Старица – Ржев	Собственно тверские говоры
<ol style="list-style-type: none"> 1. Яканье в заударных неконечных слогах и в заударных конечных закрытых слогах. 2. Видимо, и в первой половине XVII в., как и сейчас, гласные неверхнего подъема после шипящих и [ц] в первом предударном слоге реализовались звуком [a]. 3. Наличие вставных гласных. 4. Наличие артикуляционного навыка оглушения <в> в [ф]. 5. Наличие фонем <ф>, <фʼ>. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Гласный [e] в качестве рефлекса *ѣ. 2. В первой половине XVII в. уже существовала реализация *е (и *ь) в [и] или [ь] (правда, наряду с [ʼa]), которая повсеместно присутствует в говорах вокруг Твери сейчас. 3. По-видимому, оглушение <в> в [ф]. 4. Наличие фонем <ф>, <фʼ>. 5. Наличие вариантов произношения долгого (сложного) глухого шипящего [шʼ] и [шʼчʼ]. 6. Произношение долгого (сложного) звонкого шипящего как [жʼ] и [ждʼ]. 7. Твердые конечные губные согласные.

**Различия между тем состоянием, в котором находились
селигеро-торжковские говоры в первой половине XVII в.,
и их современным состоянием**

Говоры, расположенные по линии Торжок – Старица – Ржев	Собственно тверские говоры
<ol style="list-style-type: none"> 1. В первой половине XVII в. было шире распространено произношение [и] (или близкого к нему дифтонга), происходящего из *ѣ. 2. В первой половине XVII в. в местных говорах присутствовало, по-видимому, сильное яканье, в нынешнем же их состоянии наблюдается умеренное и ассимилятивно-умеренное яканье. 3. Возможно, в первой половине XVII в. яканье в заударных неконечных и заударных конечных закрытых слогах, было распространено несколько шире, нежели сейчас. 4. В первой половине XVII в. шипящие [ш'] и [ж'] были мягкими, в нынешнем состоянии диалекта они тверды. 5. Наличие в торжковском и ржевском говорах сложного шипящего [ш'т'] и отсутствие его в настоящее время. 6. Мягкость [ч'] при наличии твердого [ч] в XX в. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. В первой половине XVII в. еще не было распространено умеренное яканье, которое присутствует в говорах вокруг Твери в настоящее время. 2. В первой половине XVII в. имелась реализация *е (и *ь) в заударных слогах в [ʼа], которая ныне отсутствует. 3. В первой половине XVII в. шипящие [ш'] и [ж'] были мягкими, в нынешнем состоянии диалекта они тверды. 4. Наличие в качестве одного из вариантов реализации долгого (сложного) шипящего звукового комплекса [ш'т'] и отсутствие его в современных тверских говорах.

Таким образом, обобщение имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет заключить, что говоры, расположенные по линии Торжок – Старица – Ржев, с одной стороны, и собственно тверские акающие говоры — с другой, были в первой половине XVII в. уже достаточно близки друг к другу — общих черт между ними было значительно больше, чем различий. В то же время очевидно, что отличия между тем состоянием, в котором исследованные диалекты находились в первой половине XVII в., и их современным состоянием были существенными — так, отвердение шипящих и складывание умеренного и ассимилятивно-умеренного яканья, судя по всему, относится к достаточно позднему периоду.

СМОЛЕНСКИЙ ДИАЛЕКТ НАЧАЛА XVII ВЕКА

6.1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

В первую очередь следует оговорить целесообразность реконструкции смоленского диалекта именно начала XVII века. Обусловлено это тем, что в этот период Смоленская земля еще находилась в составе Русского государства, а уже в 1611 г. Смоленск после продолжительной осады был взят польскими войсками, причем из 80 000 жителей, насчитывавшихся там в начале осады, в живых осталось едва 8 000 человек [см. Пушкарев 1991: 160]. Лишь в 1654 г. московские войска, начавшие войну с Польшей, смогли освободить Смоленск и прилегающие к нему территории. Таким образом, на протяжении первой половины XVII века состав населения в Смоленской земле, вероятно, сменялся, отчего могли перекрещиваться различные языковые влияния. Именно поэтому целесообразно восстановить фонетическую систему смоленских говоров в исконном для XVII века виде, то есть применительно к периоду, предшествовавшему 1611 году.

В 1912 г. в Москве под редакцией и с предисловием известного русского историка и археолога Ю. В. Готье были опубликованы «Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.» [Памятники обороны Смоленска 1912] (далее — «Пам. обор. См.»). История появления этих текстов в печати такова. В 1837–40 гг. профессор Гельсингфорского университета С. В. Соловьев побывал в Швеции и обнаружил в замке Ску-Клостер, имении графов Браке, следственные дела города Смоленска начала XVII века. В 1893 г. собрание русских документов, принадлежавшее графам Браке, было перевезено из Ску-Клостера в Стокгольмский государственный архив. В 1897 г. Ю. В. Готье, будучи в Стокгольме, познакомился со Ску-Клостерскими столбцами и составил их краткую опись. По своему содержанию они представляли собой, в основном, образцы делопроизводства Смоленской приказной избы с августа 1609 г. по май 1611 г., то есть относились ко времени осады Смоленска поляками (имелось также несколько отрывочных документов 1605–608 гг.). Эти документы побывали, судя по всему, в польском плену, а затем были пересланы в Швецию, причем обширное делопроизводство смоленских воевод, сохранявшееся в Польше, вероятно, вместе, попало при перевозке в Швецию в разные места. В 1910 г. Ю. В. Готье добился пересылки документов на время в Москву, где вновь пересмотрел и переписал их [см. там же: V–XVII], а в 1912 г., как сказано выше, они были опубликованы.

Прежде чем приступить к лингвистическому анализу «Пам. обор. См.», следует решить вопрос об информативности этих текстов как отражающих именно смоленский диалект, ведь сведений о происхождении писавших те или иные документы у нас в большинстве случаев нет. От исследования безусловно отводятся: тексты № 1 («Отрывок известий лазутчиков») и № 278 («Письмо дьяка Ивана Грамотина к Л. Сапеге»), в которых много полонизмов; отрывок письма велижского старосты поляка А. Гонсевского к М. Б. Шеину (№ 25); отписки в Москву смоленских воевод М. Б. Шеина и П. И. Горчакова (№ 2, 3, 4, 5), их грамота (№ 35) и донесение (№ 48); отрывок вестей из Москвы (№ 57); отписки архиепископа Сергия (№ 50, 51), а также «Челобитная монахов об отпуске в Москву» (№ 148) и «Отрывок челобитной монахинь Покровского Дорогобужского монастыря о милостыне» (№ 12). Документ № 55 — письмо из осажденного Смоленска в Москву — тоже, видимо, не следует при-

влекать к анализу в качестве источника, так как из письма следует, что родители отправителя живут в Москве и, таким образом, он, скорее всего, не был урожденным смолянином. Остальные тексты, разнообразные по содержанию, являются в основном документами Смоленской приказной избы и челобитными крестьян.

Известно, что писцы периферийных приказных изб были людьми местными, делопроизводство в приказных избах вели дьяки и подьячие — низшие чины приказной администрации России, которых набирали чаще всего из «всенародства», больше из детей духовенства и посадских людей [см. Котков, Ларионова 1982: 370]. Поэтому есть все основания полагать, что документы Смоленской приказной избы являются надежным источником, позволяющим реконструировать местный диалект начала XVII в.

Что же касается челобитных крестьян, то они написаны с достаточно большим количеством отступлений от орфографических норм, обильно отражают диалектные особенности, такие, в частности, как аканье и яканье и, несомненно, фиксируют местный говор. Документы из приказной избы (а их большинство) зачастую написаны писцами, довольно грамотными, а иногда и очень грамотными (см., напр., тексты №№ 102, 105, 140 и др.), стремившимися не допускать в свои записи диалектизм, но тем не менее спорадически и здесь мы находим яркие особенности, свойственные юго-западным русским говорам. Некоторые орфограммы с большой степенью вероятности указывают именно на западное происхождение писавших: *другую дорогою* — № 19 «Донесение о положении на границах» (ср. точно такое же написание в тексте № 9 — «Челобитной крестьян Порецкой волости о защите от набегов»), *в другерят* (2 р.) (из * *въ другой рядъ*) — № 241 «Роспись хлебной раздачи»¹, а также — *привел дву тых наймитов* (№ 92 «Наем на службу»)². Таким образом, подавляющее большинство текстов оказывается пригодным для реконструкции фонетических особенностей смоленского диалекта начала XVII века.

Следует заметить, что издание Ю. В. Готье предназначено не для лингвистов, а для историков — так, в некоторых, больших по объему документах пропущены отдельные части, текстуально повторяющие уже приведенные или аналогичные им. Тем не менее издание это, выполненное с отменной тщательностью, может быть использовано и в целях лингвистического анализа. По свидетельству публикатора, «письмо сохранилось почти везде отлично, за исключением крайних листков и некоторых других, очень немногочисленных, где чернила выцвели» [Памятники обороны Смоленска 1912: VII], что, видимо, облегчило задачу издания документов Смоленской приказной избы. Кроме того, Ю. В. Готье подчеркивает в предисловии: «Орфография подлинников удержана, потому что в некоторых документах замечаются особенности местного говора, могущие представить интерес для специального изучения» [там же: XVI]. Единственное, что в издании не отражено, — это вынесение букв над строкой (но в большинстве случаев это не препятствует лингвистическим интерпретациям), состав почерков и переходы от одного почерка к другому в пределах отдельных документов, а такие переходы, судя по анализу орфографии, в некоторых случаях есть.

Впрочем, следует сказать, что иных — рукописных — источников для реконструкции смоленского диалекта выбранного периода все равно в доступных нам архивах нет, поскольку в силу вышеописанных исторических событий такие документы не сохранились, и старейшие памятники делового письма XVII века, происходящие из Смоленска и его области, которые находятся, например, в РГАДА, датируются лишь второй половиной столетия.

¹ Судя по данным ДАРЯ, сочетание форм косвенных падежей прилагательных женского рода, которые имеют флексии, начинающиеся на <е>, с формой именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода с окончанием <ей> присуще преимущественно только говорам современной Смоленской группы [ДАРЯ II, карта 42].

² Адьективные формы *тый / той – тая – тых* и т. д. включаются в современной лингвогеографии в ареал явлений общезападного распространения [см. Образование... 1970: 90–94, 211].

6.2. УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

6.2.1. Судьба фонемы <ѣ>

Ситуация с употреблением буквы **ѣ** и ее замен в «Пам. обор. См.» такова. В документах, составленных людьми, до определенной степени грамотными (например, служащими приказной избы), буква **ѣ** в соответствии с этимологическим **ѣ* иногда употребляется практически правильно, а иногда — правильно примерно в пятидесяти процентах случаев, заменяясь в остальных случаях на *е*. Для иллюстрации последнего положения приведем результаты сплошной выборки примеров из двух текстов.

№ 126 («Дело о взимании посулов на службе»)

Правильное употребление ѣ: перед твердыми согласными — *лѣта, челоѣкъ* (Р. мн.), *за... челоѣка* (В. ед.); перед мягкими согласными — *недѣли* (Р. ед.) (3 р.); в конце слова — *дѣѣ* (2 р.); *к себѣ, всѣ* (И. мн.).

Замена ѣ на е: перед твердыми согласными: *с тех*; перед мягкими согласными: *деи* (4 р.), *деи* (6 р.), *недели* (Р. ед.); в конце слова: *де* (2 р.), *по две* (2 р.), *на стене, где*.

Замена е на ѣ: *во всѣм, про всѣ* (В. ед. ср. р.).

№ 151 («Дело о покраже зипуна»)

Правильное употребление ѣ: перед твердыми согласными — *не вѣдают, лѣта, челоѣка, у... челоѣка* (2 р.), *челоѣкъ*; перед мягкими согласными — *недѣль* (Р. мн.).

Замена ѣ на е: перед твердыми согласными — *бел, бегаючи, с тем*, перед мягкими согласными — *велели, деи* (15 р.), *женскую³, в понедельник*.

В челобитных крестьян, написанных, как было сказано выше, без особого соблюдения орфографических норм, картина складывается по-другому. Здесь **ѣ** употребляется правильно в единичных случаях при массовой замене буквой *е* и обратных случаях замены *е* на **ѣ**. Так, например, данные «Челобитной крестьян Порецкой волости о льготах по уплате податей» (№ 7) таковы.

Правильное употребление ѣ: *бѣдных*.

Замена ѣ на е: перед тверд. согл. — *белых, белого, бедным* (3 р.), *бедныя* (2 р.), *деланых, неделаных, на лесы, меру, Порецкое волости, хлеба* (2 р.), *на тех, на тех же, от тех, с тех жся*; перед мягк. согл. — *дети, сеят(ь), за реки* (В. мн.).

Замена е на ѣ: *воѣваныя, воѣвоннымъ*.

Аналогичную картину представляет текст № 8, состоящий из трех челобитных («Челобитные крестьян Порецкой волости об обороне от изменников, крестьян Щучейской волости Ивана Лисуна с товарищи»).

Правильное употребление ѣ: *дѣялося*.

Замена ѣ на е: перед твердыми согласными — *бедных* (3 р.), *бедным* (2 р.), *белого, девку, деланных, неделанных, изменники* (3 р.), *изменников* (3 р.), *мелкую* (2 р.), *Порецкую волость, Порецкой волости* (3 р.), *хлеб* (2 р.), *с хлебом, на тех* (3 р.); перед мягкими согласными — *двесте⁴, деялося* (2 р.), *на... недели* (2 р.), *Мотвеяв, Ондrejaвы, Тимоѣява* (В. ед.)⁵; в конце слова — *те* (2 р.).

³ Будем условно считать, что [н'] в позиции перед суффиксом *-ьск. еще не отвердел, тем более, что такое произношение и сейчас распространено в западной части смоленских говоров [ДАРЯ I, карта 78].

⁴ Впрочем, есть говоры, в которых первый согласный в двойных сочетаниях зубных согласных не получает ассимилятивного смягчения [Пауфошима 1973].

⁵ О звуке [ѣ] в именах *Кирѣи, Пелагѣя Тимоѣѣи* см. у С. И. Коткова: «В собственных именах такого рода, как показывают их греческие источники, **ѣ** не всегда фонетически мотивировано с точки зрения истории языка. На-

Замена е на ѣ: *ѣсть* (3 л. наст. вр. от глагола «быти»), *трицать сѣмь*.

То же соотношение примеров с исторически правильным и неправильным употреблением буквы *ѣ* находим и в тексте № 34 («Челобитная крестьян Щучейской волости об обороне»).

Правильное употребление ѣ: *под Бѣлюю*.

Замена ѣ на е: перед твердыми согласными — *бедным* (2 р.), *не ведаем* (2 р.), *верават(ь)*, к... *делу, к засекам, засек* (Р. мн.), *для крепости, во... места* (= вместо), *победные, свет*; перед мягкими согласными — *засеки; теми, Алексеявичу, Олексеявич*; в конце слова — *сабе*.

И в других челобитных ситуация с буквами *ѣ* и *е* примерно такая же. Очевидно, что в начале XVII в. произношение [е] на месте *ѣ в смоленских говорах уже имелось. Однако замена <ѣ> на <е> не была, по-видимому, стопроцентной, так как в исследуемых текстах представлены написания еще двух типов, которые свидетельствуют о том, что судьба фонемы <ѣ> в смоленском диалекте была неоднозначной.

Во-первых, в некоторых случаях представлены орфограммы, где на месте этимологического <ѣ> находим букву *и*:

Позиция перед тверд. согл.: *дѣвка* 241⁶ (при неоднократном *дѣвка, дѣвка* ib.), *два чіловіка* 241 (при неоднократном *человѣк* ib.), *в его миста головы* 141, *Хринов* (фамилия) 141.

Позиция перед мягк. согл.: *исть* (3 л. ед. ч. наст. вр.)⁷ 242, *місеца* (Р. ед.) 137, *Кириева* (Р. ед.), 16, у... *Кириева* 16, *Мосіев сын* 250, *Сергіев* 13, *Сергіев* 250, *Тимофіяв сынъ* 159⁸.

Кроме того, отмечены написания *дозрит(ь)* 67, *дозрил* 45, *смотрѣл* 103, *смотрив* 226, *пересмотрити* 103, но здесь [и] может быть объяснено не столько фонетически, сколько морфологически — аналогией с глаголами, имеющими инфинитивную основу на -и.

П. А. Расторгуев, изучивший рукописные и печатные материалы XIX – начала XX века с записями смоленского диалекта и сам проводивший в 1929–1931 гг. полевые наблюдения над говорами многих населенных пунктов на территории Смоленщины, приходит к выводу о том, что [ѣ] тут совпал с [е]. «Следы старого *ѣ*, — пишет П. А. Расторгуев, — имеются иногда в положении его в начале слова под ударением в словах *есть* (в значении ‘кушать’ и *ехать*, здесь имеем *и: цист’, цихът’*, причем слово *цист’* чаще встречается, чем слово *цихът’*)» [Расторгуев 1960: 55]. Форма *исть*, как видим, отмечена среди прочих примеров и в исследуемых текстах. Наличие такой огласовки фиксирует также Е. Ф. Карский. По его наблюдениям, употребление [и] на месте ударного <ѣ> распространено в белорусских говорах на южных и северных окраинах (напомним, что к белорусским говорам он причисляет и те, которые по современной номенклатуре считаются русскими смоленскими — см. «Этнографическую карту белорусского племени» в кн.: [Карский 1903]), причем Е. Ф. Карский полагает, что на юге такое произношение — результат украинского влияния, а на севере — новгородского говора [Карский 1955: 214]. Есть случаи написания *и* вместо *ѣ* в слоге под ударением (и обратные замены) и в «Летописи Авраамки» XV в., писец которой предположительно был выходцем из Смоленска. Е. Ф. Карский считает, что они появляются в качестве заимствований из севернорусского или юго-западного оригинала [там же: 216]. «Пам. обор. См.» оригиналов, естественно, не имели, поэтому следует предположить, что здесь за меной букв *ѣ* и *и* стоит живое произношение. Видимо, в начале XVII века [и] звучало на месте <ѣ> в некоторых словах не только на севере и юге территории, определяемой Е. Ф. Карским как белорусская, но и на востоке ее — в собственно смоленских говорах. Судя

пример, е в греч. Τριβέως не предполагает *ѣ* в *Тимофѣев*. В некоторых именах данной категории *ѣ* явилось в результате их обобщения с теми, в которых оно закономерно, при этом нельзя быть уверенным, что в этих именах оно обозначало особое, отличное от е произношение, а не просто факт орфографии» [Котков 1963: 41].

⁶ Здесь и далее числами обозначаются номера текстов, из которых извлечены приводимые написания.

⁷ Видимо, перед нами форма [цис’т’] с [т’] мягким, широко распространенным в 3 л. наст. вр. глаголов в смоленских говорах [см. ДАРЯ II, карта 79]. Можно предположить, что в рукописном источнике стоял нейтральный знак, являющийся в скорописи вариантом графом /ъ/ и /ь/, и он был передан в издании как ѣ.

⁸ Впрочем, написания с *и* в заимствованных именах собственных такого рода не слишком показательны.

по картам ДАРЯ, в единичных случаях произношение [и] и даже более архаичных вариантов [ѣ], [иѣ] встречается в разрозненных населенных пунктах Смоленской группы говоров и сейчас [см. ДАРЯ I, карты 40, 41]. Скорее всего, с тем, что *ѣ в некоторых словах давал рефлекс [и], связано и наличие в изучаемых текстах случаев мены букв е — и в ударных слогах: за недожевку (за то, что недожила положенный срок у хозяина) 226, по стишкам (ср. контекст: по дорогам и по стишкам сторожи поставил) 11⁹, Ловринтеяв сын 227 (I), у Родки Словинскаго 242 (ср. Словенской 227 (IV), у Илейки Словенскаго 242). О том, что [е] вместо [и] встречается в говорах бывшей Смоленской губернии (Бельский уезд), писал Е.Ф. Карский [Карский 1955: 226]. Есть небольшой диалектный «островок» возле Рославля, где фиксируется произношение [и] на месте [ѣ] и поныне [ДАРЯ I, карта 41].

В текстах «Пам. обор. См.» имеется еще один тип написаний — с нетривиальной для восточнославянской письменности заменой в ударном слоге ѣ на я: мы не вядаям 20, вясчее 86, 146 (= вѣсчее, т. е. 'пошлина, побор с определенного веса товара, плата за взвешивание' [см. СлРЯ, 2: 120]). Сюда же, вероятно, относится фамилия Облязов: Облязов 62, 92, 159 (7 р.), 241, 247 (3 р.), 249 (2 р.), 253 (4 р.), 256 (4 р.), 265 (3 р.), Облязова (Р. ед.) 191, 253, Облязову 232, Аблязов 141 и даже Облязов 209 (наряду с Облезов 241 (2 р.))¹⁰. Происхождение носителей этой фамилии устанавливается по контексту вполне надежно. Все они из Дорогобужа, на что есть прямое указание в текстах № 232, 241, 247, 249, 256, 265. Возможно, в эту же группу написаний входит и фамилия Изъялов: Из(ъ)ялов 256, Из(ъ)ялав 241 (ср. — дер. Изъялово, которая до сих пор существует в Смоленской области).

Прежде чем интерпретировать данные орфограммы, следует определить, не являются ли зафиксированные тут формы полонизмами. Но, во-первых, не все из употребленных здесь корней с [ʼa] из *ѣ имеют огласовку с [a] в польском языке (только wiadomo («известно») при wiedzieć, wiem и, если учитывать фамилию Изъялов, jadł (прош. вр. от jeść), а вторых, полонизмов в рассматриваемом корпусе текстов «Пам. обор. См.» не отмечено (те же тексты, где они есть (№ 1, 25, 278), как было сказано выше, от анализа отведены).

Таким образом, встреченные в «Пам. обор. См.» написания не вядаям, вясчее (2 р.), Облязов, Аблязов и др. могут отражать спорадическое реликтовое произношение *ѣ как [ʼa] в смоленском диалекте.

Есть некоторые основания полагать, что и в нынешнее время смоленским говорам известно произношение ударного [a] в соответствии с этимологическим *ѣ — в «Словаре смоленских говоров» приведены следующие лексемы:

вя́що, ср. — 'Березовые прутья для веников';

вѣщи, только мн. — 'Березовые ветки для веников';

вѣщо, ср. собир. — 'То же, что вѣщи';

вѣщи, (sic) преим. множ. — 'Ветки деревьев' [ССГ, 2: 40, 60, 115].

Ср. один из упоминаемых контекстов: Што вѣшиа, што вяшишо [там же: 40].

Если перед нами корень *vět-, то слово вя́що встает в один ряд с лексемами, зафиксированными в текстах начала XVII века. В словаре имеется и существительное запя́сок со значением 'песчаная отмель' [ССГ, 4: 104]. Если оно не является полонизмом (польск. piasek — 'песок'), то также может быть учтено в контексте реликтовых архаических форм с [ʼa] на месте *ѣ. Р. Ф. Касткина обнаружила в [СРНГ] следующие лексемы, зафиксированные в смоленских говорах: вѣха 'новость', лѣсочка от 'лес'? — 'палочка' [Касткина 2001: 81–82]. Заметим, что малочисленность подобных примеров в источниках XVII века и в современных смоленских

⁹ Стишка < стежка (с непереходом [e] в [o]) < стьжьска. Ударение в данной форме должно было падать именно на корень, как как суффикс -ьк- имел плюсовую маркировку, но ударение со слабого редуцированного обычно сдвигалось на слог влево [см. Зализняк 1985: 146–147].

¹⁰ Ср. упоминание о Федоре Облязове в документе конца XVII в. — «Памяти Разрядного приказа о поместных окладах Федора Облязова и его сына по Дорогобужу и Ярославлю» (РГАДА, ф. 1209, оп. 78, № 791).

говорах не должна нас смущать: ведь во всех восточнославянских диалектах, где отмечены случаи произношения гласных нижнего подъема в соответствии с *ě (см. выше, 3.2.1.), они (на фоне регулярной рефлексии *ě в звуках, располагающихся на шкале [e] – [i]) единичны.

6.2.2. Результаты изменения [e] в [o]

Наличие звука [o], происходящего из [e] под ударением перед твердыми согласными, отражено в исследуемых текстах достаточно широко. Конечно, в большинстве случаев такое [o] находит орфографическое выражение в позиции после букв, обозначающих непарные по твердости — мягкости шипящие и [ц]: *горшошник* 227 (I), *Грошонак* (фамилия) 234, *по 7 решот* 97 (2 р.), *пашол* 11, *пришод* 7, *сшолся* 27, *сам-шость* 242, *жоны* (И. мн.) 68, *жонку* 8, *три жонки* 243, *жонок* (В. мн.) 6, *посажон* 60, *посожон* 203, *отпушон* 108, 212, *Кривошочков* 252, *Щоголяв* 227 (IV), *пчолы* 8, 16, *пчол* (Р. мн.) 7, *Гречоха* (имя) 234, *Печонкину* 232, *чорных* 7, *ни в чом* 141, 159, *на чом* 204 и т. д.¹¹

Встречено несколько случаев отражения результатов изменения [e] в [o] в позиции после парных мягких согласных перед твердыми: *бьот* 20, *вперот* 118, *сам-сом* (= сам сём), 242, *у Фодара* 242: *Сямон* 159, *Семонав сынъ* 22, 241 (ср., впрочем, *Сямънов сынъ* 159).

Есть также написания, свидетельствующие о наличии аналогического изменения [e] в [o] в конечном ударном открытом слоге: *ещо* 97, *Ещцо* (топоним) 10, *в сельцо* 10. В словах же с суффиксом *-ёчек-* изменение [e] в [o], скорее всего, не осуществилось: *горшечик* 67, *мешечек* 206. Это явление и поныне широко известно русским диалектам, в том числе и части смоленских говоров [см. Жакова 1954: 5; ДАРЯ I, карта 39].

6.2.3. Вопрос об изменении [’a] в [e]

П. А. Расторгуев фиксирует редкие случаи наличия [e] на месте [’a] в смоленских говорах, замечая при этом, что такое произношение менее распространено здесь, чем в соседних белорусских диалектах. В качестве примера приводится лишь слово *дрень* и производное от него *дренный* [Расторгуев 1960: 30–31]. По данным ДАРЯ [e] на месте [a] между мягкими согласными встречается в смоленских говорах в единичных случаях. Так же, как и в других южнорусских диалектах, тут отмечается произношение *плем[е]нник* [ДАРЯ I, карта 43], но к процессу изменения [’a] в [e] данное слово, скорее всего, отношения не имеет, так как это старое образование от основы *племен-* [см. Аванесов 1949: 55; Хабургаев 1966: 313]. Несколько более обширный материал можно извлечь из «Словаря смоленских говоров», в котором зафиксирован ряд лексем с [e] вместо [a]. Здесь регулярно встречаются слова с заменой суффиксального [a] на [e] в инфинитивах (позиция перед мягкими согласными, ср.: *блищеть*, *бренчеть*, *брынчеть* [ССГ, 1: 192, 250, 270], *двошеть* ‘тяжело, учащенно дышать’, *дрожеть* [ССГ, 3: 109, 146], *забурчеть*, *закричеть* [ССГ, 4: 42, 71, 76] и нек. др.), а также в формах прошедшего времени от тех же глаголов (позиция перед твердыми согласными, ср.: *блищела* [ССГ, 1: 192], *двашела* [ССГ, 3: 109], *кричел*, *кричела* [ССГ, 5: 108] и нек. др.). Впрочем, это явление, скорее всего, имеет морфологическую природу, будучи обусловлено обобщением форманта <e> (из *ě), свойственного глаголам типа *гореть*, *висеть* [см. ДАРЯ II. Комментарии к картам: 135]¹². Однако обнаруживаются и случаи замены [a] на [e] в корнях слов, причем не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными. Ср.:

¹¹ Приводятся только те случаи, где не прослеживается влияние морфологической аналогии в суффиксах и окончаниях.

¹² С. Л. Николаев полагает даже, что формы инфинитивов с [e] после шипящих для югозападнорусских говоров исконны: здесь, как и в польском языке, сохраняется *ě*, не перешедший в [a] после шипящих согласных, возникших по I палатализации (устное сообщение на лекциях, читавшихся С. Л. Николаевым на филологическом факультете МГУ в 1999 г.).

Позиция перед мягкими согласными

вгледить ('усмотреть, уследить'),
вгледиться ('вглядеться'),
взгледить ('усмотреть, уследить'),
вёзенный ('вязаный'),
везть ('вязать') [ССГ, 2: 23, 26, 46],
дрень [ССГ, 3: 142].

Позиция перед твердыми согласными¹³

взгледжывать ('наблюдать, следить') [ССГ, 2: 46],
двойнёшки ('приспособление для переноски кушанья в виде двух горшочков, скрепленных общей ручкой'; 'близнецы'),
дрённо, дрённый [ССГ, 3: 107, 142],
жэбры ('ребра' и 'жабры') [ССГ, 4: 16].

Обратившись к «Пам. обор. См.», находим следующие написания: *Веземской* 141 (ср.: *Вяземской* 261), *с туговицы оловенными* 101, *с тугвицы оловеными* 224, *внучетом* (Д. мн.) 241 (IV)¹⁴, причем в трех последних случаях [е] на месте [а] представлено в позиции перед твердыми согласными. В «Летописи Авраамки» XV века также есть аналогичные написания: *печелемь* 4356, *держель* 2756, — которые, впрочем, определяются Е. Ф. Карским как псковская и новгородская черта [см.: Карский 1899: 9; Карский 1955: 106]. Учитывая факты, извлеченные из «Словаря смоленских говоров», и написания *Вяземской*, *оловенными*, *оловеными*, *внучетом* в текстах начала XVII века, можно предположить, что и в «Летописи Авраамки» (если переписчик действительно был уроженцем Смоленска¹⁵) орфограммы *печелемь* и *держель* могут классифицироваться не как скопированные с новгородского протографа, а как отражающие фонетическую реальность смоленского диалекта XV века.

Изменение [’а] в [е] после мягких согласных — как под ударением, так и в безударных слогах — известно западноукраинским говорам (качество последующего согласного при этом роли не играет). Г. В. Шевелев считает, что это архаичный переход, обусловленный тем, что артикуляция [е] как переднего гласного ближе к артикуляции палатализованного согласного, чем артикуляция [а], и таким образом, изменение [’а] в [е] является частичной аккомодацией звука [а] предшествующему согласному [см. Шевелев 1979: 546–547]. Можно предположить, что такая аккомодация в древности была присуща в той или иной степени и другим восточнославянским диалектам западной зоны, и реликты этого явления в русских юго-западных и белорусских говорах не исчезли. Ср. выборку примеров с *e* вместо *a* в безударных и иногда в ударных слогах из западнорусских памятников разных жанров XIV–XVII веков, которую мы находим у Е. Ф. Карского [Карский 1955: 105–108], и приведенные выше данные современных смоленских говоров.

Как было показано выше, изменение [а] в [е] в той или иной форме было свойственно древненовгородскому и древнепсковскому диалекту, что отразилось в старейших памятниках письменности (см. 1.2.3.; 3.2.3.). В первой половине XVII в. это явление единично зафиксировано в деловых текстах великолукского происхождения (см. 4.2.3.). Таким образом, известное ныне в восточной части территории основного распространения русского языка, изменение [а] в [е], несомненно, в древности было распространено и в пределах западной диалектной зоны, но в дальнейшем эта черта нивелировалась, причем в первой половине XVII в. процесс не зашел еще так далеко, как в современном состоянии соответствующих диалектов.

¹³ Впрочем, следует заметить, что из четырех приведенных примеров в двух случаях [е] находится в позиции перед [ж] и [ш], которые в смоленском диалекте отвердели поздно — во всяком случае в первой половине XVII в., как будет показано ниже (см. 6.4.3.), они были еще мягкими.

¹⁴ Имеются также орфограммы *учел* 205 (2 р.), *учела* 205, *полехчела* 174, но здесь реконструируется следующая акцентовка: *учел, учела, полехчела*.

¹⁵ В приписке к этому памятнику сообщено, что летопись была переписана по повелению Смоленского епископа Иосифа писцом Авраамкой в Смоленске [см. Карский 1899: 2].

6.3. ВОКАЛИЗМ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГОВ

6.3.1. Позиция после твердых согласных

6.3.1.1. Отражение аканья

В «Пам. обор. См.» довольно широко отражается аканье — в первом предударном слоге, а также в других предударных и заударных слогах. Есть случаи как прямого, так и гиперкорректного отражения аканья. Примеры вполне тривиальны для памятников делового письма, в которых представлена мена букв *а* – *о*, поэтому ограничимся приведением лишь некоторых. Следует заметить, что в ряде текстов никакой закономерности в употреблении букв *а* и *о* в зависимости от гласного ударного слога не выявляется. Так, в тексте № 7 (челобитной крестьян Порецкой волости) встречается лишь употребление *о* на месте *а*, но при этом *о* ставится не только перед <а> ударного слога, но и перед другими гласными: *похат(ь)*, *плотя*, *Восил(ь)ев*, *Моксимов*, *оршин* (Р. мн.), *колтоков*. Однако есть тексты, в которых соотношение написаний с буквами *о* и *а* как будто указывает на наличие в говоре писавших жиздринского типа диссимилятивного аканья. Например, в тексте № 34 («Челобитная крестьян Щучейской волости об обороне») встречена лишь замена *о* на *а*, причем распределение орфограмм с *о* и *а* в первом предударном прикрытом слоге таково:

Перед гласными ненижнего подъема		Перед <а>		
на месте <о>		на месте <а>	на месте <о>	
а) буква <i>о</i>	б) буква <i>а</i>	в) буква <i>а</i>	г) буква <i>о</i>	д) буква <i>а</i>
13 раз	23 раза	9 раз	9 раз	3 раза
(36 %)	(64 %)	(100 %)	(75%)	(25%)

Примеры:

а) *Борисович*, *Борисавичу*, *воюет*, *в болшом*, *заложилися*, *в конец*, *которые*, *Мосяев*, *погинути*, *полков*, *в Смоленскъ* (2 р.), *челобитчиков*;

б) *абараните*, *не отбаранит(ь)*, *не отбаранитца*, *обарону*, *ваев[ан]ые*, *к варом*, *из воровских*, *Гашевской* (т. е. Гонсевский), *от дваров*, *пашол* (2 р.), *Пракопов*, *стаит*, *старажей* (2 р.), *на старожу*¹⁶, *сабе*, *под Таропец*, *хадили*, *захадити*, *челабитчиков* (3 р.).

в) *Василь(ь)ев*, *Василь(е)вы*, [деревня] *Абакунава*, *не дадите*, *к засекам*, *засек* (Р. мн.), *Матъев*, *Макавейко*, *радеют*;

г) *боярину*, *боярскаго* (2 р.), *за животами*, *Ромашка*, *целовальники* (2 р.), *целовальников*, *целовальникам*;

д) *не выхадя*, *не стаят*, *целаван(ь)ю*.

В подсчеты не включались формы, где неясен фонемный состав или ударение: *Карасняня*, *Полковской деревни*, <деревня> *Полане*, *Рекасицы*, *козаки*.

В тексте № 6 («Донесение о набеге на Щучейскую волость») встречено восемь случаев написания *а* в первом предударном прикрытом слоге в соответствии с фонемой <о> перед гласными ненижнего подъема (*живаты*, *каторья*, *Казловскаго*, *старажей*, *сабою* (= с со-

¹⁶ Слово *сторожа* в древнерусском относилось к а. п. *а* (впрочем, при некоторых колебаниях в сторону а. п. *б*) [см.: Зализняк 1985: 132].

бою), таму, Тамилка, Тапорик (фамилия) и ни одного случая замены *o* на *a* перед ударным [a], хотя таких позиций имеется шесть (*Королка* (фамилия), *побрали, поограбили, попа, робят, разогнали*). Одно написание не учитывается из-за неясности этимологии и ударения: *Боравлев* (фамилия).

Аналогичная картина наблюдается в тесте № 11 («Донесение В. Румянцева смоленским воеводам о положении на границе»). Здесь имеется 36 точек текста, где фонема <о> находится в позиции перед ударным гласным ненижнего подъема. В 18 случаях она передается буквой *a* (*дароги, на дароге, даганили, даганила, Коралку, каторае* (И. мн.), *с абех, к абедни, старажей* (3 р.), *сторажей, на тех старожах*¹⁷, *старожи, старон* (Р. мн.), *с сабою, пашол, на пагостъ*). С другой стороны, отмечено 22 точки текста, где фонема <о> стоит перед ударным [a]. Тут лишь один раз написано *a* (*стаяти*) и 21 раз — *o* (*баярину, боярицин* (Р. мн.), *баярских* (3 р.), *баярские, гоняти, Королка, поставил* (5 р.), *попа, пограбив, разогнали, собрав, стояти* (2 р.), *целовалнику* (2 р.).

Таким образом, писавшие, видимо, ощущали разницу между звуками, которые они произносили в соответствии с гласными неверхнего подъема перед <a> и не перед <a>¹⁸, что и отразилось в орфографии (буквой *o* мог передаваться звук типа [ъ]). Итак, допустимо заключить, что в начале XVII века смоленские говоры знали диссимилятивное аканье жидринского типа, присущее им и в настоящее время [см. ДАРЯ I, карта 1].

6.3.1.2. Лабиализация безударного [o]

Изменение безударного [o] в [y] — довольно распространенное явление в смоленских говорах [см.: Расторгуев 1960: 52–54; Карский 1955: 118; ДАРЯ I, карта 10]. Как правило, такое [y] находится в соседстве с губными согласными, реже — с задненебными и сонорными [Расторгуев 1960: 52–53]. Представлено отражение этого перехода и в «Пам. обор. См.»:

1) в соседстве с губными: *взлумили* 169, *Скуморох* (фамилия) 234 (ср.: *Скоморох* 235);

2) в соседстве с задненебными и сонорными: *з Дукучаемъ* 283 и, возможно, *куров (убили десятеро куров да трое поросят* 16, *шестеро куров* 16), если это форма Р. мн. от существительного *корова*, а не *куръ* ('петух').

Имеются также гиперкорректные написания: *возможает* 168 (ср.: *взмужает* *ib.*), *гомна* (И. мн.) 15, *трицать зипонов* 9, *Жоровлев* 42, *Хрипоновы* 9, 15, 19, *Хрипонову* 270 (ср.: *Хрипуновы* 14, *Хрипунову* 270).

Встречено *у* на месте *a* в производном от слова *настрафиль*, этимология которого неясна [см. Фасмер, III: 48]: *наструшилны* (И. мн.) 169 (ср.: *настрошилны* *ib.*). Подобные случаи отмечает и Е. Ф. Карский, который объясняет их тем, что «на *a* безударное... взглянули как на *o*, на месте которого в рассматриваемой местности возможно *у*» [Карский 1955: 113].

Примечательно, что [’o], возникшее из [e] перед твердым согласным, также дает [’y], что и отражено в одном из текстов «Пам. обор. См.»: *нищюва* (В. ед.) 101. (О наличии подобных форм в белорусских диалектах см. [там же: 121]). Это написание дает возможность установить относительную хронологию некоторых процессов, протекавших в системе вокализма смоленских говоров, а именно: 1) изменение [e] в [o]; 2) лабиализация [o] в [y]; 3) раз-

¹⁷ Это и следующее написание представляют собой формы существительного *сторджа* (см. предыдущую сноску).

¹⁸ Ср. интересное свидетельство П. А. Расторгуева о том, что один из его информаторов ясно отличал звук типа [ъ] от гласного полного образования [a]: «Когда, договариваясь с ним, я назвал с. *Мошевое*, то он, с недоумением посмотрев на меня, сказал, что такого села он не знает и что у них в Починковском районе такого села нет. Когда же я произнес: *Ма-ша-ва-я*, т. е. с аканьем, разделяя слова по слогам, и с паузой после второго слога, то он после некоторого раздумья, спохватившись, переспросил меня, — может быть, мне нужно с. *Мъшываць*, то это другое дело: “В слове *Мъшываць* никакой *Маши, Маша* [как я произнес] нет”. И долго потом в дороге он не мог успокоиться, как это я, вместо *Мъшываць*, сказал *Маша-вая*» [Расторгуев 1960: 42].

витие аканья–яканья, — ведь [’у] в форме *нищюва* могло появиться только тогда, когда в ударном слоге еще сохранялось [’о] из [е].

Отметим здесь же, что в исследуемых текстах встречено написание *усторожливо* 174, отражающее изменение [о] в [у] во втором предупредном неприкрытом слоге.

6.3.2. Позиция после мягких согласных

6.3.2.1. Первый предупредный слог

«Пам. обор. См.» хорошо отражают предупредное яканье. Конечно, не весь материал одинаково информативен в этом плане, так как некоторые писцы старались придерживаться орфографических норм, однако есть тексты (в том числе — составленные в Смоленской приказной избе), в которых написания с отражением яканья представлены очень часто. См., например, выборку примеров из текста № 159 («Отрывок дела о попытке к побегу и поручные записи по заподозренных лицах»): *не измянити, с стяны, в яво... голову места, Беклямишев, Белянихин, Бястужав, Вясин, Голянищав, Голянищов, Дяментяев, Дяментяевы, Явмав, Явимова* (Р. ед.), *Явсейв сынъ, Лявонтеяв сынъ, Нядюряв, Пятров сынъ, по Пятре, Пятрыкин, Сяделников, Сямон, Сяменов сынъ, Сямой Сяменов сынъ, Сярково, Сяргей*. Как видим, во всех этих случаях буква *я* пишется в слогах, предшествующих ударным гласным ненижнего подъема, так что можно предположить наличие в говоре писца диссимилятивного яканья. Уточнить тип яканья помогает анализ орфограмм с буквами *я – е* в первом предупредном слоге из документа № 242 («Список смоленских стрельцов с указанием состава семьи, наличных запасов хлеба и числа лиц, находящихся у них на постое»), причем из второй его части, озаглавленной «Костентинова сотня Щалина» (судя по некоторым орфографическим особенностям, эта часть написана другим почерком, чем предыдущая).

Перед <й>	<i>архияпискуп, в сямьи, 2 сямьи</i> (3 р.), <i>Явймка</i>
Перед <у>	<i>у... Мяркушки</i> (но: <i>у... Миркушева</i>)
Перед *<ѣ>	<i>в сямье</i> (3 р.), <i>в сямьѣ</i> (33 р.), <i>в сямѣѣ</i> , <i>Оляксейка</i>
Перед *<ѡ>	<i>яво</i> (3 р.), <i>яго, у няго</i> (24 р.), <i>у няго ж</i> (12 р.), <i>у... Весялова, у... Дняпровца, у... Смяшкова</i>
Перед <ѣ>	<i>у Дяменки, дярвявенских</i> (2 р.), <i>сам-трятѣй</i> (35 р.), <i>сам-трятѣи</i>
Перед <ѡ>	<i>Беляйка, у Степанка, у Степанка Скрѣбка, у стрѣльца</i> (58 р.) (но: <i>ядят</i>).

Таким образом, в данном тексте явно отражается диссимилятивное яканье жиздринского типа. Здесь, правда, не представлена позиция перед *<о> открытым, но, тем не менее, и по имеющимся позициям тип яканья определяется однозначно. Впрочем, можно найти тексты, где реализация гласных неверхнего подъема в звуке [’а] отражается и перед <о>, а также <’о>. Ср. данные документа № 227 (IV) («Поручные записи по Смоленских ново-прибывших стрельцах и других лицах»):

перед *<ѡ>: *Осятров, Смяшков*;

перед *<ѣ>: *Бязхлебица* (фамилия);

перед <о>: *Весялои, Вясялои*;

перед <’о>: *Сяменов сынъ* (это именно позиция перед <’о> — ср. написание *Семонов сынъ* 241).

При этом перед <а> находим: *Степан, Несмеян, Стефанов сынъ*.

Существенно, что и в других текстах, отражающих яканье, в соответствии с фонемами неверхнего подъема в позиции перед гласным <á> в подавляющем большинстве случаев пишется *e* (или иногда *ѣ*). Исключения малочисленны: *заяжя* 26, *вмяняет* 147, *ядят* 242 (впрочем, во всех этих случаях можно предположить и графическую аналогию с буквой *y* следующего слога).

Помимо орфограмм описанного выше типа, отмечено также небольшое количество случаев с буквой *и* в позиции первого предударного слога в соответствии с гласными неверхнего подъема. Иногда буква *и* стоит перед ударным <á>, что не нарушает, в принципе, картины диссимилятивного яканья жиздринского типа: *вся Русь*, 227 (IV), *вся Русь* 165, *Омил(ь)янка* 250, *плімянник* 250. Однако под ударением могут находиться и гласные нижнего подъема: *Битиговскои* 159 (ср. там же: *Битеговскои*), *Воскрісенскои... сотни* 250, *къ воіводам* 256, *ні вѣдает жа* 46, *дітіна* 143, *Кисілев* 250, *иво* 75, 76 (2 р.), 276 (3 р.), *Потрихѣвъ* 254, *постришили* 71.

П. А. Расторгуев, рассматривая вокализм первого предударного слога после мягких согласных, пишет: «Сопоставление между собой примеров, представляемых источниками, приводит к выводу, что говорам Смоленщины свойствен не один тип яканья, а разные типы предударного вокализма. Помимо наличия в основном ... диссимилятивного яканья, в говорах имеется также умеренное яканье, иканье и, может быть, следы ассимилятивного принципа яканья. При этом следует отметить, что черты разных типов яканья встречаются рядом, часто в одних и тех же населенных пунктах» [Расторгуев 1960: 44].

Данные «Пам. обор. См.» позволяют заключить, что в начале XVII века в смоленских говорах уже было представлено диссимилятивное яканье жиздринского типа и имелись элементы иканья. Другие же сопутствующие элементы вокализма, отмечаемые в этих говорах в первой половине XX века, на основании материала исследуемых текстов не восстанавливаются.

6.3.2.2. Второй предударный слог

По наблюдениям П. А. Расторгуева, второй предударный слог в смоленских говорах, как правило, имеет на месте фонем неверхнего подъема звук [и] при редком [e] и [’а] [Расторгуев 1960: 45–47]. В текстах «Пам. обор. См.» в данной позиции употребляются три буквы: *и*, *e*, *я*, причем *я* встречается чаще: *на Иванка Лисуна* 8 (ср.: *на Лесуна, Лесуна* 8), *Дяонисеи* 159, *Мящеринов* 159, *Всялои* 227 (IV), *японечник* 227 (I), *редовым* 162, *Месника* 40 (при: у... *Мясника* 242), *у емщика* 110, *емщика* 110. Впрочем, в последних четырех орфограммах буква *e* могла появиться гиперкорректно — для того, чтобы избежать отражения яканья.

Скудость материала не позволяет судить о степени распространенности яканья и иканья во втором предударном слоге в смоленских говорах начала XVII века, но важно констатировать, что яканье здесь было.

6.3.2.3. Заударные слоги

В заударных слогах всех типов широко отражается яканье, хотя есть и случаи написания буквы *и* в соответствии с гласными неверхнего подъема.

Неконечные слоги

Буква *я*: *государявои* (Р. ед. ж. р.) 227 (I), *государява* (Р. ед. м. р.) 242, 227 (I), *государяво* (Р. мн. м. р.) 242, *ведоютя* (2 л. мн. ч.) 32, *двѣтца* (3 л. ед. ч.) 26, *нынешняво* 8, *Алексеявичю* 22, *Олексеявичю* 15, *Авдеява* (Р. ед.) 6, *Ондреявы* 8, *Оюнас(ь)ява сына* (В. ед.) 168,

Дмитреявы 241, Григорь(ь)явы 13, Дяментяевы 159, Дяментяев 159, у... Локтява 242, Юр(ь)явец 227 (III) и т. д.

Буква **и**: на Оно-орѣва сына 224, у... Ондреѣва 244, на... Олекѣва сына 224, Василен Василович 204, Зилѣвы 265, Неупокоѣвы 247, Маслінік 250, Терихов 227 (I), ябидницкою (Т. ед. ж. р.) 101 и нек. др.

Конечно, встречаются и традиционные написания с **е** (или **ѣ**) на месте <е> (напр., с военскими людьми 8, нынѣшняго 8) и с буквой **я** на месте <а> (напр., тысяча 10, синяя 16), а также написания с **е** в соответствии с <а>: корметца (3 л. мн. ч.) 242.

Конечные закрытые слоги

Буква **я**: болян 165, у братьяв 243, в Благовѣщеньявъ день 11, деняг (Р. мн.) 8 (3 р.), 115, в нынешням 7, отѣдят (3 л. ед. ч.) 227 (V), не слушаюм 32, не смеюм 26, вядяюм 20, в Смоленскъ 36 (2 р.) 99, с Юр(ь)ям 22 и огромное количество отчеств и фамилий на -ев, напр.: Алѣер(ь)яв 13, Васил(ь)яв 165, Зенов(ь)яв сынъ 13 и мн. др.

Буква **и**: Михаила Архангил 283, здѣлаит (3 л. ед. ч.) 227 (V), не ским 11 (2 р.), не скимъ 39, неким 11, Беляив 227 (I), Васил(ь)івъ сынъ 256, Ондрѣівъ 257, Дмитреівъ 257, Яковлів 250.

В этой позиции также отмечены написания с **е** на месте <а>: не ходет (3 л. мн. ч.) 60, тысяч (Р. мн.) 69.

Конечные открытые слоги

Буква **я**: ведоютя 169, вместя 214, уместя 14, людеи дя 20, пришли дя 22, слышали дя 20, таво дя 20, здѣся 70, крестьяня 13 (6 р.), 20, четьря 169.

По данным П. А. Расторгуева, в смоленских говорах в заударных слогах представлены, в основном, редуцированные звуки, средние между [е] и [и]. В некоторых населенных пунктах отмечено [’а], но в сосуществовании со звуком, близким к [и] [Расторгуев 1960: 47–50]. Карты ДАРЯ показывают, что в заударных закрытых слогах на месте гласных неверхнего подъема после мягких согласных в современных смоленских говорах звучит преимущественно [и]. Звук [’а] в этом положении встречается чрезвычайно редко [см. ДАРЯ I, карты 25–29]. Как видно из приведенных примеров, в начале XVII века заударное яканье и в открытых, и в закрытых слогах после парных мягких согласных было представлено в смоленских говорах (хотя и наряду с произношением звука типа [и]) достаточно широко, может быть, шире, чем в тех же диалектах конца XIX – начала XX века и тем более середины XX века.

Таким образом, заударное яканье, рассмотренное в хронологической перспективе, оказывается явлением, имеющим тенденцию к затуханию.

6.3.3. Позиция после шипящих согласных

В первом предударном слоге в архаическом слое смоленских говоров, над которыми вел наблюдение П. А. Расторгуев, почти всюду произносилось [а] перед всеми ударными гласными [Расторгуев 1960: 44]. Отражается произношение [а] в позиции после шипящих и в исследованных текстах начала XVII века: чатьря 241 (2 р.), сам-чят-верть 242, у... Чярыкина 242, чялом 165, чалом 34, з жаною 241, з жонишками 115, по решоту 27 (при отражении аканья буква **о** равна букве **а**). С другой стороны, встречены орфограммы с **е** на месте фонемы <а>: шелаш 171, в шелаш 212, Горчекова (Р. ед.) 166, перед Горчековым 205 (впрочем, написание с **е** может быть здесь гиперкорректным).

Во втором предударном и прочих предударных слогах П. А. Расторгуев отмечает преимущественно [и] и реже [а] [там же: 46]. В рассматриваемых

текстах буква **и** в этой позиции встречается (два чоловіка 241, чоловік 241), а буква **а** (помимо этимологически верных написаний) — нет. Имеются орфограммы: *ис... шелаша* 171, *в том шелаше* 171, *шелашей* 171, *на шеповалов* 177, *честоколишку* (Р. ед.) 53, которые могут как отражать произношение не-а, так и быть гиперкорректными.

В заударных слогах в текстах «Пам. обор. См.» соседствуют оба типа написания — с **и** на месте гласных неверхнего подъема и с **а** (или **я**) на месте <е> (этимологически правильное употребление **а** и **е**, конечно же, не учитывается): *горшечик* 67, *кружівам* (Т. ед.) 101, *на мачиху* 280, *с мачихою* 280, *укажит* 141, *нечим* 7 (2 р.), 11, *он жа* 76, 127, *того жа* 26, *с тем жа* 26, *на том жа* 243, *не дает жа* 221, *снесут жа* 227 (1), *Микифор жа* 193 (2 р.), *людшак* 115, *вышал* 64, *Тютчяв* 159 и нек. др. Есть и случаи употребления буквы **е** на месте фонемы <а>: *выслушев* 67, *не слушают* 14, *слышали* 69, *слышел* 70, 74.

6.3.4. Вставные гласные

«Пам. обор. См.» отражают развитие гласных звуков в начале слова при [р] и [л] в сочетании со следующим согласным: *олненных* 8, *олненных* 7, 8, *ялненных* 9, *иржи* (Р. ед.) 242 (11 р.), *аржы* 242, *Иржевской* 159 (ср.: *Ржевской* 253, 256), *Иртицев* 159 (ср.: *Ртицев* 241). Отмечены «приставочные» гласные и при других сочетаниях согласных, а также перед одиночным согласным звуком: *игдѣ* 67 (2 р.), 173, *игде* 116, *издеся* 18, *Митка Ониконев* 234, *Ониконецъ Федоров* 234. Прибавление протетических гласных в слове «ржаной» и в форме «ржи», а также в других словах с начальным труднопроизносимым сочетанием согласных в ударенном слоге известны и современным смоленским говорам [см. ДАРЯ I, карты 14, 15]. Распространено здесь также прибавление гласного перед одиночным согласным: *абѣсый*, *аголѣй* ('раздетый, без верхнего платья'), *акѣш* ('возглас, которым отгоняют птиц, кыш'), *алишѣться* [ССГ, 1: 59, 63, 69, 70], — и перед сочетаниями согласных, которые не являются труднопроизносимыми: *абрикѣт*, *аграбили*, *аквѣс* [там же: 60, 61, 63, 69]¹⁹.

6.4. КОНСОНАНТИЗМ

6.4.1. Губные спиранты

6.4.1.1. Фонема <в> и ее позиционные варианты

Смоленский диалект относится в настоящее время к зоне сплошного распространения произношения [ў] на месте <в> перед согласными в середине слова; лишь в отдельных населенных пунктах отмечено [w] перед звонкими и глухими или [в] перед звонкими, или же [ф] перед глухими (последний тип произношения локализуется, в основном, в северной части Смоленской группы — близости от псковских говоров) [см. ДАРЯ I, карта 56]. На месте <в> перед согласными в начале слова почти на всей интересующей нас территории звучит [у], несколько реже — [ў] (причем обычно в сочетании с [у]). На фоне произношения в этой позиции [у] в отдельных населенных пунктах наблюдается [в] перед звонкими или [ф] перед глухими (особенно на севере, на границе с Псковской группой говоров) [см. там же, карта 57].

Схожую картину описывает для периода конца XIX — первой трети XX века П. А. Расторгуев. В некоторых источниках, проанализированных им, отмечается сосуществование [ў], [у] с [ф] в слабых для фонемы <в> позициях. Что же касается реализации фонемы <в> в сильной позиции, то личные наблюдения П. А. Расторгуева показывают, что это был звук

¹⁹ О принципе прибавления «приставочных» гласных в юго-западных говорах см.: [Карский 1955: 260–264].

[w]. А поскольку перед согласным тоже иногда произносится [w], возникает смешение [w] и [y] в позиции начала слова перед согласными, например: *утару́цу, wdáruit'* и т. д. [Расторгуев 1960: 69—72].

Данные «Пам. обор. См.» таковы:

1) В позиции перед буквой, обозначающей гласный [y], отмечается пропуск буквы *в*: *зоут* 201, *заут* 61, 202, *у...* *Лари Плутина* 244, *у Степана Плутина* 244, *стал* — *убитова стрельца у Добрынкина места* 227 (I). Таким образом, в сильной позиции (возможно, только перед [y]) фонема <в>, по-видимому, могла реализоваться в звуке [w].

2) В середине и начале слова перед согласным также наблюдается пропуск буквы *в*: *Кузма Кушинник* 280, *волючас меж двор* — *нынешнее осадное время* 221. В середине слова (в том числе фонетического) единично пишется *у* вместо *в*: *наустречи* 243. Есть и обратные, видимо, гиперкорректные написания с буквой *в* в соответствии с фонемой <y> в данной позиции: *у...* *Невпакайка Разнова* 242 (ср.: *Неупокоевы дети* 249), *а невчнет он...* *жит(ь)* 227 (V), *суд и вправу* 8 (3 р.), *на Вхин(ь)и* 101 (ср.: *на Ухин(ь)е, на Ухин(ь)и ib.*).

3) Отмечено довольно много написаний с буквой *у* вместо *в* в позиции начала слова перед согласным: *удава* 242, *унукъ* 238, *две унуки* 241, *уверх* 26, *узля* 215 (2 р.), *уместе* 186 (2 р.), *уместя* 14, *Уласка* 238 (и даже с обеими буквами — *Увласка* 201), *у водяные ворота* 47, *идет...* *у Велижю* 32, *у Добрынкина места* 227 (I), *у мир* 186, *у полону* 18, *у слухи* 242, *у Торопецкой у́здъ* 26, *у четверзь* 19, *у шелашех* 167 и др. С другой стороны, в той же позиции вместо *у* пишется *в*: *в крестьян* (Р. мн.) 39, *в пятицких ворот* 176, *в него* (здесь и далее — Р. ед.) 241, *в нево* 26, 241 (5 р.), *в ней* 241, *в них* 242 (II) и т. д. В данной позиции на месте фонемы <в> звучало, видимо, [y] полного образования, что и привело, в частности, к мене предлогов — приставок *у* и *в*. Об этом свидетельствует и написание *у тех во всех 9 человекъ* 244, где вместо предлога *у* употреблен предлог *в* в огласовке *во* перед сочетанием согласных.

4) Наряду с приведенными выше орфограммами, свидетельствующими о том, что фонема <в> в сильной позиции могла реализоваться в звуке [w], а в середине слова перед согласными (для позиции конца слова данных нет) — в звуке [ÿ] (или [w]), и в начале слова — в звуке [y], встречены и следующие написания: *вчера* 264, *на ооторникъ* 116. Это говорит о том, что перед глухими могло звучать и [ф]. На такое произношение косвенно указывают и написания *про тавты* 168, *ковтанишка* 186.

Значит, сосуществование реализации фонемы <в> в слабых позициях в звуках [ÿ] ([w]), [y] с реализацией ее в звуке [ф] — черта для смоленских говоров не новая, она имела уже и в начале XVII века.

6.4.1.2. Фонема <ф> и ее замены

В «Пам. обор. См.» при наличии правильных написаний с буквами *ф* и *ѳ*, отмечены случаи замены *ф* и *ѳ* на *х* (замены на *хв* нет): *Анохрей* 14, *Никихорко* 26, *Охремов сынъ* 200, *Стохеля* (Р. ед. — вероятно, от имени Евстафий) 245, *Халъй* 30, *Хралов снь* 14, *Хима* (должно быть, от имени Ефимья) 202, 241, *Химка* 241 (2 р.), *Химъка* 241, *Хомин* 239. Есть и случаи обратной мены: *Ареѳ* 186 (ср.: *Орѳх* 193, *Ореха* 11 и др.), *у Поѳома* 244, *Поѳомов* 29, *на Уѳин(ь)ю* 101, *на Уѳин(ь)е* 101 (ср.: *на Ухин(ь)е, с Ухин(ь)и, на Ухин(ь)е* 101 — р. Ухинья). Имеется одно написание с *п* на месте *ф*: *крестьянин ѳиласопова* 22 (ср.: *ѳиласоѳав* 159, *ѳиласаѳав* 159 и др.). В одном случае *хв* заменяется на *ѳ*: *выѳотя из рукъ* 205. Смоленские говоры в их современном состоянии знают регулярную замену [ф] на [хв] и / или [х] [см. там же, карта 54]. Как видно из приведенных примеров, в начале XVII века существенно преобладающей была замена [ф] на [х] и гиперкорректная обратная замена (если только написания типа *Ареѳ* не являются гиперкоррекцией орфографической). Впрочем, судя по написанию *выѳотя*, замена [ф] на [хв], в результате которой возникла вторичная замена

[хв] на [ф] (если это, конечно, опять-таки не факт орфографии²⁰), свидетельствует о том, что субституция фонемы <ф> сочетанием [хв] также была знакома смоленскому диалекту, хотя, возможно, была менее распространена, чем в позднейшее время.

6.4.1.3. Предлоги *ув, уво*; протетическое и эпентетическое [в]

Современные смоленские говоры являются зоной последовательной приставки [в] перед [о], [у] [ДАРЯ I, карта 60]. В текстах «Пам. обор. См.» также имеются случаи отражения протетического [в]: *по вулицам* 26, *с вулицы* 152, *вотчима* (Р. ед.) 275, *Данила Вастрой Сабли* (Р. ед.) 272. Находит отражение и эпентетическое [в]: *Левонид* 148 (3 р.), *Левонов* 29, *Левонко* 19, *Лоривонов сын* 159, *Родивон* 235, *Родивонон* 15, *Родивонон* 8, *Невугodka* 250 и т. д.

При издании «Пам. обор. См.» Ю. В. Готье, наверняка, разделял текст на слова. В некоторых случаях современный издатель-лингвист предпочел бы иное словоделение. Ср., напр., следующие написания: *у Вондрья* 226 (4 р.) (ср. там же: *Ондрья, Ондрью, от Ондрья* и др. без в), *у вотвесу* 207, *у Ворьха Иванова* 16, *у в Ывана* 159, *у Выльи пророка* 17. Перед нами, несомненно, предлог *ув*, употребленный перед начальными гласными знаменательного слова. Отмечен также предлог *уво*: *уво вдовы* 238, *у во вдовы* 244 (3 р.), *у во Власка* 264. Предлог *уво* перед согласными, видимо, имеет другое происхождение, чем *ув* перед гласными. Е. Ф. Карский полагал, что *уво* восходит к удвоенному предлогу **вьвь*. Такое удвоение sporadически встречается и в северновеликорусских говорах: *вов чистом поле, вов сине море*. Ср. также пример из белорусских говоров: *ўвы вдовы* [Карский 1955: 334–335]. Судя по данным ДАРЯ, все говоры Смоленской группы знают сейчас предлоги *ув, уво* [см. ДАРЯ I, карта 59].

6.4.2. Задненезычные согласные

6.4.2.1. Качество звонкого заднеязычного согласного

Как известно, качество звонкого заднеязычного далеко не всегда отражается в орфографии памятников древней письменности, так как буква *г* одинаково успешно обозначала [г] у носителей говоров с взрывным заднеязычным и [γ] у носителей диалектов с заднеязычным фрикативным, поэтому, если в источниках и встречаются указания на качество звонкого заднеязычного согласного, то они, как правило, единичны. В исследуемых текстах информативных в этом плане написаний совсем мало и они противоречивы: *апошен черлень с пуховицы* 283 (ср. там же: *11 пугвиць*), *восмьдесят сермяк белых и чорных* 7. Есть также написание *перед Оспажины заговейны* 150, но отсутствие буквы *г* в словах с корнем *господ-* встречается в памятниках, написанных на самых разных территориях, и отражает лишь общерусскую норму **книжного** произношения фрикативного [γ] [см.: Зализняк 1993: 234], не помогая решить вопрос о качестве звонкого заднеязычного в живом говоре. Имеется, однако, еще одна группа написаний, требующих комментария: *три армяги* 165, *Серкейка* 6, *кники* 6, 11, *с ук-розами* 34²¹. Они могут классифицироваться как отражающие непозиционную мену глухих и звонких согласных (см. ниже, 6.4.7.). В таком случае мы имеем дело с меной [г] // [к], т. е. взрывного заднеязычного со взрывным.

²⁰ Более вероятно все же, что дело здесь не в чистой орфографии, а в отражении фонетики, ведь смоленские говоры знают подобные гиперизмы. См. примеры в кн. [Расторгуев 1960: 72, 73].

²¹ Впрочем, в форме *Серкейка* первое *к* может быть опиской под влиянием последующего *к*. Что касается написания *кники*, то оно, скорее всего, не случайно, поскольку отмечено дважды, причем в разных текстах.

Итак, встреченные в «Пам. обор. См.» написания, с одной стороны, свидетельствуют о наличии [γ] фрикативного (с *пуховицы*), а с другой стороны, о том, что заднеязычный звонкий оглушался в [к] и непозиционно чередовался с [к], а значит, мог быть взрывным. П. А. Расторгуев отмечает, что при явном преобладании фрикативного [γ] в смоленских диалектах, в некоторых местностях последовательно произносится [г] взрывное (например, в с. Князем б. Красненского уезда), а в отдельных селах оба типа произношения сосуществуют [Расторгуев 1960: 77–79]. По данным ДАРЯ, все говоры Смоленской группы знают [γ] в сильной позиции и [х] в слабой, однако имеется несколько «островков», где в сочетании с произношением [γ] // [х] отмечается [г] в сильной и [к] в слабой позиции, причем более обширными, чем в основной части группы, эти «островки» оказываются на севере ее — на границе с псковскими говорами, которым свойственно [г] взрывное [см. ДАРЯ I, карта 44].

В свое время Р. И. Аванесов предположил, что смоленские говоры раньше принадлежали к севернорусскому наречию, а южновеликорусские черты (аканье и [γ] фрикативное) начали распространяться в них тогда, когда в исконно южновеликорусских говорах они уже устойчиво существовали [см. Аванесов 1952: 41, 46–47]. Как видим, [г] взрывное в смоленских говорах было еще возможно наряду с [γ] и в начале XVII века и, судя по статистическому соотношению приведенных написаний, могло быть более распространено в тот период, чем в конце XIX – XX в. В новое и новейшее время наличие взрывного заднеязычного в смоленском диалекте поддерживалось и поддерживается подражанием более престижному произношению [г]. Так, П. А. Расторгуев, ссылаясь на наблюдения Н. П. Гринковой, указывает, что ею отмечено [γ] только в говорах архаического типа, тогда как в новом типе говоров [γ] — редкость, причем грамотное население произносит [г], а в говоре стариков [г] отмечается лишь спорадически [Расторгуев 1960: 78].

6.4.2.2. Сочетания заднеязычных с [ы]

В первой части текста № 242 регулярно употребляется сочетание *кы* на фоне нормативного для деловой письменности *ки* в других документах (в том числе — во второй части того же текста № 242, написанной, по всей видимости, другой рукой). Ср., напр.: *у... Алешкы, у... Васкы, у Гришкы, у... Ивашкы, у... Матюшкы, у... Петрушкы, у Свиридкы, у Юркы* (это лишь небольшая часть примеров с сочетанием *кы* в формах Р. ед. имен на *-ка*), *даргобужских, селских, посацких, мужикы, 2 женкы, четверикы с три*. При этом писец может написать и *ки* (например, *у Васки, у... Сенки, у Костьки, у Янки*), но таких случаев гораздо меньше. В тексте № 250 встречается орфограмма *Ивана Кунгы* при 12 случаях написания сочетания *ки*, а в тексте № 156 находим *порткы* (при двух написаниях с *ги*).

Допустимо предположить, что за буквенными сочетаниями *кы, гы* стоит фонетическая реальность, поскольку единичные случаи такого произношения отмечаются в смоленских говорах первой трети XX века П. А. Расторгуевым [1960: 78] и, судя по данным «Словаря смоленских говоров», имеются и сейчас, напр.: *гъри* ('крупные комья земли на пахоте', *гъчка* ('кочерыжка капусты') [ССГ, 3: 100], *кълька* ('хвойная иголка', 'соринка, заноза', 'мякина' и т. д.) [ССГ, 5: 146]. По свидетельству Е. Ф. Карского, сочетания *кы, гы* были обычны в белорусском, особенно в междометиях и звукоподражательных словах [Карский 1955: 364].

6.4.2.3. Вопрос о прогрессивном ассимилятивном смягчении [к]

В «Пам. обор. См.» употребляется огромное количество имен на *-ка*, и во всех текстах, кроме одного, в уменьшительном суффиксе последовательно отражается твердость [к] (*Фетка* б, на *Исачку* 8 и т. д.). В тексте же № 241 наряду с преимущественными написаниями указанного типа зафиксировано семь орфограмм с *кя*: *Манкя* (3 р.), *Водкя, Понкя, Тренкя, Федкя*.

Поскольку этих написаний несколько, следует полагать, что они появились не случайно и к разряду описок не относятся. Необходимо, однако, удостовериться в том, что написания с *кя* вышли из-под пера носителя именно смоленского диалекта, а не какого-то другого южно-великорусского говора, где прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных было в XVII веке регулярной особенностью. Документ № 241 достаточно велик по объему (одиннадцать страниц печатного текста большого формата), поэтому удается выявить совокупность диалектных черт, присущих писцу. Здесь отражаются следующие явления:

- 1) аканье (*Дабрыня, заловка, Федаров сынъ, женакъ* — Р. мн.);
- 2) яканье, предударное и заударное (*Лявухов, Дмитреява жена*);
- 3) совпадение <в> с <у> в начале слова (*две унуки, в нево*);
- 4) замена <ф> на <х> (*Хима, Химка*);
- 5) отвердение [р] (*з Дарыею* — см. об этом явлении ниже, 6.4.6.);
- 6) адъективное окончание *-ей* в форме И. ед. м. р. (*вдругят* (2 р.)).

Две последние особенности (находясь в сочетании с предыдущими, характерными для обширной южновеликорусской территории), указывают именно на юго-западное происхождение писавшего. Кстати, как раз в этом тексте отмечены обсуждавшиеся выше орфограммы *Облязов, Из(ъ)ялов, дівка, внучетом*.

Судя по данным ДАРЯ, прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных в смоленских говорах в их современном состоянии нехарактерно. Лишь в одном населенном пункте в юго-западной части группы на самой границе с Белоруссией, отмечено [к] на месте [к] после парных мягких согласных, и в одном населенном пункте в окрестностях г. Трубчевска (южная часть смоленских говоров) произносится [γ'] в соответствии с [γ] после мягких [см. ДАРЯ I, карты 66, 67]. П. А. Расторгуев указывает на случаи прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных в говорах некоторых деревень Смоленщины, но все они находятся, в основном, на территории современной Верхне-Днепровской группы и межзональных говоров типа «А» [см. Расторгуев 1960: 78]²². Примечательно, что произношение *Ванька, дочья, чайку* отмечено также для местности, где в ДАРЯ оно не фиксируется (с. Сержаны Издешковского р-на), т. е. к западу от границы распространения данного явления в настоящее время. Значит, в этом регионе могло произойти сужение ареала прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных в направлении с запада на восток. Таким образом, есть основания доверять вышеприведенным семи написаниям из «Пам. обор. См.» и предполагать, что в XVII веке прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных было до некоторой степени распространено еще западнее — в говорах, составляющих сейчас Смоленскую группу, — и являлось чертой, подвергшейся со временем нивелировке.

6.4.3. Качество <ш> и <ж>

Звуки [ш] и [ж] в современных смоленских говорах твердые [см. ДАРЯ I, карта 63]. Все источники, рассмотренные П. А. Расторгуевым, в том числе материалы первой половины XIX века, также указывают на твердость [ш] и [ж] [см. Расторгуев 1960: 76–77].

Тексты «Пам. обор. См.» дают довольно обширный материал относительно качества шипящих согласных — здесь регулярно употребляются сочетания *шя, шю, жя, жю*. Ср.:

шя: *Елшня* 34, *Кушялев* 159 (2 р.), *Шянин* 227 (IV), *Шятихин* 159, *упрашял* 222, *шяпок* (Р. мн.) 7, 9 и т. д.;

²² Правда, в одном случае неясно, откуда поступил материал — из Рославльского р-на или из Руднянского, т. к. в тексте приведен пример *Ванька* с ссылкой на ответ на «Анкету по говорам Смоленщины» из н. п. № 39 [Расторгуев 1960: 78], а в списке населенных пунктов, из которых прибыли ответы на «Анкету», номером 39 обозначены — видимо, по ошибке — две деревни из разных районов [см. там же: 25].

шю: Шюмов 159, у... Шюшарина 245, у... Шюбникова 242, Мишюркина (Р. ед.) 13, Ошюшкина (Р. ед.) 243, в болюю меру 242, шюбка 283, трицат шюб 7, одну шюбу, две шюбы 101, две шюбенки 101, 2 шюрина 242 и т. д.;

жся: Бестужьяв 159, Жяров 242 (2 р.), ис Сурожня 39, дорогобужьян (Р. мн.) 242, не дер-жят(ь) 227 (I), жсялованья (Р. ед.) 242, нарежлся 26, пожсялуи 33, убежсяли 9, снесут жся 227 (I), хотят жся 39, с тех жся 7, с тем жся 26 и т. д.;

жю: Жюкову 232, у Велижю 32, кажюшной 283, межю 39, к... рубежю 39, рыжю 96, на... сторожю 39 и т. д.

Встречены также орфограммы *жьгли* 36, *выжьгли* 19.

Все приведенные написания позволяют заключить, что [ш] и [ж] были мягкими. Косвенным свидетельством того, что шипящие в смоленских говорах, действительно, отвердели поздно, служит тот факт, что зачастую здесь отсутствуют результаты изменения [е] в [о] перед шипящими [там же: 33]. Е. Ф. Карский предполагал, что [ш] и [ж] в старых западнорусских говорах становились твердыми постепенно, а в XVII веке пошли по пути к окончательному отвердению [Карский 1955: 379]. Судя по данным исследуемых текстов, в смоленском диалекте еще в начале XVII века [ш] и [ж] произносились мягко. Впрочем, процесс их отвердения в это время, по-видимому, уже постепенно начинался. Так, на фоне регулярных написаний с буквосочетаниями *ши*, *жи* встречено три случая написания *жсы*: *ржсы* (Р. ед.) 247 (2 р.), *аржсы* 242 (при многочисленных написаниях *иржси* в этом же тексте). Видимо, позиция в труднопроизносимом сочетании после твердого [р] была первой, в которой шипящие начинали отвердевать.

Интересно заметить, что в более раннем тексте смоленского происхождения — Смоленской крестоприводной книге конца XVI века (1598 г.) имеются исключительно сочетания *ш* и *ж* с *я* и *ю*: *Матюшя* л. 4об., *Шю^ага* л. 5, *Шюта^а* л. 21, *Шашюра* л. 38об., *Шюмило* л. 40, *Дашюко^о* л. 57, *Шюма^к* л. 60, *Ушяко^о* л. 63, *Тишя* л. 64об., *шяпува^а* л. 64об., *Шярапо^о* л. 70об., *Жюк^ь* л. 4, *Жю^к* лл. 35, 58, *Жюка* л. 30, *Жюко^о* л. 68, *Свежюно^о* л. 32об. (примеры приводятся по изданию [Смол. крестоприводн. книга]). Памятники же делового письма смоленского происхождения последней трети XVII века уже полностью свидетельствуют о твердом произношении [ш] и [ж]. В частности, в смоленских отказных и приходно-расходных книгах этого периода сочетания *шя*, *жся*, *шю*, *жю* не фиксируются, тогда как представлено достаточное количество форм с сочетаниями *шы*, *жы*, например: *жыву^м*, *надлежыть*, *жылыя*, *приложыль*, *пустошы*, *Па^рфену Шымькову* [см. Соболева 1996: 38]. Это позволяет заключить, что шипящие в смоленском диалекте отвердевали в первой половине XVII в. и стали окончательно твердыми наверняка к последней трети этого столетия, а быть может, и несколько раньше.

6.4.4. Долгие (сложные) шипящие согласные

Глухой долгий (или сложный) шипящий в начале XVII века был, судя по всему, мягким. Ср. следующие написания: *вмещяти* 159, *волоцяне* (от «волость») 15, *волосцян* (Р. мн.) 9, *Верещягин* 261, *Гаврилиця* 107, *из Городиця* 39, *пищял(ь)* 229, *прозвиця* 31: в *Сщючья* (д. Щучье) 39, *через Сщюческую волость* 9, *межю Сщюческой волости* 39 и т. д.²³ Что же касается других характеристик этого звука, то здесь возникают два предположения. Во-первых, есть орфограммы, свидетельствующие о том, что это мог быть звук [ш^ʰ]: 1) с удвоенным *ш* (а буква *ш*, напомним, ассоциировалась с мягким звуком): *прозвишша* (И. ед.) 118, *Сушшов* 118; 2) с меной букв *ш* — *щ*: *за Елщом* 11 (ср. там же: *от Елша*, *на устье реки Елши*), *зборшик* 240, *гребенишк* 205, *ямшик* 186, *ямшики* 186. Во-вторых, отмечено написание

²³ Во встреченном один раз написании *с товарищы* 74 *ы* может быть объяснено графической аналогией.

из Чучья (упомянутое выше село Щучье) 21, позволяющее заключить (если не предполагать здесь опisku), что писавший произносил [ш'ч'] (о мягкости <ч> см. ниже, 6.4.5.).

Таким образом, долгий глухой шипящий, скорее всего, звучал как [ш̄'], причем такое произношение, возможно, сосуществовало с произношением сложного шипящего [шч'].

Долгий звонкий шипящий имел, должно быть, реализацию [ж̄']. На мягкость этого звука указывают написания *приб̄жяют* 26, *не заяжся* 26, а на долготу — орфограммы *зажжет* 186, *пожженых* 7, *Дрожжяны* 250, *Дрожжина* (Р. ед.) 251, *Петка Дрожжа* 248. Есть и написания с одиночным *ж*: *сожжено* 7, *пожжено* 8, *пожжеными* 8 и приведенные выше *приб̄жяют* 26, *не заяжся* 26, но они картины не меняют, указывая лишь на близость долгого звонкого шипящего звуку [ж], который, как показано выше, был мягким.

В современных смоленских говорах основным, повсеместно распространенным типом произношения глухого шипящего является [ш̄]. В западной части группы с ним может сочетаться произношение [шч], в центральной и восточной — [ш̄'], а на севере — [шч] и [ш̄']. «Островками» отмечено произношение [ш'ч'] [см. ДАРЯ I, карта 48]. Долгий звонкий шипящий реализуется в [ж̄] на всей территории Смоленской группы. Лишь в западной ее части кое-где произносится [ждж], [ж'д'ж'], [ж̄'] и [ж'д'], а в северной части есть «островки», где отмечено [ж̄'] [см. там же, карта 52].

Итак, шипящие — как нормально краткие, так и долгие — имели в начале XVII века в смоленских говорах другую реализацию, чем сейчас, и были мягкими. Нынешнее повсеместно распространенное их твердое произношение, следовательно, возникло не ранее середины XVII века.

6.4.5. Аффрикаты

При полном отсутствии буквосочетаний типа *чы*, *чь* в «Пам. обор. См.» отмечены орфограммы с *чя*, *чю*: *тысяча* 10, *Горчякову* 140, *Докучяев сынъ* 159, *Григор(ь)евичя* (Р. ед.) 227 (I), *у... Лучянинова* 242 (II), *Лучянин* 227 (IV), *тотчас* 39, *Чярыкин* 227 (II), *щучяне* 32, *плачюца* 7, 8, *с тысячю* 14, *Иванавичю* 10 и т. д. Таким образом, мы имеем дело, по-видимому, с отражением мягкого [ч']. Значит, [ч] твердое, широко распространенное в западной части Смоленской группы говоров в их современном состоянии [см. ДАРЯ I, карта 45], — черта относительно новая, в начале XVII века еще, видимо, не существовавшая. В XVIII веке твердое [ч] в смоленском диалекте уже присутствовало, о чем свидетельствуют данные «Мемориала достопамятных курьезных авторизаций», который «в княжестве Смоленском от Рождества Христова лета 1746 марта 10 дня сочынень» (выборку написаний с *чы* из этого памятника см. [Расторгуев 1960: 81]).

Аффриката [ц] в начале XVII века была уже, несомненно, твердой. Ср.: *в том дворцы* 67, *исцы* 168, *у... Крелицына* 243, *у... Курицына* 244, *с лѣсныцы* 64, *с стрелцы* 26, *пот стрельцы* 27, *Нагавицынской волости* 239 и т. д. Тверда она и в современных смоленских говорах [ДАРЯ I, карта 46]. Таким образом, смоленский диалект относится к числу таких, где сначала отвердел звук [ц], а лишь затем шипящие (в том числе [ч]).

Что касается мены букв *ц* и *ч*, то она известна уже древнейшим смоленским грамотам [см.: Соболевский 1886: 1–16]. Встречено несколько случаев подобной мены и в «Пам. обор. См.»: *скляноцку* 143 (2 р.), *человали* 32. Как видим, смешение аффрикат отразилось лишь в двух текстах²⁴. В первом случае мы имеем дело, скорее всего, с произношением [ц] на месте <ч>, а во втором можно усматривать как гиперкорректное отражение того же явления,

²⁴ Следует еще раз напомнить, что в памятниках делового содержания XVI–XVII веков, созданных на тех территориях, говоры которых в настоящее время характеризуются цоканьем, смешение букв *ц* и *ч* практически отсутствует (см выше, 1.4.5), так что приведенные написания, хотя и немногочисленны, но вполне показательны.

так и чоканье, поскольку в некоторых смоленских говорах отмечалось чоканье на фоне совпадения аффрикат в звуке [ц] (см. как раз аналогичные примеры у П. А. Расторгуева: *целоваться, мыч'ч'а*) [Расторгуев 1960: 85, 86]. Судя по данным ДАРЯ, твердое цоканье фиксируется сейчас лишь на севере Смоленской группы, причем в сочетании с различием [ц] и [ч]. Есть лишь один небольшой «остров», где отмечается исключительно цоканье. Имеется также «островок» произношения [ч] вместо [ц] в единичных случаях [ДАРЯ I, карты 45, 46, 47]. Анализ довольно обширного материала, приводимого П. А. Расторгуевым, показывает, что и в начале XX века совпадение аффрикат также наблюдалось в северных регионах Смоленщины (в Бельском, Поречском и Духовщинском уездах). При этом совпадение аффрикат в звуке [ц] нередко сопровождалось частичным их различием и совпадением их в звуке [ч] (реже отмечается [ч']). Видимо, примерно такая же картина (за исключением того, что не было совпадения аффрикат в [ч] твердом) наблюдалась в исследуемых говорах в начале XVII века. О широте распространения цоканья и о звуке или звуках, в которых совпадали аффрикаты, говорить — за неимением достаточного материала рукописных источников — трудно. Важно лишь подчеркнуть, что в той или иной степени совпадение аффрикат имело место.

6.4.6. Непозиционная твердость — мягкость согласных

Поскольку реконструируемый диалект принадлежит к юго-западной зоне, граничащей с белорусскими говорами, рассмотрим в первую очередь вопрос об отношениях фонем <р> и <р'>. Е. Ф. Карский отмечал, что белорусские говоры могут быть разделены на две группы — юго-западную «твердозую» и северо-восточную «мягкозую», хотя границы здесь приблизительны, так как в северо-восточной группе (а это и есть, напомним, по современной номенклатуре смоленские говоры) можно услышать [р] твердый вместо мягкого, а чаще — мягкий [р'] на месте твердого [Карский 1955: 307].

В современных смоленских говорах замена мягкого [р'] твердым чрезвычайно редка и отмечается лишь в отдельных населенных пунктах на границе с Белоруссией. Чуть чаще встречается «островок» произношения [р'] на месте [р] (они разбросаны по всей территории Смоленской группы) [ДАРЯ I, карта 65].

По-видимому, тот факт, что смоленские говоры в современном их состоянии и в том, которое зафиксировал Е. Ф. Карский, знают результаты отвердения [р'] реже, чем замену [р] твердого на [р'] мягкий, свидетельствует о том, что здесь шел процесс сознательного устранения твердого [р] в определенных словах, отчего и появлялся путем гиперкоррекции не соответствующий этимологии мягкий [р']. К XVII веку этот процесс уже начался, хотя еще вполне употребительны были и слова с [р] на месте [р']. Об этом говорят следующие написания, обнаруженные в «Пам. обор. См.»:

1) *прышол 14, з Дарыю 241, на Стрыжовой горе 76, Стрыжовой горы 76, Скрыплов 130 (2 р.), 239, Скрыплова (В. ед.) 130 (3 р.), Скрыгольников 229, у... Скрыгольникова 239;*
2) *Борішника* (фамилия — Р. ед.) 250, *дирю 145 (7 р.), дірю 145.*

Ср. также колебания в написании: *по Крылошевские ворота 231 — на Крылошевских воротех 231, в Крылошеве концѣ 236.*

Кроме того, отмечено довольно загадочное написание *отрячивал 95*. Фигурирует оно в следующем контексте: *А другой приводной человекъ Петрунка Гречиха сказал, что он (некий бобыль Петрунька — Е. Г.) гулящей человекъ, а отрячивал у него у Олешки пушкаря. Чуть выше же приводится само свидетельство пушкаря Алешки: А знат(ь) деи ему тот бобыл, потому что у них живал оброком на посаде, а ныне-де в осаде живет он у него.* Таким образом, *отрячивал* — вероятно, описка, вместо *обрячивал* (из *обращивал*, т. е. с заменой [р] на [р'])²⁵.

²⁵ Глагол *оброциць* находим в «Словаре белорусского наречия» Н. И. Носовича со значением 'садить крестьян на денежный годовой платеж с освобождением их от барщины' [Носович 1870: 352]. В нашем тексте, вероятно,

В исследуемых текстах отражается непозиционная мена и других твердых и мягких согласных:

[в] ~ [в']: *Воселой* (фамилия) 248 (ср.: *Веселой* ib.), *Пугвочник* 250.

[л] ~ [л']: *моыл* 280, *приходили* 19, *улык* (Р. мн.) 146, *поехал-лы или нет* 26, *переделивать* 101 ('переделивать'), *тябля*²⁶.

[н] ~ [н']: *на башну* 186, *Оюна* 13, *кназ* 253, *пятнацат однерядок* 7 (ср.: *две однерядки* 9), *вѣрнеподданаго* 272.

[с] ~ [с']: *вовса* ('вовсе') 38, *Сиромятник* 227 (II).

Помимо этого, отмечены орфограммы: *дирю* 145 (7 x), *дiрю* 145, *в дирку* 119. Е. Ф. Карский указывал, что образование с [и] произошло, видимо, от глагола *дѣрати* — *дирати*. В древнерусских памятниках, по его свидетельству, встречаются как формы с корнем *дыр-*, так и формы с корнем *дир-*. Что же касается старых западнорусских памятников, то они знают только образование с *и* [Карский 1955: 237]. В современных смоленских говорах до сих пор произносится *дiрка*, *дирявый*, *дiрочка* [ССГ, 3: 121, 122]. Таким образом, исключительное образование с корнем *дир-*, встреченное в исследуемых текстах, еще раз свидетельствует о том, что они писались уроженцами русского юго-запада и могут служить надежным источником для реконструкции смоленского диалекта.

Спорадическая мена твердых и мягких согласных была известна смоленским говорам и в начале XX века (см. материал, приводимый П. А. Расторгуевым [1960: 94]; имеется она, судя по данным «Смоленского областного словаря», и сейчас. Ср.: *андык* — *андюк* ('индюк'), *бакла́га*, *бакла́жка* — *бекла́га*, *бекла́жка* ('деревянный или глиняный сосуд для хозяйственных нужд'), *бзык* — *бзык* ('приступ неистовства, необузданной ярости у скота из-за сильной жары и укусов оводов') [ССГ, 1: 78, 106, 107, 154, 155, 177, 178]; *дуплѣ* ('дупло дерева') [ССГ, 3: 153], *квблыи* ('слабый, хилый, болезненный'), *крайно* ('очень, крайне') [ССГ, 5: 28, 99].

6.4.7. Непозиционная мена глухих и звонких согласных

В текстах «Пам. обор. См.» обнаружены следующие написания: *хлѣном* 162, *скирту ова* 101, *пятнацат накиток* 16, *присылат с угрозами* 34, *кники* 6, 11, *Серкейка* 6, *три армяги* 165. Примечательно, что в датируемой второй половиной XVII века выписи из межешальных книг смоленского происхождения («Документ деревни Чернушек 1680 г.») также отмечено написание с буквой глухого согласного вместо буквы звонкого: *недохотя дороги не много* [Цит. по публикации в журнале «Смоленская старина». 1911. Вып. 1. Ч. 2. С. 44].

Непозиционная мена глухих и звонких согласных, как показывают данные «Словаря смоленских говоров», известна смоленскому диалекту и сейчас. Ср.: *бряжка*, *бряха* ('пряжка') [ССГ, 1: 272, 274], *вищать* ('визжать', 'плакать, кричать'), *вищѣть* (то же), *вясло* ('связка баранок, сушеных яблок, грибов') [ССГ, 2: 60, 115], *жмбдничать* ('жадничать'), *зальскать* ('издать лязг', 'застучать, забарабанить' и др. значения), *зальско-тать* (то же), *затохнѣться* ('задохнуться'), *затыхаться* ('задышаться') [ССГ, 4: 28, 87, 122, 124]. Формы *к колодисю*, *калодиси*, *лотычка*, *вотычка* отмечались П. А. Расторгуевым [1960: 61]. Значит, это явление имеет место не только в севернорусских говорах, но и в южнорусских и вряд ли связано с финно-угорским субстратом (см. выше, 3.4.10.)

употреблен вторичный имперфектив от этого глагола — *обрачивать*, причем с другой грамматической характеристикой. Если у Носовича зафиксирован переходный глагол, то в приведенном выше контексте *обрачивать*, а следовательно, производящее *оброчить* — глаголы непереходные.

²⁶ Ср. контекст: *да и тябля ему на храме велѣли подѣлати* (тяблѣ — 'свод или парус в храме с иконами и образами' [Даль, IV: 463–464]).

6.4.8. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

В «Пам. обор. См.» отражается, по-видимому, следующий тип сандхи: зубные и губные согласные выступают перед <и> в своих основных вариантах, а заднеязычные, как можно предположить, смягчаются. Ср.:

Губные + ы: в *селѣ* в *Бвачевичахъ* 61, ср. в *Бвановском стану* 54, в *Блешкова места* 227 (IV), в *ызбѣ* 67, в *ызменѣ* 272, в *ымянных списках* 52, в *ыструб* 53, в *ысподнем бою* 183 и т. д.

Зубные + ы: с *Бваном* 134, с *Бваномъ* 241, с *Бльина помѣстья* 257, с *ызумна* 215, с *ыных* 85, из *Бвановыхъ житницъ* 245, под *ызбою* 112 и т. д.

Встречены также следующие написания: *вы Ивашкава места Веселова в ызменинячье* 227 (II). Здесь, вероятно, отражается предлог *вы*, который, по мнению Л. Л. Васильева, выработывался фонетическим путем (из *въ*) перед следующим [и] (так же возникали предлоги *кы*, *сы*) и был характерен именно для смоленских говоров, где имелось сочетание *-иы* (напр., *слѣиы*) [см. Васильев 1907: 252-253].

Что же касается написаний типа «задненебные + ы», то таковые не встретились ни разу, хотя соответствующие позиции имеются, напр., *к ызумену* 193. Так что можно предположить, что исследуемый говор принадлежал в начале XVII в. к такому типу, где заднеязычные в позиции сандхи перед <и> смягчались, тогда как губные и зубные — нет.

6.4.9. Позиционное оглушение согласных

Отражение оглушения конечных согласных не столь уж часто встречается в древних текстах. Тем не менее в «Пам. обор. См.» отмечено отражение оглушения конечных [з], [д] и [ж]: *свес к себѣ* 97, *яс Трофим* 227 (II), *вдругерят* 241 (2 р.), *вперот* 118, *назат* 20, 32, *прохот* 152, *на стороже ш* 201.

Что же касается ассимилятивного оглушения, то здесь примеры более многочисленны.

[б] → [п]: *на Ивашку Рупца* 8, *на Рупцова сына* 8, *на хрепте* 155.

[д] → [т]: *потклея нат атписку* 22, *пот стрельцы* 27, *пот Колугою* 267, *потставою* 177, *поткоп* 77, *нат платьем* 168, *Волотко* 250, *Демитку* 196, *молотца* (В. ед.) 186, *у нарятчика* 205, *однорятка* 16, 224, *две однорятки* 165, у... *Реткина* 244 и нек. др.

[з] → [с]: *блиско* 218, *выласки* 108, *зовяски* 101, *завяски* 168, *лест(ь)* (инф.) 145, *обрески* 101, 168, *обрѣски* 168.

[ж] → [ш]: *въ бумашке* 123 (2 р.), *по всѣмъ торикомъ* 65, *деревни Лушков* 239, *Серешка* 105 (2 р.), *с Серешкою* 105.

Встречены также гиперкорректные написания: *Полажка* 241, *2 креста азидны* 206, *порудчиковы головы* 159, *нас порудчиков* 159, *з смоленскими стрельцы* 48, *не изпортити* 168, *изтравити* 168, *з стужи* 115, *не зкинутца* (инф.) 159, *не зсылатца* 159.

Таким образом, смоленский диалект начала XVII века относился к числу тех великорусских говоров, которые пережили позиционное оглушение звонких согласных. Ср. указание П. А. Расторгуева на то, что во всех известных ему говорах Смоленщины звонкие согласные в конце слова и перед глухими подвергаются оглушению [Расторгуев 1960: 60-61].

6.4.10. Ассимилятивные и диссимилятивные изменения; упрощения групп согласных

В исследуемых текстах отражается следующее ассимилятивное изменение сочетания [жск]: [жск → шск → сск (→ ск)]. Ср.: *из Велискова... повета* (от топонима Велиж) 32, *у велиском повете* 32, *Микита Враской* 249, 255, *Дорогобужские... люди* 60 (от топонима Дорогобуж), *дорогобужской мужик* 242, *запороские казаки* 72, *запороских козаков* 72 (2 р.), *муских* 7, 8, 9, 16.

Широко представленное в смоленских говорах изменение [бм → мм] и [дн → нн] [см. ДАРЯ I, карта 82; Расторгуев 1960: 92] находит отражение и в «Пам. обор. См.»: *омаи* 26, *к Непровским воротам* 205, *у Непровских у больших ворот* 122 (ср.: *от Днепровских ворот до реки Днепра* 136). О степени распространенности этого явления в начале XVII века столь ограниченный материал судить не позволяет.

Диссимилятивные изменения, отраженные в «Пам. обор. См.», таковы.

1) Сочетание [кт] переходит в [хт]: *хто* 27, 101 и др., *нихто* 52, 115 и др., *нехто* 73, *Лактионка* 241, *Лохтионова жена* 262, *Галактионова жена* 241, *Полухтов* 178, *Полухтова* (Р. ед.) 243 (2 р.) (ср.: *Полухтов* 261 (2 р.)).

2) Предлог *к* звучит как [х] перед последующими взрывными.

Перед [к]: *к реке х Каспли* 24, *х Казарину Бѣгичеву* 280, *х клетки* 181, *ни х кому* 86, *к Олене х Козиной Головкѣ* 101, *х Коломне* 281, *х Копытцким воротамъ* 132, *х Копытецким воротам* 229, *х кресному целованью* 264, *х королю* 158, 182, 227 (V).

Перед [п]: *х Петровскому изумену* 193.

Перед [т]: *х Третьяку* 280.

В современных смоленских говорах произношение предлога *к* перед взрывными как [х] намного менее распространено, чем на других южнорусских территориях, причем, если перед последующим [к] диссимиляция происходит в целом ряде местностей, то перед [п] и [т] — лишь в небольшом количестве населенных пунктов [см. ДАРЯ I, карта 88]. На существенно большее распространение произношения [х] из *к* перед [к], чем перед [п] и [т], указывают и данные, извлеченные из «Пам. обор. См.» (если предлог *к* употребляется в безгласной форме, то перед словами, начинающимися с [к], он предстает в виде *х* почти всегда, тогда как перед начальными [п] и [т] обычен вариант с *к* (напр., *к Пятницким воротам* 167, *к пушкарю* 183, *к тому* 170, *к тюрмѣ* 170 и т. д.), а приведенные выше случаи с *х* единичны). Таким образом, в этом отношении ситуация за последние четыре столетия, видимо, не изменилась.

В текстах «Пам. обор. См.» отражается упрощение следующих сочетаний согласных:

[стн] → [сн] (*возле извесной кучи* 45 (2 р.), *по изусной памяти* 224, *крепасной* 151, *у лѣсницы* 69, *четыря персня* 169 и т. д.);

[с'т'] → [с'] (*помес(ь)я* (И. ед.) 275);

[здн] → [зн] (*позно* 72);

[стц] → [сц] (*по кресцом* 65, *с исцом* 144, *тово исца* 144, *исцу* 146);

[чт] → [шт] ([т'ш'т → ш'т]) (*што* 34, 46 и др., *штобы* 34).

Отдельного рассмотрения требует вопрос об упрощении сочетания [чн] в [шн] ([т'ш'н → ш'н]). Применительно к смоленскому диалекту конца XIX — первой трети XX века П. А. Расторгуев отмечает тут почти повсеместную утрату взрывного элемента аффрикатой [ч]. При этом имеются и случаи произношения [чн], но они характеризуют говор младшего поколения [Расторгуев 1960: 92–93].

Судя по данным ДАРЯ, в современных смоленских говорах распространенность [ш] на месте [ч] в сочетании [чн] довольно велика, хотя она и несколько меньшая, чем в восточных среднерусских говорах [ДАРЯ I, карта 83].

Материал же текстов «Пам. обор. См.» таков. Здесь встречено небольшое количество написаний с буквенным сочетанием **шн**: *выморошное... помѣстье* 276, *о помѣстьях...* *о выморошных* 56, *горшошник* 227 (I), *Подвишников* 252, *Рукавишник* 227 (V)²⁷, *с рушницею* 229, *с рушницами* 229 (2 р.), *у...* *Шапошника* 242. Наряду с этим представлен целый спектр разнообразных лексем, в которых употребляется сочетание **чн**. Ср., например: *Булавочник* 130, *безвыимочно* 113, *выимочное* 133, *у...* *Войлочника* 242, *гречневичник* 234, *круп гречневых* 67, 243, *даточной человѣкъ* 240, *даточному* 240, *Деревяничник* 234 (3 р.), *Епанечник* 234, *японечник* 227 (I), *у житничнова* 80, *Завязочникъ* 250, *Замочник* 250, *у замочника* 239, *Киртичникъ* 242 (II), *у...* *Киртичникова* 242, *Колачник* 121, 234, *Калачник* 121, *Крючник* 234, *Лучников* 232, *у...* *Лучника* 242, *Оболоночник* 250, *Обручечник* 234, *однолично* 18, 133 (2 р.), *одноконечно* 66, *Оловяничник* 234, *платечная рухлед(ь)* 67, *поличнова искат(ь)* 144 (2 р.), *на поличная* 144, 146, *на поличное* 166 (3 р.), *в поперечнике* 142 (3 р.), *поперечнику* 47, *запись поручную* 151, *посылочная* 227 (I), *пряничникъ* 248, *Пугвичник* 234, *Пуговичникъ* 234, *рукавичник* 234, *Руковичьник* 60, *два ручника* 16, *с ручницами* 229 (2 р.), *ссылчных* 223, *стречно* 223, *Свѣчнику* 231, *Шапочникав* 166, *шапочник* 229 (2 р.), *не явочное* 112, 117, *безъявочно* 112, 117, *Яичнин* 124, *круп ячных* 67 и т. д.

Изменение [чн] в [шн] относится к числу тех языковых явлений, которые достаточно свободно отражаются в орфографии памятников деловой письменности. Например, многочисленны написания с сочетанием **шн** в описной книге Оружейной палаты 1687 г., созданной в Москве (*зашивошные, муштушные, наконешника, почиошные, привязошные* и др.) [см. Одинцов 1982: 301]. Ср. также извлечения из скорописных документов, созданных во Владимирском крае в XVII веке²⁸: *грешневых* 78-4, *кирпишно^и* 88-41, *в ку^нешно^и завод^о* 77-55об., *на кружешной дво^р* 166-1, *колашники* 136-198, *ларешной* 166-1, *лѣто^инее* 78-10, *иброш^на^с* 210-1, *около^тная* 56-70, *око^инишнику* 88-27об., *к окоше^шы^и затвора^и* 88-41, *Песо^иное* (название деревни) 1-16об., *пешнику* 82-168, *поперешнику* 90-8, *Пиешниное* (название деревни) 1-9, *запору^шную запи^с* 239-140, *ка^ита^и* *понитошно^и* 77-20, *Рукавишникъ* 246-37, *ру^нду^ж* и *ру^ндушное место* 89-133об., *Свѣшникъ* 89-4, *к се^и яво^жной челоби^иной* 169-1об., *яшневои муки* 77-24, *язышною молкою* 111-1 и т. д. В этих же текстах встречаются написания с **чн**, но их меньше. Такая орфография, наверняка, соответствовала языковой ситуации, поскольку в современных владимирских говорах произношение [шн] распространено повсеместно [ДАРЯ I, карта 83].

Таким образом, есть основания полагать, что [шн] на месте сочетания **чн** было в смоленском диалекте в начале XVII столетия существенно менее частотным, нежели в XX веке. Видимо, первоначальным ареалом распространения этого явления были восточные русские говоры (ср. приведенный материал текстов Владимирского края), откуда и пошла экспансия такого типа произношения на запад.

6.5. ВЫВОДЫ

Итак, тексты «Пам. обор. См.» позволяют восстановить фонетическую систему смоленских говоров начала XVII века в достаточно полном объеме. Сопоставление же реконструированной совокупности языковых особенностей с тем состоянием смоленского диалекта, которое зафиксировано в XX веке, дает возможность представить систему в динамике и показать, как те или иные фонетические явления располагаются на временной оси.

²⁷ С заглавной буквы в издании обычно воспроизводятся фамилии и прозвища, со строчной — названия профессий.

²⁸ Материал приводится по изданию [Пам. Влад.]. Первым числом после орфограммы обозначается номер текста, вторым — номер листа.

**I. Фонетические особенности смоленских говоров,
имевшиеся в начале XVII века
и оставшиеся неизменными до наших дней**

- 1) Совпадение <ѣ> с <е> при редких случаях произношения [и] на месте этимологического *ѣ и реликтовом сохранении [’а] из *ѣ.
- 2) Регулярно представленные результаты изменения [е] в [о] (кроме позиции перед поздно отвердевшими согласными, в том числе в суффиксе -ѣчек-).
- 3) Некоторая распространенность изменения [’а] в [е] после мягких согласных в позиции как перед мягкими, так и перед твердыми согласными.
- 4) Жиздринский тип диссимилятивного аканья.
- 5) Лабиализация безударного [о] в [у].
- 6) Жиздринский тип диссимилятивного яканья и элементы иканья.
- 7) Развитие протетических гласных в начале слова перед сочетаниями согласных и перед одиночными согласными звуками.
- 8) Реализация фонемы <в> в сильной позиции в звуке [w], в середине слова перед согласными — в звуках [w] или [ў], в начале слова перед согласными — в звуке [у] при том, что в слабых позициях перед глухими согласными изредка отмечается реализация <в> в звуке [ф].
- 9) Смешение предлогов и приставок в и у; наличие предлогов *ув, уво*.
- 10) Наличие протетического и эпентетического [в].
- 11) Реликтовое сохранение сочетаний [кы], [гы], [хы].
- 12) Твердая аффриката [ц].
- 13) Наличие совпадения аффрикат.
- 14) Отдельные случаи отвердения [р] и произношение [р’] в соответствии с фонемой <р>.
- 15) Спорадическая непозиционная мена согласных: а) твердых и мягких, б) звонких и глухих.
- 16) Оглушение звонких согласных в конце слова и ассимилятивное оглушение.
- 17) Регулярное изменение предлога к в [х] перед последующим [к] и более редкое — перед [п], [т].

**II. Фонетические особенности,
имевшиеся в системе смоленских говоров начала XVII века
и отличавшие ее от современной**

- 1) Бóльшая, чем в XX веке, распространенность яканья в заударных слогах после парных мягких согласных.
- 2) Преимущественная замена [ф] на [х] (а не на [хв]).
- 3) Возможно, большее распространение [г] взрывного (в сосуществовании с [γ] фрикативным), чем в XX веке.
- 4) Некоторая распространенность прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных.
- 5) Мягкость шипящих <ш> и <ж>.
- 6) Мягкость долгих шипящих согласных.
- 7) Мягкость <ч>.
- 8) Меньшая распространенность сочетания [шн] из [чн], чем в нынешнем состоянии говоров.

Таким образом, в начале XVII века смоленский диалект наряду с особенностями, которые не подверглись за последние четыре столетия изменениям, имел — в фонетическом плане — некоторые существенные отличия от того его состояния, которое зафиксировано в XX веке.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОСНОВНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

7.1. Вводная часть

Проведенное исследование рукописей делового содержания конца XVI – первой половины XVII в. позволило выявить целый комплекс фонетических черт присущих говорам западной диалектной зоны, что дает возможность построить карты, демонстрирующие распространение основных фонетических явлений в диалектах данного региона. Целесообразно, однако, показать, как можно обрисовать применительно к исследуемому периоду более полную лингвогеографическую картину, для чего необходимо привлечь материал, полученный другими лингвистами при анализе памятников деловой письменности, которые представляют иные региональные диалекты XVII в., локализующиеся в различных областях территории исконного распространения русского языка.

Как было сказано выше (см. Введение), в нашем распоряжении имеется значительное число выполненных на основании памятников локальной деловой письменности описаний русских диалектов XVII в., расположенных в зоне распространения современных южнорусских, среднерусских и восточной части севернорусских говоров. Впрочем, при построении лингвогеографических карт придется сделать некоторое допущение. Дело в том, что проанализированные в предыдущих шести главах памятники, отражающие говоры достаточно обширной западной диалектной зоны, относятся к концу XVI – первой половине XVII в., тогда как имеющиеся исследования памятников других областей не всегда охватывают именно это период. Так, например, часто исследуются рукописи, датируемые разными годами XVII в. — от начала и до конца. Но такое допущение приходится делать, во-первых, для того, чтобы показать возможность создания достаточно полных лингвистических карт применительно к эпохе, диалекты которой фиксируются только древними рукописными источниками, а во-вторых, чтобы на обширном и разнообразном материале отработать механизм построения диахронных лингвогеографических карт. Впрочем, зачастую исследователи указывают, к каким годам XVII века относятся приводимые ими примеры из рукописей, особенно в тех случаях, когда данные первой и второй половины века не совпадают. В тех же случаях, когда соответствующих указаний нет, логично предположить, что на протяжении всего XVII века данные по тем или иным фонетическим вопросам идентичны.

В дальнейшем изложении будет использован материал следующих работ:

Южнорусские говоры

Говоры	Рукописные источники	Научные исследования
Рязанские говоры	Памятники делового письма XVII в.	[Новопокровская 1956],
	Памятники делового письма XVII-XVIII вв.	[Галкина 1961].
Калужские говоры	Памятники делового письма XVII в.	[Савченко 1965].
Тульские говоры	Памятники делового письма XVII в.	[Рыбочкина 1970].
Говоры, входящие в современные Курско-Орловскую, Елецкую, Оскольскую группы и в состав межзональных говоров типа А; брянские говоры (частично)	Памятники делового письма XVII в.	[Котков 1963].
Курские говоры	Памятники делового письма первой половины XVII в.	[Хабургаев 1966, 1967].
Новосильские говоры	Памятники делового письма XVII в.	[Новицкая 1958], [Новицкая 1959].
Воронежские говоры	Памятники делового письма XVII в.	[Жарких 1953].
Оскольские говоры	Памятники делового письма XVII и начала XVIII в.	[Халанский 1881].
Брянские говоры (частично)	Памятники делового письма XVII в.	[Новопокровская 1965].

Среднерусские говоры

Переславль-залесские говоры	Памятники делового письма XVI в.	[Ростовцева 1969] ¹ .
Шуйские говоры	Памятники делового письма XVI-XVIII вв.	[Ворошилова 1955].
Нижегородские говоры	Памятники делового письма конца XVI — XVII вв.	[Семенова 1973].
Волоколамские говоры	Памятники делового письма XV-XVIII вв.	[Иванов 1953], [Иванов 1959].

¹ Данные этого источника используются далее только в том случае, если в описанных Н. А. Ростовцевой переславль-залесских текстах XVI века отражаются такие фонетические особенности местных говоров, которые присущи им и сейчас. Это позволяет с уверенностью говорить о том, что реконструированные фонетические черты, наверняка, были характерны и для XVII века.

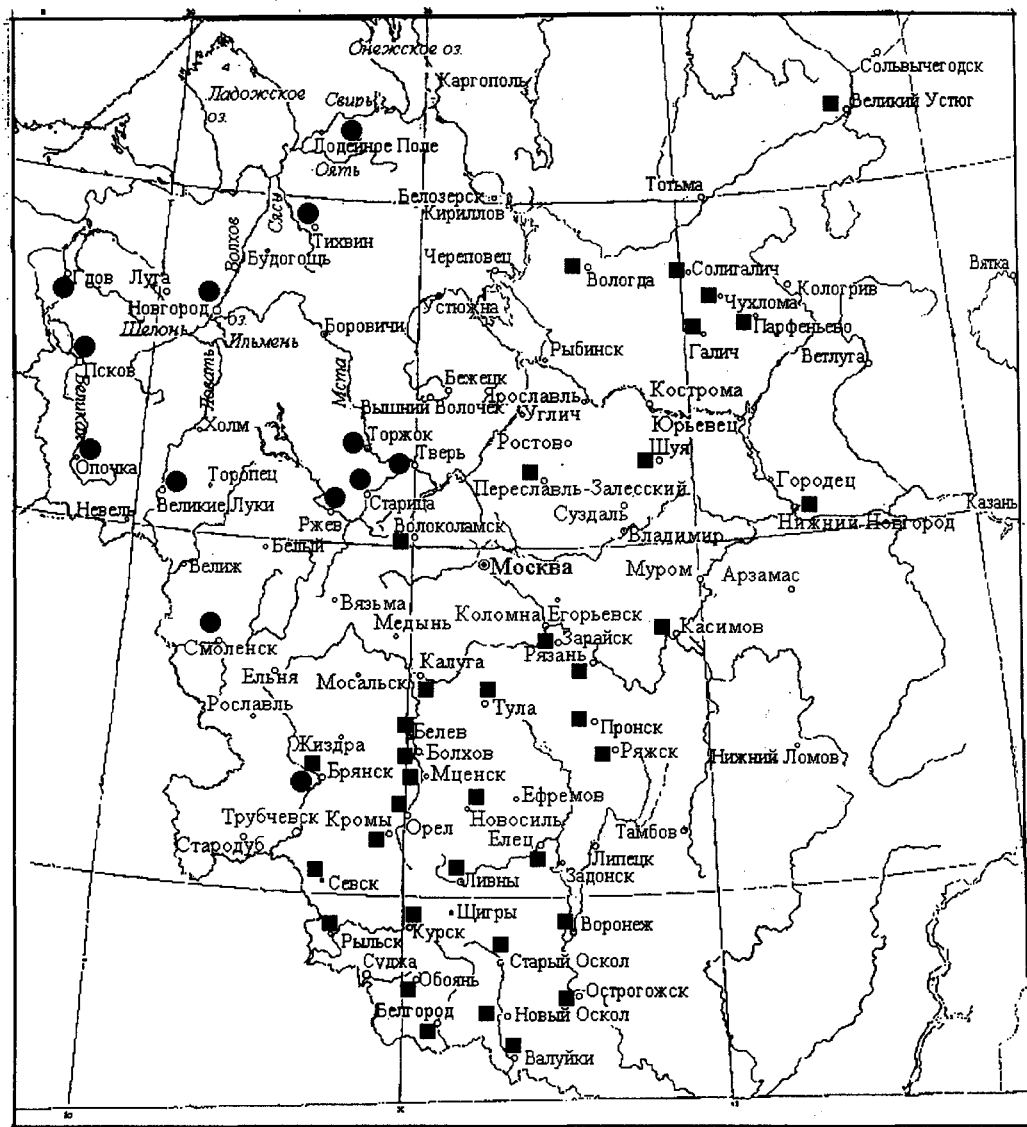
Восто́чносе́вернорусские го́воры

Вологодские говоры	Памятники делового письма XVI – первой пол. XVII в.	[Копосов 1967], [Копосов 1971].
Великоустюжские говоры	Памятники делового письма первой пол. XVII в.	[Сущева 1974].
Галичские говоры	Памятники делового письма XVI–XVII вв.	[Грехова 1966], [Грехова 1966а].

К западной диалектной зоне, говоры которой были рассмотрены в предыдущих шести главах, относится и брянский диалект, пограничный между смоленскими и курско-орловскими говорами. Применительно к нему в нашем распоряжении есть полноценное описание судьбы *ѣ, выполненное В. Н. Новопокровской [Новопокровская 1965], и отдельные наблюдения, связанные с другими фонетическими моментами, содержащиеся в работе С.И. Коткова [1963]. Поэтому для полноты восстанавливаемой далее лингвогеографической картины будут приводиться выводы о наличии тех или иных фонетических особенностей брянского диалекта, сделанные нами на основании материала, извлеченного из опубликованных отрывков из брянской отказной книги первой половины XVII в. [Южн. отк.] и двух грамот брянского происхождения 1622 г. [Южн. челобитн.]. Издания, из которых черпался материал, лингвистические; скорописные тексты воспроизведены идентично оригиналам, так что публикации являются вполне надежным источником для анализа. Следует сказать и о том, почему брянский диалект первой половины XVII в., который относится к западной диалектной зоне, не рассматривался наравне с остальными говорами этой зоны и ему не была посвящена отдельная глава книги. Дело в том, что он достаточно схож с другими южнорусскими говорами, которые применительно к XVII веку детально исследованы по памятникам местной письменности и описаны С. И. Котковым, Г. А. Хабургаевым и другими учеными, так что специальное исследование изобиловало бы ссылками на указанные выше работы и во многом было бы аналогично им.

Далее приводится карта с обозначением населенных пунктов, говоры которых² картографируются на основании рукописных источников XVII в. Кружками обозначены населенные пункты, где локализуются памятники деловой письменности, проанализированные нами; квадратами же обозначены местности, данные о говорах которых извлечены из перечисленных выше исследований. При этом следует заметить, что не по каждому из рассматриваемых фонетических вопросов в нашем распоряжении имеется материал из всех населенных пунктов, представленных рукописными источниками, описанными другими исследователями. Но если хотя бы в какой-то связи рукописный материал, представляющий какой-либо населенный пункт, дает необходимую в том или ином аспекте лингвистическую информацию, этот населенный пункт на приведенной ниже карте отмечается соответствующим знаком.

² Имеются в виду и говоры, бытовавшие в окрестностях этих населенных пунктов.

7.2. Реализация *ě в ударном слоге

Как показало исследование текстов, отражающих говоры западной диалектной зоны конца XVI – первой половины XVII в., в новгородском диалекте *ě перед твердыми и мягкими согласными реализовался в [и] (см. 1.2.1.). В ладого-тихвинских и онежских говорах перед мягкими согласными произносился гласный [и], а перед твердыми сохранялся дифтонг [иѐ] (см. 2.2.1.). В псковских говорах *ě нормально дал [е], но единично встречается [и] перед мягкими и перед твердыми согласными, а также [’а] перед твердыми (см. 3.2.1.); в великолукских говорах регулярен рефлекс [е] (см. 4.2.1.). Аналогичным образом обстояло дело и в селигеро-торжковских говорах, но в диалектах, расположенных по линии Торжок – Старица – Ржев, возможно было и [и], причем в торжковском говоре достаточно регулярно

(и перед твердыми, и перед мягкими согласными), а в ржевском и старицком — единично — вероятно, перед твердыми согласными (см. 5.2.1.). В тверском диалекте присутствовал рефлекс [е] (см. 5.2.1.); в смоленском — также [е] во всех позициях при редких случаях наличия [и] перед твердыми и мягкими согласными и [’а] перед твердыми и, должно быть, перед мягкими согласными (см. 6.2.1.).

Волоколамские говоры первой половины XVII в., по-видимому, знали на месте <ѣ> во всех положениях звук [е] поскольку уже в рукописях XVI века, и в особенности конца его, наблюдается взаимное смешение букв ѣ и е [Иванов 1953: 6].

В вологодских говорах в позиции перед твердыми согласными, судя по показаниям памятников деловой письменности XVI — первой половины XVII вв., еще существовала особая реализация фонемы <ѣ> в звуке, отличном от [е] и от [и]. Об этом свидетельствует массовое этимологически правильное употребление буквы ѣ. Случаев замены ѣ на е очень мало, и они могут быть объяснены акустической близостью соответствующих звуков. Обратной же замены нет совсем [Копосов 1967: 190, Копосов 1971: 7]. Перед мягкими согласными на месте *ѣ произносился звук [и], что доказывается наличием большого количества случаев замены ѣ на и в текстах конца XVI — первой половины XVII в. [Копосов 1967: 190–191, Копосов 1971: 7–8]. Аналогичные данные обнаруживаются в великоустюжской письменности первой половины XVII в. При сохранении правильного употребления буквы ѣ в ударном слоге перед буквами твердых согласных, что должно свидетельствовать о наличии особой реализации фонемы <ѣ>, перед буквами мягких согласных встречены случаи замены ѣ на и (есть и обратная замена) [Сушева 1974: 70, 71–72, 119]³

В северо-восточных костромских акающих говорах, реконструкция которых применительно к XVII веку была осуществлена Л. П. Греховой, в позиции перед твердыми и перед мягкими согласными ѣ употребляется правильно (среди прочих приводятся примеры из рукописей конца XVI и первой половины XVII в.). При этом так же, как в вологодских рукописях того же периода, обнаруживаются редкие случаи замены ѣ на е перед твердыми (например, *приезде*) и несколько чаще перед мягкими согласными (например, *теми*). В рукописях Галичского и Кологривского уездов встречаются и случаи написания на месте ѣ буквы и (например, *Прокофеи насыль (sic) огородецъ, двенатцать недиль*). Реже (в именах собственных) и на месте ѣ отмечается в солигаличских рукописях интересующего нас периода [Грехова 1966: 369–372]. Для чухломского говора данных в памятниках XVII в., по сообщению Л. П. Греховой, не обнаружено [там же: 372]. Видимо, в конце XVI — первой половине XVII в. в галичских, солигаличских и кологривских говорах сохранялась фонема <ѣ>, реализующая в звуке, отличном от [е] [Грехова 1966: 372, Грехова 1966а: 5]. Возможно, что перед мягкими согласными единично произносился также гласный [и], поскольку на это указывают и диалектологические данные начала XX в. [см. Грехова 1966: 373].

По-иному выглядела ситуация в восточных среднерусских говорах. В переславль-залесских текстах XVI века обнаруживается взаимная мена букв ѣ и е во всех позициях — и перед мягкими, и перед твердыми согласными, и в абсолютном конце слова [см. Ростовцева 1969: 15–17], а значит, уже в этот период произошел процесс нейтрализации фонем <ѣ> и <е>, и следовательно, такой же была ситуация и в первой половине XVII века. Г. С. Ворошилова, исследовавшая памятники шуйской письменности XVI–XVIII вв., сделала вывод о том, что в XVII веке в соответствующих говорах шел активный процесс изменения <ѣ> в <е>, в результате чего в XVIII веке в рукописях уже наблюдается последовательная замена буквы ѣ буквой е [см. Ворошилова 1955: 5]. Конечно, изменение <ѣ> в <е> было не одномоментным актом, а процессом, протекавшим в течение целого ряда лет или, скорее, десятиле-

³ Впрочем, М. В. Сушева полагает, что за различием букв ѣ и е в ударном слоге перед твердыми согласными следует видеть фонологическую оппозицию <ѣ> – <о>, а не <ѣ> – <е>, так как исконное [е] последовательно перешло в [о] [Сушева 1974: 127].

тий, и, возможно, постепенно увеличивающееся на протяжении XVII в. количество случаев замены **ѣ** на **е** в шуйских рукописях действительно свидетельствует о том, что именно тогда шел процесс постепенного устранения фонемы <ѣ> и замены ее фонемой <е>, поэтому на приводимых ниже картах, демонстрирующих распространение рефлексов *ѣ, будет использован специальный значок, под которым подразумевается то, что в первой половине XVII в. фонема <ѣ> находилась в процессе утраты и замены ее фонемой <е>.

В нижегородских рукописях XVII в. писцы в основном различают буквы **ѣ** и **е** в ударных слогах, но у небольшого количества писцов встречаются и случаи замены **ѣ** на **е** в позиции и перед твердыми, и перед мягкими согласными, что свидетельствует об отсутствии полного совпадения <ѣ> и <е>, хотя процесс их сближения уже шел [см. Семенова 1973: 6–7].

Южнорусская письменность XVII в. дает обширный материал, касающийся судьбы *ѣ, хотя иногда он представляется несколько противоречивым. Так, рязанские рукописи были изучены двумя исследователями и результаты были получены разные. В. Н. Новопокровская проанализировала деловые документы (челобитные, поступные, мировые, рядные записи, вывозные памяти, заемные кабалы, росписи приданого и т. д.), составленные в основном уроженцами Рязани и Рязька (есть и несколько документов, написанных в Касимове, Зарайске и Пронске) [Новопокровская 1956]. В этих текстах буквы **ѣ** и **е** смешиваются во всех положениях, что позволяет сделать вывод о совпадении <ѣ> с <е> [там же: 7]. В свою очередь, Г. С. Галкина изучила грамоты Солотчинского монастыря и 2 рязанские отказные книги. Оказалось, что в грамотах буква **ѣ** употребляется в основном правильно и перед твердыми, и перед мягкими согласными. Так, на 237 случаев этимологически верного написания **ѣ** в позиции перед твердыми согласными приходится лишь 6 замен его на **е**. При этом имеются и случаи мены букв **ѣ** и **и** (*лису, под снигом, дитки, Агриѣвна*)⁴. В отказных же книгах замена **ѣ** на **е** более частотна, что приводит Г. С. Галкину к выводу о том, что в этих книгах отразился начальный этап в процессе утраты <ѣ> как фонемы, хотя были и говоры, сохранявшие особое ее произношение [Галкина 1961: 6–8]. Вероятно, следует полагать, что в рязанском диалекте XVII в. действительно еще шел процесс изменения <ѣ> в <е>, так что в говоре одних писцов сохранялась фонема <ѣ>, в говоре других она могла находиться в стадии утраты и реализовывалась в звуке [иѣ] (или [ѣ]) спорадически, а в говоре третьих утратилась совсем.

Сходная ситуация отражена в деловых документах тульского происхождения середины и второй половины XVII в. Здесь **ѣ** употребляется в основном правильно, но в некоторых рукописях отмечается замена **ѣ** на **е** и перед твердыми, и перед мягкими согласными. Е. А. Рыбочкина, исследовавшая эти рукописи, приходит к выводу о том, что еще не было полного совпадения гласных, обозначаемых соответствующими буквами, но что рукописи отражают определенный этап сближения этих гласных, хотя в произношении большинства писцов имелся звук более узкого, чем [е] образования, стоявший за буквой **ѣ**, поскольку в текстах отмечаются случаи мены **ѣ** и **и** [Рыбочкина 1970: 5, 6].

В рукописях калужского происхождения XVII в. **ѣ** последовательно употребляется правильно в слоге под ударением, что позволяет сделать вывод о наличии особого произношения, стоящего за этой буквой [см. Савченко 1966: 3]. Аналогичные данные обнаруживаются в воронежских грамотах XVII века [см. Жарких 1953: 9], причем в текстах воронежского происхождения отмечается и замена **ѣ** на **и**, например, *шти видер* (1622 г.) [см. Котков 1963: 44], так что, видимо, следует заключить, что фонема <ѣ> в воронежском диалекте XVII века еще присутствовала.

Возможно, сохранялась фонема <ѣ> и в елецком говоре, по крайней мере, С. И. Котков приводит, с одной стороны, елецкую запись 1617 года, в которой совершенно правильно употребляется буква **ѣ** в ударных слогах [Котков 1963: 41–43], а с другой стороны — отдельные

⁴ Эти случаи наряду с правильным употреблением буквы **ѣ** являются весьма существенным доказательством того, что за буквой **ѣ** стояло произношение напряженного гласного, реализовавшего особую фонему.

случаи замены *ѣ* на *и* в более поздних текстах: *диверь* (1659 г.), *двѣ клити* (1660 г.) [там же: 44]. Кроме того, С. И. Котков отметил в одной из елецких записей (1675 г.) написания <на> *съяжжем* (дворе), *съяжжемъ*, *с(ъ)яжжемъ*, в Елецком уезде, которые возникли, по его мнению, под влиянием польской фонетики [там же: 29, 45]. В новосильском тексте 1698 г. обнаружена сходная форма — *вмяста Микитъки Дольжикова*, также трактуемая как полонизм [там же: 45]. Впрочем, поскольку других полонизмов в данных текстах не найдено, следует полагать, что эта трактовка возникла потому, что никак по-другому приведенные факты (в 60-е гг. XX в. в деловой письменности еще не было обнаружено их аналогов), С. И. Котков объяснить не мог. Теперь же отпадает необходимость в трактовке указанных орфограмм в качестве полонизмов, так как аналогичные написания были найдены в рукописях, имеющих иную территориальную приуроченность: *не выдаям*, *вясчея*, *Облязов*, *Облязова* (Р. ед.), *Облязову*, *Аблязов* (смоленск., см. выше, 6.2.1.), *прияхав*, *лян* — *laen* (ленивый) [Фенне, I: 46] (псковск., см. выше, 3.2.1.). Ср. также написание *к Москва* в отписке из Воронежа 1594 г. [Пам. южн., № 48, л. 6] и *хлѣбояжец* в грамотке из Суздаля второй половины XVII в. [Пам. Влад., № 271, л. 16].

Южнорусские диалекты XVII в., однако, не составляли единого массива в плане судьбы фонемы <ѣ>. Так, судя по данным курских деловых текстов первой половины XVII в., в которых наблюдается смешение букв *ѣ* и *е* как перед мягкими, так и перед твердыми согласными, фонема <ѣ> в курском диалекте полностью совпала с <е> [см. Хабургаев 1966: 284-288]. То же можно сказать о новосильских говорах XVII века [Новицкая 1958: 113; см. также Котков 1963: 47] и о брянском диалекте этого же периода [Новопокровская 1965; см. также Котков 1963: 47].

Все вышеприведенные данные отражены на помещенных в конце настоящей главы картах № 1 «Рефлексы *ѣ в ударном слоге перед твердыми согласными» и № 2 «Рефлексы *ѣ в ударном слоге перед мягкими согласными».

7.3. Результаты изменения [е] в [о] перед твердыми согласными в ударном слоге

Изменение [е] в [о] после мягких согласных перед твердыми было общерусским процессом, поэтому его результаты представлены практически во всех русских говорах (исключение составляет лишь часть рязанских говоров). Изменение [е] в [о] достаточно легко отражается в рукописных источниках в позиции после букв, обозначающих шипящие согласные и [ц]; бывают случаи, когда оно находит проявление на письме и после букв парных по твердости-мягкости согласных, но, поскольку это происходит в ущерб обозначению мягкости, подобные случаи редки. Таким образом, в целом наличие результатов изменения [е] в [о], как правило, памятниками письменности фиксируется, но последовательно или непоследовательно протекал этот процесс, выяснить удастся не всегда. В частности, встает вопрос о статусе написаний типа *черныи* — с буквой *е* после букв шипящих и [ц]. Дело в том, что подобные написания могут быть и данью орфографической традиции, и отражением неперехода [е] в [о]. Впрочем, опора на современные говоры, в которых фиксируются в настоящее время (или фиксировались в недалеком прошлом) случаи отсутствия изменения [е] в [о], позволяет в некоторых случаях предположить, что за написаниями с *е* может стоять реальное произношение. Например, как было показано выше (2.2.2.), в ладого-тихвинских говорах в суффиксе *-ечек-* (*-ечк-*) чаще всего выступает гласный [е]: *меш[ѣ]чек*, *круж[ѣ]чек*, *крюч[ѣ]чек*, а в рукописях конца XVI — первой половины XVII в., отражающих эти говоры, имеются написания *горшечекъ*, *горшечко^о*, *мешечко^о* — при обычном *горшо^о*, *мешо^о*. Согласованность современных диалектологических данных и показаний рукописных источников позволяет с определенной долей уверенности предположить, что приведенные написания

отражают реальное произношение писцов, то есть отсутствие аналогического изменения [е] в [о] перед мягким согласным [ч']. Если же такой согласованности не наблюдается, делать выводы о сохранении [е] в определенных позициях или лексемах оказывается невозможно.

Данные о результатах перехода [е] в [о], извлеченные из исследованных в первых шести главах книги рукописей, таковы.

Судя по материалу новгородских текстов, [о] из *е, *ь новгородскому диалекту конца XVI – первой половины XVII в. было в достаточной степени свойственно, хотя такие написания, как *черному*, <в погосте> *Черно^н*, *пустоше^нка*, *тѣх пустошено^к*, возможно, свидетельствуют — при учете соответствующих данных описательной диалектологии — о некоторой нерегулярности рассматриваемого изменения (см. 1.2.2.).

Можно думать, что на фоне регулярного перехода [е] в [о] случаи сохранения [е] перед твердыми согласными имелись и в псковском диалекте. К этому заключению, впрочем, склоняют не показания скорописных деловых документов, а данные словаря-разговорника Т. Фенне (см. 3.3.2.). В соседнем великолукском диалекте, видимо, также были некоторые ограничения в плане изменения [е] в [о], что и отразилось в великолукской отказной книге, где обнаруживается ряд написаний с буквой ѣ на месте е перед твердыми согласными (см. 4.2.2.).

В говорах северо-восточной новгородской периферии, а также в говорах, расположенных на линии Ржев – Старица – Торжок, в собственно тверских говорах и в смоленском диалекте переход [е] в [о] перед твердыми согласными, как показывает рукописный материал, прошел достаточно последовательно (см. 2.2.2.; 5.2.2.; 6.2.2.).

Столь же последовательным было, по-видимому, изменение [е] в [о] в волоколамских говорах XVII в., так как в местных деловых документах уже в XVI веке буква о писалась на месте е не только после букв шипящих и џ, но и после букв парных по твердости-мягкости согласных [Иванов 1953: 8].

В великоустюжском диалекте первой половины XVII в. результаты перехода [е] в [о] были представлены, по мнению М. В. Сушевой, широко, во всяком случае, в местных рукописях они довольно часто отражаются после букв шипящих и изредка — после букв парных по твердости — мягкости согласных [см. Сушева 1974: 121]. В исследованиях, посвященных реконструкции других северо-восточных диалектов по памятникам XVII в., лишь констатируется наличие написаний отражающих изменение [е] в [о] в различных позициях, и, таким образом, мы можем заключить только то, что в вологодских говорах, а также в акающих галичских говорах это изменение имело место [см. Копосов 1966: 188, Копосов 1971: 6, Грехова 1966а: 5], но было ли оно последовательным, неизвестно. Аналогичные выводы приходится делать на основании работ, в которых описываются шуйские, переславль-залесские и нижегородские говоры [см. Ворошилова 1955: 5; Ростовцева 1969: 14; Семенова 1973: 7].

Среди исследований южнорусских говоров также есть такие, где наличие результатов изменения [е] в [о] лишь констатируется на основании определенного количества написаний с буквой о (как правило, в позиции после букв шипящих и џ). Это относится к калужским, воронежским и тульским говорам XVII в. [см. Савченко 1966: 3; Жарких 1953: 9; Рыбочкина 1970: 5]. С. И. Котков приводит примеры отражения изменения [е] в [о] в текстах XVII века (в том числе и первой половины его), имеющих следующую локализацию: Белгород, Елец, Курск, Орел, Оскол, Старый Оскол, Новосиль, Ливны, Обоянь, Рыльск, Валуйка, Чернавск, Яблонев. В результате делается вывод о том, что переход [е] в [о] в пределах исследованных С. И. Котковым диалектов имел большое распространение [Котков 1963: 54]. Г. А. Хабургаев, ссылаясь на книгу С. И. Коткова, приводит дополнительный материал курских рукописей первой половины XVII в. и подтверждает наличие широко распространенных результатов изменения [е] в [о] в курских говорах при том что во 2-м и 3-м лл. ед. ч. глаголов закономерно сохранялся тематический [е], о чем свидетельствуют регулярные написания типа *печешь*, *течеть* [Хабургаев 1966: 282].

Несколько сложнее обстоит дело с рязанским диалектом. Г. С. Галкина, исследовавшая тексты местного происхождения, полагает, что процесс перехода [е] в [о] не получил в рязанских говорах достаточного распространения, так как в рукописях встречены в основном случаи написания *о* вместо *е* после букв шипящих (*чорного, Мещоркин, жонак, жонка* и т. п.). Имеющиеся же написания *Мотрону, Семонов, Серошка* Г. С. Галкина рассматривает как ошибочные (например, *Семонов* — под влиянием имен Семион, Симон; *о* в форме *Мотрону* — под влиянием предшествующей буквы *о*), и на основании того, что некоторым рязанским говорам, в частности солотчинским (а Г. С. Галкиной анализируются, как указывалось выше, грамоты Солотчинского монастыря), не свойственно ныне изменение [е] в [о], делается вывод о том, что переход [е] в [о] не получил в рязанском диалекте достаточного распространения и был свойствен, возможно, говору отдельных писцов, но не характеризовал исследуемый диалект в целом [Галкина 1961: 5–6].

В брянских текстах первой половины XVII в. отражается изменение [е] в [о] и после шипящих, и после парных по твердости-мягкости согласных. Ср. примеры написания *о* вместо *е* в морфологически независимых позициях: *жо^о* [Южн. челобитн., № 8: л. 452]⁵, *л^бсу чорного* [Южн. отк., № 2: л. 576], *чорно^о ле^о* [там же: л. 515об.], *на речк^в на Прожо^о* [там же: л. 517об.], *на Пражо^о* [там же: л. 517об.], *к сосо^оке* [там же: л. 261], *у сосонке* [там же: л. 261], *то^оку* [там же: л. 17], *доведо^оца* [Южн. челобитн., № 9: л. 288].

На приводимой в конце данной главы карте № 3 «Результаты изменения [е] в [о] перед твердыми согласными в ударном слоге» отмечаются населенные пункты, представленные текстами делового содержания, в которых фиксируются результаты перехода [е] в [о] в позиции перед твердыми согласными в корнях и суффиксах, где не усматривается аналогического воздействия твердых основ. В тех случаях, когда неясно, имеются ли данные, позволяющие заключить, что переход [е] в [о] был непоследовательным, рядом с условным значком ставится вопросительный знак. В тех же случаях, когда материал позволяет предположить некоторую непоследовательность перехода [е] в [о], используется особый условный знак.

7.4. Изменение [’а] в [е] в ударном слоге

В собственно новгородских говорах и в говорах северо-восточной новгородской периферии к XVII веку результаты изменения [а] в [е] между мягкими согласными, которое, должно быть, имелось в древненовгородском диалекте, уже нивелировались (см. 1.2.3.; 2.2.3.). Равным образом, не отражается это явление и в псковских рукописях (см. 3.2.3.). В великолукской отказной книге встретился один случай отражения изменения [а] в [е] (*се-на ставило^о не^о копе^о*), и поскольку в единичном распространении это явление современным великолукским говорам знакомо, можно думать, что такой же была ситуация и в первой половине XVII в. (см. 4.2.3.). Примеров изменения [а] в [е] перед мягкими согласными нет в текстах, отражающих говоры Селигеро-Торжковской группы. Однако в смоленском диалекте начала XVII в. изменение [а] в [е] еще присутствовало, причем не только перед мягкими согласными, но и перед твердыми, хотя эта особенность уже находилась в стадии нивелировки (см. 6.2.3.).

В соседних со смоленскими брянских говорах также имелись случаи изменения [а] в [е]. Ср. данные брянских текстов первой половины XVII века: *тене^о* (= тянет) [Южн. отк., № 2: л. 16об.], *секова уго^оя^о* [там же, № 2: л. 305]. Таким образом, один из двух имеющихся примеров указывает на изменение [а] в [е] перед твердым согласным.

⁵ Воспроизведение примеров из изданий брянских текстов осуществляется на основании тех же принципов, что были использованы при воспроизведении примеров из исследованных нами рукописных источников (см. выше, 1.1.).

⁶ Акцентологическая реконструкция показывает, что ударение в этой форме должно было падать именно на суффикс *-ак (хотя он маркирован как минусовой), поскольку корень *вс-/- праводударный [см. Зализняк 1985: 136, 150].

Возможно, древний переход [а] в [е] в западных говорах имел иную природу, чем в восточных и был связан с аккомодацией гласного [а] сильно смягченному предшествующему согласному (см. выше, 6.2.3.). Поэтому на приводимой ниже карте наличие случаев такого перехода показывается другим значком, нежели изменение [’а] в [е] в восточнорусских говорах.

Указания на переход [’а] в [е] перед мягкими согласными содержат следующие тексты восточнорусского происхождения: вологодские, рязанские и шуйские. В вологодских рукописях примеры встречены в достаточном количестве: *взели, пет(ь), Набечиным* (наряду с *Набячина*), *всеких, на еица* [Копосов 1967: 187, Копосов 1971: 5–6]. В рязанских текстах их меньше (*петь, на свези лесъ розвытитъ*) [Новопокровская 1956: 8, 9], в шуйских текстах достоверный пример только один: *петь* [Ворошилова 1955: 5].

Все описанные факты отражены на карте № 4 «Изменение [’а] в [е] в ударном слогѣ».

7.5. Гласные неверхнего подъема в первом предударном слогѣ после твердых согласных

Памятники деловой письменности XVII в. позволяют составить достаточно полное представление о распространении аканья и оканья в интересующий нас период.

Скорописные тексты, представляющие целый ряд регионов, свидетельствуют о полном различии <о> и <a> в первом предударном слогѣ либо об их частичном различии.

Рукописи из Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей, отражающие говоры северо-восточной новгородской периферии, несомненно говорят об окающем произношении писцов (см. 2.3.1.1.).

В вологодских и великоустюжских говорах первой половины XVII века <о> и <a> различались [см. Копосов 1966: 186; Копосов 1971: 8; Сушева 1974: 76] так же, как они различаются сейчас. Не было нейтрализации в первом предударном слогѣ в шуйских и переславль-залесских говорах⁷ того же периода [см. Ворошилова 1955: 6; Ростовцева 1969: 19].

Новгородские источники конца XVI – первой половины XVII века и современные диалектологические данные позволяют сделать заключение о том, что уже в конце XVI – первой половине XVII века в новгородские говоры проникали элементы неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных, но существовали они, по-видимому, на фоне сохраняющегося различия соответствующих гласных фонем в первом предударном слогѣ (см. 1.3.1.1.).

Судя по данным рукописных текстов XVII века, которые также согласуются с материалами современной диалектологии, сходной была ситуация и в нижегородских говорах. Здесь при том, что <о> и <a> в общем различались, в позиции перед слогѣм с ударным [а] происходила их нейтрализация, то есть фонема <о> реализовалась в звуке [а] [см. Семенова 1973: 7].

В процессе перехода от оканья к аканью находились в первой половине XVII века и псковские говоры, знавшие, должно быть, в этот период вокализм гдовского типа, причем распространен он был и значительно южнее Пскова — в Опочке (см. 3.3.1.2.1.).

Рукописные источники позволяют очертить круг диалектов, где в XVII веке было представлено полное неразличение гласных неверхнего подъема. Как было показано выше, к числу таких диалектов относились великолуцкие, старицкие, ржевские, новоторжские, тверские и смоленские говоры (см. 4.3.1.; 5.3.1.; 6.3.1.1.). Судя по имеющимся в нашем распоряжении исследованиям, аканье было распространено в волоколамских [Иванов 1953: 6–7, Иванов 1959: 36–43], рязанских, ряжских, касимовских, пронских, зарайских [см. Галкина 1961: 8–

⁷ Переславль-залесские говоры и ныне характеризуются неполным оканьем, поэтому при составлении соответствующей карты (см. ниже) использование материала, содержащегося в текстах XVI в., вполне оправдано.

9; Новопокровская 1956: 7], тульских [см. Рыбочкина 1970: 6], калужских [см. Савченко 1966: 3–4], воронежских [см. Жарких 1953: 9], новосильских [см. Новицкая 1959: 10] и оскольских [см. Халанский 1881: 177] говорах. С. И. Котков, исследовавший рукописи XVI–XVII вв., относящиеся к южнорусской территории (то есть происходящие из Белгорода, Белева, Брянска, Воронежа, Ельца, Кром, Курска, Мценска, Новосила, Обояни, Орла, Оскола, Путивля, Рыльска, Севска, Старого Оскола, Яблонова и др. мест) писал: «Что касается вообще отражений аканья в южновеликорусских памятниках, то они настолько многочисленны, что нет никакой необходимости приводить их здесь специально. Прямое отражение аканья дополняется часто косвенным — написанием буквы *o* в соответствии с *a* этимологическим» [Котков 1963: 57].

Интересные сведения об истории ныне акающего «острова» в пределах севернорусского наречия находим в работе Л. П. Греховой, которая исследовала рукописи XVI–XVIII вв., отражающие говоры Галичского уезда (Галич и его осады — Чухломская, Парфеньевская, Судайская, и Соль Галичская). Отражение аканья здесь возникает только после 20-х–30-х годов XVII века, причем в самых разнообразных по содержанию рукописях [Грехова 1966а: 5].

Общая картина различения (полного или частичного) и неразличения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных отражена на карте № 5 «Гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных».

В некоторых случаях, хотя, конечно, далеко не всегда, рукописные источники позволяют определить и тип аканья — наличие или отсутствие диссимильятивной зависимости — и даже разновидность диссимильятивного аканья.

Так, тексты «Памятников обороны Смоленска 1609–1611 гг.» дают основание предполагать, что в начале XVII в. смоленскому диалекту было присуще диссимильятивное аканье жидринского типа (см. 6.3.1.1.). В результате анализа памятников первой половины XVII века, в которых представлена мена букв *a/o* в первом предударном слоге, Г. А. Хабургаев заключил, что курскому диалекту рассматриваемого периода было свойственно диссимильятивное аканье архаического типа [Хабургаев 1966: 291–298]. Поскольку по письменным источникам тип аканья достаточно надежно восстанавливается только для двух диалектов — смоленского и курского, — специальная карта, демонстрирующая типы неразличения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных, не выстраивалась.

7.6. Гласные неверхнего подъема во втором предударном слоге после твердых согласных

В ряде рукописных источников, обзор которых дается в настоящей главе, отражается полное оканье, проявляющееся, в частности, в различении гласных неверхнего подъема во втором и последующих предударных слогах после твердых согласных. Это тексты из Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей, манифестирующие диалект северо-восточной новгородской периферии (см. выше, 2.3.1.2.), рукописи делового содержания XVI – первой половины XVII в. вологодского [см. Копосов 1971: 8] и великоустюжского [см. Сушева 1974: 76] происхождения, шуйские тексты XVI–XVII веков [Ворошилова 1955: 6]⁸. В соседних переславль-залесских говорах, судя по показаниям памятников, в XVI веке еще не наблюдалось нейтрализации <o> и <a> во втором и третьем предударных слогах [см. Ростовцева 1969: 19–20], однако, какова была ситуация в XVII веке неизвестно, поскольку исследованием текстов этого периода мы не располагаем.

⁸ Интересно, что в шуйских рукописных источниках XVIII века уже имеются случаи отражения неразличения гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге [см. Ворошилова 1955: 6].

Процесс перехода к неполному оканью во втором и других предударных слогах отражается в текстах новгородского происхождения конца XVI – первой половины XVII в. (см. выше, 1.3.1.2.) — неразличение гласных неверхнего подъема проявляется, во всех позициях второго предударного слога, кроме позиции перед гласным [о] ударного слога.

В псковском диалекте первой половины XVII в. также имелось, по-видимому, частичное неразличение гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге, но его принцип был другим, чем в новгородском диалекте. Материал исследованных текстов первой половины XVII в. указывает на такой тип реализации гласных неверхнего подъема, который соответствует гдовскому вокализму, проявляющемуся в первом предударном слоге, а именно: если в следующих слогах (или только в предударном слоге) имелся [а], а также если в первом предударном слоге находились гласные верхнего подъема (даже если под ударением был [а]), фонемы <а> и <о> второго предударного слога совпадали в одном звуке (видимо, [ъ]). Если же в следующих слогах (или только в первом предударном слоге) стояли гласные среднего подъема, то <а> и <о> второго предударного слога различались (см. выше, 3.3.1.2.2.).

В нижегородском диалекте XVII века имелось сформировавшееся неполное оканье — во втором предударном слоге гласные <о> и <а> совпадали [см. Семенова 1973: 9] (об их совпадении в заударных слогах см. ниже).

В тех диалектах, которые характеризовались аканьем в первом предударном слоге, естественно, имелось неразличение гласных неверхнего подъема и во втором предударном слоге. Это великолукские, старицкие, ржевские, торжковские, собственно тверские и смоленские говоры, описанные в предыдущих главах (см. выше, 4.3.1.; 5.3.1.; 6.3.1.1.), а также волоколамские говоры [см. Иванов 1959: 43] и все южнорусские диалекты, реконструированные в работах, обзор которых дается в настоящей главе [см. Котков 1963: 75; Галкина 1961: 9; Новопокровская 1956: 7; Жарких 1953: 9; Рыбочкина 1970: 6; Савченко 1966: 4; Халанский 1881: 177]. Аканье во втором предударном слоге отмечается и в галичских говорах [см. Грехова 1966а: 5].

Все приведенные данные представлены на карте № 6 «Реализация гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге после твердых согласных».

7.7. Гласные неверхнего подъема в заударных слогах после твердых согласных

В говорах Ладого-Тихвинской и Онежской групп в том их состоянии, в котором они находились в конце XVI – первой половине XVII в., гласные неверхнего подъема различались во всех безударных слогах, в том числе и в заударных. Об этом свидетельствует полное отсутствие мены букв *а* и *о* в заударных слогах в рукописях, отражающих соответствующие говоры. Нет указаний на редукцию заударного [о] в вологодских [см. Копосов 1966: 185; Копосов 1971: 8] и великоустюжских [см. Сущева 1974: 77] рукописях, а также в шуйских текстах первой половины XVII века [см. Ворошилова 1955: 7]⁹. Полное оканье, в том числе в заударных слогах, фиксируется применительно к переславль-залесскому диалекту XVI века [см. Ростовцева 1969: 20], однако данных для XVII века в нашем распоряжении нет.

Неполно окающие новгородские говоры не различают гласных неверхнего подъема в заударных слогах всех типов, что отражается в новгородских рукописях конца XVI – первой половины XVII в., где представлена мена букв *а* и *о* (см. выше, 1.3.1.3.). Аналогичная ситуация отражена в текстах нижегородского происхождения XVII века [см. Семенова 1973: 9].

⁹ В рукописях шуйского происхождения начиная со второй половины XVII века редукция заударного [о] уже начинает отражаться [см. Ворошилова 1955: 7].

В псковском диалекте первой половины XVII в., видимо, уже имелось заударное аканье, хотя, возможно, после <o> гласные неверхнего подъема могли еще различаться, то есть эта позиция благоприятствовала сохранению заударного [o] (см. выше, 3.3.1.2.3.).

В диалектах, которые характеризовались аканьем в первом и втором предударных слогах, неразличение гласных неверхнего подъема, конечно же, отражается и в слогах заударных. Об этом свидетельствуют данные великолукских, старицких, ржевских, торжковских, собственно тверских и смоленских текстов (см. выше, 4.3.1.; 5.3.1.; 6.3.1.1.), а также рукописей, отражающих волоколамские говоры [см. Иванов 1959: 44] и южнорусские диалекты XVII века, описанные в работах, на основании которых построена настоящая глава [см. Котков 1963: 76; Галкина 1961: 11–12; Новопокровская 1956: 7; Жарких 1953: 9; Рыбочкина 1970: 7; Савченко 1966: 4; Халанский 1881: 177]. Заударное аканье имелось и в галичских говорах [см. Грехова 1966а: 5].

См. карту № 7. «Реализация гласных неверхнего подъема в заударных слогах после твердых согласных».

7.8. Реализация гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных

Реконструкция безударного вокализма после мягких согласных по памятникам письменности сопряжена с определенными сложностями, и полной картины реализации гласных в указанном положении применительно к тому или иному периоду прошлого зачастую получить не удастся. В отношении памятников северного происхождения сложность состоит в том, что, для того чтобы составить представление о системе предударного вокализма после мягких согласных в севернорусских говорах, необходимо знать, как реализуется каждая из фонем неверхнего подъема в позиции перед твердыми и перед мягкими согласными, причем бывает так, что традиционная орфография совпадает с реальным произношением (например, [a] в соответствии с фонемой <a>, [e] в соответствии с фонемой <e>), и тогда нельзя с уверенностью сказать, что стоит за традиционными написаниями типа *пяти, веду*: выучка писца или соответствие орфографического облика слова его произношению. Впрочем, в таких случаях помогает сопоставление с данными современных диалектов.

Применительно к акающим говорам, где все гласные неверхнего подъема реализуются в одном звуке, проблема заключается в том, что, далеко не всегда небольшое количество примеров, отражающих яканье¹⁰, позволяет точно восстановить его разновидность. Поэтому сопоставление и картографирование материала по вокализму первого предударного слога после мягких согласных может быть осуществлено только в общих чертах. Ниже будут рассмотрены отдельно, с одной стороны, рукописи, отражающие вокализм акающего типа и с другой стороны — рукописи, в которых нашло отражение различение гласных неверхнего подъема после мягких согласных.

Вокализм первого предударного слога в акающих говорах

Исследовавшая рязанские памятники XVII века Г.С. Галкина, констатируя наличие яканья, не определяет его тип [см. Галкина 1961: 10–11], и действительно, приведенные в рабо-

¹⁰ Еще Г. А. Хабургаев, исследовавший обширный корпус южнорусских деловых документов XVII века, заметил, что «случаи непосредственного отражения яканья на письме (если иметь в виду гласный первого предударного слога) довольно редки» [Хабургаев 1966: 229].

те примеры из рукописей достаточно противоречивы. В свою очередь, В. Н. Новопокровская, опираясь на исследованные ею деловые документы, созданные в Рязани и Ряжске, делает вывод об отражении в текстах XVII века ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Она обнаружила 42 случая замены *e* на *я* перед всеми гласными буквами, кроме *e* и *ѣ*, причем такая же картина наблюдается и после букв шипящих и *ц* [Новопокровская 1956: 5–6], так что, вероятно, можно говорить о наличии в соответствующих говорах XVII века ассимилятивно-диссимилятивного яканья кидусовского типа.

С. И. Котков, изучивший огромный корпус южновеликорусских памятников делового письма XVII в., полагает, что в них отражается диссимилятивное яканье, и приводит примеры из текстов имеющих следующую локализацию: Белев, Болхов, Валуйка, Воронеж, Елец, Кромы, Курск, Ливны, Новосиль, Обоянь, Орел, Оскол, Севск, Тула и нек. др. Впрочем, тип диссимилятивного яканья С.И. Котков выявить не берется [см. Котков 1963: 66–69].

Наличие яканья применительно к воронежским говорам XVII века констатирует также Т. В. Жарких [см. Жарких 1953: 10]. О яканье в калужских говорах пишет Н. Ф. Савченко, но приводимые ею примеры не дают возможности с уверенностью определить, каким оно было [см. Савченко 1966: 4]. Равным образом восстанавливается присутствие яканья, тип которого не определяется, для галичских акающих говоров XVII в. [Грехова 1966а: 5–6].

Возвращаясь к тем диалектам, применительно к которым С.И. Котков постулирует наличие диссимилятивного яканья, следует сказать, что исследования рукописных источников той же локализации, выполненные другими учеными, позволяют в некоторых случаях более точно указать его тип. Так, Г.А. Хабургаев, детально проанализировав памятники курской деловой письменности первой половины XVII века, заключил, что они отражают архаический тип диссимилятивного яканья [Хабургаев 1966: 300]. И.С. Новицкая нашла отражение ассимилятивно-диссимилятивного яканья в новосильских памятниках, и судя по приводимым ею примерам, это яканье кидусовского типа [Новицкая 1959: 10–11].

Наличие диссимилятивного яканья жиздринского типа, видимо, можно предположить для брянских говоров первой половины XVII в. В текстах местной деловой письменности этого периода найдены следующие случаи замены *e* на *я*:

Перед гласными верхнего подъема

о^т ряки [Южн. отк., № 2: л. 446], *Голянищевъ* [там же: л. 448об.], *озярища* [там же: л. 107об.], *яму* (= ему) [там же: л. 561] (после шипящих: *жаны* [там же, № 2: л. 861]).

Перед гласными средневерхнего (этимологически) и среднего подъема

яе (= еѣ) [Южн. отк., № 2: лл. 256, 257, 259, 260, 553, 5554, 554об.] (после шипящих: *жанѣ* [там же, № 2: л. 865]).

Интересную картину предупредительного вокализма после мягких согласных в тульском диалекте XVII века восстанавливает Е. А. Рыбочкина. Замена *e* и *ѣ* на *a* в позиции после букв шипящих и *ц* отмечается в соответствующих рукописях только перед твердыми согласными, что свидетельствует в пользу умеренного яканья (которое распространено в тульских говорах и сейчас), а после букв парных по твердости-мягкости согласных *я* вместо *e* и *ѣ* пишется и перед буквами мягких согласных, причем перед слогами с *e* и *ѣ* написания *я* не отмечено, что наталкивает на мысль о диссимилятивном принципе вокализма. Таким образом, в текстах XVII века отражается, по мнению Е. А. Рыбочкиной, определенный этап перехода от диссимилятивного яканья к умеренному, и это подтверждается наличием диалектологических свидетельств о диссимилятивной основе современных умеренно якающих тульских говоров [см. Рыбочкина 1970: 6].

Не соответствуют современной языковой ситуации показания ржевских, старицких и торжковских рукописей. В говорах, расположенных на территории, где создавались исследованные рукописи первой половины XVII века, ныне распространено умеренное и умеренно-ассимилятивное яканье, в прошлом же, судя по показаниям текстов делового содержания и динамике языкового развития этих говоров в XX веке, им было присуще сильное яканье (см. выше, 5.3.2.1.). В собственно тверском диалекте также имелось яканье, тип которого на основании имеющего в нашем распоряжении рукописного материала определить не удалось, но очевидно, что это было не умеренное яканье, характерное для соответствующего диалекта в его современном состоянии (см. выше, 5.3.2.1.).

В рукописях волоколамского происхождения, исследованных В. В. Ивановым, наблюдаются разнообразные варианты буквенной мены в первом предударном слоге после мягких согласных, в том числе в текстах XVI–XVIII веков есть и случаи замены *е* на *я* преимущественно в позиции перед твердыми согласными, хотя встречаются и отдельные примеры такой замены перед мягкими согласными. На основании показаний этих письменных источников В. В. Иванов делает вывод о том, что в XV–XVIII вв. в волоколамских говорах существовала «система екающего произношения, развивающаяся в икающее» [Иванов 1959: 50], и наряду с этим в некоторых из волоколамских говоров наличествовала система умеренного яканья, завоевывавшая себе все больше места как явление развивающееся, причем якающее произношение получало все большее и большее распространение, появляясь и в положении перед мягкими согласными [там же: 50]. На приведенной ниже карте волоколамские говоры отмечены специальным значком, под которым подразумевается наличие умеренного яканья (со знаком вопроса) на фоне екающего или икающего вокализма.

Судя по небольшому количеству примеров, извлеченных из рукописей псковского происхождения, в диалекте Пскова и его окрестностей имелось яканье, но ввиду скудости материала, тип его определить не представляется возможным (см. выше, 3.3.2.2.1.). Более показательными оказались данные великолукских текстов, позволяющие предположить, что в районе Великих Лук в первой половине XVII века было распространено сильное яканье (см. 4.3.2.1.).

И, наконец, осталось сказать, что в смоленском диалекте начала XVII в., видимо, присутствовало диссимилятивное яканье жиздринского типа (см. выше, 6.3.2.1.).

Все вышеизложенные выводы нашли отражение на карте № 8 «Типы неразличения гласных неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слоге в акающих говорах».

Вокализм первого предударного слога в акающих говорах

По показаниям памятников деловой письменности, отражающих различие гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге, можно делать определенные заключения о реализации отдельных гласных фонем в этой позиции, хотя материала, как правило, бывает мало и зачастую он оказывается противоречивым.

Чаще всего рукописи отражают одинаковую реализацию гласных неверхнего подъема после согласных, парных по твердости-мягкости, и после шипящих и [ц], так что в некоторых исследованиях этот материал даже не разграничивается. Поэтому приводимые ниже карты будут строиться с учетом написаний, отражающих реализацию гласных не только после парных по твердости-мягкости согласных, но и после непарных, что, впрочем, не относится к карте, демонстрирующей реализацию **ѣ*, так как после шипящих согласных эта фонема не встречается, а после [ц] в первом предударном слоге представлена всего в нескольких словах (например, *цѣна*) и соответствующего материала в рукописях практически нет.

Реализация *ѣ

В текстах конца XVI – первой половины XVII века, отражающих диалект северо-восточной новгородской периферии, проявляется реализация *ѣ в звуке [и] как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, причем, возможно, в сосуществовании с [е] (см. выше, 2.3.2.1.). Аналогичной представляется ситуация для собственно новгородского диалекта (см. выше, 1.3.2.1.). Судя по тем примерам из вологодских рукописей, которые приводит Л. Ф. Копосов, в вологодском диалекте *ѣ мог реализовываться как [и] перед мягкими согласными (ср.: *на рикѣ, смян, на мили*), и, вероятно, перед твердыми (*висцу и казаком*). Встречена и замена ѣ на е, однако соотношение написаний с и и с е и распределение их по позициям не оговаривается [см. Копосов 1967: 191; Копосов 1971: 8]. Для великоустюжского диалекта восстанавливается реализация *ѣ как [е] и перед твердыми, и перед мягкими согласными [см. Суцева 1974: 66–67, 114]. То же можно сказать о шуйских говорах [см. Ворошилова 1955: 8].

Реализация *е, *ь

В рукописях из Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей отражается несколько типов реализации *е (и *ь). Перед твердыми согласными регулярным рефлексом, видимо, был гласный [’о], но возможна была реализация *е (и *ь) в [и] и изредка — в [а]. Перед мягкими согласными обычно произносилось, скорее всего, [е], однако не исключено, что, здесь также имелось [и] и могло появляться [а] (см. выше, 2.3.2.1; 2.3.3.1.).

Материал рукописных источников, новгородского происхождения свидетельствует о неоднородном характере реализации *е в первом предударном слоге после мягких согласных. Должно быть, здесь, как и в современных говорах новгородского ареала, сосуществовали варианты [е], [и], [а] и перед твердыми, и перед мягкими согласными (см. выше, 1.3.2.1; 1.3.3.).

Несомненно, была представлена реализация *е (и *ь) в [’о] в великоустюжском диалекте первой половины XVII в. [см. Суцева 1974: 123]. В нижегородских памятниках письменности XVII века также отражены результаты процесса изменения [е] в [о] в первом предударном слоге перед твердыми согласными, тогда как перед мягкими согласными такого отражения нет, в данной позиции регулярно пишется буква е [см. Семенова 1973: 8], следовательно, нужно полагать, что в этом положении произносился именно звук [е].

В шуйских говорах также, судя по приводимым Г. С. Ворошиловой примерам из местных памятников деловой письменности (типа *соло, жона, чотыре*), перед твердыми согласными произносился гласный [’о]. Для позиции перед мягкими согласными материала не приводится [см. Ворошилова 1955: 7].

Реализация <a>

В рукописях, отражающих говоры северо-восточной новгородской периферии на месте фонемы <a> после мягких согласных как перед твердыми, так и перед мягкими, обычно, видимо, произносился звук [’а] при спорадическом произношении [е] (см. выше, 2.3.2.1.).

В собственно новгородском диалекте конца XVI – первой половины XVII века при обычном произношении [’а], должно быть, имелся и вариант [е] в обеих позициях — перед твердыми и перед мягкими согласными (см. выше, 1.3.2.1.; 1.3.3.).

В вологодских рукописях отражается произношение [е] перед мягким согласным (ср.: *по девети, деветсот, с петидесят, сентебрия, редил*), примеры же для позиции перед твердым согласным не приводятся [см. Копосов 1967: 187; Копосов 1971: 6].

В шуйских говорах на месте <a> произносилось [е] по крайней мере перед мягкими согласными (ср.: *десети, лошеде^н, шуенина*), и возможно, перед твердыми (*сенте^брия*) [см. Ворошилова 1955: 8].

В нижегородских рукописях XVII века в соответствии с <a> после букв мягких согласных последовательно пишется *я* (ср.: *тянул, девяносто, помянул*), а после букв шипящих — *а* (*лошадеи*), что дает основание предполагать, что предударный звук [ʼa] сохранялся и перед твердыми, и перед мягкими согласными. У отдельных писцов в словоформах *десетинь, десети, деветеры* отмечено *е* вместо *я*, причем в современных говорах как раз в этих корнях присутствует произношение [e]: *десети, девети* [Семенова 1973: 8].

Описанный материал представлен на картах: № 9 «Реализация *ѣ в первом предударном слоге после мягких согласных в окающих говорах», № 10 «Реализация *е, *ь в первом предударном слоге после мягких согласных, шипящих и [ц] в окающих говорах», № 11 «Реализация <a> в первом предударном слоге после мягких согласных, шипящих и [ц] в окающих говорах».

7.9. Реализация гласных неверхнего подъема в заударных слогах после мягких согласных

Материал данного раздела так же, как и предыдущего, распадается на две части. В первой из них сгруппированы данные рукописей, отражающих неразличение гласных неверхнего подъема в заударных слогах (при аканье и неполном оканье). Во второй же части дается обзор источников, которые свидетельствуют о полном или частичном различении гласных неверхнего подъема в заударных слогах после мягких согласных.

Типы неразличения гласных неверхнего подъема в заударных слогах

В смоленских текстах начала XVII века в конечных открытых слогах отражена реализация гласных неверхнего подъема в звуке [ʼa]; в остальных слогах — в открытых неконечных и в закрытых — было также представлено заударное яканье, хотя и наряду с произношением звука типа [и] (см. выше, 6.3.2.3.).

В псковских рукописях первой половины XVII века случаев отражения заударного вокализма после мягких согласных мало, но они указывают на возможность неразличения гласных неверхнего подъема после мягких согласных и совпадения их в звуках [ʼa] и [и] в слогах всех типов — закрытых и открытых, в том числе конечных. Впрочем, возможно, наряду с этим имело место и частичное различение гласных неверхнего подъема в заударных слогах, особенно в закрытых, так как об этом свидетельствуют данные современной диалектологии (см. выше, 3.2.2.2.).

В великолукских рукописях того же периода отчетливо отражается заударное яканье в слогах всех типов при редких случаях отражения не-а (то есть произношения [e], [и] или [ь]) после мягких согласных в конечном открытом слоге (см. выше, 4.3.2.2.).

В говорах, расположенных по линии Торжок – Ржев – Старица, судя по показаниям соответствующих рукописных источников, также существовало заударное яканье после мягких согласных во всех типах слогов. Равным образом эта разновидность вокализма была присуща собственно тверскому говору, но там в сосуществовании с [ʼa] реализацией различавшихся гласных неверхнего подъема в неконечных слогах мог быть также и звук [и] (см. выше, 5.3.2.2.).

В волоколамских памятниках делового письма, исследованных В. В. Ивановым, наблюдается смешение букв *я, е, ѣ, и* после букв мягких согласных в заударных конечных и неконечных закрытых слогах: *е* на месте *я* (напр., *десеть*), *и* на месте *я* (напр., *принили*), *и* на

месте *e* (напр., *дадино*) и *e* на месте *и* (напр., *подленую*), *e* на месте *ѣ* (напр., *видели*), а также *ѣ* на месте *e* (напр., *будѣ^m*) и, наконец, *я* на месте *e* (напр., *з братьяю*) [см. Иванов 1959: 55–56]. На этом основании В. В. Иванов заключает, что подобная мена букв отражает реальное неразличение соответствующих звуков и произношение на их месте одного звука [e], но такому выводу «несколько мешают написания *a* (*я*) вместо *e*» [там же: 56]. Однако, анализируя приведенные примеры, следует скорее признать, что в указанном положении волоколамские говоры знали сосуществование реализаций неразличавшихся гласных неверхнего подъема в [и] (или [ь]) и [’а], чему имеются свидетельства как прямые (ср., *принили, дадино, з братьяю*), так и гиперкорректные (ср. *подленую, десеть*). Есть замена *e* на *и* и в конечных открытых заударных слогах (*вояводы ратныи, сухари белыи, пожалуѣти* и т. д.), равно как имеются в этой позиции случаи замены *e* на *я* (*четыря, крылошаня* и т. д.), так что в заударных неконечных и открытых конечных слогах реализация гласных была, по-видимому, одинаковой.

Г. С. Галкина и В. Н. Новопокровская, исследовавшие рязанские памятники письменности, приходят к заключению, что в рязанских говорах в заударных слогах практически всех типов имелось яканье [Галкина 1961: 12–13; Новопокровская 1956: 6, 7]. Однако в текстах, проанализированных В. Н. Новопокровской, есть случаи мены *e/и* (напр., *воронижец, за Мотфеимъ*), что свидетельствует, по ее словам, о произношении неясного, ослабленного звука, близкого к [и] [Новопокровская 1956: 7] (заметим, что примеры приводятся для закрытых слогов). Должно быть, действительно, наряду с [’а] гласные неверхнего подъема могли в этой позиции реализоваться в [и] или [ь].

В рукописях калужского происхождения XVII века имеются случаи прямого и косвенного отражения заударного яканья в слогах всех типов [см. Савченко 1966: 5].

Данные тульских рукописей XVII века указывают на то, что соответствующим говорам была свойственна реализация гласных неверхнего подъема в заударных слогах всех типов в [’а], а также в [и] или [ь] [см. Рыбочкина 1970: 7].

В южнорусских памятниках деловой письменности, исследованных С. И. Котковым, в заударных слогах (кроме конечного открытого) наблюдается замена *e* на *я* (напр., *рязанцяи*) и обратная замена *я* на *e* (напр., *серебреному*) [Котков 1963: 78], что свидетельствует, видимо, о реализации гласных неверхнего подъема в звуке [’а]. Однако наряду с этим встречается и замена *e* на *и* (напр., *в осуку*), причем, судя по приводимым примерам, в текстах первой половины XVII в. случаев такой замены меньше, чем случаев замены *e* на *я* и *я* на *e* [см. там же: 78]. Есть также и написания *e* и *я* вместо *и* (напр., *мерин ... на боках подпарены, заднями ногами*) [там же: 79]. Рассматривая данные, извлеченные из рукописей XVII в. (от его начала до конца), С. И. Котков заключает: «Отраженные в южновеликорусских памятниках изменения гласного *e* в заударном положении <...> говорят о заметном различии в реализации этого гласного после шипящих и аффрикат и после иных согласных. В положении после шипящих и аффрикат *e*, за редкими исключениями, реализуется в гласном звуке *a*, передаваемом буквами *a* и *я*; исключения представлены реализацией в гласном *и*. В положении после иных согласных заметно лишь некоторое преобладание случаев реализации в звуке *a* по сравнению с гласным *и*» [там же: 79]. Впрочем, нельзя категорически утверждать, что в случае, если реализацией [e] был гласный не-*a*, это непременно был именно [и]. Вполне возможно, что за написаниями *с и* мог скрываться и [ь]. И, наконец, следует сказать, о локализации рукописей, примеры из которых приводит С. И. Котков. Они представляют практически всю территорию великорусского юга: Белгород, Болхов, Елец, Кромы, Курск, Ливны, Обоянь, Орел, Острогжск, Рыльск, Севск и нек. др.

По-иному выглядит ситуация в конечных открытых слогах. Там преобладает замена *e* на *я*, *a* (напр., *по грамотя*) при наличии, видимо, гиперкорректной замены *я* на *e* (напр., *ас-тался дяде Михаила*) и единичных случаях написания *и* на месте *e* в форме *болшии*, причем это соответствует современной языковой ситуации. С. И. Котков отмечает, что в формах сравнительной степени в обследованных им орловских говорах как раз произносится [ь]

(после отвердевшего шипящего): *бѣл'шы, дѣл'шы* и т. д. [см. Котков 1963: 81–82]¹¹. В формах же дательного-местного падежей в курско-орловских говорах представлена флексия [ʼа] [см. Хабургаев 1966: 305].

Остается сказать, что С. И. Котков приводит примеры из рукописей следующей локализации: Белгород, Болхов, Елец, Землянск (находящийся в районе Воронежа), Кромы, Курск, Ливны, Новосиль, Обоянь, Орел, Оскол, Рыльск, Севск, Старый Оскол и нек. др.

Судя по тем написаниям, которые мы находим в работе Т. В. Жарких [Жарких 1953: 10], в воронежских рукописях XVII в. отражается тот же тип реализации гласных неверхнего подъема в заударных слогах (с одной стороны, конечных открытых, а с другой стороны — остальных), что и в памятниках, проанализированных С. И. Котковым.

Данных из рукописей брянского происхождения С. И. Котков не приводит, и поэтому материал брянских текстов далее рассматривается особо. Представляется, что гласные неверхнего подъема в брянском диалекте реализовались в звуке [ʼа] и в открытых конечных, и в остальных заударных слогах как после согласных, парных по твердости-мягкости, так и после шипящих. Во всяком случае, для всех этих позиций имеется достаточное количество случаев замены *е, ѣ* на *я, а* и небольшое число случаев гиперкорректной замены *я, а* на *е, ѣ*.

Открытые конечные слоги

Замена <i>е, ѣ</i> на <i>я, а</i>	Замена <i>я</i> на <i>ѣ</i>
<i>четыря</i> [Южн. отк., № 2: лл. 47об., 864об., Южн. челобитн., № 9: л. 288], <i>чатыря</i> [Южн. отк., № 2: л. 26об.], <i>дѣвствя</i> [там же: л. 48об.], <i>по смѣтя</i> [там же: л. 736об.], <i>продаетя</i> [Южн. челобитн., № 9: л. 291], <i>всякая вго^оя</i> [Южн. отк., № 2: л. 107] (после шипящих: <i>селища</i> (И. ед.) [там же: лл. 16об., 116об.], <i>дворища</i> (И. ед.) [там же: лл. 32, 33], <i>усадища</i> (И. ед.) [там же: л. 735], <i>прѣвжа</i> [Южн. челобитн., № 9: л. 290], <i>непригожа</i> [там же: л. 292], <i>по таму жа</i> [Южн. отк., № 2: лл. 20об., 21об., 22об., 23об., 25об.], <i>к той жа</i> [там же: лл. 22, 22об., 23, 46]).	<i>знамѣ</i> (И. ед.) [Южн. отк., № 2: л. 447].

Неконечные и конечные закрытые слоги

Замена <i>е</i> на <i>я, а</i>	Замена <i>я, а</i> на <i>е</i>
<i>в ... Па^рфе^ряво^о во^тчинѣ</i> [Южн. отк., № 2: л. 106], <i>от Лосява бо^рка</i> [там же: л. 107], <i>Зино^ояву</i> [там же: л. 107об.], <i>о^т Ермо^рява^о зе^ли</i> [там же: л. 137], <i>за Ивано^о И^на^тявы^н с(ы)на^т</i> [там же: л. 135], <i>изы Офона^рява по-ме^ся Дми^тр^ьява</i> [там же: л. 19об.], <i>в пустоши Толубеяе</i> [там же: л. 260], <i>о^т ... Олексеяа гоне^ня</i> [Южн. челобитн., № 29: л. 293], <i>э деверя^н</i> [Южн. отк., № 2: л. 256], <i>э бо^ртны^н уxo^нямь</i> [там же: л. 258об.], <i>э А^ндрей^н</i> [там же: л. 136], <i>с А^ндрей^нямь</i> [там же: л. 138], <i>с А^нте^нямь</i> [там же: л. 138], <i>с Сергее^н</i> [там же: л. 562], <i>за Дмитрея^н</i> [там же: л. 562об.], <i>Дми^трея^н</i> [там же: л. 261], <i>Еремее^н</i> [там же: л. 555], <i>Парфеня^н</i> [там же: л. 553об.], <i>Се^ргее^н</i> [там же: л. 261об.], <i>Яковля^н</i> [там же: л. 101] (после шипящих <i>за... Мачахи-нымь</i> [Южн. отк., № 2: л. 447об.], <i>не на чамь</i> [Южн. челобитн., № 9: л. 289]) и т. д.	<i>по^е</i> [Южн. челобитн., № 8: 452], <i>вздеть</i> (3 л. мн. ч.) [Южн. челобитн., № 9: 289] (после шипящих: <i>слушети</i> [Южн. отк., № 2: л. 17]).

¹¹ Эти случаи на приводимой ниже карте № 13 не учтены, поскольку на ней отражен материал, касающийся положения после парных по твердости-мягкости согласных.

И, наконец, заударное яканье отражается прямо и гиперкорректно в галичских рукописях, исследованных Л. П. Греховой (примеры приводятся для конечных закрытых и неконечных слогов) [Грехова 1966: 6].

Данные этого раздела нашли отражение на картах № 12 «Типы неразличения гласных неверхнего подъема после мягких согласных в заударных неконечных и конечных закрытых слогах» и № 13 «Типы неразличения гласных неверхнего подъема после мягких согласных в заударных конечных открытых слогах».

Заударный вокализм в говорах, различающих гласные неверхнего подъема

Как было сказано выше, в окающих говорах реализация гласных неверхнего подъема после мягких согласных и после шипящих согласных и [ц] чаще всего совпадает. Поэтому данные по этим двум позициям рассматриваются вместе (впрочем, это не относится к реализации **ě*, которая в позиции после шипящих и [ц] не фиксируется).

Реализация **ě*

В текстах конца XVI – первой половины XVII века, отражающих диалект северо-восточной новгородской периферии, буква *ѣ* достаточно часто заменяется на *и* в неконечных слогах перед буквами твердых и мягких согласных и в конечных открытых слогах. Есть и обратная замена *ѣ* на *и* как перед буквами твердых, так и перед буквами мягких согласных, что свидетельствует о произношении [и] (см. выше, 2.3.2.3.).

В собственно новгородских рукописях указаний на реализацию **ě* мало — они имеются только для конечного открытого слога и несомненно говорят о том, что фонема <*ě*> воплощалась в данной позиции в звуке [и] (см. выше, 1.3.2.2.).

Данные вологодских скорописных текстов первой половины XVII в., где есть замена *ѣ* на *и* перед буквами мягких согласных, также свидетельствуют о произношении [и] в этой позиции [см. Копосов 1971: 8].

Реализация **e*, **ь*

В рукописях, созданных на территории распространения говоров северо-восточной новгородской периферии, отражается следующая реализация **e* и **ь* после парных по твердости-мягкости согласных, шипящих и [ц]. Во всех типах слогов отмечен вариант [’о], причем соответствующие написания обнаружены как в текстах, написанных в Тихвине, так и в текстах, вышедших из-под пера писцов Александра Свирского монастыря. В текстах тихвинского происхождения отражены еще два варианта — [’а] (в слогах всех типов) и [и] (в неконечных слогах) (см. выше, 2.3.2.3.; 2.3.3.3.).

В новгородских рукописях отражена реализация **e*, **ь* в конечных открытых слогах, а также в неконечных и конечных закрытых слогах в звуках [’а], [и] и, по-видимому, [’о] (см. выше, 1.3.2.2.; 1.3.3.).

Применительно к вологодским говорам первой половины XVII в. отмечается наличие результатов изменения [е] в [о] в заударных слогах всех типов [см. Копосов 1966:188-189; Копосов 1971: 7]. Аналогичной была, по-видимому, ситуация и в великоустюжском диалекте [см. Сущева 1974: 123–124]. Заударное ёканье реконструируется также для нижегородского диалекта XVII в. [см. Семенова 1973: 10] (примеры приводятся для неконечных и конечных закрытых слогов). Присутствовал звук [’о] и в шуйском диалекте [см. Ворошилова 1955: 7] (примеры приводятся для заударных конечных закрытых и открытых слогов).

Для фонемы <a> материала в рукописных источниках имеется не слишком много и, как было сказано выше, не всегда можно понять, реализовалась ли эта фонема в каких-то случаях в звуке [a] ввиду стандартности написания *я*, *а* в данной позиции. Поэтому на приводимой ниже карте будут отмечаться только случаи наличия реализации <a> в [e], поскольку таковые на основании памятников письменности могут быть достаточно надежно восстановлены.

Имеющийся небогатый материал демонстрирует реализацию фонемы <a> в звуке [e] во всех заударных слогах, кроме конечного открытого. Эта реализация была представлена в говорах северо-восточной новгородской периферии (см. выше, 2.3.2.3.; 2.3.3.3.), а также, по-видимому, в собственно новгородском диалекте (см. 1.3.2.2; 1.3.3.), в нижегородских [см. Семенова 1973: 10] и шуйских говорах [см. Ворошилова 1955: 7, 8].

Материал данного раздела отражен на картах № 14 «Реализация *ё в заударных слогах после мягких согласных в окающих говорах» и № 15 «Реализация *е, *ь и <a> в заударных слогах после парных мягких согласных, шипящих и [ц] в окающих говорах».

7.10. Вставные гласные в начале слова

В целом ряде текстов XVII века отражается наличие вставных гласных перед начальным сочетанием «сонорный ([р], [л]) + шумный согласный». Таким путем преодолевается не отвечающее требованиям восходящей звучности сочетание согласных в инициальной части слога, например, *ржи* → *ир-жи*.

Несомненно характерным было прибавление гласного ([а] или [и]) для смоленских говоров, чему имеются достаточно многочисленные свидетельства в текстах «Памятников обороны Смоленска 1609–1611 гг.» (см. 6.3.4.1). В рукописях ржевского и старицкого происхождения зафиксировано прибавление гласного [а] к прилагательному *ржаной* (см. выше, 5.3.4.). В брянских текстах есть написания *Селиве^рсть Илво^о* [Южн. отк., № 2: лл. 106, 107об.] *Ива^а Илво^о* [там же: л. 106/107] (ср. *Селиве^рста Лвова* [там же: л. 108/108 об]), <в селе> *Ошаницы* [там же: л. 46], <деревни> *Ошаницы* [там же: л. 576] (ср. *лѣсу чо^рного Лишницко^о* [там же: л. 576об.]), *две холстины алненных* [Хабургаев 1967: 180]. В рязанских, тульских и калужских рукописных источниках представлены указания на прибавление гласных в аналогичных случаях. Ср. рязанск. *орженья муки, три холстины алненных* [Новопокровская 1956: 9], калужск. *орженым, алных* [Савченко 1966: 5], тульск. *орженова, алных, по Иржавиу* [Рыбочкина 1970: 7]. Достаточно разнообразен материал из курских рукописей: *12 хо(л)стов о(л)нены(х), 13 рубаше(к) ... о(л)нены(х), о(т) жнитвы а(р)жаные, хлѣ(б) ... аржано(й), перевозили и(р)жи сто копе(н), иржи на 200 рубле(в)* [Хабургаев 1967: 180], отмечены написания подобного рода в текстах, написанных в Ельце (*арженова*), Ливнах (*арженных два снопа*), Новосиле (*рубах женских олненных*), Севске (*холстов алненных*), Яблонове (*муки арженои*) [там же: 180].

В новгородских и великолукских источниках непосредственного отражения гласных как протетических перед начальным сочетанием согласных не обнаружено, но имеются косвенные свидетельства того, что неудовлетворительные с точки зрения структуры слога сочетания преодолевались: перед словами, начинающимися с сочетания «сонорный + шумный согласный», появляются вокализованные варианты предлогов, напр., *надо рво^м, ото ржи* (см. выше, 1.3.4; 4.3.3)

Описанный материал обобщен на карте № 16 «Прибавление гласных к начальным сочетаниям «сонорный + шумный согласный».

7.11. Реализация фонемы <в>

Рукописные источники позволяют в ряде случаев судить о том, какова была реализация фонемы <в> в позиции перед согласным, поскольку мы встречаемся с меной букв *в/у* или с написанием *ф* на месте <в> в позициях оглушения. В последнем случае есть все основания говорить о наличии в говоре губно-зубного [в].

В текстах конца XVI – первой половины XVII в., написанных в Тихвине, явно отражается наличие [в] губно-зубного, который в слабых позициях оглушается в [ф] (ср. *фторо^н*, *два ку^ншина* и др.). Кроме того, имеется надежное свидетельство реализации <в> в звуке [ў] (или [w]) в середине слова перед согласным — *со Пшеу^{жн}*. Такое же написание есть и в одной из рукописей, созданных в Александровом Свирском монастыре: *со Пшеужа* (см. выше, 2.4.1.2.).

В новгородских текстах того же периода совершенно отчетливо отражается наличие позиционного [ф], что говорит о несомненном губно-зубном образовании <в> (ср. *во сто во^н торо^н году*, *Са^нжа* и др.) (см. выше, 1.4.1.1.).

Судя по показаниям памятников псковской деловой письменности, в которых обнаруживается отражение [ф] в качестве позиционного варианта фонемы <в> в середине слова перед глухим согласным и в конце слова (ср. *Ивано^нское помѣстье*, *Кондратье^н снь* и др.), местным говорам первой половины XVII в. было свойственно [в] губно-зубное. При этом в рукописях есть буквенная мена *у/в* в начале фонетического слова (ср. *ув^нхъ*, *в не^н*, *го^не*), и на фоне того, что современные псковские говоры характеризуются регулярной меной начальных <у> и <в>, логично предположить, что та же особенность наличествовала и в первой половине XVII в. (см. выше, 3.4.1.1.).

В великолукской отказной книге оглушение <в> в [ф] не отражается ни разу, но имеются случаи мены предлогов *в* и *у* (ср.: *у друго^н мѣсте*, *да в нево бобы^н Фро^нко Васи^невъ* и др.) (см. выше, 4.4.1.1.). Стоит ли за подобными написаниями только мена предлогов или также отражение реализации <в> в звуке [ў] в позиции перед согласным, неясно.

В рукописях старицкого и торжковского происхождения отмечено наличие позиционного [ф] (ср.: *ѣ^н евроле*, *ѣ^н се^нце*, *Зено^н* и др.). Косвенное указание на оглушение <в> в [ф] дает тверская отказная книга (*Замятню Ка^нтанова*) (см. выше, 5.4.1.1.).

В текстах «Памятников обороны Смоленска 1609-1611 гг.» отмечены разнообразные написания, которые позволяют судить о судьбе фонемы <в> в смоленском диалекте начала XVII в.

1. В позиции перед буквой, обозначающей гласный [у], отмечается пропуск *в*: (*зоут*, *у... Лари Плуотина* и др.), что свидетельствует о том, что в сильной позиции (возможно, только перед [у]) фонема <в> могла реализоваться в звуке [w].

2. а). Пропуск буквы *в* наблюдается также в середине и начале фонетического слова перед буквами согласных (ср.: *Кузма Кушинник*, *волочас меж двор — нынешнее осадное время*).

б). В той же позиции отмечена мена букв *у/в* (*наустречи*, *у... Невпакайка Ражнова* и др.).

Эти факты свидетельствуют о том, что фонема <в> в позиции начала и середины слова перед согласными реализовалась в звуке [ў] (или [w]).

3. Достаточно многочисленны случаи мены *у/в* в начале фонетического слова перед согласным (ср.: *удава*, *узл*, *у четвергъ*, *в пятницких ворот* и др.). Возможно, что в данной позиции на месте фонемы <в> звучало [у] полного образования, что и привело, в частности, к мене предлогов-приставок *у* и *в*.

4. Наряду с тем, что фонема <в> в сильной позиции (по крайней мере, перед [у]) могла реализоваться в звуке [w], в середине слова перед согласными (для позиции конца слова данных нет) — в звуке [ў] (или [w]), и в начале слова — в [у] и, возможно, [ў], есть указания на то, что перед глухими мог произноситься и [ф] (ср.: *ѣчера*, *на о^нторникъ* и гиперкорректное *про тавты*, *ковтанишка*) (см. выше, 6.4.1.1.).

Довольно богатый материал, касающийся судьбы фонемы <в> в русских диалектах XVII в., находим в работах исследователей, занимавшихся реконструкцией восточнорусских, среднерусских и южнорусских говоров.

В вологодском диалекте конца XVI – первой половины XVII в. так же, как и в некоторых из вышеописанных говоров, сосуществовали, видимо, разные варианты реализации фонемы <в>. В местных рукописях есть, с одной стороны, пропуск буквы *в* между буквами гласных, вторая из которых — *у*: *плючи, с пауска, на паузок* (ср.: *два навоска*), а также достаточно нетривиальные написания с *-ов(ь)* вместо *-ою* в формах творительного падежа: *за вологоцков ценю, за вологодковъ ценю, с полуторов денгою*, — что может свидетельствовать о произношении [w] в сильной позиции (по крайней мере, перед [y]) и о реализации фонемы <в> в звуке [ÿ] по крайней мере, в конце слова. С другой стороны, в вологодских текстах конца XVI – первой половины XVII в. имеется немало орфограмм, отражающих позиционное оглушение <в> в [ф]: *изо Фторово лоди, у Фторово у Самъсонова, ото фсяких крепостей, ф Федосовъ Нижном, очюю трубу настофку, Иван Осипофъ снь* [см. Копосов 1967: 193]. В великоустюжских рукописях того же периода буква *в* употребляется орфографически правильно, и свидетельств той или иной реализации <в> в каких бы то ни было позициях нет вообще [Сущева 1974: 88].

В памятниках делового письма, созданных на территории галичского акающего «острова», отражается оглушение <в> перед следующим глухим согласным: *ф кортому, фторого* [Грехова 1966а: 6].

Оглушение <в> в [ф] реконструируется и для среднерусских говоров: волоколамских [см. Иванов 1953: 11] и шуйских [см. Ворошилова 1955: 8]. А. П. Семенова на том основании, что в исследованных ею рукописях XVII в. нет написаний с меной букв *у/в*, говорит о том, что [в] губно-зубной имелся в нижегородском диалекте [см. Семенова 1973: 12].

В рязанских говорах XVII века в конце слова и в середине слова перед согласными происходило оглушение <в> в [ф] (ср.: *Петроф, сталбоф, стафки* [Галкина 1961: 13], *устафцику, офца, фторого* [Новопокровская 1956: 10]). Наряду с приведенными написаниями имеются случаи замены *в* на *у* в начале фонетического слова перед согласными: *Ивашка Уласов, у какую меру, взяли у миру* [Галкина 1961: 13], *у твоих владеньях у казачьей слободѣ* [Новопокровская 1956: 10], что свидетельствует о возможности произношения [ÿ] или [y] в данном положении.

В текстах калужского происхождения отмечена мена *у/в* в начале фонетического слова перед буквами согласных (ср.: *умѣствѣ, у зипуне, у стаде, вдарил, в скупощиковѣ*) [см. Савченко 1966: 5]. Аналогичная мена имеется и в тульских текстах XVII в. (ср.: *Улас, удова, унук, у телѣгах, у вядро, у казну, в Онашки, в черкас*) [см. Рыбочкина 1970: 7], так что можно предположить произношение в этой позиции [ÿ] или [y]. Кроме того, есть основания думать, что и в середине слова перед согласным в соответствии с фонемой <в> в тульском диалекте звучал [ÿ], так как есть достаточно показательное написание с пропуском *в*: *кушинав* [там же: 7].

В текстах брянского происхождения первой половины XVII в. имеются многочисленные написания с заменой *у* на *в* и ряд написаний с заменой *в* на *у* в позиции начала фонетического слова перед согласным. Приведем некоторые из них.

у вместо в

в вместо у

у^н [Южн. отк., № 2: л. 861об.], *удовы* (Р. ед.) [там же: л. 553об.], *уни*³ [там же: л. 557об.], *улева* [там же: л. 560], *управа* (т. е. вправо) [там же: л. 560], *у то^м се^лцы* [там же: л. 21об.], *у дву по таму жа* [там же: л. 20об.], *у сухо^м мо^х* [там же: л. 580об.], *у поток* [там же: л. 581], *у споре* [там же: л. 516], *у Бря^тско^м уѣ^де* [там же: л. 19об.], *а в о^тпискѣ ... у ево* [Южн. челобитн., № 9: л. 287] и т. д.

в нево (= у него) [Южн. отк., № 2: лл. 305, 674], *всякая вго^дя* [там же: л. 107], *всякая в[о]л^ое* [там же: л. 108об.], *в тебя* (= у тебя) [Южн. челобитн., № 9: л. 292], *в поляка в Пиля* [там же, № 8: л. 452].

Таким образом, в начале фонетического слова на месте <в> звучал [ў] или [у].

Наряду с приведенными написаниями в брянской отказной книге имеется орфограмма *Не^епокоя* (Р. ед.) (т. е. Неупокоя) [Южн. отк., № 2: л. 304], позволяющая думать, что в середине слова перед согласными фонема <в> реализовалась в звуке [ў].

Обширные данные, касающиеся судьбы <в> в других южнорусских говорах, приведены С. И. Котковым и Г. А. Хабургаевым.

Пропуск *в* в положении перед согласными в середине и начале слова отмечается в текстах белгородского, елецкого и курского (в курских текстах только в середине слова) происхождения (например, *Етеха Губина, в себростве* (= в себровстве), *на Кушинном колодези, здѣлана болшомъ кабаѣ, две нуки Фетин(ья) Акулина* и др.) [Котков 1963: 95], и это может свидетельствовать о наличии [ў] в качестве реализации <в> в позиции перед последующим согласным. В положении начала слова — в предлогах, приставках и на месте анлаутного корневого согласного — весьма распространена мена *у/в*. Примеры, приводимые С. И. Котковым, многочисленны, локализация текстов, из которых они извлечены, такова: Болхов, Елец, Курск, Ливны, Мценск, Новосиль, Обоянь, Орел, Оскол, Рыльск, Путивль, Чернавск [там же: 97–101]. «Во взаимной мене *у* и *в* обыкновенно, и с полным основанием, находят указание на сближение *у* и *в* — на *в* билабиальное», — писал С.И. Котков [там же: 96]. Иное мнение по этому поводу высказал Г. А. Хабургаев. Он полагал, что буквой *у*, писавшейся на месте орфографически нормативного *в* в начале слов перед согласными, обозначался слоговой гласный [у], который мог произноситься как после согласного, так и после гласного предшествующего слова [Хабургаев 1967: 170]. Написания же типа *в моего* (то есть с *в* на месте *у*) отражают неслоговой [ў], звучавший первоначально после гласного предшествующего слова перед согласным только на месте [w], а затем — и на месте старого слогового [у] [см. там же: 171]. Поскольку единого мнения по поводу того, что стояло за достаточно регулярными случаями мены *у/в* в начале слова, которыми, по выражению С. И. Коткова, «пестрит вся южнорусская письменность XVII столетия» [Котков 1963: 96], не выработано, на приводимой ниже карте (№ 17 «Реализация фонемы <в>») применительно к южнорусским говорам будет использован знак, под которым подразумевается то, что за меной *у/в* может стоять воплощение фонемы <в> в начале слова как в [ў], так и в [у].

7.12. Предлог *у**в*

В текстах великолукского и смоленского происхождения первой половины XVII в., созданных на территориях, говоры которых и поныне знают наличие предлога *у**в* в соответствии с *у* перед словами, начинающимися с гласных, этот предлог находит достаточно существенное отражение, причем в смоленских текстах зафиксирована и огласовка его в виде *уво* (см. выше, 4.4.1.2.; 6.4.1.2.). В более северных областях западной диалектной зоны современные говоры предлога *у**в* не знают, однако в конце XVI – первой половине XVII в., он там был, наверняка, распространен, так как об этом со всей несомненностью свидетельствуют памятники местной деловой письменности: новгородские, тихвинские и псковские рукописи (см. выше, 1.4.12.; 2.4.1.3. 3.4.1.2.).

Предлог *у**в* на месте *у* отражается и в памятниках южнорусской письменности, происходящих из Тулы [см. Рыбочкина 1970: 7], Белгорода, Ельца, Курска, Ливен, Орла [см. Котков 1963: 102; Хабургаев 1967: 174], Новосила [см. Новицкая 1958: 128]. Елецкие, курские, новосильские и обоянские тексты свидетельствуют о том, что предлог *у**в* мог употребляться и на месте предлога *в* [см. Котков 1963: 103, Новицкая 1958: 128]. Это же явление отражается в брянской отказной книге: *у**в оца своево* [Южн. отк., № 2: л. 677], *уво^оче* [там же: лл. 21, 23, 23об., 25, 25об., 26об., 27].

Имеющийся материал обобщен на карте № 18 «Распространение предлога *у**в* (*уво*)».

7.13. Эпентетическое и протетическое [в]

Данная произносительная особенность находит отражение во многих памятниках письменности XVII в.

Эпентетическое [в] в заимствованных словах отмечается в рукописях, отражающих диалект северо-восточной новгородской периферии (ср.: *к ...кивоту, кову^р, Родивонову, Лего^тте^е, Левани^о*) (см. выше, 2.4.1.2.), собственно новгородский диалект (ср.: *за Ларивоно^н, Ларивонова, Лего^тте^н, Клево^ти^н, за... Родивоновы^н*) (см. выше, 1.4.1.2.), псковские говоры (ср.: *Дивонисо^о снъ, Лего^но^о, Ларивошко 8455–27, Родивоно^о*) (см. выше, 3.4.1.2.), великолукские говоры (ср.: *Ларивоно^в, Лего^но^о, Лего^тте^в с Родивоно^н 137, Родивоно^о*) (см. выше, 4.4.1.2.), торжковские, старицкие, ржевские и тверские говоры (ср.: *Лего^тте^н, Лего^тте^ве^в, Ларивоно^о, Лего^на (Р. ед.), Родиво^н, Родивоно^о*) (см. выше, 5.4.1.2.), смоленский диалект (ср.: *Лего^нид, Лего^нов, Лоривоно^в сынъ, Родивон, Невугодка*) (см. выше, 6.4.1.3.). Таким образом, круг лексики, в составе которой наблюдается эпентетическое [в], достаточно ограничен и повторяется в рукописях разной локализации. В текстах, проанализированных другими исследователями, слова и их производные, где появляется [в] эпентетическое, примерно те же (Леон, Ларион, Леонтеи, Родион, караул, каурый), хотя возможны и некоторые иные случаи (например, курск: *на рѣчки на Ревуте*, ср. *по обе стороны Реута*). Итак, [в] эпентетическое отражается в текстах, написанных в Великом Устюге [см. Сущева 1974: 144], на территории галичского акающего острова [Грехова 1966а: 7], в Рязани [Новопокровская 1956], Калуге [Савченко 1966: 5], Туле [Рыбочкина 1970: 7], Ельце, Курске, Ливнах, Новосиле, Орле, Осколе, Рыльске [Котков 1963: 104, см. также Халанский 1881: 178].

Протетическое [в] также отражается в рукописных источниках, но примеров бывает меньше, нежели примеров на [в] эпентетическое, причем часто встречаются широко распространенные написания типа *вопчи, восьмь, вотчина*, отражающие, по-видимому, лексикализованное явление. Поэтому при картографировании этой особенности такие написания не учитываются, а приниматься во внимание будут более нетривиальные случаи. Так, в тихвинских текстах имеется орфограмма *во^тметина* (см. выше, 2.4.1.2.), в великолукской отказной книге — *вуго^ое* (см. выше, 4.4.1.2.). Более разнообразны данные псковских источников первой половины XVII в.: *во^тчиму, Во^трая губа, во^дѣльные книги, в вод^ѣщико^о... мѣсто, в Востро^оскои уѣздъ* (см. выше, 3.4.1.2.) — и смоленских текстов начала XVII в.: *по вулицам, с вулицы, вотчима, Данила Вострой Сабли* (см. выше, 6.4.1.3.). В вологодских рукописях отмечены написания *вострыи, востреват* [см. Копосов 1971: 11, Копосов 1967: 194], в тексте галичского происхождения — *вострил* [Грехова 1966а: 7]. Имеются примеры и из южнорусских памятников. Ср. — Рязань: *вотчему*, Зарайск: *у озера Вострога* [см. Новопокровская 1956: 10–11], Калуга: *вуголь, Вондреевъ* [см. Савченко 1966: 5], Тула: *с возненным боем, вотчим, вольхи* [см. Рыбочкина 1970: 7], Елец: *въ востатке* [см. Котков 1963: 103], Ромы: *в вувѣч(ѣ)и* [там же], Курск: *в вулицу* [там же], *вотчима* [Хабургаев 1967: 174], Брянск: *о^т вусте^н рѣчки* [Южн. отк., № 2: л. 580об.].

Материал этого раздела представлен на карте № 19 «Эпентетическое и протетическое [в]».

7.14. Фонема <ф> и ее замены

Замена фонемы <ф> в заимствованных словах на другие фонемы или сочетания фонем относится к кругу тех фонетических явлений, которые достаточно легко находят отражение в орфографии в случае, если данное явление распространено в диалекте, носитель которого является составителем текста, относящегося к тому или иному жанру деловой письменности. В частности, буквенные замены *ф* на *х*, *хв*, *хф* и *п* широко представлены в памятниках южнорусского происхождения, причем встречаются они в самых разнообразных лексемах, преимущественно в именах собственных.

Замены **ф** на **х** (напр., *Анохоеи, Анчихорова, в хевроли, Ехимка, Митроханов, Похнутия, Сохрошко, Трохимом, Холимон, Хролка*) имеются в текстах из Ельца, Кром, Курска, Новосили, Старого Оскола, Севска [Котков 1963: 87; Новицкая 1958: 131], Рязани [Галкина 1961: 13; Новопокровская 1956: 10], Калуги [Савченко 1966: 5], Тулы [Рыбочкина 1970: 7], Воронежа [Жарких 1953: 10], Смоленска (см. выше, 6.4.1.2.). Замены **ф** на **хв** (напр., *Агахвица, Анохврейка, Гарохвена, Мархва, Мархвутку, Микхвор, Микхъвора, Молохвъя, Прокохвея, Сохонов, Трохвин, Хватъи, Хведотка*) отмечены в рукописях следующей локализации: Елец, Курск, Ливны, Новосиль [Котков 1963: 87-88; Новицкая 1958: 131], Калуга [Савченко 1966: 5], Тула [Рыбочкина 1970: 7]. На месте **ф** встречается **хф** (напр., *Ерохфеи, Никихфора, Охфим(ь)ицу, сорохфанами*) в текстах из Кром, Новосили [Котков 1963: 88], Воронежа [Жарких 1953: 10]. И, наконец, замены **ф** на **п** (напр., *Агапонов, Апросин(ь)я, Гапон, Сопрон*) отмечены в рукописных источниках, происходящих из Ельца, Курска, Новосили, Оскола, Севска, Старого Оскола [Котков 1963: 88], Смоленска (см. выше, 6.4.1.2.). Следует, впрочем, сказать, что замены **ф** на **п** далеко не так частотны, как предыдущие, так что можно думать, что уже в XVII веке они сохранялись в говорах реликтивно, отражая не живой процесс, а свидетельствуя о наличии замены [ф] на [п] в далеком прошлом.

Замена **ф** на **х** и **хв** имеется и в текстах брянского происхождения: *с сына^н А^нхи^нка^н* [Южн. отк., № 2: л. 305об.], *Охре^нка* (Р. ед.) [там же: л. 515об.], *со Огахею* [там же: л. 673об.], *Оста^невъ* [там же: л. 674], *Хо^нянова* (Р. ед.) [там же: л. 25], *съ Ха^не^нкою* [там же: л. 735об.] *со^н довою Ора^нвеною* [там же: л. 516].

В рукописях других регионов замены **ф** на **х**, **хв**, **хф**, **п** либо не отмечается совсем (например, в вологодских текстах [см. Копосов 1967 193], в рукописях, отражающих акающие говоры галичского ареала [Грехова 1966а: 6], в нижегородских памятниках деловой письменности [Семенова 1973: 12], в текстах собственно новгородского происхождения (см. выше, 1.4.1.3.), в великолукских источниках (см. выше, 4.4.1.3.) и в текстах торжковского, старицкого и ржевского происхождения (см. выше, 5.4.1.3.), либо примеры такой замены встречаются лишь в единичных случаях на фоне регулярного употребления букв **ф** и **ѣ** в заимствованных словах.

Так, в текстах тихвинского происхождения буква **х** употреблена вместо **ф** только два раза: *Пахну^ню, У^нтюские волости* (см. выше, 2.4.1.3.). Лишь два случая замены **ф** на **х** обнаруживаются в псковских рукописях (*Малахеика* (В. ед.), *с ХошкомЪ*), и там же отмечен один случай замены **ф** на **п**: *Сопрон^но* (см. выше, 3.4.1.3.). Одно написание с **х** вместо **ф** найдено в тверской отказной книге (*Ховро^ница*) (см. выше, 5.4.1.3.).

Сравнение с данными современной лингвистической географии показывает, что отсутствие либо малое количество примеров замены **ф** на **х**, **хв**, **хф** фиксируется в текстах, написанных на тех территориях, говоры которых в настоящее время либо не знают произношения [х], [хв] на месте <ф>, либо знают его в единичном распространении (исключение составляют великолукские рукописи, в которых буквенной замены **ф** на **х**, **хв** нет, тогда как для местных говоров звуковые замены <ф> до сих пор характерны).

В рукописных источниках помимо описанной выше буквенной замены часто встречается и обратная замена — **х**, **хв** на **ф**, причем отмечается она не только в тех текстах, где имеются замены **ф** на соответствующие буквы, но и в памятниках, не знающих этого явления.

Большой материал из текстов, представляющих южнорусское наречие, приводит С.И. Котков. Разнообразные написания (например, *фалятсѣ, Пофомов, форошту, Фмелевской, фмелевая лоза, Фостовъ, уфотили, на лъвом пофу, с теми пофатоньми дѣвками* и т. д.) зафиксированы в документах следующей локализации: Белгород, Белев, Брянск¹², Воронеж,

¹² Ср. также примеры из брянской отказной книги первой половины XVII века: *Пофиснева* (Р. ед., фамилия) [Южн. отк., № 2: л. 304об.], *Пофисневы^н* [там же: л. 305об.] (ср.: *По^нви^нева* [там же: л. 574], *в Фоценской волости* [там же: л. 979об.], *у Фоце^нско^н волости* [там же: л. 304], *да (=до) Фоце^нско^н дароги* [там же: л. 446] и др.

Курск, Ливны, Новосиль, Орел, Острогжск, Севск, Чертавск [Котков 1963: 90-91]. Другие исследователи южнорусского рукописного наследия XVII века также отмечают замены *х, хв* буквой *ф*, находя их в текстах курского [Хабургаев 1967: 175], новосильского [Новицкая 1958: 131], воронежского [Жарких 1953: 10], тульского [Рыбочкина 1970: 7], калужского [Савченко 1966: 5] и рязанского [Галкина 1961: 13; Новопокровская 1956: 10] происхождения.

Как было показано выше (см. 6.4.1.2.), имеются случаи употребления *ф* на месте *х, хв* в «Памятниках обороны Смоленска 1609-1611 гг.»: *Ареф, у Пофюма, Пофюмов, на Уфлин(ь)ю, выфотя из рукъ*.

В рукописях из Тихвинского Успенского и Александра Свирского монастырей замена *ф* на *х* встречается в двух словах: *Футыня м(о)н(а)т(ы)ря, Ефтифе* (см. выше, 2.4.1.1.), в тверской отказной книге — в одном слове: *Понафидину, Понафидина* (см. выше, 5.4.1.3.). В псковских рукописях пример всего один — *Ефтифеева сна* (см. выше, 3.4.1.3.), равно как и в великолукских — *Пофо"ка* (см. выше, 4.1.3.) и ржевских — у *Федора Орефина* (см. выше, 5.4.1.3.). В новгородских текстах их больше: *Футыня м(о)н(а)т(ы)ря, за футынскимъ кр(е)т"ьянино", Орефина, Тифи"ское* (см. выше, 1.4.1.3.).

Замена *ф* на *х, хв* и *п*, несомненно, носит фонетический характер и отражает соответствующее языковое явление. При интерпретации же обратных замен (*х, хв* на *ф*) необходима большая осторожность, поскольку за ними могут стоять как языковые факты (отражение произношения [ф] на месте [х], [хв], возникшее гиперкорректным путем в результате усвоения фонемы <ф>), так и обычная орфографическая гиперкоррекция. Поэтому приводимые ниже карты — № 20 «Замена <ф> на другие фонемы и сочетания фонем» и № 21 «Написание буквы *ф* вместо *х, хв* в рукописях XVII в.», — как это видно из их названий, строятся на разных принципах.

7.15. Отражение в рукописных источниках качества звонкой заднеязычной фонемы

Столь яркая диалектная черта, как фрикативное или взрывное качество звонкой заднеязычной фонемы, в огромном количестве древних текстов не отражается [см. об этом: Хабургаев 1967: 169], и поэтому карту распространения [г] взрывного и [γ] фрикативного приходится строить на ограниченном материале тех рукописей, где качество звонкого заднеязычного все же находит хотя бы некоторое проявление. Напомним, что отражением взрывного [г] считается мена букв *г* и *к*. Как правило, она появляется в позициях оглушения, но, конечно же, нельзя забывать о том, что есть такие диалекты, в которых при взрывном [г] в сильных позициях на конце слова происходит оглушение в [х]. Отражением же [γ] является буквенная мена *г* — *х*, пропуск *г* и прибавление начального *г* в словоформах типа *в гево*¹³.

Взрывное [г] находит непосредственное проявление в рукописях тихвинского (см. выше, 2.4.2.1.) и псковского (см. выше, 3.4.2.1.) происхождения и косвенное — в новгородских текстах (см. выше, 1.4.2.1.). Написание *к* вместо *г* на конце слова (*стяк ... мяса*) в одной из шуйских рукописей приводит Г. С. Ворошилову к выводу о наличии [г] в шуйских говорах [см. Ворошилова 1955: 8].

В южнорусских текстах факты отражения качества звонкой заднеязычной фонемы — а именно [γ] фрикативного — более многочисленны. Они присутствуют в рязанских [см. Галкина 1961: 14], калужских [см. Савченко 1966: 5], тульских [см. Рыбочкина 1970: 7], воронежских [см. Жарких 1953: 10] источниках. Разнообразные свидетельства наличия [γ]

(в этом слове часто) (ср. *в Хвоще"ско" волости* [там же: л. 574об.], *село Фо"ня, в село Фо"ню* [там же: л. 673об.]).

¹³ Впрочем, ср. приведенную выше трактовку написаний типа *пригъхали* в почерке одного из писцов тихвинских деловых документов как отражение взрывного [j] (см. 2.4.3.).

фрикативного на обширной южнорусской территории, приводит С. И. Котков¹⁴, упоминая рукописи, происходящие из Белгорода, Белева, Болхова, Ельца, Кром, Курска, Ливен, Ново-силя, Обояни, Орла, Оскола, Острогожска [см. Котков 1963: 121–122].

Есть свидетельство наличия [γ] в брянском говоре первой половины XVII в.: замена х на г в слове «неслух»: *назвае^т на^с холопеи твои^х все^х и^мѣ^нниками и неслугами* [Южн. челобитн., № 9: л. 291], *назвае^т измѣ^нниками и неслугами* [там же: л. 293].

Неоднозначная картина вырисовывается при анализе «Памятников обороны Смоленска 1609–1611 гг.». Встреченные там написания свидетельствуют о наличии, с одной стороны, [γ] фрикативного (*с пуховицы*), а с другой сторон — о наличии [г] взрывного (*восмьдесят сермяк белых и черных, три армяги, Серкейка, кники, с укрозами*). Это говорит о том, что в первой половине XVII в. исконно северная черта — [г] взрывное в смоленских говорах была еще достаточно распространена (наряду с инновацией южнорусского происхождения — [γ] фрикативным) (см. выше, 6.4.2.1.).

Весь имеющийся материал представлен на приводимой ниже карте № 22 «Отражение рукописными источниками XVII в. качества звонкой заднеязычной фонемы».

7.16. Качество шипящих <ш> и <ж>

Часть рукописных источников XVII века дает несомненные свидетельства твердости шипящих. Такой вывод делается на основании наличия написаний с сочетаниями *шы, жы* и полного отсутствия написаний с сочетаниями *шя, жя, шю, жю*. Данные этого типа имеются в текстах, созданных на территории северо-восточной новгородской периферии (см. выше, 2.4.4.), в Пскове и его окрестностях (см. выше, 3.4.3.), в Великом Устюге [см. Сущева 1974: 101–102]¹⁵, в Шуе [см. Ворошилова 1955: 8], Волоколамске [см. Иванов 1953: 8], Рязани [см. Галкина 1961: 14] и Воронеже [Жарких 1953: 10].

С другой стороны, есть такие рукописи, в которых представлены сочетания *шя, жя, шю, жю*, что наталкивает на мысль о том, что в первой половине XVII в. шипящие в соответствующих диалектах могли быть еще мягкими. Такое соображение подкрепляется тем фактом, что в недавнем прошлом именно в этих диалектах фиксировались мягкие [ш'], [ж'], а ныне наблюдается [е] не перешедшее в [о] в позиции перед шипящими (уже отвердевшими). В зависимости от количества написаний с *шя, жя, шю, жю*, а также от наличия или отсутствия наряду с ними написаний *шы, жы* можно делать выводы о том, сохранялась ли мягкость шипящих реликтивно или же была еще достаточно характерным явлением для говора.

Начнем с тех диалектов, для которых реконструируется **реликтовое сохранение мягкости шипящих** при сформировавшемся их твердом произношении. Таковы великолукские говоры первой половины XVII в. (см. выше, 4.3.4.). Сходную, но не идентичную картину отражают вологодские памятники деловой письменности. При том что в текстах конца XVI – первой половины XVII в. присутствуют лишь орфограммы с *ы* после *ж*, и фиксируются они в большом количестве, сочетание *жю* не встречено ни разу, но оно имеется в более раннем документе, датированном 1562 годом. Несколько по-другому выглядит ситуация с употреблением букв гласных после *ш*. При наличии форм с сочетанием *шы* (которых, впрочем меньше, чем форм с *жы*) в рукописи 1617 года отмечено сочетание *шю* (*шюбу, в Шюиском*), и это приводит Л. Ф. Копосова, исследовавшего данные тексты, к выводу о том, что [ш] отвердевало позднее, чем [ж], так что в первой половине XVII в. еще наблюдалась остаточная мягкость [ш'] [Копосов 1967: 191].

¹⁴ Правда, не все из примеров С. И. Коткова показательны, на что указал в свое время Г. А. Хабургаев [см. Хабургаев 1967: 168], но следует признать, что непоказательных примеров совсем немного и приводятся они на фоне достаточного количества неоспоримых случаев.

¹⁵ Впрочем, в одном из великоустужских документов зафиксировано не совсем понятное написание *во ржю* при наличии написания *ржы* [см. Сущева 1974: 101].

С. И. Котков находит написания с сочетаниями *шя, жя, шю, жю*, впрочем, сравнительно малочисленные, в текстах первой половины и середины XVII века, написанных в Ельце, Курске, Новосиле, Осколе, и считает их указанием на реликтовую мягкость шипящих, причем в подтверждение этого вывода он ссылается, во-первых, на тот немаловажный факт, что в более поздних источниках, датируемых концом XVII и первой четвертью XVIII вв., подобные написания уже полностью отсутствуют, и во-вторых, на наличие в современных южнорусских говорах некоторых случаев неперехода [е] в [’о] перед шипящими [см. Котков 1963: 105–106]. Естественно, в южнорусских памятниках встречаются и орфограммы, за которыми усматривается твердость шипящих (*жывота, нашыми* и др.). С. И. Котков приводит примеры только из некоторых рукописей (их локализация — Елец, Кромы, Курск, Ливны, Новосиль) [там же: 107], но очевидно, что и в остальных южнорусских диалектах твердые шипящие уже присутствовали. Во всяком случае, подобная ситуация — явная твердость [ш] и [ж] при реликтовом сохранении мягких [ш’] [ж’] — восстанавливается по данным брянских текстов делового содержания первой половины XVII в.:

по коне” ... межсы [Южн. отк., № 2: л. 103об.], *прожыточное* [там же: л. 662об.], *не по”жыга”* [там же: лл. 516, 520об.], *по” се”ца Жылв”ки* [там же: л. 516об.], *по” се”ца Жыле”ки* [там же: л. 521], *села Бержы”* [там же: л. 665об.].

за нашу ... вину [Южн. челобитн., № 9 — 291].

Следует заметить, что в работе С. И. Коткова приводятся данные из более ранних брянских текстов — конца XVI в., где отражение мягкости [ш’] и [ж’] встречается чаще: *по рубежю, з деревнею з Журиничи, по своему рубежю* [Котков 1963: 105], что может свидетельствовать о том, что в этот период мягкие шипящие были распространены шире, чем несколько десятилетий спустя.

Г. А. Хабургаев подверг критике выводы С. И. Коткова о реликтовом сохранении мягкости шипящих в южнорусских говорах первой половины XVII века, говоря, что написаниям с сочетаниями *шя, шю, жя, жю* не следует приписывать фонетического значения. Он полагал, что, если бы в южнорусских говорах хотя бы реликтивно сохранялась мягкость [ш’] [ж’], в местных текстах непременно присутствовала бы мена букв *ш* и *ч*, поскольку на юге распространена утрата затвора аффрикатой [ч’], так что на ее месте слышится [ш’] [Хабургаев 1967: 175–177]¹⁶. Эта аргументация, впрочем, может быть оспорена, поскольку известно, что диалектные явления, связанные с судьбой аффрикат, по каким-то причинам практически не находят отражения в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв. Это касается цоканья, о чем говорилось выше (см. 1.4.5.), и утраты затвора аффрикатой [ц], явлении, широко представленном в южнорусских говорах, но отражающемся в рукописных источниках XVII в. южного происхождения абсолютно единично, причем имеющиеся примеры не слишком надежны (*Асифорка, Ансифора* от имени Анцифор и *Сарябин* — фамилия, которая, возможно, связана с диал. [сар’абат’], т. е. «царапать») [см. Котков 1952: 51].

В конце XVI — первой половине XVII в. существовали, должно быть, и такие диалекты, где процесс отвердения шипящих как раз шел, то есть мягкие [ш’] и [ж’] еще были достаточно употребительны, но распространились уже и твердые [ш] и [ж].

Возможно, отвердение шипящих происходило в этот период в новгородском диалекте при том, что могли сохраняться и мягкие шипящие (см. выше, 1.4.3.). В нижегородских рукописях XVII века отражается и мягкость, и твердость шипящих (*по ушям, шюбных, прошю, кожю, Жюков, к чертьежю, не положя — сложыл, жытели, приложыл, ржсы, межсы*) [см.

¹⁶ И действительно, С. И. Котков обнаружил только один пример написания *ш* вместо *ч* в исследованных им южнорусских памятниках: *два озера Шуш(ь)я да Баб(ь)я* (брянский текст 1595 г.) [Котков 1963: 110]. Речь идет об озере под названием Щучье, ср.: *озе”ко Щу”я* [Южн. отк., № 2: л. 982об.].

Семенова 1973: 11]. Равным образом в процессе отвердения находились шипящие в калужских говорах XVII в. (ср. написания, извлеченные из местных рукописей: *пашют, сижю, шюба, рубежю, вустошы, жывыми*) [см. Савченко 1966: 5].

Имелись, видимо, и такие диалекты, где шипящие были преимущественно мягкими, и процесс их отвердения еще только начинался. Подобная ситуация присутствовала в смоленских говорах первой половины XVII века, поскольку в местных рукописях преобладают сочетания *шы, жя, шю, жю*, а написание *жы* встречено только в формах *ржы, аржы*, так что можно думать, что позиция в труднопроизносимом сочетании после твердого [р] была первой, в которой шипящие начинали отвердевать (см. выше, 6.4.3.). Сходная картина вырисовывается по показаниям тульских текстов XVII века: при написаниях типа *сижю, наша ы* после букв шипящих отмечается в форме *ржы*. Свидетельством того, что <ш> и <ж> в тульских говорах действительно отвердевали столь поздно, является тот факт, что мягкие шипящие кое-где отмечались в пределах Тульской губернии в начале XX века [см. Рыбочкина 1970: 8]. Аналогичной представляется ситуация, имевшая место в галичских акающих говорах. По наблюдениям Л. П. Греховой в XVII в. процесс отвердения шипящих еще не завершился, поскольку в местных рукописях есть написания с сочетаниями *шю, жю*, а пример с *шы* только один (*допрашываны*) [см. Грехова 1966а: 6].

Заслуживающие доверия свидетельства мягкости [ш'] и [ж'] обнаружены в тверской отказной книге (см. выше, 5.4.3.) и некоторые не совсем надежные указания на мягкость [ш'] имеются в текстах новоторжского происхождения (см. там же).

Таким образом, в первой половине XVII в. применительно к качеству шипящих <ш> и <ж> на лингвистической карте вырисовывалась еще довольно пестрая картина (см. ниже, карта № 23 «Качество <ш> и <ж>»), и ситуация не была идентична той, которая имеет место сейчас.

7.17. Качество долгих (сложных) шипящих согласных

В памятниках письменности отражение долгих (или сложных) шипящих встречается достаточно часто, хотя обычно материала, позволяющего судить о качестве глухого шипящего, бывает больше, нежели материала, который дает возможность делать заключения о качестве звонкого шипящего.

Выводы о том, как произносился глухой долгий (или сложный) шипящий, делаются на основании: а) наличия сочетаний буквы *щ* с *я, ю* или с *ы*, б) замены *щ* на *шиш*, в) написания *щ* для обозначения [ш̄], появляющегося на стыке морфем, г) взаимной мены букв *ш* и *щ* (в том случае, если восстановлено качество нормально краткого шипящего), д) использования сочетания *шч*, е) употребления буквосочетаний *шт, щт*. Произношение звонкого долгого (или сложного) шипящего восстанавливается, если в рукописных источниках есть: а) сочетания *зжя, зжю, жжя, жжю* или *зжы, жжы*, б) написания с *жс* на месте звонкого долгого шипящего (в том случае, если восстановлено качество краткого звонкого шипящего), в) буквосочетания *жд* или *ждж*.

Долгий (или сложный) глухой шипящий

В новгородском диалекте конца XVI – первой половины XVII в., судя по показаниям исследованных рукописных источников, долгий глухой шипящий мог произноситься двояко: как [ш̄] и как [ш'̄] (см. выше, 1.4.4.). Такая же картина восстанавливается для великолукских говоров (см. выше, 4.4.4.). Три варианта произношения реконструируются для тверского диалекта: [ш̄'] [ш'ч'] и [ш'т'] (см. выше, 5.4.4.). Только один вариант — [ш̄] — отражен в рукописях, происходящих из Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей (см. выше, 2.4.5.); эта же реализация долгого глухого шипящего была и в псковских

говорах первой половины XVII в. (см. 3.4.4.). Произношение глухого сложного шипящего как [ш'т'] было представлено в торжковском и ржевском говорах (см. выше, 5.4.4.). Долгий шипящий [ш'] имелся в смоленском диалекте, причем, скорее всего, в сосуществовании с [ш'ч'] (см. выше, 6.4.4.).

Твердый [ш'] произносился в XVII в. в вологодских [см. Копосов 1967: 192], великоустюжских [см. Сушева 1974: 102, 141–142], шуйских [см. Ворошилова 1955: 8], волоколамских [см. Иванов 1953: 9], рязанских [см. Галкина 1961: 14; Новопокровская 1956: 11] и воронежских [см. Жарких 1953: 10] говорах. В ряде рукописных источников обнаруживаются данные, позволяющие заключить, что в местных говорах могли сосуществовать разные типы долгих (или сложных) шипящих согласных. Ср. данные нижегородских текстов XVII в.: *по прозвищу, помещицкою земли, погонцыки* [см. Семенова 1973: 11], которые свидетельствуют о возможном сосуществовании вариантов [ш'], [ш'ч'] и [ш̣]. Наличие двух реализаций — [ш'] и [ш̣] — восстанавливается для говоров тульских (ср.: *селища, пицьяль — товарищы*) [Рыбочкина 1970: 8], калужских (ср. *к усадищу — села Роцы*) [Савченко 1966: 5] и курских (ср. *к усадищу, готища* (от «гать») — *товаришы, в помѣстишы*) [Котков 1963: 106–107]. Не совсем ясной представляется ситуация, существовавшая в галичских акающих говорах. Л. П. Грехова, исследовавшая соответствующие рукописи, приводит примеры замены *ш* на *ш* (*холшовых, товариши, клеши, яшек*) и заключает, что за ними стоит произношение [ш̣], хотя в той же работе она пишет о том, что процесс отвердения нормально кратких шипящих еще не завершился, так как имеются написания с сочетаниями *шю, жю* [см. Грехова 1966а: 6]. Поэтому приводимые примеры не могут служить доказательством произношения именно твердого звука, но свидетельствуют только о том, что глухой шипящий был долгим ([ш̣] или [ш'']), а не сложным. К такому же заключению приводит написание оскольского происхождения *помещики* [см. Халанский 1881: 178], а также — *поп Васильеша* (Болхов), *прозвиша* (Елец) [см. Котков 1963: 107]. Аналогичный вывод приходится делать на основании материала брянских текстов первой половины XVII в., где, с одной стороны, имеются свидетельства как твердости, так и остаточной мягкости кратких шипящих, а с другой стороны, отмечаются написания с меной букв *ш* и *ш*: *пустоще*^н [Южн. отк., № 2: л. 150б.], *в щесоть в ня^мдеся^м четвѣ^етеи* [там же, л. 735], *Ме^нщи^к Семено^е* [там же, л. 304об.], *разшири^н* [Южн. челобитн., № 9: л. 292], *усадиша* [Южн. отк., № 2: л. 734], *к усудишу* (sic) [там же: л. 734]. Ср. также: *е^нщю* [там же: л. 665об.].

Долгий (или сложный) звонкий шипящий

В новгородском диалекте конца XVI – первой половины XVII в., судя по показаниям памятников местной деловой письменности, сосуществовали два варианта произношения — [ж̣] и [ж'д'] (или [жд']) (см. выше, 1.4.4.). В тверском говоре первой половины XVII в. также были две или даже три разновидности — [ж̣^н], [ж'д'] и, быть может, [жд] (см. выше, 5.4.4.). Для диалекта северо-восточной новгородской периферии восстанавливается один вариант — [ж̣] (см. выше, 2.4.5.). Долгий твердый шипящий, несомненно, был характерен и для псковского диалекта первой половины XVII в., но, возможно, там имелся и вариант [жд'] (см. выше, 3.4.4.). Смоленские говоры начала XVII в. знали только [ж̣'] (см. выше, 6.4.4.). В великолукском диалекте произношение было вариативным. Звонкий шипящий мог быть, с одной стороны, долгим — [ж̣] или [ж̣'] (точно определить твердость или мягкость невозможно), а с другой стороны, сложным — [жд'] (см. выше, 4.4.4.).

Твердым был долгий шипящий в рязанском диалекте XVII в. [см. Галкина 1961: 14; Новопокровская 1956: 11], в волоколамских говорах [см. Иванов 1953: 9]. На наличие мягкого [ж̣'] указывают курские рукописи (ср.: *въезжати*) [Котков 1963: 106]. Неясно, какого качества — твердым или мягким — был звонкий шипящий в шуйских говорах, но предположительно он являлся долгим, а не сложным (ср.: *приежал*) [Ворошилова 1955: 8].

Сосуществование разных произносительных вариантов наличествовало, по-видимому, в нижегородских и вологодских говорах. Так, написания *приежжял, приѣзжывал, приеждял* из нижегородских рукописных источников свидетельствуют о возможности произношения [ж'], [ж] и [жд'] [см. Семенова 1973: 11]. Примеры из вологодских текстов — *от проежжые улицы, дрожданных денег* [Копосов 1971: 9], *розеждие, трои вожди, трои вожджж* [Копосов 1967: 192] — позволяют заключить, что в местных говорах первой половины XVII в. сосуществовали варианты [ж], [жд], [жд'] и [ждж]. Великоустюжские тексты того же периода материала по данному вопросу не дают [см. Сущева 1974: 142].

Описанная картина отражена на картах № 24 «Качество долгого (или сложного) глухого шипящего» и № 25 «Качество долгого (или сложного) звонкого шипящего».

7.18. Качество аффрикат

Во всех рукописях, проанализированных в предыдущих шести главах, отражается твердость [ц], которая находит проявление в написаниях с сочетанием *цы*, и мягкость [ч'], отражающаяся буквосочетаниями *чя, чю* (см. выше, 1.4.5.; 2.4.6.; 3.4.5.; 4.4.5.; 5.4.5.; 6.4.5.). Аналогичные данные извлекаются и из рукописных источников, проанализированных другими исследователями. Отвердевшее [ц] отражается в рукописях переславль-залесских [см. Ростовцева 1969: 22], тульских [см. Рыбочкина 1970: 8], нижегородских [см. Семенова 1973: 11], волоколамских [см. Иванов 1953: 8], галичских [см. Грехова 1966а: 6], великоустюжских [см. Сущева 1974: 104] и многочисленных южнорусских текстах, исследованных С. И. Котковым, который замечает, что написания с *цы* фиксируются в них, начиная с 80-х годов XVI века, то есть со времени появления самых ранних сохранившихся местных рукописей, и являются нормой в течение всего XVII столетия (примеры приводятся из текстов, написанных в таких городах, как Болхов, Брянск, Елец, Курск, Ливны, Новосиль). Встречающиеся же в южнорусской письменности написания с сочетанием *ци* С. И. Котков трактует как традиционные [Котков 1963: 110–111]. Обратную трактовку соотношения написаний с *ци* и *цы* находим в работе Л. Ф. Копосова, посвященной анализу вологодских рукописей. Он полагает, что редкие случаи написания *ци* передают мягкость свистящей аффрикаты, а обычное сочетание *цы* объясняется грамотностью писцов и не отражают устной речи местных уроженцев [Копосов 1967: 192] (ведь в вологодских говорах и сейчас присутствует мягкое цоканье). В связи с наличием этой точки зрения на приводимой ниже карте значок, символизирующий твердое [ц] в вологодских говорах, будет сопровождаться знаком вопроса.

Что касается отражения мягкости [ч'], то здесь никаких противоречий между исследователями в трактовке написаний с сочетаниями *чя, чю* не имеется, и наличие мягкого [ч'] реконструируется для рязанских [см. Галкина 1961: 14], калужских [см. Савченко 1966: 5], тульских [см. Рыбочкина 1970], оскольских [см. Халанский 1881: 178], нижегородских [см. Семенова 1973: 11], волоколамских [см. Иванов 1953: 8], вологодских [см. Копосов 1967: 192], галичских [см. Грехова 1966а: 6] и великоустюжских [см. Сущева 1974: 103] говоров, а также для диалектов, представленных белгородскими, брянскими, елецкими, курскими, новосильскими, обоянскими, оскольскими, рыльскими рукописями [см. Котков 1963: 109].

На приводимой ниже карте № 26 «Качество аффрикат <ц> и <ч>» отмечаются области, где, судя по имеющимся данным, в XVII в. были распространены [ц] твердое и [ч'] мягкое.

7.19. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных

В ряде южнорусских текстов достаточно свободно отражается прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных (вернее, только [к]) в позиции после различных по своему статусу в системе консонантизма звуков. Исключительно после букв, обозна-

чающих парные по твердости-мягкости согласные, данное явление отражено в рукописях рязанского (ср. с *Васкею*, с *Ларкею*, *Филькя*, *Васкя*) [Галкина 1961б: 14] и тульского (ср. с *Филкею*, *Афонкя*, *сколке*, *Кузкя*, *Донкю*) [Рыбочкина 1970: 8] происхождения, а также, судя по материалу, приводимому С.И. Котковым, в оскольских (ср. *емицк Ельке Денисавъ*, на *тог(о) Елькю*) текстах [Котков 1963: 126]. Как было показано выше (6.4.2.3.), переходное смягчение [к] после парных по твердости-мягкости согласных характеризовало в начале XVII в. смоленский диалект (ср.: *Манкя* (3 р.), *Водкя*, *Понкя*, *Тренкя*, *Аедкя*).

Есть в то же время памятники делового письма, показания которых свидетельствуют о том, что прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] осуществлялось не только в позиции после парных по твердости-мягкости согласных, но и после [j]. Таковы данные курских, воронежских и брянских текстов первой половины XVII в. Ср. курск. *жеребенкя*, *кобылу... на верхней губе беленкя*, *Ескя*, *сколькя*, *Лункя* — *Евъськя*, сынам *Алексъскям* [Котков 1963: 125]; воронежск. *Лунькя*, *Тренькя*, *Волотькя*, *Панькя*, *Сенькя* [Южн. отк., № 3: лл. 86об.—88об.] — *Черньфкя* (sic) [там же, л. 88], *стоикю*, *за стоикю* [Котков 1963: 125]; брянск. *Фе^дкя* [Южн. отк., № 2: л. 48об.], с *Ми^ткя^м*, с *Лд^ткя^м* [там же, л. 106об.], с *Васкямъ* [там же, л. 135об.], *Тре^ткя* [там же, л. 400об.], с *Воло^дкею* [там же, л. 555], с *Ку^ткя^м* [там же, л. 555об.] и др. — с *Моисеке^м* (sic) [там же, л. 1143об.], д(е)р(е)^вни *Миле^ткява* [там же, л. 557об.].

Имеются и такие рукописи, где отражается прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] не только в упомянутых выше категориях случаев, но и после [ч']. Таковы данные елецких и новосильских текстов. Ср. елецк. *Феткя*, *Афонкя*, *Иванкя*, *Ларкя*, *Пронкя*, *Степанкя*, *Миткя*, *Филкя* — *Евъфкя*, *Фотфкя*, *Исаикя*, *Неустроикя*, *Михашлавы кресьяне Астрфи-кева* — *речкя* [там же: 125-126]; новосильск. *новосилец Волотке Фоустов*, *Кузкя* [там же: 126], *Офо^тке Бочеро^с*, *Фе^дке Гриздо^севъ* [Южн. отк., № 8: л. 46] — *во^дворъ Фолимо^тка да Иса^тке Воси^тевы* [там же, л. 46] — *рѣчкю*, *что впала рѣчке* [там же, лл. 486об., 487], *у козачкя* [Котков 1963: 126].

В ряде рукописей, отражающих говоры более северных областей, отмечаются лексикализованные случаи переходного смягчения [к] в словах *сколькo*, *столькo*, *несколько*. Так, в новгородских текстах первой половины XVII в. имеются написания *ско^тке* и *то^тке* (см. выше, 1.4.2.2.). Большое количество подобных орфограмм найдено в великолукской отказной книге: *ско^тке*, *ско^ткѣ*, *ко^тке*, *то^тке* (см. выше, 4.4.2.1.).

Данные этого раздела отражены на приводимой ниже карте № 27 «Прогрессивное ассимилятивное смягчение [к]».

* * *

Итак, выше были рассмотрены основные фонетические явления, которые находят отражение в большинстве текстов делового содержания XVII в., происходящих из различных областей территории исконного распространения русского языка. Приведенные данные поддаются систематизации и картографированию, так что удалось составить 27 карт, которые помещены в следующем разделе¹⁷.

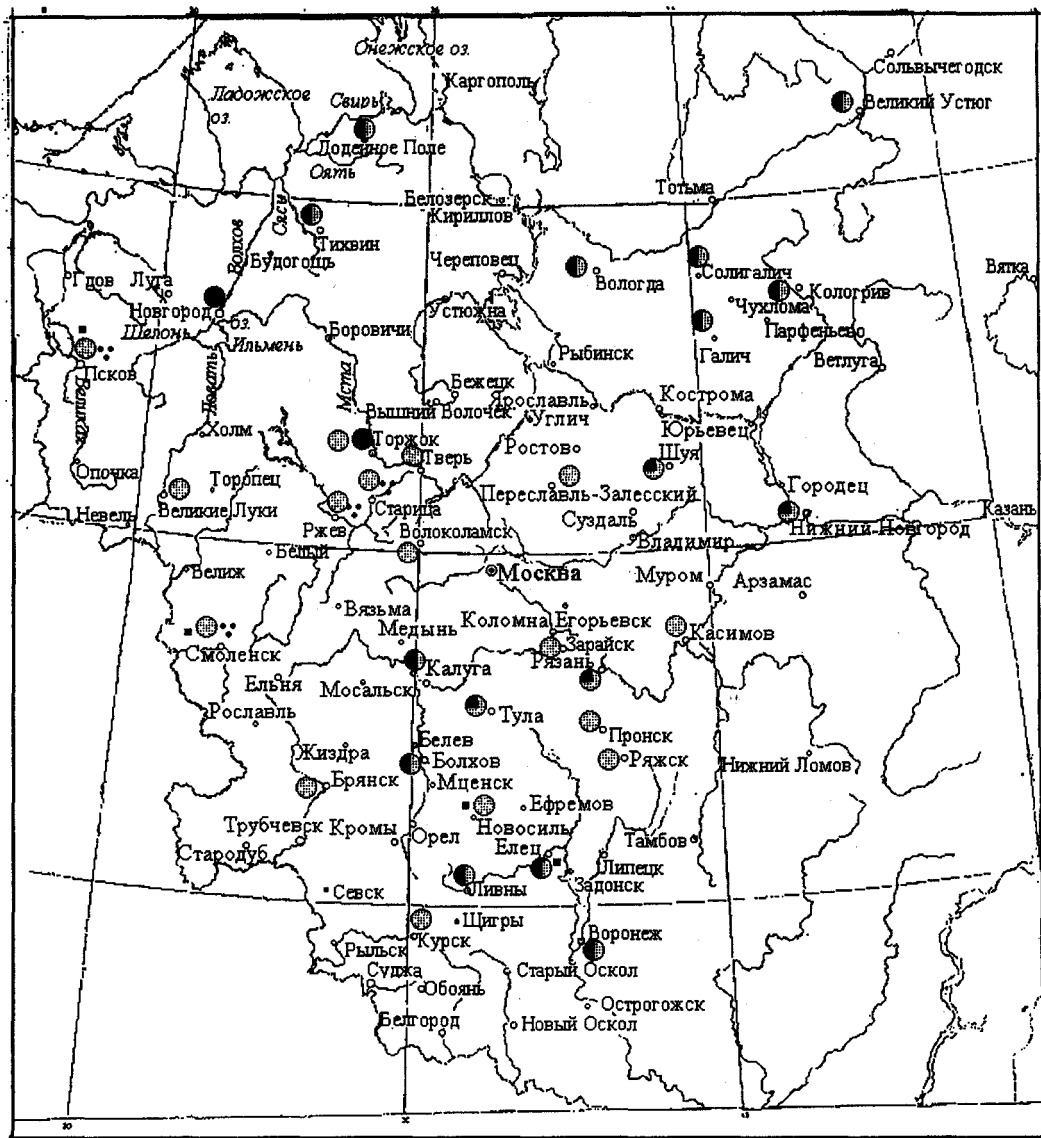
¹⁷ Не были картографированы такие явления, как позиционное оглушение, ассимилятивные и диссимилятивные изменения согласных, а также упрощения групп согласных, поскольку в одних случаях материал текстов разной локализации однообразен (это касается ассимилятивного оглушения согласных), в других же случаях его недостаточно (оглушение согласных в конце слова), а в третьих — он чересчур разнороден и не может быть должным образом систематизирован (диссимиляция и упрощение групп согласных).

7.20. КАРТЫ

Карта № 1

Рефлексы *ё в ударном слоге перед твердыми согласными

(Комментарии см. 7.2.)

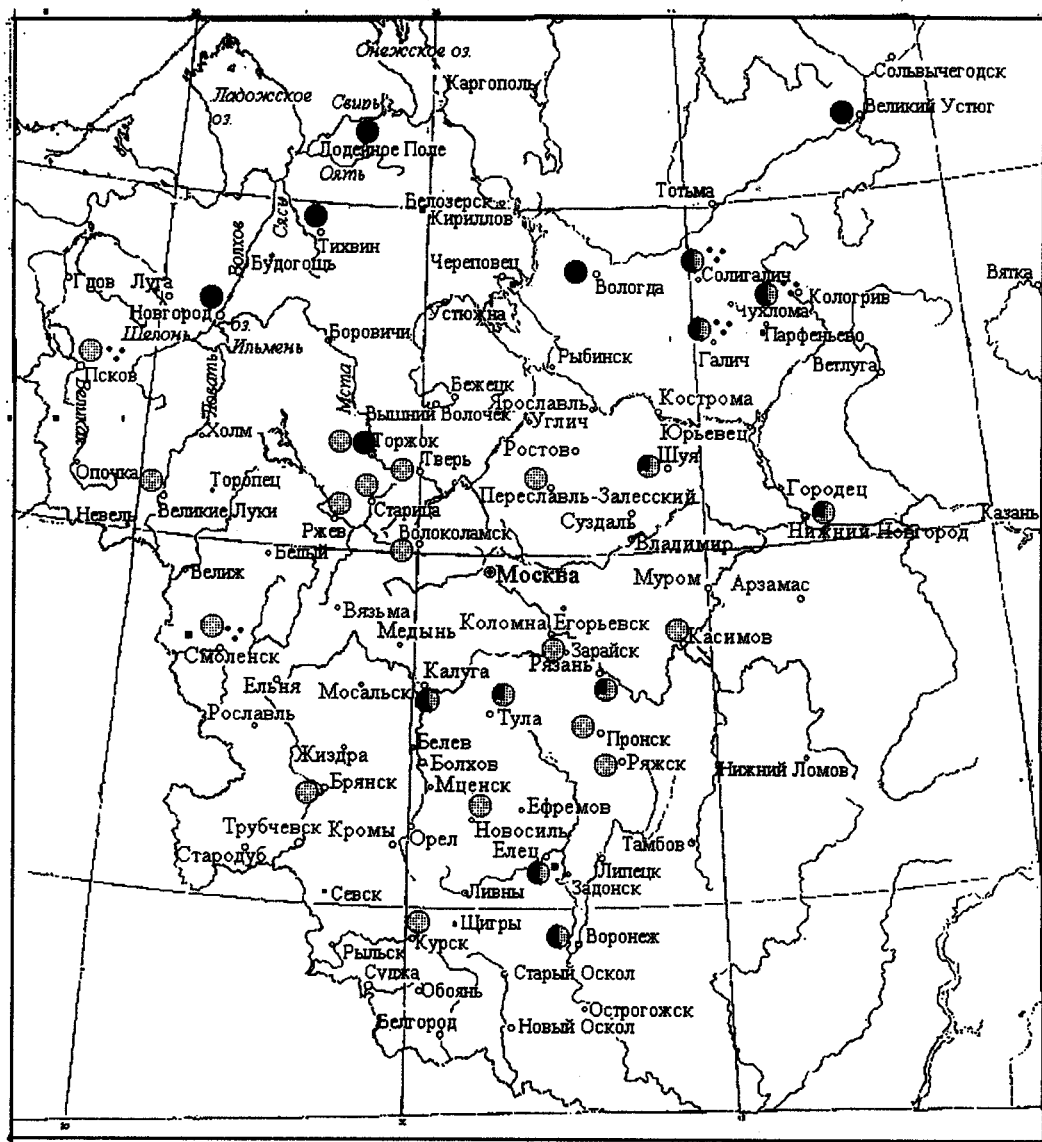

Условные обозначения:

- ⊙ — [e]
- ⊗ — [ie] (или [é])
- — [i]
- ⊙ — <ê> в процессе утраты и совпадения с <e>
- ⋯ — [i] единично
- — [’a] единично

Рефлексы *ѣ в ударном слоге перед мягкими согласными

(Комментарии см. – 7.2.)

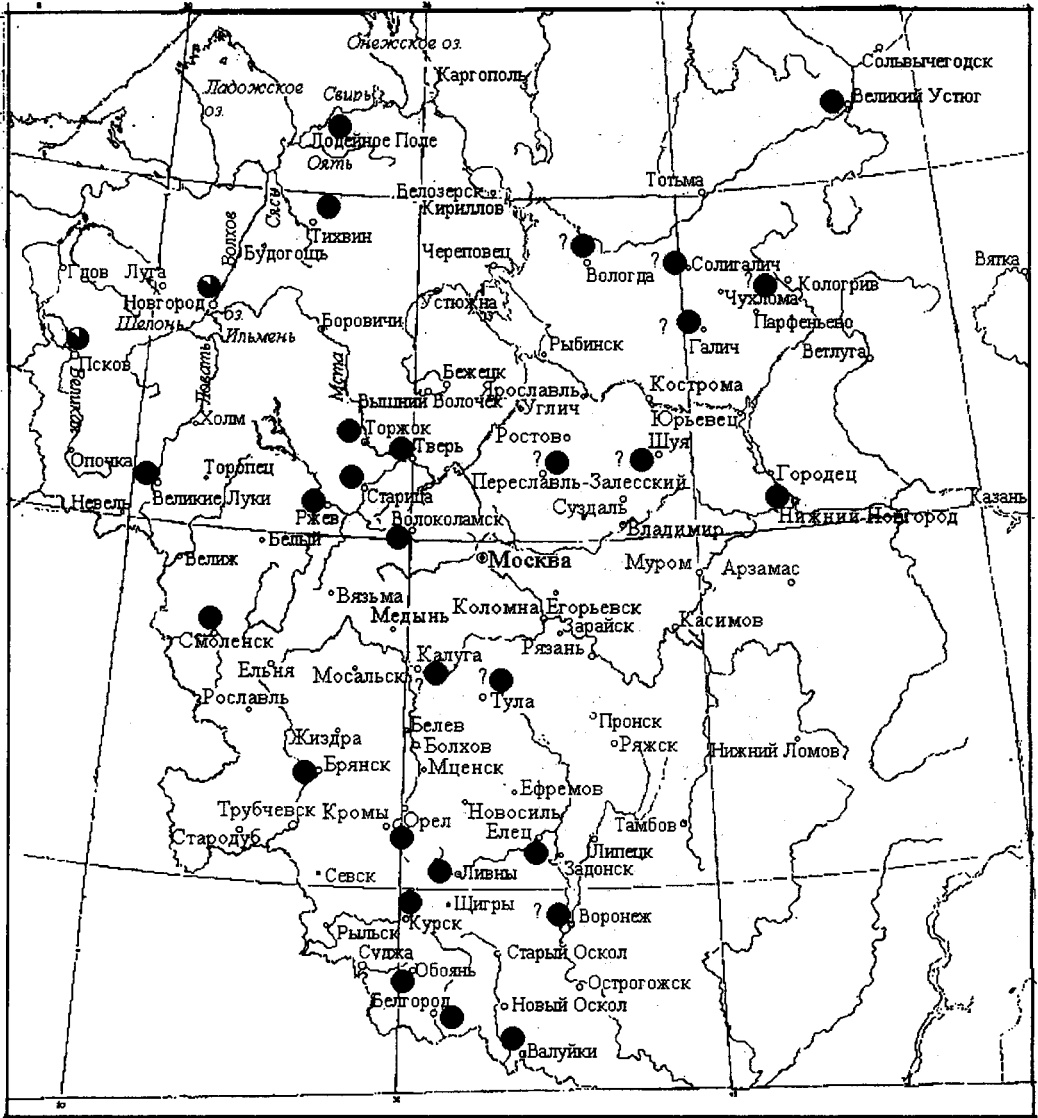

Условные обозначения:

- — [e]
- ⊙ — [ie] (или [ē])
- — [i]
- ⊙ — <ѣ> в процессе утраты и совпадения с <е>
- ⋯ — [i] единично
- — [ʼa] единично

Результаты изменения [e] в [o] перед твердыми согласными
в ударном слоге

(Комментарии см. 7.3.)

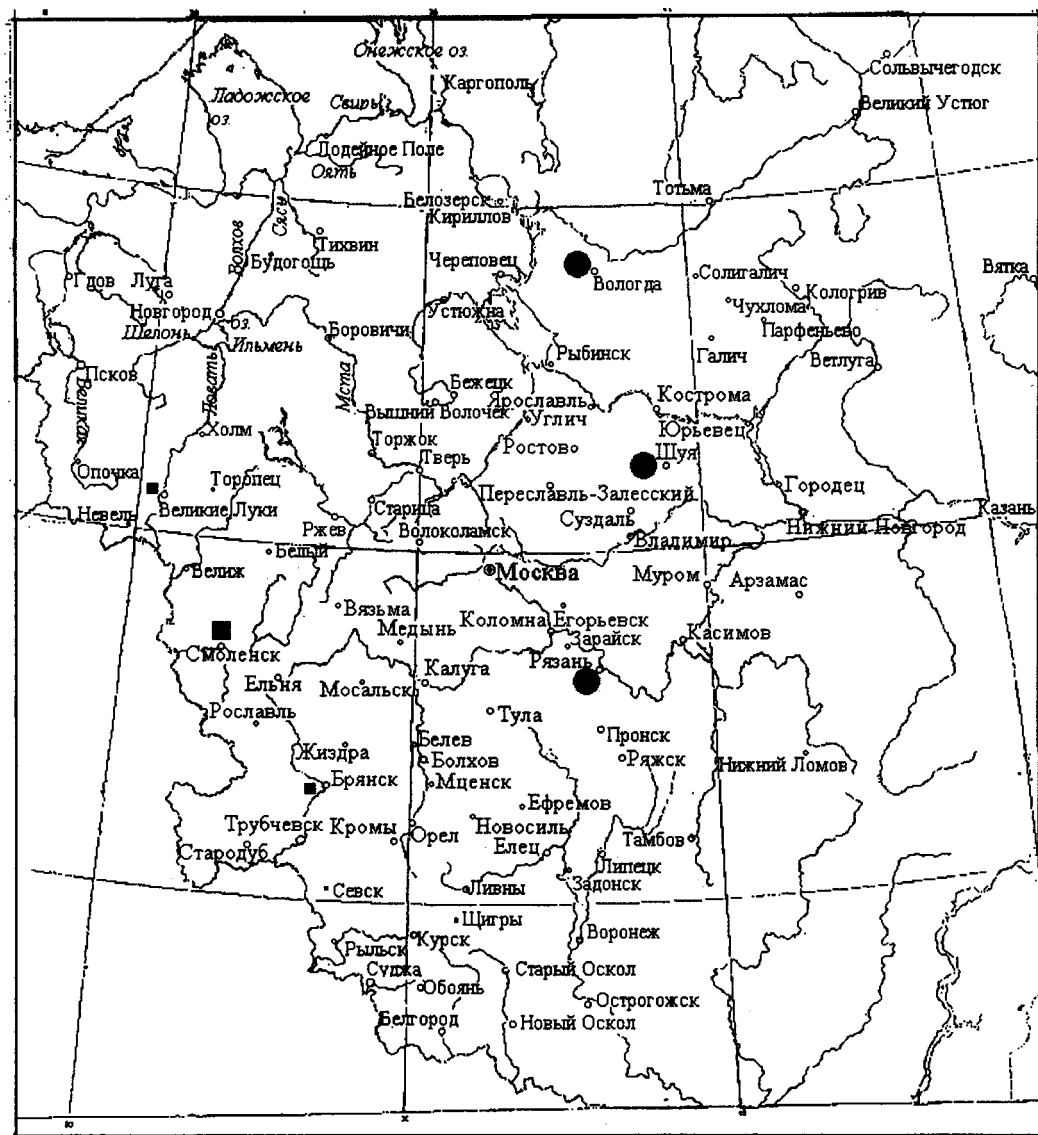

Условные обозначения:

- — последовательное изменение [e] в [o]
- ? ● — отсутствие сведений о последовательности или непоследовательности изменения [e] в [o]
- — изменение [e] в [o] при наличии отклонений.

Изменение [’а] в [е] в ударном слоге

(Комментарии см. 7.4.)

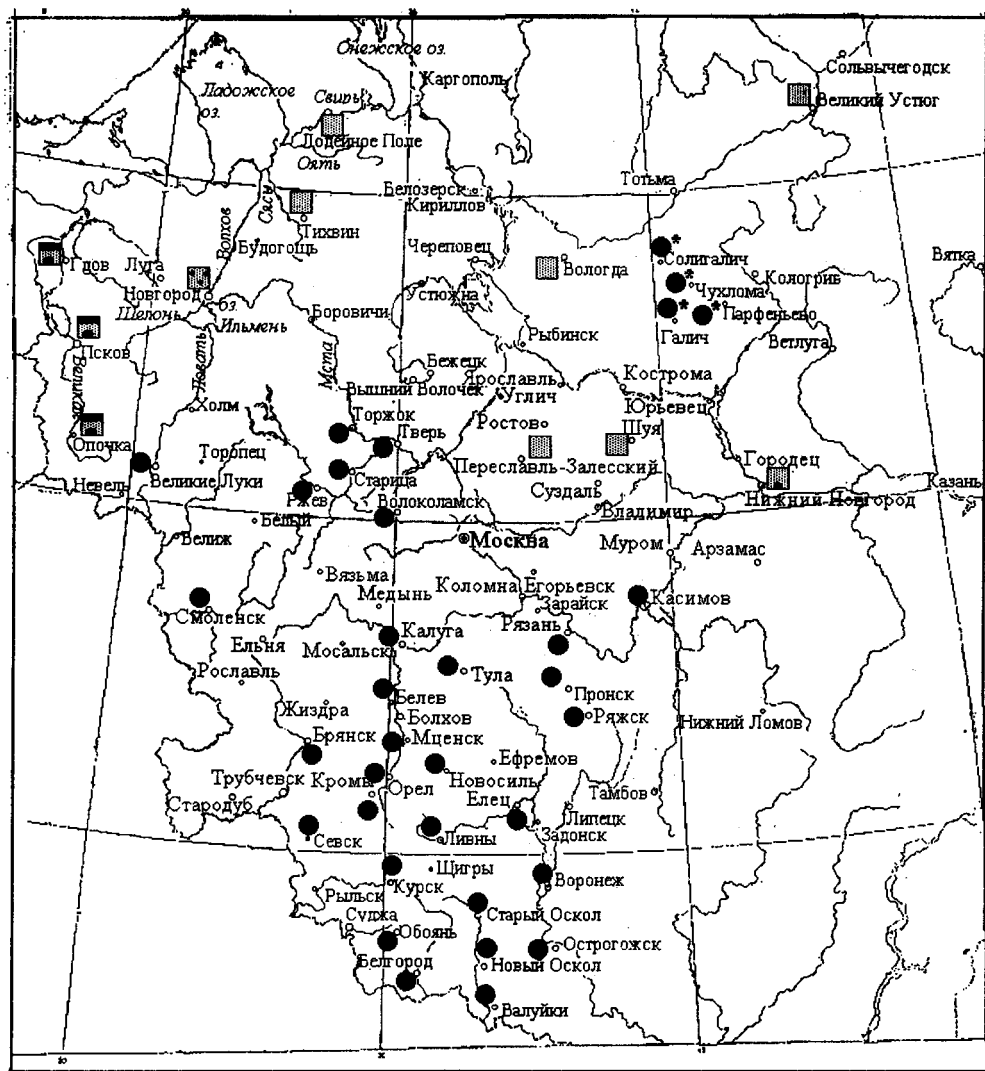

Условные обозначения:

- — [е] на месте [а] между мягкими согласными в восточнорусских говорах
- ■ — случаи фиксации [е] на месте [а] в соседстве с мягкими согласными в западнорусских говорах (размер квадрата зависит от количества имеющихся примеров).

Гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных

(Комментарии см. 7.5.)

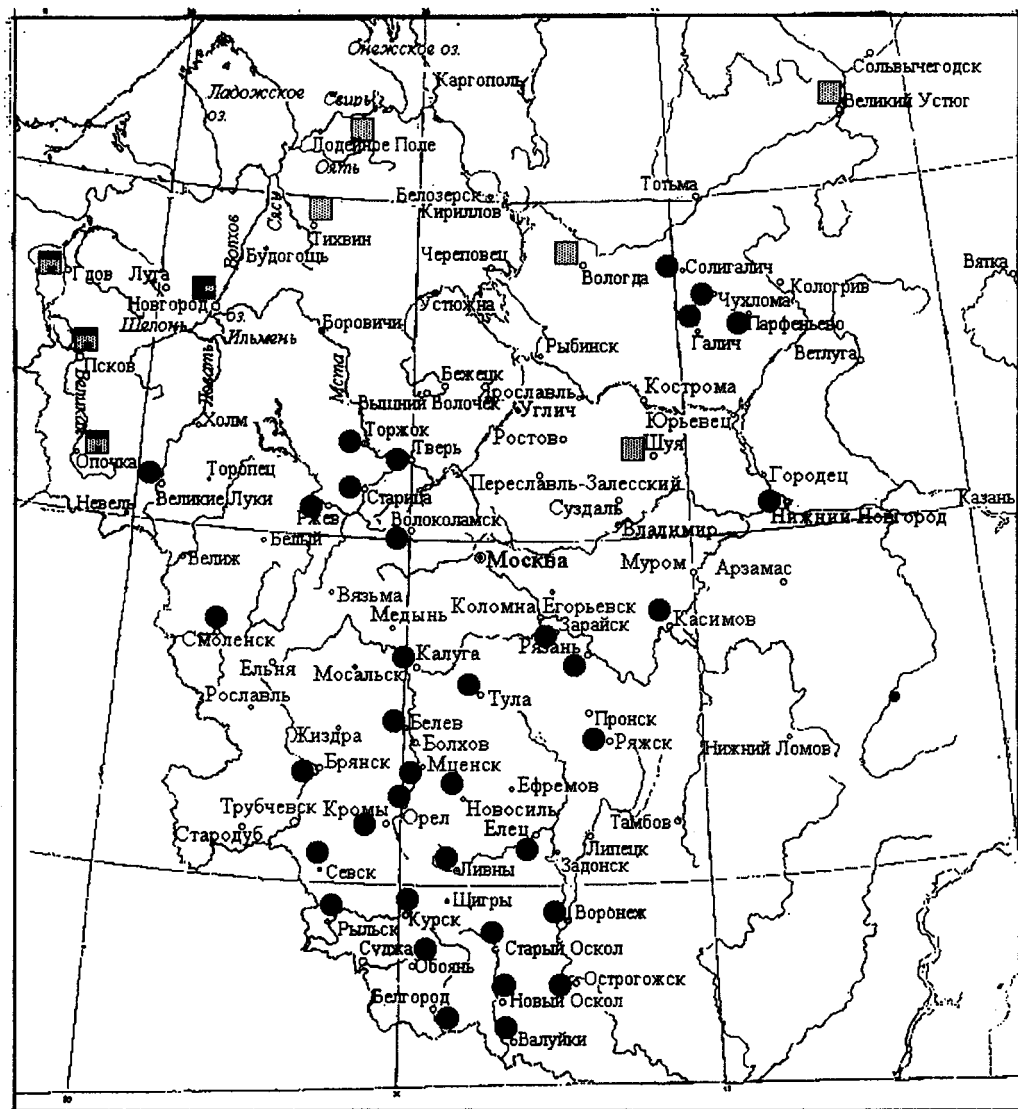
Условные обозначения *

- — неразличение гласных неверхнего подъема
- (with diagonal lines) — различение гласных неверхнего подъема
- (with horizontal lines) — наличие элементов неразличения гласных неверхнего подъема на фоне их различения
- (with vertical lines) — неразличение гласных неверхнего подъема перед ударным [а] при различении в остальных позициях
- (with a star) — вокализм гдовского типа (неразличение гласных неверхнего подъема перед [и], [ы], [у], [а] при различении перед остальными гласными)

* Звездочка справа от знака, символизирующего неразличение гласных неверхнего подъема в галичских говорах, указывает на то, что аканье здесь появилось только после 20-х–30-х гг. XVII в.

Реализация гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге после твердых согласных

(Комментарии см. 7.6.)

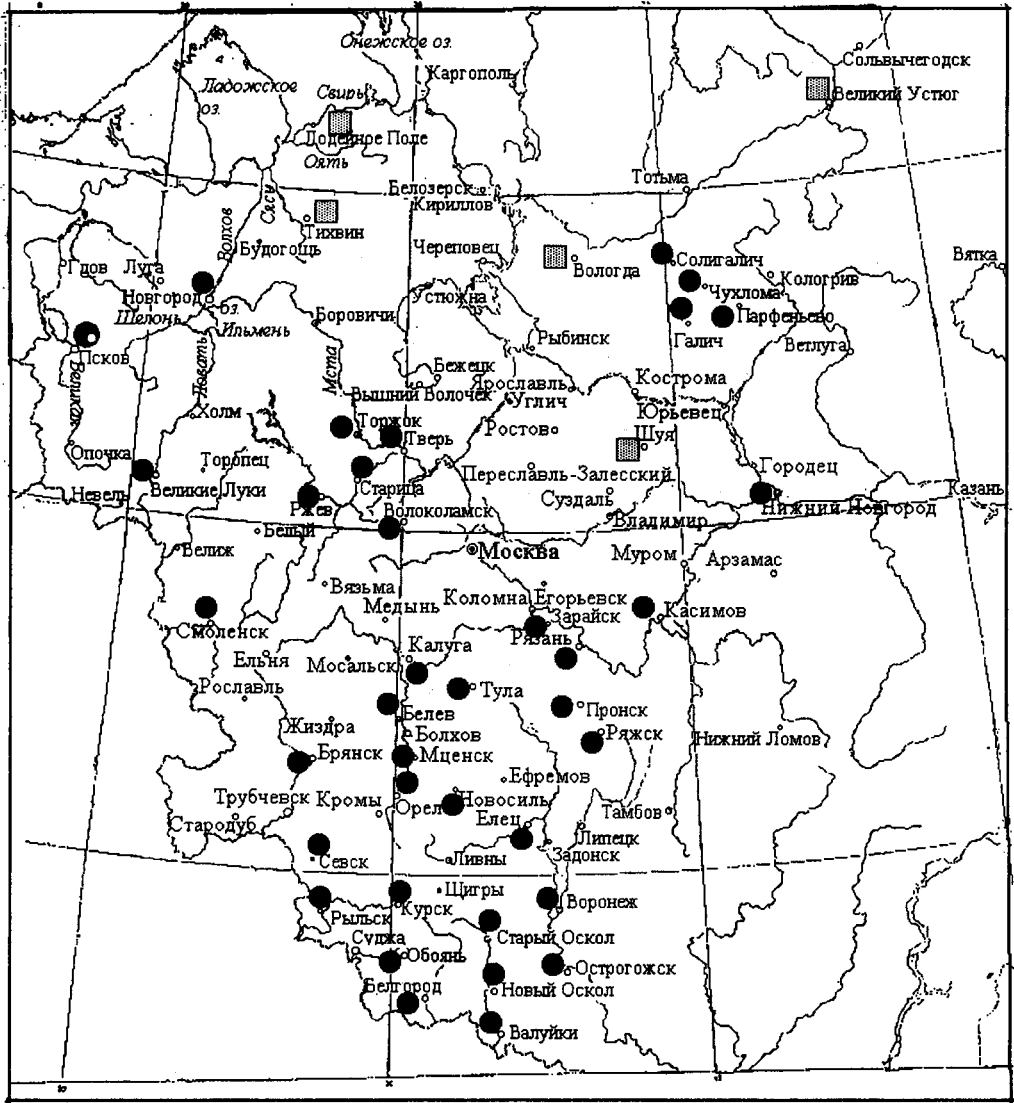

Условные обозначения:

- — неразличение гласных неверхнего подъема
- ▤ — различение гласных неверхнего подъема
- ▥ — частичное различение гласных неверхнего подъема (только перед [о] ударного слога)
- ▧ — частичное различение гласных неверхнего подъема гдовского типа (только перед гласными среднего подъема следующих слогов.)

Реализация гласных неверхнего подъема в заударных слогах
после твердых согласных

(Комментарии см. 7.7.)

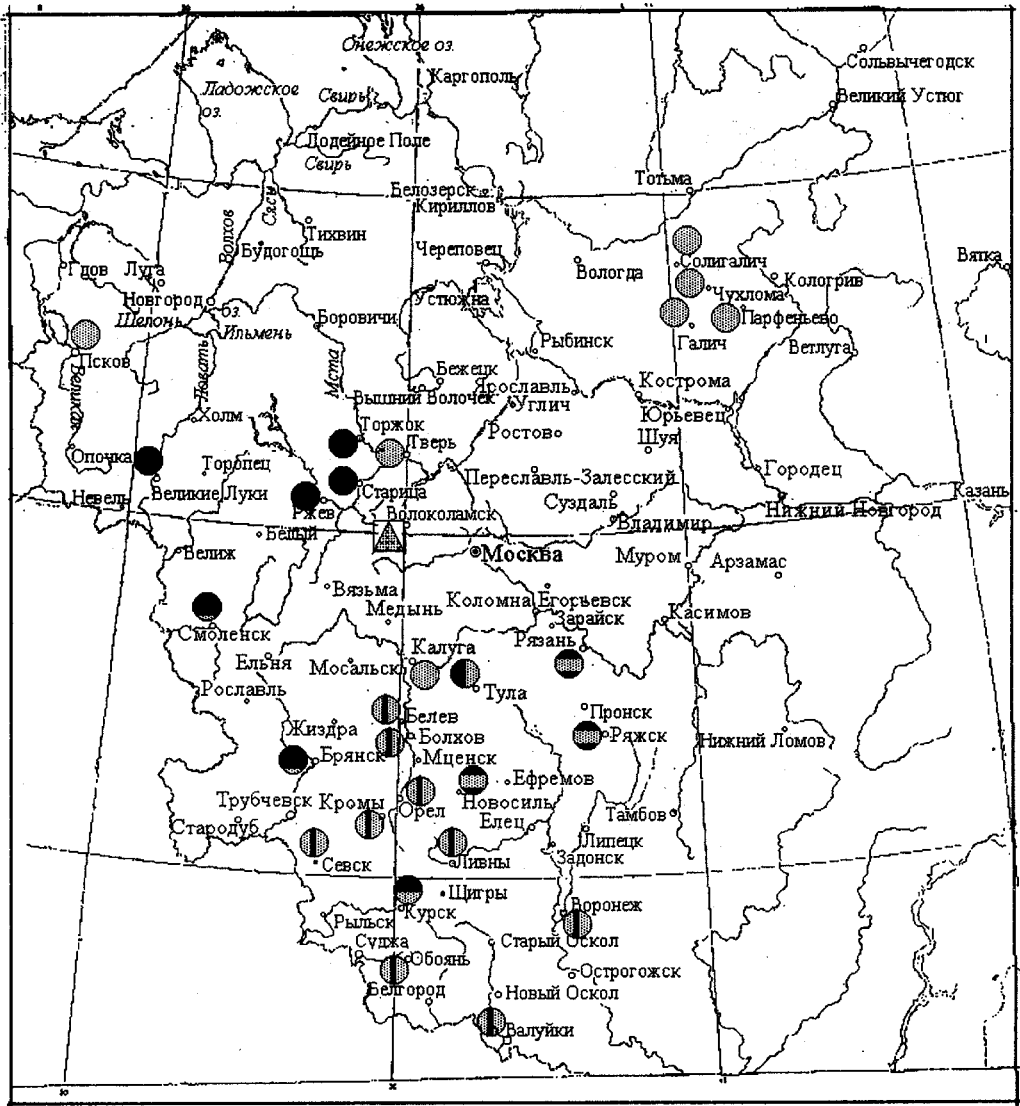

Условные обозначения:

- — различие гласных неверхнего подъема
- — неразличие гласных неверхнего подъема
- — неразличие гласных неверхнего подъема с возможным частичным их различием.

**Типы неразличения гласных неверхнего подъема
после мягких согласных в первом предупредном слого
в акающих говорах**

(Комментарии см. 7.8.)

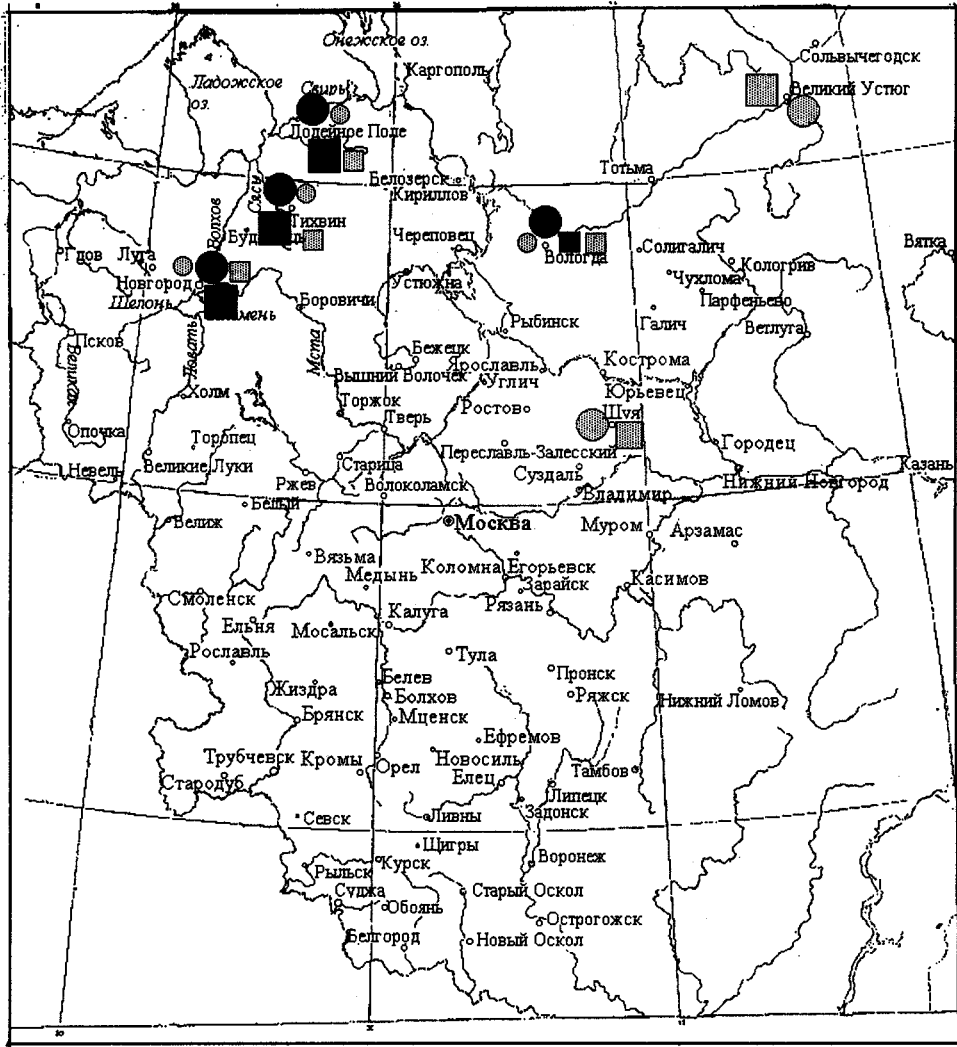

Условные обозначения:

- — яканье (без определения типа)
- ◐ — диссимлятивное яканье (без определения типа)
- ◑ — диссимлятивное яканье архаического типа
- — диссимлятивное яканье жиздринского типа
- ◔ — ассимилятивно-диссимлятивное яканье кидусовского типа
- — сильное яканье
- ◑ — переходная система от диссимлятивного яканья к умеренному
- △ — умеренное яканье (?) на фоне екающего или икающего вокализма.

Реализация *ё в первом предупредном слоге
после мягких согласных в окружающих говорах

(Комментарии см. 7.8.)

Условные обозначения:

Перед твердыми согласными

— [и]

— [е]

Перед мягкими согласными

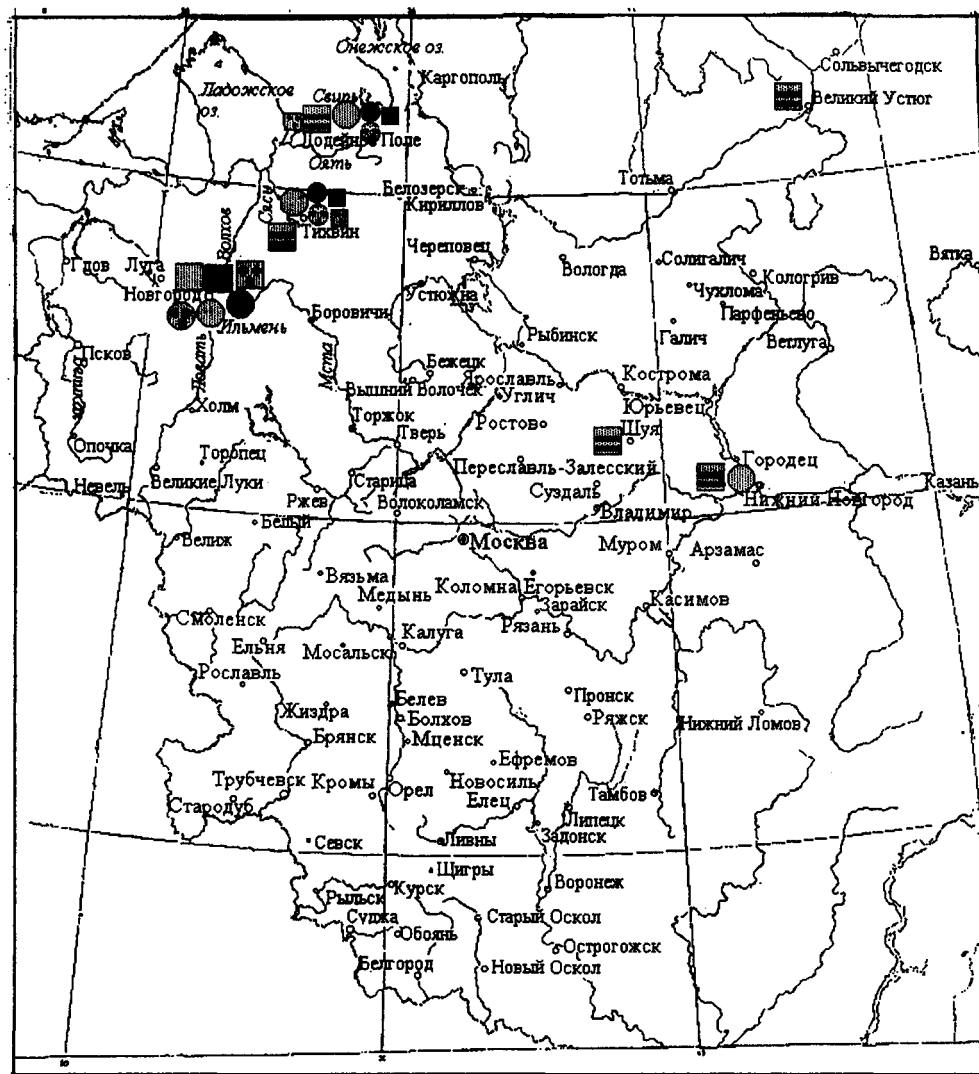
— [и]

— [е]

* Знак меньшего размера используется, если данный вариант произношения менее употребителен, чем другой, характерный для того же населенного пункта, или же если вариант произношения восстанавливается с невысокой степенью уверенности.

**Реализация *е, *ь в первом предупредном слоге
после мягких согласных, шипящих и [ц] в окающих говорах**

(Комментарии см. 7.8.)

Условные обозначения *

Перед твердыми согласными

- ■ - [и]
- ■ - [е]
- ■ - [о]
- ■ - [’а]

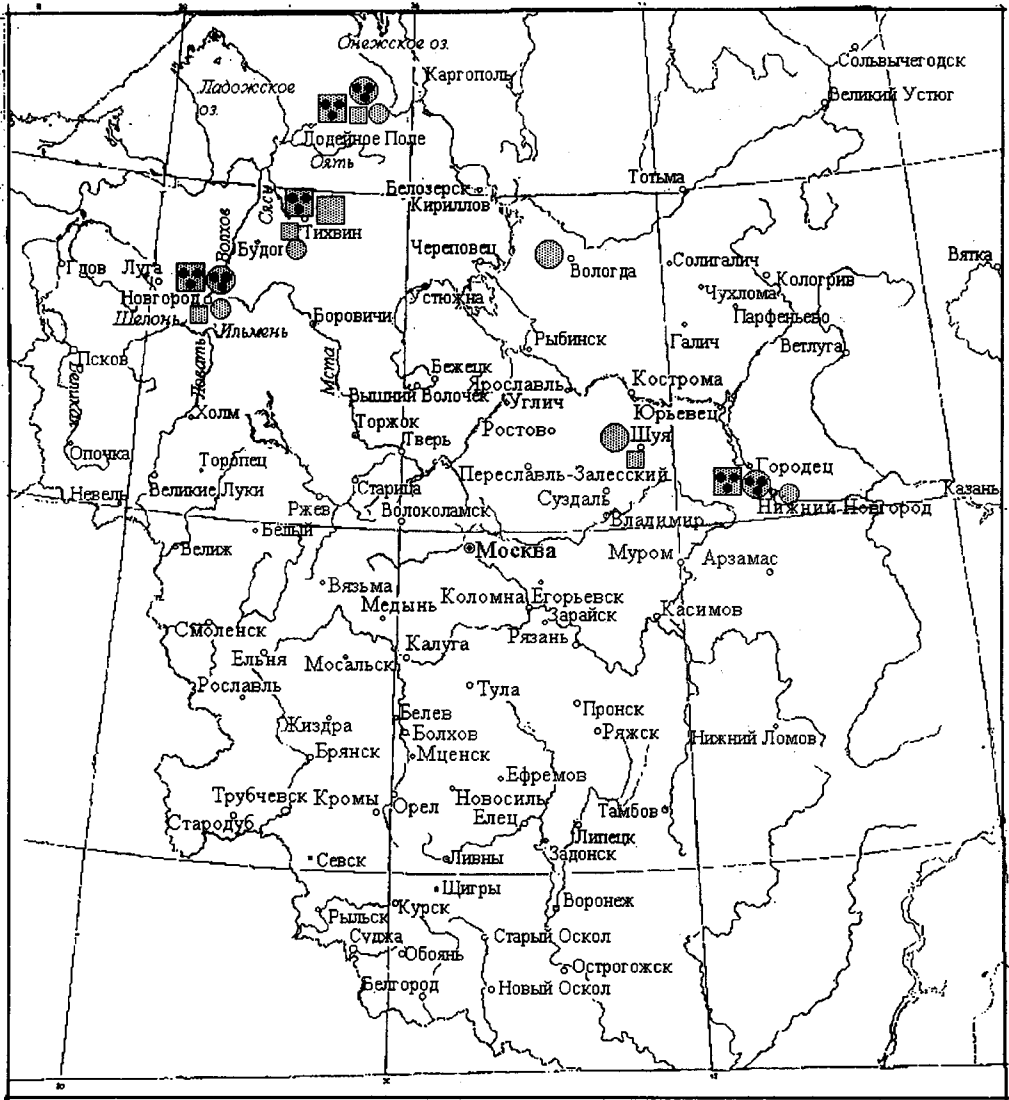
Перед мягкими согласными

- ● - [и]
- ● - [е]
- ● - [’а]

* Знак меньшего размера используется, если данный вариант произношения менее употребителен, чем другой, характерный для того же населенного пункта, или же если вариант произношения восстанавливается с невысокой степенью уверенности.

**Реализация <a> в первом предупредном слоге
после мягких согласных, шипящих и [ц] в окающих говорах**

(Комментарии см. – 7.8.)

Условные обозначения:

Перед твердыми согласными

– [a]

– [e]

Перед мягкими согласными

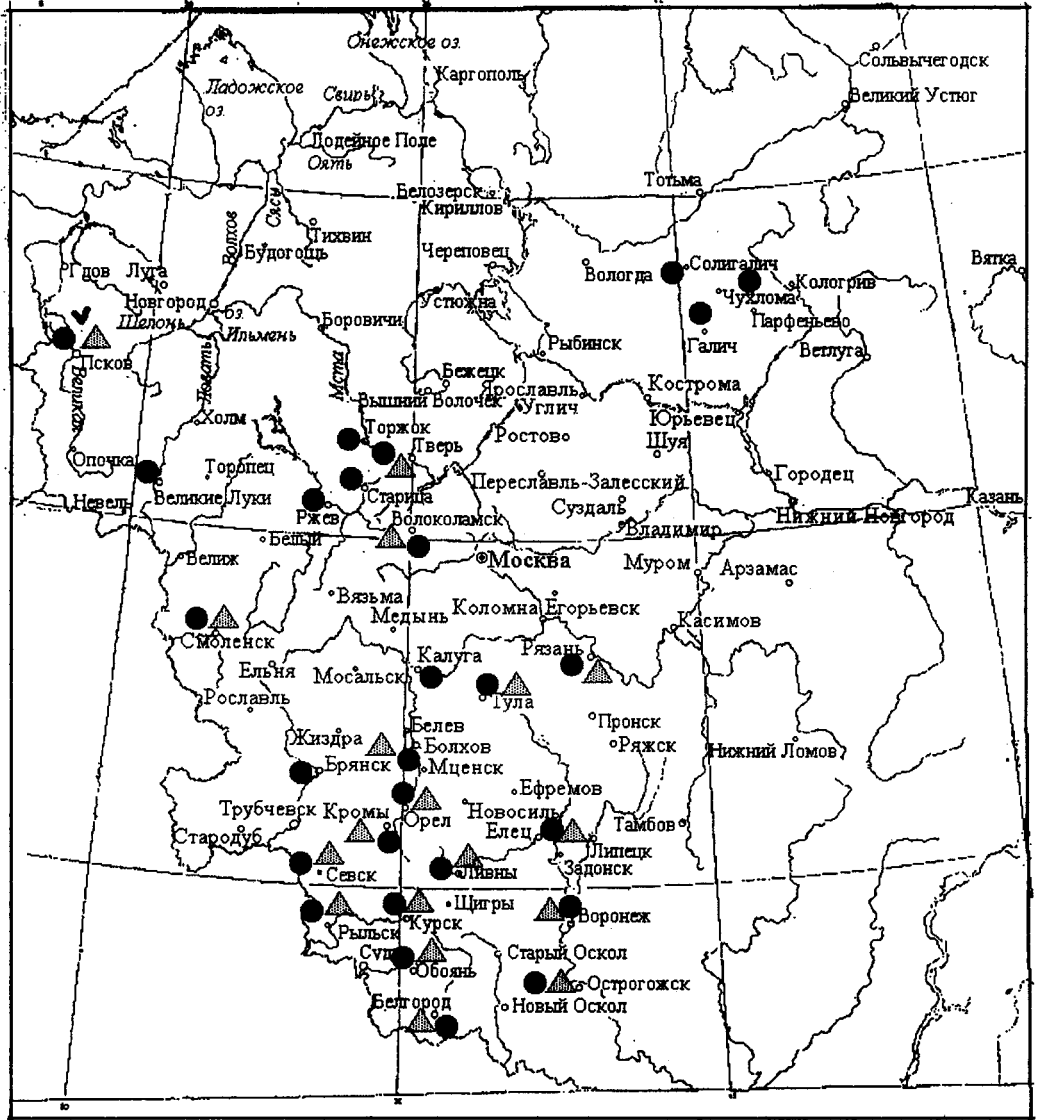
– [a]

– [e]

* Знак меньшего размера используется, если данный вариант произношения менее употребителен, чем другой, характерный для того же населенного пункта, или же если вариант произношения восстанавливается с невысокой степенью уверенности.

**Типы неразличения гласных неверхнего подъема
после мягких согласных
в заударных неконечных и конечных закрытых слогах**

(Комментарии см. – 7.9.)

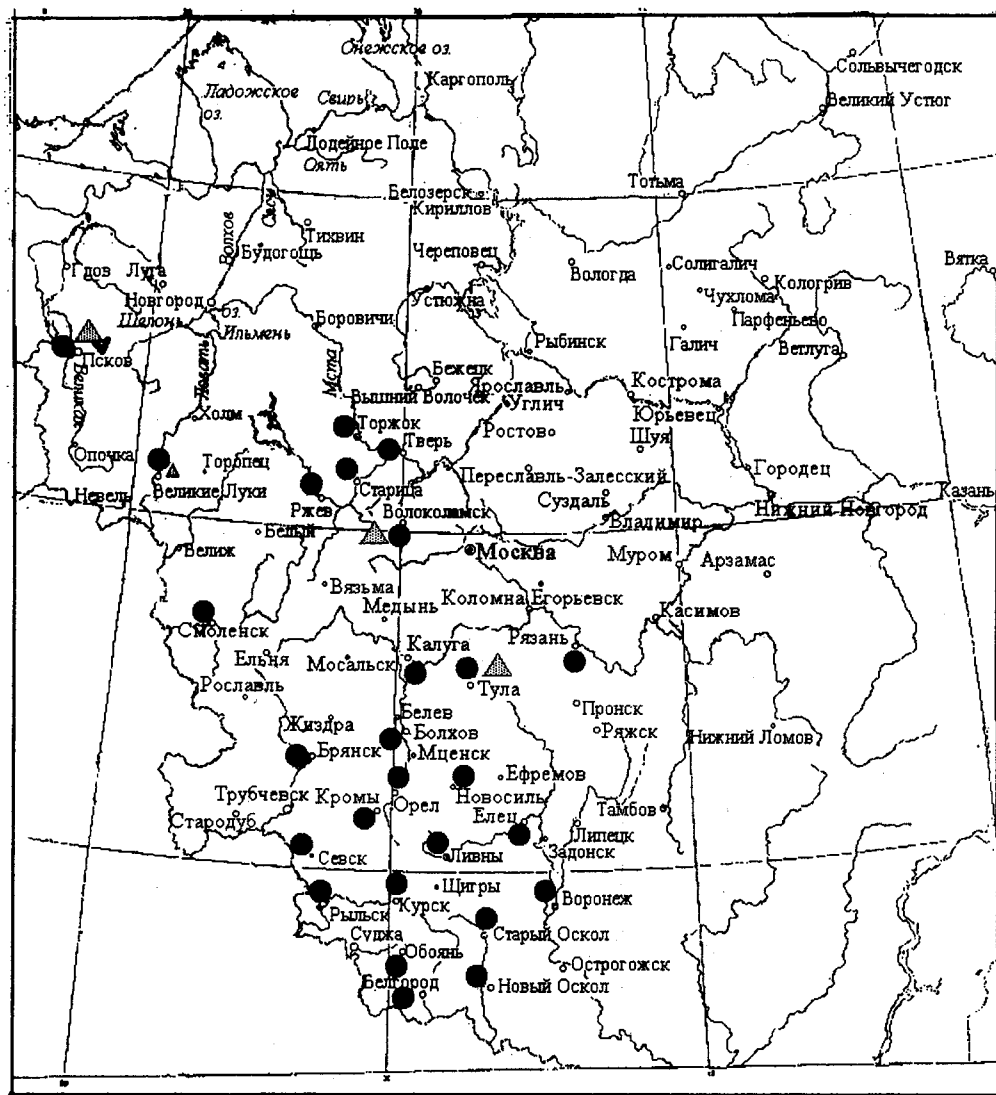

Условные обозначения:

- – гласные неверхнего подъема совпадают в [’а]
- ▲ – гласные неверхнего подъема совпадают в не-а ([’е], [’и] или [’ы])
- ▼ – наряду с неразличением гласных неверхнего подъема возможно частичное их различие.

**Типы неразличения гласных неверхнего подъема
после мягких согласных в заударных конечных открытых слогах**

(Комментарии см. 7.9.)

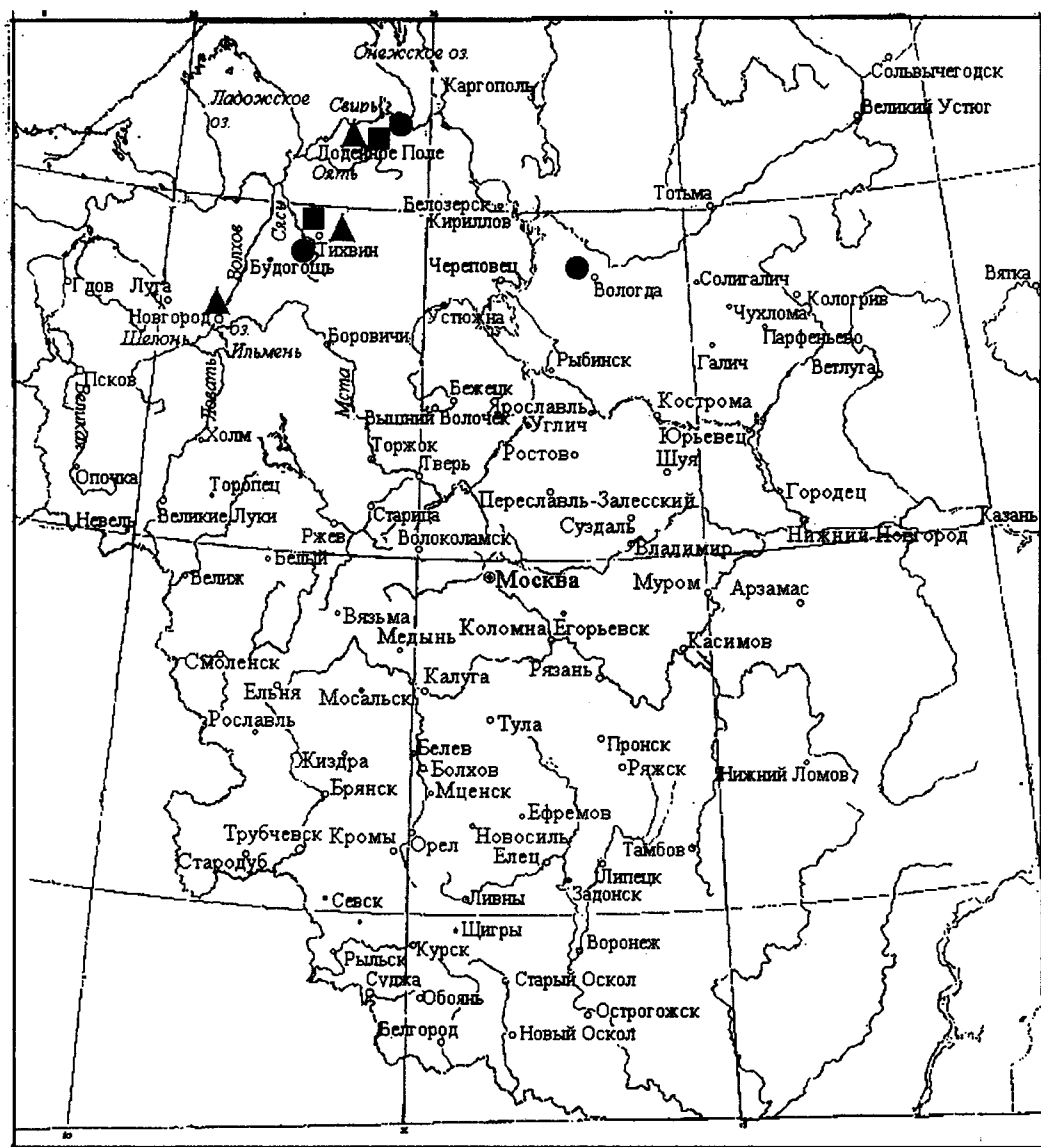

Условные обозначения:

- — гласные неверхнего подъема совпадают в [а]
- ▲ — гласные неверхнего подъема совпадают в не-а ([е], [и] или [ь])
- ▲ — то же в единичных случаях
- ▼ — наряду с неразличением гласных неверхнего подъема возможно частичное их различие

Реализация *ѣ в заударных слогах
после мягких согласных в окающих говорах

(Комментарии см. 7.9.)

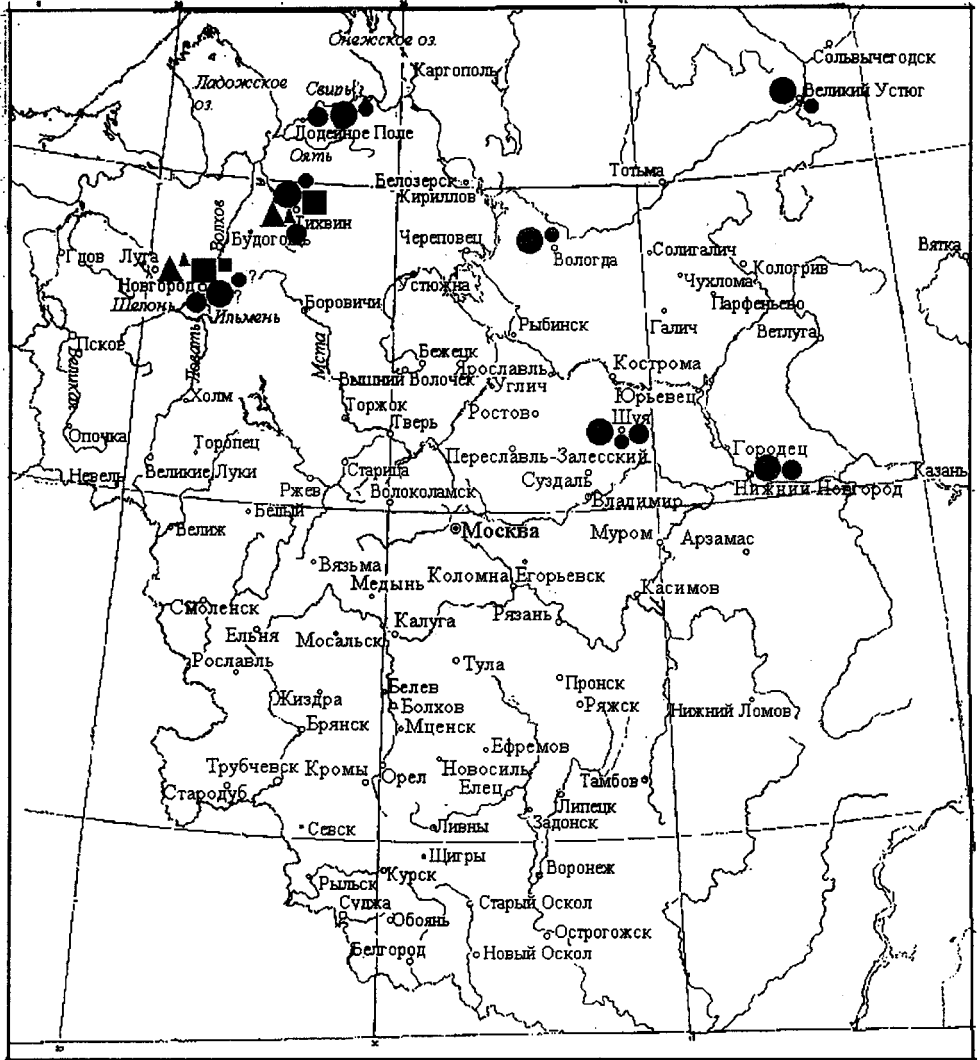

Условные обозначения:

- — произношение гласного [и] перед твердыми согласными
- — произношение гласного [и] перед мягкими согласными
- ▲ — произношение гласного [и] в конечном открытом слоге

Реализации *е, *ь и <a> в заударных слогах
после парных мягких согласных, шипящих и [ц]
в окающих говорах

(Комментарии см. 7.9.)

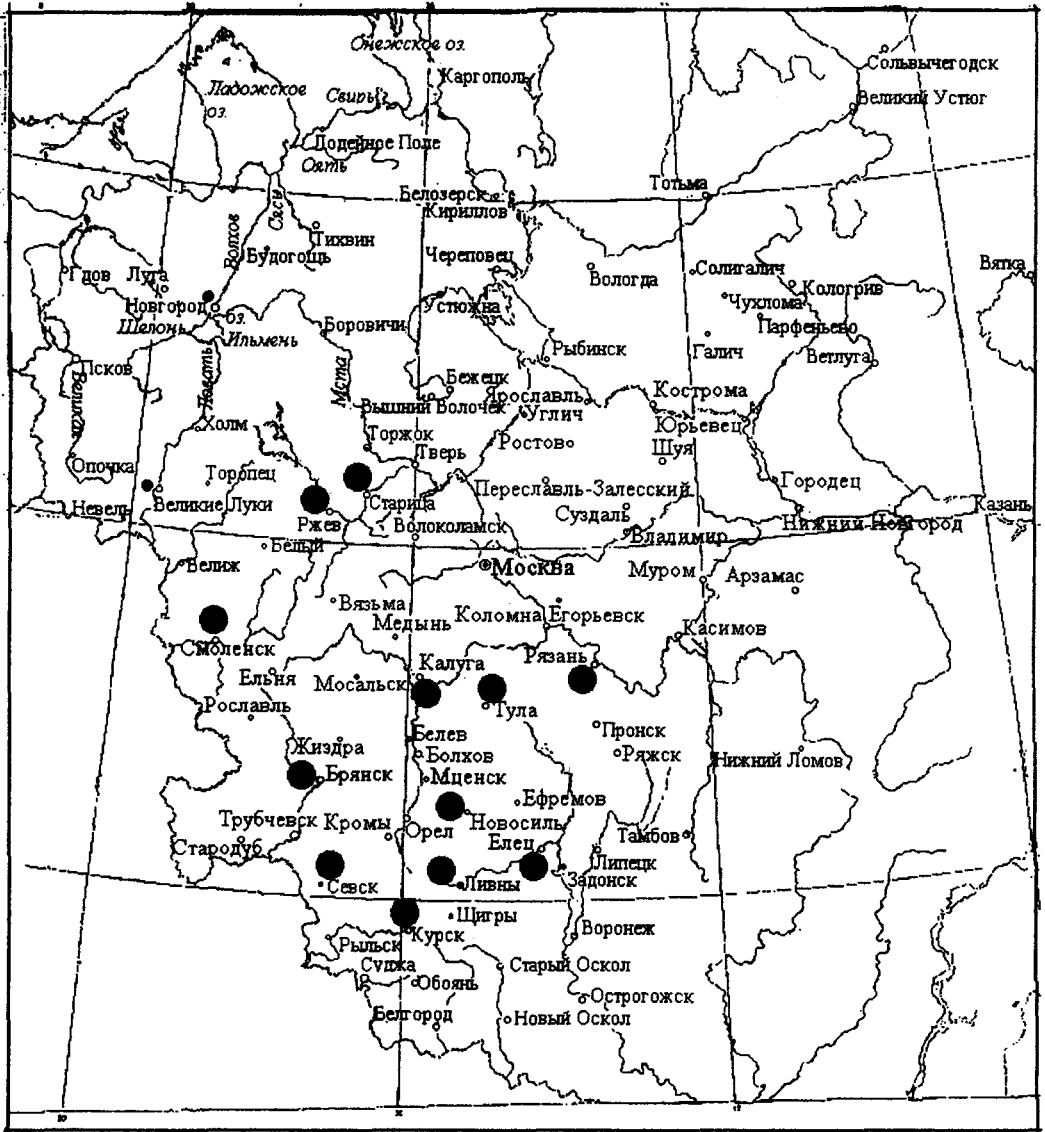

Условные обозначения:

1.
 - — [o] на месте *е, *ь в неконечных и конечных закрытых слогах
 - — [o] на месте *е, *ь в конечных открытых слогах
 - — [и] на месте *е, *ь в неконечных и конечных закрытых слогах
 - — [и] на месте *е, *ь в конечных открытых слогах
 - ▲ — [а] на месте *е, *ь в неконечных и конечных закрытых слогах
 - ▲ — [а] на месте *е, *ь в конечных открытых слогах
 - ? — нет достаточной уверенности в том, что восстанавливаемая реализация действительно имела место
2.
 - — реализация фонемы <a> в звуке [e] во всех заударных слогах, кроме конечного открытого

**Прибавление гласных к начальным сочетаниям
«сонорный + шумный согласный»**

(Комментарии см. 7.10.)

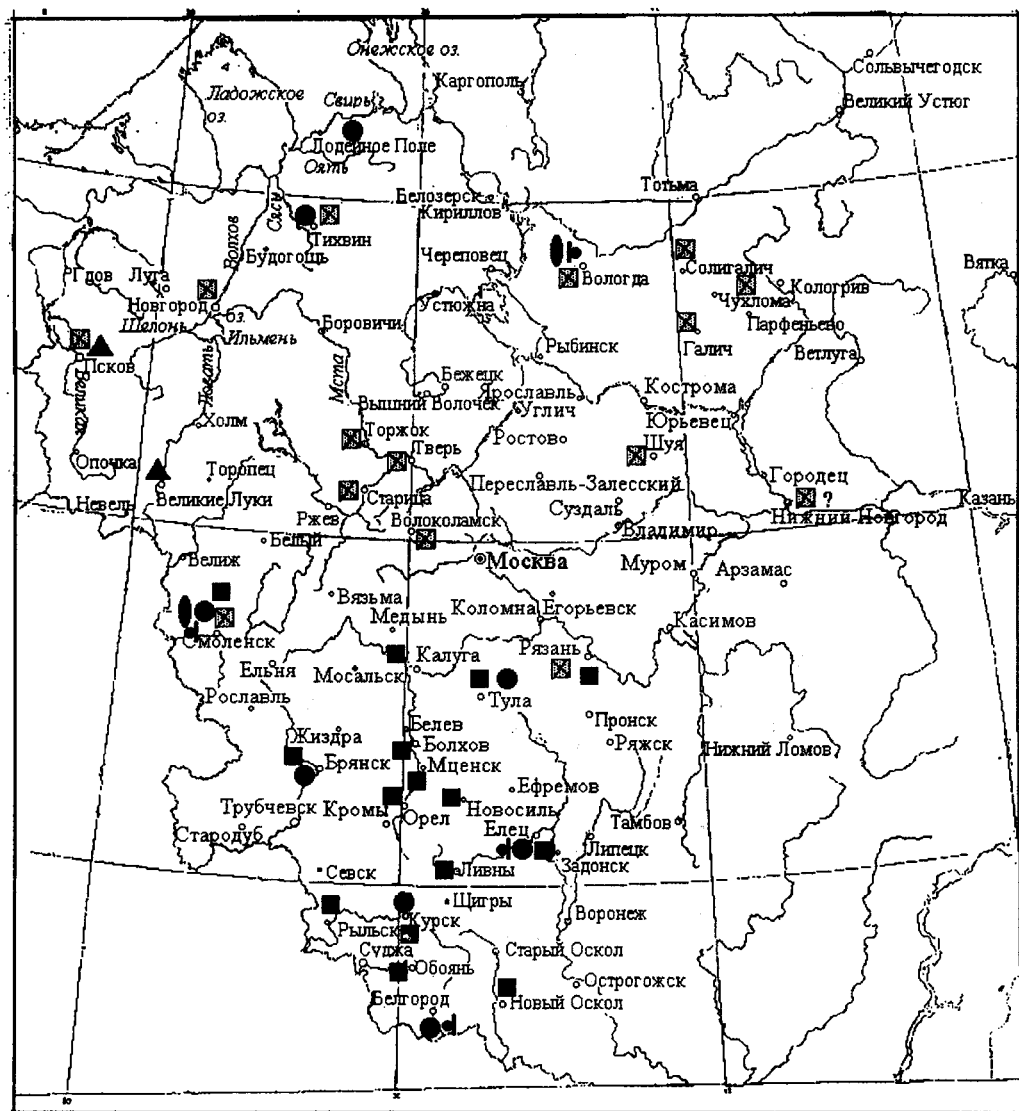

Условные обозначения:

- — прибавление начальных гласных ([и], [а]) в словах типа *ржаной, льняной*
- — вокализованный вариант предлогов перед словами с начальным сочетанием «сонорный + шумный согласный» (напр. *ото ржи*)

Реализация фонемы <в>

(Комментарии см. 7.11.)

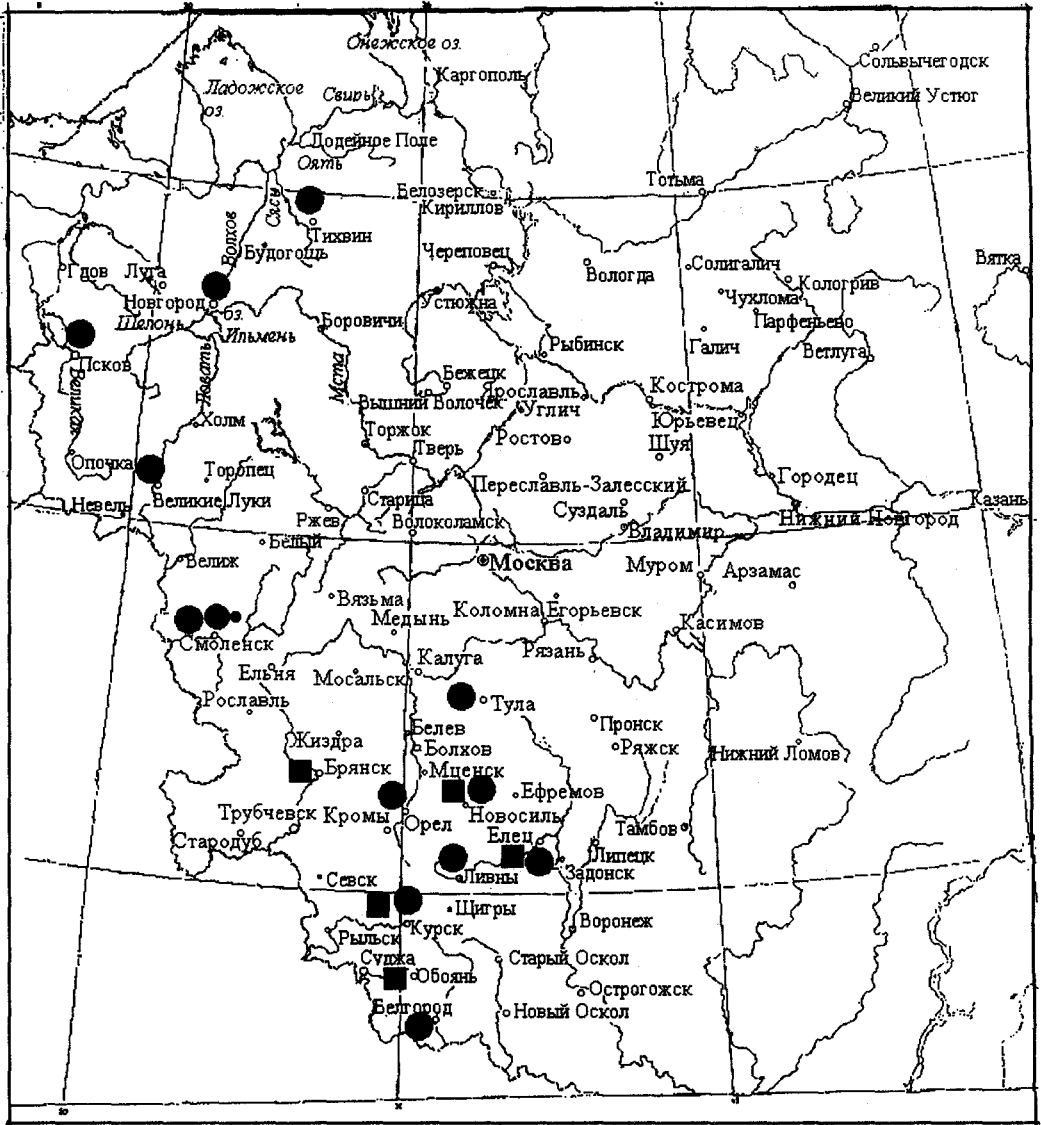

Условные обозначения:

- ☒ — реализация <в> в [ф] перед глухими согласными и в конце слова
- — реализация <в> в губно-губном звуке ([w]) в сильной позиции перед гласными (по крайней мере, перед [y])
- — реализация <в> в [y] ([w]) перед согласными в середине слова
- ▲ — то же перед согласными в начале слова
- ▲ — то же в абсолютном конце слова
- — мена <у> и <в> в начале фонетического слова
- — реализация <в> в начале фонетического слова в [y] или [y]
- ?
- данная реализация <в> восстанавливается предположительно

Распространение предлога *уз* (*уво*)

(Комментарии см. 7.12.)

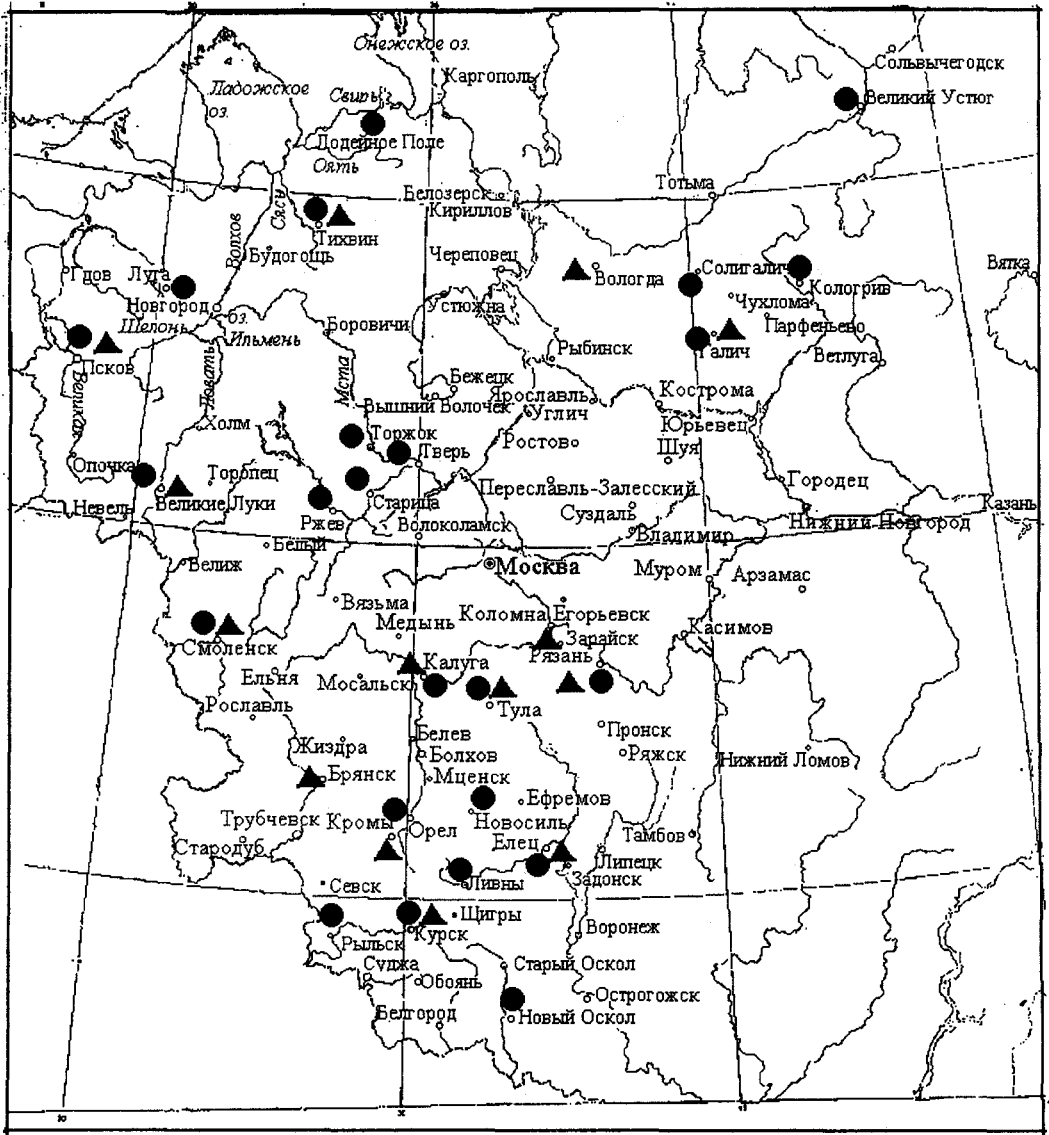

Условные обозначения:

- — *уз* в соответствии с предлогом *у*
- — *уз* в соответствии с предлогом *уво*
- — *уз* в соответствии с предлогом *в*

Эпентетическое и протетическое [в]

(Комментарии см. 7.13.)

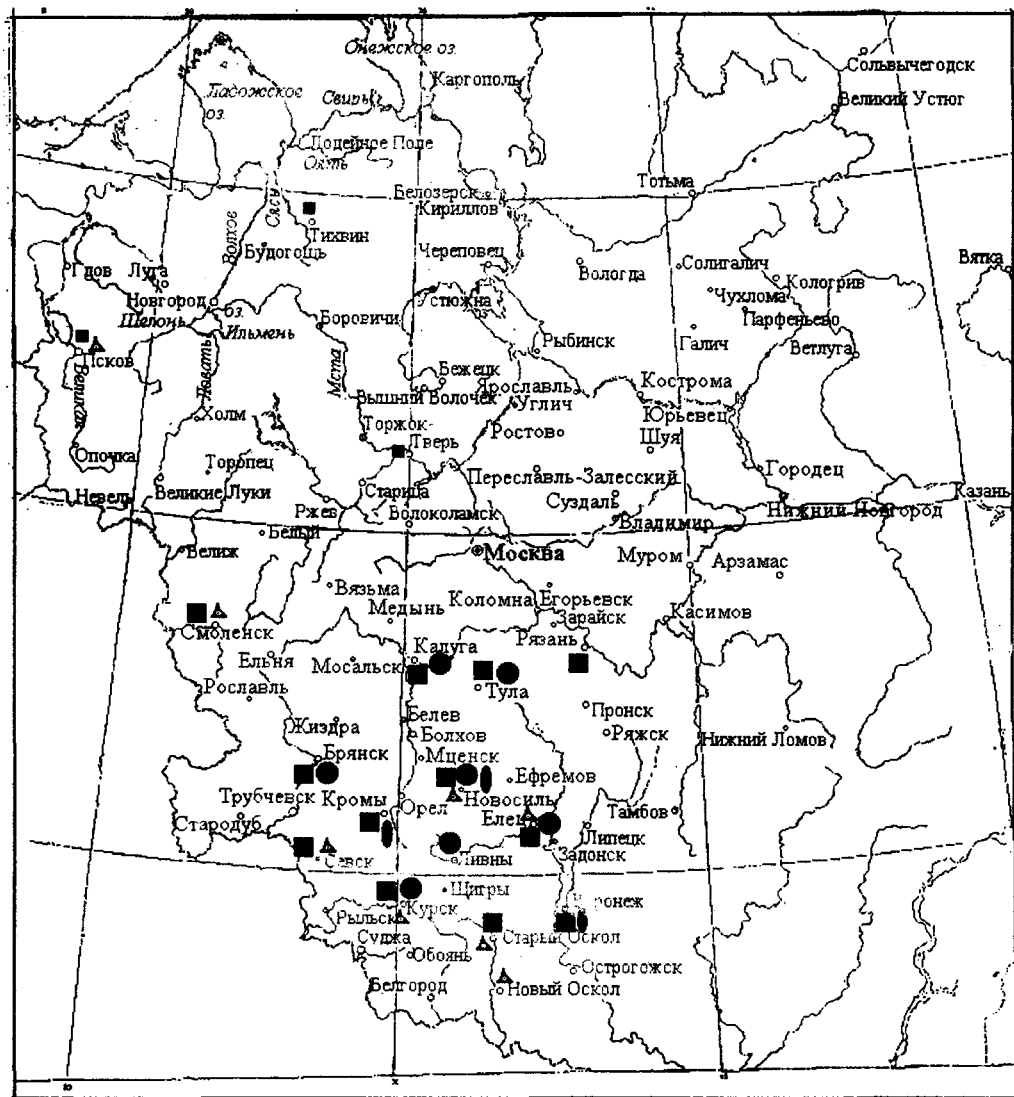

Условные обозначения:

- — наличие эпентетического [в]
- ▲ — наличие протетического [в]

Замена <ф> на другие фонемы и сочетания фонем

(Комментарии см. 7.14.)

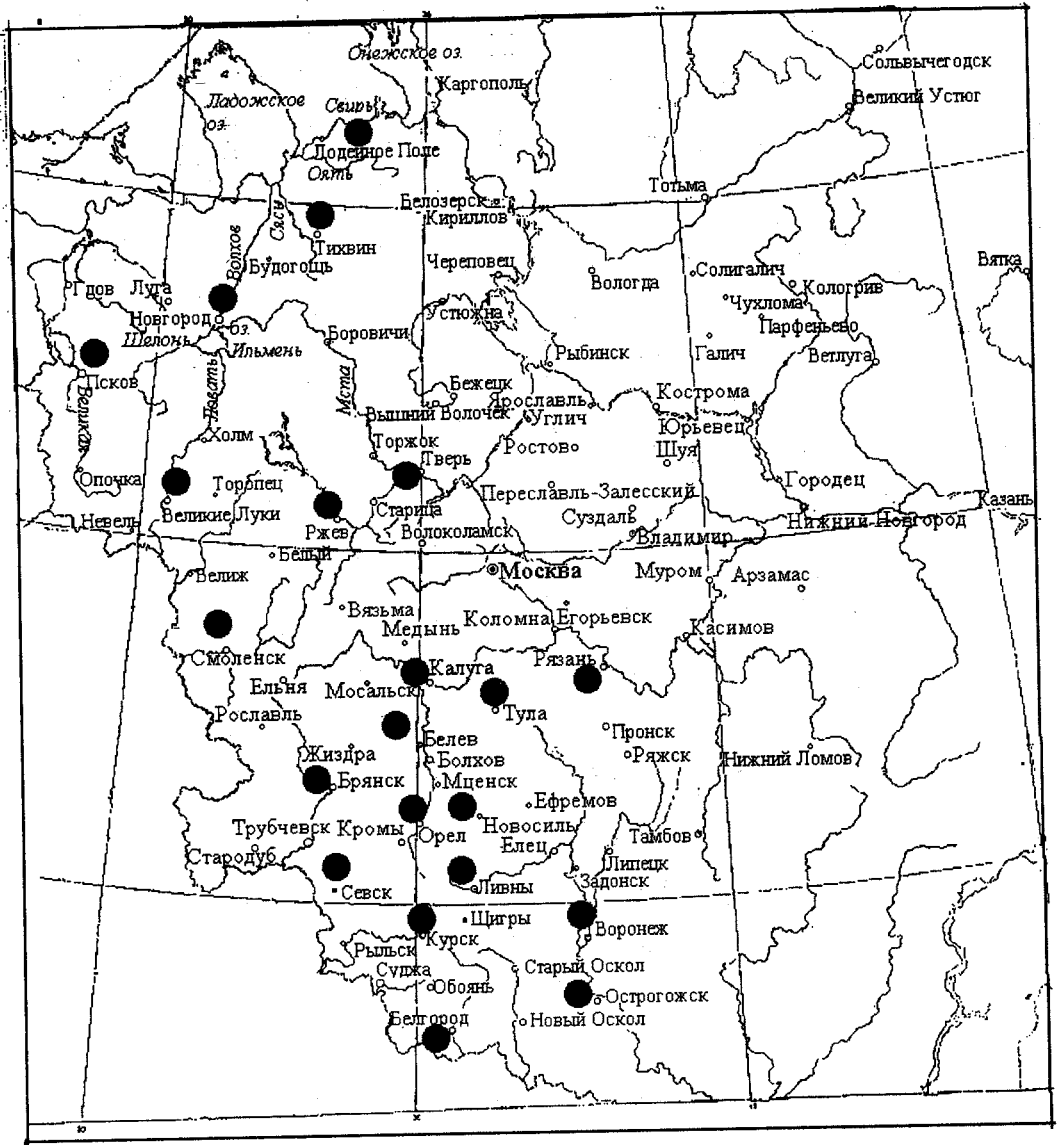
Условные обозначения:

- — замена <ф> на <х>
- — то же в редких случаях
- — замена <ф> на <хв> (<хв'>)
- — замена <ф> на <хф> (<хф'>) или <хф> (<хф'>) (?)*
- ▲ — замена <ф> на <п>

* Звуковая замена <ф> на <хф> (<хф'>) или <хф> (<хф'>) возможна в русских говорах [см. Орлова 1950: 203], но допустимо, что за буквенной заменой *ф* на *хф* в рукописях XVII в. стоит лишь чисто орфографическое явление.

Написание буквы ф вместо х, хв в рукописях XVII в

(Комментарии см. 7.14.)

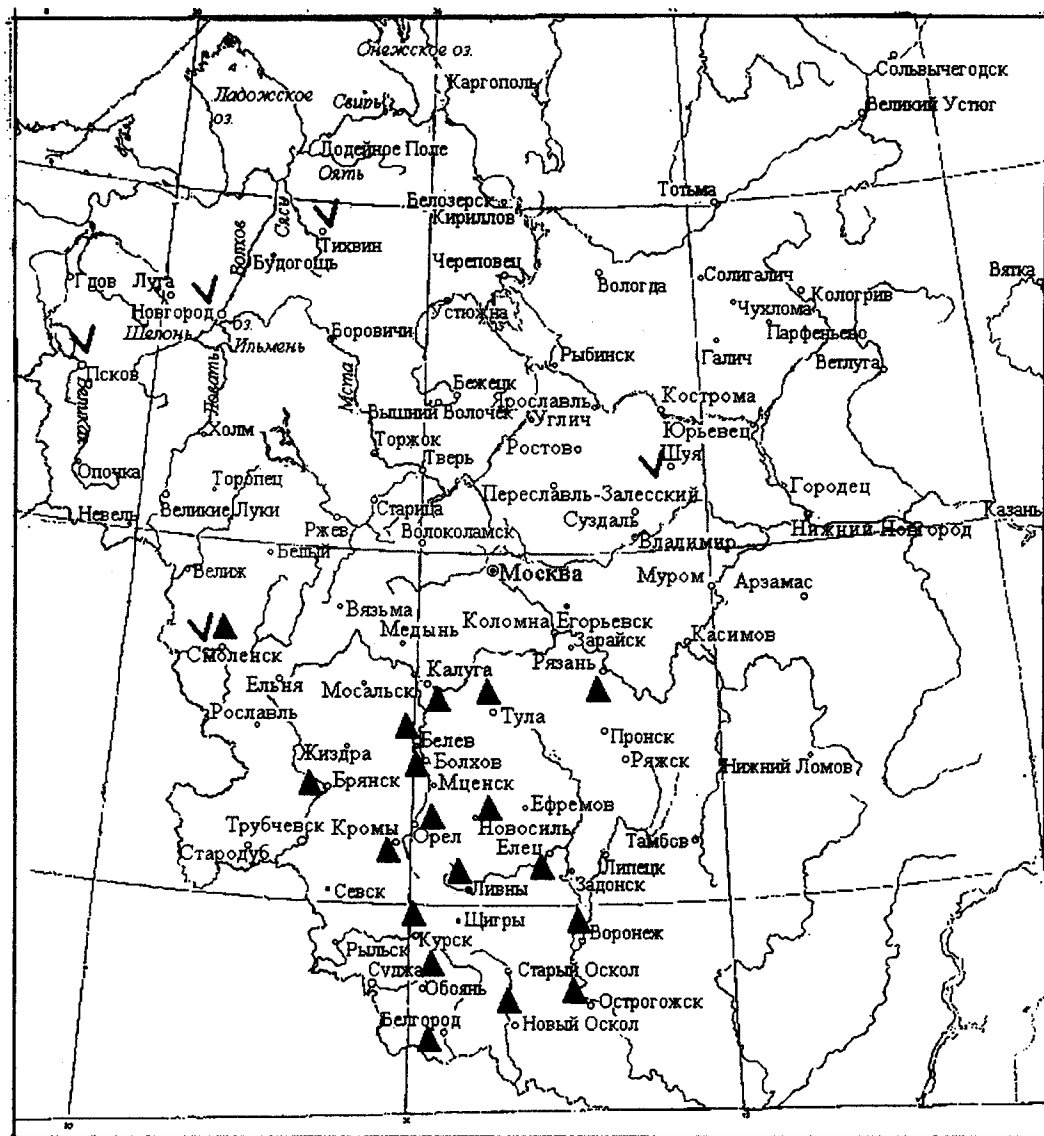

Условные обозначения:

● — употребление буквы *ф* вместо *х*, *хв*.

Отражение рукописными источниками XVII в.
качества звонкой задненебной фонемы

(Комментарии см. 7.15.)

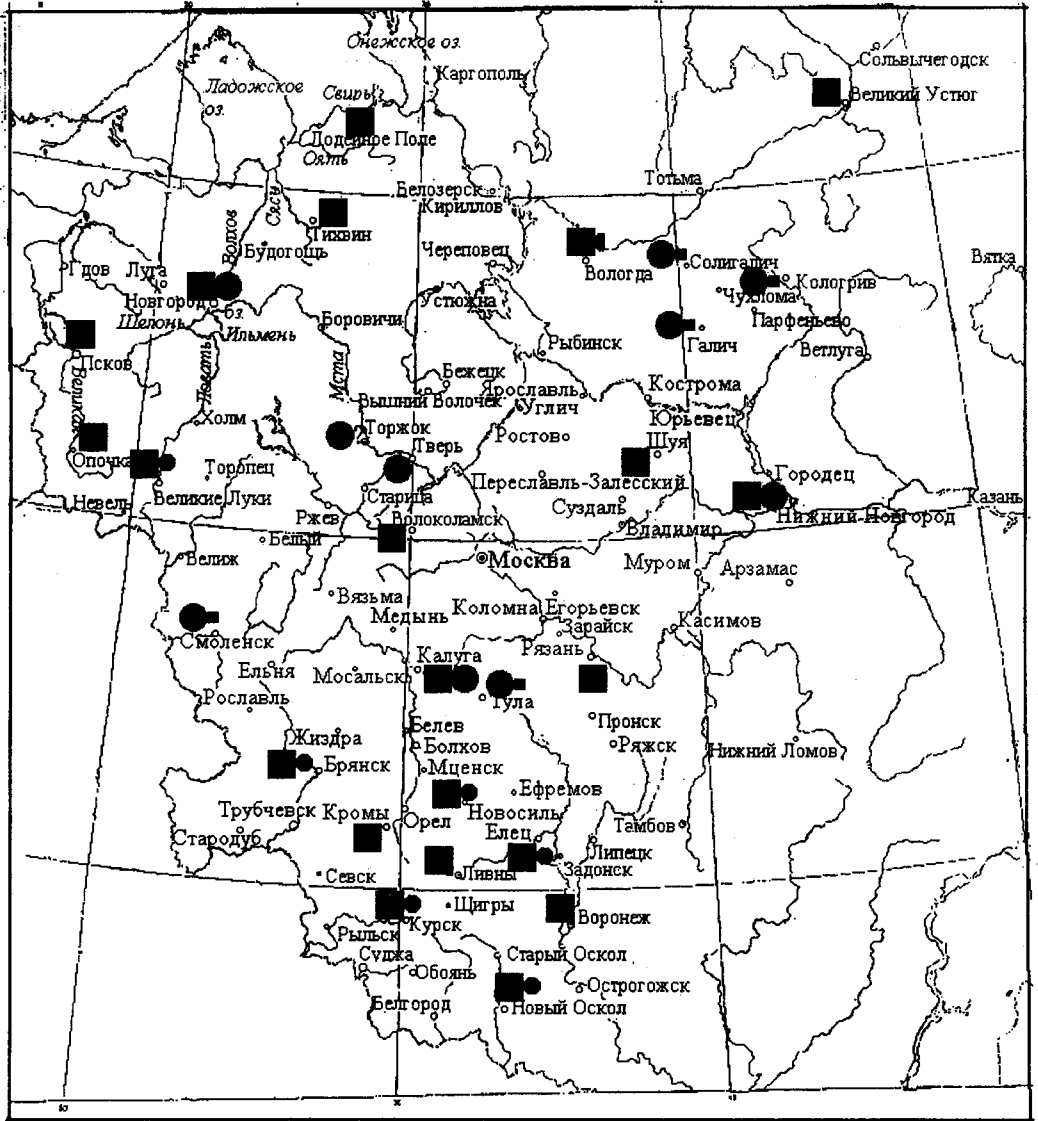

Условные обозначения:

- ▼ - [г] взрывное
- ▲ - [γ] фрикативное

Качество <ш> и <ж>

(Комментарии см. 7.16.)

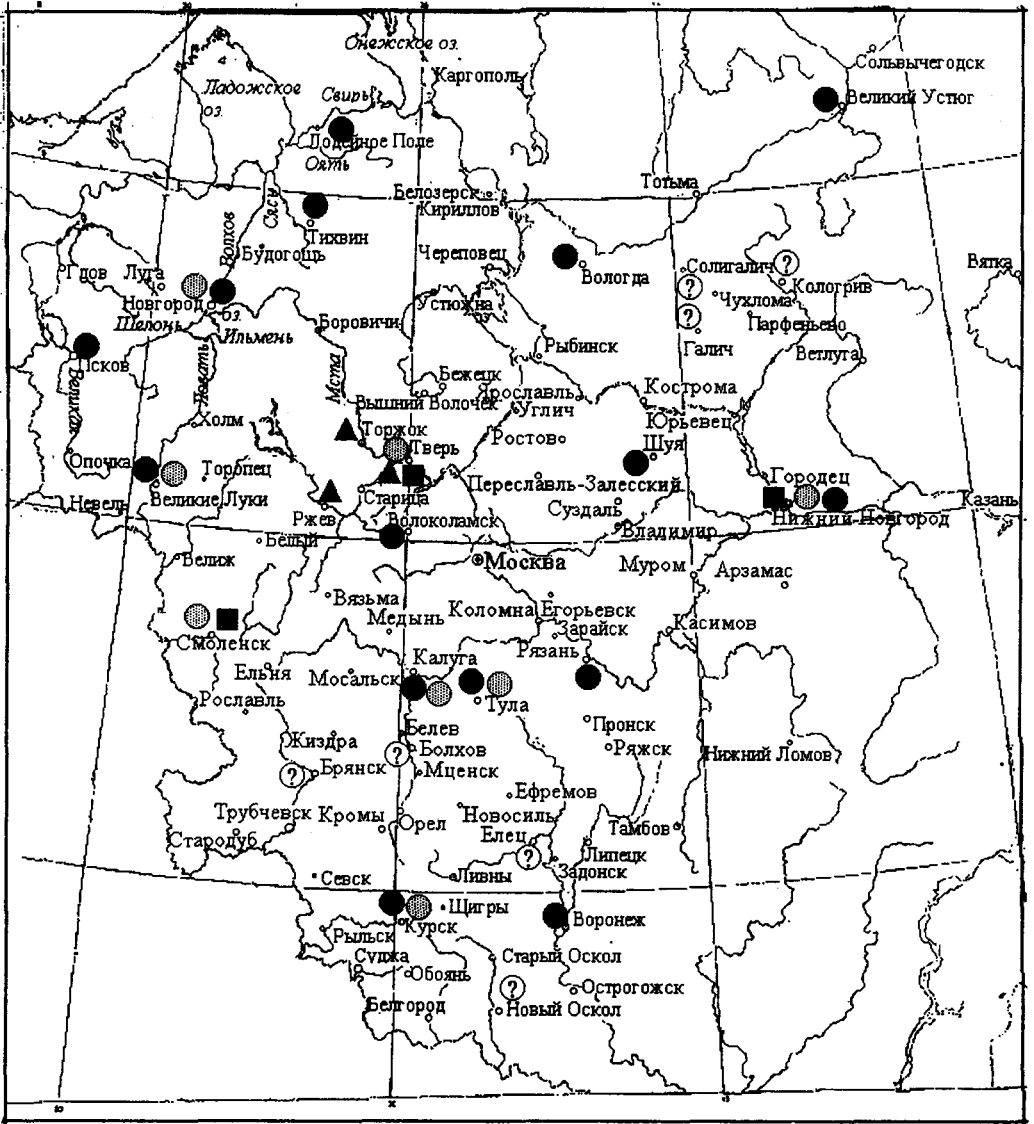

Условные обозначения:

- — [ш] и [ж] твердые
- — [ш] и [ж] твердые при реликтовом сохранении мягких [ш'] и [ж']
- — [ш] и [ж] твердые при реликтовом сохранении мягкого [ш']
- — сосуществование твердых [ш] и [ж] и мягких [ш'] и [ж'] (шипящие находятся в процессе отвердения)
- — преимущественно мягкие [ш'] и [ж'], процесс отвердения которых только начинается
- — [ш'] и [ж'] мягкие при отсутствии в рукописных источниках указаний на существование [ш] и [ж]
- ? — то же под вопросом ввиду ограниченности материала письменных источников

Качество долгого (или сложного) глухого шипящего

(Комментарии см. 7.17.)

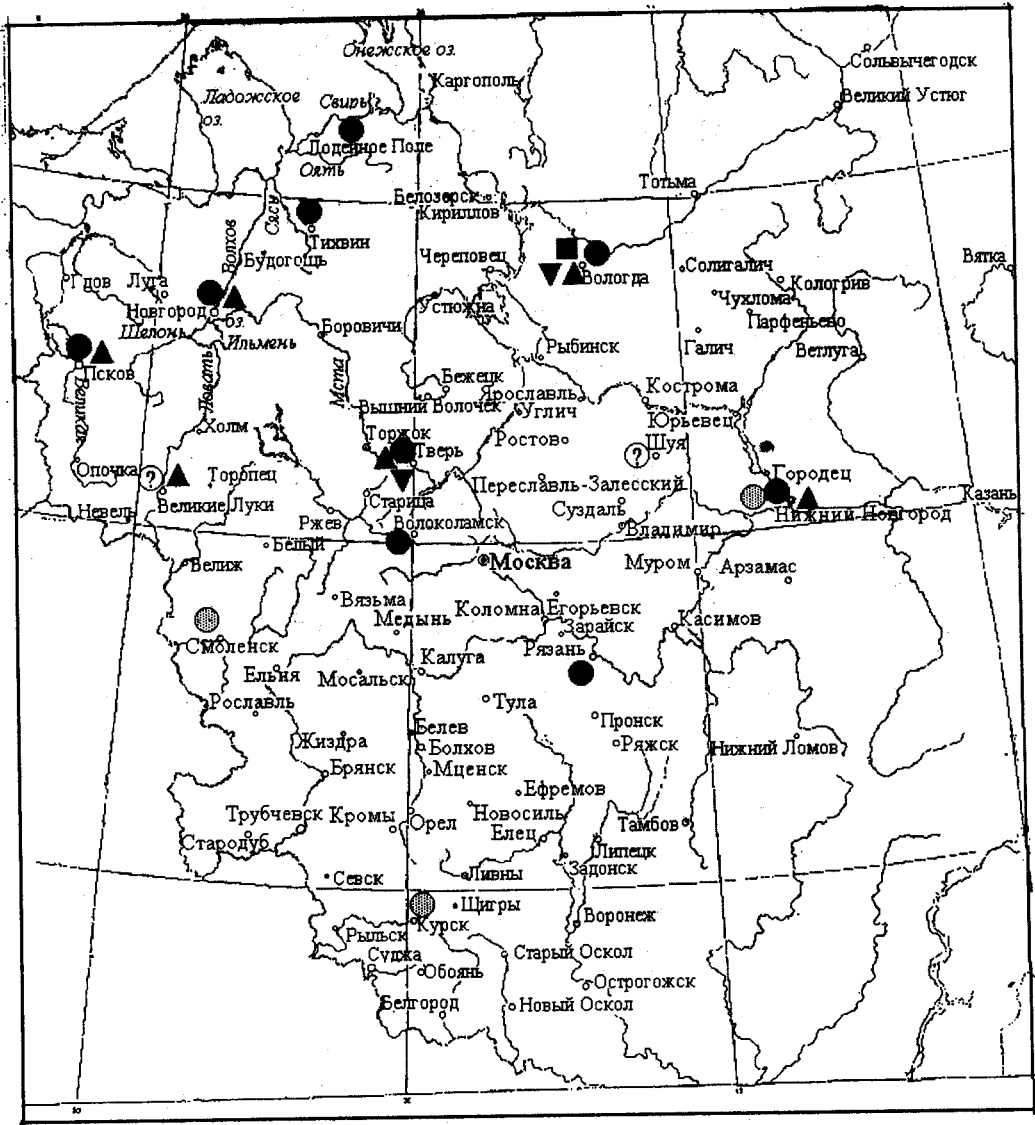

Условные обозначения:

Долгие шипящие ● - [ш] ◐ - [ш'] ◑ - долгий шипящий, но неизвестно, твердый или мягкий	Сложные шипящие ■ - [шч'] ([ш'ч']) ▲ - [шт'] ([ш'т'])

Качество долгого (или сложного) звонкого шипящего

(Комментарии см. 7.17.)

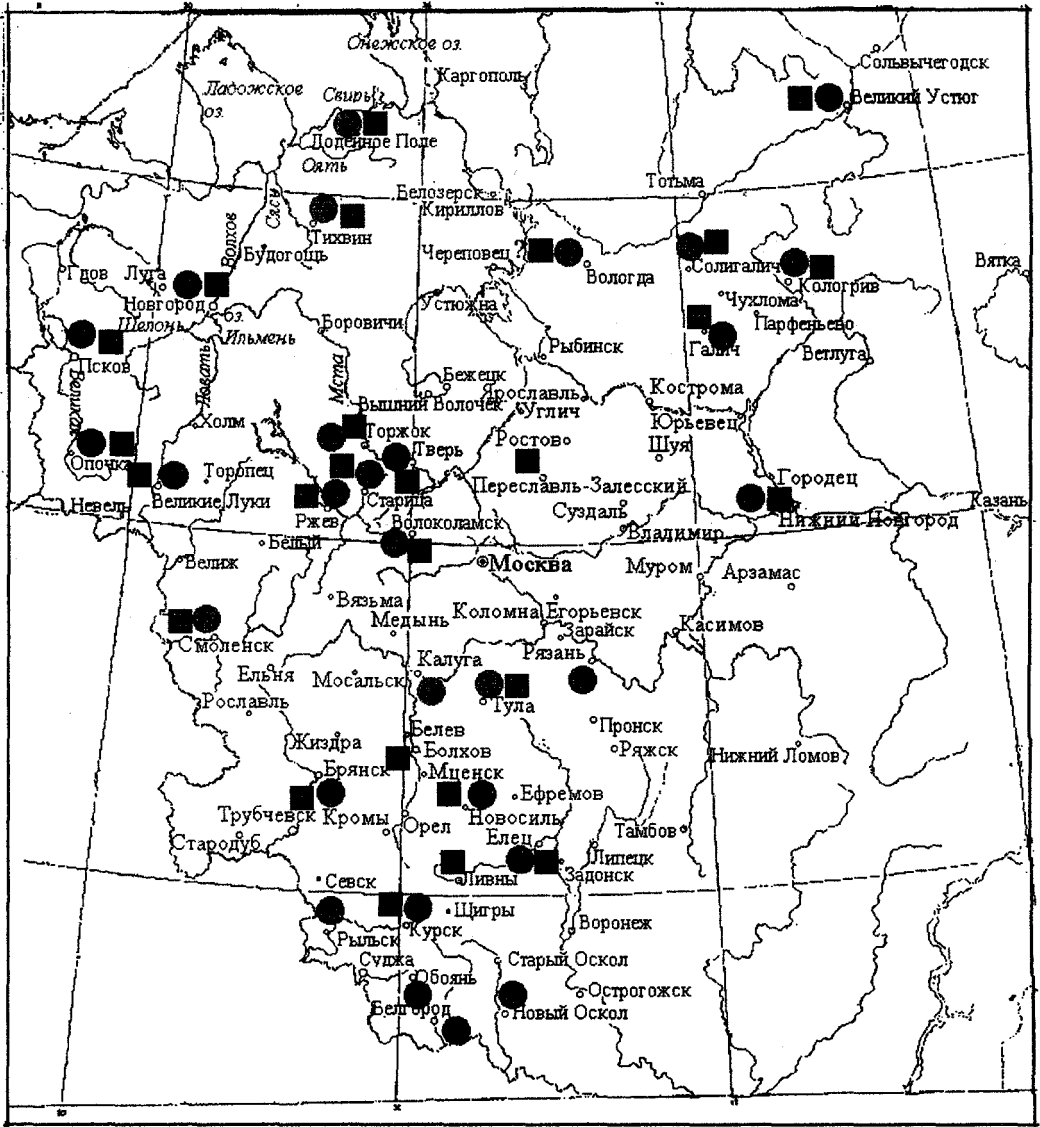

Условные обозначения:

Долгие шипящие		Сложные шипящие	
●	- [ж]	■	- [ждж]
◐	- [ж']	▲	- [жд'] ([ж' д'])
?	- долгий шипящий, но неизвестно, твердый или мягкий	▼	- [жд]

Качество аффрикат <ц> и <ч>

(Комментарии см. 7.18.)

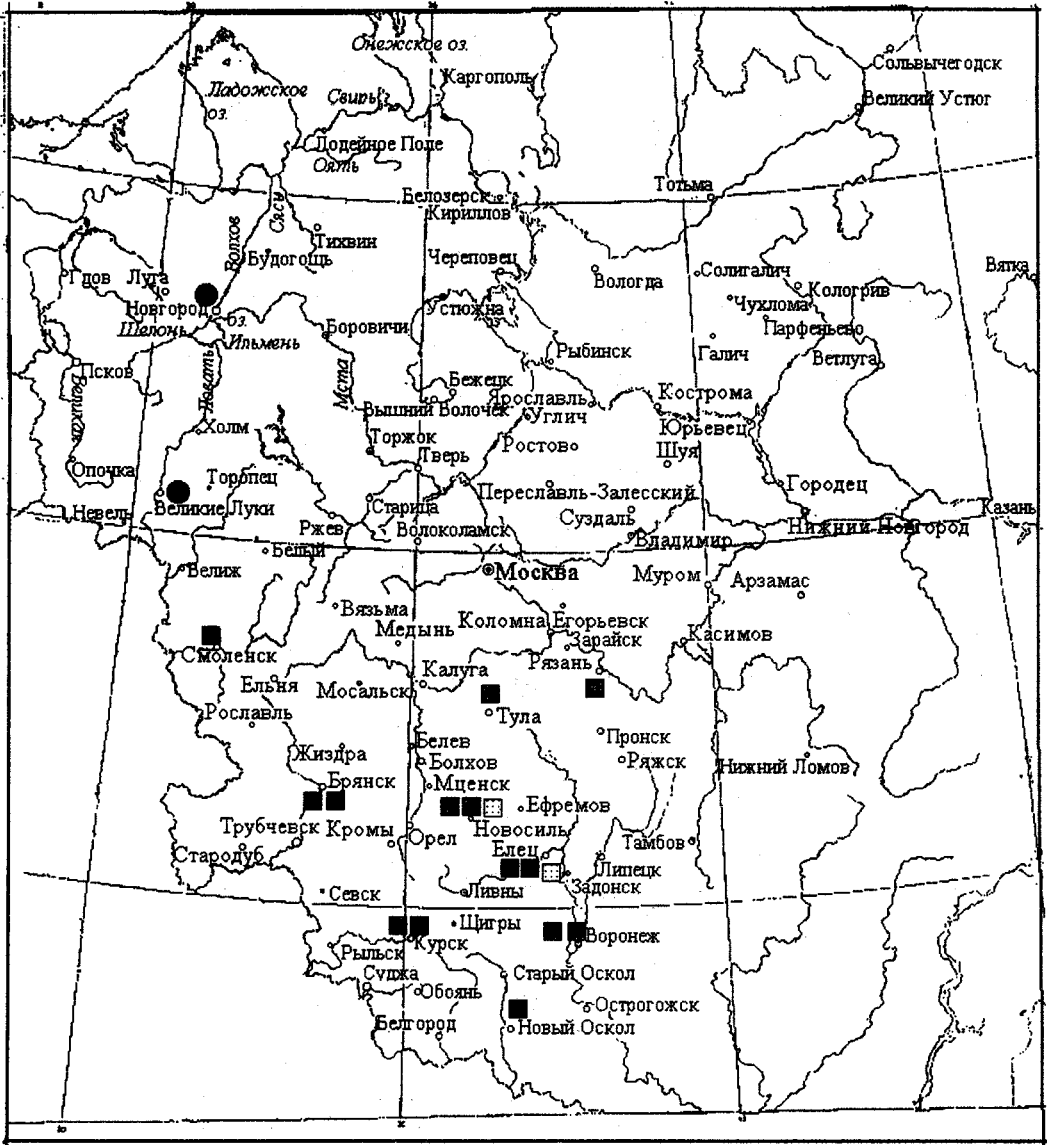

Условные обозначения:

- — мягкое [ч']
- — твердое [ц]
- ? — то же под вопросом

Прогрессивное ассимилятивное смягчение [к']

(Комментарии см. 7.19.)

Условные обозначения:

- — [к'] после парных по твердости-мягкости согласных
- — [к'] после [j]
- ▣ — [к'] после [ч']
- — [к'] исключительно в словах «только», «сколько»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, исследование рукописных источников конца XVI – первой половины XVII в., созданных на территории западной диалектной зоны, позволило выявить целый комплекс фонетических черт, характеризовавших данный диалектный ареал три с половиной — четыре столетия назад, и, таким образом, оказалась заполненной лакуна, которая до сих пор существовала в исторической диалектологии. Это дало возможность приступить к обобщению материала, накопленного тем ответвлением исторической русистики, которое связано с изучением памятников локальной деловой письменности прошлых эпох.

Сведения воедино результатов, полученных нами при анализе текстов конца XVI – первой половины XVII века, относящихся к западной диалектной зоне, и тех материалов, которые можно извлечь из имеющихся в научном обороте исследований рукописных источников, локализующихся в других областях территории исконного распространения русского языка, позволило продемонстрировать возможности историко-лингвистического картографирования. Следует, конечно же, признать, что в текстах различной локализации имеется материал не по всем вопросам — это объясняется, в частности, достаточной степенью грамотности некоторых из создателей текстов делового содержания XVII в.; кроме того, существенно, что исследуются и описываются памятники разных жанров, с различным лексическим наполнением. Впрочем, несмотря на это, удалось (пусть и с определенной долей допущения) показать, как основные фонетические явления проецировались в XVII веке на лингвистической карте. В итоге появилась возможность сравнить ту картину, которая восстанавливается для XVII века, с материалами современной лингвистической географии и определить, какие изоглоссы остались стабильными, а какие пережили за последние три с половиной — четыре столетия изменения, ибо прежде имели иную конфигурацию, нежели имеют сейчас¹.

1. Достаточно существенно модифицировалась лингвистическая карта в плане распространения рефлексов **ě* в ударном слоге.

а). В позиции перед твердыми согласными в севернорусских диалектах по прошествии первой половины XVII в. развилось произношение [и] из дифтонга [иѣ], реализовавшего в период, документированный обозреваемыми письменными источниками, фонему <ѣ>. В говорах западной части севернорусского наречия — ладого-тихвинских — эта инновация получила повсеместное распространение и ныне является одним из основных фонетических явлений, на основании которых лингвистическая география выделяет данные говоры в отдельную группу. Далее на восток развитие [иѣ] в [и] распространялось менее интенсивно, так что в Вологодской и Костромской группах [и] на месте **ě* перед твердыми согласными теперь представлено отдельными «островами» (в вологодских говорах их существенно больше, чем в костромских), но в основном на этой территории либо развилась другая инновация — [е] на месте **ě*, либо сохранилось древнее произношение [ѣ:] или [иѣ].

В некоторых из южнорусских диалектов — калужских и тульских, — составляющих по нынешнему диалектному членению Тульскую группу, в основном произошла утрата <ѣ> как фонемы: если для XVII века в соответствии с **ě* реконструируется произношение [ѣ] или [иѣ], то в современном состоянии во многих из этих говоров на месте **ě* произносится [е]. В тех калужских говорах, которые входят в группу межзональных говоров типа «А», сохранение <ѣ> представлено, по-видимому, более широко (см. тексты №№ 6-11 из звучащей хрестоматии [Рус. нар. говоры 1999]).

¹ Поскольку результаты реконструкции говоров первой половины XVII в. будут далее сравниваться с картами ДАРЯ, составившимися на основании полевых записей середины XX в., и с материалом научных работ примерно того же периода, под словами «ныне», «сейчас», «в современном состоянии диалекта» и под. будет подразумеваться на самом деле языковая ситуация, которая фиксировалась 30–50 лет назад.

Звук [ê] (или дифтонг [иѐ]) еще сохранялся в XVII в. на севере Курско-Орловской группы, теперь же такое произношение фиксируется единично при том, что преобладает инновация — [е]. То же можно сказать и о ливно-елецких говорах и примерно то же — о воронежском диалекте, располагающемся на юге Рязанской группы, поскольку сейчас на месте *ѣ там также в основном звучит [е], но недалеко от Воронежа находится достаточно обширный «остров», сохраняющий древнее произношение [ê:] или [иѐ].

Утрачивается <ѣ> как особая фонема в нижегородском диалекте (ныне здесь звучит [е]). Лишь изредка встречается [ê:] в шуйских говорах, где теперь преобладает [е].

Сопоставление современной лингвистической карты с результатами наших реконструкций показывает, что есть и такие говоры, в которых реализация *ѣ перед твердыми согласными в основном сложилась уже как минимум четыре столетия тому назад. Так, в первой половине XVII в. на месте *ѣ, как и сейчас, звучал [е] в курских, брянских, смоленских, волоколамских, переславль-залесских, великолукских и псковских говорах. В рязанском диалекте XVII в. фонема <ѣ> находилась в процессе утраты и совпадения с <е>, т. е. в части говоров сохранялось особое произношение [ê] (или [иѐ]), а в части из них уже произносился звук [е]. Подобная ситуация наблюдается и ныне: именно в Рязанской группе говоров узкой полосой — с севера на юг — расположены «острова» произношения [ê:] или [иѐ] перед твердыми согласными (в некоторых случаях, правда, в единичном распространении) на фоне наличия в этой позиции гласного [е].

Все вышесказанное касается закономерного развития фонемы <ѣ> либо в сторону [и], либо в сторону [е]. Проведенное же исследование позволило выявить еще одно видоизменение изоглоссы в пространстве и времени: нивелировку [и], происходящего из *ѣ, и распространение произношения на его месте [е], видимо, под воздействием соседних диалектов. Это произошло в торжковском говоре (где, впрочем [и] сосуществовало с [е] уже в XVII в.), а также в говорах новгородских (хотя местами [и] в окрестностях Новгорода и озера Ильмень отмечается и сейчас). См. 7.20., карта № 1; [ДАРЯ I, карта 40].

б). В позиции перед мягкими согласными изменений за прошедшие три с половиной — четыре столетия произошло меньше, нежели в позиции перед твердыми согласными. Так, в севернорусском наречии уже к первой половине XVII в. на месте *ѣ было распространено, как и теперь, произношение [и]. Это отмечается в ладого-тихвинских, онежских, собственно вологодских и великоустюжских говорах. Только на территории северо-восточного акающего «острова» произношение [и] в XVII в. было еще единичным — на фоне сохранения [ê] или [иѐ], — а ныне оно стало там повсеместным, хотя и в сочетании с [е] и сохранившимся местами [ê].

Сопоставление языковой ситуации, которая имела в южнорусских и среднерусских говорах в первой половине XVII в., с той, что наблюдается в них сейчас, показывает, что изменения или отсутствие изменений в плане реализации рефлексов *ѣ здесь практически идентичны соответствующим изменениям или их отсутствию в позиции перед твердыми согласными. См. 7.20., карта № 2; [ДАРЯ I, карта 41].

2. Лингвистическая карта, демонстрирующая результаты изменения [е] в [о] в ударном слого существительным изменениям, по-видимому, не подверглась, хотя, на самом деле, об этом судить затруднительно ввиду описанной выше (см. 7.3.) специфики отражения или не-отражения данного процесса памятниками письменности. См. 7.20., карта № 3; [ДАРЯ I, карта 38].

3. Результаты (нелексикализованные) изменения [’а] в [е] между мягкими согласными в восточнорусских говорах отражаются в рукописях первой половины XVII в. в соответствии с современной лингвогеографической картиной, за исключением того, что ныне произношение [е] из [’а] отсутствует в шуйских говорах, тогда как в древности, видимо, в каком-то количестве случаев было там представлено. В западной же диалектной зоне, где изменение [’а] в [е] могло осуществляться также перед твердыми согласными и иметь другую при-

роду, чем в восточнорусских говорах, оно в основном нивелировалось. См. 7.20., карта № 4; [ДАРЯ I, карта 43].

4. Вокализм первого предударного слога после твердых согласных (различение / неразличение гласных неверхнего подъема) уже в первой половине XVII в. сложился в том виде, в котором он существует теперь, практически на всех территориях, диалекты которых отражены рассмотренными памятниками письменности. Исключение составляют псковские говоры, где в первой половине XVII в. еще не сформировалось последовательное сильное яканье, а существовал (пусть уже и с некоторыми отклонениями) вокализм гдовского типа. См. 7.20., карта № 5; 7.5.; [ДАРЯ I, карта 1].

5. Вокализм второго предударного слога после твердых согласных (различение / неразличение гласных неверхнего подъема) к первой половине XVII в. также уже в основном сложился на большей части территории распространения русского языка, однако в псковских говорах еще не было полного неразличения гласных неверхнего подъема, а существовало их частичное различение гдовского типа. Не было известно неразличение гласных и в одном из ареалов восточной части распространения среднерусских говоров, где оно есть сейчас, а именно в шуйском диалекте. См. 7.20., карта № 6; 7.6.; [ДАРЯ I, карта 9].

6. В первой половине XVII в. в основном сформировался и вокализм заударных слогов после твердых согласных, однако так же, как во втором предударном слоге, в тот период еще не развилось неразличение заударных гласных неверхнего подъема в шуйском диалекте. См. 7.20., карта № 7; [ДАРЯ I, карты 16, 17, 18].

7. За последние три с половиной — четыре столетия произошли некоторые изменения в распространении тех или иных типов вокализма первого предударного слога после мягких согласных в акающих говорах. Впрочем, следует признать, что судить мы можем только о какой-то части изменений, так как карта, демонстрирующая распространение типов неразличения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге в XVII в., по объективным причинам, связанным со сложностью, а иногда и с невозможностью реконструкции по рукописным источникам конкретных разновидностей, скажем, диссимилятивного яканья, в большинстве случаев таковых и не отражает. Тем не менее удалось констатировать следующее:

а). На тех южнорусских территориях, где ныне распространено диссимилятивное яканье, оно имело место и в первой половине XVII в.

б). Западная часть южнорусского наречия неизменно характеризовалась жиздринским типом диссимилятивного яканья.

в). В XVII в. ассимилятивно-диссимилятивное яканье распространялось на тех же территориях, где оно представлено сейчас.

г). В южной части псковских говоров (а именно — в великолуцких) на протяжении последних трех с половиной — четырех столетий стабильно сохраняется сильное яканье.

д). Ареал распространения сильного яканья в XX в. по сравнению с тем языковым состоянием, которое реконструируется для XVII в., сократился — уменьшилась его восточная часть, поскольку в селигеро-торжковских говорах на базе сильного яканья развилось умеренное и умеренно-ассимилятивное яканье.

е). Ныне отсутствует диссимилятивное яканье в тульских говорах, где на его месте распространено яканье умеренное. Процесс смены типа вокализма, судя по всему, проходил как раз в XVII в., так как об этом свидетельствуют местные рукописные источники. См. 7.20., карта № 8; [ДАРЯ I, карты 3, 8].

8. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в акающих говорах (то есть реализация **ě*, **e* (и* *ь*), <*a*>) в тех его фрагментах, которые реконструированы для XVII в., в основном соответствует современной лингвистической карте, достаточно пестрой и свидетельствующей о возможности сосуществования разных типов произношения в одном говоре. Однако в отдельных случаях бывает и так, что в современных говорах какой-то из вариантов произношения отсутствует, а в рукописях XVII века свидетельства его наличия (пусть

в единичном распространении и наряду с другими вариантами) есть. Так, зафиксированная в текстах новгородского происхождения реализация *e (и *ь) как [’a] перед мягкими согласными не отмечается ни в ДАРЯ, ни в диалектологической литературе. Равным образом ДАРЯ фиксирует произношение [e] на месте <a> перед твердыми и мягкими согласными в шуйских говорах, на которое, как можно думать, указывают рукописные источники. См. 7.20., карты № 9, 10, 11; 1.3.2.1.; 2.3.2.1.; [ДАРЯ I, карты 4, 5, 7].

9. Определенные изменения претерпел в ряде говоров за последние три с половиной — четыре столетия вокализм заударных слогов после мягких согласных. Эти изменения связаны с уменьшением распространения заударного яканья. Дело в том, что в говорах западной диалектной зоны — великолукском, смоленском и тверском, — для которых в первой половине XVII в. заударное яканье было, видимо, весьма характерно, теперь оно встречается уже крайне редко. Возможно, что шире, чем сейчас, было распространено в XVII в. заударное яканье также в старицких и торжковских говорах. Нивелировалось заударное яканье, судя по всему, и в волоколамских говорах. См. 7.20., карты № 12, 13; [ДАРЯ I, карты 21–29].

10. Примерно соответствуют современной лингвогеографической картине, сложной и неоднозначной, реконструированные фрагменты карты, демонстрирующей реализацию *e (и *ь) и <a> в заударных слогах после мягких согласных в окающих говорах. См. 7.20., карта № 15; 1.3.2.2.; 1.3.2.3.; [ДАРЯ I, карты 21–29]; [Атлас сев., карты 20, 24, 36, 37].

11. Различные типы реализации <в> в середине слова перед согласными, судя по тем данным, которые удалось извлечь из рукописных источников первой половины XVII в., располагались в интересующий нас период на лингвистической карте так же, как и сейчас, за исключением того, что в районе Тихвина из двух вариантов, существовавших прежде, — [ф] и [й] ([w]) — ныне сохранился только один — [ф].

Не во всех обозреваемых в данной работе рукописях есть орфографические данные, которые позволяли бы судить о реализации <в> в [й] ([w]) именно в позиции середины слова перед согласными, но это не значит, что подобной реализации в соответствующих говорах не было, поскольку она реконструируется для других позиций. Среди источников упомянутого типа следует назвать великолукские тексты (где полностью отсутствуют написания, которые свидетельствовали бы об оглушении <в> в [ф] и при этом имеется мена букв у и в в начале фонетического слова) и рукописи вологодского происхождения (в которых хотя и есть указания на оглушение <в> в [ф], но присутствуют также данные, позволяющие говорить о том, что фонема <в> реализовалась в [й] ([w]) в абсолютном конце слова, а перед гласным на ее месте даже мог произноситься [w] билабиальный).

Соответствует современной лингвистической карте и отраженная в письменных источниках XVII в. реализация <в> в начале слова перед согласными. Для позиции конца слова имеются указания на оглушение <в> в [ф], и они также соответствуют нынешней лингвистической карте. В нашем распоряжении есть и нетривиальное орфографическое свидетельство реализации <в> в [й] ([w]) в конце слова в вологодском диалекте, что равным образом не расходится с той ситуацией, которая представлена там сейчас.

Таким образом, к первой половине XVII в. реализация <в> в русских диалектах уже, судя по всему, существовала практически в том виде, в котором она представлена ныне. См. 7.20., карта № 17; [ДАРЯ I, карты 56–59].

12. Проведенное исследование свидетельствует о сокращении за последние три с половиной — четыре столетия ареала распространения предлога *ув*. Теперь он характерен для обширной юго-западной территории, причем верхняя граница его распространения выходит за пределы этой территории и рассекает на две части Псковскую группу говоров, так что великолукский диалект этот предлог знает, а те говоры, которые расположены севернее, — нет. В конце XVI — первой половине XVII в. предлог *ув* был распространен значительно

далее на север — в собственно псковских, новгородских и ладого-тихвинских говорах. См. 7.20., карта № 18; [ДАРЯ I, карта 59].

13. Наличие протетического [в] ныне последовательно характеризует юго-западные говоры и южную часть Псковской группы, но “островками” — в том числе в единичном употреблении — встречается и на других территориях, а поскольку по имеющимся примерам из рукописей трудно судить о степени распространения данного явления в реконструируемых диалектах, не представляется возможным сделать однозначный вывод о том, изменилась ли в этом отношении лингвистическая карта или нет. См. 7.20., карта № 19; [ДАРЯ I, карта 60].

14. В целом соответствует современной лингвистической карте распространение замен [ф] на [х], [хв] в диалектах первой половины XVII в. В рукописях, отражающих говоры, где такая замена есть сейчас, соответствующие орфограммы с буквами *х*, *хв* вместо *ф* обнаруживаются в большом количестве (исключение составляет великолукская отказная книга, где отмечена только обратная замена, видимо гиперкорректная, *х* на *ф*). Единичные написания с буквами *х*, *хв* на месте *ф* в псковских, тихвинских и тверских рукописях могут свидетельствовать как о наличии остаточных случаев проявления данной фонетической особенности в первой половине XVII вв., так и о том, что соответствующая звуковая замена в этот период уже была лексикализованной. См. 7.20., карта № 20; [ДАРЯ I, карта 54].

15. Ареалы распространения [г] взрывного и [γ] фрикативного по тем недостаточно полным данным, которые мы находим в рукописных источниках первой половины XVII в., согласуются с современной диалектологической картой за тем немаловажным исключением, что смоленский диалект начала XVII в. еще полностью не перешел на [γ] фрикативное и там сохраняется и [г] взрывное. См. 7.20., карта № 22; [ДАРЯ I, карта 44].

16. Существенные изменения на лингвистической карте претерпела изоглосса твердого и мягкого произношения шипящих <ш> и <ж>. В нынешнее время во всех говорах, где отмечаются мягкие шипящие, они сосуществуют с твердыми при подавляющем преобладании последних, а более или менее последовательное употребление мягких шипящих характерно только для ареалов в Ивановской и Костромской областях [см. ДАРЯ I. Комментарии к картам: 165]. Судя по данным рукописных источников первой половины XVII в., три с половиной — четыре столетия тому назад мягкие шипящие были распространены гораздо шире: они наблюдались во многих диалектах, ныне характеризующихся наличием твердых шипящих: в смоленском, торжковском, тверском и тульском. Видимо, более частотным, нежели теперь, было произношение мягких шипящих в северо-восточных акающих говорах. Остаточная мягкость [ш'] и [ж'] в первой половине XVII в. имела место в ряде южнорусских говоров — брянских, оскольских, елецких, новосильских — там, где теперь ее уже нет; в калужских говорах, в которых шипящие ныне могут быть только твердыми, в XVII в. существовало и твердое, и мягкое их произношение; видимо, намного шире, чем сейчас, были распространены мягкие шипящие в окрестностях Новгорода и озера Ильмень. См. 7.20., карта № 23; [ДАРЯ I, карта 63].

17. Современная карта распространения различных вариантов произношения глухих долгих (или сложных) шипящих достаточно пестра. Столь же пестро в ряде случаев выглядит и карта, реконструированная для первой половины XVII в., но существенным ее отличием от современной является то, что она со всей очевидностью демонстрирует произношение в селигеро-торжковских говорах [ш'т'], которого ныне там нет.

Примерно так же может быть обрисована ситуация с распространением вариантов звонкого долгого (или сложного) шипящего. При том, что две карты — современная и реконструируемая — во многом совпадают, бросается в глаза явная нивелировка произношения [жд'] и [жд], которая осуществилась в псковском, великолукском, тверском и нижегородском говорах. Еще одним отличием двух синхронных срезов — первой половины XVII в.

и XX в. — является тот факт, что в вологодском диалекте теперь не фиксируется вариант [ждж], отраженный в рукописях первой половины XVII века.

Можно думать, что исчезновение в ряде говоров сложных шипящих [шт'г'] ([ш'т'г']) и [жд'д'] ([ж'д'д']), [жд] произошло под влиянием соседних диалектов, поскольку такое произношение, видимо, ощущалось носителями говоров как отличное от того, которое они слышали из уст людей, прибывавших из других мест, и, возможно, осознавалось как неправильное или непрестижное. См. 7.20., карты № 24, 25; [ДАРЯ I, карты 48, 52].

18. Твердое [ц] характеризовало в первой половине XVII в. те же диалекты, в которых [ц] твердое распространено и сейчас, в том числе и говоры, располагавшиеся в окрестностях Вологды и Великого Устюга, где и ныне с мягким [ц'] соседствует [ц] твердое. Таким образом, на территории исконного распространения русского языка имеется целый ряд диалектов, в которых аффриката <ц> отвердела раньше, чем отвердели шипящие <ш> и <ж>!

19. В многих северо-западных русских говорах (смоленских, псковских, гдовских, новгородских, ладого-тихвинских) ныне распространено твердое произношение [ч]. В первой половине XVII в. его еще не было, следовательно, это изменение, захватившее огромную территорию, произошло относительно недавно. См. 7.20., карта № 26; [ДАРЯ I, карты 45, 46].

20. Южнорусское переходное смягчение [к] на карте, построенной на основании показаний памятников письменности XVII в., отражается, в общем, в соответствии с современной диалектологической картой. Так, в курских и брянских говорах это явление сейчас проявляется после парных мягких согласных и после [j], и как раз такого рода примеры находим в рукописных источниках местного происхождения XVII в. В новосильских и елецких говорах [к] смягчается не только после парных мягких и [j], но и после [ч'], что также отражено локальными текстами. Однако вполне вероятно, что в каких-то случаях рукописи не демонстрируют прогрессивного ассимилятивного смягчения во всех возможных позициях. Так, тульские и рязанские тексты свидетельствуют о произношении [к'] лишь после парных мягких согласных, а в современных говорах он звучит также и после [ч'] и [j]. В связи с этим не совсем ясно, как трактовать полное отсутствие отражения прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных в северных рукописях — в частности, в тихвинских, — ведь в современных говорах соответствующей локализации прогрессивное ассимилятивное смягчение имеет место. Таким образом, получается, что оно либо ни разу (!) не отразилось, либо в первой половине XVII в. в этих диалектах еще не развилось. Предпочтительным следует признать последнее предположение, поскольку прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных ныне представлено разрозненными ареалами — очень большим на юге, двумя достаточно большими на северо-востоке и совершенно изолированным ареалом средней величины в Ладого-Тихвинской группе говоров, так что, возможно, это явление развивалось в разных частях восточнорусской территории изолированно². Прогрессивное ассимилятивное смягчение легко находит отражение на письме (а именно в южных памятниках), так как в русской графической системе для этого есть средства, и поэтому можно было бы ожидать хотя бы единичных случаев проявления данной особенности в большом по объему корпусе текстов тихвинского происхождения, где находит отражение много других диалектных особенностей, в том числе такая необычная, как произношение [т] на месте предлога *к* перед словами, начинающимися с [к] (*т колокольни, т коню^шни* и др.).

Эти соображения позволяют высказать осторожное предположение о том, что прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в северо-западных говорах может оказаться явлением, которому меньше трехсот пятидесяти — четырехсот лет

² О том, что прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных могло возникнуть в севернорусских говорах самостоятельно, без южнорусского воздействия см. [Касаткин 1968: 120].

(ведь, например, отвердение <ч>, захватившее огромную территорию западных диалектов, тоже, как выяснилось, явление молодое).

И, наконец, осталось сказать, что имеется свидетельство того, что прогрессивное ассимилятивное смягчение согласных способно нивелироваться: проявившееся в одном из смоленских текстов начала XVII в., оно отсутствует в современных смоленских говорах³ С м. 7.20., карта № 27; [ДАРЯ I, карта 66].

* * *

Таким образом, за последние три с половиной — четыре столетия на русской лингвистической карте произошел ряд изменений, наиболее существенные из которых касаются рефлексов *ѣ, ареалов распространения сильного яканья в первом предупредном слоге и яканья в заударных слогах, ареала распространения предлога *ув*, изоглоссы мягкого произношения <ш> и <ж>, отвердения аффрикаты <ч>.

* * *

Итак, очевидно, что задача создания русского диахронного диалектологического атласа, отражающего, по крайней мере, звуковую сторону языка, в принципе осуществима. В качестве первого синхронного среза, применительно к которому возможна реконструкция фонетических диалектных особенностей значительного количества говоров, располагающихся практически на всех территориях исконного распространения русского языка, несомненно, можно выбрать описанный выше период конца XVI — первой половины XVII в. В отношении ряда диалектов (например, новгородского и псковского, представленных древними памятниками письменности) возможна фонетическая реконструкция и применительно к более ранним синхронным срезам⁴. Таким образом, данная работа, с одной стороны, делает первый шаг на пути к реализации непростой задачи, стоящей перед исторической русистикой и заключающейся в составлении диахронного диалектологического атласа русского языка, а с другой стороны, она открывает дальнейшие перспективы для такого рода деятельности. В частности, становится ясно, что необходимо выделить синхронные срезы, более поздние по сравнению с вышеописанным (а в некоторых случаях, когда это возможно, — и более ранние), досконально исследовать относящиеся к ним рукописные источники различной локализации и сравнить полученные данные между собой, что в конце концов даст возможность построить полноценные хронотопоизоглоссы многих фонетических явлений. Очевидно, что такая работа потребует еще немало исследовательских усилий, но хочется надеяться, что ее результаты будут плодотворными.

³ На нивелировку в ряде областей прогрессивного ассимилятивного смягчения согласных в течение первой половины XX века указал Л. Л. Касаткин, сравнивший диалектологические данные Д. К. Зеленина, а также А. А. Шахматова и некоторых других исследователей с материалами атласов современных русских говоров [Касаткин 1968: 71–72].

⁴ Ср. опыт синхронного описания фонетики древнерусского языка XII–XIII вв. по имеющимся памятникам этого периода ([Древнерусская грамматика... 1995]).

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1948 – *Аванесов Р. И.* О долгих шипящих в русском языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948. Вып. 6.
- Аванесов 1949 – *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. Ч. I. М., 1949.
- Аванесов 1952 – *Аванесов Р. И.* Лингвистическая география и история русского языка // Вопр. языкознания. 1952. № 6.
- Аванесов 1952а – *Аванесов Р. И.* О качестве заднебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русских говорах // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1952.
- Аванесов 1955 – *Аванесов Р. И.* Фонетика (новгородских берестяных грамот) // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.
- Аванесов 1963 – *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963.
- Аванесов 1972 – *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. Изд. 5-е. М., 1972.
- Ардентов 1955 – *Ардентов Б. П.* К изучению Заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. Кишинев, 1955.
- Атлас 1957 – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы: Вступительные статьи, справочный материал и комментарии к картам / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.
- Атлас сев. – Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы (Рукопись. Хранится в ИРЯ РАН).
- Атлас сев.-зап. – Атлас русских говоров северо-западных областей СССР (Рукопись. Хранится в ИРЯ РАН).
- Базилевич 1933 – *Базилевич К. В.* Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. Сб. 1. М.-Л., 1933.
- Базилевич 1936 – *Базилевич К. В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // Проблемы источниковедения. Сб. II. М.-Л., 1936.
- Баракова 1995 – *Баракова О. В.* Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка XVII века (на материале книг таможен Северного речного пути). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда 1995.
- Баскаков 1984 – *Баскаков Н. А.* Некоторые задачи исторических лингвогеографических исследований тюркских языков // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18-20 октября 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1984.
- Белоруссов 1887 – *Белоруссов Н.* Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии // Русск. филологич. вестник. 1887. Т. 18. № 3–4.
- Берединых 1888 – *Берединых Я. И.* Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в г. Тихвине. Изд. 2-е. СПб., 1888.
- Бидуэлл 1961 – *Bidwell Ch. E.* The Chronology of Certain Sound Changes in Common Slavic as Evidenced by Loans from Vulgar Latin // Word. 1961. Vol. 17. № 2.
- Богатырев 1963 – *Богатырев П. Г.* Добавочные гласные в народной песне и их функция (О языке славянских народных песен и его отношении к разговорной речи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963.
- Брок 1907 – *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб., 1907.
- Бромлей 1975 – *Бромлей С. В.* Еще раз о русских вариантах греческого имени Γεβρυτος // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1973. М., 1975.
- Бромлей 1975 а – *Бромлей С. В.* К истории формирования признака «твердость–мягкость» у заднеязычных фрикативных фонем в русском языке // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Булаховский 1958 – *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.
- Бурова 1981 – *Бурова Е. Г.* Гласные вставки в начальных группах согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
- Бьёрнфлатен 1997 – *Björnflaten J. I.* Exploring the Land and Language of Pskovia // Slavistica Vilnensis 1997. Kalbotyra 46 (2).
- Вайан 1950 – *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Vol. 1. Phonétique. Lyon; Paris, 1950.
- Валк 1956 – *Валк С. Н.* Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив. 1956. № 1.
- Васеко 1959 – *Васеко Е. Ф.* К вопросу об изменении *e* в *o* в русском языке // Вопросы русского языка / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1959.
- Васеко 1973 – *Васеко Е. Ф.* Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятнику деловой письменности. Канд. дис. М., 1973.
- Васильев 1902 – *Васильев Л. Л.* Новгородское евангелие Имп. Публ. Библ. и его западно-русские вкладные // Русск. филологич. вестник. 1902. Т. 47. № 1–2.

- Васильев 1902 – *Васильев Л. Л.* Новгородское евангелие Имп. Публ. Библ. и его западно-русские вкладные // Русск. филологич. вестник. 1902. Т. 47. № 1–2.
- Васильев 1905 – *Васильев Л. Л.* Богдановский Златоуст XVI века // Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 3.
- Васильев 1905 а – *Васильев Л. Л.* К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV–XVII веках // Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 2.
- Васильев 1907 – *Васильев Л. Л.* К характеристике сильно акающих говоров // Русск. филологич. вестник. 1907. Т. XIII. № 3–4.
- Васильева 1981 – *Васильева А. К.* Специфика позиционного поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия // Диалектология и лингвогеография русского языка. М. 1981.
- Ващенко 1982 – *Ващенко Т. Ф.* К изучению отказных книг // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.
- Виноградов 1923 – *Виноградов В. В.* Исследования в области фонетики севернорусского наречия: очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. Пг., 1923.
- Виноградов 1968 – *Виноградов В. В.* Орфография и язык Жития Саввы Освященного по рукописи XIII в. // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968.
- Владимиров 1878 – *Владимиров П. В.* Несколько данных для изучения северновеликорусского наречия в XVI и XVII ст. (По рукописям Соловецкой библиотеки). М., 1878.
- Войлова 1976 – *Войлова К. А.* Фонетико-фонологическая система вторичного говора в истории и современном состоянии (На материале уральских говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976.
- Вопросы теории лингвистической географии 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
- Ворошилова 1955 – *Ворошилова Т. С.* Из истории шуйских говоров XVI–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Высотский 1969 – *Высотский С. С.* Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
- Высотский 1975 – *Высотский С. С.* К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры. М., 1975. С.
- Галкина 1961 – *Галкина Г. С.* Язык рязанских деловых документов XVII–VIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 1961.
- Ганцов 1927 – *Ганцов В. М.* Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // Изв. ОРЯС. 1927. Т. 32.
- Герд 1998 – *Герд А. С.* Славянская историческая диалектология и история регионального языка // Слово и культура. Т. I. М., 1998.
- Гиппиус 1996 – *Гиппиус А. А.* «Ноугородцы» (Об одной орфографической аномалии в старовеликорусских текстах) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Глускина 1962 – *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962.
- Глускина 1968 – *Глускина С. М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке: (На материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968.
- Глускина 1973 – *Глускина С. М.* Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973.
- Глускина, Большакова 1988 – *Глускина С. М., Большакова Н. В.* Разговорник Т. Фенне как источник для изучения псковского диалекта XVII века // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.
- Гольшченко 1982 – *Гольшченко В. С.* Немаркированный знак *ѣ* в ранних восточнославянских рукописях // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
- Гольшченко 1987 – *Гольшченко В. С.* Немаркированные буквенные знаки и их передача в лингвистических изданиях // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987.
- Горбунова 1952 – *Горбунова А. А.* Описание уральской грамоты XVII века (исследование языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
- Горшкова 1947 – *Горшкова К. В.* Из истории московского говора в конце XVII – начале XVIII века. Язык писем и бумаг Петра Великого // Вестник МГУ. 1947. № 10.
- Горшкова 1959 – *Горшкова К. В.* История безударного вокализма в старомосковском просторечии // Вопросы истории русского языка / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1959.
- Горшкова 1964 – *Горшкова К. В.* Развитие диалектных различий северных говоров в системе вокализма // Вопр. языкознания. 1964. № 5.
- Горшкова 1968 – *Горшкова К. В.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.
- Горшкова 1972 – *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- Грехова 1966 – *Грехова Л. П.* О вокализме северо-западных костромских говоров XVII века // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1966. Т. 163. Вып. 12.
- Грехова 1966а – *Грехова Л. П.* Исследование генетически южновеликорусского образования в северновеликорусском массиве. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

- Гринкова 1926 – *Гринкова Н. П.* Очерки по русской диалектологии: К диалектологии Ленинградской губернии // Изв. ОРЯС АН СССР. 1925. Т. XXX. Л., 1926.
- Гринкова 1926а – *Гринкова Н. П.* Очерки по русской диалектологии. Говор тудовлян Ржевского уезда // Изв. ОРЯС АН СССР. Т. XXXI. Л., 1926.
- Давидсон 1982 – *Давидсон К. К.* Новгородские документы. Из русских рукописей XVII в., хранящихся в библиотеке г. Упсалы (Швеция) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.
- Даль, I–IV – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882.
- ДАРЯ I – Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.
- ДАРЯ II – Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Демьянов 1987 – *Демьянов В. Г.* Звуковое качество *ѣ* по иноязычным показаниям XVII в. // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987.
- Дерягин 1964 – *Дерягин В. Я.* Важские грамоты XVI в. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1964. Т. 23. Вып. 3. Диалектологический материал... 1914 – Диалектологический материал по Новгородской губернии, собранный Новгородским Обществом Любителей древности / Обработал Н.Н. Соколов // Русский филологический вестник. 1914. Т. 71. № 1–2.
- Древнерусская грамматика... 1995 – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Дурново 1914 – *Дурново Н. Н.* Записки по истории звуков русского языка. Харьков, 1914.
- Дурново, Ушаков 1910 – *Дурново Н., Ушаков Н.* Хрестоматия по великорусской диалектологии. Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. С приложением образца литературного произношения и карты. М., 1910.
- Евгеньева 1946 – *Евгеньева А. П.* Вторая диалектологическая экспедиция в Псковскую область // Вестник ЛГУ. 1946. № 4–5.
- Евгеньева 1947 – *Евгеньева А. П.* Экспедиция Ленинградского университета // Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка. М.–Л., 1947. Вып. I.
- Евгеньева 1949 – *Евгеньева А. П.* Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета // Доклады и сообщения института филологического факультета ЛГУ. 1949. Вып. I.
- Евсеев 1891 – *Евсеев И.* О псковском говоре // Живая старина. 1891. Т. I. Вып. III.
- Едемский 1905 – *Едемский М.* Говор жителей Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии // Живая старина. 1905. Т. 14. Вып. 1–2.
- Елизаровский 1958 – *Елизаровский И. А.* Язык Беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958.
- Елоева 1984 – *Елоева Ф.* Греческий язык как объект лингвистического картографирования // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18–20 октября 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1984.
- Жакова 1954 – *Жакова З. И.* Восточно-смоленские говоры в их истории и современном состоянии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Жарких 1953 – *Жарких Т. В.* Язык воронежских грамот XVII века (Фонетическая система и морфологический строй). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1953.
- Жуковская 1962 – *Жуковская З. В.* О типе говоров к югу от Гдова // Псковские говоры. I. Псков, 1962.
- Жуковская 1968 – *Жуковская З. В.* Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку от Пскова // Псковские говоры. II. Псков, 1968.
- Жуковская 1988 – *Жуковская З. В.* О вокализме псковских говоров // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.
- Зализняк 1978 – *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различием двух фонем «типа о» // Советское славяноведение. 1978. № 3.
- Зализняк 1985 – *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1986 – *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк 1988 – *Зализняк А. А.* Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
- Зализняк 1988а – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984 – 1989 годов. М., 1993.
- Зализняк 1993 а – *Зализняк А. А.* Падение редуцированных по данным берестяных грамот // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1993.
- Зализняк 1995 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Записки графа М.Д. Бутурлина... 1897 – Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. № 7.
- Захарова 1968 – *Захарова Л. А.* Отражение фонетических особенностей письменными памятниками XVII в. Кетского острога // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968.

- Захарова 1969 – *Захарова Л. А.* К истории прикетских говоров XVII – начала XVIII вв. (Фонетика. Морфология). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1969.
- Зверинский 1890 – *Зверинский Л. А.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Ч. I. СПб., 1890.
- Зверинский 1892 – *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Ч. II. СПб., 1892.
- Зеленин 1913 – *Зеленин Д. К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.
- Иванов 1953 – *Иванов В. В.* Из истории говоров северо-западного Подмосквья (Волоколамские говоры). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
- Иванов 1959 – *Иванов В. В.* Из истории безударного вокализма русского языка (Аканье и сопутствующие ему явления в волоколамских говорах XV-XVIII вв.) // Вопросы русского языка / Под. ред. П.С. Кузнецова. М., 1959.
- Иеропольский 1930 – *Иеропольский К. А.* Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. Т. III. Кн. 2.
- Калима 1919 – *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
- Калима 1956 – *Kalima J.* Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin, 1956.
- Калнынь 1993 – *Калнынь Л. Э.* Вставные гласные как обеспечение консонантности звуковых цепей в русских диалектах // Проблемы фонетики. I. М., 1993.
- Кандаурова 1957 – *Кандаурова Т. Н.* К истории древнелсковского диалекта XV века (О языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 8.
- Каринский 1898 – *Каринский Н. М.* О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа // Русск. филол. вестник. 1898. Т. 40. № 3–4.
- Каринский 1909 – *Каринский Н. М.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
- Каринский 1916 – *Каринский Н. М.* Очерки из истории псковской письменности и языка. Ч. I. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 года. Пг., 1916.
- Каринский 1928 – *Каринский Н. М.* Паремийник 1271 года как источник для истории Псковского письма и языка // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928.
- Каринский 1931 – *Каринский Н. М.* Очерки из области русской диалектологии // Уч. записки Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Лингвистическая секция. Т. IV. М., 1931.
- Карский 1894 – *Карский Е. Ф.* О языке так называемых литовских летописей. Варшава, 1894.
- Карский 1899 – *Карский Е. Ф.* Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого летописью Авраамки // Варшавские университетские известия. 1899. № 3.
- Карский 1903 – *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903.
- Карский 1955 – *Карский Е. Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. I. Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955.
- Касаткин 1968 – *Касаткин Л. Л.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968.
- Касаткин 1987 – *Касаткин Л. Л.* Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.
- Касаткин 1995 – *Касаткин Л. Л.* Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском и праславянском языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности / ненапряженности // Вопр. языкознания. 1995. № 2.
- Касаткин 1999 – *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин, Касаткина 1993 – *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Противопоставление согласных по напряженности–ненапряженности в севернорусских говорах // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1993.
- Касаткина 1991 – *Касаткина Р. Ф.* Рефлексы *ѣ в некоторых севернорусских говорах // Вопр. языкознания. 1991. № 2.
- Касаткина 2001 – *Касаткина Р. Ф.* Об открытых гласных – рефлексах ѣ в современных русских говорах // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию проф. К. В. Горшковой. М., 2001.
- Кипарский 1958 – *Кипарский В.* О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-Slavica. 1958. Vol. IV.
- Кириллова 1963 – *Кириллова Т. В.* Некоторые фонетические особенности говоров Калининского района Калининской области (К вопросу о границах между диалектами) // Ученые записки Калининского гос. пед. института им. М. И. Калинина. Серия филологическая. Т. 30. Калинин, 1963.
- Кириллова 1983 – *Кириллова Т. В.* Развитие народных говоров в советский период. Калинин, 1983.

- Князев, Левина, Пожарицкая 1997 – *Князев С.В., Левина А.Н., Пожарицкая С.К.* О говорах Верхней Пинеги и Выи // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Ковпик, в печати – *Ковпик В. А.* Из истории безударного вокализма псковских говоров // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. Сборник работ молодых ученых филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 3 (в печати).
- Колесов 1963 – *Колесов В. В.* Севернорусские чередования согласных, парных по глухости–звонкости // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. 1963. № 2.
- Колесов 1972 – *Колесов В. В.* Различительные особенности языка и письма в северновеликорусских рукописях из собрания Пушкинского дома // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972.
- Колесов 1980 – *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Колесов 1987 – *Колесов В. В.* К исследованию фонетики старомосковского говора // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987.
- Колосов 1874 – *Колосов М. А.* Материалы для характеристики северновеликорусского наречия // Варшавские университетские известия. 1874, № 5.
- Колосов 1878 – *Колосов М. А.* Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.
- Комментарий к Атласу русских говоров ... – Комментарий к Атласу русских говоров центральных областей к северу от Москвы. – Рукопись, хранится в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН.
- Копорский 1949 – *Копорский С. А.* Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М.-Л., 1949.
- Копосов 1967 – *Копосов Л. Ф.* Фонетика вологодских говоров XVI–XVII вв.: (По данным местной письменности) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1967. Т. 204. Вып. 14.
- Копосов 1971 – *Копосов Л. Ф.* Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
- Копосов 1977 – *Копосов Л. Ф.* Унские грамоты XVI–XVII вв. // История русского языка: Лингвистический сборник. М., 1977. Вып. 7.
- Котков 1952 – *Котков С. И.* Заметки по консонантизму курско-орловских говоров // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. М., 1952. Т. 2.
- Котков 1963 – *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963.
- Котков 1970 – *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVII вв. М., 1970.
- Котков 1972 – *Котков С. И.* Таможенные книги Камер-коллегии – источники по истории русского языка // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972.
- Котков 1973 – *Котков С. И.* Об источниковедческом аспекте в исследованиях по русскому языку // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973.
- Котков 1974 – *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
- Котков 1975 – *Котков С. И.* Памятники русской письменности и историческая диалектография // Вопр. языкознания. 1975. № 2.
- Котков 1980 – *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.
- Котков, Ларионова 1982 – *Котков С. И., Ларионова А.П.* Материалы Корочанской приказной избы // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.
- Коткова 1964 – *Коткова Н. С.* Книги Денежного стола // Источниковедение и история русского языка. М., 1964.
- Коткова 1976 – *Коткова Н. С.* Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в. // Источники по истории русского языка. М., 1976.
- Коткова 1982 – *Коткова Н. С.* Удвоенные написания и по данным некоторых рукописных текстов делового содержания XVII в. // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.
- Кузнецов 1949 – *Кузнецов П. С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.-Л., 1949.
- Кузьмин 1931 – *Кузьмин И. О.* Отчет о поездке в Великолуцкий округ в 1929 году // Труды комиссии по русскому языку. 1931. Т. I. Л., 1931.
- Лавровский 1852 – *Лавровский П. А.* О языке северных русских летописей. СПб., 1852.
- Лампрехт 1956 – *Лампрехт А.* Несколько замечаний к развитию фонетической системы праславянского языка // Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské university. Roč. V. Rady jazykovědně (A). Č. 4. Brno, 1956.
- Липовская 1975 – *Липовская Н. А.* Губные спиранты на территории северо-восточной диалектной зоны // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Лист 1994 – *Лист Ф.* Отражение псковского говора (вокализм) в русско-нижненемецком Разговорнике Тённиса Фенне, Псков 1607 г. – Дипломная работа (машинопись). МГУ, 1994.
- Лыткин 1962 – *Лыткин В. И.* Выступление в дискуссии // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962.

- Магин 1962 – *Магин В. А.* Очерк черкасского говора по историческим и современным данным: Фонетика и морфология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962.
- Мадуев 1908 – *Мадуев А.* Отчет о диалектологической поездке по Тверской губ. летом 1904 года // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. I. Варшава, 1908.
- Мазо 1966 – *Мазо С. Э.* Особенности вокализма в языке деловых документов XVII в. г. Томска // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. I. Томск, 1966.
- Мазо 1970 – *Мазо С. Э.* Язык деловых документов XVII в. г. Томска (Фонетика и морфология) Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1970.
- Макарий, архимандрит 1854 – *Макарий, архимандрит.* Описание Ферапонтовской волости // Вестник Императорского Географического Общества. СПб., 1854. Ч. II.
- Мансика 1912 – *Мансика В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Изв. ОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 2.
- Мансика 1915 – *Мансика В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС. 1915. Т. 19. кн. 4.
- Марасинова 1966 – *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Миклошич 1862–1865 – *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: Emendatum auctum Vindobohhae. Wien. 1862–1865.
- Михайлов, Сухачев 1984 – *Михайлов В. А., Сухачев Н. Л.* Историко-лингвистические атласы // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межкультурного взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18–20 октября 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1984.
- Молчанова 1982 – *Молчанова Л. Д.* Названия сельских жилых хозяйственных строений в русском языке XV–XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Мордвинов 1911 – *Мордвинов И. П.* Тихвинская старина: Сборник материалов к истории города Тихвина и Нагорного Обонежья (современного Тихвинского уезда) // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911.
- Мордвинов 1925 – *Мордвинов И. П.* Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: Исторический очерк. Тихвин, 1925.
- Муллонен 1983 – *Муллонен И. И.* Вепская ландшафтная терминология в гидронимике бассейна р. Ояти // Советские финно-угроведение. 1983. № 2.
- Нар. говоры... 1971 – Народные говоры Калининской области. Хрестоматия / Составили Т. В. Кириллова и А. А. Белова. Калинин, 1971.
- Насонов 1951 – *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.
- Неволин 1853 – *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853.
- Нерознак 1983 – *Нерознак В. П.* Названия русских городов. М., 1983.
- Ниеминен 1957 – *Ниеминен Э.* К вопросу о влиянии праславянского языка на прибалтийско-финские языки // Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15-21, IX 1955). Beograd, 1957.
- Николаев 1988 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
- Николаев 1989 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.
- Николаев 1990 – *Николаев С. Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.
- Николаев 1994 – *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопр. языкознания. 1994. № 4.
- Николаева 1989 – *Николаева Е. В.* Отчет об экспедиции 1988 г.: Наблюдения над вокализмом говора села Бобровка Калининской области // Среднерусские говоры и памятники письменности. Калинин, 1989.
- Нимчук 1984 – *Нимчук В. В.* К вопросу об украинской диахронической лингвогеографии // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межкультурного взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18–20 октября 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1984.
- Новг. обл. сл., вып. 1–12 – Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Новгородские записные и кабальные книги ... 1938 – Новгородские записные и кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1696 и 1602–1603 гг.) / Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938.
- Новикова 1987 – *Новикова Л. Н.* Изменения в консонантизме некоторых среднерусских говоров. По следам Н.М. Каринского // Среднерусские говоры и их история. Калинин, 1987.
- Новицкая 1958 – *Новицкая И. С.* К истории новосильских говоров // Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та. Т. XIII. Орел, 1958.
- Новицкая 1959 – *Новицкая И. С.* Новосильские говоры в их истории и современном состоянии (Фонетика и морфология): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1959.

- Новопокровская 1956 – *Новопокровская В. Н.* Диалектные особенности рязанских говоров XVII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956.
- Новопокровская 1965 – *Новопокровская В. Н.* О качестве *ѣ* в брянских говорах XVII века // Ученые записки Липецкого гос. пед. института. Вып. 4. Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания. Воронеж. 1965.
- Носович 1870 – *Носович Н. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Обнорский 1931 – *Обнорский С. П.* Сочетание *чи* в русском языке // Труды комиссии по русскому языку. 1931. Т. I. Л., 1931
- Образование...1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970.
- Одинцов 1982 – *Одинцов Г. Ф.* Описная книга Оружейной палаты 1687 г. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
- Ойнас 1962 – *Ойнас Ф.* Взаимоотношения между русским и прибалтийско-финскими языками // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
- ОЛА, вып. 1 – Общеславянский лингвистический атлас. Сер. фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы **ѣ*. Белград, 1988.
- Орлова 1950 – *Орлова В. Г.* Губные спиранты в русском языке // Труды Института русского языка. М.-Л., 1950. Т. 2.
- Палагина 1973 – *Палагина В. В.* Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 1973.
- Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край / Под ред. С. И. Коткова. М., 1984.
- Пам. южн. – Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1990.
- Памятники обороны Смоленска... 1912 – Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. действительного члена Ю. В. Готье. М., 1912.
- Пауфошима 1969 – *Пауфошима Р. Ф.* Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости–звонкости согласных в говорах русского языка // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
- Пауфошима 1973 – *Пауфошима Р. Ф.* О распределении мягкости в двойных сочетаниях согласных в некоторых окающих говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Пауфошима 1977 – *Пауфошима Р. Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Пауфошима 1981 – *Пауфошима Р. Ф.* О произношении гласных второго предупредного слога в некоторых русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
- Пауфошима 1983 – *Пауфошима Р. Ф.* Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983.
- Перетц 1894 – *Перетц В. Н.* Деревня Будагоща и ее предания // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. 1.
- Плотникова 1922 – *Плотникова З. К.* К вопросу об окончаниях род. пад. ед. ч. муж. и среднего рода местоимений и сложных прилагательных // Изв. ОРЯС, 1922. Т. 24. Кн. I.
- Полякова 1968 – *Полякова Е. Н.* Шадринская рукопись 1687-88 гг. как памятник делового языка XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
- Попов 1912 – *Попов В. М.* Замечания о северно-смоленских и ржевских говорах (Отчет Отделения русского языка о поездках в Поречский и Ржевский уезды) // Изв. ОРЯС. Т. 18. Кн. 3. СПб., 1912.
- Попов 1981 – *Попов А. И.* Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Попова 1961 – *Попова Н. Е.* Язык деловых документов Красноярского острога XVII – начала XVIII вв. (Фонетика и морфология). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961.
- ПОС, 1–13 – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–1997. Вып. 1–13.
- Потебня 1865 – *Потебня А. А.* О звуковых особенностях русских наречий // Филологические записки. 1865. Т. 4. Вып. 1. Вып. 2–3.
- Практич. занятия – *Гринкова Н. П., Чагишева В. И.* Практические занятия по диалектологии. Л., 1957.
- Проватке 1988 – *Provatke C.* Zur graphematischen Analyse historischer schriftlicher Überlieferungen zum Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tönnies Fenne, Pskov 1607. Berlin, 1988.
- Пушкарев 1991 – *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. М., 1991.
- Равдоникас 1924 – *Равдоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.
- Радич 1980 – *Радич Л. М.* Язык памятников деловой письменности енисейского острога XVII в. (Палеография. Фонетика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1980.
- Радич-Городилова 1975 – *Радич-Городилова Л. М.* Отражение явлений консонантизма в памятниках Енисейского острога XVII века // Вопросы теории русского языка и диалектологии. Хабаровск, 1975.
- Рамовш 1944 – *Ramovš F.* Fonetična vrednost psl. *ě* // Razprave Slovenske Akademije Znanosti in Umetnosti v Ljubljani. Filozofsko-filološko-historični razred. II. Ljubljana, 1944.
- Расторгуев 1960 – *Расторгуев П. А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.

- Реформатский 1997 – *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1997.
- Ростовцева 1969 – *Ростовцева Н. А.* Фонологическая система Переславль-Залесского говора XVI в. (по данным письменных памятников и современного состояния говора Переславля-Залесского). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
- Рус. нар. говоры 1999 – Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- Русская диалектология 1973 – Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973.
- Русская диалектология 1989 – Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.
- Рыбочкина 1970 – *Рыбочкина Е. А.* Фонетика и морфология тульских говоров XVII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Савченко 1966 – *Савченко Н. Ф.* Калужские говоры XVII века по данным местной письменности (Фонетика и морфология): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
- Самилов 1964 – *Samilov M.* The Phoneme 'jat' in Slavic. London; The Hague; Paris, 1964.
- Самуйлова 1963 – *Н. И. Самуйлова.* К вопросу о возникновении соотносительной пары [в] – [ф] в русском языке // Вопросы теории и методики преподавания русского языка иностранцам. М., 1963.
- Сборн. упр. – *Баранникова Л. И., Бондалетов В. Д.* Сборник упражнений по русской диалектологии. М., 1980.
- Свод... 1910 – Свод материалов, собранных <Московской диалектологической> Комиссией. Новгородская губерния / Обработал Н. Н. Дурново // Труды МДК. Вып. 2. Варшава, 1910.
- Свод... 1914 – Свод материалов, собранных <Московской диалектологической> Комиссией. Серия 1-я. Тверская губерния / Обработал Н. Н. Дурново // Русский филологич. вестник. 1914. № 2.
- Селищев 1921 – *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.
- Селищев 1931 – *Селищев А. М.* Соканье и шоканье в славянских языках // *Slavia*. 1931. Roč. 10. Seš. 4.
- Селищев 1951 – *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. М., 1951.
- Семенова 1973 – *Семенова А. П.* Фонетика и морфология нижегородских говоров XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Сербина 1951 – *Сербина К. И.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад XVI–XVII вв. М.; Л., 1951.
- Синозерский 1895: *Синозерский М. А.* О говоре жителей Левочской волости Боровичского уезда // Живая старина, 1895. Т. 5. Вып. 3–4.
- Слов. др.-рус. яз. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–1991. Т. 1–4.
- Слов. рус. личн. имен – *Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г.* Словарь русских личных имен. М., 1995.
- СлРЯ, 1–25 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2000. Т. 1–25.
- Смол. крестоприводн. книга – Смоленская крестоприводная книга 1598 г. (Подготовили к печати С. П. Мордовина, А. С. Станиславский) // Источники по истории русского языка. М., 1976.
- Соболева 1996 – *Соболева Н. В.* Фонетика смоленского диалекта второй половины XVII в. (по данным местной деловой письменности). – Дипломная работа (машинопись) МГУ, 1996.
- Соболевский 1881 – *Соболевский А. И.* Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881.
- Соболевский 1883 – *Соболевский А. И.* Статьи по славяно-русскому языку. Варшава, 1883.
- Соболевский 1884 – *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Ч. I. Киев, 1884.
- Соболевский 1886 – *Соболевский А. И.* Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // Русск. филологич. вестник. 1886. Т. XV. № 1.
- Соболевский 1888 – *Соболевский А. И.* Псковский Трефолий 1446 г. // Русск. филологич. вестник. 1888. Т. 19. № 1–2.
- Соболевский 1889 – *Соболевский А. И.* Критические заметки по истории русского языка / Ординарного академика И. В. Ягича. СПб., 1889.
- Соболевский 1897 – *Соболевский А. И.* Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское. СПб., 1897.
- Соболевский 1907 – *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Соболевский 1909 – *Соболевский А. И.* Важная особенность старого псковского говора // Русск. филологич. вестник. 1909. Т. 62. № 3–4.
- Соболевский 1910 – *Соболевский А. И.* Мелкие заметки по славянской и русской фонетике // Русск. филологич. вестник. 1910. Т. 64. № 3–4.
- Соколов 1891 – *Соколов А. И.* Об языке и правописании в документах XVII века // Русск. филологич. вестник. 1891. Т. 26. № 3–4.
- Соколов 1908 – *Соколов Н. Н.* Отчет о поездке в Тверскую губернию с диалектологическою целью летом 1904 г. // Труды Московск. Диалектологич. Комиссии. Вып. 1. Варшава. 1908.
- Соколов 1909 – *Соколов Н. Н.* Поездка в Тихвинский уезд // Русск. филологич. вестник. 1909. Т. 62. № 3–4.
- Соколов 1914 – *Соколов Н. Н.* Народные говоры Новгородской губернии в связи с вопросом о составе и границах северновеликорусского наречия // Русск. филологич. вестник. 1914. Т. 71. № 2.
- Соколов 1917 – *Соколов Н. Н.* Говоры Псковской губернии // Русск. филологич. вестник. 1917. Т. 77. № 2.

- Соколова 1961 – *Соколова М. Н.* Значение памятников деловой письменности для истории русского языка // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. 1961. № 2.
- Соловьев 1904 – *Соловьев В. Ф.* Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии // Сборник ОРЯС. Т. 77. № 7. СПб., 1904.
- Сологуб 1973 – *Сологуб А. И.* О формах дательного – предложного падежей единственного числа типа *пече, грязе* в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Сорокина 1959 – *Сорокина Е. В.* Судьба старого ять под ударением в говорах Новгородской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959.
- Сп. нас. мест... Пск. губ. – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XXXIV. Псковская губерния. СПб., 1885.
- Срезневский, 1–3 – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1883–1912. Т. 1–3.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 29. СПб., 1995.
- ССГ, 1–5 – Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–1988. Вып. 1–5.
- Строганова 1962 – *Строганова Т. Г.* О предупредном вокализме говоров северо-запада Псковской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Сумникова 1960 – *Сумникова Т. А.* Чудовский сборник XVI века: (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника № 264) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960.
- Сушева 1974 – *Сушева М. В.* Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (на материале документов г. Великого Устюга). Дис. канд. филол. наук. М., 1974.
- Тарабасова 1982 – *Тарабасова Н. И.* Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
- Теплова 1981 – *Теплова В. Н.* О типах вокализма заударного конечного закрытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981.
- Требин 1910 – *Требин А.* Еще один памятник псковского говора XV в. // Русск. филологич. вестник. 1910. Т. 64. № 3–4.
- Трехсотлетие... 1914 – Трехсотлетие осады Тихвина шведами (1613–1913). СПб., 1914.
- Туркина 1959 – *Туркина Р. В.* Об отражении диалектных особенностей в памятниках тверской письменности XV–XVI вв. (на материале «Июна Фомы слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче») // Уч. зап. Великолукского гос. пед. ин-та. 1959. Т. 4. Вып. 3. С. 65–79.
- Унбегаун 1972 – *Унбегаун Б. О.* Аканье в русских фамилиях // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972.
- Успенский 1891 – *Успенский М.* Говор крестьян Марипчельского прихода Великолукского уезда, Псковской губернии // Живая старина. 1891. Т. 1. Вып. 3.
- Успенский 1898 – *Успенский М.* Марипчельская крестьянская свадьба. (Бытовой очерк) // Живая старина. 1898. Т. 8. Вып. 1.
- Успенский 1975 – *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975.
- Устюгов 1955 – *Устюгов Н. В.* Просвещение и школа. // Очерки истории СССР XVII в.: Период феодализма. М., 1955.
- Файнштейн, Шаскольский 1961 – *Файнштейн Л. А., Шаскольский И. П.* Тихвин: Историко-краеведческий очерк. Л., 1961.
- Фасмер, I–IV – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. I–IV.
- Фенне, I – *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov 1607. Vol. I. Facsimile Copy / Ed. by L.L. Hammerich, Roman Jakobson, Elizabeth von Schooneveld, T. Starck and Ad. Stender-Petersen. Copenhagen, 1961.*
- Фенне, II – *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov 1607. Vol. II. Translation and Transliteration / Ed. by L. L. Hammerich and Roman Jakobson. Copenhagen, 1970.*
- Филиппова 1982 – *Филиппова И. С.* Московские грамоты XVII в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
- Хабургаев 1966 – *Хабургаев Г. А.* Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Введение. Вокализм) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1966. Т. 163. Вып. 12.
- Хабургаев 1967 – *Хабургаев Г. А.* Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Т. 204. Вып. 14. М., 1967.
- Хабургаев 1969 – *Хабургаев Г. А.* Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.
- Хабургаев 1973 – *Хабургаев Г. А.* «Изоглоссная стратиграфия» – основа локализации и хронологизации языковых изменений // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

- Хабургаев 1979 – *Хабургаев Г. А.* Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.
- Хабургаев 1980 – *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка (Пособие по исторической грамматике). М., 1980.
- Халанский 1881 – *Халанский М. Г.* Особенности «Актов Оскольского края» XVII и начала XVIII в. // Русский филологич. вестник, 1881. Т. 5. № 1-2.
- Хрест. – *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. 3-е изд., М., 1999. Ч. 1. Хрест. по рус. диалект. – *Мельниченко Г. Г.* Хрестоматия по русской диалектологии. М., 1985.
- Христосенко 1975 – *Христосенко Г. А.* Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1975.
- Хрущов 1869 – *Хрущов И. П.* Заметки о русских жителях берегов реки Ояты // Записки Имп. Русского Географического Общества по Отделению этнографии. 1869. Т. 2.
- Царева 1962 – *Царева Л. И.* Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // Псковские говоры. 1. Псков, 1962.
- Цомакион 1966 – *Цомакион Н. А.* Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966.
- Чагишева 1949 – *Чагишева В. И.* Говоры восточного побережья озера Ильмень. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949.
- Черных 1927 – *Черных П. Я.* Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. Ч. I и II. Иркутск, 1927.
- Черных 1953 – *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей уложенной книги. М., 1953.
- Чернышев 1931 – *Чернышев В. И.* Псковское наречие (Наблюдения над говорами б. Псковского уезда в 1917 году) // Труды комиссии по русскому языку. 1931. Т. I. Л., 1931.
- Шахматов 1886 – *Шахматов А. А.* Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886.
- Шахматов 1893 – *Шахматов А. А.* Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.
- Шахматов 1896 – *Шахматов А. А.* Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 2. СПб., 1896.
- Шахматов 1897 – *Шахматов А. А.* Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 4. СПб., 1897.
- Шахматов 1898 – *Шахматов А. А.* Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 5. СПб., 1898.
- Шахматов 1903 – *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV века. Ч. I и 2. СПб., 1903.
- Шахматов 1903 а – *Шахматов А. А.* К истории русского языка. О полногласии и других явлениях. СПб., 1903.
- Шахматов 1909 – *Шахматов А. А.* Несколько заметок об языке псковских памятников XIV–XV века // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 7.
- Шахматов 1910 – *Шахматов А. А.* Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 9. СПб., 1910.
- Шахматов 1912 – *Шахматов А. А.* Грамота псковского князя Ивана Александровича // Изв. ОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 3.
- Шахматов 1915 – *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов 1941 – *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
- Шевелев 1979 – *Shevelov G. Y.* A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.
- Щепкин 1999 – *Щепкин В. Н.* Русская палеография. 3-е доп. изд. М., 1999.
- Южн. отк. – Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подготовили С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982.
- Южн. тамож. – Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / Отв. ред. С. И. Котков. М., 1982.
- Южн. челобитн. – Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи / Отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1993.
- Ягич 1889 – *Ягич И. В.* Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.
- Янин, Зализняк 1999 – *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопр. языкознания. 1999. № 4.
- Янин, Зализняк 2000 – *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.

Научное издание

Галинская Елена Аркадьевна

**Историческая фонетика русских диалектов
в лингвогеографическом аспекте**

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Издание осуществлено в авторской редакции

Технический редактор *З. С. Кондрашова*
Оригинал-макет: *И. Б. Качичская*
Обложка: *Ю. Н. Симоненко*

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97.
Подписано в печать 18.01.02. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офс. № 1. Офсетная печать. Усл. печ. л. 21,93. Уч.-изд. л. 28,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 1077

Ордена «Знак Почета»
издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Типография ордена «Знак Почета»
издательства Московского университета.
119899, Москва, ул. Академика Хохлова, 11.